РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ — УСТНАЯ ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ КИТАЯ

(рисунок тигра)

Редколлегия серии
«РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ»
В.Ц. Головачёв (председатель),
С.Г. Андреева, А.Р.Вяткин, А.И. Кобзев, Л.П. Черникова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ

СБОРНИК ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ РОССИЙСКИМИ КИТАЕВЕДАМИ

XX – XXI вв.

Том 2

Москва
ИВ РАН
2015

УДК 94 (082)
ББК 63.3 (5Кит)
Р76

Издание осуществлено при финансовой поддержке Посольства КНР в России
本書由中華人民共和國駐俄羅斯聯邦大使館資助出版

Ответственный редактор *В.Ц. Головачёв*

Рецензенты:
Н.Ю. Агеев, И.Е. Денисов (МГИМО(У)), Ю.В. Чудодеев

Р76 **Российское китаеведение — устная история.** Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. Том 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 572 с.
ISBN 978-5-89282-XXX-X

Второй том данной книжной серии содержит тексты интервью с 10 известными российскими китаеведами старшего поколения, записанные в 2011–2015 гг. Эти интервью явились частью международного проекта «Китаеведение — устная история», охватившего уже 25 стран и регионов, в том числе Россию, Австралию, Бангладеш, Бельгию, Вьетнам, Германию, Гонконг, Индию, Италию, КНР, Корею, Малайзию, Монголию, Непал, Пакистан, Польшу, Сингапур, США, Тайвань, Таиланд, Турцию, Францию, Чехию, Шри Ланку, Японию. Тексты интервью публикуются в Интернете и научной периодике, транслируются по радио и уже выходят печатными изданиями в России, Индии, КНР, на Тайване и в Японии. В интервью подробно представлены профессиональная деятельность и судьбы российских китаеведов: их биографии, учёба и карьера, научные исследования, воспоминания об учителях, коллегах и учениках, взгляды на Китай, историю отечественного и мирового китаеведения, на российско-китайские отношения и т. д. В своей совокупности публикуемые записи «устной истории» составляют уникальный, неожиданный и во многом неканонический образ отечественного китаеведения на различных этапах и переломах его развития в XX–XXI вв.

Инициатор и научный партнёр проекта:
профессор *Ши Чжи-юй* (Тайваньский государственный университет)
Initiator and academic partner of the project:
Shih Chih-yu, prof. (National Taiwan University)

Интервьюеры и редакторы публикуемых интервью:
С.Г. Андреева, А.В. Виноградов, А.Р.Вяткин, В.Ц. Головачёв, С.В. Дмитриев, А.И. Кобзев, М.Е. Кузнецова-Фетисова, В.В. Лапердина, М.А. Неглинская, Э.А. Синецкая, Л.П. Черникова.

УДК 94 (082)
ББК 63.3 (5Кит)

© Институт востоковедения РАН, 2015
© В.Ц. Головачёв (отв. ред.), 2015

ISBN 978-5-89282-XXX-X

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие академика С.Л. Тихвинского 7
Слово ответственного редактора 8
A word of the project Founder 10

ТЕКСТЫ ИНТЕРВЬЮ
Буров В.Г. 15
Васильев Л.С. 79
Виноградова Н.А. 114
Гельбрас В.Г. 125
Кобзев А.И. 163
Кожин П.М. 225
Кроль Ю.Л. 273
Новиков Б.М. 325
Синецкая Э.А. 392
Титаренко М.Л. 428

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЁН И НАЗВАНИЙ 528
SUMMARY 575

Напутствие академика С.Л. Тихвинского

«Российское китаеведение – устная история» – это очень интересный, нужный и своевременный научный проект. Шесть лет успешной работы и выход в свет 2-го тома с текстами интервью показали, что эта необычная инициатива помогает вписать новую главу в историю отечественного китаеведения. При всех различиях личных судеб, взглядов и исследований героев проекта, в основном известных и авторитетных ветеранов науки и преподавательской деятельности, их яркие устные повествования образуют в совокупности уникальный коллективный портрет нашей профессии, демонстрируют общность непростых судеб советского и российского китаеведения XX и XXI веков.

Сбережение собранных в десятках интервью сведений, как драгоценной мозаики коллективной памяти, особенно важно и для передачи этих сведений молодому поколению китаеведов, и для более полноценной презентации российского китаеведения в современной мировой синологии. При этом я разделяю подход авторов проекта, стремящихся уравновесить определённую субъективность и скорректировать спонтанные неточности устных повествований при помощи редакторских сносок и примечаний. Этот ответственный, по научному строгий подход стоит совершенствовать при дальнейшей работе, чтобы, таким образом, сознательно восходить от чисто личного восприятия китаеведной истории героями отдельных интервью к формированию наиболее достоверной общей картины событий.

Хочется пожелать долгого и успешного будущего этому многообещающему проекту, который сам по себе служит вдохновляющим примером откровенного диалога поколений, хорошего творческого партнёрства ветеранов и их преемников, а также свидетельством продолжения традиций и залогом успешного развития российского китаеведения в XXI столетии.

С.Л. Тихвинский,
академик РАН

Слово ответственного редактора

Выход в свет в 2014 году первого тома новой серии «Российское китаеведение – устная история» стал важным, давно ожидаемым и заметным событием, вызвавшим самые добрые отзывы со стороны профессионального востоковедного сообщества, а также многих российских и зарубежных читателей. В последние годы материалы интервью, как ценный исторический источник, становятся предметом всё более активных исследований, помогающих воссоздать и осмыслить судьбы отечественного китаеведения в XX–XXI вв., а также эффективно открыть его для всей мировой синологии. Этому способствуют регулярные рабочие встречи координаторов проекта из разных стран в Праге, Пекине, Москве, Тайбэе, Ханое и т. д., их многолетнее успешное сотрудничество в рамках международных научных грантов, перевод текстов интервью с языков оригинала на китайский и английский языки, публикации результатов исследований в виде статей в ведущих научных журналах, диссертаций, а также отдельных печатных сборников.

Доказательством успешного сотрудничества служат и публикуемые в данном томе тексты 10 из 15 интервью, записанных при поддержке трёхгодичного (2012–2014) российско-тайваньского научного гранта *«Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС) 2012, проект № 12-21-10000, 8122100100007*. По программе этого же гранта, 4–5 ноября 2013 г. в Тайбэе, на факультете политологии Тайваньского государственного университета, прошла научная конференция «Отступление или возрождение: развитие синологии в Чехии, Польше, Монголии и России» (Retrieval or Revival: Evolving Sinology/ China Studies in Czech, Mongolia, Poland and Russia), в которой приняли участие учёные из названных стран и Тайваня. Три из озвученных на конференции российских докладов (А.Д. Воскресенский, В.Ц. Головачёв, А.А. Писарев) уже изданы в виде статей на английском языке в спецвыпуске «Doing Sinology in Former Socialist States», на страницах гонконгского журнала «The China Review» (Vol. 14, No. 2, Fall 2014). Ещё два доклада (С.В. Дмитриев, М.Е. Кузнецова-Фетисова) о публикованы в Улан-Баторе, в журнале «Mongolian Journal of International affairs» (Vol. 19, 2014).

По глубокому убеждению организаторов проекта, настоящая синология – это не только покрытые «пылью веков» артефакты, документы или сухие научные выкладки. Как справедливо отмечает профессор Ши Чжиюй, это также гуманизм и ностальгия, это фиксируемый и сберегаемый ею образ жизни, судьбы, дух и идентичность самих учёных, выраженные посредством индивидуальной саморефлексии, чувств и импровизации. Публикуемые во втором томе тексты по-своему и уникальны, и типичны. Судьбы интервьюируемых героев (большинство из них уже преодолели почтенный 80-летний рубеж) служат органичной, весьма колоритной и значимой частью той сложной «мозаики», которую образует современное российское, «евразийское» и мировое китаеведение.

В. Ц. Головачёв,
к.и.н., с.н.с. Отдела Китая ИВ РАН

A word of the project Founder

It takes more than persevering scholars for an intellectual history with an ancient root to last through the current century, especially where modernist agendas threaten to overwhelm it into insignificant residue, if not entirely epistemological oblivion. Sinology everywhere, elusively as a discipline, is experiencing a substantial discursive gap in face of the global quest for synchronization. In contrast to synchronicity, Sinology incorporates humanism, embraces nostalgia, and thus always endures via individualized reflection, sensibility, and improvisation. Sinology preserves a way of life, a spirit, and an identity.

Various cultural roots in Sinology have powerfully, albeit silently, survived modernism in today's Japan, Korea, Mongolia, Vietnam, and India. Having emerged and diverged along with the spread of missionary, and later colonial encounter, civilizational curiosities (initiated from France, Italy, Germany and Russian, etc.) have likewise produced rich legacies of Sinology. Sinologists of different traditions lack systematic communication, though, and fall increasingly incapable of appreciating trajectories of one another. As a whole, they fail to produce a global scholarship on China as do those agendas embedded in scientific and policy curricula and undergirded by political economy. Accordingly, it takes more than courage for a contemporary to trace the legacy of his or her Sinological communities, especially after realizing in the process that sites of genealogy have all kinds of direct and indirect textual as well as personal liaisons in history that is almost beyond the scope of any single agenda.

In Moscow, the academic worlds of China studies, Chinese studies, and Sinological studies are lucky to have the Russian Academy of Sciences to support the intellectual history project. The RAS actively joined, along with many other colleagues all over the world, simultaneously and consecutively. Both the Orientology Institute and Far Eastern Institute the of the RAS have worked diligently. The Orientology Institute, under the capable leadership of Valentin Golovachev, has been especially vigorous in the publication program, culminating one tome in Russian, one in traditional Chinese, and one in simplified Chinese.

While the initial sponsorship came from National Taiwan University, whose Research and Educational Center for Mainland China and Cross-Straits affiliated with the Department of Political Science initiated the entire project

from Japan in 2002 and moved on to Russia in 2008, the RAS, together with the Ministry of Sciences and Technologies (formally National Science Council) in Taiwan, have been able to provide the continuing support since 2012 before Golovachev has been able to find independent resources in 2015.

Russian Sinology has a distinctive Eurasian component that has no parallel in other intellectual traditions that are likewise selfconsciously existent between the East and the West. This inbetween consciousness of Russian intellectual history coincides with the traveling mind of the Golovachevs, initially from the Crimea and, later, Vladivostok, where Valentin has apparently inherited the best of it to develop him into an incredibly determined and yet considerate scholar negotiating meanings and their representations between civilizations. The publication of the second volume on the oral history is both his achievement and a promise for many more to come in the future.

The globality of Sinological studies of China and humanity in general and Russian Sinology in specific will be more than selfevident as similar publications catch up little by little at other intellectual sites, geographically, religiously, and ethnically. The intellectual history of Russian Sinology and contemporary China studies thus recorded will be an indispensible foundation in the recreation of comprehensive globality.

Shih Chih-yu, professor, National Taiwan University

ТЕКСТЫ ИНТЕРВЬЮ

БУРОВ ВЛАДИЛЕН ГЕОРГИЕВИЧ

INTERVIEW WITH VLADILEN G. BUROV

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Буров Владилен Георгиевич (ВБ)	***Vladilen G. Burov***
Китаевед, д.филос.н., профессор Главный научный сотрудник, Институт философии РАН Место записи интервью: г. Москва Дата: 7 апреля 2014 г. Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ) ИВ РАН Примечания: В.Ц. Головачёв, А.И. Кобзев Продолжительность: 3 часа	Sinologist, Full Doctor (Philos.), professor, Chief Research Fellow, Institute of Philosophy (Russian Academy of Science) Place: Moscow Date: April 7, 2014 Hosted by: Valentin C. Golovachev IOS RAS Footnotes: Valentin C. Golovachev, Artem I. Kobzev Duration: 3 hours

Буров Владилен Георгиевич *(1931 г. р., Харбин). Китаевед, доктор философских наук (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Научный сотрудник Института философии РАН (с 1959). Исследователь истории классической и современной китайской философии. В работах В.Г. Бурова впервые в российской философской литературе исследованы взгляды ряда китайских философов XVII в., даётся развёрнутое объяснение материалистического характера их философии, обосновывается понятие «китайское просветительство». Впервые на русском языке и в мировой литературе даётся характеристика основных этапов развития китайской философии в 20–70-е гг. XX в., цельно изложена история марксистской философии в*

Китае. Участвовал в подготовке переводов на русский язык памятников китайской философской мысли и современных исследований.

ВГ: Здравствуйте, Владилен Георгиевич. Очень рад встрече с вами по случаю записи интервью! Представьтесь, пожалуйста, для нашего проекта.

ВБ: Меня зовут Буров Владилен Георгиевич. Я родился 7 августа 1931 года в городе Харбине, в Китае.

ВГ: Как получилось, что вы родились не в СССР, а именно в Харбине?

ВБ: Дело в том, что мой отец происходил из крестьянской семьи. Я не знаю, была ли это бедная, средняя или богатая семья. Но в ней было, помимо отца, ещё 8 братьев и сестёр. Во время 1-й мировой войны, либо Гражданской войны (не знаю) родители умерли, и все братья и сёстры отца оказались в трудном положении. Но с помощью старшей сестры, моей тёти (её подробной биографии, к сожалению, я тоже не знаю), все они встали на ноги. Мой отец был какое-то время беспризорником, потом работал на заводе. В 1926 году вступил в партию, окончил известный партийный Университет имени Свердлова[1], здание которого сейчас принадлежит РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет). Затем трудился на комсомольской работе. И в 1930-м году его послали заведующим канцелярией или общим отделом советского консульства в Харбине. Не знаю точно, как называлась его должность. Он поехал с женой, пробыл там 2 года. В Харбине я и родился в 1931 году.

ВГ: Как звали вашего отца?

ВБ: Георгий Данилович.

ВГ: А маму как звали?

ВБ: Зоя Фёдоровна. Сейчас многие критикуют Советскую власть. Но я не могу относиться совсем уже критически к Советской власти, хотя для критики её у меня есть основания, о чём я скажу ниже. Если бы не Советская власть, мой отец не смог бы закончить вуз и получить потом работу. Семья-то была всё-таки бедная — дети остались без родителей, без кормильцев... Судьба у отца была интересной. После возвращения из Китая он находился на партийной и советской работе. Интересно, что вместе с ним в аппарате Совнаркома работал отец *Игоря Азовского*, который, так же, как и я, поступил в 1949 году на китайское отделение *Московского института востоковедения (МИВ)*. Он даже был помощником члена Политбюро, но начались репрессии. Его начальника, члена Политбюро, Косиора-старшего (*Станислав Косиор*) расстреляли. Косиоры – их пять братьев было, трое из

[1] Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова основан ЦИК СССР и ВКП(б) для подготовки советских и партийных кадров. Действовал в Москве в 1918–1937 гг. и находился в здании Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского, где ныне расположен РГГУ.

которых были расстреляны. А отец ушёл работать в одно из министерств (тогда они назывались наркоматами), и из министерства уехал работать на Дальний Восток, в Магадан.

ВГ: Дальше Магадана не сошлют, да?

ВБ: Да. Интересно, что у него сохранялись контакты с помощниками членов Политбюро, с которыми он работал вместе. В 1950-е годы, когда он приезжал в Москву в отпуск, к нам домой пришёл бывший помощник *Молотова*. Как ни странно, этот человек не был арестован, но был исключён из партии. И он пришёл спросить, не может ли мой отец устроить его на работу... Был ещё другой, по-моему, Павел Сергеев, известный помощник *Сталина*. Не *Артём Сергеев*, который был приёмным сыном, а помощник. У Сталина было два помощника в 1930-е годы, Сергеев и *Двинский*. Двинский закончил свою политическую жизнь в 1950-х годах на посту министра заготовок. А Сергеева Сталин направил в 1936 году первым секретарём Дальневосточного крайкома ВКП(б)[2]. Там он был репрессирован, и Сталин ничего не сделал для его защиты. У *Микояна* тоже был помощник – *Смиртюков*, который впоследствии, вплоть до 1989 года, был управляющим делами Совета Министров СССР. Он всех пережил. Значит, Микоян его не сдал. Этого Смиртюкова я тоже видел, он к нам со своей семьёй приходил в гости. Но он тоже не мог ничего для отца сделать. Мой отец всё-таки пережил репрессии и в 1950-х годах хотел перевестись в Москву. Но у него были репрессированы три брата, хотя двое из них были низовыми партийными работниками. Недавно, при помощи одного сотрудника нашего Института, я узнал, что один мой дядя был осуждён по 58-й статье (измена Родине), но не был расстрелян. Его отправили в лагерь в Казахстан, где он умер и был похоронен. Что стало с другим репрессированным моим дядей, до сих пор не знаю. Ещё один мой дядя, единственный из всех братьев, который остался в родной деревне в Тульской области, был крестьянином. Но его тоже арестовали, и он вскоре умер. Тогда в анкетах нужно было указывать данные о репрессированных родственниках, о родственниках за границей, о пребывании в плену и на оккупированных территориях. Ну, а поскольку у отца были репрессированы три брата, то, конечно, его не могли снова взять на работу в Москву, и он продолжал работать на Дальнем Востоке. Чтобы закончить разговор о родителях, хочу сказать, что если мой отец был убеждённым коммунистом и до 1956 года никогда не высказывал сомнений в правильности политики партии и лично Сталина, то моя мать, происходившая из мещан и не имевшая высшего образования, отрицательно относилась к Сталину ещё при его жизни. Из-за этого между моими родителями часто возникали жаркие споры.

[2] Первым секретарем Дальневосточного крайкома ВКП(б) с 11.03.1933 был Лаврентьев (Картвелишвили, 1890–1938), а с 15.01.1937 по 10.10.1937 – Варейкис И.М. (1894–1939). Оба подверглись репрессиям и расстреляны.

ВГ: Кем вы сами себя считаете – китаеведом, философом или историком?

ВБ: Думаю, что я всё-таки китаевед.

ВГ: Китаевед-историк или китаевед-философ?

ВБ: И то, и другое. Китаевед – в широком смысле слова. Потому что я не только историк и философ, я и лингвист, между прочим. У меня есть несколько публикаций по китайской лингвистике и русской культуре.

ВГ: Если оценивать вас как философа, то кто вы – материалист или идеалист?

ВБ: Я сейчас отношусь скептически к этим «советским» делениям. Хотя, конечно, в истории философии они существовали – и материалисты, и идеалисты. Другое дело, что всё это было слишком вульгаризировано и идеологизировано в советское время. Но я всегда относился к этому спокойно...

ВГ: Вы допускаете, что ваше рождение в Китае было не случайно, так как оно было предопределено в прежних жизнях, и что китаеведом вы стали тоже не случайно?

ВБ: Вы знаете, я тоже думал о том, почему попал в китаеведение. Кстати, на мою судьбу повлияло моё революционное имя – Владилен (от **Влади**мир Ильич **Лен**ин), потому что отец был членом партии, и тогда такое имя было в моде.

ВГ: Имя у вас модное, действительно.

ВБ: Я думаю, что стал китаистом потому, что очень любил историю, был в школе одним из лучших учеников по истории. А в 1940-е годы внимание людей в СССР привлекала национально-освободительная борьба китайского народа против империализма, феодализма, колониализма и так далее. Поэтому я очень много читал о Китае и изучал сведения о нём. И, может быть, действительно, «проклюнулось» что-то связанное с местом моего рождения. Поэтому, когда в 1949 году я закончил школу, то уже не сомневался, что мне надо заниматься Китаем. Я и поступил в Московский институт востоковедения.

ВГ: Интересно, осталось ли у вас хоть какое-то впечатление от этого самого первого года вашей жизни, проведённого в Китае?

ВБ: Нет, абсолютно. Кстати, *А.Н. Хохлов* сказал мне, что он читал в архивах донесения моего отца из Китая в Москву (всё обещает мне дать).

ВГ: Думаю, это было бы очень интересно! А где вы учились в школе? В Магадане или в Москве?

ВБ: Я окончил начальную школу в Магадане, причём грамоты даже имел по истории, а потом учился в Москве. Хорошая была школа у нас в Москве.

ВГ: В каком году вы вернулись из Магадана?

ВБ: В 1943 году.

ВГ: То есть в разгар Отечественной войны?

ВБ: Да.

ВГ: Это было связано с работой вашего отца?

ВБ: Отец оставался там, просто условия были плохие там, в Магадане.

ВГ: Получается, что он отправил вас с мамой в Москву?

ВБ: Да.

ВГ: Когда вы впервые услышали слово «Китай» и узнали, что есть такая страна?

ВБ: В школе. Ещё в 1920-е годы в Москве был популярен спектакль *Третьякова* «Рычи, Китай!». Потом Китай стал снова популярен в СССР в 1940-е годы. Тогда началось создание мировой системы социализма, появились страны народной демократии, и тут Китай вновь стал привлекать внимание. В школе у нас был очень хороший состав учителей. У нас был учитель по русскому языку, старый интеллигент, который прекрасно знал русский язык. Я до сих пор помню одну его фразу, с помощью которой он объяснял различия в произношении слов в разных регионах России: «В Ростове-те, на заборе-те, галок-те, видимо-невидимо-те»[3]. Историю у нас преподавала Мария Владимировна Штейнгард (до сих пор помню её фамилию). Убеждённая коммунистка, еврейка по национальности. Я и сейчас с большой теплотой вспоминаю её уроки. Она очень хорошо вела уроки по истории, сама была очень увлечена ей, давала нам не просто какие-то стандартные, ординарные вещи из учебников. Благодаря ей я и полюбил историю. И, вероятно, это она привила мне интерес к Китаю.

ВГ: В тот момент, когда вы закончили школу и нужно было делать выбор, как и почему вы решили поступать в МИВ?

ВБ: Честно говоря, я не помню.

ВГ: Но вы сдавали экзамены, когда поступали в МИВ?

ВБ: Нет, у меня была серебряная медаль. Кстати, я учился в одном классе с Владимиром Волковым, у которого была золотая медаль. Долгие годы он был директором Института славяноведения РАН и трагически погиб лет 8 назад.

---

[3] В данном примере *«-те»* играет роль эмоционально-экспрессивной усилительно-уточнительной частицы.

ВГ: Как медалист вы имели право поступать без экзаменов?

ВБ: Да, выпускникам с серебряной медалью тоже давали места в вузах без всяких экзаменов.

ВГ: Кто из известных китаеведов учился вместе с вами в МИВе?

ВБ: Вместе со мной учился *Виталий Фёдорович Феоктистов*. В нашей группе учился ставший впоследствии доктором экономических наук *Владимир Савин*, который работал в Институте внешнеэкономических исследований РАН. К сожалению, он умер уже. Учились *Барышников Виктор Николаевич*, *Ларин Александр Георгиевич*. Ещё *Бони Людмила Дмитриевна*. Она докторскую диссертацию защитила по аграрным проблемам в Китае. Я уже говорил об Игоре Азовском. Помню *Игоря Голубева*, переводчика китайской поэзии, к сожалению, он рано умер. Помню и Альберта Власова, который в конце существования СССР дослужился до поста Генерального директора АПН[4]. Всего у нас было 10 групп (9 мужских и одна женская), это был самый большой курс в институте. Следующий после нас курс был также большим, на нём учился *Игорь Алексеевич Рогачёв*, бывший долгие годы послом в Китае. Многие мои сокурсники уже ушли из жизни...

ВГ: А кто из известных китаеведов преподавал вам в те годы?

ВБ: У нас преподавал *Вадим Михайлович Солнцев*. Главным преподавателем в нашей группе была *Солнцева Нина Васильевна*, его жена, которая тогда только что окончила институт. Кроме того, у нас был очень интересный человек, *Рудник Яков Матвеевич*, который преподавал историю китаеведения. В своё время он был агентом Коминтерна, знал несколько языков и был в Китае, не зная китайского, кстати сказать. Работал на связи с компартией Китая. Представляете? В 1930-е годы был арестован, хотя у него был голландский паспорт. По-моему, его сын работал в Институте востоковедения. Он тюрколог, фамилия у него была по матери – Моисеев. Рудник был арестован в Китае, приговорён к смертной казни. Но он не признался, что был советским разведчиком. После его ареста была организована международная кампания – Коминтерн тогда своих не сдавал. И его освободили. В 1930-е годы он не попал под «каток» репрессий, в 1940–1950-е годы преподавал в МИВ. После окончания института я часто встречал его в Ленинке. Он был скромным человеком. Только потом я узнал, что Рудник был разведчиком. О нём написано в книге *В.Н. Усова* «Советская разведка в Китае»[5].

ВГ: *Григорий Наумович Войтинский* преподавал у вас?

ВБ: Преподавал.

ВГ: А что именно преподавал?

---

4 А.И. Власов руководил АПН в 1988–1990 гг.

5 *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 30-е годы XX века. М., 2007.

ВБ: Историю Китая.

ВГ: Интересно он преподавал?

ВБ Интересно.

ВГ: Как личность Войтинский произвёл на вас впечатление, остался у вас в памяти?

ВБ: Остался, хотя он не рассказывал о том, что был в Китае. Тогда этого нельзя было рассказывать. Да, ещё у нас преподавал *Г.А. Ганшин*. Он тогда только начал преподавать. Он был родом из Крыма, в годы войны находился в оккупации. Но его всё-таки приняли в наш институт (МИВ). Это парадокс сталинских времён. Курс *вэньяня*[6] вёл у нас *Николай Николаевич Коротков* – известный лингвист. Был у нас также один интересный преподаватель по фамилии Романов. Он не был китаистом, но прекрасно читал нам историю партии. Рассказывал много подробностей о внутрипартийной борьбе в 1920-х годах, которых не было в известном учебнике «Краткий курс истории ВКПб». Конечно, он рассказывал всё «в нужном ключе», но приводил много фактов, которых не было в этом учебнике.

ВГ: Трудно ли было учить китайский язык?

ВБ: Вы знаете, нет. Я хорошо учился, имел пятёрки. Был у нас ещё очень хороший преподаватель – Гингольд Лев Семёнович, который потерял на фронте одну руку. Он умел хорошо «раскладывать» китайские фразы. Объяснял их грамматику так, что всё было сразу понятно. Но вы знаете, как нам преподавали язык? Спросите у тех людей, которые учились одновременно со мной! Это был «китайский метод». Нам задавали на воскресенье текст, который к понедельнику надо было знать наизусть!

ВГ: Это была зубрёжка?

ВБ: Да, зубрёжка. Зубрили, даже не зная грамматики. Нам давали произношение этих слов – и всё! И потом уже всю неделю мы этот текст разбирали. Вот, такая система была. Сейчас совсем по-другому учат уже...

ВГ: Это хорошо, что вам легко давался китайский язык. Но в какой-то момент вам пришлось определяться со своими интересами, писать курсовые, а потом и дипломную работу. Как определилась тема ваших интересов?

ВБ: Сначала я писал курсовые работы по экономике и истории. А потом уже перешёл к истории философии.

ВГ: Кто руководил вами, когда вы писали курсовые и дипломную работы?

---

[6] *Вэньянь* – букв. «письменный язык». Архаичный китайский язык, воспроизводящий грамматику и лексические особенности древнекитайских текстов. До начала XX в. был единственным языком официальных документов в Китае (исключение – эпоха монгольской династии Юань).

ВБ: Ганшин. Дипломную работу я писал по экономике.

ВГ: Вы не помните точное название темы своей дипломной работы?

ВБ: Честно говоря, не помню.

ВГ: Хотя бы примерное название?

ВБ: Что-то связанное с народным хозяйством Китая в период становления КНР. По новейшим материалам, которые нам давали.

ВГ: Интересно ли было писать диплом?

ВБ: Интересно. Тем более что у нас в МИВе была очень хорошая библиотека. Все это потом передали в МГИМО, когда наш институт ликвидировали.

ВГ: Вы успели закончить МИВ до его закрытия?

ВБ: Я закончил МИВ в 1954 году. Наш курс был последним выпуском МИВа. А его ликвидировали как раз в 1954 году, если мне память не изменяет.

ВГ: А с распределением как решился вопрос?

ВБ: Нас распределили работать на выставку.

ВГ: Какую выставку?

ВБ: Выставку советских достижений в Китае.

ВГ: То есть вас послали в Китай сразу после окончания учёбы?

ВБ: Да, послали работать переводчиком на выставку. Это было в 1954 году. В 1954 году было специально построено три выставочных здания – в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу. Эти выставочные комплексы в чём-то похожи на комплекс ВДНХ в Москве и существуют до сих пор. В Пекине, по-моему, там сейчас находятся магазины и ресторан «Москва». А выставочный комплекс в Шанхае расположен с левой стороны шоссе, когда едешь из старого аэропорта. Что там сейчас, не знаю. Многих из нас послали туда. Примерно человек 50 выпускников.

ВГ: Но это замечательное распределение!

ВБ: Почему?

ВГ: Потому что послали работать по специальности, и сразу – в Китай!

ВБ: Ну да, в Китай. Кстати, я вам расскажу интересный случай. Мы поехали в Китай в начале сентября 1954 года. А в конце сентября в Пекин, на выставку, прибывает советская правительственная делегация. Я тогда работал в выставочном зале высшего образования. Увидел, как шла делегация, в том числе *Хрущёв*, Микоян, *посол Юдин* и *Мао Цзэ-дун* с другими китайцами, которые сопровождали делегацию. Я помню, как Мао поздоровался с нами, и это была моя первая встреча с ним.

ВГ: Мао пожал вам руку?

ВБ: По-моему, да. Китайцы мне потом говорили, что пожал. И просили: «Давайте пожмём вашу руку, потому что вам пожал руку сам Мао Цзэ-дун!» Возможно, и пожимал. Мне запомнилось только, что у Микояна шнурки развязались в нашем зале, и он их завязывал снова...

ВГ: Видели ли вы Мао потом?

ВБ: Второй раз я его увидел в 1958 году, в Шисаньлине, под Пекином. Я тогда был в Пекине в качестве аспиранта, и нас послали на один день на строительство водохранилища...

ВГ: Когда вы вообще впервые увидели живого китайца, где и как?

ВБ: Первого живого китайца я увидел на аэродроме в Пекине. Вы знаете, с кем я летел тогда в самолёте в Китай? С нами летела военная делегация Польши во главе с маршалом *Спыхальским* – это известный человек, который был репрессирован в 1949 году, во время истории с *Гомулкой*. А в 1956 году Спыхальского освободили и сразу сделали министром обороны. И когда мы прилетели в Пекин, нас всех задержали, а они первыми вышли. Там их встречал почётный караул, оркестр и всё прочее... А потом и нас выпустили. Я помню, что нас привели в зал ожидания, в зал для приёма гостей. Там нас угостили чаем, и я увидел первого настоящего китайца. Это были встречающие нас люди. Прошу прощения, первых китайцев я увидел в 1953 году, не помню, в каком месяце, но точно в 1953 году, вскоре после смерти Сталина. Нас, студентов, тогда послали на Ярославский вокзал встречать какую-то официальную китайскую делегацию. Была торжественная встреча с приветственными речами. Глава китайской делегации в своей речи употребил слова о руководстве СССР (или КПСС, не помню) во главе с товарищем Маленковым. То есть тогда китайцы думали, что преемником Сталина является Маленков. И ещё, в нашем Институте востоковедения на пятом курсе училась одна китаянка, дочь профессиональных революционеров – *Ю-фэй Бострем*. Её отец после 1949 года был председателем правительства провинции Чжэцзян. После 1949 года, вернувшись в Китай, она работала профессором русского языка в одном из университетов г. Чанша. Ю-фэй Бострем не было её настоящим именем. Кто-то мне потом говорил, что в целях конспирации ей дали шведскую фамилию. На самом деле её звали то ли Чжан, то ли Шан. Несколько лет тому назад она неожиданно напомнила о себе телефонным звонком. В разговоре со мной Ю-фэй выражала несогласие с переводом стихов, по-моему Ли Бо, на русский язык. Ведь она фактически билингва и хорошо знает оба языка. В июне этого года я был экспертом на китайско-русском молодёжном форуме в Самаре и встретил там студентов из университета, в котором она работала преподавателем. Они мне рассказали, что Ю. Бострем (я знал её

под таким именем) уже на пенсии, у неё проблемы со здоровьем – она плохо слышит и видит. Жаль! Я запомнил её молодой красивой девушкой.

ВГ: Было ли это для вас важно психологически – впервые ступить на землю Китая?

ВБ: Конечно, важно! Было интересно, и я был очень доволен. Ведь я учился 5 лет, и вдруг впервые приехал в Китай, чтобы теперь там работать! Из аэропорта нас привезли в гостиницу «Мир» (Хэпин), которая находилась в переулке Золотой Рыбки (Цзиньюй хутун), около рынка Дунъаньшичан, первого универмага, существующего поныне, и магазина иностранной книги в районе улицы Ванфуцзин. Там эта гостиница до сих пор существует, немножко отреставрирована она сейчас. А в то время это была новая гостиница – одна из первых, построенных народной властью. В этой гостинице мы жили вдвоём с моим другом, который учился в моей группе. Не знаю, жив ли он сейчас или нет. Условия в комнате были великолепными, и питание было великолепное. Вы представляете, приехать в такие условия после Советского Союза! В нашей гостинице я как-то встретил супружескую пару известных советских кинооператоров – Шеленкова и Чэнь Ю-лань. Конечно, нельзя сказать, что мы очень бедно жили в 1950-е годы в СССР. Тем не менее, в Пекине у нас были великолепные условия. А когда мы работали в Шанхае, то жили в гостинице, которая тоже называлась «Мир», она выходит на набережную Вай-тань. Это первая гостиница от начала улицы Наньцзиндунлу. Условия жизни тоже были великолепными. Эта гостиница существует до сих пор.

ВГ: Когда же вас перевезли из Пекина в Шанхай?

ВБ: В Пекине мы работали примерно месяца три. Потом нашу выставку перевезли из Пекина в Шанхай.

ВГ: Как долго пробыли в Китае в свой первый приезд?

ВБ: Я вернулся в Москву где-то в июне или в июле 1955 года. Провёл тогда в Китае около 10 месяцев. Потом остальные сотрудники выставки поехали в Гуанчжоу, а я не поехал. Дело в том, что как раз тогда я уже подавал заявление в аспирантуру в это здание, где мы с вами записываем интервью. Тогда здесь тоже был Институт философии. Экономика, по которой я писал дипломную работу, показалась мне неинтересной. Поэтому в августе 1954 года я сдал экзамены в аспирантуру Института философии, но не стал ждать результатов и уехал в Китай. Через год я не поехал в Гуанчжоу, где, повторяю, тоже была выставка, а вернулся в Москву и стал аспирантом. И вот, с тех пор, с 1955 года, я здесь и обитаю. В следующем году будет уже 60 лет, как я работаю в этом здании. Ни разу не менял места своей работы, правда, уезжал в длительные командировки.

ВГ: В тот первый год жизни в Пекине и Шанхае, какой город был беднее, и где вам лучше жилось?

ВБ: Пекин, конечно, был беднее. Шанхай даже тогда был европеизированным городом. Это ощущается и сейчас. Может быть, я ошибаюсь, но шанхайцы более свободные в общении люди, более раскованные. И мне кажется, что шанхайские женщины красивее, чем пекинские. Конечно, сейчас обстановка во всей стране меняется. Но Пекин всё-таки более официальный город, как тогда, так и сейчас. В Пекин съезжались люди из самых разных провинций Китая: партийные и государственные чиновники, военнослужащие и т. д. А Шанхай – город торговый, коммерческий и финансовый центр. Поэтому там живут другие люди, построены другие улицы. В Шанхае была другая обстановка. Нам по приезде рассказывали об истории Шанхая, в том числе почему-то о том, что в городе была развита проституция, поэтому власти проводили специальные кампании по борьбе с ней. Собирали всех проституток в одно место – на фабрики, например, где потом они занимались физическим трудом.

ВГ: Вы уже не видели проституток в Шанхае? Или видели, но не признаётесь?

ВБ: Нет, не видел проституток – не было тогда уже их. Их убрали с улиц. И школы перевоспитания – на фабриках и предприятиях – тоже не видел.

ВГ: Как относились к вам китайцы в те годы?

ВБ: Отношение было очень хорошее со стороны китайцев, прямо скажу. Был период искреннего увлечения Советским Союзом. Советский Союз был образцом для Китая, хотя у нас, в СССР, естественно, тогда было много больших проблем. Но китайцы, которые с нами работали, не бывали в СССР. Поэтому они не могли видеть те проблемы, недостатки, которые имелись в нашей стране; они с восторгом относились к Советскому Союзу, называли его *сулянь лао дагэ*.

ВГ: То есть «Советский Союз – старший брат».

ВБ: Да. Не только те люди, которые работали с нами, но даже дети изучали русский язык. Многие тогда учили и знали русский язык, как сейчас учат английский.

ВГ: Вы почти год провели вне СССР. Это первое пребывание за границей, в Китае, изменило вас? Как и насколько? Ваши взгляды на жизнь изменились после этого?

ВБ: Нет, они не изменились, я просто понял, что не ошибся и сделал правильный выбор. Я понял, что Китай – это страна, которая заслуживает изучения. Тогда, как и сейчас, тоже была мода на Китай. Но это не была мода, продиктованная какими-то коммерческими соображениями или просто стремлением попутешествовать. То была мода политического характера.

ВГ: То есть после Китая вы определились с профессией навсегда?

ВБ: Я определился ещё до этого. Уже после окончания дипломной работы я хотел сразу поступить в аспирантуру. Почему? Честно говоря, трудно сказать. Но я начал читать книги по истории китайской философии. Прочёл тогда работу *Ян Хиншуна* про *Лао-цзы* и сам трактат *Дао-дэ цзин* в его переводе. Потом ещё что-то я читал, по-моему *А.А. Петрова*, до первого поступления в аспирантуру в 1954 году. Поэтому я решил оставить тему экономики, хотя Г.А. Ганшина я уважал. Он был моим первым научным руководителем, человеком серьёзным, хотя и молодым кандидатом наук. В итоге я не поехал в Гуанчжоу и вернулся в Советский Союз.

ВГ: Почему вы всё-таки выбрали для поступления Институт философии? Как был сделан этот выбор?

ВБ: Меня, как я уже сказал, увлекла история китайской философии. Тогда в Институте философии было два китаиста – во-первых, Ян Хиншун, он был уже доктором философских наук. До прихода сюда, в институт, я его лично не знал, но находился под влиянием его имени и его работ.

ВГ: А кто был вторым китаеведом?

ВБ: Им был *Сенин Николай Герасимович*. Он был моим научным руководителем в аспирантуре. Но скажу вам одну интересную вещь. Почему, например, я укрепился в выборе темы для своей кандидатской диссертации? Дело в том, что когда я уехал первый раз в Китай на выставку, в голове у меня была идея серьёзно заняться историей китайской философии. И я, приехав в Китай, хотел найти контакт и посоветоваться с кем-то из китайских философов. Для меня это было очень важно!

ВГ: Конечно, возможность-то хорошая была у вас!

ВБ: Да. Возможность была такая. Может, я не помню или ошибаюсь, но тогда у нас всё-таки были строгие правила общения с иностранцами, даже с китайцами...

ВГ: Да, кстати, это интересный вопрос. Вас ограничивали?

ВБ: По-моему, я обратился с этой просьбой то ли официально через наше посольство в Пекине, то ли через кого-то ещё, то ли через китайцев, которые работали на выставке. В итоге мне устроили встречу с известным профессором Пекинского университета *Жэнь Цзиюем*.

ВГ: Это известное имя.

ВБ: Да. Я не помню, как и с кем приехал. Но точно помню, что не сам к нему приехал. И мы с ним разговаривали. После этого мы сохранили хорошие отношения на всю жизнь. Эта встреча состоялась осенью 1954 года. Я сказал Жэнь Цзиюю (не помню, в этот первый раз или позднее), что хочу заниматься историей китайской философии. Что есть *Конфуций* и Лао-

цзы, но я хочу заниматься средневековой китайской философией. «Кого вы мне посоветуете изучать?» – спросил я. И он мне посоветовал Ван Чуань-шаня.

ВГ: Это который *Ван Фу-чжи*, да?

ВБ: Да. Идут споры, как его вообще называть – Ван Чуань-шань или Ван Фу-чжи. Помню, *Л.З. Эйдлин* как-то спросил меня на одной из конференций: «Ну, почему вы его называете Ван Чуань-шань, если он всё-таки Ван Фу-чжи?». Я ответил, что мне так больше нравится. У меня так и книга первая называется – «О мировоззрении китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня»[7]. Это моя кандидатская диссертация. Понимаете, о Конфуции и о Лао-цзы писали тогда. А вот о средневековых китайских философах до сих пор мало исследований, а тогда – тем более. В то время была лишь одна работа ленинградского учёного *Я.Б. Радуль-Затуловского*, где говорилось о *Ван Ян-мине*, и то в связи с историей японской философии[8].

ВГ: То есть вы хотели выбрать период и философа, который мало изучен...

ВБ: Да он вообще не был изучен! Вот так получилось, что я познакомился с Жэнь Цзиюем.

ВГ: Вы сказали, что видели Мао Цзэ-дуна во второй раз в 1958 году? Как это произошло? И как вы снова оказались в Китае?

ВБ: Как я уже говорил, осенью 1955 года я поступил в аспирантуру. А через некоторое время, по соглашению между нашими странами, получил возможность поехать в Китай на стажировку.

ВГ: Замечательно! Прямо всё идеально у вас тогда складывалось!

ВБ: Да, идеально! Меня послали в Институт философии Академии наук Китая в Пекине. Там я попал в сектор истории китайской философии, которым руководил профессор *Фэн Ю-лань*. Это был очень интересный человек. Умный, знающий, эрудированный, но умеющий держать нос по ветру. Конечно, ему было тяжело, учитывая тогдашнюю идейно-политическую ситуацию в стране. Профессор Фэн Ю-лань учился в США, был знаком со многими американскими философами, а в Китае в тот период проходили кампании критики буржуазной идеологии, философии, в том числе прагматизма и т. д. Представляете, каково ему было! Иногда он просил меня выступать на секторе. Обращаясь ко мне, говорил: «Пусть нам что-нибудь скажет молодой советский философ».

ВГ: По-китайски выступать приходилось?

---

7 *Буров В.Г.* Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. М., 1976.

8 *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 1947.

ВБ: Конечно, по-китайски! Тогда я не знал так китайский язык, как сейчас. В то время Институт философии и вся Академия наук Китая находились в Чжунгуаньцуне. Здесь располагалось общежитие, в котором жили советские стажёры, и я там жил. Вы знаете *Михаила Кузьмича Румянцева*? Вначале я жил в одной квартире вместе с ним. *Я.М. Бергер* жил рядом, мы все были на стажировке.

ВГ: Будущий академик *Титаренко* тоже был вместе с вами?

ВБ: В то время Михаил Титаренко был студентом МГУ, и в Китай он приехал студентом. А я был уже аспирантом. Я жил в трёхкомнатной квартире вместе с М.К. Румянцевым, позднее – с тибетологом *Юрием Парфионовичем*, а также с чешкой *Миленой Велингеровой*. Она занималась китайской литературой. Говорят, что, вернувшись в Чехословакию, она позднее уехала в США. Жива ли она – не знаю. Милена не очень любила нас, русских, к сожалению. Но не будем на эту тему...

ВГ: Давайте тогда вернёмся к Мао Цзэ-дуну.

ВБ: Давайте. Я приехал в Китай в сентябре 1957 года. Меня снова встретили китайские товарищи. Жил я, как уже говорилось, в Чжунгуаньцуне, в общежитии, которое находилось рядом с Институтом философии. Потом, правда, Институт почему-то перевели на Цзяньгомэнь, и я переехал в общежитие Академии наук. Оно находилось на том месте, где сейчас построено большое здание Академии общественных наук Китая. А рядом, внизу во дворе, были институты. Вначале моим руководителем был профессор Жэнь Цзиюй. Но затем начался *ся фан* (下放). *Ся фан* – это отправка кадров и интеллигенции на перевоспитание в деревню или на заводы, на физический труд и на общение с простым народом.

ВГ: Народные коммуны?

ВБ: Да, народные коммуны, это были 1957–1958 годы, и они как раз создавались. Жэнь Цзиюй был уже профессором. Кстати, он был родственником Фэн Ю-ланя. Да, с нами на стажировке был ещё *Быков Фёдор Степанович*. Он занимался китайской философией. Потом ушёл на работу в МИД и бросил философию. Он в Институте востоковедения писал и защищал диссертацию. Его диссертация была посвящена раннему периоду китайской философии. Быков стажировался на философском факультете в Пекинском университете. Я был аспирантом в Институте философии, но жил недалеко от университета и ходил на факультет просто через дорогу. Слушал лекции Фэн Ю-ланя и других философов. В Институте философии моим научным руководителем считался Фэн Ю-лань, но мы только иногда с ним встречались и разговаривали. Я больше общался с сотрудниками сектора, среди которых были известные учёные. Кроме того, я тогда работал над изучением трудов Ван Чуань-шаня, и мне в помощь дали в наставники (*дао-ши*) *Ван Фан-чжи*. Это был серьёзный учёный пожилого

возраста. Он хорошо знал тексты, и мы вместе с ним их разбирали. Он приходил работать ко мне домой, поскольку условия у меня были хорошие, у каждого стажёра была своя комната.

ВГ: То есть у вас был китаец-консультант, который персонально помогал вам в работе с текстами. А трудно было понимать университетские лекции, которые читали по-китайски?

ВБ: Трудновато было, конечно, не скрою. Потом, постепенно, стал их понимать. Это были обычные общие лекции для китайцев. Однажды, незадолго до моего отъезда в Москву, Фэн Ю-лань пригласил нас с Быковым к себе домой. Как я уже говорил, советские люди были тогда популярны в Китае. Пришли мы к Фэн Ю-ланю, вначале обсуждали научные проблемы, а затем он говорит: «Спойте русскую песню!». Мы с Быковым спели ему «Катюшу», это я помню до сих пор. В 1986 году я вновь был в гостях у Фэн Ю-ланя, но тогда ему было трудно говорить, и мне помогала в общении с ним его дочь, профессор китайской литературы. Фэн Ю-лань жил в одном из «двориков» (*юань-цзы*) на территории Пекинского университета. Не знаю, существуют ли они до сих пор или нет. Там жили многие известные и знаменитые профессора, в том числе и Фэн Ю-лань. Когда меня перевели в общежитие на Цзяньгомэнь и я уже не ходил на лекции Фэн Ю-ланя, тогда у меня появился другой руководитель, профессор *Хоу Вай-лу*. Он был директором одного из институтов истории.

ВГ: Тоже очень известный учёный.

ВБ: Тогда было три института истории: древней истории и археологии, новой истории и новейшей истории. Хоу Вай-лу был директором второго института – новой истории. Ему помогали в работе со мной два аспиранта. Один из них сейчас жив, его зовут Чжан Ци-чжи. Он – ученик Хоу Вай-лу. Впоследствии он стал ректором Северо-Западного университета в Сиани. В настоящее время он работает и в Сиани, и в Пекине, в Университете Цинхуа. Издательством Пекинского университета издана так называемая «золотая серия» из 50 книг. Там книги по разным разделам науки, в том числе по истории, философии, искусству, литературе, языку. Одна из книг называется «15 лекций по истории Китая». Она написана не в хронологическом плане, а в проблемном. Её главный редактор – Чжан Ци-чжи. В своё время российское издательство «Весь Мир» предлагало мне взять на себя перевод и редактирование этой книги. Я отказался. Потом за это взялись другие люди. Не знаю, перевели её или нет.

ВГ: Хотелось бы снова спросить про вашу вторую встречу с Мао Цзэ-дуном?

ВБ: В мае 1958 года (кажется, это было 18 мая) всех нас – и аспирантов, и студентов иностранных – отправили на строительство водохранилища в Шисаньлине. Туда приехал в тот день и Мао Цзэ-дун.

ВГ: Это было что-то вроде субботника?

ВБ: Да, типа субботника. Там работали китайцы-студенты. И мы тоже. И видели Мао. Он был в простой одежде, подошёл к нам, поздоровался. Здоровался ли с нами Мао за руку, я уже не помню, честно говоря. Много времени прошло. В общем, он приветствовал нас, пожелал успеха и пошёл дальше. Может быть, даже сам где-то там что-то покопал, не помню.

ВГ: Как долго длилась ваша вторая поездка в Китай?

ВБ: Полтора года. Я пробыл с сентября 1957 года до весны 1959 года. Мне продлили пребывание. Кстати сказать, продлили на моё счастье. Первоначально моя командировка была рассчитана на один год, и я должен был улетать в октябре 1958 года. И если бы мне не продлили стажировку, то мог бы погибнуть! Вы слышали про такого человека, как *Чжэн Чжэньдо*? Это был известный китайский литератор и партийный деятель, он был тогда заместителем министра культуры КНР. В общем, в октябре 1958 года он летел в Москву самолётом, и у меня тоже билет был взят на этот рейс. Их самолёт разбился в Чувашии. А мне как раз пришло сообщение о продлении моей командировки на полгода, поэтому я с ними не полетел. Так что, видите, как обходится с нами судьба!

ВГ: Про субботник в Шисаньлине вспоминали и другие герои наших интервью. Например, *Зинаида Григорьевна Лапина*. Вы помните её пребывание в Китае?

ВБ: Я помню, конечно. Хорошо её знаю. Знаю её мужа, Кима Ивановича Шилина, который работал в нашем институте.

ВГ: Вы были знакомы в те годы в Пекине?

ВБ: По-моему, мы в Пекине познакомились. Потому что я окончил МИВ, а они учились на истфаке МГУ. В Пекине сейчас живёт однокурсница Лапиной – дочь Ян Хиншуна. Её зовут Наташа Ян. Она вышла замуж за китайца и вернулась на родину отца. Работает до сих пор в Бюро переводов при ЦК КПК. В Пекинском университете тогда учились Наташа Ян, Зина Лапина и *Ира Ермаченко*. Там было тогда много советских студентов – *Наташа Свистунова*, *Саша Ларин* и другие, всех не помню. И я ходил к ним в общежитие.

ВГ: Ходили в общежитие на свидание или просто в гости?

ВБ: Просто так в гости ходил, никаких свиданий там не было.

ВГ: Ну, а как же свидания-то? Некоторые китаеведы даже там женились на китаянках. *Михаил Васильевич Крюков*, например.

ВБ: Ну, да. Крюков вообще молодец. Единственный из всех советских и иностранных студентов он жил в китайском общежитии, условия в котором были не ахти какими. Он и питался в китайской столовой. Мы же все

ходили в специальную столовую для иностранных студентов. Поэтому к Мише Крюкову я отношусь с большим уважением и как к учёному, и как к человеку.

ВГ: Крюков тоже учился с вами одновременно?

ВБ: Он был студентом. Он окончил институт на год позже меня. После его окончания он поехал в Китай студентом и прошёл там полный курс обучения. Но женился не только он. На китаянках женились ещё двое или трое наших студентов. Правда, то были неудачные браки. Только у Крюкова брак крепкий, а остальные, по-моему, все развелись.

ВГ: Выходит, во время учёбы в Китае вас интересовали «только самолёты»?

ВБ: Нет, я там женился. Там я встретил свою первую жену.

ВГ: Вы женились на советской девушке?

ВБ: *Семенас Алла Леоновна* – известный китаевед, доктор филологических наук. Там я на ней женился.

ВГ: Это было счастливое время для вас?

ВБ: Счастливое. Был Китай. Потом, у нас всё время были хорошие материальные условия. У студентов условия похуже всё-таки были. А у меня были лучше, потому что я жил в общежитии Академии наук. В общем, материально мы жили лучше, чем в Москве.

ВГ: Понятно. Интересно, а как оказалась в Китае ваша супруга? Она тоже училась там?

ВБ: Она была студенткой. Училась вместе с Лапиной, Наташей Ян, Ермаченко. Но она училась, как я уже сказал, на факультете китайского языка в Пекинском университете. Советских студентов в нём было много, человек 15. Кроме наших студентов учились также студенты из стран народной демократии, больше всего было албанцев. *Стах Кучера* в то время также учился в Пекинском университете.

Теперь я хочу всё же поподробнее сказать о моём основном, главном научном руководителе, профессоре Хоу Вай-лу. Общение с ним дало мне многое, прежде всего в понимании взглядов «четвёрки» виднейших китайских философов XVII века – *Хуан Цзун-си*, *Гу Янь-у*, *Янь Юаня* и, конечно, Ван Чуань-шаня. Мы встречались с ним и в институте, и у него дома, я бывал там не один раз. Он жил в *юань-цзы* в районе Дундань. Вы знаете, у меня есть книга – «Китай и китайцы глазами российского учёного»[9]. Вы читали её?

ВГ: Пока нет.

[9] *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000.

ВБ: Так вот, там я написал о моём учителе, о Хоу Вай-лу, в том числе и о его дворике *юань-цзы*. Когда я снова приехал в Китай через много лет, то ездил с его внуком на кладбище Бабаошань в Пекине, чтобы отдать дань памяти своему учителю. Я описываю в своей книге, как был в колумбарии, где находится урна с его прахом. Потом мы поехали в тот старый *юань-цзы*, где когда-то жил мой учитель и где я у него бывал. Теперь это уже фактически коммунальная квартира. (В начале 1980-х гг. Хоу Вай-лу получил новую квартиру в доме современной постройки.) Я пишу в своих воспоминаниях о том, что с помощью китайских друзей я перевёл свою работу о Ван Чуань-шане на китайский язык. Прочитав её и высказав ряд замечаний, Хоу Вай-лу дал на неё положительный отзыв. Хоу был очень известным учёным, автором многих работ по истории китайской мысли, в том числе средневекового периода. В 1944 году он опубликовал монографию о взглядах Ван Чуань-шаня. Он был большим другом Советского Союза. В годы «культурной революции» Хоу Вай-лу подвергался преследованиям, был лишён возможности заниматься научной работой. Не сумев оправиться от пережитого, он скончался в 1987 году. Когда я уезжал из Пекина на родину, Хоу Вай-лу вместе со своей семьёй пригласил меня в ресторан на Ванфуцзине, где я впервые познакомился с «китайским самоваром» (*хо-го*). Можно сказать, что он тепло меня проводил, и я это помню до сих пор.

ВГ: Как вы считаете, насколько полезной была вся поездка и пребывание в Китае для вашей диссертации?

ВБ: Поездка помогла очень. Потому что, во-первых, я смог познакомиться с текстами Ван Чуань-шаня. Кстати сказать, я привёз из Китая старые ксилографы (ксилографические издания его трудов). Но они погибли 8 лет назад. У нас в доме на 12 этаже был пожар, а они у меня находились на балконе. Естественно, закрытые от дождей, они лежали в специальном чемодане, который я купил на Дунъаньшичане[10]...

ВГ: Это были настоящие старые ксилографы?

ВБ: Да! Это собрание сочинений Ван Чуань-шаня, которое издал *Цзэн Го-фань*. Он, как и Ван Чуань-шань, тоже хунанец[11]. Но Ван был человеком, настроенным антиманьчжурски. А Цзэн служил маньчжурам[12]. Но, всё-таки, у китайцев и тогда было развито национальное чувство – даже у тех, кто находился на службе у маньчжур.

ВГ: В любом случае они были земляками.

---

[10] Дунъаньшичан – рынок Дунъань. Известный старый городской рынок в центре Пекина.

[11] То есть уроженец провинции Хунань.

[12] Маньчжуры – коренное население Северо-Восточного Китая. В XVII в. захватили весь Китай, основав маньчжурскую династию Цин (1644–1912).

ВБ: Да, земляки... Я хранил эти книги на открытом балконе, а не в квартире, потому что площадь квартиры не позволяла. Я бывал в квартире у Лотмана в Тарту. Он с женой, тоже известным учёным, жил в четырёхкомнатной квартире. Книг у него было так много, что они не помещались в книжных шкафах и лежали просто на полу. А спал он, по-моему, на раскладушке, которая стояла рядом с письменным столом. Конечно, у меня нет такого количества книг, как у Лотмана, но всё-таки... Так вот, кто-то бросил сверху окурок сигареты, и случился пожар. Сгорело две квартиры на девятом и десятом этажах. Хорошо, что я живу на шестом. Были вызваны пожарные машины, которые потушили пожар, но эти мои книги сгорели. После этого мне пришлось остеклить балкон. Полное собрание сочинений Ван Чуань-шаня у меня было!

ВГ: Библиографическая редкость!

ВБ: Конечно!

ВГ: Трудно ли было работать с этими текстами?

ВБ: Да. Но у меня были китайские консультанты. Понимаете, я об этом писал и в диссертации: одно дело – читать Конфуция, при всём том, что это трудный древнекитайский текст. Другое дело – читать Вань Чуань-шаня. Чтобы знать его и других средневековых философов, нужно читать не только их тексты, но и работы, принадлежащие их предшественникам, ибо многие труды того же Ван Чуань-шаня носят комментаторский характер. Ван Чуань-шань, как и *Чжу Си*, написал самое большое количество работ из всех китайских философов. Я этого не знал, когда брался за его труды. Жэнь Цзиюй предлагал мне выбрать: Хуан Цзун-си, Гу Янь-у или Ван Чуань-шаня. При этом он почему-то особенно хвалил Ван Чуань-шаня. Я и взял его в 1954 году, не зная даже, что у него столько работ, громадное количество! Я, естественно, не читал их все, многие только просматривал. Ведь у него имеются комментарии и к Лао-цзы, и к Чжуан-цзы. И *Ван Ян-мина* он затрагивает, и *Чжан Цзая* комментирует, и Чжоу Дунь-и – всё у него есть! Он написал также обширный комментарий к работе средневекового историка и мыслителя *Сыма Гуана – Ду Тунцзянь лунь*. У Ван Чуань-шаня было очень много работ, поэтому изучать его – это титанический труд! Вот почему я и кандидатскую диссертацию защитил не в срок, а через три года после окончания аспирантуры. Нужно было освоить его наследие.

ВГ: Нужно было прочесть, перевести и осмыслить.

ВБ: Да. Переводы у меня остались, они не погибли. Я переводил много и жалею, что до сих пор не издал их. В своей книге про Ван Чуань-шаня я дал только очень небольшой перевод. В Китае я получил возможность не только читать тексты, но и приобретать книги на Дунъаньшичане – там были тогда книжные развалы. Я получал консультации и научное руковод-

ство со стороны китайских коллег. Наконец, имел возможность посещать библиотеки. Я ходил работать в Пекинскую библиотеку, которая тогда находилась около Бэйхая, ходил в Библиотеку Китайской академии наук. В Институте философии тоже была неплохая библиотека. Я участвовал в научных конференциях и симпозиумах, познакомился со многими китайскими философами – и с известными, и с молодыми. Например, я бывал в гостях у профессора Хэ Линя, известного специалиста по западной философии; бывал у профессора *Чжу Цянь-чжи* – это был человек удивительной политической и творческой судьбы. В 1920-х годах Чжу Цянь-чжи являлся приверженцем анархизма, позднее обратился к серьёзному изучению философской компаративистики. В результате он пришёл к мнению, что европейское просвещение XVIII века возникло под влиянием китайской философии, в частности конфуцианства. Чжу Цянь-чжи был увлечён этой идеей и с воодушевлением её пропагандировал. В 1957–1958 годах у него появилось несколько публикаций на эту тему. Я несколько раз разговаривал с завсектором диалектического материализма Института философии профессором Фэн Дином. Он был серьёзным исследователем марксистской философии, отнюдь не догматиком. Помню, однажды летом 1958 года я шёл из института к себе домой в общежитие и по дороге случайно встретил Фэн Дина. Он пригласил меня вместе с ним пообедать в расположенной неподалеку столовой. Я, конечно, согласился. Во время обеда разговаривали о последних событиях в стране – борьбе с «правыми элементами» и «большом скачке». Естественно, говорил только он, а я слушал. Вспоминая впоследствии наш разговор, я понял одну вещь – Фэн Дина мучили сомнения в правильности тогдашнего политического курса, но высказывал он своё мнение не прямо, а иносказательно.

Если мне память не изменяет, в мае 1958 года проходила первая Всекитайская конференция философов. Я на ней присутствовал, познакомился со многими философами, в том числе из провинциальных городов. На конференции я встретил *Ай Сы-ци*, работа которого уже была переведена в Советском Союзе. Встретил ректора Уханьского университета, участника I съезда КПК *Ли Да*, работы которого 1920-х годов по теории социологии, написанные с марксистских позиций, трудно переоценить (в 1980-е годы я опубликовал несколько статей о его творчестве).

Будучи на стажировке в Институте философии Китайской Академии наук, я имел возможность встречаться с его директором – видным марксистом *Пань Цзы-нянем*, а также с замдиректора, известным специалистом по логике *Цзинь Юэ-линем*. В те годы в аспирантуре Института философии учились два молодых человека, ставших впоследствии известными учёными, – *Ли Цзэ-хоу* и *Жу Синь*. Ли Цзэ-хоу – автор многих работ по истории китайской мысли, а начинал он с изучения эстетики. Его имя широко известно не только в Китае, но и в США. Жу Синь написал ряд серьёзных

работ по марксистской философии, был директором Института философии, вице-президентом КАОН. Во время своей стажировки я не ездил по Китаю, потому что тогда не разрешали иностранцам особенно разъезжать по стране.

ВГ: Вы совсем не путешествовали тогда по Китаю?

ВБ: Нет. В то время нет.

ВГ: Просидели все полтора года в Пекине?

ВБ: Да. Просидел в Пекине полтора года. Но я не жалею. Я жил в Пекине с сентября 1957 по апрель 1959 года. Тогда в Китае происходили важные общественно-политические события – борьба с «правыми элементами», «большой скачок», организация «народных коммун». И всё это было на моих глазах, я был их свидетелем. Хорошо помню кампанию по написанию *дацзыбао*. Когда я посещал Китайский Народный университет в Пекине, то мне зачастую приходилось быть очень осторожным и изворотливым при ходьбе по их территории. *Дацзыбао* были оклеены не только все стены учебных корпусов, аудиторий и общежитий. Из-за нехватки места их зачастую клали прямо на землю. Между студентами шло соревнование – кто больше напишет *дацзыбао*. Что касается борьбы с «правыми элементами», то дело порой доходило до анекдотичных случаев: в Пекинском университете у меня было два знакомых аспиранта, которые так же, как и я, занимались изучением истории китайской философии. Вдруг один из них неожиданно исчез, и никто не объяснял, что с ним произошло. Потом, правда, по секрету мне сказали, что он был отчислен из аспирантуры только за то, что «увлекался танцами». Я встретил его через 20 с лишним лет на философском факультете университета Автономного района Внутренняя Монголия. Более серьёзный случай произошёл в Институте философии, когда сотрудник по имени *Сюй Мао-юн* был причислен к «правым элементам» только за то, что в своих письмах высказывал критические замечания в адрес некоторых учёных и в связи с некоторыми событиями. Не знаю, как его письма оказались в партийных органах. Мне удалось собрать интересные материалы, касающиеся тогдашней идейно-политической ситуации в Китае, в частности, *дацзыбао* с критическими замечаниями в адрес КПК и её руководителей. Это были первые ростки демократического движения, многие из авторов этих *дацзыбао* были объявлены «правыми элементами». Наблюдал я тогда и движение «малой металлургии», когда молодые сотрудники Института философии строили доменную печь, используя в качестве сырья металлолом, а в качестве топлива – мебель из кабинетов. Возили меня на экскурсию и в «народную коммуну» под Пекином, где я обедал в общей столовой коммунаров. Тягостное впечатление оставило посещение так называемого «дома счастья» коммуны, где я увидел унылые лица и отрешённые глаза потерявших смысл жизни стариков. Мне при-

шлось на себе испытать ухудшение продовольственного снабжения населения во время «большого скачка». Я питался тогда в столовой Академии наук вместе с ведущими учёными. Постепенно рацион питания становился всё более скудным. Практика повседневной жизни, с которой я сталкивался, давала богатую пищу для размышлений...

ВГ: Ваш китайский язык, наверное, заметно улучшился за это время?

ВБ: Ну, естественно!

ВГ: Вы не боялись общаться с китайцами? Я имею в виду психологические и языковые барьеры?

ВБ: Нет. В Китае я познакомился со многими людьми. Кроме китайцев, о которых я уже сказал, я познакомился с интересным человеком, венгром *Барнабашем Чонгором*, изучавшим теоретические проблемы китайского языка; с монголом *Жугдэром Чимидийном*, который потом стал моим другом. Ему принадлежат серьёзные работы по истории монгольской мысли. Других иностранцев там особенно и не было.

ВГ: То есть вы дружили с коллегами из соцстран?

ВБ: А там и не было тогда аспирантов из капстран.

ВГ: Не мешали ли вам дружить политика и идеология?

ВБ: Нет, мы политические вопросы не обсуждали. Хотя, конечно, разговаривали на эти темы. Тогда как раз происходили известные события в Венгрии. Я это помню... Если мы что-то и обсуждали, то политико-идеологические процессы, проходившие тогда в Китае: борьбу с «правыми элементами», «большой скачок», «народные коммуны» и т. д.

ВГ: А общение с венграми и монголами как-то поменяло ваши взгляды на жизнь?

ВБ: Нет, они были нормальными людьми, и у нас были простые дружеские отношения... Конечно, за время жизни в Пекине я хорошо изучил город. В Бэйхай часто ездил. В Гугуне всё посмотрел. Не помню только, ездил ли я тогда на могилы минских императоров.

ВГ: А с кем-нибудь из советских коллег вы подружились в те годы? Кроме вашей жены, конечно. Не было ли такого, чтобы появились друзья на всю жизнь?

ВБ: Пожалуй, нет. После переезда в академическое общежитие я стал жить отдельно от основной массы наших студентов. А ездить в Чжунгуаньцунь из центра города в те времена было довольно затруднительно.

ВГ: Вы говорите, что сначала почти случайно взялись за изучение Ван Чуань-шаня, и только потом поняли, кто он такой. Как бы вы сейчас объяснили для несведущих – кто такой Ван Чуань-шань?

ВБ: Ван Чуань-шань – китайский философ XVII века. Как я пишу в своей книге, это не «просветитель» в европейском смысле этого слова. В 1970-е годы в СССР были очень серьёзные дискуссии о «просветительстве» вообще и о «русском просветительстве» в частности, которые оказали большое влияние на понимание «Просвещения» в странах Запада и Востока. Если говорить о Китае, то нельзя не вспомнить добрым словом *Ольгу Лазаревну Фишман*. В своей книге «Китайский сатирический роман»[13] она поддержала идею Хоу Вай-лу о китайском Просвещении. В своей работе Фишман ссылается на него, приводит большие цитаты из его книги «История ранней просветительской мысли в Китае», упоминает Ван Чуань-шаня, Хуан Цзун-си, Гу Янь-у, Янь Юаня – в общем, всю группу «философов-просветителей XVII века». И действительно, как писал Хоу Вай-лу, и как писала О.Л. Фишман, в Китае XVII века «пробуждалась мысль, совпавшая с переломными моментами в истории страны». Я в своей книге высказал мнение, что это всё-таки не европейское Просвещение в классическом смысле слова, а *«предпросвещение»*. Такой я термин тогда изобрёл – *«предпросвещение»*.

ВГ: В моём дилетантском представлении Ван Чуань-шань – не просто китайский философ первой половины XVII века, но ещё и патриот, который выступал против маньчжур.

ВБ: Да, он выступал против них.

ВГ: Это был действительно великий интеллектуал, который отлично знал всю древнюю китайскую классику и который поднялся от обычного комментаторства до выработки своей философской доктрины. Видимо, сама переломная эпоха, когда рушились вековые ценности и менялись правящие режимы, вынудила его совсем иначе взглянуть на мир и на жизнь.

ВБ: Да. Как написано в его биографии, он стал изучать классику в 6 лет. В китайской философии большинство авторов было комментаторами, которые изначально выражали себя через комментарии. Времена были действительно переломными. И у Ван Чуань-шаня была своя собственная, очень своеобразная общественно-историческая концепция. Он критически относился ко многим своим предшественникам. Своим учителем он считал философа Сунской эпохи Чжан Цзая. Санкт-петербургский учёный *А.С. Рысаков* выпустил в прошлом году книгу о Чжан Цзае[14]. Мне подарили её. Хорошая книга. *Лукьянов*, по-моему, тоже пишет о нём.

---

13 *Фишман О.Л.* Китайский сатирический роман. (Эпоха Просвещения). М., 1966. 196 с.

14 *Чжан Цзай.* Исправление неразумных (Пер., вступ. ст. и коммент. А.С. Рысакова) М., 2013. 288 с. Книга содержит первый полный перевод на русский язык главного произведения одного из основоположников неоконфуцианства Чжан Цзая. Текст *Чжэн мэн* («Исправление неразумных»), созданный Чжан Цзаем в последние годы его жизни, использовался неоконфуцианскими наставниками в качестве учебника для неофитов и затрагивает ключевые проблемы раннего неоконфуцианства второй половины XI в.

ВГ: Как вы позиционируете Ван Чуань-шаня – он материалист или идеалист?

ВБ: Он склонен к материализму, конечно.

ВГ: Близок к материализму?

ВБ: Близок к материализму, скорее – материалист. Но я не настаиваю на этом, это не самое главное. Главное, что у него были просветительские идеи. Он выражал серьёзные сомнения в справедливости тех норм морали, которые проповедовали его собратья по профессии, его предшественники. Конечно, он был конфуцианец, все они были конфуцианцами.

ВГ: А в чём таилось зерно его сомнений?

ВБ: Дело в том, что резко менялось время. Поэтому нужно было приспосабливать существующие нормы поведения к конкретным условиям XVII века. Ещё одна серьёзная проблема, которая тогда стояла – обсуждение политического строя. Как строить Китай? Строить ли его в духе централизованной системы *Цинь Ши-хуана*, когда из центра назначают начальников уездов, и так далее? Либо вернуться к системе, существовавшей до Цинь Ши-хуана, когда уделы давались «в кормление». Ван Чуань-шань был всё же сторонником «циньшихуановской» имперской системы, хотя и, конечно, не в том жёстком и жестоком виде, который проповедовал первый китайский император. Он выступал за унитарное государство, но, так сказать, с элементами феодальной демократии. Ван Чуань-шань резко критиковал феодальный режим с моральной точки зрения. У него есть две очень трудные для перевода работы, где нет комментариев совсем – «Жёлтая книга» и «Зловещий сон». В них содержатся рассуждения о тяжёлой жизни простых людей в условиях китайского феодального общества, о притеснениях их со стороны власть имущих. Очень резкая критика общественных порядков. Примерно в стиле Лермонтова: «А вы, надменные потомки...». Примерно так написано, очень резко. Большой философский смысл имеет его работа, о которой я уже сказал, посвящённая Чжан Цзаю. Называется она «Комментарии к “Наставлению для непросвещённых”» (я не совсем согласен с переводом её названия у Рысакова и Кобзева)[15]. Я был первым, кто обратил внимание на Чжан Цзая, поскольку он – предшественник Ван Чуань-шаня.

ВГ: Уверен, что за много лет изучения Ван Чуань-шаня вы полюбили его. В чём заключался главный вывод вашей кандидатской диссертации и монографии?

[15] *Чжан-цзай Чжэн мэн чжу* 張子正蒙注. В переводе А.И. Кобзева: «Комментарий к „Исправлению невежественной незрелости“ Учителя Чжан [Цзая]» отражены оба смысла иероглифа *мэн* 蒙 – «невежественность, непросвещенность, неграмотность» и «незрелость, недоразвитость, неразумность, глупость». А.С. Рысаков принял второй смысл, а В.Г. Буров – первый.

ВБ: Да. Этот вывод содержался в последней главе. Л.С. Васильев написал рецензию на рукопись моей книги (в советское время в издательстве давали предварительную рецензию на рукописи книги), в которой он высказывал ряд критических замечаний, в частности о материализме Ван Чуань-шаня. А последние главы хвалил и писал: «Вот, здесь совсем другой Буров...». В них я как раз пишу о Просвещении...

ВГ: Выходит, главным выводом была идея «Предпросвещения»?

ВБ: Да, идея Предпросвещения. Можно сказать, идея «китайского Просвещения» или, выражаясь современным термином, «Просвещения с китайской спецификой». Ван Чуань-шань был провозвестником новых идей. Потом, в XIX веке, они были продолжены в идеях о справедливом распределении общественных богатств, в «движении самоусиления». А в XVII веке появились их первые ростки. Сейчас я думаю, как политический философ, самым сильным из всей этой четверки (Ван Чуань-шань, Хуан Цзун-си, Гу Янь-у и Ян Юань) был Хуан Цзун-си. В политическом плане Хуан предлагал серьёзные реформы, в том числе введение поста ответственного первого министра, повышение общественного статуса университетов и так далее. В общем, главным моим выводом была идея Просвещения. Я считаю, что все эти мыслители были её сторонниками.

ВГ: Спасибо, позвольте вернуться к вашей биографии. Ваше второе пребывание в Китае – сильно ли оно изменило вас лично как китаеведа и как человека?

ВБ: Нет, я просто убедился ещё раз, что сделал правильный выбор! К сожалению, в третий раз я поехал в Китай только в 1985 году. После 1959 года я туда долго не ездил, потому что отношения между нашими двумя странами испортились. Я не работал в посольстве, хотя мне и предлагали работать там, но я отказался.

ВГ: После возвращения в Москву вы пришли работать в Институт философии?

ВБ: Да, после окончания аспирантуры я пришёл сюда работать младшим научным сотрудником.

ВГ: И тут вы познакомились с Ян Хиншуном?

ВБ: Нет, я узнал его в 1954 году, когда первый раз собирался поступать в аспирантуру.

ВГ: Можете ли вы рассказать, что это был за человек? Потому что для молодых китаеведов Ян Хиншун – просто имя. И мы не знаем его как человека, как личность.

ВБ: Да? Я первый человек, который говорит о нём?

ВГ: Почти. Вы – первый из участников нашего проекта, кто работал с ним в одном институте. Конечно, работы Ян Хиншуна повлияли на многих советских китаеведов, в том числе на мою мать, *Головачёву Лидию Ивановну*.

ВБ: Я бы сказал так: как человек Ян Хиншун был продуктом советской эпохи. Насколько я знаю, он приехал в Россию на заработки из Китая, из провинции Шаньдун. Думаю, это было где-то в 1910–1915-х годах. Тогда много китайцев в Россию приезжало. У меня есть статья о китайских эмигрантах, которую я написал на китайском языке и опубликовал в своё время в одной тайваньской газете. Потом Ян, видимо, участвовал в революции на Дальнем Востоке, вошёл в революционные круги, стал членом партии большевиков. Он, по-моему, окончил в 1920–1930-е годы Институт имени Крупской. Как он оказался в Москве, я не знаю. Здесь, кстати, живёт его дочь.

ВГ: А как же он стал философом?

ВБ: Философом? Мне трудно сказать. Думаю, он сначала окончил Институт им. Крупской, а потом где-то закончил аспирантуру. Тогда китайской философией у нас занимался главным образом *Петров Аполлон Александрович*, человек с трудной судьбой. Несколько лет, в 1940-х годах, он был советским послом в Китае. Но затем, по-видимому, из-за ареста жены, попал в опалу и вскоре умер. (Его жена, *Юлия Павловна Аверкиева*, после освобождения работала в Институте этнографии, была главным редактором журнала «Советская этнография».) Что касается Ян Хиншуна, то в 1950-м году он опубликовал книгу «Древнекитайский философ Лаоцзы и его учение». Это была книга, основанная на его диссертации. Конечно, с позиции сегодняшнего дня можно по-разному к ней относиться. Тогда в советской философской науке была популярна идея борьбы материализма с идеализмом. Я думаю, прав *М.Л. Титаренко* (я поддерживаю его в этом отношении), который говорит, что нельзя оценивать прошлое с позиции сегодняшнего дня. Ян Хиншун был знающим и порядочным человеком. Когда жена А.А. Петрова была арестована, а самого А.А. Петрова не стало, Ян Хиншун, по-моему, вместе с *Л.В. Симоновской* стал опекуном их детей. В 1954 году, на основе сохранившихся рукописей А.А. Петрова, он издал под его фамилией книгу «Древнекитайский материалист Ван Чун». Это лучше всего характеризует Ян Хиншуна как человека. Но он жил в сложный политический период нашей истории. Было такое время, 1930–40–50-е годы. Разве мог он писать по-другому? Но он знал свою тему и интересовался ею. Он был носителем китайского языка и отлично знал его.

ВГ: А как складывались ваши личные отношения?

ВБ: У нас были всегда хорошие отношения. Я его уважал, и он знал это. Помогал мне, если я что-то спрашивал.

ВГ: Можно было консультироваться?

ВБ: Можно. И я хочу ещё сказать, что в 1980-е годы, когда вроде бы уже другое время наступило, у Ян Хиншуна были проблемы с изданием второй книги «Материалистическая мысль в древнем Китае»[16], потому что многие люди, в том числе в издательстве, были против. Так вот, Михаил Леонтьевич, который тогда работал в ЦК КПСС, написал предисловие и пробил её издание. Конечно, о содержании книги можно спорить. Но каждый учёный имеет право на свою точку зрения. Я считаю, что Ян Хиншун сделал очень много для изучения в СССР истории китайской философии, потому что привил интерес к данной теме. Сама фамилия его привлекала людей к изучению китайской философии. Можно по-разному относиться к этой книге, можно оспаривать содержащиеся в ней выводы. Но я хочу сказать следующее. Было немало людей, которые в советское время были «ретроградами», выступали на партсобраниях с критикой тех или иных людей и требовали исключать их из партии за мнимые прегрешения. А сейчас они – такие ярые ультра-либералы. Я хочу рассказать в этой связи один примечательный случай. На рубеже 1970–1980-х годов, чтобы исключить возможность выбора в партийные органы неугодных людей, у нас ввели такую практику: в промежутке между выдвижением кандидатур в партбюро и тайным голосованием проводить собрания партактива, чтобы на нём составлять список из нужных кандидатур. И вот, приходит время очередного отчётно-перевыборного партсобрания в нашем институте. Собирается партактив, я тоже в него попал. Во время совещания секретарь партбюро, которого поддержал представитель горкома, выступил против включения в список для тайного голосования известного учёного *Теодора Ильича Ойзермана*, ныне академика. Аргументы, с моей точки зрения, были неубедительными. Поэтому я проголосовал против этого предложения вместе с ещё двумя участниками совещания. А все остальные, а нас было человек тридцать, поддержали продиктованное сверху решение. Они поступили так потому, что просто струсили. Мало ли что бывает, такова жизнь – она сложная штука! Ян Хиншун был честным и порядочным, хотя, конечно, на него накладывало отпечаток его положение – он всё-таки чувствовал себя иногда нерусским человеком, иностранцем.

ВГ: Чужой среди своих!

ВБ: Да. А может быть – свой среди чужих! Я знал его семью, знал его жену, жена его тоже была философом.

ВГ: Она тоже была китаянкой?

ВБ: Нет, русская. Может быть, и была у него китайская жена, когда он жил в Китае. Хотя, вряд ли, он приехал в Советский Союз молодым че-

[16] *Ян Хиншун*. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984. 181 с.

ловеком. Жена у него была хорошей женщиной, фамилия, по-моему, у неё была *Вольская*. Трое детей у них было. Я знал его детей, советую вам встретиться с их дочерью Наташей, когда будете в Китае. Она была замужем за китайцем, юристом, доктором наук, который был помощником *Чжоу Эньлая*, работал в государственном аппарате.

ВГ: При случае познакомимся! Как складывались ваши отношения с научным руководителем, доктором Сениным? Мы мало что знаем и про Сенина. Поэтому будем очень благодарны, если вы поделитесь воспоминаниями о нём.

ВБ: *Николай Герасимович Сенин* – человек знающий. У него была кандидатская диссертация по Сунь Ят-сену, а докторская – по общественно-политической мысли Китая XIX в. По кандидатской была издана книга, а по докторской – нет. У меня с Сениным были сложные отношения. С Сениным и Ян Хиншуном у нас были общие научные интересы. В 1961 году вышла очень хорошая книга «Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени»[17]. Эту книгу задумали Ян Хиншун и Сенин. Ян, как китаец, был больше исполнителем, а Сенин, как говорится, «мотором». Я считаю, что это интересная книга. В переводе материалов участвовали такие люди, как *Гарушянц, Сорокин*, Федотов (он хорошо знал язык, работал тогда в посольстве в Пекине, позднее был послом в Непале), *Феоктистов*, *Тихвинский* и я. Там были работы мыслителей XIX в., от *Вэй Юаня* до *Цзоу Жуна*. Переводов было собрано в два раза больше, чем издано, потому что на составителей оказывала влияние политическая ситуация (упомянутая борьба материализма с идеализмом и т. п.). Ян Хиншун был человеком более широких взглядов. А Н.Г. Сенин был не то чтобы «проповедником» марксизма, а жёстко отстаивал свои идеи. Это и хорошо и плохо. Хорошо, потому что, конечно, надо иметь какие-то принципы. Плохо – потому что иногда он действовал вопреки общему мнению коллег, в том числе моему. Потом у нас появились с ним личные разногласия. Правда, разногласия – тоже нормальны и естественны.

Вообще, наш институт, где я работал и работаю, это особое место. Он всегда был очень свободолюбивым, в нём работали очень талантливые люди, имевшие мировую известность, в том числе в Китае. В 2009 году у нас вышли юбилейные воспоминания «Институту философии 80 лет», где я пишу о том, как в 1950–1960-е годы мы, тогда ещё аспиранты, часто сидели на старом диване на 5 этаже, разговаривали о проблемах философии и общественных проблемах, обменивались мнениями, слушали интересных людей... Достаточно назвать *Э.В. Ильенкова* и *А.А. Зиновьева*. То был период «оттепели», где-то до 1965 года. Мы тогда обсуждали и политические,

[17] Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени, 1840–1898. Вступительная статья Н.Г. Сенина. (Перевод с китайского под общей редакцией Н.Г. Сенина и Ян Хиншуна). М., 1961.

и идеологические, и философские вопросы. В институте проводились интересные конференции, семинары, выступали интересные люди. Помню, например, бурное обсуждение фильма «Живые и мёртвые» с участием режиссёра Столпера. Приезжали к нам в институт Назым Хикмет и другие деятели литературы и искусства.

В 1960 – 1970-е годы у нас была своя ежемесячная стенгазета «Советский философ», известная на всю научную Москву. Академик *Н.И. Конрад* даже специально приезжал читать её, потому что в ней была серьёзная критика с определённым контекстом. Приезжали и другие люди со всей Москвы. Нашу газету обсуждали на заседаниях горкома партии, однажды даже из-за неё выговор секретарю партбюро объявили за «вольнодумство». Например, был такой известный академик *Митин М.Б.*, который ещё при Сталине стал академиком, членом ЦК, и так далее. В одном из номеров стенгазеты был помещён рисунок, где был изображен Митин, который сидел в вентиляционном люке, высовывался из него и подслушивал, что говорят люди... Вот, такая была у нас в Институте свободолюбивая газета! Там было много карикатур. Но газету прикрыли потом за «вольнодумство».

ВГ: И что, Сенин тоже критиковал газету или, наоборот, писал статьи в неё?

ВБ: Нет, в стенгазете его не было. Газету критиковали руководители. А Сенин просто отстаивал точку зрения о материализме, жёстко отстаивал. Кроме того, для книги, о которой я говорил, у нас было подготовлено в два раза больше материалов, и там были не только «прогрессивные» идеи, скажем так!

ВГ: «Непрогрессивные» по тем временам?

ВБ: Там были интересные статьи философов XIX века. Они высказывали не всегда «правильные» идеи, с точки зрения тогдашнего времени. И Сенин их убрал! Он не дал их опубликовать, и книга уменьшилась в два раза!

ВГ: И очень жаль!

ВБ: Очень жаль! Где они сейчас, эти «непрогрессивные» материалы, я не знаю.

ВГ: Сегодня эти же люди и их идеи, возможно, выглядели бы совсем иначе!

ВБ: Ну, да. Например, в книгу попала только одна из трёх или четырёх работ *Гун Цзы-чжэня*, которого переводил Феоктистов. Феоктистов хорошо знал язык, потому что он работал переводчиком в Китае. Он даже общался в Пекине с младшим братом *Лян Ци-чао*, который был знатоком древнекитайского философа *Сюнь-цзы*. Виталий Фёдорович как раз зани-

мался изучением его взглядов. Вообще, в издании книги участвовали хорошие переводчики. Жалко, что не все переведённые ими материалы были использованы.

ВГ: Жаль! А Сенин-то сам знал китайский язык?

ВБ: Знал. Разные мнения были на этот счёт. Но он знал, конечно. Ян Хиншун лучше знал, естественно.

ВГ: А в чём вы разошлись с Сениным в итоге?

ВБ: Это не связано было с научными делами. Это было время «холодной идеологической войны». А Сенин придерживался своих идеологических и политических взглядов не только в исследованиях. Я был человеком более открытым по отношению ко всяким мнениям, даже если и не был согласен с ними. Например, я тоже тогда считал, что материализм надо отстаивать. Но, в конце концов, если кто-то высказывает свою, иную точку зрения, то, пожалуйста, пусть высказывает! Я и сейчас придерживаюсь подобной позиции. У Сенина же была другая точка зрения. В этом плане я не мог согласиться с ним. В итоге наш сектор разделился тогда напополам. Я был в одной группе, а он – в другой.

ВГ: Раскол случился?

ВБ: Раскол. Даже не по научным вопросам. Научные темы играли второстепенную роль. Но были разногласия по другим, в том числе и по личным, вопросам. Поэтому мы с ним разошлись. Но, в принципе, я ему благодарен, он мне многое дал. Вы знаете, я никогда не стараюсь «смешивать с грязью» других людей, даже если с ними разошёлся в чём-то. Я следую китайской традиции – следует уважать учителя, *лао-ши* (老师).

ВГ: Как повлияла «холодная война» не только на ваш отдел, но и на всё советское китаеведение? Насколько серьёзным было это влияние?

ВБ: Я думаю, она и повлияла, и не повлияла. Повлияла в том плане, что, конечно, появилось слишком много политизированных работ. Возьмите, например, работы *Михаила Степановича Капицы*. Когда меня приглашали на работу в посольство, я с ним беседовал. Я увидел, что это глубокий и серьёзный человек, очень грамотный, хорошо знающий Китай, китайскую культуру. Я слушал его лекции в Доме учёных. Это был блестящий лектор, вообще незаурядный человек. Но ряд его работ сегодня, я подчеркиваю, только ряд работ, излишне публицистичны, хотя по-своему они тоже интересны.

ВГ: То есть это был чисто идеологический продукт, который ушёл вместе со своим временем?

ВБ: В чём-то да. С другой стороны, люди, которые не хотели участвовать в этой «идеологической борьбе», могли в ней и не участвовать. Я-то участвовал в борьбе, я же в Институте философии работал. Честно сказать,

я не жалею об этом. В принципе, я не считаю потерей времени то, чем занимался тогда вместе с другими нашими «идеологами». Я занимался Мао Цзэ-дуном, стал изучать его работы серьёзнее, чем прежде. Мао был сложной и противоречивой личностью, что, кстати, и сами китайцы признают. Конечно, в те годы продолжали выходить серьёзные работы, переводы классиков. В 1972–1973-м годах мы трое – М.Л. Титаренко, *Р.В. Вяткин* и я – «сделали» жёлтый двухтомник-антологию «Древнекитайская философия». Тираж был свыше 50 000 экземпляров. В неё вошли переводы китайских мыслителей «золотого века» китайской философии, произведения большинства из которых ранее не появлялись на русском языке. Это серьёзная работа, на неё по-прежнему ссылаются, её широко используют в научной и учебной литературе. Как раз сейчас я сделал статью к юбилею Михаила Леонтьевича, где вспоминаю о нашем совместном проекте. Это была его инициатива, он тогда работал в ЦК КПСС, и у него была возможность организовать издание «Антологии». Я оставил всю другую работу и занимался только «Антологией», её первым томом. А второй том в основном делал Вяткин. Я уехал работать в арабские страны, и меня не было в России. А потом мы подготовили том антологии «Эпоха Хань»[18]. Я опять целый год ничего другого не делал, кроме работы над текстами и редактирования переводов. Трудно переоценить участие в работе над двумя «Антологиями» М.Л. Титаренко. Он просматривал все переводы, высказывал замечания по ним, редактировал их. Кроме того, ему принадлежит большая часть вступительной статьи к «жёлтому двухтомнику». Когда мы работали над «Эпохой Хань», у нас была редактор, которая даже сказала: «Вы положите эту книгу мне на могилу». И действительно, так и получилось. Редактирование заканчивал уже другой редактор. Редактором была специалист по Франции, которую после окончания вуза в Москве не взяли на работу из-за 5-го пункта в анкете (национальность. – *В.Г.*). Она поехала в Кишинёв, где преподавала историю. В 1950-е годы она всё-таки смогла вернуться в Москву, была прекрасным редактором, работала в Главной редакции «Восточной литературы». Мы с ней работали так: я приезжал к ней в 9 утра, а уезжал в 9 вечера. Целый год ездил к ней домой, на работу не ходил, договорился с начальством. К сожалению, она умерла во время работы над томом.

ВГ: Как звали эту женщину?

ВБ: *Беата Леонидовна Модель.*

ВГ: Эту женщину-редактора вспоминают в интервью и другие китаеведы!

[18] Древнекитайская философия. Эпоха Хань / сост. Ян Хиншун; отв. ред. В.Г. Буров. М., 1990. 523 с.

ВБ: Вспоминают? Хорошая была женщина. Она не знала китайского языка, но такие «блохи» выискивала в переводах!.. Вообще, я считаю, что настоящий китаевед – это тот китаевед, который не только пишет научные работы, но и может перевести классический текст. Вот за что я очень уважаю *Л.С. Переломова*! Уважаю *М.В. Крюкова*, Р.В. Вяткина, Г.А. Ткаченко – автора перевода *Люй-ши Чунь-цю*. Уважаю А.С. Рысакова, *В.М. Майорова*, который недавно издал блестящий перевод *Шан шу*. Уважаю *В.В. Малявина*, *А.И. Кобзева*, А.Е. Лукьянова. Прошу извинить тех, кого я забыл назвать! Переводы классики – это титаническая работа! Ведь за то время, которое мы тогда потратили на издание этих двух «Антологий», можно было написать три-четыре книги! Может, я ошибаюсь, но очень важно самому переводить произведения того мыслителя, которого ты изучаешь. Трудно передать то чувство, которое ты испытываешь, когда сам перевёл классическое сочинение и твой перевод потом используют другие исследователи!

ВГ: Вы хотите сказать, что хороший китаевед обязан знать китайский язык и уметь переводить письменные источники?

ВБ: Конечно! Переводить самому, а не опираться на зарубежные источники, как это делают наши некоторые учёные, в том числе маститые.

ВГ: Если говорить о талантах отечественных китаеведов, кто из них оказал на вас наибольшее влияние? Кто для вас наиболее авторитетен?

ВБ: *Рудольф Всеволодович Вяткин*, конечно. Я бывал у него дома, беседовал с ним, когда мы работали над «Антологиями».

ВГ: Ваше главное впечатление от этого человека?

ВБ: Это был прекрасный знаток китайского языка, китайской истории, китайских текстов вообще. Обаятельный и скромный человек. В своей статье для юбилейного сборника М.Л. Титаренко я пишу, что при подготовке «Антологий» мы смогли сделать то, чего не было в других аналогичных изданиях. Особенно во второй книге, так как при подготовке первой книги в 1972–1973 годах мы были моложе, и у нас ещё не было нужного опыта.

ВГ: Какую вторую книгу вы имеете в виду?

ВБ: «Древнекитайская философия: Эпоха Хань». Обратите внимание на указатели в этой книге! Могут сказать, что это мелочь. Но, благодаря указателям, мы даём ориентир для учёных, которые потом будут работать над классическими текстами. В этой книге у нас много переводчиков, каждый из которых даёт свой перевод терминов, например *дао*, *дэ*, *цзюнь-цзы* и так далее. А мы все переводы терминов собрали вместе. Поэтому, если кто-то будет переводить впоследствии какой-то классический текст, он может посмотреть для справки сделанные нами указатели терминов. Инициатива сделать подробные указатели принадлежала Р.В. Вяткину. Когда я говорил

о преподавателях МИВа, я забыл сказать о Вяткине. Если Войтинский читал нам курс по новейшей истории Китая, то Рудольф Всеволодович – по древней и средневековой. Его лекции были очень содержательные, к тому же они сопровождались разбором классических текстов. Он работал тогда в Военном институте иностранных языков и приходил на занятия обычно в военной форме.

ВГ: После второго возвращения из Китая вам потом почти четверть века не удавалось ездить в Китай. Но приходилось ли вам работать в 1960–1970-е годы в каких-то других зарубежных странах?

ВБ: За границей я проработал год.

ВГ: Можно ли рассказать об этом, конечно, если это не была разведработа?

ВБ: Ни с разведкой, ни с КГБ я никоим образом не был связан! В силу своей профессии я был связан с ЦК КПСС. Там М.Л. Титаренко работал и многие другие востоковеды, в том числе нынешний посол в Китае *Андрей Иванович Денисов*. В 1960-е годы я преподавал философию в Институте общественных наук при ЦК КПСС. В этом институте я выучил португальский язык. Правда, сейчас подзабыл его. Могу читать, но практики нет, поэтому подзабыл. В Институте общественных наук читал лекции португалоговорящим студентам. Я даже ездил в Африку читать лекции на португальском языке.

ВГ: В какие страны Африки?

ВБ: Ангола, Мозамбик. В бывшие португалоязычные колонии. В Институте общественных наук я преподавал философию иностранцам из разных стран. В основном это были азиаты, африканцы. Ну, и европейцы были. Это расширяло мой кругозор. А потом стали направлять преподавателей для работы за границей, и у меня появилась такая возможность. Целый год я преподавал в Народно-Демократической Республике Йемен. Кстати, в то время там работал и нынешний директор ИВ РАН, известный арабист *Виталий Вячеславович Наумки*н, с которым мы и теперь имеем очень хорошие отношения.

ВГ: Какой это был год?

ВБ: Это был 1972–1973 год, когда уже был издан 1-й том «Древнекитайской философии» и шла работа над вторым томом.

ВГ: И где вы там преподавали, в каком заведении?

ВБ: Преподавал в Партийной школе. Они тогда собирались пойти по пути социализма!

ВГ: Ну, это всё философские дела, марксизм-ленинизм. А приходилось ли вам общаться с коллегами-китаеведами из других стран? Ездить к ним в гости, сотрудничать?

ВБ: Ну, конечно!

ВГ: Куда вы ездили, в соцстраны? Можно ли об этом рассказать?

ВБ: В соцстраны. Дело в том, что у нас в Москве тоже проводились научные конференции, и к нам приезжали китаеведы из соцстран. Например, был у меня знакомый из ГДР *Ральф Мориц*, который издал хорошую книгу про Конфуция и Мэнцзы. Сейчас он уже на пенсии. Когда обе Германии объединяли, была безработица среди китаеведов. В Западной Германии поэтому стали убирать «ненадёжных» из ГДР. Но он остался, а многих убрали, поскольку они были членами СЕПГ. Р. Морица хорошо знает Л.С. Переломов, это наш общий друг, мы все одного возраста примерно.

ВГ: Вы просто общались с Морицем или конкретно сотрудничали?

ВБ: Разговаривали, общались, сотрудничали. Я в ГДР ездил на рубеже 1960–1970-х годов.

ВГ: Не «Интеркит» ли это случайно был?

ВБ: Нет, в «Интеркит» я не участвовал.

ВГ: Кроме ГДР, довелось ли вам побывать в других соцстранах? В Венгрии, скажем?

ВБ: Я побывал в Болгарии. Тоже выступал с докладом на одном симпозиуме на тему, связанную с китайской философией.

ВГ: Выходит, связи с коллегами из соцстран были очень эпизодическими?

ВБ: Эпизодические. Мы общались в основном в Москве, хотя я выезжал в научные командировки во Вьетнам и Монголию. В результате моих поездок во Вьетнам появилась книга переводов «Вьетнамская философия нового и новейшего времени». Я был её составителем, редактором и вообще организатором этого издания. При моём участии были опубликованы также две книги по истории вьетнамской мысли.

ВГ: Каким образом получилось так, что с изучения XVII века вы перешли на изучение современной китайской философии?

ВБ: Во-первых, мне надо было выбирать тему докторской диссертации. Во-вторых, я участвовал в идеологической борьбе.

ВГ: Вы имеете в виду участие в критике маоизма?

ВБ: Да, в критике маоизма. В итоге я увлёкся XX веком и написал монографию «Современная китайская философия»[19]. Конечно, там есть не-

[19] *Буров В.Г.* Современная китайская философия. М., 1980.

которые вещи, за которые можно меня критиковать. Молодой казанский учёный Мартынов обвинил меня в идеологических пристрастиях. Сделал он это в сборнике вашего отдела «Общество и государство в Китае»[20]. И поддержала его *Стабурова*. С их критикой я не согласен, время было такое.

ВГ: Когда произошло ваше третье свидание с Китаем?

ВБ: В 1985 году я после долгого перерыва поехал на годичную стажировку в Китай, где в те годы происходили бурные, интересные изменения. Об этом написано в моей книге «Китай и китайцы глазами российского учёного»[21]. В 2004 году эта книга была переведена на китайский язык и издана в Харбине. Там я пишу, что был тогда «карасём-идеалистом»[22]. В мае 1986 года, во время стажировки, я написал письмо в ЦК КПСС. Правда, не на имя *Горбачёва*, а на имя *Медведева*. Я был вдохновлён китайским опытом социализма. Видел, что они действительно соединяют рыночные механизмы с идеями социализма. И написал письмо о том, что надо идти по китайскому пути.

ВГ: Да. И что это дало?

ВБ: Что дало? Ничего не дало!

ВГ: То есть ответа не было?

ВБ: Нет, ответа не было. Но знаю, что реакция была. Потому что у меня были знакомые, работавшие в ЦК. Секретарь ЦК Медведев Вадим Андреевич (тогда он был рядом с Горбачёвым) позднее сказал, что прав был тот китаист, который написал письмо. Его помощником был в то время мой приятель, который, как и я, окончил Московский институт востоковедения. Я считаю, что трагедия Горбачёва была в том, что он не пошёл по китайскому пути. Надо было идти! Эту мысль я всегда отстаиваю на всех симпозиумах, форумах и так далее. На последней ноябрьской конференции по конфуцианству в ИДВ РАН я сказал, что у Китая – мудрые руководители. И они всё правильно сделали.

ВГ: Всё же, давайте вернёмся к современной философии, к борьбе с маоизмом.

ВБ: В то время эта борьба или идеологическая полемика ещё продолжалась. И поскольку она продолжалась, то, естественно, что и я в неё, в эту тему, «влез»! Как раз в это время мой приятель, замдиректора института *В.В. Мшвениерадзе* (1926–1990), перевёл меня из восточного сектора в тот сектор, где я и сейчас работаю – современной политической философии,

20 См.: *Мартынов Д.Е.* Чжу Цянь-чжи: интерпретация учения о Великом единении // Общество и государство в Китае: Т. XLII. Ч. 3 / Сост. А.И. Кобзев. М., 2012. С. 315.

21 *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000.

22 См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Карась-идеалист // В кн.: Сказки. М., 2013. 218 с.

который только создавался. Он меня заставил перейти, так как ему нужны были свои кадры. Я знал его ещё с 1950-х годов, когда мы с ним вместе учились: я поступал в аспирантуру, а он заканчивал её. Он мне сказал: «Переходи ко мне!» Кроме того, нажал через директора, поскольку я не хотел переходить. Я всё-таки занимался историей философии. В общем, он меня заставил, и я был вынужден сделать этот шаг. Поневоле! Это был 1983 год, когда я перешёл из сектора истории восточной философии (ныне – сектор восточных философий) в сектор современной политической философии (ныне – сектор философских проблем политики). Я был в этом секторе как «одинокая ворона», потому что все в нём занимались Западом, и только я – Востоком.

ВГ: Как вы определились с темой докторской диссертации?

ВБ: С темой диссертации я определился не сразу. Я понял, что заниматься Чжан Цзаем или *Кан Ю-вэем* в этом секторе вряд ли получится. Поэтому я и взял современную китайскую философию. Вначале это был Мао Цзэ-дун, затем я занялся китайскими философами первой половины XX в. А потом я довёл изучение истории китайской мысли до начала 1980-х годов.

ВГ: Вы считаете, что Мао был философом?

ВБ: Философские взгляды у него были. Но я в своей диссертации Мао Цзэ-дуна почти не касаюсь. Я касаюсь его влияния. Конечно, он не философ, о чём разговор! Так же, как и Сталин.

ВГ: А кто оказался в центре внимания в вашей работе?

ВБ: В центре внимания у меня были несколько человек. Во-первых, если говорить про 1920–1930-е годы, то это *Ху Ши*. Потом – *Лян Шу-мин*, потом – Фэн Ю-лань. Я один из первых, кто стал писать о них. Конечно, сейчас надо дальше идти в изучении их взглядов. Я считаю, *А.В. Ломанов* – молодец! Он написал хорошую книгу о Фэн Ю-лане. Я первым стал заниматься этими философами. Ху Ши, Лян Шу-мин, Фэн Ю-лань, *Хэ Линь*, с которым я был знаком лично, когда, будучи аспирантом, находился на стажировке в Китае в 1957–1959 годах, о чём я уже рассказывал. Я часто бывал у Хэ Линя дома, он принимал меня в тёплом ватнике, поскольку холодно было, не топили зимой 1958 года. Хэ Линь был блестящим учёным-неогегельянцем. Единственное, о чём я очень жалею, что в своей диссертации не написал о *Сюн Ши-ли*. В моей диссертации я рассматривал также взгляды таких мыслителей, как *Чжан Дун-сунь*, *Чжан Цзюнь-май*. Потом стал заниматься такой тематикой, как современная философия в КНР. Ещё марксистскую мысль я исследовал. Например, очень интересная фигура Ли Да, который, как я уже говорил, был участником первого съезда КПК. В 1920-е годы он писал очень интересные работы. А в 1930-е годы, под влиянием ситуации в КПК, и не только, в его работах уже вид-

но влияние тогдашней марксистской ортодоксии. Но его первая работа по марксистской социологии – очень интересная работа! Все пишут про *Чэнь Ду-сю* и *Ли Да-чжао*. Но Ли Да не менее важен! Хотя, конечно, в плане политического влияния он им уступал. Умер Ли Да в годы «культурной революции», подвергшись несправедливым нападкам со стороны хунвэйбинов.

У меня в диссертации рассматривались также взгляды Ху Шэна, который позднее стал президентом Академии общественных наук КНР, *Ай Сыци* – одного из первых пропагандистов марксизма в Китае, и, наконец, Хоу Вай-лу.

ВГ: Какими были самые важные выводы в вашей докторской диссертации?

ВБ: В диссертации главными были выводы о том, что в Китае есть не просто буржуазная и марксистская мысль. Я старался показать, что современная китайская философия очень богата и разнообразна, что в ней есть разные направления. Одновременно я отмечал, что после 1966 года, т. е. в период «культурной революции», в КНР начинается «исчезновение философской науки» как таковой. В этой связи я высказывал критические замечания в адрес вышедших тогда книг Фэн Ю-ланя, где он отказывался от своих прежних взглядов. Да, я понимал, что он сделал это в силу вынужденных обстоятельств. Но замалчивать подобное обстоятельство было нельзя. У тогдашнего руководства в фаворе были такие люди, как *Ян Юнго* (или *Ян Жун-го*), который был одним из идеологов кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

ВГ: Исчезновение – в том смысле, что политика начинает вытеснять философию как таковую?

ВБ: Да, политика мешала. Политика влияла на философию в Китае и в 1950-е годы. Но, всё-таки, возможности для занятия наукой у философов тогда были. А потом философия перестала быть независимой. Вы сами знаете, что происходило в Китае в годы «культурной революции»! Как я уже сказал, Фэн Ю-лань отказывался от своих взглядов под влиянием политической критики. Кстати, его не репрессировали, потому что это была знаковая фигура. Но он сумел приспособиться к обстановке.

ВГ: Ваша докторская диссертация была тоже посвящена истории философии?

ВБ: Да, и поэтому я защищался по специальности «История философии». Это было в 1986 году. Тема диссертации – «Современная китайская философия: Основные этапы и тенденции развития в 50–70-е гг.». Кстати, моя книга «Современная китайская философия», которая вышла в 1980 году, была переведена на китайский язык и опубликована в 1986 году под грифом *нэй-бу фа-син*.

ВГ: Распространение «для служебного пользования»?

ВБ: Да, и у меня она есть. Мне её подарили в Пекинском университете. И, что интересно, в предисловии к изданию написано примерно так: «Мы не согласны со взглядами профессора Бурова, но мы его уважаем как хорошего человека, и как человека, хорошо относящегося к Китаю». Они её перевели как раз во время моей годичной стажировки в Китае. Я не дарил китайцам свою книгу. Видимо, они сами её приобрели в Москве. Пообщавшись со мной, они отдали должное моей личности, моим личным качествам. Но покритиковали меня за мою критику, по-видимому, в адрес Мао Цзэ-дуна.

ВГ: Видимо, за ваши «ошибочные» взгляды на историю современной китайской философии!

ВБ: Вероятно, да! В моей книге присутствовала негативная оценка идеологических кампаний 1950–1970-х годов.

ВГ: С 1985 года прошло уже почти 30 лет. Много ли раз вы бывали за все эти годы в Китае? Часто ли там бываете?

ВБ: Я не знаю, не подсчитывал. Может быть, раз 50, в основном на различных конференциях и симпозиумах, куда меня часто приглашают.

ВГ: Надеюсь, что за эти 50 раз вы побывали не только в Пекине и Шанхае. В каких районах Китая вы побывали?

ВБ: Я бывал во многих местах, в том числе там, где вообще не бывал никто из русских, кроме Тихвинского. Но он был там очень давно, например в Яньани. А я побывал в этом городе в 2002 году и опубликовал об этой своей поездке статью в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Яньань сейчас никого не интересует, а напрасно! Я перевёл свою статью на китайский язык и хотел опубликовать её в Китае, но не удалось, потому что в ней есть некоторые высказывания, которые могли не понравиться китайцам. В Яньаньском музее выставлены фотографии периода революционного движения. И там на первом плане много фотографий о пребывании американской делегации. И где-то только на заднем плане 2 фотографии, на которых сняты русские (советские) люди, которые годами жили и работали в этом «особом районе Китая», о котором есть книга Владимирова[23]. Я купил в музее книгу и на основании её написал в своей статье о событиях 1930–1940-х годах в этом городе. В частности, написал о том, как *Цзян Цин* познакомилась с Мао Цзэ-дуном. Оказывается, она сидела на первом ряду и внимательно слушала его лекции. Благодаря этому Мао и обратил на неё внимание. Написал в статье я и о *Пэн Дэ-хуае*.

ВГ: Почему всё-таки не опубликовали ту статью?

[23] *Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942–1945. М., 1973.

ВБ: Думаю, из-за этих моментов, о которых я только что упомянул.

ВГ: Где вы ещё бывали, кроме Яньани?

ВБ: Я был два раза во Внутренней Монголии, где мало кто бывал из русских. Мне очень понравилось там. Меня свозили в дацан, где я попробовал кумыс. Конечно, был на северо-востоке Китая, в Ухани, Шанхае, Ханчжоу, Гуанчжоу, Гонконге, Макао. Побывал в городе Сыхуэй (пров. Гуандун), где посетил построенный сравнительно недавно даоский храм из дерева. В 1985–1986 годах во время годичной стажировки я посетил более десяти городов и, по просьбе философских факультетов при местных университетах, выступал с докладами о советской философии. Дело в том, что тогда ещё не были восстановлены контакты китайских учёных с философами из СССР, и я был первым советским философом, оказавшимся в те годы в Китае. Выступал я главным образом с докладами не об истории китайской философии, хотя об её изучении нашими учёными я тоже рассказывал. Китайских философов интересовало, что вообще происходит в советской философской науке, какие обсуждаются проблемы, какие выходят книги и т. д. В меру своих возможностей – я всё-таки работал в Институте философии – старался удовлетворить интерес моих слушателей. На мои доклады приходило иногда больше 100 человек. С этого времени у меня установились постоянные контакты с китайскими коллегами, в том числе из Института философии КАОН, где я теперь бываю регулярно.

ВГ: Насколько я знаю, вы бывали и на родине Конфуция, в городе Цюйфу?

ВБ: Много раз! Помню свой первый приезд в сентябре 1987 года. Тогда Цюйфу ещё производил впечатление заштатного уездного города. При входе в мемориальный комплекс, прямо на земле, валялись разбитые стелы с изречениями Конфуция – результат деятельности *хунвэйбинов* в годы «культурной революции». В последующие мои посещения Цюйфу заметно похорошёл, наряду с сохранившимися старыми постройками, в нём всё больше появлялись современные здания. По мере изменения отношения к Конфуцию на официальном уровне в городе появляются: центр изучения его наследия, большой концертный зал, где по торжественным датам проходят мероприятия, посвящённые великому мудрецу. Однажды я смотрел там пьесу, посвящённую Конфуцию, в другой раз – концерт старинной и современной китайской музыки. Изменился и сам мемориальный комплекс – теперь это благоустроенный парк, расширилась его территория, на ней можно увидеть могилы многих учеников и родственников Конфуция, для объезда её используют специальные автобусы. В Цюйфу регулярно проходят международные конференции, посвящённые творчеству Конфуция. Каждый год 28 сентября, в день его рождения, устраиваются специальные мероприятия в храме Конфуция, в которых участвуют руко-

водители города, представители общественности, китайские и зарубежные учёные. На последней торжественной церемонии, 28 сентября 2014 года, посвящённой 2565 годовщине со дня рождения Конфуция, я возлагал цветы от имени российских учёных.

ВГ: Похоже, вы были почти везде. Тогда позвольте спросить иначе: где в Китае, в каких местах вы не бывали?

ВБ: Не был в Тибете, Синьцзяне, не был в провинции Юньнань, на острове Хайнань.

ВГ: Какие блюда китайской кухни вы предпочитаете?

ВБ: У меня два любимых блюда китайской кухни, которые я очень люблю. Это *хуншао цецзы* (тушёные баклажаны), *цинчжэнь юй* (рыба, приготовленная на пару). Другие блюда я тоже люблю. Кроме, конечно, *острой* сычуаньской кухни. Конечно, морепродукты люблю: креветки, крабы, всё прочее...

ВГ: Я не раз виделся с вами на Тайване и знаю, что вы поддерживаете давние связи с островом, часто бывали там в постсоветское время. Как вы относитесь к Тайваню?

ВБ: Да, у меня особое отношение к Тайваню. В 1988 году я был на философском конгрессе в Брайтоне, в Англии. И там познакомился с несколькими тайваньскими философами.

ВГ: Вот вы и проговорились – оказывается, вы были ещё и в Англии!

ВБ: Да, в Англии я был на Международном философском конгрессе, где было четыре философа из Тайваня. Один из них, правда, вьетнамского происхождения. Он ещё молодым уехал из Южного Вьетнама, получил образование во Франции и там женился на тайваньке. В общем, все крупные философы из Тайваня были на том конгрессе. Мы познакомились с ними, разговаривали, даже гуляли несколько раз по набережной. Я сказал, что никогда не был на Тайване. И они пообещали: «Мы вас пригласим!» Я говорю: «Вы не сможете меня пригласить». Они в ответ: «Нет, пригласим!» И в том же 1988 году меня действительно пригласили на Тайвань, на Симпозиум по метафизической философии. Я даже подготовил доклад. Получил приглашение, и даже деньги дала на поездку наша Академия. В 1988 году у нас уже была перестройка! Вы представляете? Но меня не пустили на Тайвань. Это была известная история. Профессор *Тан И-цзе*, сын известного исследователя буддизма *Тан Юн-туна* и сам известный учёный, завкафедрой истории китайской философии на философском факультете Пекинского университета, мне говорил, что они в материковом Китае слышали об этом. Я должен был стать первым советско-русским учёным, который собирался посетить Тайвань! Но мне не дали визы! МИД Тайваня заявил: «Коммунистам мы визу не даём». Вот поэтому я и не поехал. Первым из

наших учёных туда попал *Б.Л. Рифтин*, а я уже позднее посетил Тайвань, став вторым или третьим русским учёным.

ВГ: Как это произошло?

ВБ: Два года спустя я познакомился в Пекине с профессором, директором тайваньского института имени Сунь Ят-сена при Педагогическом университете. Тогда на Тайване во многих университетах были либо институты имени Сунь Ят-сена, либо институты «трёх народных принципов». Сейчас их уже нет, а тогда были. Пока Гоминьдан был у власти, в каждом университете и даже в средних школах изучались «три народные принципа» Сунь Ят-сена. И вот директор этого института пригласила меня на конференцию на Тайвань. Я прибыл туда в декабре 1991 года, как раз тогда, когда разваливался Советский Союз. Я видел по телевизору весь процесс ликвидации СССР – как спускали красный флаг в Кремле, как Горбачёв покидал свой кабинет и т. д. В декабре 1991 года в Тамканском университете уже был *Евгений Андреевич Ян Ци* и его жена *Эмма Ашотовна*. Так я впервые попал на Тайвань. В январе 1992 года я уехал оттуда и сразу полетел во Францию, на философский симпозиум в Париже. Там я тоже выступал по проблемам Китая.

ВГ: Давайте пока вернёмся на Тайвань. Как встретил вас Тайвань?

ВБ: Нормально. Мне понравился Тайвань. Я жил в общежитии тайваньского Педагогического университета. О существовании Тамканского университета я тогда ещё не знал.

ВГ: Как вы оцениваете характер тайваньского общества? Как капитализм или как «развитой социализм»?

ВБ: Я сейчас уже таких формулировок избегаю. Может быть, там «конвергентная экономика», как сейчас принято говорить? Знаете, сейчас моя студентка-дипломница написала диплом «Тайваньский период в деятельности Гоминьдана». По моей инициативе она перевёла Программу и Устав Гоминьдана. Вообще, если бы я знал, как ей будет трудно, я бы не советовал ей его делать. Я сам с трудом понимал некоторые фразы в обоих текстах. Это первый перевод этих документов на русский язык. Так вот, в них чувствуется социальная направленность политики ГМД, хотя, возможно, я и ошибаюсь.

ВГ: В чём главное отличие Тайваня от КНР, помимо различий в правящих партиях?

ВБ: Ну, у правящих партий в Тайбэе и Пекине есть много общего!

ВГ: Это так. Но чем всё-таки Тайвань отличается от материкового Китая, на ваш взгляд?

ВБ: Тайвань – маленькая страна, маленькая территория. Их нельзя сравнивать.

ВГ: Но это количественные различия.

ВБ: Я всегда выступаю против того, когда некоторые мои коллеги-китаеведы, и некитаеведы, особенно либеральные политики, сравнивают Китай с Тайванем. В Китае миллиард триста тысяч с лишним человек населения. В Китае, с моей точки зрения, не может быть иного режима, кроме как авторитарного. Раньше был жёсткий, сейчас он становится мягким. И нет никакой другой альтернативы, иначе он развалится. А на Тайване сейчас всего 23 миллиона жителей! И у них может быть сегодня другой режим, демократический. Подчёркиваю – сегодня. Вы не хуже меня знаете, что в течение 38 лет (!) на Тайване существовал жёсткий авторитарный режим, однопартийная диктатура Гоминьдана; не было никаких «проблесков» демократии. Но с помощью этого режима был осуществлён экономический подъем Тайваня, создана база для его политической модернизации. Аналогичный путь прошла и Южная Корея, где я, кстати, тоже бывал, и в какой-то степени, Сингапур. Об этом не стоит забывать. Я написал в своей книге ещё в 1998 году, что материковый Китай будет «постепенно демократизироваться», но прежде всего нужно создать соответствующие социально-экономические и идейно-политические предпосылки. Почитайте мою книгу, там об этом подробно написано.

В 1994–1995 годах я прожил на Тайване 6 месяцев. В этом мне помогли наши фонды, не тайваньские. Поэтому я решил написать книгу о Тайване и действительно написал её. Она называется «Модернизация тайваньского общества»[24]. Эту книгу я написал без гранта. Сейчас я буду немного критиковать *Писарева* и особенно *Малявина*. Они живут на Тайване более 20 лет, но ни одной книги, я подчеркиваю – книги – о Тайване не написали.

ВГ: Ну, они написали десятки статей о Тайване.

ВБ: Где?

ВГ: В разных журналах.

ВБ: Например?

ВГ: «Тайваньская панорама», «Эксперт», да и во многих других...

ВБ: Ну, это всё-таки публицистика. Может, я ошибаюсь, но «Тайваньская панорама» – это скорее туристическое, развлекательно-кулинарное издание. Я дважды говорил с завотделом информации Тайваньского представительства в Москве о том, что, если вы хотите, чтобы ваш журнал читала российская экономическая и политическая элита, необходимо публиковать в нём статьи о политической истории Тайваня, о методах достижения впечатляющих экономических успехов острова и т. п. Думаю, читателям журнала было бы интересно узнать, как проходят выборы на Тайване,

[24] *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998. 238 с.

их механизм. Наконец, о программах двух основных политических партий – Гоминьдана и ДПП[25]. Практически нет публикаций о тайваньской идентичности, если она действительно существует. Нужна серьёзная научная работа о Тайване! В.В. Малявину здесь «и карты в руки»! А «Тайваньская панорама» – это, извините меня, совсем другое дело. Я регулярно читаю «Тайваньскую панораму». Недавно, когда я находился в одной из восточноевропейских стран, мне довелось совершенно случайно поговорить с одним молодым тайваньцем. Когда я ему утвердительно сказал, вы – китаец, живущий на Тайване, он недвусмысленно мне ответил – я тайванец. Так, кто же всё-таки тайваньцы? Китайцы, но имеющие свои региональные отличия? Или же за почти 70 лет сложилась особая этническая общность со своими культурными и социо-психологическими особенностями? Тайваньская культура – типично китайская или нет? У неё есть свои отличия, или нет? Вот чего я жду от В.В. Малявина, серьёзного ученого, работы которого я всегда читаю с большим интересом. Я, например, написал в своей книге «Модернизация тайваньского общества», что тайваньское общество имеет определённые культурные особенности, свою идентичность и т. д. Об этих проблемах сейчас много говорят. И *Чэнь Шуйбянь* в прошлом, и *Ма Ин-цзю* сейчас. Мне как-то довелось выступать на одном собрании – как оказалось, тайваньских патриотов Китая. Они мне даже сделали замечание: «Мы – китайцы, а не тайваньцы». Я им сказал: «Всё-таки, тайваньцы отличаются». «Нет», – они говорят. Почему я вообще бурно реагирую на данную проблему – потому что у нас очень мало работ по национальной психологии китайцев. Незадолго до своего ухода из жизни книгу с таким названием опубликовал *Николай Александрович Спешнев* – блестящий учёный, великолепный знаток китайского языка, прекрасный лектор. По-моему, его книга[26] должна быть в библиотеке у каждого китаеведа. Мы с вами говорили о Кобзеве. Артём Игоревич очень многого добился в исследовании китайской философии, это бесспорно. До опубликования его монографии о Ван Ян-мине в нашей науке, не помню с чьей лёгкой руки, господствовала точка зрения о субъективном идеализме этого выдающегося китайского философа. А.И. Кобзев постарался её опровергнуть. Хотя я был не согласен с его мнением, но, будучи официальным оппонентом, одобрил в целом его кандидатскую и докторскую диссертации. Кстати, саму тему об учении Ван Ян-мина предложил ему я.

ВГ: Он это признает в своём интервью.

ВБ: Да? Хорошо! Я отдаю ему должное. Но вернёмся к Тайваню. Про тайваньское общество один наш крупный учёный (не буду говорить «ки-

[25] Демократическая прогрессивная партия (ДПП) – (民主進步黨 *Миньчжу цзиньбу дан* (*Миньцзиньдан*)). Создана на Тайване в 1986 как оппозиционная партия. Выступает за независимость острова от материкового Китая. В 2000–2008 — правящая партия на Тайване.

[26] *Спешнев Н.А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2011. 336 с.

таевед» и не буду называть имя, потому что он меня не уполномочивал) после пребывания на Тайване сказал так: «*Чан Кай-ши* извлёк уроки из прошлого». Чан Кай-ши действительно извлёк уроки из поражения на материке, в успехах Тайваня есть и его заслуга. Это так.

ВГ: Нравится ли вам Тайвань?

ВБ: Мне нравится Тайвань! И мои друзья говорят мне, что Тайвань им нравится. Потому что это демократическое, развитое общество, предоставляющее широкие возможности для людей. Хотя не надо думать, конечно, что там всё хорошо. Во всяком случае, это общество, как бы сказать, европеизированное...

ВГ: Вестернизированное?

ВБ: Ну, да, наверно, вестернизированное...

ВГ: С чем был связан ваш визит на остров в декабре 2013 года?

ВБ: Я выступал на конференции по русской культуре в Тамканском университете. Дело в том, что я в последние годы занимаюсь сравнением китайской и российской политических систем. В секторе политической философии мне приходится обращаться к опыту политической модернизации в Китае, на Тайване и в России. Я опубликовал статьи на эту тему в наших институтских сборниках. Затрагиваю я в них и проблемы культуры, как китайской, так и русской. В мае этого года я снова еду на Тайвань.

ВГ: Что это будет за мероприятие?

ВБ: Я буду выступать в Университете культуры (Чжунхуа вэньхуа дасюэ) на конференции по русской культуре. Дело в том, что в течение 5 лет я читал в КНР лекции по русской культуре, в том числе по русской литературе.

ВГ: В каком вузе?

ВБ: В Сианьском и Шанхайском университетах иностранных языков. Я читал там по одному семестру лекции для студентов и аспирантов, специально готовился к ним, потому что эта проблематика мне интересна.

ВГ: Кстати, вы читали лекции на русском или на китайском языке?

ВБ: На русском.

ВГ: Под перевод?

ВБ: Нет, без перевода. Я читал их для русистов. В декабре прошлого года в Тамканском университете на Тайване я читал доклад об очень интересном русском писателе *Василии Белове*. Он мне нравится. У меня дома есть его произведения. Он, как принято говорить, «деревенщик». У него есть великолепный роман – первый роман из трилогии о Великом пере-

ломе[27], где он описывает трагедию русской деревни периода коллективизации. Я читал его ещё в 1970-х годах в «Новом мире», где тогда главным редактором журнала был *А. Твардовский*. В 1990-е годы В. Белов закончил всю эту трилогию. По-моему, по глубине проникновения в характер «русского мужика», описанию реалий деревенской жизни в переломный период истории России роман Белова «Год великого перелома» превосходит «Поднятую целину» *М. Шолохова*. Недаром Александр Солженицын в 1970-е годы причислял В. Белова, наряду с *С. Залыгиным*, *Б. Можаевым* и *В. Распутиным*, к лучшим представителям современной русской литературы. Но в последних двух его романах «проглядывает» антисемитизм. Он считает, что во всех бедах деревни 1920–1930-х годов виноваты евреи, что, конечно, неправильно. Если не обращать внимания на этот идеологический момент, само описание повседневной жизни вологодской деревни и происходивших в ней событий очень реалистично. А сейчас я буду выступать с докладом о творчестве *Витторио Страда*. Слышали эту фамилию? Это один из лидеров современного мирового славяноведения. Это человек, который в 50–70-е годы прошлого столетия был коммунистом, но затем вышел из итальянской компартии из-за несогласия с рядом её идейно-политических позиций. В. Страда – автор множества работ по русской и советской литературе, начиная от *Достоевского* и *Толстого* и кончая *Маяковским* и *Пастернаком*. Во время учёбы в аспирантуре МГУ он высказывал мнения, расходившиеся с принятыми тогда штампами советского литературоведения. По возвращении в Италию занялся переводами русских и советских писателей. Имя В. Страда мне стало известно от *Эвальда Васильевича Ильенкова*, о котором я уже говорил. Ильенков был убеждённым марксистом, почитателем настоящего *Маркса*, причём в хорошем смысле этого слова – не того Маркса, которого излагали в СССР в препарированном и догматизированном виде. Имя Ильенкова, которого неоднократно критиковали официальные идеологи, хорошо известно философской общественности современного Китая. Его работы переведены на китайский язык, наследие Ильенкова изучают и марксисты европейских стран. Когда В. Страда учился в Москве, он познакомился с Ильенковым, попытался организовать издание его классической работы «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса» в Италии. Но советские официальные лица воспрепятствовали этому. Однажды в разговоре Ильенков обмолвился об этом. Тогда я и узнал имя Страды. Позднее в «Литературной газете» стали появляться статьи, посвящённые Страде, где его «изобличали» во всех смертных грехах. Известный писатель-ретроград *В. Кочетов* опубликовал даже посвящённый ему роман «Чего же ты хочешь?», где Страда под другим именем выведен в качестве главного героя – антисовет-

[27] *Белов В.И.* Час Шестый: Трилогия. Вологда, 2002. 953 с.

чика. В прошлом году в Москве был издан юбилейный сборник, посвящённый 85-летию В. Страды, где помещены его статьи о русской литературе последних лет, а также его автобиографическая повесть. Я решил сделать доклад, посвящённый В. Страде, поскольку тайваньские русисты незнакомы с его творчеством. У меня есть его книги, я их читал. Очень интересные. В советские времена я выписывал почти все литературно-художественные журналы: «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Иностранную литературу»... Однажды я в «Иностранной литературе» даже публиковался.

ВГ: Это была публикация по Китаю?

ВБ: По Китаю. Рецензия на один современный китайский роман, посвящённый жизни небольшого города. Я в оригинале прочитал его, написал рецензию и предложил журналу. Они и опубликовали. Это было примерно в 1986–1987 годах.

ВГ: Я знаю, что у вас есть такое хобби – писать рецензии.

ВБ: Да.

ВГ: Почему и как оно у вас возникло?

ВБ: Когда, прочитав книгу, я вижу, что она интересная, содержательная – я сажусь и пишу рецензию. Так произошло, в частности, с книгой *Я. Бергера* «Экономическая стратегия Китая» – она произвела на меня глубокое впечатление. Точно так же я, по собственной инициативе, прорецензировал четыре тома из шести энциклопедического издания «Духовная культура Китая». Иногда авторы сами просят написать рецензию на их книгу.

ВГ: Рецензии – очень важная вещь, конечно. И дело тут не только в помощи друзьям, но и в том, что благодаря рецензиям вы оказываетесь в курсе основных новейших изданий. Вы глубоко прорабатываете их, у вас есть видение «поляны», как сейчас говорят. Вы как бы сканируете состояние нынешнего нашего китаеведения. И не только китаеведения.

ВБ: Да. У меня сейчас в 3-м номере «Востока» будет опубликована рецензия на книгу китайских авторов «Русские эмигранты в Харбине». Мне её подарили, когда я был в прошлом году в городе Харбине. Это большая по объёму рецензия[28]. В журнале ругались – я написал больше листа. Потом я хочу сделать рецензию на книгу «Взгляд китайцев на Россию». Её мне тоже подарили в Харбине.

ВГ: Кто автор «Русские эмигранты в Харбине»?

ВБ: Там три автора. Книга интересная. В рецензии я пишу, что для меня Харбин – не просто китайский город. Это город, где я родился!

[28] *Буров В.Г.* Рец. на: *Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лиин.* Хаэрбин ецяоши. Харбин, 2011 // Восток. 2014. № 3. С. 203–211.

И когда в 2013 году я в последний раз приехал в Харбин, увидел там заброшенное здание нашего консульства. Говорят, что российские власти просят его вернуть, но китайцы пока не возвращают.

ВГ: Как, на ваш взгляд, изменилось отечественное китаеведение после развала Союза, в постсоветское время?

ВБ: Китаеведение или изучение Китая? Это разные вещи.

ВГ: Изучение Китая... Китаеведение... В широком смысле.

ВБ: В широком смысле – тысячи людей сейчас изучают китайский язык. Китайский язык, скажем так, по популярности стал вторым после английского. Люди стали как бы ориентированы на Китай. В своей статье по проблемам перевода я написал, что молодёжь ушла в другие области изучения Китая – в экономику, бизнес, современную историю, политологию, международные отношения. С моей точки зрения, изучение классики не развивается. Может, я не прав, и есть энтузиасты.

ВГ: Правы отчасти. Потому что выходят же книги по *Шу цзину* или переводы *Сыма Цяня*.

ВБ: Переводы Сыма Цяня – это Р.В. Вяткин сделал.

ВГ: Но Вяткин умер давно. А завершали работу сейчас как раз молодые ребята, которые «дожимали» незавершённые Вяткиным остатки переводов и подготовили последние тома.

ВБ: Но они использовали его переводы!

ВГ: Использовали. Но некоторые вещи они сами делали, потому что он не успел всё сделать.

ВБ: И сколько – один том, два?

ВГ: Несколько.

ВБ: Это важная вещь!

ВГ: Речь идёт об эстафете, конечно. Так что, я считаю, вы правы отчасти.

ВБ: Нет, я считаю, что я прав на 80%. Потому что, смотрите как выходили в нашей стране работы в 1960–70–80-х годах!

ВГ: Вы имеете в виду переводы классики – литературу, памятники истории?

ВБ: Да. Кроме того, скажите мне, много ли есть переводов современных китайских писателей? Сейчас мы читаем современную китайскую литературу только благодаря *Егорову* из Санкт-Петербурга – энтузиасту,

который перевёл *Мо Яня*[29]. Но он «живёт» за счёт английских переводов, как я слышал.

ВГ: На самом деле в том же Петербурге на востфаке СПбГУ уже издали на китайские деньги целый ряд сборников с переводами рассказов китайских писателей. Очень интересный опыт! Это современные китайские писатели из разных провинций, которые лет через сто могут стать классиками.

ВБ: Да, я знаю. Но это – на китайские деньги. А где наши-то деньги? Это важно. Сейчас китайцы стали их давать, а раньше не давали, и денег не было. И что мы издавали? А в Москве мы имеем эти деньги? Институт Дальнего Востока издал 6 томов «Духовной культуры Китая» в основном на китайские деньги. Ваш институт издаёт что-нибудь по китайской литературе?

ВГ: У нас в основном историей занимаются. И китайским театром. Крупных проектов по переводам китайской литературы нет.

ВБ: Вот Дмитрий Воскресенский из МГУ. Он много сделал в области перевода китайской художественной литературы, но он уже в возрасте. Его сын занимается международными отношениями. Понимаете, я сужу по своим студентам – никто не хочет заниматься классикой! Санкт-Петербург ещё как-то традиции держит, и то за счёт китайских денег. Не будет их – ничего не будет! Извините меня, пожалуйста, за столь резкое высказывание – ничего не будет! Так что я с вами согласен частично. А то, что сделали, завершили работу Вяткина – это хорошо. Но это можно сделать, когда уже есть основа, а основа была заложена Рудольфом Всеволодовичем в начале 1990-х годов[30]. *И. Алимов* создал хорошее издательство «Петербургское востоковедение», появлялись книги не только по Китаю, но и по всему Востоку. Но издание внезапно прекратилось – не знаю, почему... То, что сделал он, трудно переоценить. Я не знаю, кто у вас в Отделе Китая знает древний язык, кроме вас и Кобзева.

ВГ: Молодёжь в отделе тоже знает неплохо.

ВБ: К большому сожалению, я не знаю область ваших научных интересов, занимаетесь ли вы переводами?

---

[29] В переводе И.А. Егорова вышли важнейшие романы лауреата Нобелевской премии за 2012 г. Мо Яня (1955 г.р.): «Большая грудь, широкий зад» (СПб., 2013. 831 с.), «Страна вина» (СПб., 2014. 446 с.), «Устал рождаться и умирать» (СПб., 2014. 703 с.).

[30] Первые два тома перевода «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня, подготовленные Р.В. Вяткиным и В.С. Таскиным, вышли в 1972 и 1975 гг. После их смерти работу завершил коллектив китаистов под руководством *А.Р. Вяткина*, в который вошли как молодые учёные, так и ветераны: А.М. Карапетьянц (1943 г.р.) и С. Кучера (1928 г.р.).

ВГ: Я переводил в основном китайские династийные истории и эпиграфику. Переводы стел... Средневековые, причём. Кстати, авторы стел любили цитировать классику.

ВБ: Да, это вещь серьёзная, я согласен. Это хорошо! А у вас публикации есть?

ВГ: Конечно, есть.

ВБ: В сборниках или отдельно?

ВГ: И в ВАКовских журналах, и в сборниках, и монографии тоже есть[31]. Если вам интересно, то я вам передам.

ВБ: Дайте почитать! Это ваша кандидатская диссертация?

ВГ: В том числе и диссертация.

ВБ: А как называется диссертация?

ВГ: «Этнические процессы и этническая политика в государстве Северное Вэй в III–VI вв.»[32].

ВБ: Это очень интересно!

ВГ: С самого начала я изучал этническую историю и политику, используя эпиграфику как один из источников, наряду с династийными историями. Сравнивал эти источники.

ВБ: Изучение эпиграфики – это серьёзная отрасль китаеведческой науки. К сожалению, я этим не занимаюсь, поэтому прошу меня извинить за столь настойчивые вопросы. В связи с областью ваших научных интересов я хочу сказать, что очень важно то, что сделал *Крюков-младший, Василий*. Он – талантливейший человек.

ВГ: Но Василий – китаевед советского поколения, который начал активно работать в 1990-е годы, а сформировался ещё в 1980-х. То есть получил отличное советское образование, стажировался в Китае, имел отличную китаеведную школу.

ВБ: Вот именно! Между прочим, он хорошо знал русскую литературу и русскую философию. В его двух посмертно опубликованных книгах есть статьи о *Гоголе* и *Достоевском*[33]. Лет 10 тому назад я читал в журнале «Во-

[31] *Головачёв В.Ц.* Стела с Центрального священного пика, горы Суншань, как исторический источник периода династии Северное Вэй (386–534) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1996. № 1. С. 3–10; *Головачёв В.Ц.* Стела в память Ваньянь Сиинь как эпиграфический источник по истории чжурчжэней (перевод и комментарии) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2006. № 2. С. 82–99; *Головачёв В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.* Тырские стелы XV века (перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов). СПб., 2011. 320 с.+117 рис.

[32] *Головачёв В.Ц.* Этнические процессы и этническая политика в государстве Северное Вэй (IV–VI вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.,1991. 28 с.

[33] *Крюков В.М.* След птицы-тройки: другой сюжет «Братьев Карамазовых». М., 2008. 536 с.; *Крюков В.М.* Неумолимый червь познанья: избранные мысли об истории и культуре Китая

просы философии» его статью о *Розанове*. Его уход из жизни – это тяжёлая потеря для российского китаеведения. Вы знаете *Худякова Дмитрия*?

ВГ: Знаю. Он работает по совместительству и в нашем отделе.

ВБ: Худяков хорошо знает древний язык?

ВГ: Да, он занимается древнекитайскими текстами. Это как раз то самое молодое поколение, о котором я только что говорил...

ВБ: А много таких?

ВГ: Мало. Но, думаю, можно насчитать с полдюжины. Это уже новые тенденции, новое поколение 2000-х. Это молодые ребята, которым по 25–35 лет.

ВБ: Понимаю. В 1990-е годы везде был провал. Это можно видеть даже по защите диссертаций: мало было диссертаций. Раньше их было больше. Может быть, сейчас снова станет больше.

ВГ: В 1985 году, побывав в Китае, вы поняли, что китайцы идут в верном направлении?

ВБ: Я написал книгу «Китай и китайцы глазами российского учёного». Она переведена на китайский язык, издана в Харбине издательством *Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ* (Народное издательство пров. Хэйлунцзян). Не так много россиян, работы которых переводят на китайский язык. *Галеновича* переводят, потому что у него есть работы историко-политического характера. Будучи на Тайване и работая в Национальной библиотеке, я написал статью на китайском языке об изучении китайской философии в России. Она была опубликована в трёх номерах «Бюллетеня китаеведческих исследований» за 2005–2006 годы. Опубликовал также несколько статей в газете – органе Гоминьдана – об иммиграции в Китае, о политике *Ельцина* в отношении Китая и т. д.

ВГ: Почему вы вспомнили свою книгу «Китай и китайцы глазами российского учёного»? Выходит, вы уже тогда почувствовали, что китайцы «маршируют» в правильном направлении? Оправдали ли ваши надежды китайцы за прошедшие с тех пор почти 30 лет?

ВБ: Да. Думаю, что они идут правильным путём, хотя китайский политический режим может не нравиться многим людям на Западе, да и у нас тоже. Обратите внимание на одну вещь: в своих статьях я откровенно писал о том, что часть нашей политической элиты настроена недружественно по отношению к Китаю. Показателем этого является то, что публикаций общеполитического характера о Китае мало. Только «Независимая газета» регулярно даёт информацию о Китае. Более того, обратите внимание: у нас

и России. М., 2009. 680 с.; *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. 2-е изд. М., 2012. 399 с.

сегодня остался только один корреспондент телевидения в Китае – на втором канале РТР, это мой бывший студент – *Дмитрий Собиев*. Он учился в Московском лингвистическом университете, когда я там преподавал. Вот о чём разговор! Это означает, что опыт Китая, грубо говоря, «бьёт по носу». Он показывает нам, что нельзя было совсем отказываться от советского опыта и только порочить его. Китай пошёл по другому пути: в стране не ликвидирована компартия. Она существует, но стала другой. И социализм они строят другой – это «социализм с китайской спецификой». Я пишу об этом в своих работах. Конечно, много проблем у Китая. Можно китайцев критиковать, и вероятно нужно, но и молчать об их опыте нельзя.

ВГ: Как вы считаете, каково будущее компартии Китая?

ВБ: Она будет трансформироваться в более современную, более либеральную.

ВГ: А будущее Китая вы оптимистично оцениваете? Говорят же, что XXI век – век Китая. Реалистично ли это высказывание?

ВБ: Реалистично. 22 или 23 октября прошлого года по 2-му каналу «Россия» передавали беседу политического обозревателя *Сергея Брилёва* с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, который тогда был в Китае. Вы знаете Брилёва?

ВГ: Конечно. Хороший журналист.

ВБ: Я сейчас расскажу, какой он хороший журналист!

ВГ: Он профессионал, но с Китаем не очень знаком, наверно.

ВБ: Но всё-таки, когда ты едешь в Китай, надо готовиться! Вы знаете, что в провинции Аньхой сейчас открыли музей средневекового борца с коррупцией *Бао Чжэна*[34]. Беседа идёт по ходу репортажа с территории музея. Брилёв спрашивает Д. Медведева: «Как вы относитесь к публичным казням, к расстрелам?» Д. А. дипломатично уходит от ответа на вопрос. Конечно, были в Китае публичные казни. Очень давно я был даже невольным свидетелем одной из них, когда расстреливали учителя средней школы за совращение одной из учениц. Но теперь этих публичных казней уже нет, давно нет. Вот вам уровень Брилёва!

ВГ: То есть одна фраза заставила вас разочароваться в Брилёве?

ВБ: А как же? Ты же ведёшь беседу – так надо же готовиться! Могу привести другой пример. 19 ноября 2013 года на 1-м канале в своей программе «Однако» своё мнение о решениях III Пленума ЦК КПК 18-го со-

[34] Бао Чжэн (999–1062). Он же — фольклорный Бао-гун (князь Бао), знаменитый сановник, мудрый судья, который прославился расследованием запутанных преступлений и своей неподкупностью. Наказывал всех, невзирая на лица и даже на родство с императором [ср. китайскую пословицу «Взяткой не подкупишь только Янь-вана (владыку ада) и почтенного Бао»]. Имя Бао Чжэна постепенно стало легендарным.

зыва высказал обозреватель *Михаил Леонтьев*. Он попытался поставить под сомнение возможность реального осуществления задач, намеченных Пленумом. Вначале Леонтьев продемонстрировал видеоряд с выступлением Горбачёва, где тот с пафосом говорил о будущих грандиозных планах КПСС. Затем, сказав несколько слов о том, что они не были осуществлены, он предсказал точно такую же судьбу и решениям Пленума ЦК КПК. Фактически «русский патриот» оказался в одной компании с внутренними и внешними врагами нашего стратегического партнёра. У НТВ нет корреспондентов в Китае. Говорят – это дорого, нет денег! Раньше на 1-м канале был *Павел Спирин*, а теперь и его нет!

ВГ: Это в прошлом мой очень хороший товарищ.

ВБ: Он китаист?

ВГ: Да. Он выпускник ИСАА при МГУ.

ВБ: И где он сейчас – неизвестно. Исчез! Нет корреспондента! Например, проходит сессия ВСНП. Дали картинку – и всё, больше ничего нет! Что они там приняли? Неизвестно! Я не понимаю, в чём дело! Возможно, потому что у людей могут возникнуть аллюзии, аналогии с тем, что происходит у нас.

ВГ: Сравнения не в пользу России.

ВБ: Не в пользу России, конечно.

ВГ: Это интересная мысль. Вы занимаетесь сравнением истории и культуры Китая и России. Как вам кажется, в чём сходство судеб Китая и России?

ВБ: Я думаю, сходство было связано с тем, что мы длительное время шли общим путём. То есть мы – после 1917-го, а они – после 1949-го. Они много заимствовали у нас, причём зачастую по собственной инициативе. Сейчас в китайской научной литературе пишут о том, что в 1950–1970-е годы в стране существовала высококонцентрированная экономика. И стараются на нас иногда переложить «свои грехи». Это неправильно. К Мао Цзэ-дуну можно по-разному относиться, но он человек умный, мудрый. И если он совершил ошибки, то это – его ошибки. При чём здесь мы? Сталин не мог на него влиять, тем более Хрущёв. И, тем более, последующие руководители.

ВГ: Но Сталин мог влиять на Мао.

ВБ: Как он мог на него влиять?

ВГ: Своим существованием хотя бы. Вызывал в Москву, деньги на оружие давал. И, – это Сталин говорил Мао Цзэ-дуну, что тот должен ввести новую демократию. А Мао Цзэ-дун «брал под козырёк» и вводил

«новую демократию». Ведь кто определял политику в Китае сразу после 1949 года? Сам Мао Цзэ-дун или ещё и Москва?

ВБ: Мао Цзэ-дун сам определял политику, уверяю вас!

ВГ: Ну, это не совсем так. По этому поводу можно почитать работы *Дмитрия Анатольевича Смирнова*. Он занимается изучением новой демократической политики Мао. Об этом пишут и другие авторы – *А.В. Панцов*[35], например.

ВБ: В 1960-е годы я прочёл очень много западных работ из спецхранов. Был такой журнал «Новые книги за рубежом» по общественным наукам, издательства «Прогресс», он существовал в двух вариантах – открытом и закрытом. Для закрытого варианта я писал рецензии на книги зарубежных авторов о Китае и Мао Цзэ-дуне. В результате я пришёл к выводу, что новая демократия – это не изобретение Сталина. По мнению многих западных учёных, Сталин с недоверием относился к Мао. Они, как правило, ссылаются на слова Сталина, якобы сказанные им в беседе с американским послом А. Гарриманом, в которой он называл Мао Цзэ-дуна «маргариновым коммунистом».

ВГ: Видимо, в том смысле, что маргарин – это совсем не масло.

ВБ: Вспомним в связи с этим, что происходило в странах Восточной Европы (Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии) в 1948–1949 годах, когда правительства единого фронта заменялись фактически однопартийными правительствами коммунистов. Более того, в это время проходили судебные процессы над теми членами руководства компартией этих стран, которые были не согласны с диктатом Сталина. Если он поступал так в отношении стран Восточной Европы, как он мог поддерживать теоретические новации Мао? Думаю, что слова о «маргариновом коммунисте» были сказаны как раз в связи с теорией Мао Цзэ-дуна о «новой демократии». Нелишне вспомнить и выступление Сталина на XIX съезде КПСС в 1952 году о национальной буржуазии. На мой взгляд, именно с теории «новой демократии» Мао начал «китаизацию» марксизма. Сейчас моя цель – закончить свою научную деятельность работой «Китайский марксизм. История и современность». Это будет моя завершающая книга. У меня есть материалы, которые я привёз из Китая, материалы по 1920-м и 1930-м годам. В основном это марксистские работы (и не только марксистские), которые никогда в научный оборот не вводились. Я считаю, что «новая демократия» – это была китаизация марксизма по Мао, в том числе его идея «деревня окружает город». Мне кажется, что Сталин именно за это его «не любил». Почему потерпела поражение китайская революция в 1920-е годы? Потому что она шла по сталинскому пути. Взятие власти

35 *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007. 867 с.

путём вооруженных восстаний в городах. А Мао Цзэ-дун пришёл к выводу, что «деревня окружает город». Вот его идея! Какая же это идея Сталина? Я участвовал в идеологической полемике, мы писали тогда в своих работах, что Мао Цзэ-дун – мелкобуржуазный революционер, потому что он опирается на крестьянство, сотрудничает с национальной буржуазией (!!). Идея «новой демократии» предполагала союз с национальной буржуазией. Компрадорская буржуазия – это другой вопрос, как говорил Мао. А национальную буржуазию он выделял. И потом, у него была интересная идея. Он говорил и писал ещё в Яньани о том, что надо взять всё хорошее, «экстракт» из китайской традиционной культуры. А мы до 1937 года, то есть до 100-летнего юбилея А.С. Пушкина, вообще отбрасывали традиционную культуру.

ВГ: Ну, потом и китайцы тоже очень лихо выбросили всю свою традиционную культуру.

ВБ: Да, но это он уже потом «полевел», во второй половине 1950-х годов. Как вы знаете, Сталин не принимал у себя Мао, потому что он уже ничего не мог с ним сделать. Если бы Мао Цзэ-дун приехал в СССР раньше, может быть, его и не было бы. Но Мао был, как я уже говорил, умный человек. Он приехал в 1949 году, когда революция уже победила. И что в этих условиях Сталин мог с ним сделать? Снять его и поставить кого-то другого? *Тито* он не мог уже убрать, тем более – Мао Цзэ-дуна.

ВГ: Если вернуться к вашему тезису о нашей тихой информационной блокаде в отношении Китая, как вы считаете, современное «всеобъёмлющее стратегическое партнёрство» может превратиться в «стратегическое соперничество» между нашими странами?

ВБ: Если не будет *Путина*.

ВГ: Да, к Путину очень хорошее отношение.

ВБ: Я люблю разговаривать с таксистами, потому что у них контакты с различными слоями населения. Они всегда спрашивают, откуда я. Когда узнают, что из России, говорят: «А, старший брат, *лао дагэ*». И так далее, а затем, как правило, продолжают: «Путин – это хорошо». Знаете, ведь у китайцев информации о России больше, чем у русских о Китае, я вас уверяю. Вы посмотрите: ведь у нас сейчас часть политической элиты настроена либерально, но либерализм бывает разный – радикальный и консервативный. Я лично – за консервативный либерализм. Путин понимает важность Китая для развития России, для упрочения её позиции в современном международном сообществе, поэтому он делает всё для развития двусторонних отношений. Через 10 лет во главе Китая уже не будет Си Цзинь-пина, будет кто-то другой, неважно кто. Для страны это не будет иметь значения. В главном принципы внутренней и внешней политики меняться не будут. В Китае выстроена очень хорошая вертикаль власти,

система властных отношений. А у нас эта вертикаль замыкается на одного человека. Вот в чём проблема!

ВГ: Что вы сами считаете самым большим достижением и самым большим разочарованием в своей жизни и в профессиональном плане?

ВБ: Ну, за свою жизнь я всё-таки что-то сделал. Вы видели мой словарь? «Китайско-русский словарь новых слов и выражений»[36]? Вы представляете, что такое – сделать словарь?! Ведь я не лингвист. Да, этот словарь я сделал, когда работал в Шанхае и в Сиани. Он издан в 2007 году. В нём новые слова периода реформ и открытости. Более 15 000 слов.

ВГ: И это – одно из ваших достижений?

ВБ: Я считаю, что да, что это очень важно! А почему нет?

ВГ: Какие слова вошли сюда? Вы включили в него какую-то новую лексику? Или новые общеупотребительные выражения?

ВБ: Только новая лексика периода после 1976 года.

ВГ: Я держу ваш словарь в руках и вижу интересные выражения: «извращённое сознание», «коэффициент контрастности», «несезонные овощи». Да, такая лексика интригует!

ВБ: Китайско-русский словарь – это только один из результатов моей деятельности. Постараюсь их кратко перечислить. Во-первых, я выступал пионером изучения китайской философии XVII века. Во-вторых, я был одним из первых, кто начал исследовать китайскую философию XX века, в том числе философскую мысль КНР. В-третьих, я, пожалуй, один из немногих российских исследователей, кто разрабатывает проблематику китайской марксистской мысли. В-четвёртых, я участвовал, как уже сказал, в подготовке двух Антологий по древнекитайской философии – доцинского периода и эпохи Хань. В-пятых, подготовил словарь, о чём я уже сказал выше. В-шестых, я регулярно публикую на русском языке статьи китайских философов. В 2007 году я подготовил «китайский» номер журнала «Вопросы философии» (№ 5), где все статьи, кроме нескольких, были переведены мной. В нём были опубликованы статьи китайских авторов не только по истории китайской философии, но и по истории русской философии, по западному марксизму, по общим проблемам философии и т. д. Были представлены воспоминания китайского философа, выпускника МГУ, были мои статьи и рецензия на книгу китайского автора. И ещё две статьи на английском языке. В общем, примерно 15 статей. По-моему это большая работа!

ВГ: Это, конечно, примечательная веха и достижение.

---

[36] *Буров В.Г., Семенас А.Л.* Китайско-русский словарь новых слов и выражений. М., 2007. 736 с.

ВБ: Я считаю своим долгом, поскольку я работаю в Институте философии, знакомить российскую научную общественность с публикациями китайских философов.

ВГ: Это очень важно!

ВБ: У нас этого никто не делает. После 2007 года я перевёл более 15 статей китайских философов в журналах «Вопросы философии», «Новая и новейшая история», «Свободная мысль» и других изданиях. Должен сказать, что перевод текстов современных китайских философов позволяет мне быть в курсе новой философской терминологии, вошедшей в словарный состав китайского языка в последние годы (феноменология, герменевтика, дискурс и т. п.). Ещё одним результатом моей научной деятельности является написание авторских статей, которые публикуются в ВАКовских журналах, институтских сборниках, газетах. Одна из последних моих статей в журнале «Новая и новейшая история» была посвящена XVIII съезду КПК. Я считаю, что этот съезд очень важен для будущего развития Китая. Примечательно, что две мои книги изданы в Китае, одна – нэйбу (для внутреннего пользования), другая – вайбу (для открытого пользования). Я внёс определённый вклад в изучение китайского марксизма, именно марксизма. Не социализма, которым занимаются многие китаеведы. У меня есть публикации о китайском марксизме. В своё время были опубликованы две интересные работы *Льва Петровича Делюсина* о китайском социализме[37]. А я хочу написать книгу именно о китайском марксизме. Ведь социализм – это одно, а марксизм – это всё-таки другое. Я уже об этом писал в своих ранних публикациях 1980-х годов. Я собрал материал, которого нет ни у кого. Я имею контакты с китайскими марксистами и слежу за журналами по марксизму. У меня есть книги по истории китайского марксизма. Когда я перевёл статью китайского автора «Марксизм и конфуцианство», А.И. Кобзев меня критиковал: «Зачем вы перевели эту статью, лучше бы написали сами...». Но я считал необходимым представить оригинальную точку зрения китайского учёного. Она была опубликована в журнале «Вопросы философии» в номере за 2011 год. Её автор *Цянь Сюнь* – сын известного философа *Цянь Му*.

ВГ: Очень интересная тема.

ВБ: Наконец, я пытаюсь популяризировать современную китайскую философию, за что пользуюсь уважением со стороны китайских коллег. Наша философская общественность плохо представляет себе, что происходит в философской науке КНР сегодня. У нас знают имена тех китайских учёных, которые занимаются историей китайско-российских отношений, историей китайской философии и историей Китая, её экономикой.

[37] *Делюсин Л.П.* Спор о социализме: Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х гг. М., 1970. 92 с.; 2-е изд, испр. и доп. М., 1980. 152 с.; *Делюсин Л.П.* Китай в поисках путей развития. М., 2004. 448 с.

Но у нас плохо представляют себе, как развивается современная китайская философия.

У многих наших учёных существует представление, что общественная наука в Китае по прежнему испытывает влияние догматизма. Но это абсолютно неверное мнение! В современной китайской философской науке идут сложные процессы. Например, я сейчас «довожу до кондиции» статью замдиректора Института философии КАОН *Сунь Вэй-пина*. В ней он рассказывает о восьми (!) точках зрения среди китайских философов на предмет марксистской философии. Стремясь выйти за рамки традиционного деления марксистской философии на диалектический и исторический материализм, китайские философы предложили идею «практического материализма», навеянную ранними работами Маркса. В Китае серьёзно изучается работа так называемого западного марксизма, изданы труды практически всех его представителей, в том числе и те, которые не были переведены в нашей стране. Наиболее известные из них, например Хабермас, не раз читали лекции в китайских университетах. Нынешнее китайское руководство поставило перед обществоведами, прежде всего философами, задачу – *создать инновационный марксизм*. Дирекция Института философии КАОН предлагает нашему институту совместный проект на такую тему – «Перспективы развития марксистской мысли в XXI веке». Когда была прежняя Российская академия наук, этот проект вроде бы мог получить поддержку. Но сейчас при ФАНО он вряд ли осуществим.

ВГ: Я считаю, что вы взяли на себя очень важную миссию, которая, конечно, будет иметь долговременное воздействие. И я бы даже назвал эту миссию «постпросвещенческой» миссией. Вы – как «Ван Чуань-шань наших дней». Это здорово!

ВБ: Да. Одна из причин, почему я стал заниматься переводами статей китайских авторов, связана с местом моей работы. У нас в институте бывают китайские философы – и индивидуально, и в составе делегаций. Причём, как правило, приходится обсуждать с ними не проблемы истории китайской философии, а общетеоретические проблемы, связанные с онтологией, эпистемологией, философией науки и техники и т. д. Поэтому необходимо знать терминологию, а для этого приходится регулярно читать китайские философские тексты. Знаете, у меня есть друг в Китае. Он – председатель Общества изучения русской философии. Его аспирантка написала книгу об академике *Иване Тимофеевиче Фролове* – это был известный философ и один из помощников Горбачёва. Умер уже, к сожалению. Книгу перевёла на русский язык моя студентка, а я её редактировал! Но язык автора оказался настолько сложным, что даже я не всегда понимал, что она хочет сказать. Знаете, так бывает... Так же, как с Программой и Уставом Гоминьдана получилось. А вы, конечно, свободно читаете тайваньские документы?

ВГ: Ну, я там прожил 7 лет и читал их на работе, поэтому я их читаю.

ВБ: Всё-таки язык на Тайване отличается от материкового.

ВГ: Там у них традиционный, классический бюрократический язык. Старокитайский. Очень красивый, кстати.

ВБ: Да, на материке – более лёгкий, хотя китаянка, о которой я сказал, пишет очень сложно. Её книга уже вышла. Я приехал в Нанкин, и меня там хорошо принял проректор Нанкинского университета, философ. Он написал статью – «Аутентичный теоретический дискурс “возвращение к Марксу”». По ранним текстам Маркса. Естественно, что для меня это сложная тема. Я вообще Марксом специально не занимался. Тем более, его ранними текстами.

ВГ: Но из чувства благодарности вы эту статью перевели?

ВБ: Не только из благодарности, мне статья показалась интересной. Перевёл. Два года переводил! Между прочим, Социнтерн издаёт полное собрание сочинений Маркса под названием «МЕГА-2».

ВГ: А вы не жалеете, что время потратили на это?

ВБ: Может быть, и жалею. Но, с другой стороны, я всё-таки хочу, чтобы китайских философов в России знали. Я хочу ещё сказать вот о чём. У меня были аспиранты и студенты (они у меня и сейчас есть (!)), которым я даю путёвку в жизнь. Я всегда старался помогать своим коллегам, если у них возникают какие-то проблемы. В этой связи я хочу рассказать один эпизод. В конце 1960-х – начале 1970-х годов я познакомился с *Владимиром Семёновичем Спириным*, работавшим в Ленинградском отделении Института востоковедения. Он написал работу на стыке философии и филологии – о структуре древнекитайских текстов, где выдвинул идеи, которые впоследствии у А.И. Кобзева оформились в его концепцию нумерологии. Но в секторе, где он работал, его не поддержали. Когда я прочитал его работу, мне показалось, что в ней есть «рациональное зерно», показал её *Александру Пятигорскому*. Тогда он был довольно известным специалистом по буддизму, семиотике. Закончив философский факультет МГУ, он работал тогда в Институте востоковедения. Ему понравилась работа Спирина, и он написал на неё положительный отзыв. Я нашёл первого оппонента – доктора философских наук, специалиста по истории логики Стяжкина Николая Ивановича, а сам стал вторым оппонентом – я был тогда ещё кандидатом наук. И В.С. Спирин успешно защитил диссертацию в нашем институте. Позже его диссертация в дополненном виде вышла под названием «Построение древнекитайских текстов» в издательстве «Восточная литература»[38]. Её ответственным редактором был известный учёный Ю.В. Рождественский. В.С. Спирин продолжал свои научные изы-

[38] *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006.

скания, но, к сожалению, ему была свойственна излишняя, на мой взгляд, тщательность, скрупулёзность в оформлении своих идей. Он по много раз переделывал свои тексты, и больше ничего серьёзного он фактически не опубликовал[39]. А затем начались «лихие девяностые», и В.С. Спирин, верный своим коммунистическим убеждениям, с головой ушёл в политику. Кто-то мне сказал, что какое-то время он был секретарём Ленинградского обкома КПРФ. Точно так же я помог Леннарту Мяллю из Эстонии, с которым я познакомился в 1981 году на конференции в Душанбе. В Тартуском университете у него были проблемы с защитой по теме, связанной с буддистской философией, из-за его политических взглядов и контактов с каким-то неблагонадёжным буддистом в Улан-Удэ (имеется в виду *Бидия Дандарон — В.Г.*). Вместе с *Бонгард-Левиным* мы организовали ему защиту в Москве, в Институте востоковедения. Мы оба выступили оппонентами, защита прошла успешно. Во время «пробивания» диссертации Спирина я близко познакомился с *Львом Николаевичем Меньшиковым* – он был тогда единственным из коллег в Ленинграде, кто поддерживал Спирина. Лев Николаевич, не побоюсь этого слова, был выдающимся учёным, энциклопедически образованным. Он хорошо знал и китайскую литературу, включая поэзию, и китайский буддизм, и китайскую историю – у него были и свои переводы танских поэтов и даосских трактатов. И по своим человеческим качествам он был незаурядной личностью. В конце 1990-х и начале нулевых годов мне часто приходилось ездить в командировки в Санкт-Петербург, и я всегда находил время, чтобы встречаться с ним. Недавно для какого-то доклада мне пришлось обратиться к переводу Мэнцзы, сделанного *В.С. Колоколовым*. Перевод этот пролежал без движения много лет после смерти автора, и только благодаря Л.Н. Меньшикову был опубликован[40]. К сожалению, его уже нет с нами, он покоится на кладбище в Комарово. Вместе с его женой Аллой несколько лет назад я посетил его могилу, где на памятнике написано его китайское имя Мэн Ли-фу. К сожалению, всё меньше остается людей моего поколения, начавших свою научную деятельность в 1950–1960-е годы прошлого столетия!..

ВГ: О чём вы сожалеете или чем разочарованы в своей рабочей карьере?

---

[39] Фундаментальные статьи В.С. Спирина «Проблема “тождества” (*тун* 同) в древнем Китае (по материалам “И-цзина” и “Мо-цзы”)» и «Рационализм в классической китайской философии» посмертно изданы в «Архиве российской китаистики» (Т. II. М., 2013. С. 3–101). Издана и первая монография: *Спирин В.С.* «Дэн Си-цзы» как логико-гносеологическое произведение / Сост. А.И. Кобзев. М., 2014. 325 с.; о В.С. Спирине см.: *Дёмин Р.Н., Кобзев А.И.* Основоположник синологической структуралистики в России (О судьбе и творчестве В.С. Спирина) // Там же. С. 5–11; *Они же.* Китайская текстология как строгая наука (к 80-летию со дня рождения В.С. Спирина) // 39-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XXXIX. М., 2009. С. 472–476.

[40] Мэн-цзы / пер. В.С. Колоколова. СПб., 1999.

ВБ: Жалею только о том, что я не смог всё написать, не всё сделал. Потому что у меня много материала, который не использован. Может быть, даже занимался какими-то вещами, которые отвлекали. Но, с другой стороны, это тоже полезно. Вот, например, словарь. Можно было не делать его. Я ведь мог в Китае за 5 семестров написать одну-две книги. Но я сделал словарь. Это очень сложная работа.

ВГ: Какова была идея этого словаря? Почему вы его делали?

ВБ: Просто, я хотел, во-первых, сделать словарь, связанный с современной лексикой. Меня заинтересовало, можно ли это сделать. Хотелось попробовать свои силы. Это хобби такое. Просто неожиданно возникла такая идея...

ВГ: Ну, это хорошее хобби. Безусловно, очень полезное. И, может быть, хорошо, что вы не доверили, не оставили его «на откуп» лингвистам.

ВБ: Знаете в чём сложность? По ходу подготовки словаря, чтобы перевести некоторые термины, связанные с наркотиками, мне пришлось ходить в психо-неврологический диспансер. А ведь это тоже требует времени. Кроме того, я ходил в Парк им. Горького. Там есть такой аттракцион, когда человек надевает какое-то специальное приспособление и сверху бросается вниз. Для этого есть специальный русский термин.

ВГ: «Тарзанка»?

ВБ: Да, «тарзанка». Так вот, я пошёл в Парк культуры, чтобы узнать у людей, которые там работают, как это называется. Ведь нигде в словарях этого нет! У меня дома есть сейчас не только китайско-китайские словари, но и китайско-английские, русско-английские словари, естественно, и русские тоже... У меня дома сейчас около 40 китайских словарей!

ВГ: Ну да, а как без словарей, тем более философу? Как же иначе жизнь объяснять?

ВБ: Да. Так что, у меня есть много словарей.

ВГ: Как вы оцениваете перспективы нашего отечественного китаеведения, исходя из его нынешнего состояния и, конечно, богатых традиций?

ВБ: У нас традиции, конечно, богатые, не только в советском, но и в русском китаеведении, я имею в виду период дореволюционной, царской России. Я был свидетелем очень нехорошей вещи. Точно не помню, в каком году, то ли во время моей практики, то ли во время пребывания в аспирантуре в Пекине. Вы знаете, что Российская духовная миссия закончила работу в 1954–1956 годах (я, кстати, видел в Пекине епископа *Виктора Святина*). В общем, я пришёл однажды в посольство, и там на полу увидел листы китайско-русского словаря *Иннокентия* (*Фигуровского*)[41].

[41] «Полный китайско-русский словарь» под ред. И.А. Фигуровского (арх. Иннокентия) в 2-х тт. был издан в Пекине в 1909 г. В нём 16845 иероглифов, ок. 150000 слов и выражений.

Представляете, лежали на полу! То есть никому не нужны были. Я спросил – можно мне взять? И взял. И привёз их в Москву. Не у всех он есть, а у меня – есть.

ВГ: Старые печатные листы?

ВБ: Да, печатные. Старые китайские иероглифы...

ВГ: Это обрывки какие-то?

ВБ: Полный словарь я подобрал! Но он не был переплетён. Я переплёл его в Москве. Там было много листов в большом формате! Хороший словарь. Там и старославянский шрифт, ведь его делали священники...

ВГ: Как вы всё же оцениваете перспективы нашего китаеведения?

ВБ: Мне трудно сказать. Я не оптимист и не пессимист, честно вам скажу. Я полагаю, что китаеведение – это должно быть прежде всего изучение классики.

ВГ: Давайте переформулируем вопрос: какими вы видите задачи и перспективы российского китаеведения?

ВБ: У нас с Михаилом Леонтьевичем Титаренко была идея – продолжить издание памятников китайской философии. У нас были в своё время контакты с китайскими коллегами. Нам хотелось бы продолжить эту серию до XIX века. Теперь о задачах российского китаеведения. Я считаю, что нужно, во-первых, в качестве одной из основных задач продолжить подготовку специалистов по истории китайской философии. Мне кажется, их не так много сейчас. Конечно, диссертации защищают, но очень мало. В 1970 году, по инициативе М.Л. Титаренко, на философском факультете МГУ была создана специальная группа из тех студентов, кто желал изучать китайскую философию. Таких оказалось семь человек. Все они успешно окончили факультет, но связали свою дальнейшую судьбу с китайской философией пять человек. Во время их учёбы лекции им читали Титаренко, Феоктистов и ваш покорный слуга. Трое выпускников стали известными учёными, докторами наук. Это – А. Кобзев, о котором я уже говорил, А. Лукьянов, автор многих оригинальных работ, и *Л. Янгутов* – специалист по буддизму, работающий ныне в Бурятском государственном университете. Судьба двух выпускников, ставшими моими аспирантами, *В. Зайцева* и *Г. Гороховой*, сложилась следующим образом: В. Зайцев успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме, связанной с учением Чжу Си, и остался работать в нашем институте. Научная карьера его складывалась удачно. Но начались «лихие девяностые» и, чтобы содержать семью, он был вынужден устроиться работать то ли вахтёром, то ли ночным сторожем. Подобное совмещение отразилось на его здоровье, он перенёс инфаркт, а затем, не вылечившись как следует, ради денег поехал на работу в Китай. Вернувшись в Москву, он вскоре умер, ему было всего лишь 50 лет. *Галина Горохова* блестяще защитила диссертацию по

даосизму и стала работать в Отделе Китая у Л.П. Делюсина. Через какое-то время я узнаю, что она ушла из института, поскольку у неё появились другие интересы, она стала воцерковленной, живёт сейчас рядом с Оптиной пустынью, работает в сельской школе учителем истории, счастливая мать двоих детей. В любом случае, подобный опыт создания на философском факультете специальной китайской группы следует признать удачным. В чём-то аналогичный путь проделал *Александр Ломанов*, который в 1987 году, будучи студентом 3-го курса философского факультета МГУ, стал интересоваться китайской философией, изучать китайский язык. Сейчас он уже доктор исторических наук. В настоящее время условия изменились, и теперь философский факультет МГУ имеет возможность ежегодно отправлять в Китай на стажировку несколько студентов, изучающих китайский язык. К сожалению, у меня нет цифр относительно числа студентов, избравших затем своей профессией китайскую философию после прохождения стажировок в Китае (обычно она проходит в Университете им. Сунь Ят-сена в Гуанчжоу). Я знаю только двух – *Алексея Ионова*, ныне аспиранта ИДВ РАН. Тема его диссертации – взгляды Гу Янь-у. Второй – сотрудник нашего института – *Николай Преловский*. Человек он, безусловно, талантливый. Но китайская философия не стала его основной специальностью, он защитил диссертацию по логике, опубликовал на основании её монографию, но китайский язык он не забросил.

Вторая задача – подготовка специалистов по китайской лингвистике. Их у нас тоже мало. Раньше в Институте языкознания РАН регулярно проводились конференции по китайскому языкознанию. Их проводили *Н.В. Солнцева*, *И.Н. Комарова* и т. д. Сейчас они уже не проводятся, потому что Солнцева ушла недавно из жизни, а Комарова уже в возрасте... То есть китаистов-лингвистов осталось мало. По-моему, за последние лет десять, если не больше, у нас не было ни одной защиты докторской диссертации по китайской лингвистике. Было бы, конечно, интересно поговорить с кем-нибудь из лингвистов. Вы не общаетесь с лингвистами?

ВГ: Очень редко общаемся. Иногда слушаем лекции. *Георгий Старостин*, например, выступал у нас недавно на семинаре. Он в РГГУ работает сейчас.

ВБ: В общем, сейчас лингвистов у нас тоже готовят мало.

ВГ: Они есть, но их мало, вы правы. Вот Худяков Дмитрий – тоже лингвист.

ВБ: Третье. Очень мало специалистов по истории, древней и средневековой. Вы согласны с этим?

ВГ: Согласен, конечно.

ВБ: То есть нужно усилить классическое китайское образование. Сегодня есть Научный совет по проблемам современного Китая, который

возглавляет Михаил Леонтьевич. Этот Совет много делает, проводит конференции каждый год и т. д. Ваш институт, ИВ РАН, также каждый год проводит конференции «Общество и государство в Китае». Но Научного совета по Китаю в вашем институте, и вообще в России, по-моему, нет.

ВГ: Да, специального Научного совета по Китаю у нас нет.

ВБ: Вот, надо создать! Для начала, хоть какой-то координационный центр. Вы знаете, у нас раньше были всесоюзные конференции китаеведов. По-моему, после распада СССР ни одной всероссийской конференции китаеведов не было. Они нужны, чтобы посмотреть, что мы имеем? Для начала создать координационный центр, чтобы была какая-то информационная база, сколько мы имеем сейчас докторов, кандидатов наук? Какие книги появились в постсоветской России? Конечно, сейчас есть Интернет. Но нет координационного центра или Совета по китаеведению, чтобы собраться, обсудить актуальные проблемы нашей науки. Сейчас во многих городах России, например в Новосибирске, Владивостоке, Иркутске, Чите, существуют кафедры китайского языка. Но что там делается, мы здесь в Москве плохо знаем.

ВГ: Но для этого есть, например, Ассоциация китаеведов, которая вполне могла бы это делать. Или Общество востоковедов...

ВБ: Может быть, я не в курсе дела, только Ассоциация китаеведения сейчас прекратила свое существование. М.Л. Титаренко возглавляет Научный совет по проблемам современного Китая. То есть, главная задача – возродить или развить классическое китайское образование, китайскую классическую науку, потому что в России мало кадров в этой области!

ВГ: Согласен. Что нужно для того, чтобы стать хорошим китаеведом?

ВБ: Нужно, во-первых, обязательно ввести курсы китайского классического языка во всех главных востоковедческих центрах. Я имею в виду – в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Новосибирска, Иркутска, Читы и т. д. Причём не на полгода или год, а, может быть, на два года. А у нас сейчас бакалавриат – это вообще ужасно...

ВГ: То есть хорошее знание китайского языка – обязательное условие.

ВБ: Необходимо хорошее знание китайского языка, включая классический китайский язык, иначе – невозможно. Вот даже на Тайване, например, классический китайский язык в моде. И им сейчас пользуются. Правильно?

ВГ: Да. И знание полных иероглифов, несокращённых, тоже необходимо.

ВБ: Да. Но сейчас есть и специальные словари, можно сопоставлять.

ВГ: Сейчас с помощью компьютера всё это можно одним нажатием кнопки сделать – сопоставить и перевести. Но это как в случае с калькуляторами, из-за которых люди разучиваются считать... Поэтому традиционные иероглифы знать нужно всё-таки. Что бы вы могли и хотели пожелать китаеведам, кроме знания китайского языка? Ваше напутствие молодым?

ВБ: Кроме этого, конечно, необходимы пребывание и учёба в Китае. Я не говорю про бизнесменов. Но учёным, которые серьёзно занимаются Китаем, необходимо 2–3 года побыть в Китае для изучения своей темы. Иначе невозможно узнать и понять Китай, менталитет китайцев. Вы помните, как в царской России, да и в советское время в какой-то период, все наши китаеведы проходили практику в Китае. Тот же *В.М. Алексеев* написал хорошую книгу «В старом Китае»[42], которая до сих пор не потеряла своего научного значения. И очень важная вещь, о чём у нас, к сожалению, никто не говорит и которая просто необходима, – не надо забывать наших предшественников, нужно к их наследию постоянно обращаться. Есть архивы Русской Духовной Миссии, есть архивы наших посольств, в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге есть архивы *Россохина*, *Леонтьева* и других китаеведов. Почему ими никто не занимается? Конечно, нужны большие деньги для издания их трудов. Но эти труды необходимо издать[43]. Мы не ценим наше китаеведческое богатство, которого нет в других странах! Мне нравится подвижническая деятельность *А.Н. Хохлова*, который очень серьёзно работает в области изучения истории российского китаеведения. Несколько лет назад издательство «Муравей» переиздало работу *Бичурина* «Статистическое описание Китайской империи». И сейчас её нет в продаже. Или же переиздали книгу харбинца *Баранова* про обычаи Китая, и её тоже нет в продаже. Значит, есть потребность в таких книгах! Кстати, можно переиздать работы других харбинцев. При написании рецензии на книгу «Русские эмигранты в Харбине» я обнаружил, что в 20–30-е годы прошлого столетия в Харбине издавались интересные работы по истории, географии, экономике Китая, о существовании которых наши учёные не знают.

ВГ: Вот и ваши воспоминания помогут молодым китаеведам. Потому что вы – гвардия нашего отечественного китаеведения. Спасибо большое, Владилен Георгиевич, мы с вами отлично побеседовали!

ВБ: Спасибо!

---

[42] *Алексеев В.М.* В старом Китае. Дневники путешествий. 1907. М., 1958. 312 с. В 2012 г. переиздана с исправлениями и дополнениями (М., 2012. 511 с.).

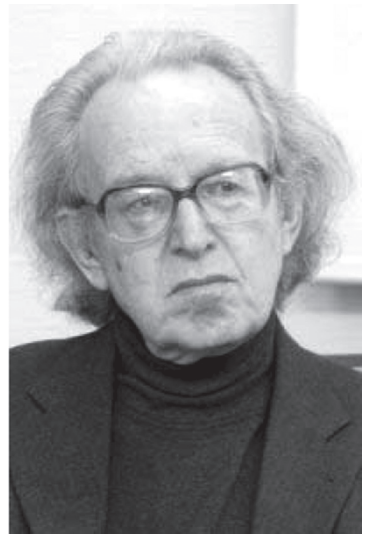
[43] С 2013 г. в РФ издаётся составляемый А.И. Кобзевым «Архив российской китаистики».

ВАСИЛЬЕВ ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ

INTERVIEW WITH LEONID S. VASILYEV

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)



Васильев Леонид Сергеевич (ЛВ)	***Leonid S. Vasilyev***
Китаевед, д.и.н., ординарный профессор, НИУ Высшая школа экономики Место записи интервью: Москва Дата: июнь-ноябрь 2013 г. Вела интервью: Э.А. Синецкая (ЭС) ИВ РАН Примечания: В.Ц. Головачёв, Э.А. Синецкая Продолжительность: 4 часа	Sinologist, Full Doctor (History), professor, Higher School of Economy (NRU) Place: Moscow Date: June-November, 2013 Hosted by: Elvira A. Sinetskaya IOS, RAS Footnotes: Valentin C. Golovachev. Elvira A. Sinetskaya Duration: 4 hours

Васильев Леонид Сергеевич *(родился 09.10.1930, г. Москва). Востоковед, историк, религиовед. Окончил истфак МГУ (1953). Доктор исторических наук (1974), профессор (1979). Научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор МГИМО и ИСАА при МГУ. Ординарный профессор НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор двухтомного университетского учебника «История Востока», шеститомного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», десятков монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории.*

ЭС: Представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились? Может быть, скажете пару слов о своих родителях, дедах?

ЛВ: Я, Васильев Леонид Сергеевич, доктор истории. Родился я в октябре 1930 года. Соответственно, лет мне много. Но, как говорят китайцы, *хай цзай*[44] – и я этим доволен. Что будет дальше – не знаю, пока работаю. Появился на свет в Москве, во вполне интеллигентной семье. Отец мой, *Сергей Петрович Васильев* – из военных, учился в кадетском корпусе когда-то (до 1917 г., разумеется). Он всегда избегал говорить о своих юных, молодых годах. И, надо сказать, что во времена моей молодости, которые я прожил со своими родителями, не было принято это делать. Причём не только в моей семье, это была некая общая норма. Не стоило говорить ничего лишнего, тем более детям. А я и не очень интересовался. Историком в том смысле, как это обычно воспринимается, т. е. специалистом, углублённым в какую-то узкую тему, тогда быть не собирался. Мои интересы, в основном гуманитарно-социополитические, всегда были широки и необъятны, так что особо в какие-то специальные проблемы я в юности не вникал.

Единственно, что я точно знаю о прошлом отца, так это то, что он в 1922 году окончил Бауманское училище. Был выпущен инженером-технологом по холодной обработке металлов. Так написано в его дипломе, я это видел когда-то своими глазами и запомнил. Родом он из Ташкента, как и мать. Мама, Нонна Савишна, в девичестве – *Ростовская*, в 1941 г. окончила Институт иностранных языков (тот самый, сегодня имени М. Тореза[45], он тогда был один), вечернее отделение. В Москву её привели, как я догадываюсь, социополитические взрывы. Наверно, в Москву она приехала несколько позже отца, в 1920-х годах, потому что в 1921 году, когда была перепись (первая при новой власти), она, только-только став в Ташкенте студенткой, принимала в ней участие. Это было самым ярким впечатлением её юности и стало почти единственным, о чём она мне иногда с удовольствием рассказывала. Она ездила на ишаках по кишлакам и смело производила эту перепись, как и другие мальчишки и девчонки первого или второго курса. Она рассказывала, как им давали паёк из расчёта по лепёшке и полфунта изюма на день, и они все были очень довольны. Куда им больше! Они, молодые и здоровые, радовались жизни. После этого моя мать, будучи уже в Москве, не доучившись в Ташкенте, работала чертёжником и неплохо зарабатывала. В то время зарабатывать чертежами было милое дело, почти как ныне программистам. Их было много, их труд ценился. Надо было иметь хорошие руки, некоторое образование и умение работать. Платили, насколько пони-

[44] *Хайцзай* (还在) – «пока жив».

[45] Институт иностранных языков им. Мориса Тореза. С 1990 г. – Московский государственный лингвистический университет.

маю, неплохо. Но в техническую сферу занятий после этого, в отличие от отца, она не пошла, хотя они были вместе.

ЭС: Как познакомились ваши родители?

ЛВ: Как и когда мои родители познакомились, тоже не знаю, но полагаю, что по своим ташкентским связям. Вообще это было, думаю, тогда не слишком сложно, особенно принимая во внимание, что Москва была вдесятеро меньшей, нежели сегодня. А, быть может, учитывая только что завершившуюся войну с эмиграцией и репрессиями, и того много меньшей. Насколько знаю по фотографиям, они были хорошо знакомы и, видимо, уже вместе, по меньшей мере, с середины 1920-х годов.

В 1930-х годах мама ходила по вечерам учиться. Я уже был тогда большим мальчиком (до того в доме была няня Вилена, как помню – Елена Венедиктовна). Мы с отцом вечером, после его работы, сами готовили какой-нибудь ужин, а мама приходила позже. Это я помню. Иногда я оставался один, а они приходили оба поздно, посетив какой-нибудь спектакль.

ЭС: Кем работал ваш отец?

ЛВ: Мой отец был в те годы «техническим специалистом», как это тогда обычно именовалось. Его звание инженера, окончившего Бауманское училище (МВТУ – в те времена весьма престижный, если даже не самый престижный технический вуз), было по сегодняшним понятиям чем-то вроде кандидата наук, а то и чем-то большим, в смысле редкости и спроса.

Отец работал, несмотря на молодость, обычно на должности технического директора, так это тогда называлось, или же главного инженера, то ли какого-то авиационного завода, то ли ещё где-то. Мы с мамой ездили вслед за ним по разным городам. Где-то с 1935 года, мне было 5 лет, отцу – 35. В 1936–1938 годах он работал то в Воронеже, то в Запорожье, то в Ейске. В Воронеже, насколько помню, была моя первая новогодняя ёлка (как раз тогда её разрешили; до того это считалось нехорошим пережитком). Ёлка была со свечами, от которых она и загорелась. Воспоминание яркое: на моих глазах взрослые тушили пожар вёдрами. Там же, а, быть может, и в Запорожье, я впервые обрадовал маму заявлением, что буду жениться на девочке из соседнего подъезда, что маму несколько озадачило. И на вопрос о причинах такого выбора я очень серьёзно ответил, что она же рядом живёт...

Ейск я уже помню хорошо, потому что это было перед моей школой, я был там только с отцом; мама, надо полагать, уже училась. Я ходил в детский сад сам, довольно далеко. Как-то по пути встретил похоронную процессию. Все говорили: умер, покойник. Меня очень заинтересовало, что такое покойник, что это за род занятий, какая именно профессия... Дотошным был. Мне надо было идти в школу в том 1938 году, тогда в школу брали с 8 лет. Хорошо помню, как мы с отцом невзначай удирали из Ейска.

Отец пришёл однажды вечером, сложил наспех наш чемоданчик, и в тот же вечер мы сели на поезд и приехали в Москву. Потом лет через 15, не раньше, уже будучи студентом, я узнал, что нашёлся кто-то, быть может, чем-то обязанный отцу, предупредил, что он в списках, что завтра его возьмут. Спасибо тому смелому человеку! Отец не стал ждать завтрашнего дня, схватил меня и повёз... Такие случаи бывали кое у кого в те дни, хотя и не часто. Благодаря этой случайности, как я считаю, вся моя жизнь сложилась удачно. Мы спокойно возвратились в Москву к маме, там отца, понятно, никто не искал. Отец заново устроился на работу на авиазавод в районе Мейеровского проезда (24-й завод, как все его называли). Мы там прожили несколько лет, и там я пошёл в школу. Помню, как мама просила взять меня сразу во второй класс (умел читать и писать), и как её при мне грубо «отшили» на том основании, что я не один такой.

ЭС: Помните ли вы начало войны?

ЛВ: С начала войны отец как технический специалист, естественно, имел бронь. День начала войны и речь Молотова по радио ровно в 12 часов хорошо помню. Было воскресенье, все дома, мама только что кончила учёбу. Было нечто вроде небольшого праздника, я купил торт внизу, в магазине. Мы жили уже не на Мейеровском, а в центре, в том знаменитом огромном доме на Садово-Спасской напротив метро «Красные ворота», где в полуподвале, как я впоследствии узнал, находилась мастерская первых наших ракетчиков (*Цандер*, *Королёв* и другие). Летом тем, уже после начала войны, впервые был в пионерском лагере под Москвой. Там меня дразнили «москвичом», из чего я понял, что был из столицы один, и что другие, «не москвичи», столичных очень не любят. А из лагеря было видно (за несколько десятков километров), как бомбили Москву, точнее, как взрывались в небе зенитные снаряды. Осень 1941 года была беспокойной. Школы, похоже, в октябре уже не работали (как было в сентябре, не помню). Всё в магазинах быстро дорожало и исчезало из продажи, я бегал по очередям. На день рождения, 9 октября, едва сумел достать себе в подарок шоколадную плитку за 13 рублей (дорого, это помню). Мы с матерью уехали в Ташкент – это наш город, там родня жила. Потом отец тоже приехал в Ташкент; всю войну он работал на разных руководящих должностях, вплоть до заместителя главного инженера на «Ташсельмашзаводе». Так назывался этот завод, который производил мины (во всяком случае, тот участок, которым ведал отец). Это был очень большой завод. На всю Среднюю Азию он в своё время поставлял, быть может, и какие-то сельхозмашины. Много лет спустя я узнал, что, когда наш вождь строил сельскохозяйственные, тракторные и комбайновые заводы, он всё делал так, чтобы они в нужное время могли перейти на производство танков или каких-нибудь иных

вооружений. Так что, конечно, удивляться не приходится, что этот завод делал мины. Скорей всего, даже, не только их.

Там мы провели почти всю войну, потом вернулись в Москву – это был уже 1944 год. Отца послали в Харьков, восстанавливать там завод «Полиграфмаш», а потом был ещё какой-то завод. Но я, кончив в этом же Харькове школу, уехал учиться в Москву и уже жил самостоятельно. Можно сказать, детство прошло.

В детстве я считался способным ребёнком. Рано стал читать. Где-то со второго класса или даже первого класса ходил в библиотеку, куда меня мама записала рано. Там меня сажали на то место, откуда легче было бы читать надписи на диапозитивах. Собиралось много ребят, смотрели все с интересом – это как сегодняшние мультики. Я охотно читал, и все были довольны. Я этому не придавал значения: раз я могу прочитать, так и читаю, жалко что ли? Но, видимо, среди слушателей таких было немного, как я потом уже задним числом понял. Как-то неожиданно, скорее всего на 1-е мая, мне сделали подарок: какой-то набор карандашей с вазочкой. Был тронут вниманием, которое библиотека ко мне проявила, и, честно скажу, из всех наград, которые я получал за свою жизнь, эта – самая впечатляющая. И почти что единственная. Потому что, кроме премий, что случалось не часто, и каких-либо почётных знаков, ничего не получал. В этом смысле моя жизнь сложилась несколько своеобразно, и я сам соответствовал тому, как она сложилась. Ещё несколько слов о родителях. Мама была внимательна ко мне, а отцу было некогда, и это естественно. Хотя, правда, когда время у него было, он, например, сделал мне маленький столик, лет мне было 5–6. Этот стол с коротенькими ножками был аккуратным и очень хорошеньким (вообще, отец был мастером на все руки, а руки у него, в отличие от моих, были золотыми...). Я этим столиком пользовался всю свою жизнь (ножки были удлинены со временем), и внука, насколько помню, воспитывал сидящим за этим столиком. Папа мне ещё большую картину нарисовал, размером с мой столик: «Три поросёнка». Она долго висела у меня над столом. Вот эти короткие воспоминания – немногое, что осталось от отца, как воспоминания о детстве. Воспитывала же меня, конечно, мама.

Про дедов, бабушек скажу два слова. Дед по отцу, *Васильев Пётр Филиппович* (1865–1935) – полковник и георгиевский кавалер. Он воевал в русско-японской и германской войнах, служил в Туркестане, потом в Ташкенте был «лишенцем», все его регалии и ордена бабушка (*А. Петерс*; аристократический её немецко-прибалтийский род восходит ко временам Петра I, когда его основатель в России артиллерист *К. Петерс* попал со шведами в плен и стал служить России: многие из его потомков были генералами) на всякий случай тогда вместе с архивом уничтожила. Перед смертью служил в Ташкенте делопроизводителем и умер от пеллагры[46]

[46] *Пеллагра* (от итал. pelle agra — «шершавая кожа»), заболевание из группы авитаминозов.

(он был «лишенцем», а хлебные карточки для таких были, понятно, минимальны).

Другой дед, присяжный поверенный *Савва Ростовский*, погиб в 1918 году, а его сын умер где-то в 1920-х (он был учёным-экономистом, занимал должность в ташкентском госплане). А бабушка по матери, *Слава Островская*, жила в Ташкенте же, в семье своей дочери.

Родственников было много. Вообще же с роднёй было не бог весть как, хотя судить об этом я мог, уже лишь став взрослым, а анализировать начал ещё позже, когда занимался семейными проблемами. Ну, нет в нашей стране сколько-то развитой культуры родственного общения, ни примитивно-родовой, ни цивилизованно-современной. Живут люди, как приведётся. Чаще ссорятся и разругиваются, нежели сплачиваются и приходят на помощь. Быть может, чуть сгущаю краски. Но на моей жизни всё было примерно так, хотя я вовсе не склонен жаловаться. Скорее, напротив.

ЭС: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло? Каким был изначальный образ Китая в вашем восприятии ещё в то время?

ЛВ: В детстве единственное, что я знал о Китае, так это то, что знала моя мама, которая в детстве когда-то училась в Канске[47], в тамошней женской гимназии, только что открытой на рубеже XX века. У неё остались какие-то впечатления от этих первых лет. И она уже в моём «зрелом» возрасте, скажем, в мои 10–12 лет, рассказывала, что *Конфуций* (был такой умный китаец) говорил, что у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух куриц. Я был мальчиком не то чтобы очень умным, но пытавшимся как-то во всём разобраться и проанализировать. Я не спорил с мамой: ну, Конфуций сказал, мама мне это передала. Но почему? Я понимал, что он вроде хотел унизить женщину. Что у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, – это понятно. Но почему у необыкновенной столько, сколько у двух куриц, – это совсем непонятно!.. Не стану объяснять, что Конфуций никогда ничего подобного не говорил – надеюсь, мне поверят как специалисту. Но и говорить, что это побудило меня познакомиться с Китаем, так сказать, было бы слишком смело. Просто, это было единственное, что я тогда знал о Китае. Правда, в старших классах, уже в Харькове, мальчишки говорили, что в Китае есть какие-то «освобождённые районы». В 1946–1947 годах я политикой совершенно не интересовался. Мой комсомольский, так сказать, задор ограничивался тем, что я что-то знал, ну, может быть, про то, что есть в Китае освобождённые районы. И это было всё, что знал тогда о Китае, пока не пришёл в университет.

[47] Канск (ныне Красноярского края). Старинный городок, при всех режимах служил местом поселения каторжан и ссыльных. Купцы города в XVIII в. торговали через Кяхту с Китаем.

Вообще мне повезло в жизни во многих отношениях. И с родителями, потому что и отец, и мать зарабатывали. И с жильём, и с учёбой, и с войной – повезло, что я родился не в 1922–1925 годах (из тех мужчин мало кто уцелел), а в 1930-м. И со многим другим. В школе учился хорошо. Много читал, что развивало память и наполняло мозги. Но я не один был такой, кто учился хорошо. В нашем классе, когда мы уже кончали школу (это уже 1948 год), было человек 10 из 20 с лишком, которые претендовали на медаль. И действительно, человек 8 получили её. Золотую дали мне. Я пожимал плечами, а мне, не стесняясь, говорили: «Это тебе за фамилию дали». Ничего не могу сказать, ни за, ни против, но – факт. Понять, кто были другие претенденты, легко: Харьков – это, как и Одесса или Ростов, город, где давно жили люди той национальности, с которой у вождя в эти годы были свои суровые счёты. Наши, как правило, были не просто хорошими, но умными и очень способными ребятами. Потом, уехав в Москву, я, мягко говоря, уже не слишком часто с ними встречался.

Учились мы, мальчики, то в смешанной школе, то в мужской. Так что, объединяющей структурой для нас стало только комсомольское собрание. Тогда в комсомол вступали все, не вступить – значило бросить вызов и вообще оказаться как бы вне коллектива. Вступил и я, но не потому, что мне очень нравилась ВКП(б), вопрос об этом вовсе не стоял, а потому, что это было средство нормализации социального статуса.

Человек вне комсомола – большой вопросительный знак. Да и зачем: ведь это было тогда ни к чему не обязывающим средством общения. Особенно это касалось общего (школы или всего курса) комсомольского собрания. В наши дни об этом даже трудно рассказывать молодому поколению – они тебя просто не поймут. А тогда это было именно так. Комсомольское собрание – это просто общее собрание, когда время от времени встречаются все и делятся идеями, замыслами, эмоциями. Ну и, конечно, всегда была на них официальная часть, посвящённая какой-то теме, либо очередной какой-то политической кампании. Вообще, я по натуре, так уж сложилось, необщительный интроверт, плохо сходился и схожусь с людьми. Ко мне относились без особого интереса. Потом, когда уже достаточно успешно работал в Институте востоковедения, стал много издаваться, думаю, это сыграло роль для расширения круга общения. Но, тем не менее, я таким и остался, каким был рождён. Сознавая ущербность в этом плане, считаю, тем не менее, что жизнь моя прошла не так уж и плохо. Это своего рода жизнь в науке, но не столько в углублённом исследовании узкой темы, хотя иногда и не без этого, сколько в широком интересе к критической оценке и к сводно-обобщающему анализу, если хотите, и к некоему предположительному синтезу, связанному с поиском глубинных закономерностей бытия.

ЭС: Кто повлиял на ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)? Как и почему вы стали китаеведом, занялись изучением Китая?

ЛВ: В 1947 году я приехал в Москву, поступил на истфак МГУ. Как стал востоковедом? Вопрос не лишён смысла и не слишком ясен и мне самому. Сразу скажу, ни о чём подобном не мечтал и соответствующих интересов не имел. Когда пришёл в университет, Китаем совсем не собирался заниматься. А первые два курса нас не спрашивал никто об этом, эти два курса были общими и одинаковыми для всех. Вот выбирать специализацию нужно было перед третьим, в 1950 году. За это время в Китае успела смениться власть. Это на многих из нас, конечно, немало подействовало. Мы были на истфаке, и это обязывало как-то интересоваться историей и политикой. Фундаментальные сдвиги в Китае создавали определённый фон. Мало того, нам дали понять, что заниматься Китаем теперь уместно и интересно. И это произвело впечатление.

Был специальный набор, на базе которого вскоре были созданы кабинет Востока и кафедра истории Востока. До этого были немногие преподаватели, занимавшиеся Востоком, в том числе Китаем. Бывали и студенты, по 2–3 человека на курсе. Среди них – *Виталий Рубин*, на два года старше меня. Больше никого из тех, кто нынче известен, не было. Всё только начиналось. Годы, не забудьте, были страшными, преподавателей со времён 1930-х почти не было. И я взялся, наряду с некоторыми другими, изучать Китай. Нас интересовал новый Китай, что происходит с ним. Это было необычно, что-то новое начиналось. Не скажу, что меня очень привлекал коммунизм. Мама давно уже меня научила относиться к нему и к нашим порядкам более чем скептически. Мне были едва ли не более приятны те зарубежные голоса, которые, пробиваясь через преграды, рассказывали много необычного о том, как живут люди в странах за пределами «лагеря мира и социализма», которые немало говорили и о том, какова реальная жизнь в стране, руководимой безжалостным вождём. Но стать китаеведом – это было другое дело, новое и интересное! Как бы то ни было, но немалая группа юных китаеведов занялась тогда в МГУ изучением китайского языка.

ЭС: Как складывались ваши отношения с китайским языком, и кто вам его преподавал? Кто преподавал другие дисциплины по Китаю?

ЛВ: Те, кто до меня учился, как тот же Рубин, начинали учить китайский с первого курса. С третьего курса начинать его учить – это, конечно, трудно, но нам пришлось. Дело было нелёгким, времени оставалось немного – за два-три года с этим языком не справиться. Но деваться было некуда. Учили китайский мы с *Меликсетовым* и рядом других (*Белов*, *Свистунова*,

Лайнгер, *Боровкова*, *Вайнберг*, моя жена Нина Шепелева и ещё некоторые, всего человек 10–12). С этого всё и началось.

Языку нас учил А.П. Рогачёв. Историю страны (Китая) преподавали *Симоновская*, *Юрьев*, *Эренбург*, потом ещё *Никифоров*. Учебников тогда почти не было; те, что были, оставляли желать лучшего. Вообще, отечественная синология ранее развивалась в Петербурге и Владивостоке, отчасти ещё в немногих местах, и едва ли не менее всего в Москве. После перевода сюда столицы[48] некоторые петербургские специалисты перебрались в Москву, но затем они были либо репрессированы, либо, как *Кара-Мурза*, погибли. Как бы то ни было, но получилось так, что не только молодые китаеведы, но и вообще синология, да и востоковедение в стране нашей в целом, начинали заново делать первые шаги в своём серьёзном научном развитии именно в эти годы, в начале 1950-х.

Поскольку моя мама была преподавательницей английского языка, она кое-чему по-английски меня научила, но в университете мы учили немецкий. Так было принято тогда – все учили немецкий. На третьем-четвёртом курсах в МГУ тогда вообще иных языков не было принято учить, учишь китайский – и сиди. Да и английский, и немецкий мои были, мягко говоря, тоже не очень хороши. И китайский, и английский (речь о большинстве) до уровня, необходимого для элементарного им пользования, за годы учёбы у нас (в МГУ!) так и не были доведены. Конечно, пользоваться ими уже можно было, но далеко на этом знании и без практики не уйдёшь. Тем более для того, чтобы написать что-то там самому на английском и отдать кому-то вне СССР в печать... Впрочем, о таком тогда и не думали, в памяти у всех была ещё недавняя кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Так было в наших 1950-х. И для тех, кому потом не выдались длительные командировки в зарубежные научные центры, до сегодняшнего дня, как и мне, свободное владение чужими языками оказывается делом сложным.

Когда я сижу ныне в *ВШЭ* на каких-нибудь заседаниях и семинарах, и выступает какой-нибудь иностранец, только я и *Е. Ясин* пользуются наушниками для синхронного перевода. Остальные – кто помоложе – слушают и понимают, ибо знают английский хорошо. Они либо учились позже, когда их учили уже как следует, либо побывали, где нужно, стажировались. Сидят на таком семинаре человек 30–40, и только вот мы вдвоём и слушаем синхронный перевод. Случались, конечно, в том же прошлом и исключения. Вот В.А. Рубин блестяще говорил на китайском, на немецком и английском. Это, как я полагаю, у него было от породы, от генов. А я ему завидовал именно поэтому, мне только и оставалось, что завидовать. Но зря завидовал! Не сложилась у исключительно способного Рубина жизнь, ни

[48] Столица Советской России была перенесена из Петрограда в Москву в 1918 г.

вообще, ни в науке. Почти не успев ничего – есть, правда, две очень серьёзные опубликованные монографии, ещё статьи и дневники-письма, – и он ушёл из жизни. А был самым многообещающим синологом нашего поколения!

ЭС: Как формировался круг ваших научных интересов? С чего начиналась ваша научная или преподавательская деятельность после окончания МГУ?

ЛВ: После окончания истфака некоторых взяли в аспирантуру – частично в МГУ, отчасти в Институт востоковедения, который в том году (1953 – ровно 60 лет назад) производил огромный по количеству набор. Это был взрыв; 1953 год – умер вождь, страна начинала жить иначе. Искали, что дальше делать, в каком направлении двигаться и что в первую очередь хотеть. И в ЦК партии, судя по всему, тоже начинали искать. Ну, и Китай к тому времени добился чего-то. Стоял вопрос: нужны специалисты, а их нет, берите в аспирантуру побольше подходящих. Я был определён в аспирантуру ИВ АН. Так мы попадали в науку. Темы для изучения были, понятно, разными. Я стал заниматься китайской древностью. Почему? В 1950-м, когда я выбрал Китай, уже знал про себя, что мне лучше, во избежание сложностей в отношениях с теми же из ЦК, не заниматься современными проблемами. Был в период хрущёвской оттепели опубликован рассказ *Ю. Нагибина* «Хазарский орнамент». Мало кто его знает, сегодня это уже ушло в прошлое, а у меня на всю жизнь запечатлелось. Что за рассказ? Человек, занимающийся наукой, уходит в такую отрасль, где его никто не тронет; ни с патриотизмом, ни с политикой, ни с большевизмом, ни с чем ещё это не связано. Рассказ я прочёл, он запомнился.

А вскоре в связи с изучением моей проблематики встал вопрос о рабовладении. Напомню, что в то время считалось аксиомой, что древние хоть сколько-нибудь цивилизованные общества должны были быть или, во всяком случае, считаться рабовладельческими, именно на этом настаивал марксизм. У меня, взявшегося разбираться в очень нелёгкой проблеме аграрных отношений и земледельческой общины, никакого рабовладения не получалось. Назначенная моим руководителем *Т.В. Степугина*, пытавшаяся настаивать на том, что Китай был рабовладельческим, меня не убедила. Но мне было интересно, почему всё-таки китайская древность считается рабовладельческой, и где там рабы. Читайте вот *Го Мо-жо*, советовала она. Я начал читать. Всем было известно, что Го нашел в китайской древности рабов. Это было нетрудно, их мог бы найти любой. Но их не было в деревне, они были только челядью в богатых домах. Словом, я не Го, и я не увидел в деревне рабов. Там преобладали обычные земледельцы, платившие налог государству (царю или князю, знатному аристократу), и на том держалось общество. А рабов воспринимали как прислугу. На других

языках – английском и немецком – тогда можно было многое об этом прочесть, и я читал. Читал, хоть с трудом, и древнекитайские тексты. Впрочем, читать их и свободно знающему язык было сложно.

Но я уже представлял себе, что в древнекитайской реальности было, писал курсовые работы, дипломную. Вот так и получилось, что я занимался древностью, самым началом истории человечества, что впоследствии сослужило мне добрую службу, ибо помогло всё начинать с самого начала. После 1953 года, когда я стал аспирантом Института востоковедения, моим научным руководителем начал считаться *Л.И. Думан*. Он мной очень мало интересовался, чему я был несказанно рад. О древнекитайских делах он, видимо, подзабыл, хотя писал когда-то об этом книгу (без навязывания рабовладения), которую я достал уже потом. Это было почти рукописное издание, ксилограф, но в переплёте. И в нём было сказано, что Китай был феодальным. Я с большим интересом прочитал, что там было написано. Думан об этом предпочитал не вспоминать, и ему было не очень важно, что я пишу о древности, феодальная она или рабовладельческая. Но ему было неприятно, как я к нему отношусь – так, что вроде его будто бы и нет.

С моей стороны это было естественно: он меня не учил, я об этом не просил. Но всё-таки... Это тоже, между прочим, я за собой числю как один из пороков моего характера. (Есть в нём нечто вздорное, встречал я такое и в разных моих тётках. Иногда замечаю за собой, когда ни с того ни с сего, неизвестно из-за чего вдруг взовьюсь. Лишь с возрастом стал сдерживать себя. Будто бы сейчас этого меньше, но бывают случаи, когда я взрываюсь. Это свойство хорошим не назовёшь). Но так складывались наши отношения. Учителей, в привычном смысле этого слова, если не считать тех, кто учил языкам, у меня в науке не было.

Первая моя книга вышла в 1961 году – «Аграрные отношения и община в Древнем Китае»[49], когда я уже был совершенно взрослым человеком, много после защиты диссертации, которая произошла в 1958 году. Некоторые сверстники защищались раньше меня, но мне было трудно писать, потому что было трудно читать древние тексты. Много было и современных статей по теме. В Китае выходило несколько журналов по археологии, по древней истории Китая и по философии. Я должен был это читать, и я читал. Начитал всего много, диссертацию с некоторым опозданием написал и защитил, затем снова работал, опубликовал наконец монографию по той же теме. А тема была тогда, не поверите, одной из актуальнейших. Рабы или не рабы? Почти как: марксизм или нет?

В китайской науке были свои сложности в то время. Статей по моей тематике, т. е. по аграрному строю и древнекитайской общине, была масса, но те из учёных, кто остался в КНР, даже не могли ссылаться на статьи тех,

[49] *Васильев Л.С.* Аграрные отношения и община в Древнем Китае (XI–VII вв. до н. э.). М., 1961.

кто ушёл на Тайвань, а те были, бесспорно, лучшими. Ушедшие на Тайвань с их книгами и журналами были практически недоступны, и на них не следовало и невозможно было ссылаться. Новым учёным в КНР приходилось начинать заново, да ещё и руководствуясь марксизмом. Представьте себе, какая каша была у них в головах! Начиная с того самого Го Мо-жо, который был великолепным учёным старой закалки, специализировавшимся на китайской классике, но не был ни историком, ни тем более марксистом. Естественно, все они, если выходили за пределы изложения и трактовки общеизвестных материалов, плели обычно бог знает что. Как правило, английского они уже не знали, да и не было принято, повторю, на мировую синологию ссылаться. Японцев они вообще почти не считали за людей, тайваньцев – тем более.

У них был принцип: они брали за основу Го, который издавал свои книги одну за другой, и исходили из того элементарного соображения, что раз были рабы, стало быть, это как раз и был рабовладельческий строй. А вот проблема у них была одна, общая для всех и к тому же высосанная из пальца: когда рабовладение кончилось? Одни хотели его кончить где-то там, как велел Го, в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.), другие – раньше, а третьи – позже. У них не было проблемы разобраться в том, что такое раб, и кто он такой в китайской древности. Они очень слабо представляли себе античное рабство, принцип instrumentum vocale[50]. А вот лучшими из их работ по древности были статьи с описанием археологических находок.

Словом, с работами исследовательско-аналитического характера по китайской древности было тогда очень скверно. Но в послевоенное время стало появляться всё больше публикаций западных синологов, которые очень обстоятельно изучали и анализировали как древние письменные тексты, так и археологические материалы, особенно новые находки и открытия. Большой вклад в это дело внёс живший тогда вне Китая и писавший на английском Чжан Гуан-чжи, были и другие книги на английском. Это действительно был богатый и очень ценный вклад в науку. Я из него очень многое взял. После защиты кандидатской диссертации, в основном на базе материала, впоследствии вошедшего в первую мою книгу, я стал младшим научным сотрудником Института востоковедения.

ЭС: Как изменялись ваши научные интересы и почему?

ЛВ: В 1968 году А.В. Меликсетов, бывший тогда заведующим кафедрой в МГИМО, пригласил меня преподавать. И после этого я почти всю свою жизнь, до 2011 года, то есть больше сорока лет, параллельно с научной деятельностью преподавал. Готовил и читал сначала курсы о Китае, потом и о Востоке в целом.

[50] *Instrumentum vocale* – «одаренное речью орудие». В марксизме – отличие рабочего (раба) от животного как instrumentum semivocale («одаренного голосом орудия») и неодушевленного орудия труда (instrumentum mutum «немое орудие»).

Я обращу особое внимание на то, что если бы не то самое предложение Меликсетова взять на себя преподавание всей истории Востока, во всяком случае с древности до современности, да ещё и по всему Востоку, мне, возможно, самому не пришло бы это в голову. И не очень понятно, что со мною в смысле моей научно-преподавательской карьеры случилось бы. Возможно, углубился бы в одну лишь китайскую тематику, что я и без того стал параллельно делать, обратившись к проблемам китайской классики, к истории религии, этики и культуры. Фундаментальную в этом смысле книгу «Культы, религии и традиции в Китае»[51] я писал спокойно, как и следующие свои шесть очень разных, но близких по тематике толстых томов: три по проблемам генезиса китайской цивилизации, государства и мысли, а затем сводно-обобщающую, «Древний Китай», в трёх томах[52]. Это была серьёзная исследовательская научно-академическая синология.

Всё это я делал сам по себе. И вот в мои исследовательские проекты смело вмешался А.В. Меликсетов: «Ну, возьмись, читай историю всего Востока, нужен такой сводный курс, – говорил он мне. – Понимаю, это сложно, но возьмись, подготовься!» Я обещал попробовать. С этого всё и началось: сначала стал читать студентам историю древнего и средневекового Востока, потом – больше некому было – пошёл читать всю историю Востока. Я не заменял тогда никого. Кафедра Меликсетова тогда считалась кафедрой по истории Востока, но больше всего было в ней места для Китая с разными его, и в основном современными, проблемами. Что же касается истории других стран Востока, то каждый читал свой спецкурс, но чтобы кто-то взялся читать сводную историю всего Востока, включая древнюю и новую историю и современность, как самую уже новейшую, то таких не было. Я, тем самым, вроде бы никому не мешал. Не исключено, что ошибался, и вроде как бы всё-таки залезал в чужие территории, пусть пока ещё никем не возделанные, но не мои. И потому кое-кто мог считать себя обиженным. Но так получилось, и результаты оправдали надежды заведующего кафедрой.

В общем, я смело пошёл на это. И, как оказалось потом уже, нашёл себя в этом. Речь о широком изучении Востока в целом (с охватом социополитических, экономических, религиозно-культурных проблем), как феномена, и об анализе генеральной динамики его эволюции. То есть о таком изложении, которое только и было тогда желательным для специалистов широкого профиля, готовившихся на кафедре МГИМО, занимавшейся Востоком. Все эти проблемы разрабатывались мною постепенно, не с неба падали. Особенно это коснулось проблем религии. Это, скажу, было не просто. Учебников по истории религий в СССР, без явственной презумпции недоброжелательного к ним отношения, до моих не было, за

[51] *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

[52] *Васильев Л.С.* Древний Китай: в 3-х томах. М., 1995, 2000, 2006.

исключением разве что книг Токарева или некоторых переводных капитальных сводов *Фрэзера* или *Тэйлора*. Да и упомянутые очень серьёзные книги других авторов были книгами в основном историко-культурного и этнографического характера. Я же издал в 1976 году своё учебное пособие «Культурно-религиозные традиции Востока» (первоначально оно именовалось «Религиозно-культурные традиции Востока», потом кто-то в институтской типографии, испугавшись, на всякий случай переставил слова) в несколько ином плане. Я писал просто о том, что такое религия на Востоке, без всякой её критики, тем более недоброжелательства. А потом, на основе этого малотиражного (300 экз.) издания, одно за другим пошли новые, ныне их уже с десяток – это чуть не восемь изданий книги «История религий Востока» и недавно (в 2008) изданная «История религий»[53]. Последний глобальный мой проект, который я с великим трудом, но в довольно короткий срок реализовал, – это шесть томов «Всеобщей истории»[54]. Вообще же я много десятков лет, практически всю жизнь, потратил на то, чтобы в деталях разработать и постоянно улучшать мои книги. Это, как правило, труды, имеющие характер глубоких научных исследований, но некоторые из них в то же время, как шесть томов «Всеобщей истории», могут считаться учебниками или учебными пособиями, предназначенными для частых переизданий и очень широкого использования. То, что я сегодня издаю, что, зайдя в магазин «Библио-глобус», вижу – а вижу свои тома в самом последнем их издании (одни очень хорошо изданные, другие, напротив, крайне скверно), вселяет в меня в этой связи удовлетворение. На том вроде бы и держусь, и даже ещё на что-то в будущем надеюсь, ибо работаю.

ЭС: К какой школе вы себя причисляете? Есть ли у вас свои ученики? В каких научных сообществах состоите?

ЛВ: Научные сообщества, в которых я бы состоял, на моём пути не попадались. Точнее, они обычно обходились без меня, а я не напрашивался. Вот я теперь слушаю по радио сообщения, что некоторые академики взбунтовались против правительства в связи с реорганизацией Академии наук. Я прочитал, прослушал и ту и другую сторону. И, между прочим, мне больше нравится то, что говорит министр Ливанов, чем то, что предлагают бунтующие академики. Быть может, потому, что они реально мало что предлагают, не готовы к этому, хотя манера обращения с академией, какой бы она сегодня ни была и как бы ни выглядела со стороны, неразумна и несправедлива. Так обращаться с очень серьёзной организацией – а она одна из наиболее серьёзных в стране – невозможно.

---

53 *Васильев Л.С.* История религий: учебное пособие для вузов. М., 2008.

54 *Васильев Л.С.* Всеобщая история. В 6 тт. Первые четыре тома: М., 2007–2010; переиздание, все шесть томов: М., 2012–2013.

Я вообще-то не встреваю в спор, хотя мнение своё, когда мне звонят, высказываю. Кстати, мне стали впервые звонить из разных радио и интересоваться моим мнением, когда вышли шесть томов «Всеобщей истории», это произвело впечатление («У-у-у! 6 томов!»). До этого я был вовсе неизвестной фигурой. Я теперь чаще отвечаю, если спрашивают; высказываю своё мнение по разным вопросам. А сейчас, в связи с тем, что вопрос об Академии наук стал особенно острым, я бы сказал ещё и следующее. Вот выделились несколько десятков особо протестующих академиков – там все приличные люди, организовали какое-то сообщество. Пожалуйста, я и сам был бы готов вступить в этот клуб, ведь денег за это не платят, директором каким-либо я уже никогда не стану, но временами сидеть рядом с приличными людьми, говорить о чем-то интересном, почему бы и нет?! Я со своим количеством опубликованных томов мог бы прийти, выложить их на стол и спросить, хотите ли вы меня принять? Но я этого не сделаю. И не потому, что нет амбиций, хотя их почти нет. Я знаю, как дорого ценится место академика, какая борьба, чаще коварная, нежели пристойная, идёт за него. Так у нас давно уже повелось, и встревать в эту борьбу мне нет смысла, с моим-то характером она просто бесполезна. Да у меня и нет стремления с кем-то бороться за сомнительное удовольствие быть избранным или, точнее, неизбранным, а то и, вдобавок, умереть от какого-то инфаркта, если и когда не выберут.

Вот меня спрашивают, почему вы не член Учёного совета? Но там отлично обходятся без меня. А я уже несколько лет ординарный профессор в ВШЭ (недавно узнал, что химик Бутлеров, рядом с улицей чьего имени я живу, тоже был ординарным профессором; меня это приятно удивило). Мне прибавили соответственно зарплату, но главное – статус. Меня не могут уволить, а я могу спокойно работать, если могу работать, до тех пор, пока не уйду на тот свет. Мне это очень нравится: «Ординарный профессор» – «полный профессор», Full Professor. Нас несколько десятков в «Вышке». Это, если хотите, та же университетская академия наук в миниатюре. Но, опять же, не Клуб учёных, как оно и с большой Академией. А лучше, если бы это был Клуб! Впрочем, это никак не означает отрицания необходимости научных экспертиз, деловых заседаний академиков. Но зачем отделять их от прочих, неизбранных? А у нас каждое из уважающих себя учреждений, если имеет такую возможность, почему-то только и старается стать как-то похожим на Академию. В России немало исторических и китаеведческих центров, но они не очень-то объявляют о своих заседаниях и, в частности, привычно обходятся без меня. И не только без меня.

Ставится вопрос о научных школах. Вот с этим, насколько я понимаю – сужу об одних гуманитарно-социополитических знаниях и тех же отраслях науки, – дело обстоит туго. Я думал об этом. У меня опять-таки складывается впечатление, что таких школ у нас нет. Бывают выдающиеся

учёные, личности, но вот школ, по-моему, нет. Непривычны мы к этому. Вот Меликсетов: учил его *Юрьев*, и он для Арлена Вааговича – Учитель. Ученик всю свою жизнь пронёс трогательное отношение к Учителю, но не школа это. Вот был *В.М. Алексеев*: он учил, хотя мало кого было тогда учить. Но и среди его учеников, насколько знаю, каждый был сам по себе. Да, были среди его учеников те, кого уничтожили в 30–40-летнем цветущем возрасте. Мы о них мало знаем, они не успели напечатать свои труды (печатали их работы то *Рифтин*, то *Конрад*, кто чего мог). Но я не о том. На мой взгляд, **Академия**, как во времена древнегреческие, должна была бы быть собранием учёных мужей, легко встречающихся и много беседующих друг с другом не в закрытом пространстве. У нас она – нечто иное, замкнуто-привилегированное и закрытое от остальных. Это и есть мой ответ на вопрос о школах в российском китаеведении.

Замкнутое сообщество не становится школой оттого, что оно замкнуто. Это должно быть иначе. Создаётся коллектив хороших специалистов, возникает клуб учёных очень высокого стандарта – и хорошо. У нас такого нет, и, как мне кажется, ничто к этому не располагает.

Будут, не исключено, когда-нибудь и у нас Школа и Академия. Но если кто-то говорит: «Леонид Сергеевич, я считаю вас своим учителем», я воспринимаю это лишь как приятный комплимент, не более того. Ну, считай, пожалуйста! Но у нас, хоть я и вспомнил о Меликсетове и Юрьеве, редко бывали отношения учитель – ученик, которые бы к этому располагали. У меня вот даже и аспирантов почти не было. И скажу почему, если вопрос такой встанет. Ну, какой аспирант, сами подумайте, пойдёт по теме «Всеобщая история»? Или «История Востока, Китая, религий»? Зачем ему такая тема? Он найдёт того узкого специалиста, кто всю жизнь работал по своей теме – скажем, «православная церковь в XVI веке» – и всё знает про этот XVI век. И правильно сделает, потому что у него будет учитель, который его всему научит, подскажет, что сказать, где найти и как написать и защитить диссертацию. Но это не Школа, и тем более не Академия!

ЭС: Насколько сильным, с вашей точки зрения, было влияние идеологии на советское и российское китаеведение?

ЛВ: На наше китаеведение всегда влияла идеология, колоссально влияла. ЦК КПСС, который имел Отдел науки, бдительно следил за всей исторической наукой, особенно уделял внимание востоковедению. По очень простой причине: никто там толком не знал, что такое Восток: всех, кто когда-то что-то знал, в 1930-х годах вырезали. А Восток к тому же сильно изменился после Второй мировой войны, и особенно в 1950–1960-е годы, когда началась деколонизация. Вроде всё ясно, но, поди, разберись, что это такое! Поэтому отношение к Востоку было мягким в том смысле, что можно было писать практически всё, что угодно, многое что. И я, когда вышел

на эту стезю, начал писать, к примеру, про «азиатский способ производства». При вожде тех, кто писал о нём, сразу уничтожали, потому что тот способ производства очень напоминал общество, каким сделал СССР сам вождь: всесилие власти, безвластие и бессилие подданных – это главное в нём. Только я называю это ныне иначе, **восточной деревней** или «структурой власти-собственности».

Это и было у нас. Но поскольку я писал не о России, а о Востоке, ко мне никто не придирался – пиши, что хочешь. То есть был, конечно, существовал какой-то предел, далее которого нельзя было позволить себе заходить. Но внутри было много свободного места, чтобы можно было высказываться, и мне это нравилось. Так и получилось, что когда я вёл самостоятельную научную работу, то чувствовал себя достаточно свободно и писал, о чём хочу и как хочу. В нашем обществе после вождя «Хазарский орнамент» уже никому не был нужен. Мне повезло – это был конец 1950-х, 1960–1980-е годы, не было в Советском Союзе лучшего периода, чем те годы. Если ты не лез на рожон (были, конечно, диссиденты, которые всегда знали, на что шли), но просто высказывался, разбирая своё и не делая до конца всех неприятных выводов, тебе никто не мешал. Так что, с одной стороны, вроде да, с другой стороны – нет. Вот мой ответ на вопрос о влиянии идеологии на научную работу, но уже после вождя.

ЭС: Как вы оцениваете современное состояние российского китаеведения?

ЛВ: Само российское китаеведение, если оценивать его в целом и, разумеется, после вождя, оцениваю достаточно высоко. Считаю, что много умных пришло в китаеведение, среди них достаточно хороших мастеров, и сейчас они есть. Это не значит, что уровень нашего китаеведения вполне на высоте мирового. Боюсь, до него мы ещё не дотягиваем. Но когда я был аспирантом, мы вообще были настолько ниже мирового уровня, что и говорить не о чем было. Сейчас наше китаеведение значительно в этом отношении выросло, и я считаю, что из других исторических направлений китаеведение заслуживает внимания. Недавно слышал *Л.М. Млечина* на радио «Эхо Москвы». Он сказал, что у нас хорошее китаеведение. Не знаю, кого он имел в виду (когда-то мы с ним вместе ездили в Японию, был у нас такой дружеский вояж: он работал в журнале «Новое время», и я писал статьи в тот же журнал, это было лет 20 с лишком тому назад, на рубеже 1980–1990-х). Фраза была по поводу того, что с Китаем сегодня происходит.

Что касается Отдела Китая в Институте востоковедения, то я, проработав в нём многие десятилетия, никогда его не игнорировал, хотя последние десятка полтора-два лет состою сотрудником уже другого отдела, связанного с теоретическими проблемами Востока. Понятно, что это как-то ос-

лабило мои контакты, да и Отдел особо не испытывал потребности в моём участии, легко без меня обходился. Так уж сложилось. Отдел был всегда весьма серьёзным, несмотря на то, что возглавлялся разными руководителями. Его сотрудники старшего – в основном ушедшего в прошлое – поколения много и плодотворно работали, активно издавались. Скандалов у нас было мало. Те, что всё же случались, гасились, так или иначе. Никто из руководителей, ни *Вяткин*, ни *Делюсин*, про *Бокщанина* и говорить нечего, не мешали работать в том смысле, что в дела активно работающих не вмешивались, за созданием коллективных работ – самый неудачный и неуспешный жанр из возможных – обычно не гонялись. Работы этого жанра замещались в случае нужды тематическими сборниками статей. Так что у меня остались самые хорошие впечатления об отделе. В Институт Дальнего Востока никогда меня не приглашали, даже если б я и не древностями занимался. В том отделе, где я сейчас, я заведовал сектором, поскольку оказалось подходящим и даже требовалось, чтобы в числе таких небольших руководителей был синолог.

ЭС: Когда и как вы впервые побывали в Китае? Каковы были ваши самые первые впечатления о Китае? Часто ли вам приходилось бывать в Китае, и где вы были в Китае? Ваши воспоминания о пребывании в Китае, о встречах с учёными и видными деятелями Китая?

ЛВ: В 1958 году я ездил первый раз в эту страну. Это были годы переломные, был «Большой скачок». И то, что я тогда увидел, произвело на меня не то чтобы удручающее, но очень сильное впечатление. Я понимал, что это ненормально, но я знал, что «не норма» была и у нас в истории, что рано или поздно она как-то преодолевается. Мне было жалко, когда я видел во дворе университета доменную печь, в которой они плавили сталь. Но, тем не менее, мне это было очень интересно, поскольку я имел возможность поездить (я плохо использовал эту возможность, стеснялся слишком много попросить).

Много, где не был, не был на юге страны, дальше Нанкина не ездил. Надо было, конечно, съездить в Гуанчжоу и ещё дальше, по берегу океана. Но, тем не менее, я поездил и провёл там всего около 4 месяцев. Самое яркое впечатление у меня осталось от празднования 9-й годовщины образования КНР в огромном зале главной гостиницы «Пекин». Тогда ещё в Пекине было считанное количество асфальтированных шоссе, но это был большой город. Город ещё не современный, в нём было и не так много отелей. И вот, нас пригласили на праздник в этом центральном отеле. Мы сидели, и *Чжоу Энь-лай* подходил к каждому столику, останавливался, беседовал, а уж с теми, кто был иностранным гостем, тем более советским, особенно. Меня это впечатлило, было приятно, свидетельствовало о том, что тебя уважают, к тебе хорошо относятся.

В следующий раз я был в Китае только в 1989–1990-м. 30 лет прошло! Судите сами: за 30 лет много воды утекло. Кончилась эра *Мао Цзэ-дуна*, его социальные эксперименты. Много сделал *Дэн Сяо-пин*. Настолько много, что ему пришлось даже после этого проблему студентов на Тяньаньмэнь решать с помощью танков. Это было ужасно! Многие на Западе громко кричали, осуждая Дэна, я не торопился его осуждать. Понимал, что для Дэна возникла безвыходная ситуация, что называется в игре в шахматы – «цугцванг», когда что ни делай, всё хуже. Тогда я провёл там несколько месяцев. После того уже был твёрдо уверен, что Китай добьётся результатов, что он сильно изменится, что идёт по тому пути, который я всё время стремлюсь разработать во всех своих томах, которые касаются общей истории Востока, или Всемирной истории, или сейчас уже – русской: хочешь жить, стало быть, иди туда! И они уже идут – умные китайцы. Так я говорил на конференции Отдела Китая ИВ РАН, посвящённой 100-летию Синьхайской революции (декабрь 2012 года), и позже написал в «Независимой газете» и в журнале «Вопросы философии» (№ 9 за 2013 г.) в статьях, где жёстко ставил вопрос, что Китай – это посткоммунизм и предкапитализм.

ЭС: Важный вопрос для каждого китаеведа: как сложились ваши отношения с китайской кухней?

ЛВ: К китайской еде – тоже специальный вопрос – отношусь очень хорошо, при случае с удовольствием её ем. Правда, в нынешних условиях в рестораны не хожу, да и возраст к чревоугодию не располагает. А вот зелёный китайский чай, тем более с жасмином, уважаю, и до сих пор пью дома. И очень люблю!

ЭС: Ваш взгляд на события последних десятилетий в Китае? Ваш взгляд на современное состояние Китая и происходящие там изменения? Ваш взгляд на будущее Китая и китайцев?

ЛВ: Многие не понимают, что происходит там, в современном Китае, даже сами китаеведы. Для многих важно, что там у власти коммунисты. А другие, как и я, говорят: хоть они там и коммунисты, но они – китайцы. Если завтра они решат, что хватит быть коммунистами, они легко перестанут быть коммунистами, но останутся китайцами. Мао останется нарисованным на деньгах, но зато в реальности на его идеи просто уже совсем не будут обращать внимания, как то в немалой мере происходит уже сегодня. Если они уже сейчас живут на буржуазной основе, на деньгах умелых капиталистов, и богатеют каждый год, не испытывая с 1978 года и реформ Дэна никаких кризисов, то у них блестящее будущее. Всё получается. Смотрю по телевизору время от времени картинки: куда же делись все эти «муравьи» в синих куртках и штанах? Ничего похожего нет!

И даже когда я был последний раз в Китае (1990), уже тогда было гораздо лучше. Но то, что сейчас – это экономически уже почти как в Японии

и в Южной Корее. Вот, так! Я отношусь достаточно хорошо в настоящее время к Китаю и время от времени об этом пишу. В частности, смотрите статью «Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае» («Вопросы философии»)[55]. Что касается Запада, то, думаю, там тоже считают почти так же, ибо серьёзных авторитетов, знающих специалистов по Китаю там много, они быстро растут и обычно хорошо себя проявляют. Не сомневаюсь, что и сегодня так, хотя более обстоятельно с этим в данный момент не знаком. Во многих университетах есть синологи, университетов – тьма. Они что-то делают, в целом у них хорошие школы, как коллективы. Конечно, их разработки у нас используются. Но у них другие темы и проблемы. В «азиатский способ производства» они особенно не влезают (это марксизм, который им не очень нужен). Правда, сегодняшний Китай обычно интересует всех, и эти проблемы они разрабатывают много и обстоятельно. Но не всегда было так.

Не скажу, что много читаю из того, что все они пишут в последние два десятилетия. Но кое с чем знаком. Скажу о том, что мне интересно. Китай каждые примерно три сотни лет в связи со сменой династии сталкивался с тем, что в империи наступал кризис, и поднималось народное восстание. Чего хотели недовольные? По-марксистски, чему и нас, и современных китайских специалистов старшего поколения всю жизнь учили, эти восставшие выступали против феодализма. Складывалось впечатление, что чуть ли не за «мировую революцию» (обычно не упоминали, что за капитализм, хотя это вроде из той же марксистской концепции формаций только так и вытекало), но ясно было, что всё не так. Так вот, давно уже я писал о том, что они выступали просто против кризиса, потому что жить стало тяжелее, и за возвращение к привычной старой норме, когда жить было лучше. А сегодня уже и сами китайцы пишут примерно то же (мне казалось, что я это придумал), т. е. что восставшие выступали только за то, чтобы вернули норму прошлого, когда было хорошо. Верните нам то, что было, дайте нам назад то, как было до кризиса! И всё!

Динамика такова, в том-то и суть, что после восстания, когда порежут, уничтожат половину населения, когда раздадут новым землепользователям их участки земли, все живут как следует, всё налаживается, начинается развитие, маленькие налоги, и они живут хорошо лет сто. Потом постепенно жизнь ухудшается. Иногда и до трёхсот лет не дотягивали, ибо начиналось бог весть что. Вот тут-то и вспоминают рассказы стариков, дедушек и бабушек, как было раньше хорошо. А сейчас?! И начинается, понятно, новая «буча». Это логично. Я на этой логике построил теорию, суть которой в том, что народные восстания ничего не требуют нового, а лишь «верните нас к хорошему старому»! Китайцы самостоятельно пришли к

[55] *Васильев Л.С.* Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 75–84.

тому же выводу (русского они давно уже не знают, меня явно не читали, на английский меня не переводят). Это они и в 1980-е годы говорили, да и я от них это услышал, когда и у нас можно было уже говорить всё, что угодно. Я очень порадовался. Это ведь далеко не марксистская точка зрения. Молодцы китайцы! А ведь когда-то они стояли за марксизм более, чем мы, в этом была их специфика, до конца Мао.

Вообще, мало у нас ещё понимают сущность Китая, силу его цивилизации. Было, и не раз, нашествие на Китай варваров севера, кочевников, монголов или маньчжуров, до них и других. Они, предводители варваров, женились на китаянках, аккуратненьких и чистеньких, рожали детей, которых китаянки воспитывали. И что от них оставалось? Китай переваривал всех. Регулярно. Потому что он – слишком большая глыба и слишком высокая культура. Но это всё-таки не было вестернизацией, ибо в китайской цивилизации, при всех её достоинствах, сделавших сегодняшний Китай тем, каким он стал, не было до появления в нём англичан ничего от Запада. А всё, что появилось в 1840-х, это всё та же вестернизация, более чем активно способствовавшая его модернизации, идейно-институциональной и социополитической, переменам в сфере правовой культуры и предпринимательско-частнособственнической активности, во всей системе экономики. Нечто в том же роде, даже раньше, чем в Китае, начало появляться и у нас.

ЭС: Как в целом соотносились модернизация и вестернизация в истории Китая?

ЛВ: Несколько соображений о глобальных проблемах, начиная с нормативов эволюции. Принцип её – движение, вне движения – энтропия, смерть. Это касается всех. Но важно принять во внимание, что движение бывает различным. Иногда оно стремительно, как на современном Западе, иногда, напротив, едва заметно. А то и вовсе незаметное, даже отрицательное. Нынешний Китай, и это хорошо видно, демонстрирует стремительное ускорение своего движения. И в этом нет сомнения. Сомнение в том, сумеет ли стремительно развивающийся Китай – континентальный, либо островной (Тайвань, Гонконг, Сингапур, ныне уже нет разницы) – достигнуть уровня современной, развивающейся много более энергично и, главное, уже на другом технико-технологическом уровне инноваций Америки. Боюсь, что быстро это сделать ему не удастся, не хватит глубины высокой деловой идейно-институциональной и финансово-экономической культуры, которая накапливается веками, да и то усилиями преимущественно европейских, а не иных мигрантов, к тому же наиболее энергичных и лёгких на подъём, самых умных и способных, и потому уверенных в себе.

Такие давно уже и постоянно прибывали в Америку и адаптировались там к великой американской традиции, к свободе и демократии, к закону и

строгости нравов, к святости умных и гарантирующих всё и всем прав. Я не зря пишу об этом, как не зря написал все шесть томов мировой истории. Эти тома помогли мне понять тенденции и традиции. Они очевидны: если хочешь хорошо жить, двигайся в определённом направлении и учись жить так, как живут наиболее процветающие, причём не за счёт нефтедолларов, которые не очень понятно почему посылаются Аллахом, а за счёт ума и труда. Хочешь не хочешь, но иди именно в этом направлении. В любом другом ты найдёшь что-нибудь не вполне такое, не то, что в США. Можешь украсть, можешь купить, можешь обмануть, можешь злобствовать, но всё равно, если захочешь добиться успеха, действуй, как США.

И что показательно, самый успешный в современном мире, опять-таки не считая обладателей нефтедолларов, дальневосточный конфуцианский регион, будь то Япония или Китай, отчасти даже некоторые страны юго-восточноазиатского региона с обилием там китайцев из числа мигрантов-*хуацяо* (это вам не мусульманские мигранты!). Они идут вперёд, учась у США и глядя на них. Если хочешь хорошо жить, не хочешь оставаться на уровне XVIII–XIX веков, прими это во внимание. Если не хочешь – оставайся таким, как есть.

Вот КНДР, она не без помощи наших специалистов (имеется в виду как соглашение 1956 года, так и, не исключено, помощь наших ядерщиков-физиков в 1990-е годы) добилась многого, получила ракеты, ядерную бомбу. И это опасность, несравнимая с тем, что являет собой ракетно-ядерная мощь Китая. Невольно создаётся впечатление, что в наши дни только нажим со стороны Китая, не очень довольного таким соседством, может считаться гарантией-противоядием против КНДР, её ракет с ядерными боеголовками. И это при всём при том, что сама КНДР в случае чего встретит такой ядерный удар, что от её руководства мало что останется. Но что делать, пусть пока живут, как они привыкли.

Некоторые неизвестно почему считают, что модернизация бывает без вестернизации. Объясню, почему не бывает. Что такое модернизация? Прежде всего, новации в сфере институтов. Если есть институты античного-буржуазного характера, они приходят на смену местным добуржуазным и неантичным, традиционно отражающим стандарт восточной **мировой деревни**, застывшей в своей недвижности, то это и есть вестернизация. Если не приходят, то нечего о ней и рассуждать. Все радикальные сдвиги в сфере системы хозяйства, суть, следствия перемен в системе социополитических и правовых институтов, создающих условия для тех сдвигов. Иначе не бывает. Не бытие определяет сознание, а разум и мудрые идеи людей с глубокой древности создают институты, которые после этого и в результате этого предоставляют условия для совершенствования бытия. Попробуйте, ничему не учась и ничего не зная, создать хорошие условия

для своей жизни (если только вы не иждивенец богача) – ничего у вас не получится. Потому ученье и знание так дорого стоят и так нелегко даются.

Можно, конечно, что-то украсть из достигнутых современной наукой сведений и достижений. Но если даже ты украл, купил, заимствовал что-то, сделанное на передовом Западе, – всё равно это, будь то наручные часы, мобильник, застёжка-молния (у каждого человека 5–6 молний, может быть, и несколько десятков в гардеробе), – это всё Запад. Всё, что едет, вся мировая электроника – это Запад, результат его разума, знаний, идей и институтов. Это и есть **вестернизация**. Потому и говорю, что сколько-нибудь заметная модернизация есть результат вестернизации, и не только в том смысле, что украли-купили-продали, но прежде всего в том, что сначала нужно создать условия, чтобы люди были заинтересованы в том, чтобы что-то придумать-сделать-продать.

Китайцы кое-что сделали в истории: они, например, хорошие корабли построили, но потом они же эти корабли поставили на прикол, потому что от них казне ничего, кроме убытков, не было. Корабль что-то должен был бы делать, чтобы он окупал себя. Но немыслимо, чтобы император послал от своего имени корабль торговать. Поэтому мировой рынок возник лишь тогда, когда пошли плавать по океанам утлые судёнышки, сначала португальские, затем испанские, голландские, английские. Только этот предбуржуазно-буржуазный частный собственник, воспитанный на условиях, созданных ещё в античном мире, смог создать и достичь многого – и это плоды всё той же вестернизации. Потом весь мир, достигавший успеха, начал жить на этом самом – на торговле, на производстве, на создании и активном применении полезных новаций. То, что я называю вестернизацией, это как раз и есть буржуазное частнопредпринимательское и частнособственническое начало. Разумеется, это не всегда выглядело красиво. Было много такого, что связано с обидой, с несчастьями бедных и обездоленных. Я об этом немало сказал в шести томах «Всеобщей истории», особенно в её последних томах. Конечно, это проблема. Ведь как раз эта часть населения планеты растёт ныне наиболее энергично. И происходит это потому, что Запад проливает на них свой благодатный дождь, хотя они этого не понимают, ещё не доросли до понимания того, что само увеличение их численности есть результат резкого возрастания коэффициента выживания. А такое бывает лишь тогда, когда жизнь становится легче и создаются более благоприятные для неё условия. Исторически сложилось так, что колонизованные страны и народы считают себя какими-то обиженными. Они часто и ныне думают, что их грабили, не додавали им того, что они тоже хотели бы иметь, и требуют ещё и ещё.

Но на самом деле всё обстоит прямо наоборот. Людей на планете становится необычайно много, и это прежде всего вчерашние отсталые и нынешние обиженные, переполняющие привычные зоны их обитания и не

умеющие добиться там процветания по западному стандарту. Но не потому, что их отсталое бытие определяет несовершенство их сознания и умения. А потому, что разум-сознание-умение-идеи-институты у них не развиты и не создали условий для улучшения их бытия. И это особенно заметно при сравнении бедного и отсталого большинства населения планеты с процветающими странами Запада, где доминируют **разум-идеи-институты**, создавшие условия, необходимые для приличного и улучшающегося бытия, о котором речь. А вот отсутствие движения разума-идей-институтов ведёт к отсталости сознания и накоплению нежелательных итогов, к безудержному росту числа всех бедных и отсталых на планете.

Впрочем, и здесь всё намного сложнее, чем может показаться. Быстро и всё быстрее развивающееся передовое вестернизованное человечество, втягивающее в свою орбиту остальной мир бурно с его подачи растущего меньшинства бедных и отсталых, вступает в конфликт с Природой. Она, не живая, но и не вовсе безжизненная, активно на всё это реагирует, имея для того свои возможности, очень даже ощутимые людьми. И это безудержное расхождение между потребностями нынешнего неудержимо растущего человечества, игнорирующего открытый *Ч. Дарвином* закон естественного отбора в борьбе за существование, и возможностями приемлемого баланса существования живого на планете, за чем следит и на что реагирует Природа, чревато непредсказуемыми в скором будущем катаклизмами.

Как смотрят на всё это в Китае? В ходе своей последней поездки в Китай я часто встречался со своими китайскими коллегами, их жизненный уровень был вполне приличным, если говорить о профессуре. Когда я вёл беседы, они обычно ограничивались общими проблемами Китая и теми успехами, которые тогда уже были заметны и прежде всего интересовали всех. Редко заходил разговор и, тем более, спор о других чисто научных проблемах. Так сложилось, не было ни времени, ни условий, ни обстоятельств, да и мало кто представлял себе, как дело пойдёт дальше и насколько нужны марксистские догмы, которые определяли предельный примитив теоретического анализа в исторических науках страны. Но, тем не менее, те профессора, которые действительно были профессорами, у которых есть какие-то заметные труды и кто – весьма пристойные люди, сейчас сильно изменились. Это явно не те профессора, с которыми я общался, с кем я встречался в 1950-х, которые не признавали английский язык. Нынешние – совершенно другие. Возможно, это относится не только к проблемам, касающимся взаимосвязей населения планеты и её загрязнения, на что Природа активно реагирует. Быть может, недалёк тот час, когда они станут иначе реагировать и на некоторые другие хорошо известные события в сравнительно недавнем прошлом.

На конференции в связи с годовщиной события, обычно именуемого Синьхайской революцией, я в 2012 году высказывал новую идею. Суть

её в том, что событие, именующееся революцией, было важно лишь оттого и явилось следствием тех кардинальной важности перемен, которые оказались привнесены в Китай в 40-х годах XIX в., когда в огромной империи началась энергичная буржуазная вестернизация. По сути своей Синьхай – это продолжение и интенсификация движения в ту же сторону. А как ещё это нужно называть? Только так! И было бы очень хорошо, если бы сами китайцы это как следует осознали.

ЭС: Расскажите о вашем опыте общения и сотрудничества с китайцами. Принимаете ли вы участие в развитии современных российско-китайских связей?

ЛВ: Несколько слов о сотрудничестве с китайскими коллегами. Не знаю, как у прочих, но у меня оно в большинстве случаев весьма ограничено. Что касается общественных организаций типа «Общества дружбы», то я в них участия не принимал. Так, иногда, когда приглашали (раз-полтора было), всегда обязательно приходил на вечера в посольстве КНР по случаю важных китайских праздников.

ЭС: Удается ли вам регулярно следить за событиями в Китае? Каким образом вы это делаете?

ЛВ: Должен сказать, что, несмотря на некоторое изменение сферы моих интересов в исторической науке, за событиями в Китае, конечно, я всегда следил и слежу, но не очень тщательно. Сначала я узнаю из радиопередач станции «Эхо Москвы», которые я внимательно прослушиваю, из газетных страниц и интернетовских сайтов кое-что самое существенное. Затем, если события выходят за пределы нормального и происходит нечто значительное, начинаю расширять круг информационных источников. В итоге всё сразу становится на место. О современном Китае самое необходимое я знаю, но вот за публикациями по проблемам истории следить не успеваю. Что касается будущего Китая, то я твёрдо считаю, что они идут туда, где это будущее станет для них наилучшим. Если для этого им понадобится перестать быть коммунистами, то они, на мой взгляд, легко перестанут ими быть. Но пока, поскольку у них, что называется, не каплет, и чем лучше организация, чем она жёстче и успешней (как показывает наш опыт), тем всё основательнее, они не будут торопиться.

ЭС: В чём вы видите сходство судеб Китая и России? Что разделяет и что сближает Китай и Россию?

ЛВ: После крушения Орды *Иван III* (1462–1505) должен был повернуться лицом к Западу, больше неоткуда было ему получить служивых воинов-дворян (свои архаично-невежественные общинники для этого не годились), не говоря уже об огнестрельном оружии. То же делали *Грозный* и *Годунов*. Иностранным влиянием были насыщены годы Смуты, его принёс с собой из Польши не вполне ещё тогда легитимный, сотрудничавший

с поляками патриарх *Филарет*, начавший по возвращении из польского плена управлять Русью-Россией после избрания царём его совершенно неподготовленного для того сына *Михаила*. Потом другие Романовы делали то же самое. *Алексей Михайлович* брал для Судебника 1649 года за основу литовский статут, потому что мы оставались далеко позади литовцев, оставались ещё почти на уровне ордынского улуса, каким были свыше двух столетий. Его дети, *Фёдор*, *Софья* и *Пётр*, шли ещё дальше.

Это тоже была вестернизация, но, в отличие от большинства других, в Европе и вне её, включая Китай, исходившая не от колонизаторов-иностранцев (Российская империя сама была колонизатором, но никак не колонией), а привлекавшаяся самой властью, и потому **безбуржуазная**. Мало того, ограниченная отечественным метисным городом, но решительно и даже категорически не принятая общинной деревней коренных (80–90% населения, крепостного и черносошного), империя де-факто раскалывалась на части. Дух новаций, создававший условия для ведения хозяйства по новому предбуржуазному стандарту и тем активно способствовавший улучшению бытия городских (но только не деревни!), да и то не всех, шёл с Запада, хотя энергично гасился самодержавными традициями, отчего и не было долго никакой буржуазии.

А влияние Запада проявлялось либо в заимствовании всего того, что было необходимо для войн, начиная с дворян с пищалями и кончая глобальными преобразованиями *Петра I*, либо, и тоже не без кнута со стороны Петра, в стремлении учиться, получать западное образование (больше учиться негде было и не у кого) и развивать в империи высокую (западную же по основе, хотя и с привлечением отечественного начала) культуру, которая в XVIII и тем более в великолепном российском XIX веке достигла мировых высот.

О России в этом плане можно рассуждать долго и очень серьёзно, принимая во внимание и роль отечественной интеллигенции (тоже порождение вестернизации), и реалии пореформенной России. Но это особый разговор, к которому я намерен перейти в специальной работе. Пока же переведу этот разговор в плоскость сравнения.

Между Россией и Китаем, естественно, есть нечто общее. Это то, что и той и другой стране очень показана хорошая дисциплина, что именно принуждение крепит эту дисциплину, коли она уже как-то выработана и лежит в основе матричной традиции. Но это, пожалуй, почти и всё, что нас объединяет (если не говорить о марксизме, который, к слову, в обеих этих империях тоже весьма неодинаков). В общем, неизмеримо больше того, что фиксирует разницу между нами. Она мало того, что очень значительна, она принципиальна. Есть одна особенность нашей истории: она постоянно складывалась так, что в результате часто получалось не то, что надо бы. А вот с Китаем обычно всё происходило наоборот. И не потому, что у нас

очень уж не привыкло к дисциплине население, а потому, что у нас много безалаберного, да и руководство под стать этому. Либо оно просто ничего не делало, либо не умело и не хотело делать то, что надо. Делали же дело, как правило, чужие, пришлые.

То варяги с их хорошо организованной транзитной торговлей, в которую были почти силой втянуты местные люди. После привоза варягами товаров в Царьград этих местных там в конечном счёте самих продавали в рабство, о чём мельком, но чётко упоминается в текстах. Варяги, которые пришли с севера в Киев, чтобы легче организовывать торговлю по Днепру с греками, и использовали местных как рабочую и рабскую силу (работали на волоке, гребли на ладьях). А использовав, продавали – не везти же их обратно! И накладно, да и незачем, на следующий год проще набрать в качестве чёрной силы новых.

Князья из Рюриковичей вели междоусобные войны за власть, и эти войны по меньшей мере косвенно отражались на перемещавшихся с места на место общинниках. А, параллельно этому, ещё добавлялись постоянно тревожившие наших лихие кочевники, вроде половцев (вспомните «Слово о полку Игореве»). Татары, превратившие основную часть Руси в улус Орды. И в заключение, наконец, дворяне. Своих служивых, напомню, неоткуда было брать. Не было их в лесной глуши с полубродячими нашими общинниками. Трудна была их жизнь с примитивной подсечно-огневой системой земледелия, вынуждавшей раз в несколько лет менять поле и местожительство и тем рвать неустоявшиеся родовые и семейно-клановые связи. Оттого наши и оказались лишены сплочённой солидарности. Соединяла всех их разве что только община с мощной матрицей, нёсшей в себе накопленные многими веками элементарно несложные нормы, заряженные преимущественно отрицательным отношением ко всем чужим и к любым новациям, появлявшимся извне и, как правило, ничего хорошего не сулившим.

Главным среди них было именно это непреодолимое нежелание общаться со всеми чужими и воспринимать новации. И варяги, и соперничавшие князья, и половцы, и татары, и дворяне, продолжавшие притекать с Запада в Россию и при Петре с его преобразованиями, и весь XVIII век, и позже, – всё это воспринималось общинными *мирами* как чуждое им. И для такого восприятия были основания. Вспомните, как был разорван на части князь *Игорь*, пришедший к древлянам собирать дань-полюдье вторично. А на самом деле всё было ещё сложнее. Варяги пришли издалека, с севера, с немногими из тамошних славян, а осели в районе Киева, где они появились вторично (вначале там был *Аскольд* с дружиной) во главе с Олегом в конце IX века. Своих женщин, заметьте, у них не было (викинги по всей Европе ездили и разбойничали, либо торговали без женщин, которым в их ладьях не было места). Понятно, что на первых порах, в первом поколении,

жён они брали из местных. Многие из девиц оставались безмужними, если вспомнить о тех рабах в Царьграде.

Так что они, варяжские князья и бояре с дружиной, не были вовсе уж чужими, да и говорить начали по-русски (термины *рус*, *росс* они принесли с собой). Но разница осталась. Была огромная разница между городскими торгово-воинскими обрусевшими укреплёнными городскими центрами, позже очень заметно разросшимися за счёт притока дворян из того же Запада, и обычно мелкими лесными бродячими общинными недолговременными посёлками (*починки*) огромного, территориально расширявшегося и численно разраставшегося большинства коренных местных. Община наша была отсталой, архаичной до примитива. А в условиях убогого бытия в лесной глуши с бездорожьем, не говоря уже о матрице генеральной идеологемой *недоверия-недоброжелательства-ненависти* к чужим и любым новациям с их непредсказуемыми угрозами норме, она и не могла сильно меняться.

Отсутствие социально-родственной солидарности – какая уж тут солидарность, когда не все сразу снимались с места, первыми уходили молодые и сильные, они создавали где-нибудь в нескольких десятках вёрст новый **починок**, там ненадолго оседали, легко принимая таких же, как сами, неприкаянных. Но никогда не воспринимали чужих, приходивших чаще с насилием. Они, коренные русские, в отличие от городских метисных, были своей особой общностью, огромной, но крайне рассредоточенной. Потому и оставались неприкаянно-архаичными, косно-инертными и крайне убогими и отсталыми, что весьма отличало общины-**миры** коренных от укреплённых городов с их воеводами. И чем дальше, тем этот очевидный этносоциальный раскол между русскими (а метисные горожане на Руси тоже были русскими, достаточно упомянуть имя Пушкина) становился глубже. Но недоверие и недоброжелательство **миров** ко всем чужим и приносимым ими новациям, от которых, по их представлениям, шло зло, становились сильнее, превращались в генеральную норму поведения, хранимую матрицей. Вот и получалось, что солидарны все они были предельно мало, родственные чувства у них, соответственно, оказывались несильными (детей не слишком берегут, стариков не особо почитают).

Словом, многое у наших коренных было непривычным. Отношение к моральной норме, к чужим-пришлым (не таким, как мы), к заимствованию полезного у других, – всё необычно. Это вам не северокавказские поселения в узких долинах, где живут веками, стариков почитают, детей не бросают, гостей щедро привечают и т. п. В общем – мы совершенно другие. Не только не Кавказ, но и не Китай. Конечно (о чём упоминалось), если присмотреться, можно найти чуть заметное сходство между Китаем и Россией. Но главное – наши различия, причём принципиальные и важные и, как правило, не в пользу России и русских. В Китае отношение к человеку,

знающему иероглифы, даже к любому клочку бумаги, на котором что-то кем-то было написано, всегда оказывалось предельно уважительным. Конфуций был у них. А у нас Конфуция не было.

Задолго до Конфуция у них, к слову, уже был культ предков, подобного которому у нас никогда не было. Ни в одном тексте вы не найдёте и намёка на это. На уважении к старшим построена вся многотысячелетняя историческая китайская общность. Идея, идущая из канона «Шу цзин», о том, что Небо награждает хорошего правителя за его добродетель, очень велика по ёмкости и значимости. У нас ничего подобного не было. Прочтите «Письма из деревни» профессора *А.Н. Энгельгардта* (пореформенная Россия, конец XIX в.). Он отнюдь не желал оболгать крестьян. Однако описывал всё нелицеприятно. Но, поверьте, страшно и обидно читать такое.

Разница между нами ещё и в том, что китайцы не религиозны. Да, Китай страна конфуцианская. Но буддизм (чтение сутр по покойникам), даосизм, включавший многое остальное из религиозных нормативов, восполняли то, что необходимо людям с точки зрения их вроде бы религиозной потребности. Обязательно в китайском доме есть божки, есть алтарь, и это кроме тех же конфуцианских дощечек с именами предков и поклонением им. Дощечки – святое. А вот божки – нечто предельно прагматичное. Если чего-то божок не дал (дождя, к примеру, долго не было), его можно за неуважение к потребителям небесных даров разбить, выкинуть и купить нового, такого же. Мистического поклонения нет, нет единого Бога. Каждый из божков отвечает за своё, его подкармливают, приносят жертвы – и он должен исполнять свои обязательства. У нас тоже примитив заимствованного православия сочетается с языческими верованиями и обрядами. Но всё не так, всё на другом уровне и, что важно, без великой этической основы преклонявшегося перед добродетелями, добродетельного по натуре своей конфуцианства.

Китай и Индия, два великих восточных колосса с очень развитой цивилизацией, веками и тысячелетиями обходились без христианства. Каждый индиец, каждый китаец знает свою культуру (естественно, на доступном для каждого уровне), и это создаёт некий духовный фон, который делает не особенно нужным нечто, подобное христианству. Ведь и динамичная, молодая, крайне нетерпимая религия – ислам – тоже не нашла почвы для укоренения в Китае. Да и в Индии лишь частично, и только потому, что вся страна долго была под властью мусульман-Моголов. Русь-Россия рядом с ними проигрывает. Велика, но слабо цивилизована. Близка к Востоку и особенно к Китаю, ещё ближе к Западу, но это не равно стремлению заимствовать. Точнее, очень активно (и к своему счастью) заимствовал всё лучшее западное город. Но отторгала все заимствования осевшая и перешедшая к трёхпольной системе земледелия с XVI–XVII веков отечественная общинная деревня. Всё у нас, как выясняется, не так.

ЭС: Может ли всестороннее стратегическое партнёрство между Россией и Китаем обернуться стратегическим соперничеством?

ЛВ: Может ли быть не только стратегическое партнёрство, но стратегическое соперничество? Всё возможно! Но, скорее, может случиться поглощение – колонизация восточной части нашей страны примерно так, как сегодня идёт поглощение китайцами Африки.

ЭС: Как и где обычно публикуются ваши исследования? Ваше участие в различных научных мероприятиях (выступления с докладами, присутствие, участие и т. д.)?

ЛВ: На вопрос о моих возможностях в науке замечу, что они достаточно благоприятны. Публикуюсь в разных издательствах, кое о чём и в газетах пишу. Весьма часто выступаю на разных конференциях. За границу, правда, со своими идеями обычно не езжу.

ЭС: Каковы основные источники финансирования вашей профессиональной деятельности?

ЛВ: Источником финансирования моей научной деятельности всегда была зарплата по месту работы, преподавания, много реже – гранты.

ЭС: В чём вы видите свои главные научные достижения? Какую научную тему вы считаете главной для себя лично?

ЛВ: Самым большим достижением в науке считаю выработку глобальной концепции закономерности эволюции человечества, которая отражена в шеститомнике «Всеобщая история». Полагаю, что это вполне приемлемая альтернатива марксистской концепции формации. В основе концепции – идея о поступательном движении вперёд, как по главной столбовой дороге (это прерогатива антично-буржуазного мирового города), так и по прочим путям, которые с этой дорогой пересекаются в разных местах, что ведёт к благотворному заимствованию полезных новаций (вестернизация). Те страны и общности, которые были привержены восточной структуре **власти-собственности** (мировая деревня), шли медленно и/или заходили в тупик. Либо они вообще исчезали со временем, либо вынуждены бывали, отступив, возвращаться к путям, пересекающимся со столбовой дорогой, ведущей вперёд. Проблема того, что такое «вперёд» и где будущее этого «вперёд», заслуживает особого внимания.

Отнюдь не будучи оптимистом, считаю, что человечество, вступая в явный конфликт с Природой, не понимает, к чему ускоряющимся темпом оно движется. Дорога скоро просто кончится, ибо планета не безгранична. И это более чем прискорбно, хотя альтернативы не вижу. Проблема, которую я затрагиваю, жизненно важна и драматически серьёзна. Восходит всё к массовым перемещениям людей и к безудержному перенаселению нашей планеты, которая этого просто не вынесет. Всё сводится, вполне

понятно, к проблемам демографии. В отличие от того, чем обычно, даже просто не подумав, руководствуются псевдодемографы, составляющие свои привычные и ни на чём не основанные формулы, я исхожу из того, что проблемы воспроизводства решаются не формулами, а примитивным и важнейшим для всего живого инстинктом. Безудержно возрастающее при благоприятных для того условиях огромное количество отсталых, бедных, невежественных и обездоленных, что давно уже стало неопровержимым фактом, – результат работы инстинкта, а не разума и обдуманного расчёта. И нет оснований считать, что ситуация изменится. За XX век население учетверилось, а последний седьмой миллиард населения планеты появился за какие-нибудь 12–13 лет, с 1999 по 2012 год! Ждите следующего и внимательно считайте!

А ведь всех их надо кормить! Кто будет в состоянии в скором будущем – всего-навсего в конце века, когда население снова если и не учетверится, то сильно возрастёт, содержать людей на приемлемом для века уровне и даже элементарно прокормить? Об этой проблеме, о которой пока заботится Природа, посылающая человечеству свои сигналы, скоро всем придётся задуматься. Передовой Запад способен на многое, но далеко не на всё. Скоро бедных и обездоленных станет намного больше того, с содержанием кого и чего можно будет ему кое-как справляться. И что тогда?

Вернёмся в заключение снова к моим оценкам проблем истории, и в частности китаеведения. Сумма моих основных исследований – трёхтомная история древнего Китая, двухтомник по истории Востока, шеститомник по Всеобщей истории. Тома по истории религии и те тома по истории России, над которыми я сейчас работаю, вполне гармонично друг с другом взаимодействуют. В сумме они создают нечто комплексное и, на мой взгляд, многое в истории человечества объясняющее. Естественно, из сказанного вытекает, что для постороннего наблюдателя я выступаю не столько в качестве китаеведа, сколько в роли историка весьма широкого профиля. В душе, однако, я всё ещё во многом остаюсь именно китаеведом, что и неудивительно, так как многое в жизни своей ему (Китаю) отдал.

ЭС: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? В чём отличие российского китаеведения от китаеведения Запада, Японии?

ЛВ: Я, о чём уже шла речь, к сожалению, не могу считать себя достаточно знакомым с бурно развивающейся ныне синологией в основных странах, имеющих с ней дела – китайской, японской, американской или тайваньской, да и европейской. Поэтому трудно судить на таком фоне и об особенностях российского китаеведения. Однако есть некая общая особенность отечественной историографии, которая, тем не менее, бросается в глаза: мы в общем не отрешились от многих прежних стереотипов советских времен, да и вряд ли быстро отрешимся. Китайцы быстрее рас-

стаются с ними. Вспомните, что я уже говорил о крестьянских восстаниях и бунтах – «верните нам прошлое, когда было хорошо!» А у нас до сих пор сомнительные предводители восставших и бунтующих (Болотников, Разин, Пугачёв, бомбисты и прочие «пламенные») – привычно воспринимаются как чуть ли не вполне достойные деятели, а то и руководители антифеодальных движений и крестьянских восстаний. Из ныне активно работающих в России китаистов, если выбрать и отметить особо, я выделил бы *А.И. Кобзева*.

ЭС: Как складывалась ваша китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

ЛВ: Большую часть жизни (около 60 лет) я работал как специалист по Востоку, китаевед и востоковед. Работал в основном в Институте востоковедения: аспирант, научный сотрудник, завсектором. Кроме того, был профессором МГИМО, *ИСАА*, а сейчас работаю ещё и в ВШЭ, где десяток лет заведовал кафедрой истории, а сегодня заведую лабораторией исторических исследований. Других должностей у меня нет и не было.

ЭС: Какие основные темы составляют сферу ваших интересов?

ЛВ: Сфера моих интересов с 1951 года – древняя история Китая. Изучал её достаточно основательно лет десять–пятнадцать, защитил кандидатскую диссертацию «Аграрные отношения и община в древнем Китае» (1958). Потом перешёл к изучению других периодов и проблем очень богатой событиями и особенностями китайской истории и культуры, переключился на изучение этико-философской мысли и всей религиозной культуры Китая. В 1961 году была издана монография по теме моей кандидатской диссертации, в 1970-м – объёмная и капитальная по теме и количеству собранных материалов сводно-обобщающая и широкая по количеству использованных источников и проработанной литературы на разных языках монография «Культы, религии, традиции в Китае». Она была переведена в Польше в 1974 г., в Венгрии в 1977 г., в Югославии в 1988 г. (переиздана на русском – М., 2001).

Тогда эта книга была единственной в своём роде (теперь их много, но тогда была первая), то есть посвящённая китайским религиям. При советской власти, когда религия не признавалась за серьёзную тему и требовалось писать лишь про критику религии или про атеизм, появление этой книги вызвало немалый интерес. Многие из синологов, питавших интерес к китайской культуре, и ещё большее число молодых, заново входивших в энергично растущую команду отечественных специалистов по Китаю, знакомились с этой работой и, как полагаю, немало из неё черпали. Параллельно в то время я, по приглашению А.В. Меликсетова (о чём я уже говорил), стал преподавателем на его кафедре в МГИМО. Переход к новым много более серьёзным и обширным учебным курсам, хотя и потребовал

нескольких лет очень интенсивной подготовительной работы, произошёл достаточно гармонично. В МГИМО было издано несколько моих учебных публикаций по этим темам, которые тогда использовались в качестве учебных пособий. Это: «Культурно-религиозные традиции Востока». М., 1976; «История религий Востока». М., 1983. 368 с. Переиздания 1988 г. (416 с.), 1998 г. (426 с.) и др.; 7-е и 8-е издания, заметно расширенные (704 с.), вышли из печати в 2004 г. и 2006 г. Далее, это «Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток)». М., 1984. 104 с. Продолжение его – «Ближний Восток». М., 1985. 102 с. Затем ещё «Курс лекций по средневековому Востоку». М., 1987. 182 с. Продолжая работать научным сотрудником Института востоковедения, я разрабатывал всё те же исследовательские проблемы, имеющие отношение к истории и истории культуры Китая, и готовил докторскую диссертацию. В 1970–80-х годах было опубликовано несколько монографий по проблемам ранней китайской истории: «Проблемы генезиса китайской цивилизации». М., 1976. 368 с. (переведена в КНР в 1989 году); «Проблемы генезиса китайского государства». М., 1983. 326 с.; «Проблемы генезиса китайской мысли». М., 1989. 309 с. и др.

Кое о чём из этого уже шла речь, приходится повторять. Продолжая работать в МГИМО, я оказался вместе с Меликсетовым в ИСАА при МГУ, где тоже приходилось работать с будущими востоковедами. Наращивая объём знаний по соответствующим темам, предлагавшимся в виде учебных курсов лекций, и прорабатывая их на семинарских занятиях, я опубликовал новые и более обстоятельно сделанные учебники. Это «История Востока» в 2-х томах, М., 1993, т. I, 495 с., т. II., 495 с. (переиздания 1998, 2001, 2003, 2005 и 2008 гг.; в изд. 2003 г. т. I, 512 с., т. II, 568 с.; в изд. 2005 и 2008 гг. т. I. 512 с., т. II. 575 с.). В изд. 2011 г. – 722 с. и 788 с. с роскошной суперобложкой. Эти книги, регулярно дорабатывавшиеся, оказались очень удачными и продолжают, естественно, в виде переизданий с обязательным учётом новых данных и современных событий, выходить до сегодняшнего дня. Вот недавно, уже осенью 2013 г., был в магазине и увидел, что оба тома «Истории Востока» (новое переиздание) выставлены, будучи помечены 2013 и даже 2014 (что меня очень удивило) годами издания. Издал я недавно в вариантах (два издательства) «Историю религий» (М., 2008. 791 с.). Работа моя в Институте востоковедения на рубеже XX–XXI вв. нашла отражение в капитальном исследовании «Древний Китай» в трёх томах (М., 1995, 2000 и 2006). Я принял участие и в написании для ИСАА учебника «История Китая». М., 1998 (этот учебник написан четырьмя авторами; мои – первые четыре главы; 3-е его издание 2004 г.; 4-е – 2007 г.; далее не знаю). Тогда же была издана брошюра «Современный Восток идёт в наступление» (М., 2004, 59 с.). Когда вместо МГИМО и ИСАА я начал работать в ВШЭ (Высшая школа экономики, с 2003), то в силу необходимости, будучи заведующим кафедрой всеобщей истории, занялся

проблемами всеобщей истории, и это дало свои результаты. Будучи теперь там уже не только и даже не столько руководителем кафедры и читающим учебные курсы профессором, так уж получилось, стал автором принципиально новой и уникальной по замыслу и реализации (обычно такие сводки пишут коллективы) «Всеобщей истории». В первом её издании, снова скажу, издательство «Высшая школа» выпустило один за другим четыре объёмных тома в хорошем переплёте, в красочном издании и трёхтысячным тиражом (М., 2007, 2008, 2010), после чего издательство попало в другие руки и перестроилось на выпуск иной учебной литературы. Второе и полное, частично (первые четыре тома) переработанное и дополненное издание – на сей раз всех 6 томов – оказалось полиграфически крайне неудачным. Эти неудобочитаемые пухлые тома в бумажных переплетах, тиражом 500 экз., вышли в свет в весьма ценимом мной издательстве *КДУ* на рубеже 2012–2013 годов. Надеюсь на более удачное их переиздание. В те же годы были изданы мои монографические исследования «Эволюция общества» (М., 2011. 205 с.), а также «Модернизация как исторический феномен» (М.: Либеральная миссия, 2011. 185 с.) и «Законы эволюции и проблемы человечества» (М., 2011. 60 с.).

В целом на сегодняшний день, если считать переиздания и переводы за границей, одних только весьма пухлых моих томов издано примерно 30. Так что за жизнь уже сделано довольно много и, смело можно сказать, прожита она не зря! Статей у меня написано – если иметь в виду объём – меньше. Так уж получилось, что я больше как-то оказался автором толстых книг. Но, тем не менее, у меня есть 2,5 сотни статей, включая не только вводные очерки, но и собственные оригинальные статьи в каждом из доброй дюжины сборников. Это только сборники, изданные за моей подписью в качестве ответственного редактора. Так выглядит пока моя научная и педагогическая биография. Добавлю к ней, что довольно регулярно печатаю в «Независимой газете» полосы (каждая примерно 0,5 а.л.) на различные исторические темы, их тоже уже не менее двух десятков, и это мой отклик на разные острые социополитические и политологические темы.

ЭС: Сделано очень и очень много! Каковы ваши планы и проекты на будущее?

ЛВ: Что касается планов и проектов в моей научной и преподавательской деятельности, то с этим всё в порядке. Их много, причём тематика и проблематика выбирается мною самостоятельно и свободно. Программа читаемых курсов пишется мной же, хотя иногда это подчинено забюрократизированной рутине. Бюрократизация преподавательской деятельности всегда была, и она в последнее время весьма усиливается. Кроме уже названных работ, я ещё пишу и намерен скоро издать – вы, возможно, будете

удивлены – несколько томов нового исследования «Метаморфозы России». Объясню, почему взялся за эту актуальнейшую тему. Когда я писал «Всеобщую историю», туда составной частью была включена и российская история как часть истории всеобщей. После этого я убедился в том, что Россия – Восток и Запад, а также не-Восток и не-Запад одновременно. Поскольку уж так рассудила судьба, и много времени и сил было потрачено на «Историю Востока», и на историю религий, и всеобщую историю, и кое-что написано о России во «Всеобщей истории», я счёл, что справлюсь и с этим делом, очень интересным для любого историка-специалиста. И взялся! И знаете, неплохо получается. Однако подождём, будущее покажет!

ЭС: Ваши пожелания и напутствия молодым китаеведам, принимающим профессиональную эстафету в XXI веке?

ЛВ: Когда-то я начинал карьеру синолога с изучения древнекитайской общины, а со временем, как говорится, нелёгкая вынесла меня бог знает куда.

Боюсь, что я последний из тех, кому стоило бы давать советы и напутствия. Но если это всё же может быть кому-нибудь интересным, скажу так: прежде, чем решать, прикиньте, что вам интересней. И вообще, чего вы в состоянии достичь, по вашему внутреннему и не слишком преувеличенному ощущению, что вы хотите узнать, о чём читать, а потом и самому писать. Прикиньте, кто вы, интроверт-экстраверт, любитель узнавать или рассказывать, склонны углубляться или готовы идти вширь, осваивая всё новые пласты своей науки (в данном случае – синологии), или идти шире, например в востоковедение, лингвистику, политологию и т. п. Поверьте, такой самоанализ (впоследствии он может не оправдаться, но это не страшно) вам поможет. Во всяком случае, он способен сэкономить время и силы, поможет добиться того максимума, на который вы можете рассчитывать в вами созданных или сложившихся для вас условиях. Дерзайте!!!

ВИНОГРАДОВА НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА
INTERVIEW WITH NADEZHDA A. VINOGRADOVA

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Виноградова Надежда Анатольевна (НВ)	***Nadezhda A. Vinogradova***
Китаевед, канд. искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств Исследователь искусства и культуры Китая Дата: 11 сентября 2011 г. Место: г. Москва Вела интервью: Неглинская М.А. (МН) Д. искусствоведения, ведущий н. с, отдел Китая ИВ РАН Примечания: М.А. Неглинская, В.Ц. Головачёв, Л.П. Черникова Продолжительность: 2 часа	Sinologist, PhD (Arts Criticism) Leading Research Fellow, Institute of the theory and history of Fine arts (Russian Academy of Arts) Expert on China Arts & Culture Studies Date: September 11, 2011 Place: Moscow Hosted by: Marina A. Neglinskaya, Full Doctor (Arts Criticism), Leading research Fellow, IOS RAS Footnotes: Marina A. Neglinskaya, Valentin C. Golovachev, Larisa P. Chernikova Duration: 2 hours

Виноградова Надежда Анатольевна *(1923–2012). М. р.: Таруса. Китаевед. Кандидат искусствоведения (1962). Окончила искусствоведческое отделение МГУ (1946); аспирант Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (1946–1949). Тема диссертации: «Искусство древнего и средневекового Китая». Автор более 50 публикаций по искусству и культуре Китая, в том числе монографий: «Искусство средневекового Китая». М., 1962; «Китайская пейзажная живопись». М., 1972; «Сюй Бэйхун». М., 1980; «Искусство Китая» (альбом). М., 1988; «Пань Тяньшоу и традиции живописи гохуа». М., 1993; «Искусство Китая от древности до Средневековья» (энциклопедия для детей и юношества). М., 1996; «Искусство стран Дальнего Востока»: энциклопедия для детей. Т. 7: Искусство.Ч. 1. М., 1997; «Китайские сады». М., 2004; «Цветы-птицы в жи-*

вописи Китая». М., 2009; «Скульптура старого Китая. Духовные знаки времени». М., 2010; «Горы-воды. Китайская пейзажная живопись». М., 2011. Более 60 лет работала в Институте теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (НИИИТИ РАХ, Москва). Член Государственной экзаменационной комиссии на факультете теории и истории искусства Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Санкт-Петербург), член учёного совета Государственного музея Востока (Москва). Заслуженный деятель искусств РФ (1992). Награждена орденом «Дружбы народов» (1998) и медалью «В память 850-летия Москвы». Почётный член Российской академии художеств (2005), почётный профессор Шанхайского института искусства и технологии (1989).

МН: Записать интервью с Надеждой Анатольевной Виноградовой – это для меня не только радость, но и большая честь. Сомневаюсь, чтобы кто-то из отечественных искусствоведов не знал вашего имени и не читал ваших работ по китайскому искусству. У вас много знакомых и друзей в Китае, среди коллег и художников. Но, чтобы их было ещё больше, пожалуйста, расскажите о себе. Прежде всего, где и когда вы родились?

НВ: Я родилась так давно, что страшно подумать, 26 июля 1923 года в семье писателя *Анатолия Корнелиевича Виноградова*. Моя мать *Елена Всеволодовна Козлова* происходила из старинной дворянской семьи Воейковых, переводила художественную литературу с французского языка. Семья жила в Тарусе, на Оке, время было сложное. Помню, как соседские дети, учившиеся вместе со мной в школе, не понимали разницы между профессией писателя и должностью писаря.

МН: Наверно, проявившимся впоследствии интересом к искусству и литературным дарованием вы обязаны прежде всего своей семье. Не могли бы вы рассказать, как получили образование и стали профессионально заниматься историей искусства?

НВ: Моя студенческая жизнь началась в первый год Великой Отечественной войны, когда я поступила на искусствоведческое отделение, которое до ноября 1941 года существовало в ИФЛИ, а с февраля–марта 1942 года – при филологическом факультете Московского университета. Обрушившаяся внезапно война отбросила в прошлое счастливое детство, увела из жизни близких людей, принесла много лишений и страданий. Но мы были тогда очень молоды и хотели жить, а не просто существовать, выстаивая в бесконечных очередях, чтобы «отовариваться» по карточкам. Мы продолжали читать книги, слушать музыку. Несмотря на трудности военного времени на искусствоведческом отделении учились всерьёз, хотя вместо пяти лет мы оставались студентами четыре с половиной года, до января 1946 года.

МН: Вы были вовлечены также в режим военной жизни?

НВ: Конечно. Помимо лекций и занятий в библиотеке мы работали в помощь фронту. В самом начале войны рыли под Москвой противотанко-

вые рвы. Нас направляли на заводы грузить мины, кто-то работал в госпитале, ухаживал за ранеными, кто-то, подобно мне, занимался в школе снайперов. Все студенты университета работали на лесозаготовках в Талдомском районе, под Угличем, в Лужниках. Лесоповал и заготовка дров, разгрузка торфяных и угольных вагонов, в которых я вместе с другими принимала участие до пятого курса, были тяжёлым испытанием наших душевных и физических сил. Навыков у нас не было, нормы были непосильными.

МН: И вам удавалось в этих экстремальных условиях получать знания по истории искусства?

НВ: Удивительно, но никто из моих сокурсников не жаловался на тяжёлые условия и не болел. В перерывах на работе в помощь фронту ещё умудрялись читать стихи и рассуждать об искусстве. Учились с большой охотой, хотя помещения старых университетских корпусов не отапливались, выбитые при бомбёжках окна были заделаны фанерой. Во время лекций преподаватели и студенты не снимали валенок и шуб, а чуть по весне начинало пригревать солнце, занятия переносили во двор.

МН: Вы тогда занимались в старом здании МГУ или в другом месте?

НВ: Вообще, учёба была в полном смысле кочевой. Мы занимались и в административном здании на улице Герцена, дом 5, и во дворе на Моховой, на факультете биологии, среди заспиртованных рептилий и скелетов животных, в здании ГИТИСа в Собиновском переулке, и в какой-то школе на Малой Бронной. При этом повсюду таскали за собой неуклюжий и тяжёлый проекционный фонарь-эпидиаскоп, который студенты прозвали «верблюдом». С его помощью показывали стеклянные чёрно-белые диапозитивы и книжные репродукции. Наши героические профессора переживали трудности вместе с нами, показывая пример выдержки и подтянутости.

МН: Кого из своих профессоров вы запомнили лучше всего?

НВ: К нашему счастью, в те трудные годы у нас были замечательные преподаватели: *Виктор Никитич Лазарев, Михаил Владимирович Алпатов, Борис Робертович Виппер, Николай Иванович Брунов, Андрей Александрович Губер, Борис Владимирович Веймарн, Юрий Дмитриевич Колпинский, Владимир Дмитриевич Блаватский, Герман Александрович Недошивин, Наталья Николаевна Коваленская, Всеволод Владимирович Павлов, Шелли Марковна Розенталь*. И я до сих пор благодарна нашим преподавателям за то, что они сумели вложить в нас знания и привить любовь к искусству далёких стран и эпох. Это было непросто, поскольку в то время музеи были закрыты, книг по искусству существовало немного, они хранились в библиотеках и были труднодоступны. К счастью, читальный зал в Доме Пашкова[56] был открыт. Мы проводили там много времени, но удавалось получить только часть необходимых книг, поскольку все ценные издания

[56] Во Всесоюзной государственной библиотеке им. В.И. Ленина (ВГБИЛ). В настоящее время — Российская государственная библиотека (РГБ).

находились в эвакуации. Приходилось ориентироваться на лекции, которые мы старательно конспектировали.

МН: Вы назвали имена известных отечественных искусствоведов, которые занимались в основном проблемами классического европейского и русского искусства.

НВ: Я получила классическое искусствоведческое образование, основу которого составляет знание западных традиций, и нам преподавали методику их исследования. Курс лекций по итальянскому искусству читал В.Н. Лазарев, поражавший студентов не только логикой и эрудицией, но и кипучей энергией. В сложной обстановке военного времени он всегда был собран и подтянут, воротнички его рубашек сияли белизной. Чтобы дать нам более полное представление о произведениях искусства, Виктор Никитич обычно завершал анализ картины перечислением цветов в её колорите. Например, он говорил: «Теперь цвета – огненно-вишнёвый, синий, зелёный, пурпурный, оранжевый». И всё это мы старательно записывали, потому что привыкли работать с чёрно-белыми репродукциями. Семинарские занятия В.Н. Лазарев проводил у себя дома, на улице Остоженке. Беседы сопровождались знакомством с его обширной библиотекой. Два блистательных курса лекций по культуре итальянского Возрождения и культуре Древней Греции нам прочёл А.А. Губер, отличавшийся широтой знаний и крайней деликатностью в общении. Принимая экзамены, он никогда не прерывал студента и не давал ему почувствовать себя невеждой. Одним из самых ярких и насыщенных был курс Б.Р. Виппера по западному искусству XVII–XVIII веков. По-европейски корректный, безукоризненно и со вкусом одетый, исполненный чувства собственного достоинства, Виппер был подобен олимпийскому божеству, его почитали и боялись. Студенты не позволяли себе пропустить ни одной его лекции или опоздать хотя бы на минуту. Курс по древнерусскому искусству нам читал мягкий и немного рассеянный М.В. Алпатов. Студенты быстро оценили его глубокое и тонкое понимание предмета, и некоторые мои сокурсники (*Володя Толстой* и *Олег Сопоцинский*) стали позднее преданными учениками Михаила Владимировича.

МН: Однако ни один из ваших преподавателей, как мне кажется, за исключением Б.Р. Виппера, не касался в опубликованных работах проблем китайского искусства. Кто же читал вам курсы по восточному и китайскому искусству?

НВ: С искусством Средней Азии нас познакомил Б.В. Веймарн, который был одним из первых отечественных востоковедов, посвятивших себя изучению искусства мусульманского Востока. Внимательный и приветливый со студентами, он был молодым профессором, но весьма эрудированным, требовательным и пунктуальным. Египтолог В.В. Павлов читал нам лекции по искусству Древнего Египта и Дальнего Востока. Он делал

это с наслаждением и, излагая материал, казалось, размышлял вместе с нами. Одно время, в силу каких-то обстоятельств, занятия в университете были перенесены на вечер и длились до одиннадцати часов. Усталые, мы порой дремали на лекциях, и мне иногда казалось, что чудесные китайские пейзажи, которые показывал Всеволод Владимирович, мы видели во сне, а не наяву.

МН: Вы уже знали тогда, что напишете о них?

НВ: Мне всегда нравилось искусство Китая, но в своём интересе я определилась позднее. К концу войны жить в Москве стало немного легче. Музеи готовились к открытию, и нас стали учить экскурсионному делу. Мы впервые соприкоснулись с подлинниками произведений искусства, которые стали возвращаться из эвакуации. В июне 1945 года, едва отгремели последние залпы, мы совершили, под эгидой Ю.Д. Колпинского, незабываемую поездку в Ленинград. Наша дружная студенческая компания стала определяться по интересам. Одни стажировались в Третьяковской галерее. Другие, как, например, я и *Таня Каптерева*, – в Музее изобразительных искусств[57]. Многие из нас после учебы стали музейными работниками, сотрудниками Института искусствознания[58] или, подобно мне, устроились на работу в НИИ Академии художеств[59].

МН: Расскажите, пожалуйста, как и когда вы сделали свой творческий выбор?

НВ: Сразу же после окончания университета, в 1946 году, я поступила в аспирантуру в ГМИИ имени А.С. Пушкина и закончила её в 1949 году. Затем недолго работала в редакции изобразительного искусства Большой советской энциклопедии и, наконец, стала сотрудником НИИ Академии художеств. Всё это время я занималась искусством Востока – древнего и средневекового Китая, Кореи, Индии. Институт готовил к выпуску шеститомную энциклопедию «Всеобщей истории искусств»[60], для которой я написала главы по классическому китайскому, корейскому и индийскому искусству, последнюю – в соавторстве с известным исследователем *О.С. Прокофьевым*.

МН: Когда же в вашей научной жизни возобладал интерес к китайскому искусству?

---

[57] Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) имени А.С. Пушкина, г. Москва.

[58] Государственный институт искусствознания, г. Москва.

[59] Московский Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (НИИТИИИ РАХ), где Н.А. Виноградова работала ведущим научным сотрудником Отдела зарубежного искусства до своей кончины 07.01.2012.

[60] Всеобщая история искусств / ред. Б.В. Веймарн; Б.Р. Виппер; А.А. Губер и др. В 6 томах. М., 1955.

НВ: Это случилось постепенно. В 1959 году был опубликован альбом *Цзян Чжао-хэ*, посвящённый творчеству известного китайского художника XX века. Одновременно я работала над диссертацией на тему «Искусство древнего и средневекового Китая», которую защитила в 1962 году. В тот же год вышла моя книга «Искусство средневекового Китая»[61], изданная Академией художеств в серии по изобразительному искусству для народных университетов и школьных библиотек. В 1972 году была опубликована монография «Китайская пейзажная живопись»[62]. Эту книгу я писала на свой страх и риск. Подобных обобщающих работ у нас тогда не было. Я обратилась за советом и помощью в Музей Востока[63], и уважаемая мной *Ольга Николаевна Глухарева* сурово заметила, что время для такой работы ещё не настало, поскольку наше искусствоведение к ней не готово.

МН: По книгам «Искусство средневекового Китая» и «Китайская пейзажная живопись» я и мои сокурсники по искусствоведческому отделению истфака МГУ готовились к экзаменам в конце 1970-х годов. К сожалению, мы не слышали ваших лекций на эту тему. Вы ведь какое-то время преподавали в университете?

НВ: В 1962–1969 годах я читала для студентов МГУ курс лекций по искусству Индии и стран Дальнего Востока, а также спецкурс по буддийской иконографии.

МН: Надежда Анатольевна, расскажите, пожалуйста, что вас побудило прочесть спецкурс по буддийской иконографии в те годы, когда идеологические нападки мог вызвать сам термин «иконография»?

НВ: Мне хотелось привить студентам вкус к восточному искусству. Хотелось, чтобы они, как и я в университетские годы, могли научиться у своего преподавателя видеть и чувствовать красоту и смысл художественных форм, а это невозможно без широкого культурологического подхода к истории искусства. Профессиональный интерес должен распространяться и на область мировоззрения, очень своеобразного у народов Востока и китайцев в особенности. Нужно было преодолеть то, что сейчас называют «европоцентризмом» в истории искусства. Мне кажется, что отдельные памятники оживают для исследователя только тогда, когда они вплетаются в контекст исторических фактов и культурно-философских идей.

НВ: И поэтому вы в одном курсе совместили три – искусство, культуру и мифологию Востока?

---

61 *Виноградова Н.А.* Искусство средневекового Китая. М., 1962.

62 *Виноградова Н.А.* Китайская пейзажная живопись. М., 1972.

63 Организованный в 1919 в Москве, этот музей существовал под разными названиями: Музей восточных культур (МВК), Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ), Государственный музей Востока (ГМВ).

НВ: Я увлеклась этим материалом и позднее использовала опыт университетских лекций для написания восточных разделов в серии «Малая история искусства» и других изданий, которые долго имели значение учебных пособий.

МН: Вы побывали в тех странах, о которых написаны ваши книги?

НВ: Я часто посещала Китай. Впервые побывала там в 1954 году, затем в 1957, 1960, 1986 и 1991 годах. Видела также Японию (1962, 1969), Монголию (1967) и Корею (1974).

МН: Это были путешествия в даоско-буддийском смысле или научные командировки?

НВ: В Японии я проходила стажировку как искусствовед и использовала потом свои впечатления при написании книги «Скульптура Японии III–XIV веков» (1981) и альбома «Искусство Японии» (1985). В Китай я сопровождала выставки отечественного искусства, но никогда не упускала возможности познакомиться с известными архитектурными ансамблями и музейными коллекциями, пообщаться с художниками и учёными. Меня совершенно очаровали китайские сады.

МН: Этой теме вы посвятили одну из своих сравнительно недавних монографий, вышедшую в 2004 году. Кажется, это первая крупная отечественная публикация по китайскому садово-парковому искусству[64]?

НВ: Сейчас для меня уже трудны дальние путешествия, но мне было приятно вернуться к воспоминаниям о тех местах, где я когда-то побывала. Я с удовольствием писала книгу о таком ярком и своеобразном явлении, как китайские сады, которые почему-то выпали из поля зрения наших искусствоведов. Казалось, я снова посетила Китай.

МН: А как вы относитесь к китайской кухне?

НВ: Мне она сразу же понравилась, и с тех пор я часто готовлю дома блюда китайской кухни. Иногда их готовят мои китайские гости.

МН: Кто из китайских художников вызвал у вас особый интерес?

НВ: *Сюй Бэй-хун* и *Пань Тянь-шоу* стали темой отдельных моих исследований. Сюй Бэй-хун интересен как художник двух манер – европейской и китайской. Пань Тянь-шоу мне нравится именно как мастер китайской национальной живописи *го-хуа*. В 1991 году я принимала участие в открытии его музея в городе Ханчжоу.

МН: Вы не посещали Китай после 1991 года, но, вероятно, поддерживаете отношения с представителями китайской культуры?

НВ: С некоторыми из моих коллег я переписываюсь и встречаюсь многие годы. Не отказываю в профессиональной помощи китайским ху-

64 *Виноградова Н.А.* Китайские сады. М., 2004.

дожникам и искусствоведам, которые учатся в нашей стране. Несколько раз помогала организовать выставки работ живущего в Советском Союзе *Цзян Ши-луня*. В 2007 году участвовала в проведении выставки почётного члена Российской академии художеств, профессора Тяньцзиньского университета *Ван Сюэ-чжуна*. Эта выставка была приурочена к Году Китая в России и 250-летию Академии художеств. В 2008 году занималась также выставкой произведений тяньцзиньской художницы *Ван Сю-лин*, работающей в традиционных жанрах «цветы-птицы» и «люди».

МН: Что вы думаете о ваших китайских аспирантах?

НВ: Многие из них сохранили связь с традиционной культурой, и поэтому они очень внимательны и уважительны в общении со старшими по возрасту, и мне это приятно. Думаю, надо обладать китайской работоспособностью и терпением, чтобы, учась здесь, написать и защитить диссертацию на русском языке. Поэтому я всегда стараюсь помочь, особенно если работа интересна.

МН: Хотя вы давно не читаете лекций студентам МГУ, ваша педагогическая деятельность не закончилась?

НВ: До недавнего времени я продолжала руководить аспирантами и писать отзывы на диссертации по китайскому искусству; работала учёным секретарём диссертационного совета НИИТИИИ РАХ[65]; состояла в Государственной экзаменационной комиссии на факультете теории и истории искусства Санкт-Петербургского Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, была членом учёного совета Государственного музея Востока.

МН: Я с благодарностью вспоминаю вашу великодушную помощь при защите моих работ по китайскому искусству. А какие из ваших недавних книг посвящены Китаю?

НВ: Все, которые я вам подписала и подарила: «Цветы и птицы в живописи Китая» (2009), «Скульптура старого Китая» (2010) и «Горы-воды. Китайская пейзажная живопись» (2011)[66].

МН: Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к своему участию в проекте энциклопедия «Духовная культура Китая»?

НВ: Моё участие состоит в написании для шестого тома, посвящённого искусству, большой статьи «Китайские сады»[67] и других тематиче-

---

[65] Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва).

[66] *Виноградова Н.А.* Цветы-птицы в живописи Китая. М., 2009; *Она же.* Скульптура старого Китая. Духовные знаки времени. М., 2010; *Она же.* Горы-воды. Китайская пейзажная живопись. М., 2011.

[67] Статья вышла под названием «Ландшафтная архитектура», другие статьи: Чэндэ, Шисаньлин, Таймяо, Шэцзитань (две последние — в соавт. с Н.Ю. Демидо), см.: Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 6. М., С. 77–99, 853, 859, 719–720, 874–875.

ски связанных с ней коротких статей. Я рада тому, что такая трудоёмкая и сложная работа была осуществлена. Думаю, что этот проект – поистине грандиозный труд и большое достижение в современном отечественном китаеведении. Он совершенно необходим всем искусствоведам, которые работают с китайским материалом, и тем более студентам.

МН: Каков ваш взгляд на будущее отношений между Россией и Китаем?

НВ: Отношения в науке и культуре в последние годы успешно развивались. Надеюсь, так будет и дальше.

МН: Ваша научная и международная деятельность, как я знаю, удостоена высоких наград. Пожалуйста, расскажите о них.

НВ: В 1989 году одну из моих работ – альбом «Искусство Китая»[68] наградили серебряной медалью Российской академии художеств. В этом же году меня избрали почётным профессором Шанхайского института искусства и технологии. В 1992 году мне присвоили звание заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, а в 1998 году наградили орденом Дружбы. В 2005 году я была избрана почётным членом Российской академии художеств.

МН: Не могли бы вы рассказать о своих творческих планах?

НВ: Сейчас, после издания монографии по скульптуре, я хочу написать об архитектуре Китая, если хватит времени и сил. Это интересная и сложная тема, которой отечественные искусствоведы уделяли мало внимания. У меня опубликовано несколько статей по китайской архитектуре[69], но это не может заменить монографии, которая задумана как доступное широкому кругу читателей введение в огромный массив традиционной китайской архитектуры. Монография («Многовековая история китайской архитектуры») будет написана в жанре художественного эссе. В неё войдёт расположенный в хронологическом порядке обширный материал, будет дана его историко-эстетическая оценка, уделено особое внимание китайской архитектуре в период раннего и зрелого средневековья (в эпохи Тан, Сун и Мин).

МН: Тема истории уникального китайского зодчества вызывает большой интерес и в самом Китае, и за его пределами. Остается пожелать вам творческих успехов и поблагодарить за интересную беседу. Большое спасибо!..

---

68 В*иноградова Н.А.* Искусство Китая (альбом). М., 1988.

69 Среди опубликованных статей по архитектуре: *Виноградова Н.А.* Средневековый Китай – Пекин как художественное целое. Художественные модели мироздания. М., 1997. С. 51–67; *Она же.* Космогоническая символика Храма Неба в Пекине // Грани творчества. М., 2005. С. 86–97; см. также прим. 20.

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ВИНОГРАДОВОЙ (1923–2012)

Наверно, многие из сотрудников НИИ теории и истории изобразительных искусств знают Надежду Анатольевну Виноградову дольше и лучше меня. И я прошу извинить меня за эту смелость. Регулярности нашего общения мешали возрастная дистанция и различия в ритме жизни. Мотив этого выступления – любовь и уважение к личности Надежды Анатольевны и глубокая благодарность за великодушную помощь в моей работе, в том числе защите диссертаций в стенах её родного института.

Мне не выпало счастья прослушать курс лекций Надежды Анатольевны по искусству Дальнего Востока. К тому времени, когда я стала студенткой МГУ, на кафедре работали другие преподаватели. Но совершенно очевидно, что в учебном процессе они использовали труды Надежды Анатольевны – «Искусство средневекового Китая» (1962), «Китайская пейзажная живопись» (1972) и статью «Иконографические каноны японской космогонической картины Вселенной – мандала» (1973) из сборника «Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки». Эти же работы вдохновляли меня, моих сокурсников, посвятивших себя изучению восточного искусства, и коллег из Государственного музея Востока.

Со студенческих лет монография «Китайская пейзажная живопись» осталась в моём понимании самой важной книгой Надежды Анатольевны. И, скорее всего, я не одинока в своём выборе. Эта книга – новация среди выходивших тогда искусствоведческих работ, и до сих пор её цитируют наиболее часто. Как и другие книги Виноградовой, она написана в духе эссе и передает очарование культурой и искусством Китая. Талант Надежды Анатольевны проявился в умении видеть композицию в хаосе материала, воспринимать и трактовать его обобщённо, как систему. К «Китайской пейзажной живописи» близки по настроению изданные недавно «Китайские сады» (2004) и «Цветы-птицы в живописи Китая» (2009).

Для восприятия искусствоведческих текстов, как мне кажется, очень важен ответ на вопрос, что же в реальности любит автор – описываемый мир или себя в этом мире? Надежда Анатольевна, определённо, любит мир. И её живо интересует то, как вещи, созданные китайцами, живут в родной для них среде и формируют её. Поэтому, помнится, она с удовольствием читала для настроения не только китайские стихи, но и переводы классических романов («Цветы сливы в золотой вазе», «Сон в красном тереме»).

Я помню Надежду Анатольевну как человека большой культуры, хранителя традиций в самом широком смысле слова. Она бережно и терпеливо относилась к своему окружению, сочувствовала ему и прощала слабости. Работая в Учёном совете музея Востока, она прочла десятки обсуждавшихся там работ и написала множество отзывов, в том числе и на мои каталоги.

Рекомендация «вы должны сами знать, чего вы хотите от своей работы» была постоянным принципом. Надежда Анатольевна удивительно трезво и объективно оценивала возможности коллег и свои собственные – одно невозможно без другого. Её аристократические манеры, и даже само присутствие, оказывали гармонизирующее влияние на среду.

Категоричность в высказываниях была для неё большой редкостью. Чаще она позволяла себе светскую шутку. По моим ощущениям, она тяжело переживала грубость и невоспитанность в представителях своей среды. Труднее всего ей давалась отстранённость в отношении людей, не имевших уважения к собеседнику. Но многое прощалось за талант. Однажды, обсуждая научные дела, мы заговорили об одном строптивом востоковеде: «Надежда Анатольевна, а я думала, он вам не нравится». – «Марина, я так же, как и вы, люблю талантливых людей!..»

Наверно, не только мне с удовольствием вспоминается гостеприимный дом на Новом Арбате и то, как тщательно Надежда Анатольевна подбирала наряд для любого приёма, с удовольствием накрывала стол, занимала знакомых беседой. Состояние увлечения какой-то научной темой было для неё постоянным, и она с радостью рассказывала о своих планах и каждой новой работе.

Мне не приходилось слышать в её доме жалобы на здоровье и судьбу. Обычно она подшучивала над своим возрастом и недомоганиями. Так, в своём последнем сентябре она вдруг процитировала прежнюю знакомую – давно ушедшую московскую поэтессу: «Огибая каждый стул, не кричите: “Караул!”, а, добравшись до одра, можете кричать: “Ура!”». И иронично заметила, что сейчас она это понимает, поскольку находится именно в таком состоянии. Мне показалось, что она немного преувеличивает. Трудно было поверить в слабость человека, только что отметившего издание одной монографии (**«Скульптура старого Китая», 2010**) и набирающего материал для другой (**«Многовековая история китайской архитектуры»**), как обычно, «самой последней».

Так долго, как Надежда Анатольевна, оставаться в творческом потоке и так полно реализовать себя – это талант, может быть, главный.

М.А. Неглинская, февраль 2013 г.

ГЕЛЬБРАС ВИЛЯ ГДАЛИВИЧ

INTERVIEW WITH VILYA G. GELBRAS

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Гельбрас Виля Гдаливич (ВГ)	***Vilya G. Gelbras***
Д.и.н., профессор, ИСАА при МГУ Место интервью: Москва Дата: 19–22 июня 2012 г. Вела интервью: В.В. Лапердина (ВЛ) ИЭ РАН Примечания: В.Г. Гельбрас, В.В. Лапердина, В.Ц. Головачёв Продолжительность: 6 часов	Full Doctor (History), Professor, Institute of Asian and African States, MSU Place: Moscow Date: June 19–22, 2012 Hosted by: Viktoria V. Laperdina Institute of Economics, RAS Footnotes: Vilya Celbras, Viktoria Laperdina, Valentin Golovachev Duration: 6 hours

Гельбрас Виля Гдаливич *(1930 г. р., Москва). Китаевед, доктор исторических наук (1980), профессор (1983). Преподаватель кафедры экономики и экономической географии ИСАА при МГУ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Выпускник Московского института востоковедения. Член Европейской ассоциации синологов. Имеет более 250 научных и учебно-методических публикаций по проблемам мировой, китайской и российской экономики, международным отношениям и политической обстановке. Автор 17 монографий, в том числе: «Экономика Китайской Народной Республики, 1948–2008. Важнейшие этапы развития. Основные отрасли экономики» (М., 2009). Читал лекции в Народном университете*

Китая (1989–1990), Пекинском университете (1990–1991), в университетах городов Тяньцзинь, Ухань, Шанхай, Цзинань, Харбин, Шэньян, Принстонском университете США (1991, 1994, 1997). Имеет награды: орден «Дружбы народов», медаль «За доблестный труд. К 100-летию В.И. Ленина», медаль «Ветеран труда».

ВЛ: Виля Гдаливич, хочу попросить вас начать рассказ так, как вы сами себе представляете начало данного интервью.

ВГ: Насколько я помню, мои коллеги сначала рассказывали о том, как они впервые узнали о Китае. В моём случае не столь важен вопрос, когда я узнал о Китае. Важно, как я попал в китаеведение, потому что путь оказался довольно сложным.

Мой отец, *Гельбрас Гдалий Соломонович*, был ирановедом. В составе нашей делегации в Иране он открывал первое посольство РСФСР в Тегеране. Во время «чистки» партии его обвинили в троцкизме и исключили из её рядов. Позже ему разрешили вновь вступить в неё, но без восстановления стажа. В результате после Тегерана он оказался редактором местной газеты города Кольчугино. В Кольчугино познакомился со своей будущей супругой, моей мамой – *Сорокиной Полиной Ефимовной*. Восстановление в партии позволило ему с семьёй вернуться в Москву. Он стал работать в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), там же работала и мать. Он был преподавателем, а мама куратором монголо-тувинской группы.

Представьте себе площадь Пушкина, кинотеатр «Россия». За ним расположены два здания. В них в начале 1930-х годов размещался КУТВ. Перед зданием «Известий» на Тверской до дома редакции «Труда» стоял ряд небольших домов. В одном из них находился детский сад КУТВа, а на другой стороне Тверской в угловом здании – общежитие его студентов. Во время войны оно было уничтожено прямым попаданием бомбы. Его не восстанавливали. Дома, где был детский сад, снесены уже в послевоенные годы, во время перестройки Пушкинской площади. Всё моё детство неразрывно связано со зданиями КУТВа, общежитием и Пушкинской площадью.

Когда КУТВ закрыли в 1938 году, отец перешёл в валютное управление Наркомата внешней торговли. Он много и постоянно писал об иранских, арабских делах, но писал всегда под псевдонимом, и это его спасло. Семья постоянно жила под угрозой ареста, так как отец выступал против сталинских идей экспорта революции в Иран и другие страны Востока. Псевдоним в те годы не был расшифрован. Расшифровал его много лет спустя мой коллега – *Семён Агаев*, углублённо занимавшийся Ираном. К тому времени я уже был китаистом, сотрудником Института международного

рабочего движения АН СССР. В начале 1980-х годов Семён однажды подошёл ко мне с вопросом: «Скажи, твой отец писал под псевдонимом Рейнджибар? Я проработал всю литературу и убеждён, что *Рейнджибар* – это твой отец». Я ничего не мог ему ответить. Я – к матери: «Семён прав?» Она с некоторым замешательством ответила: «Да». – «Как же ты мне за столько лет...» – «Знаешь, есть такие условия, над которыми время не властно, я дала слово». – «Какое слово? Отец погиб на фронте. *Сталина* давно нет. Времена другие...».

У меня задолго до этого разговора появилось желание следовать по пути погибшего на фронте отца и стать востоковедом. Поэтому ответ матери меня очень обидел. Она уже знала, что мы в институте имели дело со многими партийными секретами, а наше отношение ко многим явлениям в истории партии, и репрессиям в частности, было предельно отрицательным.

После окончания школы я подал заявление в *Московский институт востоковедения*, но мои документы не были приняты. Ещё в школе я подавал документы в Военно-морское училище. Во время войны по комсомольской путёвке (меня приняли в комсомол рано) я работал с ранеными моряками. Естественно, тогда, в военное время, я, как и многие мальчишки, мечтал о военной службе, хотел пойти на фронт. На фронте был отец и трое его братьев. С училищем у меня не получилось, приёмная комиссия мне отказала. Это был первый раз, когда я официально столкнулся с тем, что меня относят к персонам «нон грата».

Отец – еврей, мать – русская. Через всю мою жизнь пролёг этот водораздел: для определённой части русских я был всегда евреем, для евреев – русским. Все детские и юношеские годы запомнились ожесточёнными столкновениями, даже драками из-за моего еврейства. Вначале и Институт востоковедения встретил меня совершенно определённо. Когда я подал заявление, мне его вернули, сказав, в общем, что «Вы не подходите». К моей радости оказалось, что в партбюро института были люди, работавшие раньше в КУТВе, Коминтерне. Мать была с ними знакома. Она поехала, поговорила. В итоге партбюро МИВа решило, что документы следует принять. Документы взяли, но предупредили, что никаких гарантий трудоустройства (при общей норме государственного распределения) после окончания института не будет и ни о каких арабских странах речи идти не может. Шла вторая половина 1940-х годов. В Китае шла ожесточённая война. Требовалось много переводчиков, людей, знающих Китай. Руководством было решено принять на китайское отделение Московского института востоковедения 150 человек. Только мужчин. Мне предложили

поступить на китайское отделение. Я согласился. Так Китай вошёл в мою жизнь.

ВЛ: А сколько человек набирали на арабское отделение?

ВГ: Примерно так же, как сейчас в *ИСАА*, группы были небольшими. Кстати, в МИВе очень умно шла работа. Гораздо лучше, чем у нас в ИСАА. Но это отдельный вопрос.

Нас в МИВе было 150 человек. Треть из них, может даже больше, это бывшие фронтовики. Совсем молодые, но уже зрелые люди. Все с орденами и медалями. Один был даже кавалером ордена Кутузова. По званию он был капитаном. По статусу таким орденом награждали только крупных военных командиров, обычно генералов. Он получил орден за организацию внезапной операции, в ходе которой удалось обеспечить форсирование водной преграды и захватить стоявшую у причала немецкую подводную лодку.

ВЛ: Давайте поговорим о ваших преподавателях!

ВГ: Чтобы организовать обучение 150 студентов, потребовалось немало преподавателей. Ими стали выпускники МИВа, в основном женщины. Мужчины были ещё в армии, студентов старших курсов отправили в Китай. Среди них был, например, *Лев Петрович Делюсин*. Он кончал институт экстерном, после продолжительной работы в Китае. Преподавательницами стали молодые девчата. В аудиториях же было немало студентов, намного старше преподавателей. Учительницы им в невесты годились. Нас вела (учила) *Евгения Кругликова*, очень милая красивая женщина. Мы отличали её занятия. Она любила использовать простой приём. В китайском языке есть немало слов, звучащих по-русски совершенно неприлично, но не имевших ничего общего ни с ругательством, ни с неприличным выражением. Кругликовой нужно было добиться спокойного восприятия непристойного звучания некоторых китайских слов. Она вызывала к доске зрелых мужчин и просила, например, проспрягать глагол «уметь» в единственном, а затем во множественном числе. Это означало повторение энного количества раз одного слова из трёх букв, весьма неблагозвучного для русского уха. В китайском языке слова не изменяются. Багровые от смущения взрослые мужчины стояли и повторяли снова и снова... Нас, молодых людей, для этой процедуры она вызывала намного реже. С одной стороны, ситуация складывалась анекдотичной, но с другой – этот метод оказался очень полезным, так как китайские звуки быстро утрачивали русские ассоциации.

Однажды похожая ситуация закончилась для меня совершенно скандально. Как-то мы шли с мамой мимо Большого театра и встретили нашу студентку, на курс или два старше. У нас в студенческой среде были тё-

плые отношения, между курсами не существовало жёстких различий. Мы с ней заговорили. Вижу, моя мама расплывается в улыбке, девушка ей явно нравится, и беседа, вроде, хорошая. Прощаясь, моя собеседница говорит: «*Цзай хуй*!» Обычное слово: «Пока!» Мать моя развернулась и как дунет от меня! Догнать её не могу. Неделю не разговаривает со мной. Потом постепенно отошла, но мне сурово отрезала: «Не знала, что мой сын связан с падшими женщинами!» В этом смысле первое знакомство (с языком) вне аудитории было шоковое.

У нас были и прекрасные преподаватели-мужчины. Для понимания Китая и китайского языка очень много сделали *Борис Исаенко* и *Советов-Чэнь*. Оба были уникальными преподавателями и произвели на меня глубокое впечатление. Для обоих китайский был родным языком, да и людьми они были высоко эрудированными. Советов-Чэнь был китайцем, Исаенко – русским с Северо-востока Китая. Умница, знаток Китая, остроумнейший, замечательный человек. Советов-Чэнь – маленький, подвижный, был интересен тем, что, прекрасно зная русский, он никогда по-русски с нами не говорил. Они вели занятия по двустороннему переводу на старших курсах. Это была потрясающая языковая тренировка. Занятия с ними мы называли в шутку «электрическим стулом».

Некоторые сюжеты в моей памяти сохранились до сих пор. Скажем, на выпускном государственном экзамене Советов-Чэнь спрашивает Исаенко: «Заканчиваются экзамены, мы все устали, что вы собираетесь делать после экзамена?» – «После экзамена я пойду в баню, попарюсь, а после бани, как говорил Пётр Первый, хоть штаны продай, да выпей!» Ну, как это перевести? Похожие ситуации возникали на каждом занятии. В аудитории, конечно, и шутки, и хохот. Что делать? Крутились-вертелись! На экзамене перевести – перевёл. В итоге мне поставили «пять», думаю, за изворотливость.

Среди запомнившихся преподавателей выделю ещё *Дусю Рождественскую*. Очаровательная, милейшая женщина. Она уезжала в составе группы наших студентов в Китай. После возвращения стала вести у нас занятия по иероглифике, учила писать красиво, занималась с нами и скорописью. Она умела так «вкусно» рассказывать об иероглифах, истории их развития, стилях написания, что у нас постепенно складывалось их понимание, а у меня развилось стремление к красивому их написанию.

Много мне помогал *Георгий Александрович Ганшин*. Он, в то время аспирант, был руководителем моего диплома. Благодаря ему я увлёкся изучением экономических и социальных проблем Китая. Мы с ним встретились через много лет. Он, выйдя на пенсию с дипломатической работы, работал в Институте Дальнего Востока АН СССР и читал лекции в Институте стран Азии и Африки. Запомнился ещё историк *Войтинский*. Был у нас такой правовед *Писарев*. Его лекции были очень содержательные, но мы,

может быть, в силу возраста, непонимания юридических проблем увлекались тем, что этот человек чрезвычайно интересно мог выступать, если принимал перед выступлением стакан водки. В противном случае лекция превращалась в тягомотину, какой-то ужас. Если он выпивал, то лекция превращалась в фонтан остроумия, исторических анекдотов. Она была насыщена серьёзным содержательным материалом, обогащённым блестящей его подачей. Фамилии нескольких очень хороших преподавателей, к моему стыду, забылись, а образ их стоит перед глазами до сих пор. Остальные преподаватели как-то не запомнились.

ВЛ: Какие языки вы изучали в институте, помимо китайского?

ВГ: Институт наш был очень интересным заведением. Как я уже говорил, там у нас не было разрыва между курсами. Почему не было? Потому что существовали «Дни страны». В «День Китая» все курсы, все преподаватели, знающие китайский, говорили только по-китайски, ни слова по-русски. Кто был в Китае и привёз какие-то бытовые вещи, участвовал в устройстве выставки. С её помощью студенты знакомились с китайской действительностью. Эти мероприятия проходили довольно часто, они сближали нас и превращали учёбу в своеобразное соревнование, усиливали интерес к стране. Дни страны были на всех языковых отделениях. Они порождали интерес к стране, будили любопытство. Были дни английского языка, тогда весь Институт говорил по-английски. У меня второй язык, как у всех, тоже был английский. В школе я изучал французский и освоил его довольно хорошо. В нашей школьной группе было всего семь человек, среди них сын французского журналиста Но Чернецкий. Мы бывали у него дома, и неформальное общение создавало хорошую обстановку для овладения французским языком. Французский, в отличие от английского языка, мне очень нравился.

В Институте пришлось учить английский, все учили его. Как я понял впоследствии, изучение английского языка оказалось разумным. В 1940–1950-е годы литературы о современном Китае на французском и немецком языках почти не издавалось.

ВЛ: Тогда была сильная немецкая синологическая школа?

ВГ: У немцев до войны была сильная группа. Я поступил в институт в 1948 году. Синологов-немцев в военное время и после него практически не осталось. Я скажу об этом подробнее, когда речь пойдёт об Интерките, о той группе специалистов из восточноевропейских социалистических стран, которые занимались Китаем. Мы периодически встречались в разных странах по очереди, чтобы согласовывать наши оценки процессов, происходивших в Китае. И конечно, зачитывались всеми сообщениями из Китая.

ВЛ: И как сложилась ваша жизнь после окончания института?

ВГ: Кончили институт, и тут началась трагедия, потому что начальство решило институт ликвидировать. Говорили, что якобы по личной просьбе *Мао Цзэ-дуна*, который будто сказал или написал Сталину: мол, зачем готовить разведчиков, всё для братской страны мы можем сообщить и так. И в 1954 году институт ликвидировали. Часть студентов перевели в МГИМО, часть – в МГУ, часть – в Академию внешней торговли. Старейший институт перестал существовать! Он был уникален во многих отношениях. Институт находился на Ростокинском проезде, за Сокольниками. По сути, у нас был кампус, которого не существовало ни у одного института. Мы могли прямо от подъезда института уходить на лыжах в Лосиноостровский лес. А весной, когда было тепло, или теплой осенью мы выходили в Сокольнический парк и там проводили занятия. Рассаживались вокруг преподавателя, прямо на траве. Занятия проводить было легко, так как языковые группы были небольшими. Институт располагал замечательной спортивной базой и отличной библиотекой. В институте проводили целый день. Жили мы совсем не так, как в других институтах. И стипендия моя, как отличника, была больше зарплаты матери. Я получал 600 рублей, и она получала 600, но у нее были взносы и прочее.

Короче говоря, институт ликвидировали, и встал вопрос, куда устраивать 150 выпускников. Решили, что нам на год продлят учёбу, чтобы подготовить преподавателями английского языка. Уныние было колоссальное! С работой дело обстояло очень сложно. Но постепенно трудоустройство всё же шло. Нашлась работа и для меня. Отец, работая в Наркомате внешней торговли, все довоенные годы был старшим консультантом валютного управления и председателем местного комитета МВТ. Он был в хороших отношениях с *Анастасом Микояном*.

Моя мать обратилась к Микояну, и меня направили на работу во Всесоюзную контору «Автовнештранс» МВТ, в её Кульджинское отделение в Синьцзяне. В Кульдже находилось советское консульство. В Кульджу с нашего курса поехали на работу три человека – *Лев Котов*, который к тому времени женился на дочери *Сладковского* (крупного внешторговца), Юрий *Колотвинов* и я. Они стали сотрудниками МИДа и приехали на работу в консульство.

«Автовнештранс» занимался в Синьцзяне транспортировкой грузов от станции Сары-Озек в Казахстане, через границу до Урумчи, в основном до Шихэцзы, где создавались нефтяные промыслы. Кроме того, отделение «Автовнештранс» в Кульдже выполняло и другие функции МВТ. У нас были приёмщики кожсырья, шерсти, кишок, а также лаборатория, занимавшаяся ветеринарным анализом принимаемого сырья.

Для этой работы существовала широкая база. В 1920–1930-х годах существовал любопытный институт, о котором почти ничего не написано: институт «красных купцов». Их состав тщательно подбирался, в основ-

ном из числа заслуживающих доверия членов партии. Они снабжались довольно крупными суммами денег. На них закупались товары, имевшие спрос в Синьцзяне. «Купцы» шли с караваном через границу, продавали свой товар и закупали кожсырьё, кишки, шерсть и другие товары. Благодаря их деятельности первичная, кустарная обработка сырья на территории Синьцзяна шла по единым нормам. Когда мы попали в Кульджу, «купцов» уже давно не существовало, но было другое. В течение десятилетий вся обработка местных товаров уже привычно осуществлялась по советским ГОСТам. Поэтому нашим специалистам-приёмщикам приходилось иметь дело с технологией, освоенной населением. Пограничная торговля играла важную роль. Например, полушубки для солдат во время войны были обеспечены в немалой части за счёт поступлений кожсырья из Монголии и Китая. Когда китайцы стали налаживать закупки сырья для предприятий приморских районов, у них возникли первые конфликты с местными ремесленниками. Приезжие заготовители требовали, чтобы сырьё обрабатывалось по нормативам Шанхая. Ремесленники были недовольны, так как, по их мнению, переход на шанхайские нормативы приводил к резкому ухудшению качества сырья.

Мой приезд в Кульджу был связан с приключениями. Да, надо сказать, что Министерство внешней торговли в тяжёлые годы после войны мне очень помогло. Как и всем детям сотрудников МВТ, погибших на фронтах, МВТ оказывало материальную помощь. Когда я вернулся из Омска, где всю войну находился в эвакуации, в том числе целый год в госпитале, меня полностью одели. Это очень помогло. Когда поехал в Китай, мне дали пальто, шляпу, ботинки, костюм, рубашку. Дорога в Кульджу пролегала через Алма-Ату. Приехав в Алма-Ату, остановился в общежитии «Автовнештранса», пришёл на аэродром. Мне говорят: «Скоро вылет, у тебя есть деньги?» – «Да, есть!» – «Иди, поешь в ресторане. Деньги оставляй на депозите в Сбербанке или отправляй матери. Рубли нельзя провозить через границу». Хорошо, пошёл, пообедал, отправил матери деньги. Прихожу, таможня закрыта, мои вещи в таможне. Никого нет. Я ходил-ходил. Наконец, нашёл людей, которые отвечают за полёты, спрашиваю: «А когда полёт?» – «Какой полёт? Горы закрыты туманом, полёт отменен». – «А когда будет следующий рейс?» – «Когда разойдутся облака, а точнее, по расписанию – через неделю». Что делать? У меня денег нет. Вещи в хранилище. Я не могу ни побриться, ни зубы почистить, нет полотенца, у меня ничего нет, даже денег. Ничего! Единственный вариант, говорят, иди в МИД КАзССР, выясняй, как быть. Рассказал министру о своей ситуации, он распорядился, чтобы мне выписали денег. Связались с Москвой, чтобы получить подтверждение, что я работник Минвнешторга. Выдали мне деньги, говорят, живи, знакомься со столицей. Прихожу в общежитие,

мне говорят, звонили из Кульджи, сказали: «Ты крайне нужен. 31 декабря за тобой придёт машина».

Действительно, приезжает «Волга». Водитель – *Миша Тумасов*, армянин, очаровательный человек, с которым мы подружились на долгие годы. Можно сказать, он был заводила всей молодёжной компании. 31 декабря он говорит: «Нам надо ехать, но кое-что надо купить». Несколько коробок водки, пива. Всё это загружаем в «Волгу». Все эти напитки через границу перевозить запрещено. Консул сказал про меня, раз он знает китайский, то с таможней и пограничниками договорится. Делай что хочешь, говорит Миша, но надо это всё провезти. В Кульдже стол накрыт, люди собрались, нас ждут. Едем, пурга, холод. Тогда «Волга» ещё не имела отопления. Мы замерзали, останавливались на какое-то время, перехватывали чего-нибудь горячего, выпивали и ехали дальше. Как я потом прикинул, мы выпили довольно много. Выпивали, согревались, но через полчаса тепла уже нет, остаётся только всепоглощающая, сплошная дрожь от холода. Так или иначе, мы приехали к границе. Китайцы нас приняли очень хорошо, начали разговаривать. Я говорю, они ничего не понимают. Говорят они, я не понимаю. Мы улыбаемся, они понимают, что я произношу какие-то слова по-китайски. Я тоже понимаю, что они говорят какие-то китайские слова, но друг друга мы совершенно не понимаем! Позже оказалось, что на границе расположилась воинская часть из какой-то южной провинции. Диалект, на котором говорили солдаты, мне был незнаком. Они не понимали пекинский диалект, которому нас учили. Это было первое реальное столкновение с китайцами и с китайским языком.

ВЛ: До этого у вас не было встреч с китайцами, в ваш институт китайцы не приезжали?

ВГ: В те времена никто из Китая в наш институт не приезжал. Был только один случай. В Колонном зале Дома союзов проходила встреча с китайским министром здравоохранения, кажется. Помню, она в президиуме преподносит председателю подарок, говорит что-то по-китайски. Переводчик её не понимает, зал молчит, она улыбается, но немного растерянно. Вдруг в зале встает Борис Исаенко и на весь зал переводит: этот подарок небольшой, но души в него вложено очень много! Взрыв аплодисментов...

ВЛ: Каковы ваши первые впечатления о Китае? Синьцзян всё же – не совсем Китай. Представления о Китае, когда вы учились, были несколько другие?

ВГ: Синьцзян – это совсем не Китай. Был довольно сложный период. Синьцзян перешёл к Китаю после так называемого восстания трёх округов. В печати написано, что Народно-освободительная армия подошла к границе Синьцзяна, и Синьцзян мирным путём присоединился к Китаю. На самом деле ни к какой границе части НОАК не подходили, а подошли

к пустыне и встали. Наша авиация перебросила части НОАК на нашу территорию, и с нашей территории они вошли в Синьцзян. Да, это была сложная операция. О ней по какой-то причине в Пекине никогда не упоминают. У нас об этих событиях тоже предпочитают не вспоминать.

Местное правительство, сформированное в ходе восстания, было приглашено в полном составе в Пекин. Они полетели, но под Ланьчжоу самолёт потерпел аварию. Всё руководство погибло.

Исторически Кульджинский край – это район, которого Россия «добивалась» давно. Его специфика в послевоенное время заключалась в том, что во время голода в Поволжье и в условиях гражданской войны масса людей ушла с Поволжья в Китай. Огромные обозы шли рядом с войсками атамана *Дутова*.

В общем, к 1950-м годам в Синьцзяне сложилась самая большая в мире колония иностранных граждан – 60 тыс. семей. Ни у одной страны в мире не было такой большой зарубежной колонии. Надо сказать, что очень впечатляла работа нашей церкви. Например, в Кульдже она содержала русскую школу. В школе велось преподавание на русском языке, по нашим программам и по нашим учебникам. Шли советские фильмы. Молодёжь воспринимала Россию как землю обетованную, особенно когда в прокате прошли «Кубанские казаки», огромные столы с едой, да и вообще роскошная жизнь. Молодые ребята просто с ума сходили. Гражданское, светское влияние церкви было серьёзным.

ВЛ: Церковь там оказалась с разрешения Советской власти, или она существовала как сложившееся представительство Русской православной церкви в этом регионе?

ВГ: Расскажу то, что рассказывал мне один священник. Мне пришлось приехать в Урумчи. Консул, узнав, что я с машиной, пригласил к себе и попросил, если я еду в Кульджу без груза и один, захватить с собой священника, который приехал из Пекина. Разумеется, я согласился. Этот священник, милейший человек, рассказывал, что на протяжении многих лет, с 1920-х годов, они должны были объезжать свои епархии, принадлежавшие русской православной церкви. Для того, чтобы проехать и собрать пожертвования, поступавшие церкви, формировали эскадрон, так как без охраны проехать в Синьцзян и обратно было невозможно. Всё время приходилось сталкиваться с бандами, вести бои, терять людей. А ныне я еду один, никто меня не сопровождает. У меня и деньги, и церковное имущество, но я знаю, что я доеду. Он оказался интересным человеком.

Потом произошло ещё одно важное событие. Советское правительство в 1954 году разрешило местным советским гражданам возвращаться в СССР, ехать на целинные земли. Наш госпиталь в Кульдже, обслуживавший командированных специалистов и советских граждан, занимался

медицинским обследованием и давал справки о состоянии здоровья отъезжающих. Консульство готовило выездные документы. Тамара Ивановна (моя супруга) также занималась этой работой. Узнали все теневые стороны, связанные с голодом в Поволжье, с тем, как беженцы добрались до Китая и как обосновывались. Был довольно неожиданный случай. При объезде консульского округа в горах нашли деревню русских старообрядцев, которые ни о мировой войне, ни о революции и гражданской войне ничего не знали. Вообще ничего не знали о событиях в России! Осенью, собрав мёд, старики выезжали на рынок, чтобы продать его и купить соль, сахар, дёготь, необходимые вещи. Жили совершенно изолированно.

Второе сильное впечатление: когда уже почти выполнили норму по числу выезжающих, прискакали главы казахских жузов[70] с обидой, почему их не приглашают и не говорят, что можно ехать в Россию. С казахами рядовыми речь ведёте, а с нами – нет. Если с нами не будете вести речь, ни один казах не вернётся. Консул их принял, попытался сгладить ситуацию. В два приёма эту массу народа отправили в Россию. Надо сказать, что режим был свободный. Хотя приезжих определяли на какое-то место, в принципе, они в России могли ехать куда угодно. Молодёжь, окончившая десятилетку в Китае, стремилась поступить в институты.

У меня в советской колонии было довольно специфическое положение. Одна из моих обязанностей заключалась в том, что я раз в неделю должен был давать сводку цен на рынке. Если всем остальным свободно территорию консульства покидать не разрешалось, то у меня в этом плане был совершенно свободный режим. Хождение по рынку и городу, наблюдение за товарами и ценами было довольно любопытным и интересным делом. Выручало то, что я мог ходить с *Тамарой Ивановной*. В караван-сараях иногда были очень интересные беседы.

Здесь немного отвлекусь, чтобы сказать о моей жене. Она выросла в бедной семье. С малолетства много читала и училась. Увлекалась театром, балетом. Тамара Ивановна по профессии строитель. При этом она является человеком высоко эрудированным, обладающим безукоризненным вкусом и литературным стилем, дополняемым абсолютной грамотностью и исключительной памятью. Она стала не просто женой и другом, а моей помощницей и наставником. На протяжении всей жизни она выступала моим первым читателем и бескомпромиссным критиком. Она – моя прочнейшая опора. Ей я посвящаю каждую свою книгу. Вернусь к моему рассказу.

Помню, в одном караван-сарае мы зашли в лавку, где продавались золотые вещи. Как всегда нас радушно приняли, стали угощать чаем. Разговорились. Хозяин стал рассказывать о том, как формируются цены на мест-

[70] *Жузы* – племенные объединения казахских родов. Исторически сложилось три жуза: Старший, Средний и Младший.

ном рынке. Рассказывал, например, о том, сколько стоит золотое кольцо в Шанхае, сколько приходится платить за транспорт, за охрану, за провоз до Кульджи и т. д. Это было очень интересно. Я должен был вникать во все детали, чтобы готовить содержательную информацию.

В конце 1955 года Кульджинское отделение «Автовнештранса», как и другие представительства МВТ в Синьцзяне, были закрыты. Мне пришлось возвращаться в Москву. Приезжаю, а в Москве трагедия, потому что закрылись наши акционерные общества в Австрии, в Германии. Вернулась огромная масса народа, и министерство было обязано всех трудоустроить. Мне предлагают ехать на работу в таможню в Новороссийск, в Маньчжурию (Отпор)[71] или идти заместителем администратора в ресторан «Пекин» в Москве. От таможни я отказался, потому что эта работа меня не устраивала. Тем более что с таможней я столкнулся, когда выезжали обратно. Представляешь, Кульджа – это сродни раю, потому что таких фруктов, такой зелени я нигде никогда не видел. Мы выезжали с грудным ребенком. На таможне спрашивают: «Фрукты есть?» – «Есть». – «Садитесь. Чтобы всё было съедено или выброшено». Когда мы увидели огромную яму, заполненную гниющими фруктами, были просто потрясены.

В министерстве я ответил, что не поеду ни в Новороссийск, ни в Маньчжурию. А что касается ресторана, то давайте говорить откровенно: через некоторое время вы возьмете меня обратно на работу в министерство? Кадровики молчат. «Раз не можете сказать, что возьмёте меня обратно, я туда не пойду». По условиям, если мне сделали три предложения, а я ни одного не принял, то обязательства министерством выполнены. Так мы и расстались.

Снова выручили бывшие коминтерновцы. Первый секретарь Бауманского райкома *Екатерина Воронина* была в какой-то степени связана с бывшими коминтерновцами. Она позвонила в создававшийся Институт труда. Он формировался под высокой дланью *Лазаря Кагановича*. В этот институт я и попал, поступил туда в 1956 году. Надо сказать, что для меня институт стал настоящей школой экономической работы. Ничего серьёзного в плане экономической подготовки в учебном институте не было. Хотя я писал курсовые работы по аграрному вопросу в Китае, но, как я понял в НИИ труда, они относились к сугубо описательным. Мой руководитель тоже учил меня описывать, но не анализировать.

В Институте труда шла настоящая экономическая работа. Мне поручили проанализировать организацию заработной платы в Китае. Интересовала 30-разрядная (позже 29-разрядная) тарифная сетка, служившая для определения размеров зарплаты всех государственных служащих, от убор-

[71] Отпор – станция КВЖД. Основана в 1904 как железнодорожный разъезд № 86. В 1929 переименован в станцию «Отпор». С 1958 носит название «Забайкальск». Поселок городского типа, центр Забайкальского района Забайкальского края.

щицы до Председателя республики. Она использовалась в качестве чёткого ориентира для всех отраслевых тарифных сеток и схем должностных окладов. Моим научным руководителем стал *Леонид Алексеевич Костин*, вернувшийся из Китая, где он был советником в Министерстве труда КНР. Замечательный человек и специалист! Я ему многим обязан. С 1958 по 1967 год, то есть на протяжении почти 10 лет, я был от Китая практически оторван. Тем не менее, в 1958 году закончил диссертацию по Китаю и представил её для защиты. Китай в это время сотрясался «Большим скачком».

ВЛ: Какой была тема диссертации?

ВГ: Темой работы была «Организация заработной платы в Китае». Речь шла о государственной промышленности. В СССР интенсивно обсуждался вопрос о реформе заработной платы, поэтому руководство было заинтересовано в изучении зарубежного опыта. Щербаков, заведующий сектором Китая в ЦК, сказал, что ни о какой защите речи быть не может. Не может идти речь и о публикации. У меня сохранился единственный экземпляр книги. Это тяжёлое время запомнилось встречей с академиком *Станиславом Густавовичем Струмилиным*. Он пригласил меня к себе и долго расспрашивал о китайских «народных коммунах», «Большом скачке». Потом долго ходил по комнате и в конце концов сказал: «У китайцев ничего не выйдет».

Раз нет защиты, то у моего руководства интерес к Китаю отпал. Появились другие задачи, их определил *Хрущёв*. Поскольку перед страной была поставлена задача догнать и обогнать развитые капиталистические страны по уровню производительности труда, НИИ труда надлежало провести подготовительную работу. Институту было поручено подготовить по отраслям и заводам конкретные задания по увеличению производительности труда до уровня, превышающего таковой по аналогичным отраслям и предприятиям в развитых капиталистических странах.

Для выполнения задания были сформированы интернациональные исследовательские группы. Мне поручили руководство работой по сопоставлению производительности труда в чёрной металлургии и электроэнергетике социалистических стран. Надо было разработать методику, осуществить исследование и подготовить итоговый доклад. Работа была чрезвычайно интересной и трудной. Прежде всего то была настоящая школа практической экономической работы. Надо было изучить предложенные отрасли. Подготовить и защитить на обсуждениях методику анализа. Найти общий язык с коллегами из наших министерств и социалистических стран. Проведённая работа меня многому научила. Удалось побывать почти во всех социалистических странах (кроме Румынии и Албании). Огромное впечатление произвела работа непосредственно на заводах. Многое для меня явилось совершеннейшим открытием. Пришлось много

учиться. Огромную помощь мне оказали наши специалисты по отдельным отраслям, наши дискуссии в НИИ труда. Потребовалось вникать в технологические, организационные и многие другие условия производства, влиявшие на производительность труда, научиться определять и рассчитывать производительность и эффективность производства. Это была серьёзная экономическая работа, которая в итоге ничем не кончилась. Предприятия в разных странах слишком резко отличались друг от друга масштабами производства и, соответственно, характером основного оборудования. Скажем, в чёрной металлургии очень скоро стало ясно, что при любом счёте всё решают масштабы и производительность основного оборудования. Ни Чехословакии, ни Германии, ни Польше, ни Румынии не нужны были такие металлургические гиганты, как в России. По естественным условиям невозможны и огромные электростанции. Однако опыт организации производства в других странах был весьма поучительным. Выполнить задание Хрущёва не удалось, о нём быстро забыли. Мне же пришлось окончить новый университет. Походить по предприятиям, подробно ознакомиться с металлургией, литейным и прокатным производством, даже с обувным производством на заводе «Батя» в Чехословакии. Учился экономической работе, познакомился с иной жизнью, с которой никогда ранее не сталкивался.

ВЛ: В течение 10 лет работы в Институте труда вы следили за тем, что происходит в Китае. Он вас привлекал?

ВГ: Дело в том, что к тому времени подошёл период «культурной революции». Возник вопрос, как её понимать, что на деле происходит в Китае. За рубеж поступала только одна газета – «Жэньминь жибао». По ней ничего нельзя было понять о действительных событиях в стране. Меня вызвали в ЦК, разрешили защищать диссертацию. Определили и место защиты – Институт стран Азии и Африки при МГУ, но в закрытом порядке. Я приехал к директору ИСАА. По-моему, тогда директором ИСАА был *Ковалёв*. Он встретил меня злым до невозможности. Понять его можно. Пришёл совершенно незнакомый человек для защиты диссертации на закрытом учёном совете, да ещё по указанию из ЦК. Пришлось формировать совет из людей, имеющих допуск к секретной работе. Злой-злой, но когда директор начал смотреть документы, то анкету он сразу отложил, а взял список опубликованных работ. У меня к тому времени было около 50 опубликованных работ. Посмотрел, подобрел. Говорит: «Да вы, батенька, собственно говоря, уже защитились. О чём вопрос?» Действительно, защита прошла хорошо. Тогда меня вызывают в ЦК и предлагают покинуть Институт труда и перейти в закрытый Отдел истории, только что созданный

при Институте экономики стран мировой социалистической системы АН[72]. Я согласился. Предстояло снова вернуться к изучению Китая.

Размещался Отдел истории на территории Института истории партии, около ВДНХ. Там, в отдельном флигеле, выделили территорию, поставили милицейский пост. Отдел возглавил академик *Тихвинский*. У нас стал формироваться довольно любопытный коллектив. Возник, естественно, вопрос, что такое «культурная революция». Как её исследовать? В 1965 и 1966 годах я снова поехал в Китай. Уже в центральные районы страны, после перерыва почти в 10 лет. Это были очень драматичные поездки. В основном перемещались поездами, и в поездах были жаркие столкновения с китайцами: хотя до рукоприкладства дело не доходило, но перепалки были предельно ожесточённые, и по-русски, и по-китайски. У меня постепенно восстановился китайский язык, во вторую поездку я уже снова начал говорить.

Нам надо было понять, что происходит. Ходили, срывали листовки-*дацзыбао*, всякого рода указания. Собирали материал, чтобы его анализировать, провести более или менее целостный политический анализ. Это было достаточно любопытно и трудно. Сорвать какой-нибудь приказ или дацзыбао прилюдно было невозможно. Приходилось или ночью, или както ещё. Что-то переписывали, но переписывать большой текст – дело долгое и сложное. Искали доступные и наглядные способы контрпропаганды. Так, Россию китайцы обвиняли в том, что мы якобы разоружились и сдались империалистам и тому подобное. Мы с товарищем и коллегой *Михаилом Никольским* демонстрировали, что российская молодёжь всегда готова к отпору, даже к войне. Ещё в Омске я готовился к побегу на фронт, у меня был карабин. А когда приехала мать, нам дали домик около артиллерийского училища. Во дворе дома была кирпичная стена, и когда мать уходила на работу, а в училище проходили стрельбы, я выходил со своим карабином и учился стрелять. Впоследствии мне эти тренировки очень помогли. В МИВе я поступил в стрелковую команду, и потом на офицерских сборах я всегда получал грамоты за стрельбу. Хотя мне никогда не повышали звание. Как вышел из МИВа младшим лейтенантом, так им и остался на всю последующую жизнь.

Ну, а здесь мы с Никольским, конечно, нарушали жёсткий порядок. Подходили к тирам, их было полно, Китай демонстрировал подготовку к войне. Но мы стреляли не там, где положено у барьера, а отходили от барьера шагов на 5 и, стоя, без упора стреляли. Китайцы поражались, как это у нас получалось, потому что результаты были отличные. Вот такими неумными шутками мы думали добиться контрпропагандистского эффек-

[72] Институт экономики стран мировой социалистической системы Академии наук СССР (ИЭСМСС). В настоящее время – Институт международных экономических и политических исследований РАН.

та. Глупость, конечно. Ведь знали, что никого подобными демаршами мы не убедим. Никому ничего не докажем. И всё же действовали... В Отделе истории после возвращения мы много работали, анализировали, писали.

Пришла пора развития Отдела истории в легальную академическую структуру. Тихвинского на посту руководителя сменил Делюсин. Началось формирование Института Дальнего Востока. Предполагалось, что Делюсин возглавит новый институт. Однако директором ИДВ был назначен Сладковский, бывший в то время заместителем заведующего Отделом ЦК партии, занимавшегося связями с соцстранами. Я вместе с Делюсиным в первый же день образования ИДВ подал заявление об уходе. Сладковский мне не простил этого шага до конца жизни. Говорил, что был в хороших отношениях с моим отцом, что он всегда помнил обо мне, что у нас были хорошие отношения и так далее, а тут я устроил демонстрацию, да ещё и в первый день создания Института. Вскоре мне пришлось жёстко полемизировать со Сладковским на международной конференции. Так я перестал существовать для ИДВ. Вплоть до сегодняшнего дня, хотя Сладковского давно уже не стало.

В 1967 году я поступил в Институт международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР. Он был создан одновременно с ИДВ. От ИДВ отказался, потому что у меня сложились совершенно иные представления о том, что происходит в Китае, что и как предстоит изучать. Буквально с первых же дней у меня сложилось чёткое неприятие того, что делается в ИДВ. Из Института выходили работы, анализирующие не реальный Китай, а описывающие решения партии и правительства, выступления руководящих китайских деятелей, пересказывающие статьи китайских авторов. Авторами была занята не аналитическая, а откровенно конформистская позиция. Одновременно с образованием ИДВ в Отделе ЦК по связям с соцстранами было чётко определено: современный Китай изучает только ИДВ, историей Китая до 1949 года занимается Институт востоковедения.

Что касается ИМРД и ИЭМСС, то они оказались вне установленных рамок. И очень быстро практически все китаисты из ИЭМСС перешли в ИДВ. Указания Отдела ЦК не распространялись на ИМРД, так как институт находился в ведении Международного отдела ЦК. Противостояния этих органов ЦК легко прослеживались. Однажды я привозил работу *Пономарёву*, заведующему Международным отделом. Когда я уже стал откланиваться, он сказал: «Я знал вашего отца, работайте спокойно». По большому счёту так и произошло, хотя поддерживать систематические контакты с Отделом ЦК и его сотрудниками всё же приходилось. Огромную помощь и повседневную поддержку моей работе в ИМРД оказал академик *Алексей Матвеевич Румянцев*. В силу своего высокого положения как руководителя институтами общественных наук АН СССР и собственного интереса к процессам в Китае он направлял нашу работу и лично в

ней участвовал. Он стал одним из ответственных редакторов двух наших книг. Алексей Матвеевич много рассказывал о своих встречах с китайскими делегациями, особенно о *Дэн Сяо-пине*...

ИМРД оказался чрезвычайно интересным институтом. В нём сложилась большая группа незаурядных специалистов и исследователей. Директору *Тимуру Тимофеевичу Тимофееву*, членкору АН, удалось привлечь к работе очень интересных, разноплановых специалистов. *Мераб Мамардашвили, Евгений Амбарцумов, Марат Баглай, Юрий Карякин, Эрик Соловьёв, Александр Галкин, Анатолий Куценков, Леонид Гордон, Эдуард Клопов, Виталий Вульф,* – всех перечислить просто невозможно, кого-нибудь да упустишь. Они оставили заметный след в жизни страны. Институт резко отличался от всех остальных. Во-первых, говорить можно было то, что думаешь, никого не опасаясь. Во-вторых, ни одна записка с кляузой на отступление кого-нибудь из сотрудников от марксизма не принималась во внимание. За все годы работы в институте на моей памяти осталось только два случая. Один бывший сотрудник ЦК, пришедший работать в ИМРД, позволил себе написать донос. Ему немедленно было предложено покинуть Институт. Другой случай касался меня. Сотрудник моего отдела дважды обращался с письмами к *Суслову*, обвиняя меня в ошибочной позиции. Он также был немедленно устранён из Института. Наконец, в Институте постоянно шли дискуссии и небольшие обсуждения. Обстановка товарищеской кооперации, сотрудничества единомышленников, дружеской взаимопомощи была бесподобной.

Я поставил перед собой задачу изучать реальные процессы, которые протекают в Китае. С самого начала я сделал, как мне казалось, серьёзную вещь. На самом деле – глупую. Поскольку серьёзных работ в ИДВ нет, поскольку экономистов по Китаю нигде не готовят, необходимо создать коллектив из людей, которые хотят изучать Китай, обладая профессиональной подготовкой, но не знают языка. Анисимов – математик, прогностического типа человек, *Салтыков* – психолог, *Кульпин* – экономист-технолог. Все они хотели изучать Китай, у них за душой была определённая профессия, накоплены определённые методы анализа. Я предполагал, что, увлёкшись изучением страны, они постепенно смогут овладеть китайским языком, особенно если будет велико желание её узнать. Были и китаисты, *Холодковская*, *Хорьков*. Я не учёл, что у людей, обладающих специальностью и знаниями, одновременно стремящихся заняться страной, на самом деле имеется другая, подлинная цель. Обладая знаниями и опытом, каких нет у китаистов, они чувствовали своё превосходство. Они рассчитывали быстро добиться успеха, используя свои профессиональные знания, изучение языка их задерживало, тормозило их продвижение к успеху, известности. Амбиций много, а собственно упорства, настойчивости, трудолюбия было слишком мало. Порой даже утверждали, что без знания языка вооб-

ще можно обойтись. Пришёл в коллектив ещё один китаист – *Александр Панцов*, окончивший ИСАА. Он уже в Институте сложился как китаист и настоящий историк, человек очень инициативный. Его положение в коллективе было совершенно самостоятельное. Ему просто не нужно было мешать. И он вырос в крупного учёного, завоевавшего международный авторитет.

Творческая обстановка в ИМРД позволила мне написать первую серьёзную работу, ставшую докторской диссертацией: «Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы». В ней впервые удалось проанализировать один из важнейших институтов Китая – *ганьбу*[73] и их роль в общественно-политической жизни КНР. Она произвела большое впечатление и вызвала многочисленные дискуссии. В *ганьбу* многие увидели советский аналог – партийную бюрократию.

ВЛ: Как вы собирали информацию для изучения современного Китая?

ВГ: Всё же нужно было серьёзно разбираться с тем, что происходит в Китае. Что можно было сделать? По условиям «культурной революции» мы могли получать из Китая только одну газету. Как через эту газету, которую в Китае подвергали жёсткой цензуре и целенаправленно просматривали со всех сторон, можно было узнать, что действительно происходит в стране? Мы попытались. Разработали методику анализа газеты, используя методы контент-анализа[74]. Подготовили и опробовали методику, исходя из следующих позиций. 1. Газета в первую очередь освещает то, что хочет организатор газеты. 2. Газета скрывает всё, что невыгодно организатору, политически вредно. 3. В газете есть материалы, на которые организатор не обращает внимания, считая политически безвредными или не имеющими политического смысла. Подсчитали, сколько надо обрабатывать газет, чтобы с допуском 10–15% мы могли бы получить более или менее надёжные результаты. Хорьков и Холодковская в основном занимались обработкой газет. Остальные сосредоточились на содержательном анализе. В итоге удалось получить, с нашей точки зрения, примерную динамику создания «ревкомов», насаждения военно-контрольных комитетов и др. На Всесоюзном съезде по контент-анализу в Ленинграде я выступил с докладом о нашей методике и полученных результатах. Так или иначе, были получены конкретные результаты, в какой-то мере отражающие реальность. Конечно, мы не получали реальную картину и не могли создать «фотографию» действительности, но выявили отправные точки для характеристики тенденций. Полученные результаты позволяли судить о том, что, например,

[73] *Ганьбу* (干部) — кадровые работники, руководящий состав, аппарат.

[74] *Контент-анализ* — стандартная методика исследования в сфере общественных наук. Предметом анализа является содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции.

создание «ревкомов» явилось не одномоментным, а постепенным процессом, охватывающим разным образом отдельные отрасли и сферы общественной жизни. Можно было говорить и о мере этой постепенности. Определить примерную динамику этого процесса. Похожим образом шло изучение процесса введения военного контроля и других событий. Причём отдельные сферы оставались под минимальным повседневным контролем военных. Особенного внимания заслуживало изучение газетных фотоматериалов. Оно позволяло получить интересные результаты, требующие отдельного рассказа. Ничего другого из данного газетного материала получить было нельзя. Вот так шёл поиск методов изучения Китая, он был связан с кропотливой, порой изнурительной работой. Помимо сектора Китая в ИМРД мне приходилось руководить другими отделами. Порой довольно крупными по числу сотрудников. Каждый раз существенно менялись цели и задачи работы. В годовщину образования института меня наградили орденом «Дружбы народов». При всех перемещениях в составе института Китай оставался в центре моего внимания.

Мы решили со Львом Петровичем Делюсиным организовать в ИМРД периодические обсуждения ситуации в современном Китае, приглашая на такие встречи китаистов из всех организаций. Начало было довольно хорошее, народу приходило много, в том числе из ИДВ, но скоро наши силы иссякли. Самое главное: нас было мало. Из ИДВ никто не хотел выступать. И, волей-неволей, со временем мы оказались не в состоянии брать на себя проведение каждой встречи, готовить доклады, организовывать обсуждение. Лев Петрович ушёл из ИМРД. Постепенно обсуждения закончились. Они были возрождены Львом Петровичем в ИВ РАН с более широкой тематикой. До недавнего времени я их почти всегда открывал докладами о современном положении в Китае. Иногда со своими докладами о событиях в Китае выступали *Григорьев* или *Яков Бергер* из ИДВ. Как только во главе отдела в Институте востоковедения стал *Кобзев*, всё опять изменилось. Не знаю, что будет дальше.

Произошли серьёзные возрастные изменения в академических институтах. Коллективы постарели. Многих не стало. Произошёл страшный процесс, о котором сейчас мало говорят, и редко кто сейчас вспоминает. На протяжении многих лет академические институты общественных наук не получали дополнительных ставок и средств для приглашения молодёжи. С каждым годом в институте становилось всё меньше и меньше молодёжи. Так было не только в ИМРД. Правда, ИДВ всё же время от времени получал ставки, но многие гуманитарные институты сейчас влачат жалкое существование. Я имею в виду ИМЭМО и многие другие. Основной костяк кадров составляют уже пожилые люди. Правда, сейчас дело сводится не только к ставкам. Их порой дают, но они настолько мизерные, что у молодёжи нет никакой возможности продолжать работать в академическом

институте. До тех пор, пока власть не поймет, что её усилиями наука загнана в тупик, обескровлена, я не знаю, что будет. Молодёжь уезжает учиться и работать за рубеж.

ВЛ: Мы в прошлый раз больше говорили о жизни и о людях, с которыми вы учились, работали. Можно поговорить о научной деятельности. Какую тему вы считаете ключевой в вашей научной деятельности? Или такой темы нет?

ВГ: Мне трудно назвать одну ключевую тему. Я всегда стремился заняться изучением малоисследованных, либо вообще неисследованных тем. К такому подходу я стараюсь приучить своих студентов и аспирантов. Под влиянием обстановки и работы в НИИ труда и ИМРД меня всегда больше всего интересовала и увлекала социальная сфера жизни Китая. Многое изменилось после перехода в ИСАА. Здесь я должен преподавать экономику Китая. С самого начала был вынужден поставить перед собой задачу подготовки курса лекций, так как его не существовало. Поэтому я обязан следить за всем. Предпочтение какой-то одной сфере или отрасли грозит дисбалансом, превратным изображением действительности. Если посмотреть мои публикации, то каких только тем в них нет. В принципе с институтской скамьи мне особенно близка проблема крестьянства и сельского хозяйства, она, в общем-то, и сейчас остаётся. Но меняется ситуация, и главные темы смещаются. Сейчас – это, конечно, проблемы, связанные с угрозой экономического кризиса.

ВЛ: Внутреннего?

ВГ: Да, внутреннего. Проблема в том, что ещё год-два тому назад мои выступления о серьёзных неполадках в экономике Китая многие просто не воспринимали. В Китае, дескать, ничего подобного быть не может. Только одну статью на эту тему удалось опубликовать. Сейчас китайцы откровенно говорят об угрозе «жёсткой посадки», о необходимости «мягкой посадки». Что значит «мягкая посадка»? Она означает принятие мер, для того чтобы постепенно снизить темпы экономического роста, чтобы не допустить обрушения экономики, связанного всегда с серьёзным социальным кризисом.

Действительно, седьмой квартал подряд замедляется рост экономики. Это очень важная, можно сказать центральная, тема.

Одновременно выходит на одну из главных позиций другая, не менее важная со всех точек зрения, тема. Китай превращается во всемирного инвестора, добиваясь расширения рынков сбыта своей продукции и одновременно рынков поступления сырьевых ресурсов. Эта проблема будет очень острой в ближайшие годы. Пока на неё мало обращают внимание, а на самом деле это очень серьёзный вопрос. Уже ясно определились методы, используемые Китаем для овладения серьёзными активами за рубежом.

Прошёл период, когда они действовали непрофессионально. Теперь работа ведётся целеустремлённо и методично. Резко расширилась и сфера неторговых внешнеэкономических операций. Тут есть о чём подумать. Я пока сосредоточен на сборе материалов. К моему удивлению и к моей обиде, у нас почему-то слишком мало внимания уделяют тому, как китайцы прибирают к рукам активы в России. Особенную озабоченность вызывает то, что они занимаются арендой крупных земельных угодий. Специального внимания заслуживает то, что китайцы берут земли в краткосрочную аренду. Несколько лет они хорошо плодоносят, но потом, после отъезда китайских арендаторов, земля превращается в серую пыль. На такой земле уже не растёт ничего, даже сорная трава. Повсеместно выясняется, что удобрения для арендованных земель они завозят исключительно из Китая. О таких проблемах в нашей литературе пока обстоятельного разговора не происходит. Ещё меньше серьёзного внимания привлекают к себе китайская миграция и китайская контрабанда. Вот те темы, которые меня сейчас больше всего волнуют.

Особого внимания требует и анализ событий, предшествовавших созыву XVIII съезда КПК, а также материалов этого съезда. Съезд мог стать переломным в истории и партии, и страны. В полном объёме материалы съезда ещё не опубликованы. Однако, похоже, что ожидания не оправдались.

ВЛ: А можно спросить о вашем отношении к Китаю? Менялось ли оно с момента, когда вы впервые побывали в Синьцзяне, когда позднее были в Пекине, и в настоящее время? Повлияло ли на вас изменение советско-китайских отношений?

ВГ: Как китаист я отношусь к очень несчастливым людям. Мои поездки в Китай отделялись одна от другой десятилетиями, либо были кратковременными. В результате у меня плохой разговорный язык. А, точнее говоря, никакой. Мне нужно каждый раз чуть ли не год, чтобы снова восстановить разговорную речь. Всё-таки десять лет – это десять лет! Что касается отношения к стране, то я бы не сказал, чтобы моё отношение к Китаю претерпело серьёзные изменения. Хотя в последние годы в Китае упрёков со стороны официальных лиц было немало, и очень серьёзных. Упрёки начались после публикации двух моих книг о результатах анкетного анализа представителей китайских мигрантов в России. Это были первые исследования в России. В них обобщён огромный материал, показаны положительные и отрицательные стороны этой миграции, собран немалый материал о китайской контрабанде. Раньше у меня были очень хорошие отношения с руководством, да и с сотрудниками китайского Института России, Восточной Европы и Средней Азии.

ВЛ: Академии общественных наук Китая?

ВГ: Да, формально они были в составе Академии общественных наук. Фактически, как я убеждён, они всегда обслуживали ЦК партии. Дирекцию института составляли *Ли Цзин-цзе*, *Ма Вэй-сянь*, *Лу Нань-цюань*. Все они – замечательные люди, настоящие профессионалы, которые с большой любовью относились к России. У нас были прекрасные отношения. Они приветливо встречали меня в каждый мой приезд в Пекин. А было такое время, когда я, работая в Институте международного рабочего движения, ездил туда довольно часто. Каждый раз они устраивали большое собрание, на котором просили меня выступить. На каждом из них я выступал и рассказывал о том, что их больше всего интересовало, а это – экономика России и состояние дел в России. То были хорошие времена!

Всё изменилось с той поры, как вышла первая моя книга «Китайская реальность России»[75], а затем вторая – «Россия в условиях глобальной китайской миграции»[76]. Для меня они дороги тем, что явились результатом полевых исследований, опроса большого числа китайцев, которые находились на территории России, и распутывания тех клубков связей, которые китайцы установили на территории нашей страны. В Китае исследования получили большую огласку. Как мне передали из разных источников, *Рогачёв* (в то время наш посол), то ли со слов китайцев, то ли по своей инициативе, стал говорить, что «Гельбрас не любит китайский народ». В общем, с тех пор добрые отношения были разрушены. Меня перестали приглашать в Китай.

ВЛ: Из-за комментариев одного человека? Или они сами оценили?

ВГ: Я не знаю на самом деле, кто постарался оболгать мои книги и меня. В книгах нет ни одного враждебного высказывания ни о китайцах, ни о Китае. Были только факты. Однако Рогачёв, даже вернувшись в Россию, уже не в качестве посла, а члена Совета Федерации, представлял меня так не одному человеку, это я знаю совершенно определённо.

ВЛ: Вы можете рассказать о времени, когда были в Пекине, в Народном университете и в Пекинском университете. Вы работали над книгой?

ВГ: В Народном университете я не работал над книгой. Практически всё время моего пребывания в Народном университете ушло на поездки по стране. Меня много приглашали с выступлениями в разные университеты страны.

ВЛ: В каком году вы там были?

ВГ: В Пекинский университет я приехал осенью 1989 года.

ВЛ: Вы были во время летних событий?

---

75 *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001.

76 *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.

ВГ: Нет, во время событий не был. Я приехал туда после них. Мне много рассказывали люди, которые всё это пережили. Показывали места схваток, которые были видны по выщербленным местам на домах. В общем, это было довольно болезненно. Обещали дать материалы с записями, снимками, которые делали люди, поддерживавшие студенческое движение. Они фиксировали все события на плёнку. Материалы хранились в глубокой тайне. Мне так и не удалось их получить. В Пекинском университете я пробыл несколько месяцев в 1993 году. Меня встретили очень тепло. Я подарил библиотеке собрание книг о России. Мне создали удобные условия для сбора материалов об экономике Китая.

Ну, а что касается моих книг о китайской миграции, то они восприняты в стране и за рубежом очень болезненно по той причине, что в них разбирались многие безобразия, творившиеся у нас и имевшие отношение, соответственно, к Китаю и России. Я убедился в том, что отношения между странами были как бы многослойными. С одной стороны, сотрудничество, стратегическое партнёрство. Это добрые, хорошие слова, подкреплявшиеся реальными делами. Но была и другая, невидимая сторона. О ней почти ничего не говорят, но она есть. Это гигантская по масштабам контрабандная торговля, приводящая к удушению целых отраслей. Это, увы, разложение нашего госаппарата. Раскрывалась страшная сторона действительности, потому что в книгах приводилось большое количество фактов, когда наши офицеры выявляли контрабанду, арестовывали её, но кончалось дело тем, что офицеров увольняли со службы, а контрабанду возвращали хозяину. Дело ведь дошло до того, что целый эшелон контрабандных товаров был зафиксирован на границе. Его путь прослеживали почти до половины территории России, арестовали. Кончилось же тем, что всё было возвращено. Чего стоит сам факт долголетнего существования Черкизовского рынка в Москве и его масштабы. Это страшно! Короче говоря, отсутствует реальная национальная, суверенная политика России. В стране возник целый слой людей, для которого высший идеал – обогащение здесь и сейчас, во что бы то ни стало. Вот что страшно!

Что касается Китая, то я вижу, что и там произошли многие не только положительные, но и отрицательные процессы. Один из центральных связан с Дэн Сяо-пином. Уже сложилась целая литература о том, как блестяще руководил Дэн Сяо-пин Китаем и какие мудрые решения принимал. Но нигде не написано о том, что он ответственен за многие негативные явления в жизни современного Китая. Он волевым путём, не занимая руководящих постов, снял, вопреки всем нормам устава партии, двух секретарей ЦК – *Ху Яо-бана* и *Чжао Цзы-яна*. Ху Яо-бан быстро скончался, но Чжао Цзы-ян практически до самой своей смерти находился, по сути, под домашним арестом. А расстрел студентов на площади Тяньаньмэнь по приказу Дэн Сяо-пина? В итоге, что мы сейчас видим? Безумный разгул

коррупции, использование военнослужащих для защиты чиновников, которые отбирают землю у крестьян. Многолетнее яростное преследование сторонников *Фалуньгун* по одному лишь решению *Цзян Цзэ-миня*. Возникновение скандальной политической ситуации с *Бо Си-лаем* и компанией.

Как могли произойти такие масштабные процессы, как, например, запрещение Фалуньгун при отсутствии закона, судебных решений? Тем не менее, Фалуньгун запрещён, и никто не знает, сколько десятков тысяч людей пострадали, а то и отдали свою жизнь, только потому, что решение принял Цзян Цзэ-минь, а затем партийные начальники рангом ниже. Так что о Дэн Сяо-пине у меня остались не только добрые, но и недобрые воспоминания.

ВЛ: Вы считаете, что он как-то изменил дух партии?

ВГ: Да, в результате он изменил дух партии, не ликвидировал пагубное наследие Мао Цзэ-дуна и тем самым внёс свою лепту в те негативные процессы, которые ныне потрясают партию и общество.

Вообще-то говоря, даже теперь очень трудно судить о том, как на самом деле решаются судьбоносные вопросы в этой стране. Даже трудно представить себе, чтобы Бо Си-лай мог с отрядом бронетехники ворваться на территорию другой провинции и окружить американское консульство, требуя выдачи своего офицера. В стране могут происходить совершенно дикие вещи. Например, изъятие органов у живых людей и торговля ими. Таких случаев, как установлено, насчитывается десятки тысяч. Где это видано, что чуть ли не с каждым годом нарастает кампания отъёма земли у крестьян. Очень, очень это всё тревожные вопросы. В итоге в стране возникло, по сути дела, двоевластие. Потому что, с одной стороны, есть государственный аппарат, а с другой – партийный аппарат. Это не комиссар при начальнике, а партийный чиновник, который может позволить себе всё что угодно. Меня поразило, например, что в партийном аппарате анализировали плюсы и минусы экспорта капитала по 2200 проектов. Проведена гигантская по масштабам работа. И осуществил её не государственный аппарат, у которого для этого есть своё специальное подразделение, а партийный орган. Да, это выдержать надо! Что касается Китая, то это великая страна с великим прошлым, и я убеждён – с великим будущим. Но ей придётся пережить ещё очень тяжёлые периоды в своём развитии.

ВЛ: С одной стороны, чтобы справляться с внутренними социальными неурядицами, нужно немного закрыться от внешнего мира. Но, с другой стороны, сейчас это совершенно невозможно по экономическим соображениям. У меня создалось впечатление, что в последние годы в Китае стали жёстче относиться к иностранцам, к иностранному присутствию и в то же время достаточно вдумчиво относятся к внешним контактам. Но менее радушно, скажем так.

ВГ: Дело всё в том, что в Китае сложилась очень сложная ситуация. С одной стороны, чтобы вырваться в державы первого порядка, необходимо стать законодательницей в технике и технологии, в создании нового, во всех областях жизни. С другой стороны, в Китае понимают, что это сделать чрезвычайно трудно. Для этого всё больше людей посылают за рубеж учиться. К иностранцам стали относиться с холодком. Но, с другой стороны, сейчас по-прежнему привлекают иностранный капитал и создают новые льготы для иностранного капитала.

ВЛ: Перемещаются в региональном разрезе.

ВГ: Да.

ВЛ: Но это ли не есть опасно? Не представляет ли это определённую опасность для внутренней стабильности в стране?

ВГ: Для стабильности в стране на самом деле, на мой взгляд, самую большую опасность создаёт то, что всё большее число людей становится грамотными. Началось свободное знакомство со своей страной. Огромные по масштабам миграционные процессы убеждают людей в том, что плохо не потому, что в его уезде плохой начальник, а потому, что такая ситуация во всей стране. То, что стали всё чаще возникать забастовки, свидетельствует о том, что люди мало-помалу начинают понимать общность социальных интересов. Это уже серьёзно.

Потому что если они начинают понимать общность своих социальных интересов, то тут нет уже абсолютных преград для того, чтобы понять общность и политических интересов. Кроме того, идёт сознательное, по сути дела, создание в стране интеллектуальной элиты, которая занимается чем-то новым. Её и оплачивают, и ласкают. Одновременно существует огромная масса людей, которая не может быть приспособлена к этому новому порядку из-за недостатка знаний, недостатка квалификации, культуры. Как бы в Китае ни пытались сейчас ликвидировать гигантские социально-экономические различия между регионами страны, они будут углубляться, потому что в одной части страны крупнейшие университеты, исследовательские центры, медицинские учреждения и так далее, а в другой части страны ничего похожего нет. Там начинают создавать университеты. Но когда высшее учебное заведение создаётся на пустом месте, должно пройти много лет для формирования на новом месте полноценного серьёзного научного и культурного центра. Отсутствие традиций, отсутствие знаний, отсутствие библиотек – их сразу создать невозможно. Конечно, они появятся, но только по прошествии определённого времени. Поэтому в стране очень много внутренних проблем и противоречий, которые нельзя решить никаким законом, никаким нововведением. Потому что многие из них могут быть решены только со временем. Ведь когда-то *Сунь Ятсен* представлял себе будущее так, что каждая диалектная группа населения будет иметь

свою собственную литературу, делать свои кинофильмы и развивать свою культуру. И только потом, в результате свободного обмена, вырастет единая нация в полном смысле этого слова. Исчезнут культурные барьеры, которые скрываются за общностью иероглифики.

На меня в этом плане очень сильно подействовало знакомство с сычуаньской диаспорой в Пекине. С несколькими её представителями были очень тёплые отношения у *Михаила Карпова*, преподавателя нашего ИСАА. Сычуаньцы в один прекрасный момент приглашают нас на свою встречу. Сычуаньский ресторан в Пекине является одновременно центром сычуаньской диаспоры в городе. Мы встретились с определённым ритуалом общения. В огромном зале был расставлен непрерывный ряд столов, покрытых большими листами бумаги. На каждом стояли тушечницы и лежали кисточки. Желающие посетители подходили к столу, чтобы написать какие-то хорошие слова, стихи или оставить рисунок. Это были стихи, посвящения, демонстрация владения каким-то стилем иероглифического письма. Вокруг шло оживлённое обсуждение. На меня это общение массы заинтересованных людей произвело очень большое впечатление, в отличие от наших привычных встреч, когда прибывшие тут же садятся за стол. Здесь же еда как таковая остаётся на втором, если не на третьем плане. А вот свободное общение, и общение, по сути дела, сугубо культурное, на меня произвело очень большое впечатление. То, с каким интересом эти люди обсуждали смысл всего написанного и как они оценивали стиль написания, явилось для меня настоящим открытием, знакомством с замечательной традицией. Я понял, сколь глубоки земляческие связи, как они дороги для этих людей.

Если даже у нас, по прошествии более 70 лет и периода свободного перемещения по стране до революции, земляческие связи остались, и они в ряде случаев достаточно крепкие, то в Китае они непременно останутся на долгие годы. Конечно, что-то из традиционной культуры уходит. Мы были в традиционном театре несколько раз. Я обратил внимание, что молодёжи там практически нет, только пожилые люди. Хотя текст идёт на современном языке, и следить за действием можно, но мои разговоры с людьми, которые сидели в театре, с моими друзьями, открыли для меня очень важную сторону жизни: молодёжь не понимает и не хочет понимать эту традиционную культуру.

ВЛ: Есть исключения. Я помню, когда мы были в Пекинском университете, там у них была своя труппа. Молодёжь перерабатывает эти оперы и делает их более доступными. Мы сидели по три-четыре часа, и это было совершенно не тяжело. А вот в Сычуани на традиционной опере было тяжело сидеть 4 часа.

ВГ: То, что делали студенты в Пекинском университете, прекрасно. Возможно, что сейчас, когда многое быстро изменяется, у людей слишком много интересов самого разного порядка, происходит временное невнимание к традиционным истокам. Собственно, подобное и у нас происходит. Ведь лишь в последние десять лет заговорили о возрождении традиций. Возьмём, скажем, иконопись. Господи, что только власти не делали, чтобы её уничтожить. А теперь народ потянулся, в музеях с таким увлечением рассматривают! И в церквях появилась молодёжь, это очень интересно. Была волна разрушения, будет постепенно набирать силу и волна восстановления. Потому что не может народ жить, отринув всё, что происходило с ним, с его предками.

ВЛ: А ещё, возвращаясь к Китаю. У меня в этом году были языковые стажёры из Китая. Один мальчик был очень активный и задавал разные вопросы: «Как вы думаете, сейчас в Китае многие, кто может вступить в КПК, вступают. Но не понимают, зачем они это делают». То есть у них нет осознания того, зачем нужно вступать в партию, потому что они, в общем, не придерживаются никакой линии. Ну, как жили, так и живут, вступление в партию не меняет никак их жизнь в худшую или в лучшую сторону. Вступление в партию означает просто льготы, какие-то дополнительные возможности.

ВГ: На самом деле вступление в партию меняет их жизнь. Меняет порой кардинально. Не случайно появилось такое понятие и такое движение как *туй дан*, то есть выход из партии. Если в печати уже зафиксировано, что из партии, комсомола, пионерской и других порождённых партией организаций вышло больше ста миллионов человек, написав об этом соответствующие заявления, то это очень серьёзное явление. Подобного явления раньше не существовало. Собственно говоря, Фалуньгун была действительно опасна партии, потому что отвлекала, по официальным подсчётам, от 60 до 100 миллионов людей от партии, от её задач. Люди уходили в свою жизнь, начинали заниматься своим здоровьем и, в общем-то, становились, с точки зрения партийных функционеров, аполитичными. А этого руководство партии допустить никак не могло. Поэтому то, что молодой человек сказал вам, на самом деле является очень любопытным. В том, что я читаю в центральной китайской прессе, мне ни разу не попадалось сообщений о том, что человек, вступая в партию, посвящает свой успех партии, народу, обществу. Вступая в КПК, надо приносить ей присягу. Есть требование дисциплины и служения. Это очень примечательное явление. Так или иначе, в стране происходят процессы, которые далеко не всегда идут по воле партии, а часто против её воли, её политики. Конечно, они во многих случаях трагичны. Некоторые иностранные фирмы вынуждены повысить (и очень существенно) зарплату рабочим в связи с тем, что их стало

ужасать количество суицидов рабочих. И о таких случаях вынуждены писать газеты. Это о чём-то говорит. Представляю состояние рабочего, если он видит, что официальный профсоюз ничегошеньки для него не делает. О партии вообще говорить не приходится. Партийная организация ещё ни разу не встала на защиту интересов трудящихся. Может быть, подобные случаи были настолько редки, что даже при ежедневном чтении газет их невозможно было заметить? Чиновники, а они практически всегда члены партии, встают на сторону работодателя, иностранца. Что в этих условиях делать рабочему, крестьянину? Одни кончают с собой, а другие всё-таки находят силы объединиться и выступить с публичным объявлением своих требований, организовать забастовку, демонстрацию, вступить в борьбу с полицией.

Меня обрадовало то, что в Благовещенск на конференцию приезжали китайцы и очень свободно обсуждали перспективы XVIII съезда, ситуацию в стране, отдельных китайских деятелей. Наши россияне были поражены тем, что мы спокойно беседовали в дружеской обстановке. Не за рюмкой, а просто сидели и рассуждали. Оказалось, что наши российские участники конференции о событиях в Китае думают мало. И это плохо, потому что собралась крупная конференция. Люди приехали из Якутии, Приморского края и из Еврейского автономного округа. Было немало интересных докладов, но Китай в них упоминался очень редко. Иногда поднимались мелкие проблемы. Например, доклад о различиях в вагонах-ресторанах российских и китайских поездов.

ВЛ: Может быть, из-за года туризма? В этом году ведь проходит год российского туризма в Китае. Может, они подстроились под тему?

ВГ: Не знаю. Меня, во всяком случае, трогает то, что китаеведение, увы, у нас, по сути дела, в загоне.

ВЛ: Почему так происходит? Всех ведь Китай интересует, китайский язык учат, много народу выпускается.

ВГ: Обычное дело, когда люди, проехав через один или два города в автобусе, посидев в ресторане, считают, что они уже знают страну. Я сталкивался с довольно высокопоставленными людьми, считающими себя специалистами по Китаю, потому что они несколько раз ездили в эту страну с правительственной делегацией. Это полная глупость, потому что их представления не имеют никакого отношения к стране. Это знакомство с энным количеством чиновников, и ничего более.

ВЛ: Но эти люди ведь не претендуют на статус китаеведов.

ВГ: Эти люди не претендуют, к счастью, на то, чтобы считаться китаеведами. Но они считают, что китаеведы и не нужны, потому что они сами всё знают, им всё ясно.

ВЛ: А если сравнивать ситуацию в других странах? Вы говорили, что Германия сдала свои позиции в синологии.

ВГ: В Германии до войны существовало мощное китаеведение. Потом (в ГДР) от него ничего не осталось. Когда на рубеже 1970–1980-х была попытка создания Интеркита, они собрали группу действительно грамотных людей, которые работали в Китае, занимались Китаем. В ЦК СЕПГ *Бруно Малов*, заместитель заведующего международным отделом, специально занимался Китаем. Отличнейший человек, знающий хорошо Китай, он учился в Китае, хорошо знал китайский язык. Как только произошло объединение Германии, практически всю эту группу разогнали. Специалисты разлетелись в поисках работы, и всё на этом закончилось.

В Польше была небольшая группа китаистов. *Славински* занимался в университете дореволюционным Китаем. Ян Ровинский, отличный специалист, попробовал высказывать свою точку зрения, его удалили из МИДа. Он некоторое время работал в исследовательском институте. В 1990-е годы его обратно взяли в МИД, и он был заместителем посла в Пекине. Румыны отказались участвовать в Интерките. В Болгарии с Интеркитом был связан наш китаист (забыл его фамилию), который женился на болгарке и уехал в Болгарию. В Венгрии работали прекрасные специалисты Барна Талаш, *Петер Полоньи*. К работе присоединялись несколько человек из МИДа и других организаций. Все они учились в Китае, знали язык. Это были очень интересные, грамотные люди, старавшиеся вникнуть во все события. Надо сказать, что поляки, венгры, немцы – все эти группы всегда имели свои точки зрения. У нас были довольно бурные дебаты по поводу тех или иных событий в Китае. Шла очень полезная дружеская работа, приносившая большую пользу всем. Сейчас связи распались. С одной стороны, конечно же, люди очень сильно постарели, деваться некуда. Да, все на пенсии. Петер Полоньи, будучи пенсионером, выступил против образования в Венгрии европейской ассоциации китайцев. Есть такая международная ассоциация, объединяющая всех *хуажэней*[77] в Европе.

ВЛ: А чем это плохо для венгерских китайцев? Или чем это плохо для венгров?

ВГ: Как он мне говорил, китайские мигранты в Венгрии очень мешают развитию страны. Но если они войдут в европейскую ассоциацию, то будут полностью плясать под дудку Пекина. В этих условиях никаких нормальных отношений с венграми не получится. Во всяком случае, сближения с венгерской реальностью не произойдёт.

ВЛ: Наверно, можно перейти к рассказу о вашей преподавательской работе?

[77] *Хуажэнь* 华人 – выходцы из Китая, этнические китайцы.

ВГ: Что касается преподавания, то мы (ИСАА при МГУ) как бы являемся представителями китаеведческого образования. Но проблем у нас очень много. Прежде всего, я не буду говорить ни о лингвистике, ни об истории. Хотя об истории надо было бы кое-что рассказать. Если говорить об экономическом блоке, то это полная глупость, что он разделён на три части. Ни политологи, ни международники за прошедшие десятилетия не создали никакой концепции, обеспечивающей нормальное изучение Китая и с точки зрения политических институтов, и с точки зрения международных отношений. Нет этого и в отношении Индии, и в отношении всех остальных стран. К сожалению, эти кафедры сложились из людей, занимавшихся сравнительно узкими темами. А заведующих с широким кругозором и пониманием того, что должно быть, не нашлось. Когда был директором профессор *Меликсетов*, у него была такая идея, и он пытался что-то в этом плане сделать. Но, к сожалению, он слишком рано скончался. А нынешние руководители кафедр являются просто людьми, лично преданными директору. У каждого есть какие-то работы, представляющие научный интерес. Но они не лидеры, они просто служат. Теперь, когда их зарплата стала в 3–5 и более раз превышать зарплату преподавателей, они совсем будут далеки от творческой жизни.

ВЛ: Но вы можете рассказать о своём личном опыте преподавания? О том, как менялась ситуация. Или не менялась? И со стороны преподавателей, со стороны студентов, со стороны администрации.

ВГ: Это трудный вопрос, потому что говорить о себе очень сложно. Я имел довольно большой опыт лекционной работы, но у меня не было опыта педагогической работы. Пришлось начинать с самого начала и искать постепенно пути. Я пришёл на «пустое» место – нет ни программы, ничего. За 20 лет у меня не было на лекции или на семинаре ни одного человека из числа руководителей кафедр, людей имеющих опыт. Поэтому всё приходилось как-то нащупывать, где-то я ошибался, где-то чего-то добивался. Я поставил перед собой задачу создать полноценный курс лекций. С немалым трудом удалось его написать. Такой курс проходит проверку («Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2008. Основные отрасли»)[78]. Ничего похожего в других институтах нет. Во Владивостоке, где в единственном институте преподавали экономику Китая, *Ольга Кучук* написала учебник. Но, к сожалению, она сделала книжку с расчётом на один семестр. А сейчас вообще непонятно, что произошло и что будет в связи со слиянием всех учебных заведений Владивостока в одно и вывозом их на остров Русский[79]. Какой умник до

[78] *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2008. Основные отрасли. М., 2010.

[79] Имеется в виду Дальневосточный Федеральный университет (ДВФУ).

этого додумался? Институт без традиций – это не институт. У нас нет больше институтов, где бы преподавание выходило за рамки китайского языка и самого поверхностного изучения Китая.

В общем, я не знаю, насколько наш курс приживётся. Беседовал с *Евгением Григорьевичем Ясиным*. Он сказал так о первом варианте курса: «Мне понравилось. Но, ты знаешь, слишком много написано о партии».

ВЛ: Это китайская специфика, специфика современной КНР?

ВГ: Нет, действительно слишком много. Во втором, расширенном, издании я многое убрал. Но всё-таки пришлось кое-что оставить, потому что без партии ничего о Китае рассказать невозможно. Не знаю, какая у неё будет судьба. Пока учебник взяли за основу для преподавания экономики Китая в Институте международных отношений МИД. Мне уже, видимо, написать другой вариант невозможно, у меня времени для этого нет. Может быть, я что-то ещё напишу, но это будет уже не учебник.

Не удалось добиться и другого. Когда начался мировой экономический кризис, я предложил объединить усилия и создать курс, в котором обобщить всё то, что мировой экономический кризис внёс в экономику стран Азии. Было бы интересно обобщить международный опыт антикризисной деятельности в странах Азии. Ничего из этого предложения не получилось, да и не могло получиться по одной простой причине – все преподаватели вынуждены работать в 2–3 местах, для того чтобы обеспечить своё существование. Эту реальность, к сожалению, изменить невозможно.

ВЛ: Вы можете подробнее рассказать про работу в американских вузах, в других учреждениях и странах?

ВГ: Я был в США три раза. Более подробно удалось познакомиться с Принстонским университетом. Очень хорошо то, что прежде всего университет обеспечен блестящей источниковедческой базой. Университет располагает совершенно потрясающей библиотекой. Она построена таким образом, что вы в любой момент можете получить любую библиографическую справку, и в считанные часы вам предоставят ту или иную книгу, газету и так далее. Это очень здорово! Хорошо и то, что есть большой собственный кампус. Это позволяет студенту не тратить время на дорогу. Значит, за исключением тех, кто живет в Принстоне, в городе, все остальные живут на территории кампуса. Здесь есть всё, начиная от костёла и библиотеки и кончая пунктами питания, стадионом и современным бассейном. Второе, что мне очень понравилось, это поддержание традиций. Есть такой, как бы я сказал, институт alumni[80]. Это День университета. Это праздник, на который приезжают выпускники всех лет. Выпускники приглашаются с родными, друзьями, с детьми. Alumni проходят обычно после весенней

[80] *Alumni* (мн. ч. от alumnus) – выпускники, бывшие студенты. Здесь: встречи выпускников.

сессии, когда освобождаются общежития и есть где разместить приезжих. Выпускники, проживающие в Принстоне, поднимают у своих домов флаг университета. На территории кампуса ставятся огромные шатры, где выпускники того или иного года могут общаться.

Выпускники выходят на демонстрацию. Колонны организуются по годам выпуска. Я помню точно, первым везли на маленьком электромобиле выпускника 1912 года! Это был старый человек, его с почётом, первым, вёз студент университета. Он открывал демонстрацию. Каждый курс выходил со своими лозунгами и с какими-нибудь сообщениями о своих достижениях, о своих отличиях от других выпусков. Типа: «У нас родилось больше всех детей» или «У нас самые богатые студенты». Много шуток, смешных украшений. Кстати, в их основу часто берётся традиция, связанная с цветами университета. В нём поддерживается очень любопытная традиция: студентам, зачисленным на первый курс, предлагается сконструировать себе фасон одежды из трёх цветов университета (белый, чёрный, оранжевый). Придуманный фасон и эти цвета сопровождают студентов, потом выпускников всю жизнь: очки, на которые наносятся цвета университета, юбки, брюки, шляпы, косынки и т. д. Вот ещё любопытная вещь, во время alumni делается несколько докладов общего характера, способных заинтересовать максимальное число участников. Но надо сказать и про другую особенность: профессура университета ежегодно несколько раз объезжает города, где сосредоточены выпускники, выступает с докладами. Вот эта постоянная связь между университетом и его студентами, выпускниками, совместная организация ими общих мероприятий и создаёт прочные связи, поддерживаемые всю жизнь.

Да, ещё одна функция alumni: выпускники и их гости осматривают территорию университета, и каждый курс принимает какое-то решение, направленное на улучшение университета. Почти все здания построены за счёт вкладов выпускников. На каждом прикреплена мемориальная доска с надписью – дом построен выпускниками такого-то года выпуска. Университет располагает прекрасным музеем живописи. Все картины, скульптуры – это всё дар. Дом построен за счёт выпускников, и всё его содержание это, опять-таки, вклад бывших студентов.

ВЛ: А как проходят занятия?

ВГ: На занятиях как таковых я не был, а был на семинарах, которые мне и понравились, и не понравились. Понравились тем, что в аудитории происходит совершенно свободное общение. В ней отводится место, где из столовой приносят всякого рода еду, довольно много и вкусной, каждый может брать себе всё, что ему нравится. Еда за счёт университета, студенты не платят за неё. Для студента такое угощение – совсем не лишнее дело. Правда, университет берёт довольно крупные суммы за учёбу, это один

из пяти наиболее дорогих университетов Америки. Еда, с одной стороны, должна мешать. Но, с другой стороны, совместная трапеза создаёт непринуждённую обстановку. И действительно, обсуждение идёт очень бурно и обстоятельно. Такие деловые застолья являются одной из важных традиций. Каждый раз обсуждается новая тема. Часто для выступлений приглашают людей со стороны.

Мне понравилось, что, в зависимости от курса и стажировки, преподаватель даёт студенту задание проработать определённую книгу. Я несколько раз присутствовал на обсуждении избранного произведения. У нас индивидуальная работа со студентами ведётся, как правило, только в магистратуре и аспирантуре. Правда, с другой точки зрения, эта практика меня расстроила. Когда я взял свою книгу в библиотеке и увидел, что она многократно подчёркивалась студентами, невольно подумал, что это проявление плохой культуры работы с книгой. Часть студентов, конечно, отметит для себя самые важные, с его точки зрения, положения книги, но жизнь самой книги становится очень короткой. С другой стороны, подчёркивания являются своеобразной формой навязывания своего мнения другому читателю. Так или иначе, мне понравилось, что ведутся не только семинарские занятия, но также целенаправленная работа с отдельным студентом. Такая работа очень, по-моему, полезна и желательна не только для магистрантов и аспирантов.

Интересна и другая сторона дела. Поскольку в университете очень много профессоров, которые работают там не постоянно, а приглашены для чтения каких-то курсов, есть специальный отдел, занимающийся их обслуживанием. Речь идёт о культурном обслуживании. Скажем, вот мы с Тамарой Ивановной благодаря этому побывали в Филадельфии, на острове Эллис. Эти поездки оставили незабываемое впечатление. Устраиваются вечера, на которые приглашаются местные жители. Они разбирают приезжих к себе домой, знакомят со своей жизнью и могут даже пригласить к себе жить. Подобные вечера являются бесплатными.

ВЛ: Но для них это честь, наверно, и они заинтересованы.

ВГ: Как правило, это просто любопытство, желание узнать жизнь с какой-то другой стороны. В Принстоне находится центр китайской интеллектуальной иммиграции. Все, кто бежал в связи с событиями 1989 года, в основном обосновались в Принстоне. Они тоже часто собираются, выпускают журнал[81]. Я очень хорошо был знаком с *Чэнь Сяо-нуном*, бывшим до недавнего времени главным редактором. Так что жизнь и учёба в Принстоне совсем другая. Тем не менее, вот, ты сама вынуждена признать, что с точки зрения языковой подготовки у американских студентов пробелов довольно много, хотя в Америке её можно было организовать очень хоро-

[81] 当代中国研究 (Modern Chinese Studies). Выпуск номеров прекращён.

шо. Приходится также помнить, что был период, когда в Америке вообще не могли набрать студентов в китайские группы. Охлаждение отношений с Китаем сопровождалось отсутствием работы.

ВЛ: Но они пошли по другому пути. Они превратили китайский язык в хобби, увлечение, стали привлекать просто широкие массы студентов, но снизив сильно уровень подготовки.

ВГ: Я уже рассказывал, как попробовал подготовить китаеведов из специалистов, не знавших китайского языка. Да, сейчас Анисимов и Кульпин стали докторами наук. Но наибольшего успеха добился Александр Вадимович Панцов, прекрасно знающий китайский язык. Он опубликовал несколько серьёзных книг. Теперь он профессор в США, ему пришлось пройти через немалые испытания, он их выдержал и успешно работает.

Есть и другая сторона, которая меня очень озадачила. Проблема состоит в том, что в США иностранцу трудно добиться издания книги. Обрати внимание, у Панцова вышло несколько книг, очень интересных, очень важных. Но они изданы здесь, а не в Штатах[82].

ВЛ: На русском языке потому что?

ВГ: Нет, не только потому, что на русском. Он мог написать и по-английски. Вопрос заключается в том, что каждому издателю необходима какая-то рекомендация и авторитетное суждение о том, будет ли эта книга иметь спрос на рынке. Для аутсайдера (а любой приезжий – это аутсайдер) ворваться в новую среду чрезвычайно трудно, ведь у него нет ни школьных, ни институтских связей. Кажется, не хватит жизни для того, чтобы установить такие связи. Меня это просто убило, потому что мне казалось, что я прошёл через нашу ЦКовскую цензуру, и хуже уже быть не может. Оказалось, что очень даже может, ещё как может.

ВЛ: И как действует эта цензура?

ВГ: Две книги были написаны авторским коллективом, в который я входил. Редакционные рецензенты выдвинули столько замечаний, что продолжение работы над рукописью становилось бессмысленным. Кстати сказать, и у нас тоже есть свои преграды. Вот, я попробовал опубликовать статью, где пытался разбирать крупные негативные экономические проблемы в Китае в 2011–2012 годах. В двух журналах её отказались печатать: в «МЭиМО» и в «Вопросах экономики». Интеллигенция поражена ксенофобией, невозможно выступить против сложившейся политической оценки.

[82] На самом деле, книги А.В. Панцова выходили и не в России. См.: The Bolsheviks and the Chinese Revolution: 1919–1927. Richmond: Curzon, 2000; Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 2012. 755 p. (with Steven I. Levine).

ВЛ: Опыт привит, долго пугали – напугали.

ВГ: Да, напугали на всю оставшуюся жизнь.

ВЛ: Ну, времена и поколения меняются!

ВГ: Вот если со сменой поколений пройдёт страх начальства, подобострастие, то, конечно, наступит иная жизнь. Но пока приходится со всем этим сталкиваться, и я бы не сказал, что жизнь прекрасна.

ВЛ: О российско-китайских отношениях стоит говорить? Или это не очень интересно?

ВГ: Откровенно говоря, я не хочу на эту тему говорить, потому что, на мой взгляд, всё, что делается, делается людьми без чести и совести.

ВЛ: И с той и с другой стороны?

ВГ: Похоже, что так.

ВЛ: Может, тогда об отношениях с китайцами? Образ китайцев в глазах российского народа? Отношения с китайцами на бытовом уровне?

ВГ: Ну, за народ я не берусь говорить. Вот, в книгах есть вопрос о том, как относиться к китайцам. Разноречивые ответы. Как мне помнится, в основном они звучат очень настороженно. Для этого есть основания.

ВЛ: С другой стороны, мои родственники, которые в Забайкальском крае жили, они помнят, как ещё до революции с китайцами были очень тёплые отношения, как с соседями. Они пускали китайцев на свои мельницы молоть муку. Те приглашали их на праздники. То есть на бытовом уровне очень дружили!

ВГ: Это нормально, это естественно. Наверно, и сейчас такие явления можно заметить. Но, во всяком случае, я тебе рассказывал про Синьцзян. Ведь во время восстания трёх округов вырезали не всех китайцев. Были чисто дружеские отношения, нормальные человеческие отношения, и этих людей защищали. Я думаю, нормальные человеческие отношения между русскими и китайцами есть и сейчас. Есть и в Москве, и на Дальнем Востоке.

ВЛ: Китайцы не стремились прийти и осесть, и не было даже такой мысли. А сейчас везде пропагандируется мысль о том, что китайцы приходят с целью остаться. Но такого же нет! Они не хотят остаться, они хотят извлечь выгоду и вернуться к себе. Но даже у китайцев уже другое представление. Даже моя бабушка-китаянка говорит, что сейчас китайцы – это совсем не те китайцы, что пришли в Советский Союз в период с войны до «культурной революции». Сейчас китайцы наглые, как она говорит, бесчестные и бессовестные. Но это её личное представление.

ВГ: Она во многом права, по одной простой причине. Как только деньги стали мерилом жизненного успеха, отношения друг к другу, всё изме-

нилось. И среди русских тоже. Это неизбежно. Мне кажется, что одно из очень неприятных явлений в Китае – это то, что рушатся традиционные семейные отношения. Потому что дети уезжают в города и стремятся остаться там. Жизнь в городе совсем другая, возвращаться опять к мотыге, домой, уже желания нет. А отсюда могут сохраниться только дистанционные родственные отношения, как между американскими китайцами и материковыми. Приехать на могилу предков – да, привезти какие-нибудь подарки – да. Но чтобы остаться – нет, и они уезжают обратно. Даже у моих китайских друзей дети учатся в Штатах, обзавелись там семьёй. Они своих детей привезли и оставили родителям, но сами уехали обратно. Жить в Китае не хотят. Может, если в Китае серьёзно изменится ситуация, что-нибудь произойдёт. Но пока, пока... Вот *Чжан Би-юй*, моя аспирантка, она приехала с Тайваня, а её муж – с материка. Я смеялся, где это вы живёте, на Тайване или здесь? В общем, ни на материке, ни на Тайване они не прижились, они живут и работают здесь. Дети учатся в русской школе. Они основали здесь фирму и живут хорошо.

ВЛ: Ну, это отдельный случай, уникальный, по сути. В чём сходство судеб Китая и России? Что разделяет и что сближает Китай и Россию? Вот какие вопросы меня заинтересовали. Как бы вы на них ответили?

ВГ: Ты понимаешь, как на это посмотреть. С точки зрения судеб человеческих – это одно дело. С точки зрения макроэкономических, геополитических, – это другое дело. И та, и другая страна оказались в силу исторических судеб в ситуации ломки всех условий жизни. Это их сближает, и там, и там всё ломается, и всё создаётся. Что-то удерживается, что-то удержать невозможно. И там, и там руководством этой ломки занялись партии, которые подмяли под себя народ. Сближает то, что и там, и там человек и его судьба, его интересы никогда не были основой политики и основой деятельности. А отличие заключается в том, что хотя и там, и там верхушка общества мыслит себя представителями великого государства, на самом деле, страны остаются совсем не великими. Китай велик, потому что велико население, велика территория, велика культура. Во всём остальном – это отсталое государство. Это отсталая страна. И Россия велика своей территорией, велика своей историей, культурой, а во всём остальном – это Моська, которая лает на любого крупного слона.

ВЛ: Какие из опубликованных в последние годы трудов китаеведов кажутся вам наиболее интересными и достойными?

ВГ: Из трудов китаеведов есть несколько действительно важных. Ну, прежде всего я бы назвал труды *Малявина*, все они очень важные: «Средоточие», «Империя Учёных», «Тай-цзи цюань». Малявин очень эруди-

рованный, умный, порядочный человек. Это, конечно, книга *Переломова* о Конфуции. Трудно так, , с ходу, сказать. Мне трудно судить о многих книгах, но некоторые довольно любопытные. «История Китая. Эпоха Цин» *Непомнина*. У него есть и другие книги, он очень грамотный человек.

ВЛ: Ещё, наверно, можно назвать издание энциклопедии о духовной культуре Китая, тома о культуре, философии.

ВГ: Ну да, это, наверно, очень полезные вещи. Справочники – это полезно. Энциклопедия, разумеется, очень хорошее издание. Может, я не прав, но , с ходу трудно назвать много книг. Во всяком случае, что касается продукции ИДВ, за исключением этой энциклопедии, всё остальное не заслуживает внимания. Энциклопедия вышла благодаря Кобзеву. Это, конечно, очень талантливый, очень знающий человек. Понимаешь, о Китае в период войны 1937–1945 годов, и позже выходили работы по большей части очень насыщенные идеологической оценкой. Я бы назвал книгу *Мадьяра*. Но ведь где её теперь достать? Мне удалось её прочитать буквально случайно.

ВЛ: Последние два вопроса: Какие качества необходимы для того, чтобы стать профессиональным китаеведом? И ваши пожелания молодым китаеведам?

ВГ: Для того, чтобы стать профессиональным китаеведом надо, прежде всего, любить эту страну, хорошо знать язык. С одной стороны, нельзя быть китаеведом, будучи специалистом только в одной области. Это страна, которую нужно знать всесторонне: и её историю, и её культуру, и её экономику. Хотя сейчас это делать всё труднее. Может, даже в какой-то мере и невозможно. Специализироваться приходится, от специализации ныне никуда не уйдёшь. Надо стремиться к тому, чтобы знать как можно больше об этой стране. Собственно говоря, если любить, то иначе и нельзя просто действовать.

ВЛ: Спасибо большое за ваше интервью! На самом деле, сначала мне как-то не очень хотелось общаться в таком формате. Я подумала, что если захочу что-то спросить, то и так вас спрошу. Но что-то мне всё-таки подсказало, что нужно участвовать. Я очень рада, что приняла участие в этом проекте!

ВГ: С кем тебе придется ещё иметь дело, делать интервью?

ВЛ: Ни с кем.

ВГ: Только со мной?

ВЛ: Как мне кажется, это сильное вмешательство в жизнь человека.

ВГ: Вмешательство? Да! Ты знаешь, скажу откровенно, что были моменты, которые очень меня затрагивали и о которых мне было трудно и больно говорить. Это и военные годы, это и послевоенные, о многих вещах я старался не говорить. Потому что очень тяжело и больно о многих событиях и людях говорить, поскольку они ломали жизнь. Скажем, у меня, да и не только у меня, жизнь во многом сложилась бы совсем не так, если бы у нас были другие фамилии. Но что об этом говорить?! Это очень тяжело. Хотя, с другой стороны, происходили совершенно непонятные события. Например, когда не приняли на работу ни в Институт китаеведения, ни в Институт востоковедения, мне прямо говорили почему. Но потом аналогичную судьбу пережил *Ярёменко*, очень талантливый человек. Я не знаю, что там у него в биографии, у его родственников, но после возвращения из Китая его тоже не приняли ни в Институт востоковедения, ни в Институт китаеведения. В итоге он попал в Институт народнохозяйственного планирования АН СССР и стал членом-корреспондентом, а потом и академиком РАН. Но его жизнь, увы, оказалась слишком короткой. Он многое пережил, не всем удаётся легко пережить потрясения. Даже прочитав интервью некоторых китаеведов, я вижу, сколько в них умолчаний, а вместе с тем и неправды. Ну, наверно, это у многих так. У меня же тоже есть умолчания. Не хочется о некоторых событиях и некоторых людях говорить. В этом смысле то, что (давая интервью), как ты говоришь, приходится вмешиваться в чужую жизнь – это действительно так. Выворачивать свою жизнь очень трудно!..

КОБЗЕВ АРТЁМ ИГОРЕВИЧ

INTERVIEW WITH ARTYOM I. KOBZEV

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Кобзев Артём Игоревич (АК)	***Artyon I. Kobzev***
Китаевед, философ, историк, д.филос.н., заведующий Отделом Китая ИВ РАН	Dc. of Sc. (equiv. Habilitation, 1989), History of Philosophy, professor (1999), Head of China department, the Institute of Orientology, RAS
Место интервью: г. Москва	Place: Moscow
Дата интервью: 22 мая 2013 г.	Date: May 22, 2013
Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ) ИВ РАН	Hosted by: Valentin C. Golovachev IOS RAS
Примечания: В.Ц. Головачёв	Footnotes: Valentin C. Golovachev
Продолжительность: 4 ч.	Duration: 4 h.

Кобзев Артём Игоревич *(1953 г. р., Москва). Китаевед, историк китайской философии и науки, культуролог. Окончил философский факультет МГУ (1975). Доктор философских наук (1989, МГУ), профессор (1999). Сотрудник Института востоковедения (ИВ) РАН (с 1978). Главный научный сотрудник, с 2011 г. возглавляет Отдел Китая ИВ РАН. Лауреат Государственной премии РФ за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая» (2010). Научный редактор сайта synologia.ru. По совместительству: главный научный сотрудник ИДВ РАН, ведущий и почётный научный сотрудник ИФ РАН, декан факультета гуманитарных наук МФТИ (с 1998), завкафедрой истории (1998–1999) и куль-*

турологии (с 1999) МФТИ (Государственный университет), руководитель учебно-научного центра «Философия Востока» в РГГУ (с 2012). Преподавал в МГУ и Московской консерватории. По научному обмену работал в Академии общественных наук пров. Цзилинь КНР (Чанчунь, 2002) и Китайской академии общественных наук (Пекин, 2012, 2013). Член правления Международной ассоциации ицзинистики (Пекин, с 2004) и секретарь Международного конфуцианского общества (Пекин, с 2009). Член учёных советов ИВ РАН и МФТИ. Стажёр Пекинского университета (КНР, 1990–1991). Автор более 1300 научных работ (в том числе 5 монографий) по истории китайской философии, науки и культуры. Главный редактор «Учёных записок Отдела Китая» (ИВ РАН), председатель редколлегии книжной серии РАН «Corpus Sericum». В своих научных работах уделяет значительное внимание проблемам сравнительной философии.

ВГ: Здравствуйте, Артём Игоревич!

АК: Здравствуйте!

ВГ: Наш проект отличается тем, что его аудитория далеко превышает число учёных, учащихся и интересующейся Китаем публики, которая вас хорошо знает. Поэтому для начала я прошу вас представиться. Интересно, как бы вы сами идентифицировали и представили себя нашей потенциальной аудитории?!

АК: Пожалуйста! Кобзев Артём Игоревич. Философ, китаевед, культуролог. Любитель Китая. Родился в Москве 15 октября 1953 года в семье поэта и литератора *Кобзева Игоря Ивановича*, члена Союза писателей. Мама моя, Светлана Сергеевна, урожденная *Муравьёва*, – преподаватель французского языка и редактор журнала, издававшегося на французском языке.

ВГ: Предлагаю пойти в нашем интервью по имеющемуся списку вопросов, хронологическим и историко-логическим путём.

АК: Согласен.

ВГ: В таком случае скажите, пожалуйста, в какое время и как появился в вашей жизни Китай, каковы ваши первые впечатления о Китае?

АК: Это сложно вспомнить, потому что ранние годы моей жизни совпали как раз с периодом великой дружбы с Китаем. И какие-то отголоски, признаки и атрибуты китайской жизни мелькали на разных уровнях, от политических заявлений до простого быта. Помню, что, во-первых, были какие-то экзотические китайские предметы и обычные вещи: одежда, халаты с драконами – это всё было в быту моей тёти, сестры отца, *Софьи Ивановны Нарваткиной*. Потому что её муж Виталий Викторович был военным и где-то в промежутке между 1953 и 1955 годом находился в довольно длительной, около года, командировке в Китае. Оттуда и были привезены все эти экзотические предметы. Но в большей степени я стал с

ними сталкиваться уже в начале 1960-х, когда жил в своём «родовом гнезде», в начале Кутузовского проспекта. А конкретно – напротив гостиницы «Украина». Тогда на первом этаже гостиницы «Украина» был киоск, где продавались всякие обычные в подобных местах вещи и сувениры, среди которых обязательно присутствовали китайские произведения прикладного искусства. Свитки висели разные, резьба – всё это были непременные атрибуты витрин киоска, которые я регулярно разглядывал. Кроме того, это был район, где традиционно проживали, да и сейчас проживают, разные иностранцы, в том числе китайцы. В нашем доме они тоже жили, и я в детстве общался с мальчиком-китайцем по имени Саша. В этом доме я начал жить в 1960 году.

ВГ: Тогда советские дети ещё свободно общались с китайскими?

АК: Да, видимо, до середины 1960-х годов все эти грозы гремели где-то наверху, а до бытового уровня не доходили. Хотя уже что-то начиналось. Официальная пропаганда уже начинала действовать на людей. И я помню, что мальчишки приставали к этому китайчонку Саше. Впрочем, это могло быть и общее явление тогдашней агрессивности и ксенофобии. Ещё более конкретно и зримо знакомство с Китаем произошло в конце 1960 года, потому что тогда мой отец отправился с делегацией советских писателей в Китай и Вьетнам. Они не меньше месяца путешествовали по разным городам и весям, в Китае посетили Пекин, Ухань, Наньин, во Вьетнаме – Ханой, Футхо, Хайфон, Хонгай и Халонг. Естественно, привезли много впечатлений, фотографий, мелких сувениров и так далее. Надо сказать, что ещё в эти годы у отца были и другие контакты с Китаем. Потому что там переводились и печатались его стихи. И он даже находился в переписке с китайцем по имени *Юй Ин*, преподавателем русского языка, впоследствии доцентом, который переводил его стихи на китайский язык. И сам тоже что-то писал. Причём меня поразило, когда я разбирался в архивах и уже сам познакомился с этим китайцем – он даже писал что-то в стихах на русском языке. Разумеется, всё это выглядело довольно смешно, но такой настрой действительно был, что само по себе удивительно. Это интересная история с продолжением. Юй Ин встречался с отцом, они обменивались подарками. От него, между прочим, отец получил очень неплохую китайскую картину-свиток, по-моему, XIX века. Она у меня до сих пор хранится.

Кстати, немного отступлю, так как дальнейшие события развивались довольно любопытно. Юй Ин стал жертвой «культурной революции». Его бросила жена. Ему досталось воспитание двоих детей. Я видел документы об их разводе, которые меня поразили ничтожностью вещей, которые они делили. Это свидетельство страшной бедности Китая в те времена. В общем, он пострадал, был сослан на сельхозработы. А потом вернулся в Пекин, воспитывал своих детей. И вдруг, уже в перестроечные годы, в

конце 1980-х, он объявился в Москве, прибыв сюда через Казахстан. Ныне покойный китаевед *А.А. Антиповский* совершенно неожиданно привёл его ко мне в гости, и Юй Ин представился как старинный знакомый моего отца. Выяснилось, что ему негде остановиться. В память о недавно умершем отце, проявив гостеприимство, я разместил его в своей двухкомнатной квартире, где жил с женой и сыном. Пребывание нового жильца оказалось достаточно длительным и неоднократным, что, как я позднее понял, предвидел более опытный в общении с китайской стороной А.А. Антиповский, собственно к которому тот столь же неожиданно приехал в гости и который ловко переправил его ко мне. Причём сначала Юй Ин жил у меня один, потом привёз свою дочку. В итоге взаимоотношения получились долгие и разнообразные. Честно говоря, меня это стало изрядно утомлять, и я женил этого 60-летнего китайца на одной 50-летней соседке. Потом, в 1990–1991 гг., я жил в Пекине и уже там с ним встречался, а русская жена через пару лет развелась с ним по экономическим соображениям. Такая вот история.

Ну, а в её начале отец был полон очень приятных, позитивных впечатлений от Китая, сообщая, например, в открытке из Пекина от 21 октября 1960 г.: «Попал в настоящую сказочную страну. Всё очень интересно... Здесь очень тепло. Все ходят раздетые. Всё очень разноцветное, яркое. Деревья ещё зелёные. В Пекине много новых красивых зданий и много своеобразных красивых, разноцветных домиков». Он, правда, был человеком романтического склада и мог приукрашивать реальность. Из забавного вспоминается, как он шутливо каялся, что разорил какой-то китайский сельхозкооператив, съев 30 не то мандаринов, не то апельсинов.

ВГ: Вы предвосхитили мой вопрос. Скажите, отец делился с вами общими впечатлениями о той поездке в Китай?

АК: Ну, естественно, общее впечатление и настрой были очень яркими и позитивными, хотя, как мы знаем, в те времена уже была напряжённость во взаимоотношениях, и уже были разного рода конфликты. Но, видимо, поездка была официозной и связанной с общей советско-китайской поддержкой, как тогда говорили, борющегося Вьетнама. Хорошо известно, что китайцы – мастера принимать гостей, они это делают очень искусно. Поэтому члены советской делегации, видимо, чувствовали себя весьма комфортно. Тем более что потом они отбыли во Вьетнам, с которым были вообще наилучшие отношения. В итоге вся поездка произвела на него самое благоприятное впечатление, которое отец даже отразил в стихах.

ВГ: Публиковались ли эти стихи?

АК: Да, естественно, они публиковались. Более того, в своих поэтических восторгах он дошёл до утверждения, что китайский язык – самый красивый, потому что он тонированный, напевный, музыкальный. А я

как ребёнок, повторявший слова авторитетных взрослых, тоже высказал такую мысль, разумеется, ничего не понимая в китайском языке. В кругу моей семьи, где превалировал французский, традиционно считающийся самым благозвучным и красивым, это странное высказывание, прозвучав как фраппирование публики, вызвало, конечно, недоумённую реакцию. Тем не менее, у меня отложились в сознании слова отца, что китайский язык – прекрасен, и люди в Китае – прекрасные, и всё там замечательно. Если сделать вывод, то моё раннее знакомство с Китаем было преисполнено положительными впечатлениями. Это не очень оригинально, поскольку в 1950-е годы Китай вообще был для советских людей благодатной заграницей. Они получали там приличные деньги, имели дело с красивыми и качественными товарами. Увы, они в основном обращали внимание на шевиотовые костюмы и тому подобный ширпотреб, а не на произведения искусства, как это делали американцы, англичане, французы «и прочие шведы». Во всяком случае, это был образ экзотической страны, производившей красивые и качественные вещи. Все, например, ходили тогда с китайскими зонтиками. У всех были какие-то косынки, шарфики...

ВГ: Тазики, полотенца, термосы...

АК: Да, совершенно верно, и китайские термосы – непременный атрибут советского быта тех времён. Все эти вещи, конечно, давали фору аналогичным изделиям нашей промышленности и создавали позитивный образ Китая, что потом как-то резко изменилось.

ВГ: Если я правильно понял, вся обстановка в вашем доме была преимущественно западной, и встречи с Китаем были случайными, разовыми, довольно поверхностными. В какой же момент у вас проснулся интерес к Китаю, к Востоку? Наверно, это случилось позже? Как это произошло?

АК: Конечно, западная ориентация была. Мой отец переводил разных западных поэтов. Он был одним из первых советских литераторов, отправившихся в начале хрущёвской оттепели в Англию. И даже написал в соавторстве с известным впоследствии журналистом *Г.Н. Остроумовым* (1919–2001) книжку об этой поездке «Тысяча миль по Англии», которая вышла в свет в 1955 году стотысячным тиражом. Но должен заметить, что и про Восток я тогда знал немало, потому что отец очень долго работал ещё и журналистом. И много путешествовал. Соответственно, много доносилось и до меня. Потом у нас в семье была и продолжает расти огромная библиотека, в которой представлена вся мировая культура. «Советский» Восток, страны Средней Азии посещались моим отцом, и оттуда что-то привозилось. Но если говорить про «зарубежный Восток», то это были только Китай и Вьетнам. Китай выделился как-то неожиданно.

ВГ: Как вы считаете, были ли какие-то нумерологические и логические предпосылки к тому, что вы занялись не просто Востоком, не Инди-

ей или Японией, а Китаем? Как произошёл конкретный момент встречи и выбора?

АК: Конкретный момент встречи? Сейчас расскажу. Это тоже значимая ситуация, потому что она оказалась в большей степени следствием глобальных явлений, а не моего личного выбора. Кстати, как недавно выяснилось, не я один в ней оказался, но и, например, известный китаист и дипломат *Сергей Николаевич Гончаров*. Это происходило во времена, когда уже началась «культурная революция», и отношения между двумя социалистическими «монстрами» (Советским Союзом и КНР) дошли до предела нетерпимости, даже до военных столкновений весной и летом 1969 года на советско-китайской границе. Вообще 1969 год стал переломным в послевоенной истории, изменив мировую конфигурацию политических сил. Собственно, и современный геополитический расклад – это следствие тех тектонических сдвигов. Тогда, чтобы предотвратить назревавшую крупную войну (я знаю из бесед с жителями Пекина, что в те поры они прятали вещи, всерьёз ожидая вторжения советских танков) и не упасть в историческую бездну, руководители наших стран – председатель Совета министров СССР *А.Н. Косыгин* и премьер Госсовета КНР *Чжоу Энь-лай* – встретились полуофициально на аэродроме в Пекине 11 сентября 1969 года. Озабоченный советско-китайскими взаимоотношениями, А.Н. Косыгин выступал в разных местах, в частности в Академгородке в Новосибирске и в Москве, с указаниями на то, что Китай изучается у нас недостаточно как в прагматическом смысле, связанном с пограничной проблематикой в историческом и политическом аспектах (на это потом сориентировали новосибирских учёных), так и в фундаментальном плане. В Москве это имело следующие последствия. В своё время, в 1960 году, власти СССР очень недальновидно расформировали академический Институт китаеведения, и ещё раньше – его печатный орган, журнал «Советское китаеведение», просуществовавший всего один год (1958). Причём это произошло уже на закате, но ещё в период «великой дружбы», а когда межгосударственные отношения окончательно испортились, пришлось всё восстанавливать. Так, в разгар партийно-политической полемики и в начале «великой культурной революции» в 1966 году был создан академический Институт Дальнего Востока, ориентированный прежде всего на изучение Китая, а при нём в 1972 году – журнал «Проблемы Дальнего Востока». Замечу, между прочим, такой любопытный факт: во времена той нелепой вражды в Москве даже «рассыпали» типографские кассы с иероглифами. Возникли страшные трудности с публикацией текстов, содержащих иероглифику. Если раньше китайские журналы печатали оглавления на русском языке и в советских типографиях были китайские иероглифические шрифты, то потом всё это исчезло. Дело дошло даже до того, что наш центральный востоковедный журнал (тогда он назывался «Народы Азии и Африки», а сейчас – «Вос-

ток») был вынужден набирать иероглифические тексты в Ленинграде. Рукописи и гранки пересылали поездом туда-сюда, не знавшие иероглифов наборщики набирали их по номерам в указателе, и это требовало каких-то неимоверных затрат сил, времени и денег. В итоге, под влиянием встречи в пекинском аэропорту и разумной позиции Косыгина, директивные органы приняли решение о более активном развитии советской китаистики. В 1972 году была организована группа студентов-китаистов на гуманитарном факультете Новосибирского университета, куда попали уже упомянутый Гончаров и его однокурсник, тоже известный китаист *С.А. Комиссаров*. Ещё раньше, в 1970 году, в Москве при помощи ответственного работника ЦК КПСС *М.Л. Титаренко* была создана группа по изучению китайского языка и в целом синологии на философском факультете МГУ. Почему на философском? Потому, видимо, что сам Титаренко был философом, в 1953–1957 годах учился на этом факультете до того, как потом поехать учиться в Китай. Там же после возвращения на родину он в 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по истории древнекитайской философии под руководством патриарха отечественной историко-философской науки, профессора *Василия Васильевича Соколова*, который потом стал и моим научным руководителем в аспирантуре. В 1970-е годы продолжалась полемика между КПСС и КПК по всяким, в том числе теоретическим, вопросам. И на этом участке «идеологического фронта» были нужны специалисты, которые могли бы квалифицированно и со знанием китайского языка давать идейный отпор «ревизионистам» в области марксизма-ленинизма. Поэтому и была создана такая группа. Изучение китайского языка началось с первого курса. Потом я продолжил изучать его в аспирантуре. Общее обучение языку и китаистике шло по программе и с привлечением специалистов ИВЯ при МГУ (ныне – ИСАА). Фактически это было обучение на двух факультетах. К нам в группу приходили специально выделенные русские и китайские преподаватели. В аспирантуре я уже сам ходил на некоторые занятия в ИСАА.

ВГ: Ещё раз, когда была сформирована эта группа?

АК: В 1970 году, когда я поступил на философский факультет, как раз переехавший из центра, с Моховой, на Ленинские (Воробьёвы) горы. А туда я поступил потому, что в 1969 году случайным образом оказался на проводимой этим факультетом Всесоюзной олимпиаде по обществоведению. Учительница истории просто отпустила трёх желающих со своего урока на эту олимпиаду. И мы как обычные школьники просто воспользовались случаем раньше времени покинуть школу, совсем не рассчитывая на успех. Удивительным образом я завоевал на олимпиаде первое место. Это интересно и потому, что я учился тогда в 9-м классе и предмета «Обществоведение» у нас тогда ещё не было, так как его преподавали в 10-м

классе и, соответственно, олимпиада проводилась среди десятиклассников. Поскольку эта интеллектуальная победа возбудила во мне интерес к философии, и я должен был соответствовать неожиданно сложившемуся обо мне мнению как о прирождённом философе, а, кроме того, получил преимущество в полбалла при поступлении, то, по прошествии года, окончив школу с одной случайной четвёркой, подал документы на философский факультет МГУ, хотя это было рискованно: он считался «идеологическим», предназначенным для людей взрослых, проверенных, с рабочим стажем, партийностью и идейной закалкой. Конкурс для школьников составлял более 20 человек на место, а проходной балл превышал 19 из 20. Всё же я поступил и сразу столкнулся с предложением изучать китайский язык и китаистику.

ВГ: Это была какая-то приказная разнарядка?

АК: Внешне это выглядело как общее объявление о возможности изучать китайский язык и специализироваться по китайской философии. Кстати, в связи с этим нововведением очень сильная кафедра истории западной философии получила более широкое наименование – кафедра истории зарубежной философии, хотя, увы, теперь она опять скорее соответствует своему старому названию. Поначалу в группу записалось много желающих – более 20 человек. Но очень скоро, поскольку это всё было действительно непросто, их число резко уменьшилось. К финишу пришли всего 7 человек, из которых все в той или иной степени остались верны профессии, а некоторые даже стали известными китаистами. В этом ряду три доктора наук и профессора, два кандидата наук, одна закончившая аспирантуру, но не защитившаяся и один практический работник.

ВГ: А можно перечислить по именам ваших соучеников?

АК: Да, конечно, это несложно. Самый старший – *Лукьянов Анатолий Евгеньевич*, который сейчас заведует Центром сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии в ИДВ РАН, он вместе со мною стал лауреатом Государственной премии. Следующий – *Янгутов Леонид Евграфович*, который живёт и работает в Улан-Удэ, известный российский специалист по буддизму, буддийской философии. Затем – *Горохова Галина Эдуардовна*, занимавшаяся даосизмом. В своё время она немного поработала в нашем Институте востоковедения, но как-то быстро ушла в личную жизнь, родила двух детей и сейчас живёт в провинции, буквально в деревне недалеко от Оптиной пустыни, и китаистикой не занимается, что очень печально, поскольку отличалась недюжинными талантами и в научном плане подавала большие надежды. Затем – *Зайцев Владимир Васильевич,* защитивший кандидатскую по неоконфуцианству и изучавший философию *Чжу Си*. Он работал в Институте философии, бывал в Китае. Но, к сожалению, уже лет 10 как оставил сей бренный мир, трагически

уйдя из жизни в расцвете сил. Затем – *Гарибов Константин Михайлович*, который сразу по окончании факультета пошёл работать в практическую сферу – на иновещание, которое тогда называлось «Московским радио». Передачи на китайском языке этой пропагандистской радиостанцией велись с 1940 года, и первым китайским диктором была *Дэн Ин-чао*, жена вышеупомянутого Чжоу Энь-лая. Константин Гарибов довольно долго проработал в Китае, тоже в каких-то СМИ (Международное радио Китая и агентство Синьхуа. – *В.Г.*). А сейчас вернулся в Россию и до сих пор работает обозревателем на том же международном радио, называющемся «Голосом России», где, кстати, работает и мой сын Артём Кобзев, уже довольно известный журналист, четырежды побывавший в Китае. Наконец, *Зинаида Гафурова* – тоже очень способная дама, ровесница А.Е. Лукьянова, она писала диссертацию по *Ху Ши*. Но, к сожалению, не доделала и тоже оставила профессию по личным обстоятельствам, ушла в семейную жизнь, родила троих детей и в основном проживает за границей.

ВГ: Она не таджичка? Не родственница *Бободжана Гафурова*?

АК: Нет, она – татарка. Её настоящее имя – Зяйняб, а отчество – Рузвиновна. Не родственница, просто однофамилица.

ВГ: Кто из учителей оказал на вас наибольшее влияние в жизни и в учёбе?

АК: Наверно, речь идёт прежде всего о китаистах, которые нам преподавали. Нашим главным куратором в течение 8 лет, включая аспирантуру, была *Лидия Александровна Никольская*. Кандидат филологических наук, литературовед. Она на год младше моего отца, 1925 года рождения, и, слава богу, до сих пор жива. Занималась китайской литературой XX века, главным образом *Цао Юем* и *Ба Цзинем*. Дочь её, моя ровесница, с которой мы, естественно, тоже общались, *Светлана Викторовна Никольская* – тоже китаист-литературовед, кандидат филологических наук, преподаёт в ИСАА. Сейчас я ей передал свою аспирантку *Анну Трунову*, занимающуюся величайшим китайским романом «Сон в красном тереме». К слову сказать, двухтомный русский перевод этого романа 1958 года издания достался мне по наследству от деда – *Ивана Федотовича Кобзева*, который, будучи машинистом, военным железнодорожником и «красным профессором», по собственному признанию, чуть не сошедшим с ума от гегелевской философии, странным образом им весьма восхищался и мне всячески рекомендовал. Курс китайской литературы нам читала *Любовь Дмитриевна Позднеева*, создатель и бессменная заведующая кафедрой китайской филологии в ИВЯ/ИСАА. Очень колоритная женщина и яркая личность. Вэньянь преподавала её верная ученица *Померанцева Лариса Евгеньевна*, которая перевёла на русский язык выдающийся памятник древнекитайской философии *Хуайнаньцзы*, полный текст которого должен скоро

увидеть свет. Разговорный язык уже на старших курсах преподавала, тоже производя неизгладимое впечатление как крайне интересная во всех отношениях личность, очень красивая полукитаянка-полунемка *Тань Ао-шуан*. Прекрасный лингвист, она стала впоследствии доктором филологических наук и профессором МГУ. Уже в конце обучения она познакомила меня с блестящим синологом, также преподавателем ИСАА, *Артемием Михайловичем Карапетьянцем*, с которым я начал очень тесно общаться. Потом в аспирантуре он даже стал моим консультантом по диссертации. Ныне он тоже профессор и доктор филологических наук, десять лет заведовал той же самой кафедрой китайской филологии. Почему знакомство произошло через Тань Ао-шуан? Потому что примерно тогда, в 1973–1974 году, они как раз поженились, и их брак продолжается до сих пор. Что касается китайской философии, то, помимо упомянутых политических аспектов, в те времена советские специалисты прекрасно понимали её особую значимость в жизни китайского общества. Философия – царица наук и царица китайской культуры. И в синологии это важнейший предмет изучения. Но профессионалов-философов тогда практически не было. Из китаеведов философское образование имел только Титаренко. Были кандидаты философских наук, но без специального философского образования. А о соответствующих предметах писали в основном филологи или историки, что, конечно, сказывалось на результатах. Поэтому и появилась такая задача профессионального изучения китайской философии – подчёркиваю, поставленная государством. Надо отдать должное, что это была осознанная на высшем уровне, официально сформулированная и в какой-то мере решённая задача. Правда, к сожалению, это благое дело не получило продолжения: на одной нашей группе всё и закончилось. Только сейчас делаются какие-то попытки продолжить это начинание. Прошло 30–40 лет, и на двух философских факультетах других московских университетов возникло нечто подобное: в РГГУ, где я возглавляю учебно-научный центр «Философия Востока», и в Высшей школе экономики, где профессор *Алексей Александрович Маслов* возглавляет отделение востоковедения.

Из учителей, которые преподавали нам китайскую философию, я могу назвать академика *Титаренко*, бывшего тогда простым кандидатом философских наук. Правда, он преподавал нам на первом курсе какие-то азы и очень недолго, всего один или два семестра, поскольку был чрезвычайно занят как ответственный работник аппарата ЦК КПСС. Уже на первом курсе я писал у него курсовую, в которой он нашёл только один предмет для критики – политически незрелые ссылки на работы *Виталия Ароновича Рубина*, который тогда подал заявление на выезд в Израиль и считался диссидентом. Однако я не только не «вымарал» ссылки на Рубина, который в ту пору был самым компетентным в СССР специалистом по истории китайской философии, но и впоследствии сам стал комментато-

ром и публикатором его сочинений. Затем мы попали в «епархию» *Виталия Фёдоровича Феоктистова*, тоже кандидата философских наук, который был разносторонне одарённой личностью с интересной биографией и в те времена – одним из ведущих специалистов по истории древнекитайской философии. Его преподавание данного предмета, концентрировавшегося вокруг учения *Сюнь-цзы*, которым он занимался едва ли не всю свою научную жизнь, длилось года два, не меньше. После этого курс философии СредниХ веков и Нового времени читал родившийся в Харбине *Владилен Георгиевич Буров*. Хотя базовое образование у него не философское, он – доктор философских наук и проработал всю жизнь в Институте философии.

Что касается неформальных учителей, которых я сам находил и выбирал по их книгам, то в наибольшей степени меня заинтересовал вышеупомянутый В.А. Рубин, чьи высокопрофессиональные статьи появились в последних томах «Философской энциклопедии» (1960–1970) и явились важным вкладом в отечественную синологию, поскольку отвечали мировым стандартам историко-философского исследования, а не псевдомарксистским догмам тогдашних начётчиков. В СССР он лишь сумел издать маленькую, но глубокую книжку «Идеология и культура Древнего Китая: четыре силуэта», которая вышла в 1970 году. Я полагаю, что в конце 1950-х – начале 1970-х годов Рубин был лучшим отечественным историком китайской философии, но с 1972 по 1976 год, находясь в «отказе» (на выезд в Израиль) и занимаясь резонансной правозащитной деятельностью, он стал персоной «нон грата». После стимулированного вмешательством влиятельных западных фигур шумного отъезда в страну обетованную данная ситуация только усугубилась, и ничего из его работ уже не публиковалось. Имя Рубина было исключено даже из специализированных библиографий и справочников, что инерционно продолжалось вплоть до середины 1990-х годов, о чём неприятно свидетельствует как изданный в 1975 году «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» *С.Д. Милибанд*, так и его переиздание 1995 года под слегка изменённым названием «Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов». В Израиле же, когда жизнь репатрианта, казалось бы, уже наладилась, он трагически погиб в автокатастрофе. Хотя с самим В.А. Рубиным я ни разу не встречался, но каким-то мистическим образом оказался с ним связан. Я выбрал в богатой и нецензурированной библиотеке Союза писателей СССР среди целого ряда других именно его книгу и, повторю, обильно её цитировал, несмотря на неоднократно встречавшуюся негативную реакцию, подобную отмеченной выше. А потом, когда наступили свободные времена «перестройки», уже в конце 1980-х годов, по инициативе тогдашнего руководителя Отдела Китая *Л.П. Делюсина*, ранее устроившего в него Рубина, у нас в институте прошла посвящённая ему конференция, сопровождавшаяся только что

появившейся тогда видеосъёмкой. На ней выступали все авторитетные китаисты, и я тоже прочитал доклад. Вдова учёного *Инесса Моисеевна*, прилагавшая усилия к публикации его наследия в России, просмотрела моё выступление и сочла меня достойным получить из её рук научный архив мужа и подготовить к изданию собрание его сочинений. В итоге я составил, прокомментировал и опубликовал в 1993 году такой том под названием «Личность и власть в древнем Китае». Во втором издании 1999 года он открыл новую, основанную мною академическую серию «Corpus Sericum», включающую в себя избранные труды классиков отечественной синологии в одном или двух томах.

ВГ: Я тоже читал «Четыре силуэта» в свои студенческие годы, на рубеже 1980-х, и эта книга произвела на меня яркое впечатление. Нам выдавали её как-то «из-под полы». Очень жаль, что вам так и не довелось лично познакомиться и общаться с В.А. Рубиным!

АК: Да, это грустная история. Потому что он был одним из ведущих учёных в нашем Институте востоковедения. «Китами»-теоретиками, касавшимися самых общих философских проблем, в нём были тогда Рубин, *Л.С. Васильев*, *Л.С. Переломов*. Рубин среди них отличался наибольшей глубиной, поскольку его отец был одним из крупнейших историков западной и восточной (арабоязычной) философии, переводчиком и полиглотом. Благодаря семейному воспитанию и самообразованию всё относительно немногое, что написал В.А. Рубин, представляет собою высококачественный в теоретическом отношении научный продукт.

ВГ: Предлагаю снова вернуться к вашей судьбе. Вы сказали, что из 20 студентов группы до финиша добрались лишь 7 человек. «Мучения», связанные с изучением китайского языка, не охладили ваш интерес к Китаю? Как вы «выстояли»?

АК: Это действительно очень сложный вопрос. Помню, у моего отца был один знакомый, доктор философских наук, профессор МГУ и писатель *Л.В. Воробьёв* (1922–1982), который говорил мне, что, наверно, не стоит изучать этот слишком сложный язык, потому что он требует много усилий по запоминанию и напряжения памяти, а от этого страдают аналитические способности. Как говорил *Гераклит*: «Многознание уму не научает». Тот, кто опирается на память и многие знания, – не теоретик и не аналитик, а синтетик, то есть в лучшем случае историк философии, а не философ. Действительно, есть такая опасность, и я с нею сталкивался. Помню, что поначалу на первом курсе было тяжело. Произошёл даже такой случай, поразивший моё окружение: я не стал сдавать в конце первого курса экзамен по китайскому языку, так как чувствовал, что не сдам его на достойную оценку. При этом из-за возникшего «хвоста» я сам себя на целый семестр лишил стипендии, считая, что таким образом себя дисциплинирую и сдам

экзамен нормально, позанимавшись летом. Подобный отказ от стипендии крайне удивил моих знакомых. Как можно добровольно лишаться приличных денег? Тогда это была не в пример нынешней стипендии в общем-то значительная сумма – 35 рублей в месяц.

ВГ: Как изменялись ваши интересы в отношении Китая за годы студенческой учёбы?

АК: Ситуация была на самом деле очень сложная, потому что политическая конфронтация блокировала поступление любой адекватной информации, и даже информации вообще. Публиковались разные хулительные опусы по поводу Китая. И когда мы учились, у нас не было ни хороших словарей, ни газет, ни учебных материалов, ни достойных видео- и аудиоматериалов, не говоря уж про живое человеческое общение с носителями языка. Естественно, что-то было в ИСАА, и мы кое-что оттуда получали и сами добывали. Слава богу, у нашего одногруппника Зайцева через отца в спецслужбе был выход на редкую и запрещённую тогда для простых смертных копировальную технику, и он размножал для всех нас учебные материалы. Но в целом получать информационные и учебные материалы было крайне сложно. А следствием этого явилось убеждение, что в ближайшие годы и даже десятилетия мы ни в каком Китае не окажемся, что практическое знание языка нам не нужно. Тем более что мы были философами, а не переводчиками. Поэтому задача сводилась к одному – читать и понимать тексты. И классические, и политические: от *Лунь юя* до газеты. Весь упор делался на такие занятия. Как известно, недостаточное внимание к разговорной практике в целом отличало изучение иностранных языков в Советском Союзе, приоритет отдавался изучению грамматики и работе с письменными текстами. В этом имелся и какой-то политический оттенок: советский человек в сталинистском понимании не должен был иметь инструмента, позволявшего ему напрямую общаться с иностранцами. Кстати, и сам «вождь народов» был не силён в иностранных языках. Поэтому разговорная практика считалась делом десятым и ставилась на последнее место. Всё это усугублялось тем, что профессия наша не разговорная, а мыслительная, и устный язык для неё вроде бы не очень-то и нужен.

ВГ: Как всё-таки менялись темы, которыми вы интересовались?

АК: С самого начала моей главной темой стала классическая китайская философия, поскольку я, во-первых, стремился «дойти до самой сути», а во-вторых, не хотел касаться политически ангажированной проблематики, связанной с современностью. На первом курсе я занимался освоением базовой литературы, хотя уже, как ранее заметил, и сам начал кое-что писать. На старших курсах начать изучение одного из крупнейших неоконфуцианцев *Ван Ян-мина* меня надоумил преподававший нам тогда В.Г. Буров. Отдам должное его мудрому совету, который он обосновал тем,

что Ван Ян-мин – крупнейшая величина, китайский аналог Канта, а у нас в Советском Союзе совершенно не изучен. Эти соображения были теоретически правильны и практически полезны.

ВГ: Выходит, Владилен Георгиевич в этом смысле как бы ваш «крёстный отец»?

АК: В этом смысле – да. Он предложил мне очень интересную и глубокую тему, а, кроме того, снабдил меня старыми книгами о Ван Ян-мине на французском и английском языках, да ещё и китайским собранием его сочинений в одном томе. Проблема обострялась тем, что тогда этот философ считался в Китае персоной «нон грата», феодальным и антинародным, субъективным идеалистом и мистическим интуитивистом – в общем, «плохим человеком». Публикаций о нём в КНР почти не было, однако с началом периода реформ отношение к нему перевернулось на 180 градусов, и теперь его даже называют вторым после Конфуция «святомудрым» китайцем. Таким образом, я открыл для себя Ван Ян-мина и надолго, вплоть до сегодняшнего дня, с перерывами, разумеется, углубился в его изучение, став свидетелем его полного низвержения и высшего вознесения в идеологической конъюнктуре КНР.

Если говорить, почему я занялся Китаем, то это мотивировалось сложностью задачи. Мне всегда хотелось решать самые сложные задачи. И Ван Ян-мин как философский предмет тоже показался мне самым сложным в китайской классике. Мне уже тогда представлялось, и затем я всё больше убеждался, что в Китае не сформировался развитый идеализм западного типа. А Ван Ян-мин в советских, а также ряде западных и, вслед за ними, китайских справочниках и энциклопедиях с 1930-х годов представлялся наиболее идеалистичным из всех китайских философов. Более того, отношение к нему в переломные моменты отечественной истории XX века играло роль оселка для определения особенностей всей китайской философии. Поэтому если бы я смог показать, что даже этот самый ярый идеалист, в сущности, таковым вообще не является, то это не только бы стало оригинальной интерпретацией его творчества, но и вывело бы уже на решение максимально общих проблем специфики китайской философии. А отсюда – и общих проблем специфики китайской культуры в целом. Это была Архимедова точка опоры, Бэконова «прерогативная инстанция», или, по выражению классика марксизма, «главное звено», за которое можно было вытянуть всю цепочку. Я это каким-то образом сразу уловил и сформулировал. В итоге, в своей дипломной работе в 1975 году, а потом и в кандидатской диссертации, которую защитил в 1979 году, я сформулировал положение о том, что Ван Ян-мин был субъективным натуралистом, то есть, по существу, субъективным материалистом. На самом деле, для тех времён это была «теоретическая бомба». И что самое удивительное, обо-

шлось без скандала. Уже в наше время я этот вопрос подробно исследовал, описал и опубликовал основные результаты в 2012 году. Всё дело в ореоле экзотичности, позволяющем писать о Китае почти всё что угодно. С одной стороны, это даёт свободу мысли, но с другой – чревато распространением халтуры и недостоверных сведений. Так или иначе, для тех времён это было подрывом методологических устоев господствовавшей философии, то есть разрушением марксистских канонов, в рамках которых такой философской квалификации или историко-философской категории вообще не существовало. Признавалось деление идеализма на объективный и субъективный, а материализм считался по умолчанию объективным. Я же обратил внимание на теоретическую возможность субъективного материализма и нашёл его конкретное воплощение. Повторю, то ли загадочность Китая и погружённость этих теоретических новаций в многосложную историко-культурную конкретику, то ли притупление бдительности у ревнителей ортодоксальной мысли позволили мне без каких-либо нареканий защитить и диплом, и диссертацию. И если сейчас посмотреть ретроспективно, то остаётся только удивляться.

ВГ: Почему всё-таки Ван Ян-мин был материалистом, и почему – субъективным? Чем он был уникален и велик?

АК: Ван Ян-мин велик и как личность, и как мыслитель. Он интересен прежде всего тем, что его философия была направлена на практическое действие. В этом смысле он парадоксальным образом напоминает раннего Маркса, стремившегося субъективизировать материализм с помощью категории практики. Его знаменитый 11-й тезис о *Фейербахе* гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Ван Ян-мин также предлагал переделать мир, но начинать с самого себя. Эта основная идея *Да-сюэ* – «Великого учения», первой книги конфуцианского *Четверокнижия*, из которой исходил Ван Ян-мин и которой посвящено его важнейшее философское произведение: *Да-сюэ вэнь* – «Вопросы к „Великому учению“». В нём говорится о таком самосовершенствовании и самоуглублении, которое позволяет человеку соединить своё сознание со своим поведением, превратить их в нечто единое. Тут напрашивается аналогия не столько с западным марксизмом, сколько с восточным *чань-буддизмом*. Поэтому Ван Ян-мина и его последователей обвиняли в чань-буддийском искажении классического конфуцианства. Вследствие этого, как и марксизм с *чань-буддизмом*, философия Ван Ян-мина всегда оказывается востребованной обществом «в минуты роковые», при смене социальных, ментальных, культурных парадигм. Поэтому этот философ и стал популярен в конце эпохи Мин, XVI – первой половине XVII века, когда всё обострилось до крайности, и дело дошло до гибели последней собственно китайской династии. Вновь в центре внима-

ния Ван Ян-мин оказался в конце эпохи Цин и начале республиканского периода, т. е. в конце XIX – начале XX века. Специалисты считали даже, что он станет философом «номер один» в современном Китае. Любопытно, что в XX веке действительно возникла философская конкуренция между модернизированным учением Ван Ян-мина и марксизмом. Последний, как известно, победил. А до этого сильнейшим аргументом в пользу учения Ван Ян-мина считался успех его японских сторонников, подготовивших «революцию Мэйдзи» в 1868 году и обеспечивших модернизацию страны. Превращение Японии в современную державу действительно во многом – заслуга школы ***оёмэйгакуха*** 王陽明学派, то есть последователей Ван Ян-мина. Наконец, наиболее интересно то, что происходит сейчас. После десятилетий его замалчивания в КНР вдруг наступил «ренессанс». И сейчас там выходит много книг, в которых он уже объявляется философом «номер один» XXI века. Так, через сто лет повторяется ситуация начала XX века. Соль в том, что Ван Ян-мин, с одной стороны, стоит в русле классической китайской философии. Он – ***цзиньши***[83], знаток классических канонов, верный конфуцианец, который говорит, что Конфуций – в сердце у каждого. Это, правда, напоминает тезис, что Будда – в сердце у каждого. С другой стороны, он – не «книжный червь», не «гнилой конфуцианец». Он очень живой и практичный человек. Он практик, военный руководитель и сильный администратор, прошедший через горнило личных испытаний – его наказали, разжаловали, били палками, сослали, подсылали убийц. Всё это Ван Ян-мин претерпел, после чего ощутил, как и ряд других неоконфуцианцев, прозрение, известное у нас под японским названием ***сатори*** 悟り. Произошло внутреннее просветление, когда он вдруг понял, выражаясь словами Горького, что «всё – в человеке, всё – для человека», что ***Личность***, ***Я*** – это центр мироздания. Поэтому надо прежде всего исходить из собственной личности. И дальше всё пойдёт хорошо от этой опорной точки, поскольку она представляет собою исполненное «небесными принципами» «благосмыслие», напоминающее совесть. Но, повторяю, что эта «опорная точка–Личность–Я» стала основой не для ухода в нирвану и пренебрежения социальными обязанностями, как в буддизме, а для конкретных личных действий. Вот это и есть субъективный материализм. Субъективный потому, что исходит из ***Я***. А материализм – потому что это всё в рамках китайского классического натурализма. Из себя, но для людей, для общества, для мира...

ВГ: Понятно. Позвольте снова вернуться к вашей учёбе. По моим сведениям, сразу после окончания университета вы поступили в аспирантуру...

[83] *Цзиньши* — третья и высшая учёная степень в старом Китае. Лица, получившие эту степень после сдачи экзаменов в столице, могли претендовать на занятие высших чиновничьих постов в государстве.

АК: Да, я «плавно» переместился в аспирантуру на том же философском факультете. Закончил университет в 1975 году, а в аспирантуре учился до 1978 года. До 1975 года я занимался классической историей китайской философии, но потом было некоторое изменение направленности. Меня стали в большей степени интересовать общетеоретические вопросы, и уже с 1976 года я начал активно сотрудничать с Отделом Китая ИВ РАН. В 1976 году я опубликовал статью в материалах конференции «Общество и государство в Китае». И эта статья, «Гносеологические установки первых конфуцианцев»[84], уже носила общетеоретический характер. Я там пытался показать, что в Китае сложился особый философский язык, что это вообще особая философия. И это связано с особенностями китайского языка. Кстати, имели место интересные и амбивалентные ситуации – не знаешь, радоваться или печалиться. Было несколько случаев, когда я совершенно самостоятельно формулировал очень важные теоретические положения, а потом выяснялось, что некие мудрые люди уже опередили меня. И тут тоже нашлись западные философы китайского происхождения, писавшие об этом. Параллельно я занимался вэньянем у Карапетьянца. Это был второй тур изучения. Забавно, что сначала я прошёл его у Померанцевой, получил свою «пятёрку» и считал себя заправским «вэньянистом». А потом, столкнувшись с Карапетьянцем, вдруг понял, что ничего-то я толком и не знаю. Так получилось потому, что в России и в мире существуют два подхода к вэньяню. Одни полагают, что всё дело в начитанности, надо просто много читать, поскольку никакой настоящей системы и грамматики в вэньяне вообще нет, или она там совершенно минимальна. Просто нужен опыт. Представителем такого подхода была как преподаватель Померанцева. А другие – систематики и структуралисты, напротив, делают упор на грамматику. И это – Карапетьянц.

ВГ: К этому подходу я бы причислил и М.В. Крюкова.

АК: Да, наверно. Но они тогда выступали в качестве конкурентов. Всё это совпало с тем, что Карапетьянц как раз писал свой базовый учебник по вэньяню и апробировал его на нас. На мне в особенности, он это отметил, когда издал его наконец в 2001 году в соавторстве с Тань Ао-шуан. Учась по материалам этого учебника, где Тань Ао-шуан каллиграфическим почерком писала классические тексты, мы высказывали свои отзывы, находили неточности и так далее. Артемию Михайловичу Карапетьянцу я очень обязан, потому что наши подходы совпали и, хотя он ненамного, на 10 лет, старше меня, из китаистов самое сильное теоретическое влияние на меня оказал именно он как неординарная и высококультурная личность, оригинальный и талантливый учёный. Правда, началось с того, что некоторые

[84] *Кобзев А.И.* Гносеологические установки первых конфуцианцев // Общество и государство в Китае. Ч. 3. М., 1976. С. 626–633.

положения моего первого научного доклада на 6-й конференции «Общество и государство в Китае» в 1976 году были им подвергнуты публичной критике. Видимо, в утешение мне редактор «Народов Азии и Африки» и тоже китаист *Ф.Б. Белелюбский* (1934–2004) стал немеренно нахваливать мою аналогичную статью, а моего критика назвал «бесплодным эрудитом». Тем не менее, мою статью он так и не опубликовал, а в плодотворности блестящей эрудиции А.М. Карапетьянца я потом имел честь убеждаться долгие годы.

Параллельно это ещё совпало с тем, что в 1976 году вышла фундаментальная книга ленинградского учёного *В.С. Спирина* «Построение древнекитайских текстов». Это был удивительный человек, с какими-то повышенными требованиями к себе и к другим. Я считаю, что у нас в России сложилась великая синологическая традиция. Но, вообще, в синологии и в гуманитарных науках открытие – очень редкая вещь. Это науки в значительной степени, так сказать, эмпирические. Они связаны с переводами, с передачей информации, но не выявлением чего-то принципиально нового. Тем более что с Китаем это особенно сложно. Сами китайцы всё у себя уже изучили. А тут – совершенно новый подход, новое ви́дение и открытие. Кстати сказать, с этим связан и Буров. Он – один из очень немногих людей, кто, как и Карапетьянц, поддержал эту публикацию. Высоко оценил и написал послесловие к книге ещё и известный синолог-лингвист *Ю.В. Рождественский* (1926–1999), тогда заведовавший кафедрой общего языкознания на филологическом факультете ЛГУ, а ранее работавший в ИВ РАН СССР. Он тоже очень высоко оценил эту книгу. В общем, мы с Карапетьянцем написали потом рецензии на монографию Спирина и опубликовали в журнале «Народы Азии и Африки». И эта книга стала питательной средой или отправной точкой для создания целого нового направления в отечественной синологии. В 1980-е годы оно было просто одним из важнейших, прорывных направлений, являясь и формальным, и неформальным. У нас действовал очень популярный семинар «Структурные исследования китайской классики», было много публикаций в «Обществе и государстве», посвящённых этой теме. Она – на стыке лингвистики, филологии, философии и культурологии. Такие исследования позволяют выявлять специфику китайской философии, китайской мысли через её выражение в иероглифике, в особых построениях текстов, которые называются канонами – ***цзин***. Это была совершенно новая проблематика. Я считаю, что в данной сфере советская/российская китаистика находится на передовых позициях, что это одно из наших мировых достижений.

ВГ: Полностью согласен с вами... Вы пришли работать в Институт востоковедения в 1978 году. Получается, страшно даже подумать, что вы работаете в этом институте уже 35 лет! Это больше половины вашей жизни. Поэтому, при всей своей относительной молодости, вы – один из

старейших сотрудников института. Ваш приход в ИВ РАН был случайностью или сознательным выбором? Или стечением каких-то неслучайных обстоятельств?

АК: Этот приход тоже сопровождали забавные обстоятельства. Как и с университетом, я тоже тут заранее «засветился», начал выступать на конференциях и был очень ласково принят. Здесь, как я уже рассказывал, была замечательная атмосфера, кипели споры. Потом эти великие учёные как-то разошлись. Переломов ушёл в Институт Дальнего Востока, Рубин уехал в Израиль. Остался Васильев Л.С., в ту пору он был одним из самых ярких и резких в своих выражениях учёным, и Лев Петрович Делюсин. Делюсин – это ключевая фигура, поскольку именно он создал здесь удивительную по благоприятности атмосферу, поддерживал настоящих учёных, боролся со всякими политиканскими заскоками, с огульной критикой Китая. Он любил Китай и любил настоящую науку. Вокруг него образовался настоящий «оазис». В те времена очень важную роль в Отделе Китая играли также «научные дамы». Самыми яркими из них и задававшими тон после названных «учёных мужей» были три очень интеллигентные, просвещённые, культурные дамы: *Л.Н. Борох*, *С.А. Серова* и *Е.Б. Поршнева*. А изданиями материалов конференции ведал наш коллега *А.Н. Хохлов*. И вот я, молодой учёный, познакомился с ними. Они произвели на меня приятнейшее впечатление, и, видимо, я им понравился. Хотя я даже немного опоздал по срокам сдачи, они приняли и опубликовали мой материал. После этого я каждый год приходил на конференцию, где встретил понимание и интерес к своей скромной персоне. Когда моя аспирантура уже заканчивалась, я ждал приглашения остаться на философском факультете, хотя мне больше нравилось в ИВ АН СССР. И вдруг, ещё до окончания аспирантуры, я получил от Льва Петровича предложение прийти к нему на работу. Должен заметить, что до этого сюда 10 лет никого не принимали. Было весьма сложно попасть в такие академические институты, потому что они считались элитарными и «пропускной» контроль был очень сильным. Мне был известен любопытный случай: мой друг и однокурсник, поступая в аспирантуру, списывал на экзамене и попался. В результате не прошёл в аспирантуру МГУ. Но это обернулось большой удачей, потому что он поступил в научно-исследовательский институт, стал получать зарплату, а не стипендию и защитился там уже через год, а не через три года. Просвещая меня, он говорил, что работать в таких институтах гораздо лучше, чем даже в МГУ. Потому что в вузах господствует недемократическая иерархическая структура. Во-первых, все делятся на преподавателей и студентов. Во-вторых, преподаватели тоже делятся на доцентов, профессоров, ассистентов, и они все общаются по рангам. В отличие от этого, в академических институтах была более свободная атмосфера. Здесь людей в основном ценили не по званиям, а по реальным научным достижениям, и были сглажены

ранговые различия. Особенно заметна такая атмосфера была в отделе Делюсина. И это, конечно, мне страшно импонировало и вдохновляло. Кроме того, я был всегда нацелен на изучение нового, а повторять одно и то же студентам мне не очень нравилось. Поэтому я с удовольствием откликнулся на приглашение. Как потом выяснилось, Лев Петрович применил «стратагему». Хотя он прекрасно знал, что я занимаюсь средневековой и древней философией, при рекомендации меня тогдашнему директору института *Е.М. Примакову* он немножко слукавил. Сказал, что этот замечательный молодой человек будет заниматься в отделе критикой маоизма. Никакой критикой маоизма я, конечно, не занимался. И, надо отдать ему должное, он мне даже не предлагал. Так, на волне «критики маоизма» я «проскочил» и был очень доволен этим обстоятельством. Самое смешное, что прошло буквально несколько дней, и мне передали «горячее» предложение зачислиться в штат философского факультета. А я уже устроился в ИВ АН СССР, даже до окончания аспирантуры, примерно на месяц раньше. Поэтому был вынужден отказать, и там, на факультете, были как-то смущены. Но всё надо делать вовремя! Бывшая кафедра истории западной философии, переименованная в кафедру истории зарубежной философии, предполагала активно заниматься и восточной философией. Но, увы, до сих пор никого из специалистов там не удержали и никакой восточной философией всерьёз не занимаются. Как говорится, осенённый гегелевским презрением к Востоку европоцентризм непобедим.

ВГ: Где проходила защита вашей диссертации?

АК: Защита моей кандидатской проходила в МГУ. С этим связана ещё одна забавная история. Дело в том, что помимо руководителя – историка философии В.В. Соколова, я также официально взял себе консультанта – А.М. Карапетьянца, а когда искал оппонентов, посоветовался со своим начальником Делюсиным. И он свёл меня с нынешним академиком, а тогда член-корреспондентом и начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР *С.Л. Тихвинским*. Это тоже было необычно, что такой высокопоставленный человек в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла выступает в качестве оппонента по кандидатской диссертации. Я помню, что ездил в здание МИД, в высотку на Смоленской. Привозил ему свою диссертацию, поэтому знаком с ним лично с 1978 года. Тихвинский произвёл на меня очень благоприятное впечатление. Хотя общение было не тесное, но, надо сказать откровенно, никаких так называемых «рыб» никто не писал. Все отзывы он делал совершенно самостоятельно, внимательно прочёл работу. Государственный и даже военный человек, Тихвинский пунктуально прибыл на защиту в Московский университет в точно назначенное время, в сопровождении уже упомянутых мною дам, которыми он ранее руководил как директор Института китаеведения. Но проходили 10,

15, 20 минут, а заседание не начиналось. Потом выяснилось, что не собрали кворум. Это в Московском университете! И Сергей Леонидович был потрясён. На него произвело неизгладимое впечатление, что такое возможно в нашей жизни! То были славные «брежневские времена» всеобщей расслабленности и расхлябанности.

ВГ: Чем закончилась вся эта история?

АК: Пришлось приехать ещё раз! Защиту назначили повторно, и всё прошло замечательно. Но в первый раз, вот так не случилось!

ВГ: Вы защитились и поступили работать в Отдел Китая ИВ АН СССР. И перед вами опять открылись какие-то новые горизонты, пути-распутья. Наверно, был момент, когда вы думали, что будете делать дальше? Как изменилась после этого ваша жизнь и самоощущение?

АК: Тогда у меня была установка на пребывание в «башне из слоновой кости». Я видел настоящую научную проблематику. Сложился тесный, значительный количественно круг людей, занимавшихся исключительно научными вопросами, наукой в чистом виде. Общество было закрытое, и, честно говоря, я никуда не рвался. Никуда не ездил, ни в каких заграницах не бывал. Даже по стране ни в какие командировки не отправлялся. Я занимался только наукой и научным общением. И нужно признать, что основные научные результаты были получены именно тогда.

ВГ: Как зародился ваш интерес к нумерологии как направлению?

АК: Выход на исследование структуры текстов и обратил меня к наиболее структурированным текстам, которые оказались носителями нумерологической информации. Это были так называемые каноны и среди них канон «номер один» – *И цзин* («Канон перемен»), или *Чжоу и* («Чжоуские/всеохватные перемены»). Тут опять начался поиск самых сложных проблем. Когда я занимался средневековой философией, задача была найти наиболее сложного для интерпретации философа, а здесь – самую сложную и загадочную китайскую книгу, чтобы детально заняться ею. Так сформировался следующий цикл моих работ – изучение канонов, и прежде всего *И цзина*. Ицзинистика – это второе генеральное направление моих исследований. Правда, всё это наложилось ещё на историографические штудии, связанные с судьбой нашего первого исследователя *И цзина*, *Юлиана Константиновича Щуцкого*. Он стал жертвой «большого террора», был расстрелян в 1938 году. В конце 1980-х годов я занялся его чудом сохранившейся в Ленинграде рукописью и изданием полного текста главного труда «Китайская классическая “Книга перемен”». Подготовленный мною, подробно прокомментированный и дополненный сопутствующими материалами текст за 10 лет, с 1993 по 2003 год, выдержал четыре издания.

ВГ: Для вас это была временная тема? Или вы и сейчас занимаетесь этим направлением?

АК: У меня был действительно некоторый перерыв в этих исследованиях. Я занимался ими тогда, когда на русском языке была ещё только книга Щуцкого 1960 года – и всё, больше ничего. Потом, в постперестроечное время в СССР и в новой России уже появились четыре новых перевода и множество разных публикаций. Как раз в это время я своё внимание ослабил. Но сейчас продолжаю этим заниматься, это вечная тема. К сожалению, хотя уже вышло довольно много всякой литературы на эту тему, она совершенно не отражает новой ситуации в исследовании *И цзина*, потому что найдены древнейшие манускрипты и новые варианты текста: мавандуйский, шуангудуйский, шанхайский и так далее. Более того, совершены прорывные текстологические открытия, дающие новое понимание канона. Кстати, не только китайскими, но и западными, американскими учёными. Однако всё это совершенно не освоено, не понято у нас. И передо мной стоит важнейшая задача издать настоящий, научно выверенный текст этой книги с собственным переводом и комментариями. Увы, это ещё нерешённая задача. Я готовлюсь к этому и, вот, читаю в РГГУ спецкурс «Философские проблемы “Канона перемен”».

ВГ: Это будет индивидуальная или командная работа?

АК: Нет-нет, я думаю сделать всё самостоятельно. Естественно, я отражу все достижения других специалистов.

ВГ: Кроме «янминизма» и нумерологии, какие ещё направления вы считаете для себя основными и «сквозными»?

АК: Надо уточнить, что, разобравшись с Ван Ян-мином, я потом стал заниматься и всей его школой, и шире – неоконфуцианством в целом. Результаты всех своих штудий я подытожил, издав в 2002 году книгу «Философия китайского неоконфуцианства». Это общий очерк истории и теории неоконфуцианства с подробным освещением его развития от Ван Ян-мина и более ранних основоположников (Чжу Си и других великих неоконфуцианцев эпохи Сун) до конца империи, т. е. прежде всего неоконфуцианства эпох Мин и Цин. Конечно, надо было бы ещё столь же детально осветить эпоху Сун, и это у меня было в планах. Но не знаю, дойдут ли руки.

ВГ: Эта была работа на основе докторской диссертации?

АК: Нет. Это как раз продолжение кандидатской. А докторскую диссертацию я защитил в 1989 году, через 10 лет после кандидатской. Её результаты связаны с исследованиями нумерологии, структуралистики и общих особенностей китайской философии. Они зафиксированы в книге 1994 года, которая называется «Учение о символах и числах в китайской классической философии». Тут я сделал, как полагаю, самое главное в своей жизни открытие, состоящее в том, что у китайской философии была своя собственная, принципиально отличная от западной методология. С моей точки зрения, методологией западной философии является фор-

мальная логика, созданная *Платоном*, *Аристотелем* и их предшественником *Сократом*. А в Китае, хотя нечто аналогичное в виде ***протологики*** тоже развивалось Сюнь-цзы, поздними моистами и «школой имён» (*мин-цзя*), но возобладала и стала стандартной другая методология, которая основана на «И цзине». Я условно называю её ***нумерологией***, а сами китайцы называют её «учением о символах и числах» (*сян-шу-чжи-сюэ*). Его аналог, разумеется, тоже есть на Западе, где он называется ***пифагорейством*** или ***кабалой***. Но только соотношения у них обратно пропорциональные: доминантная логика и рецессивное пифагорейство на Западе и, наоборот, доминантная нумерология и рецессивная протологика в Китае. Вокруг этого и построено моё исследование, отражённое в диссертации и появившейся потом книге. Повторяю, что считаю её своим самым главным достижением в жизни и лучшим произведением. Но вышла она в «лихие девяностые», и хотя там приличный тираж в 4000 экземпляров, но полиграфия книги удивительна. Я попал тогда в промежуток, когда ещё не было компьютеров, но уже было слишком дорого набирать обычной высокой печатью. В итоге оригинал-макет был набран на специальной пишущей машинке и напечатан каким-то копировальным способом на очень плохой желтоватой бумаге, но зато в красивом и твёрдом чёрно-жёлтом переплёте. Кроме того, эта книга открыла фундаментальную академическую серию «История восточной философии», для которой я даже изобрёл специальную эмблему – напоминающий буддийскую триратну или знак Мира *Н.К. Рериха* – круг с тремя внутренними кругами, содержащими символы трёх главных восточных традиций: индийской, арабо-мусульманской и китайской.

ВГ: Эта книга не переиздавалась после 1994 года?

АК: Хороший вопрос. К сожалению, она не переиздавалась. Ещё одна из моих задач – дополнить и издать её нормальным образом. Тем более, у меня есть много того, что можно добавить к этой книге. А докторская диссертация была защищена в Институте философии, с которым я тоже давно и тесно сотрудничаю. Прежде всего с сектором восточных философий. Этот сектор тоже стал в своё время прорывным явлением. Он возник, по-моему, в 1970-е годы. С 1980-го и вплоть до прошлого года, т. е. треть века, его возглавляла замечательный востоковед, специалист по индийской философии и прекрасный во всех отношениях человек *Мариэтта Тиграновна Степанянц*. Я даже довольно долго работал в этом институте по совместительству, а после этого стал его почётным сотрудником. Ныне в нём успешно работают два моих бывших аспиранта, кандидаты философских наук, китаисты *М.В. Анашина* и *С.Ю. Рыков*. Несмотря на совершенно нестандартные, нетрадиционные для советской философии идеи, защита там прошла «на ура». И я очень благодарен настоящим учёным из Института философии, отнёсшимся ко мне непредвзято, хотя ещё действовал идео-

логический контроль, пусть и в ослабленной перестройкой форме. Тогда я стал одним из рекордсменов по возрасту среди гуманитарных докторов наук. Мне было 35 лет. И я не был членом партии, что, между прочим, в области философии тогда требовалось. Для поступления на философский факультет нужны были какие-то рекомендации райкомов-обкомов. У меня ничего такого не было. Я шёл другим путём – через олимпиаду. Никуда не вступал, и это многих удивляло, потому что данная область считалась «идеологическим фронтом».

ВГ: В этом была своеобразная «специфика» тогдашнего китаеведения, позволявшая ходить «по лезвию» и никуда не сваливаться.

АК: Вы абсолютно правы. Должен высказать важную мысль – я всё-таки хотел быть философом, и для меня Китай был такой «спасительной зоной», которая позволяла формулировать настоящие мысли, а не какие-то псевдоположения. И это не требовало лишней траты сил, чтобы бороться с «мастодонтами» и «архантропами», доказывая, что «дважды два – четыре». Во-первых, они и сами ничего не знали, а, во-вторых, считали это такой «экзотикой», в которой всё возможно.

ВГ: Позвольте вернуться к теме качественных различий «западной» и «восточной» философии. Если в обществах Запада и Востока доминируют принципиально различные типы мышления, методологии и философии, то возникает деликатный «киплинговский» вопрос, сумеют ли они вообще когда-нибудь по-настоящему встретиться и договориться? Возможно ли вообще преодолеть существующий между ними абсолютный или относительный разрыв? Имеется ли какая-то альтернатива, перекрывающая упомянутую вами разницу в способах мышления?

АК: С историко-научной точки зрения я являюсь автором культурологической теории глобальной альтернативы Востока и Запада. С разными углублениями понятия «культура» эта оппозиция доходит до материальных и антропологических аспектов, до соматики и психосоматики человеческих существ, что является темами, так сказать, «скользкими». Если оттолкнуться от этой «скользкой», но всё-таки объективной почвы, то можно сказать, что человек всё же живёт не на облаке, является не ангелом, а живым биологическим существом. Для выживания любого вида важно разнообразие, и нет ничего аномального в том, что имеются ярко выраженные человеческими индивидами культурные, материальные, антропологические и прочие полярности. Это очень хорошо, потому что обеспечивает видовую устойчивость. Чем больше разнообразия, чем ярче полярности, чем резче крайности, тем лучше для вида. В изменившейся ситуации сначала хороши одни, потом – другие. Учёные даже говорят сейчас о том, что «примитивные» народы могут быть очень полезны для современного человека, для современного урбанизированного человечества, потому что бо-

лее эффективны в общении с природой, в её сохранении. Кроме того, они обладают некоторыми знаниями, которыми не обладает человек, черпающий их из Интернета.

ВГ: По части природопользования они не только примитивны, но и во многом превосходят конфликтующего с природой современного человека!.. Сам термин «примитивный» тут уже явно некорректен.

АК: Ну, это уже немножко другая история, связанная с политкорректностью, с условным языком. Тем не менее, не создавая нового лексикона, можно сказать, что есть объективные критерии. По стандартным параметрам развития цивилизации одни продвинулись вперёд дальше других. Уровень отчуждения культурных достижений больше – его можно измерять объективно, по созданным человеком материальным объектам. Мы можем спорить, кто умнее и проницательнее, если вспомнить Дерсу Узала и *В.К. Арсеньева*. Но поскольку Дерсу Узала всё-таки просил у Арсеньева винтовку и патроны, следует заключить, что по какому-то параметру Арсеньев был более продвинутым. Если же сравнивать не разноуровневые цивилизации, а одноуровневые, то моя теория состоит в том, что имеются крайние полярности, образованные средиземноморской по своему происхождению западной цивилизацией и восточной – китайской (шире – синистической). Тут ещё очень важно понять, что возможны разные точки зрения. И полярности в разные периоды истории были разными. Противоположность Восток – Запад разделяла в античности персов и греков, в средневековье – восточное и западное христианство, в новейшее время – социалистическую и капиталистическую системы и т. д. Но если снять все менее значимые оппозиции, то в итоге, на мой взгляд, откроется глобальная полярность, которая выражается в том, что представители этих крайних и равномощных цивилизаций (средиземноморской и китайской) максимально отличаются друг от друга. Кардинально важно, что они пользуются принципиально разными языками (флективными и изолирующими) и системами письма (алфавитной и иероглифической). Все культурные надстройки над этими базовыми основаниями тоже различны. Это касается и способа мышления, причём во вполне объективно фиксируемых формах. Речь идёт о функциональной асимметрии мозга, о разных типах нейронных связей, о разном взаимодействии левого и правого полушарий, о разной роли и степени леворукости и праворукости и т. д., что хорошо описано современной наукой. В конечном счёте на вершине духовной культуры это всё выражается в разных формах обобщения культурных достижений, то есть в разных философских системах. И тут уж расхождение – максимальное. Если отнестись ко всему этому с точки зрения популярных лозунгов о мире и дружбе, мирном сосуществовании или диалоге культур (как сейчас хочется делать, потому что все хотят мира), то догово-

риться, конечно, можно. Договориться можно с кем угодно. Посредством компьютера учёные успешно коммуницируют с высшими приматами на настоящей новоречи. Человек может договориться и с собакой. Но если речь идёт о каких-то тонких материях или сложных понятиях, то тут всё становится уже сложнее. Потому что понятийные системы – разные. Для того, чтобы всё-таки найти между ними какой-то баланс, точки соприкосновения, надо их изучать. И тогда, быть может, в конце тоннеля забрезжит какой-то свет взаимопонимания. Это самый главный вопрос. Но он очень сложен, потому что при контактах цивилизаций, конечно, люди стремятся в первую очередь отождествить, увидеть общее и подобное, такое же, что есть у них самих. Это известный психологический эффект узнавания, когда хочется идентифицировать других людей с собой. А потом начинают видеть иное, чужое, и понимая, возможно, принимать его. Сначала нужно просто увидеть невиданное, а уже на следующем этапе принять. И это крайне сложно. Мы это видим по нашей жизни.

ВГ: Лично мне кажется, что, наоборот, при первых контактах бросаются в глаза прежде всего различия, и только потом – подобное, которое труднее увидеть, потому что оно привычнее и меньше поражает воображение. Но вы правы в том, что изучение сходства и различий – важнейшая задача научного изучения. В связи с этим вспоминается наш старший коллега и ваш старший однокашник по философскому факультету МГУ, известный философ и индолог *А.М. Пятигорский.* Он говорил, что искусственное противопоставление западной и восточной философии было порождено непросвещённостью эпохи Просвещения. Тогда Запад соприкоснулся с Востоком и узнал, что есть восточная философия, но почти совсем не знал, что это такое. На самом же деле, как подчёркивал Пятигорский, разница между индийской и китайской философией является во многих отношениях большей, чем между индийской и западной. С другой стороны, внутри западной философии, если брать не классическую линейку, а весь спектр западных философских школ, разница между отдельными школами может быть тоже большей, чем разница между западной и восточной философией. Как бы вы прокомментировали это наблюдение?

АК: Безусловно, Пятигорский прав в том, что разница между индийской и китайской философией – больше, чем между индийской и греческой или римской. Но всё дело в том, что относившуюся им к Востоку индийскую философию и культуру я, напротив, отношу к Западу. С моей точки зрения, это всё чистый Запад. Поэтому тезис, с которым он спорил, автоматически снимается. Тут спорить не о чём по понятным причинам и основаниям, которые я ранее озвучил, а именно: это общая индоевропейская семья языков, это общее индоарийское происхождение народов, похожие этапы развития и общая философская модель. Наконец, взаимо-

действие, обмен информацией имели место на протяжении всей истории существования этих философских систем. А что касается китайской философии, то Пятигорский, к сожалению, её не рассматривал.

ВГ: Спасибо. Как известно, после защиты и издания книги по теме докторской диссертации вы снова вернулись к неоконфуцианству. Это было связано с вновь нарождавшейся модой на «неоконфуцианство»? Или же вы внутренне стремились к расширению и углублению этой темы?

АК: Это ещё одна особенность моего характера. Я не терплю недоделанности. А что касается Ван Ян-мина, то у меня оказалась одна недоделка. Ещё в 1983 году я перевёл и опубликовал его важнейший текст «Вопросы к “Великому учению”». Этот перевод переиздавался несколько раз. Упоминавшаяся М.Т. Степанянц включила его в свой популярный учебник «Восточные философии», который тоже выходил в свет уже три раза (1997, 2001, 2011) и переведён на английский (2002) и вьетнамский языки (2003). Но у Ван Ян-мина есть и другой – самый главный текст «Записи преподанного и воспринятого» (*Чуань си лу* 传习录). Он гораздо большего объёма. И вот я озаботился тем, чтобы его перевести и опубликовать. Думаю, в текущем году закончить работу над этим проектом. Возвращение к нему связано с тем, что нужно «расплатиться по старым долгам». Как в синологическом «стандарте»: исследование до́лжно завершать переводом базового текста. Оно с этого начинается и этим завершается. Сначала переводишь избранный текст предварительно, что даёт возможность сформулировать какие-то выводы. Затем пишешь исследование и завершаешь публикацией текста с исследовательскими комментариями. Диалектическая триада тут эффективно срабатывает. Конечно, вы тоже правы, что в данном случае имело значение изменение отношения к неоконфуцианству и конфуцианству вообще. Ведь мы же знаем, что теперь Конфуций – главный бренд Китая. А неоконфуцианство – самая совершенная форма конфуцианства. Это связано ещё и с тем, что раскрылись архивы и запасники. Китайская наука произвела и производит сейчас в фантастическом количестве публикации с подробно комментированными старыми текстами, переведёнными в современный культурный формат, снабженными знаками препинания. Есть их электронные версии. Появились специализированные словари, поисковые механизмы, бумажные и электронные индексы. Всё это создаёт огромную базу для дальнейших исследований. Возникает соблазн всё бросить и окунуться в это с головой. Сложилась совершенно другая ситуация, нежели та, в которой мне пришлось формироваться как учёному. Я говорил уже, что работал с Полным собранием сочинений Ван Ян-мина издания 1936 года, где были какие-то зачастую неверные знаки препинания, но не было никаких комментариев.

ВГ: Мне кажется, очень интересной должна быть новая возможность для обмена мнениями с коллегами за рубежом. Можно работать не в гордом одиночестве, а координировать свои и чужие усилия и достижения.

АК: Это, безусловно, важно. Но, к сожалению, моя научная молодость действительно прошла в какой-то изоляции, и приоритеты сложились «книжные». Для меня важнее всего, что тексты, с которыми приходится работать, публикуются и комментируются, книг много, и они доступны. Можно просто «черпать» из этих благодатных источников, лично не обращаясь к авторам комментариев и исследований.

ВГ: Позвольте вернуться к понятийному аппарату Ван Ян-мина. Как вы считаете, что составляет главное, ключевое понятие учения Ван Ян-мина?

АК: Это несложный вопрос. Принято считать, что это понятие сердца. Отсюда и название учения – *синь сюэ* 心学, «учение о сердце», которое противопоставляется *ли сюэ* 理学, чжусианскому «учению о принципе». Своим вопросом вы затронули более важную общую тему о категориях китайской философии и культуры в целом. Это ещё одно важное направление, которое я тоже первым инициировал в нашей стране. Как выяснилось, научный аппарат китайской философии очень специфичен и принципиально отличен от западного, потому что опирается на слова-иероглифы, а не на понятия. Западная традиция исходит из приоритета понятий в силу того, что сама развивалась на разных языках. Нельзя было опираться на слова, иначе это были бы только слова греческого языка или латыни, английского или французского языка. Западный мир многоязычен, и доминирующие языки, обеспечивавшие международное общение, менялись. Поэтому философская традиция опиралась на понятия, а в Китае, напротив – на слова. Это совершенно другое дело. Тем более что речь идёт не о специализированных терминах, а о словах естественного языка, которые многосмысленны, полисемантичны. Главное, что они соединяют в себе ***описание*** с ***предписанием***, научно выражаясь, дескрипцию с прескрипцией. В естественном употреблении они автоматически дают установку на соответствующее действие. Таковы органические особенности китайского языка: в грамматике – тотальная глагольность, в семантике и прагматике – ориентированность на действие и практический результат. Надо было теоретически отразить это явление и выявить категориальную базу китайской философии, прежде чем переводить и интерпретировать тексты. Я этим занялся тоже где-то в начале 1980-х годов. Интересно, что это совершенно независимым образом совпало с аналогичной тенденцией в самом Китае, где по-новому занялись своей историей философии. Были созданы специализированные журналы. Не официозный и общий журнал *Чжэсюэ яньцзю* (哲学研究 «Философские исследования»), а именно по истории китайской

философии – прежде всего пекинский ежемесячник *Чжунго чжэсюэ ши* (中国哲学史 «История китайской философии») и тяньцзиньский ежеквартальник *Чжунго чжэсюэ ши яньцзю* (中国哲学史研究 «Исследования по истории китайской философии»).

ВГ: Кто это всё курировал, *Фэн Ю-лань*?

АК: Конечно, Фэн Ю-лань был в ту пору одной из главных фигур на этом поприще. Он осенял своим авторитетом, прежде всего международным, поскольку его фундаментальная «История китайской философии» в 1937–1953 годах была издана в английском переводе выдающегося американского синолога *Д. Бодде* и получила всемирную известность. В открывавшемся для международных контактов Китае присутствие такой персоны было очень значимо, но, увы, он в 1990 году скончался. Хотя, разумеется, как патриарх он успел принять участие в реанимации китайской истории отечественной философии, в частности был членом редколлегии упомянутого ежеквартальника «Исследования по истории китайской философии» вместе с другими известными специалистами – представителями уже следующего поколения: *Чжан Дайнянем* (1909–2004) и *Жэнь Цзиюем* (1916–2009). Все выдающиеся философы и историки философии печатались в этих журналах. Официальная установка на изучение отечественной истории философии совпала с научным и общественным интересом. Как раз с начала 1980-х годов в КНР развернулась широкая дискуссия о системе категорий и основных понятий китайской философии. В специальном разделе каждого номера «Исследований по истории китайской философии» печатались статьи об одной, двух или трёх категориях. Кстати, патриархом этих исследований являлся Чжан Дайнянь. Практически одновременно с «Историей китайской философии» Фэн Ю-ланя, полностью опубликованной в 1934 году, он написал в середине 1930-х годов пионерский очерк системы категорий китайской философии, который впервые увидел свет в 1958 году. Мы здесь тоже в 1983 году на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (№ 3) провели «круглый стол» «К проблеме категорий традиционной китайской культуры» благодаря замечательному редактору-энтузиасту А.А. Старикову. Я выработал и предложил свой список категорий, опиравшийся и на Чжан Дайняня, и на целый ряд других авторитетных источников, формально первым среди которых был список, опубликованный в 1952 году на страницах американского журнала «Philosophy East and West» ещё одним выдающимся историком китайской философии *Чэнь Юн-цзе*. Он провёл большую часть жизни в Америке, где издал на английском языке свои важнейшие труды, в частности лучшую до сих пор антологию по истории китайской философии «A Source Book in Chinese Philosophy». Она вышла впервые в 1967 году и несколько раз переиздавалась. О категориях китайской философии и культуры я начал писать

с конца 1970-х годов. В 1980 году организовал в Отделе Китая несколько посвящённых им заседаний, на которых выступили многие крупнейшие специалисты: Л.С. Васильев, Г.Э. Горохова, *Т.П. Григорьева, Е.В. Завадская, С. Кучера, И.С. Лисевич, В.В. Малявин, Е.Б. Поршнева,* С.А. Серова и другие, а в 1981–1982 годах опубликовал обобщающие исследования, в том числе в «Народах Азии и Африки» (1982, № 1). В 1983 году к обсуждению полученных результатов я пригласил ведущих китаистов. Откликнулись москвичи Г.Э. Горохова, А.М. Карапетьянц и В.В. Малявин, ленинградцы *Ю.Л. Кроль, А.С. Мартынов* и В.С. Спирин. Карапетьянц предложил альтернативный и дополняющий список. Потом всё это послужило базой для создания в 1994 году, уже под эгидой Титаренко в ИДВ, новаторского энциклопедического словаря «Китайская философия», который, в свою очередь, стал предтечей шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая».

ВГ: Думаю, мы ещё поговорим про вашу энциклопедическую деятельность. Пока же позвольте продолжить тему категорий и спросить, как соотносятся категории *синь* 心 и *лянчжи* 良知?

АК: Если ответить коротко, *лянчжи* – главное содержание **сердца**. Буквально это «доброе знание», а в моём переводе – «благосмыслие». Это ядро, основное и главное, прежде всего моральное содержание психосоматического и духовно-интеллектуального центра каждого человека – его сердца. Оно должно опираться и быть нацеленным на выявление того сокровища, которое хранится в нём изначально. Это его прирождённое или, как говорят китайцы, данное Небом свойство.

ВГ: Перевод «благосмыслие» как бы заведомо отсылает нас к какому-то мысленному, умственному, рациональному знанию. Однако знание может быть не только рациональным, но и, например, интуитивным, эмоциональным. То есть не опосредованным через мысль и разум. Не кажется ли вам, что перевод «благосмыслие» несколько сужает смысл оригинального термина, выраженного в китайских иероглифах 良知? Не стоит ли переводить этот термин более объёмно, например как «благопонимание»? Ведь понимание может приходить и осмысленно, и интуитивно, и эмоционально...

АК: С моей точки зрения, «благосмыслие» и «благопонимание» – это абсолютные синонимы. Так что этим конкретным предложением вы ничего не изменяете. Но тут есть две проблемы. Одно дело – словесный перевод, а другое – выявление понятия, вложенного в переводимый термин. Изначально у Мэн-цзы различались *лянчжи* 良知 и *ляннэн* 良能 – «благомочие». Помимо этих близких, но разных терминов, есть ещё *лянсинь* 良心 – «благосердие», совесть. Я подчёркиваю, так как иногда печатают и не различают, что *лянчжи* не «благомыслие», которое по-русски означает

«сервильность», а именно «благосмыслие», то есть как раз «благопонимание». Здесь даже некоторая игра слов: ***смыслить*** в данном случае – это ***понимать***, что есть добро, а что есть зло. Это этическое знание, которое само тоже является благим. Это внутреннее благо, которое находится в сердце, а вовне его позволяет отделять благое от неблагого. Что касается рациональности и нерациональности, то в ***смыслии*** нет этого специфицирующего признака – ***смыслить*** можно и рационально, и нерационально. В понимании самого Ван Ян-мина присутствует и то, и другое. То, что вы разделяете как рациональное и нерациональное, пусть не совсем так, но у Мэн-цзы тоже различается. Потому что «благомочие» (*ляннэн*) предполагает переход к чему-то не рациональному, а волевому, эмоциональному и даже действенному. Рациональность же прежде всего связана с *лянчжи*. А Ван Ян-мин отождествил эти термины. У него *лянчжи* и *ляннэн* – одно и то же. Он охватил одним термином разные сферы: рациональную с нерациональной и даже иррациональной, сознательную с подсознательной и интуитивной, интеллектуальную с волевой и эмоциональной. Распространил и на действенность, что тоже очень важно, поскольку один из его главных постулатов – «совпадающее единство знания и действия» (*чжи син хэ и* 知行合一). Подчеркну, что не просто единство, а *хэ и* – совпадающее единство. Мне кажется, что в предложенном мною русском переводе нет выделения рациональности.

ВГ: Подозреваю, что если наше интервью будут переводить на другие языки, то переводчик будет очень сильно страдать от всех этих тонкостей, или вообще сойдёт с ума. Да простят нас за это уважаемые переводчики!.. Вы сказали, что много лет провели в «башне из слоновой кости», никуда не выезжали и не стремились выезжать. Но в какой-то момент вы всё же «пошли в мир». Сегодня вы востребованы и работаете сразу во многих местах. С чем это связано? Стало тесно в рамках Отдела Китая, или жизнь такая трудная настала, поэтому приходится служить во многих организациях? Вы успешно работаете сегодня не только в ИВ РАН, но и по совместительству в МФТИ, РГГУ[85], ИДВ РАН, и почётным сотрудником Института философии числитесь. С чем связаны такие резкие изменения? С потребностью в большей публичности, или экономические соображения тут возобладали?

АК: Вы правы. Как говорится, в какой-то момент «Остапа понесло». Я работал во всех или почти во всех основных синологических учреждениях. Долго работал по совместительству и в ИДВ. Свою трудовую книжку из ИВ РАН я никуда не уносил.

ВГ: То есть вы сохраняете верность ИВ РАН?

[85] МФТИ – Московский физико-технический институт (Государственный университет), РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет.

АК: Да, да. Хотя, естественно, предложений имел очень много... Работал в Институте философии и даже в замечательном Институте истории естествознания и техники, который сейчас возглавил новый директор, Герой России, космонавт и членкорр. РАН *Ю.М. Батурин*, с которым я знаком как с выпускником и преподавателем МФТИ, где тоже подвизаюсь уже более 20 лет. Я работал даже в Институте востоковедения Украинской академии наук (НАНУ), был и такой эпизод в моей жизни. Преподавал в МГУ и Московской консерватории. Всё это связано с разными обстоятельствами, прежде всего внешними, производными от общих изменений в нашей стране. На исходе советской власти, к концу 1980-х годов, мне казалось, что я достиг своего потолка, предела имевшихся здесь возможностей. Я был приглашён в Физтех (МФТИ), стал молодым профессором, потому что уже защитил докторскую диссертацию. Ректором там был интеллектуал и эрудит, членкорр. АН СССР (1984) и одно время председатель ВАК РФ[86] *Николай Васильевич Карлов*, который родился со мною в один день, 15 октября, но на два 12-летних цикла раньше. Как депутат Съезда народных депутатов СССР он лично знал Ельцина и с его помощью в то время пытался перестроить всю систему гуманитарного образования в Физтехе, для чего и пригласил туда «несоюзную», но творческую молодёжь. Собрались уникальные специалисты, атмосфера сложилась превосходная, в целом было очень интересно и с коллегами, и с замечательными студентами МФТИ, которые составляют настоящий, а не номенклатурный «золотой фонд» России. Подобные гуманитарные проекты там пытались реализовать *Е.Т. Гайдар* и *Я.И. Кузьминов*, нынешний ректор Высшей школы экономики, но у них не получилось. Следствием моих особых и долгих отношений с Физтехом явилось создание в 1998 году целого нового факультета гуманитарных наук с четырьмя новыми кафедрами. Я стал его деканом и возглавил кафедру культурологии.

ВГ: Должен признать, что это был очень смелый эксперимент.

АК: Да. Это было связано с тем, что нужно было многое перестраивать. Ведь в Физтехе как университете должно было быть и гуманитарное образование. Раньше всё сводилось к истории КПСС, истмату с диаматом и научному коммунизму. Теперь же всё это нужно было в приличных формах отставить в сторону или даже ликвидировать, заменив нормальными гуманитарными дисциплинами. Я этим с удовольствием там занимался и решил данную задачу.

Очень важным переломным событием в моей жизни, удивительным и мистическим образом совпавшим с изменением режима, явилось то, что я попал «в последний поезд», увозивший советских специалистов на стажи-

[86] ВАК – Высшая аттестационная комиссия. Государственное учреждение, официально утверждающее защиту учёных степеней в СССР и в РФ (после 1991).

ровку в Китай. Осенью 1990 года я в первый раз выехал в Китай и вообще за границу, но сразу надолго, почти на целый год. Коллеги начали ездить туда гораздо раньше, примерно с 1983–1984 года, по линии Министерства культуры и образования, а не Академии наук, которая получала там какие-то квоты. До меня эта квота дошла только в самом конце, когда уже приходилось даже платить свои собственные деньги. В СССР уже началась инфляция, и это не было слишком обременительно, хотя сумма выглядела вполне прилично – 3000 рублей. Но я работал на нескольких работах, был уже доктором наук и зарплату довольно приличную получал, как мне казалось. И вот я выехал первый раз в Китай. Конечно, это было очень важным обстоятельством. А до этого, хотя Лев Петрович всячески подталкивал меня к этому, мешали поехать партийные фильтры и препоны. С этим связана ещё одна совершенно удивительная история. Понятно, что в советские времена первыми ездили всякие начальники, связанные с партийными органами. Поскольку я к ним не принадлежал, дело всё оттягивалось. Но однажды меня всё-таки рекомендовали, и я попал на следующий уровень идеологического контроля – в райком, хотя, повторяю, никакого отношения к КПСС не имел. Но она была правящей партией, и таковы были правила игры. Ещё перед этим меня вызвали для выдачи рекомендации в партком института, куда я пошёл с большой чёрной сумкой. Возможно, так случилось потому, что тогда по месту работы уже начали выдавать продуктовые «заказы». Господствовал товарный дефицит, и сотрудники подобных институтов ходили на работу в основном для получения разной снеди, для чего носили с собой объёмистые сумки. Или же, скорее всего, сумка потребовалась мне для книг, которые я вечно таскаю в неимоверном количестве. Председатель парткома, специалист по Корейской войне *Ю.В. Ванин*, грозно посмотрев на меня, вдруг сказал: «Как вы посмели явиться на заседание парткома с хозяйственной сумкой?!» Это первое впечатление, связанное с рекомендацией. А второе, более сильное, было получено в райкоме, где сидели и «пропускали» меня какие-то старцы-пенсионеры. Один спросил: «Вы кто по профессии?» Я ответил: «Философ». Он неожиданно продолжил: «Нет, вы обманываете партию!» Я возразил: «Как обманываю, если и в дипломе написано, что я философ». Он настаивал: «Нет, вы обманываете, потому что вы не член партии, а философия – это партийная дисциплина! Значит, вы не можете быть философом». Вот такое рассуждение я назвал партийным силлогизмом.

ВГ: Может, это был такой особый «партийный» юмор?

АК: Нет-нет. Это было сказано абсолютно серьёзно. То были «мастодонты», которые действительно так считали. Без всяких шуток они меня просто завернули и не пустили в Китай. Последствия были вполне серьёз-

ными. Так я и не попал туда с первого раза в 1987 или 1988 году, а может, в 1989 году.

ВГ: Сегодня эта история кажется на самом деле изумительной.

АК: Да, это удивительная история. В Китае меня тоже нечто в этом роде удивило, я пробыл там с 1990 по 1991 год, поехав на 10 месяцев. Стажировки были 6-месячные и 10-месячные. Причём привилегированными – для докторов наук – были, как ни странно, более короткие. А кандидатам полагались длительные – в 10 месяцев. Я, несмотря на свой более высокий статус доктора, предпочёл выехать на максимальный срок и чувствовал себя прекрасно в Пекинском университете, где проходил стажировку. Проникся интересом к реальному Китаю, что не всегда бывает с книжниками и древниками. К сожалению, практически освоился там только к концу пребывания. И у меня сложилось впечатление, что обычному человеку нужно, как минимум, два года, а ещё лучше – три, чтобы освоиться в столь специфичной стране. Оставшись, как минимум, ещё на год, я бы почувствовал себя по-настоящему компетентным в китайской жизни, а тут пребывание и до года не дотягивало. Когда я это понял, то стал выяснять, как можно остаться подольше. И обнаружил интересный факт: китайская сторона предоставляла годовую визу и право бесплатного пребывания по месту стажировки также в течение года, а советская сторона выплачивала стипендию только 10 месяцев. Причём примерно с середины срока из-за того, что на родине назревала катастрофа, началась нервотрепка с получением денег, которые выдавались через посольство. Оно же использовало «советские» методы, заставляя нас участвовать во всяких реликтовых мероприятиях, приходить на ленинский субботник и грозя невыплатой стипендий в случае неявки. В правовом смысле такие угрозы были абсурдны, поскольку за свое денежное содержание я сам заплатил ещё в Москве. Обнаружив возможность продления своего пребывания в Китае ещё на 2 месяца, я обратился в посольство с заявлением, что мне не требуются никакие дополнительные выплаты, что я готов на самообеспечении пробыть в Китае ещё 2 месяца в соответствии с условиями приёма и здравым смыслом, так как именно это мне надо для повышения квалификации. В ответ я получил в посольстве страшный афронт, который меня просто поразил. Я вопрошал: «Вы же послали меня повышать квалификацию! Китайская сторона в соответствии с договором предоставила условия для пребывания в течение года. Почему же вы меня отправляете раньше срока?» Вразумительного ответа не было, зато посольство всеми силами стремилось выпроводить всех стажёров пораньше. Надо признать, что никто кроме меня и не возражал. Причина была проста: товарный и валютный дисбаланс между двумя странами достиг такого уровня, что все к концу стажировки полностью растрачивали драгоценную валюту на неумеренные благоприоб-

ретения. Позиция посольства также мотивировалась экономически, но до идиотизма мелочно. Оно просто экономило валюту, отправляя людей на родину даже раньше срока на неделю или несколько дней. Платили только до пересечения границы, и оставшаяся валютная разница становилась чьей-то прибылью. А ценность валюты росла как на дрожжах. Нам выдавали стипендию в долларах США, которые мы должны были официально менять не на простые и неконвертируемые юани, а на полуконвертируемые *вайхуры*, которые на чёрном рынке стоили несколько дороже. Отправляясь в Китай в 1990 году, я оплачивал стажировку из расчёта 60 копеек за доллар, хотя на чёрном рынке он уже стоил 10–20 рублей, а когда вернулся в 1991 году, его стоимость достигла 30 рублей и стремительно увеличивалась. В такой ситуации мне просто пришлось преодолевать большие трудности. В посольстве решили меня испугать: «Всё, мы тогда за вас не отвечаем! Покупайте себе обратный билет сами!» – на что я ответил: «Никакой в этом проблемы нет. С удовольствием куплю себе билет». Охваченный наивным восторгом китаиста, впервые добравшегося до Китая, я ещё не понимал всей сложности билетной проблемы, но мне удалось остаться. Более того, я ещё и семью пригласил и был очень доволен. Но вернулся я в институт 19 августа 1991 года. Что называется, «возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал». Выйдя из стен института, я наблюдал вызванную путчем демонстрацию москвичей. Я уже говорил, что жил около гостиницы «Украина», буквально в 500 метрах от Белого дома. Поэтому своими глазами наблюдал события и 1991, и 1993 года. В общем, Китай существенно изменил и мою личную жизнь, и научные интересы.

ВГ: Как же он их изменил?

АК: Во-первых, я начал говорить по-китайски. И активно общаться с китайцами. Был снят языковой барьер. Потому что до этого никакой разговорной практики не было вообще, и разговорный язык был не нужен. Я даже нанял в Китае студента, который приходил ко мне, и мы регулярно с ним разговаривали. До поездки в Китай я преимущественно занимался китайской философией. А тут понял и осознал всё богатство китайской культуры, после чего произошли два изменения: теоретическое и практическое. Теоретическое – обращение к исследованию китайской культуры в целом, благодаря чему, в частности, я сейчас возглавляю кафедру культурологии в Физтехе, где читаю культурологический курс, связанный с Китаем. Одна из моих важнейших исследовательских тем – выявление специфики китайской культуры как главной глобальной альтернативы западной культуре. У меня есть своя теория, и в соответствующих справочниках я представлен как автор такой теории глобальной бинарности мировой культуры. Практически изменение выразилось в том, что я начал активно общаться с китайцами, принял для себя план максимального

знакомства с китайской культурой в реальном воплощении. Потом у меня был ещё целый десятилетний пробел, в силу опять же не моих желаний, а резко изменившихся в «лихие девяностые» условий жизни. Но с 2002 года я каждый год езжу в Китай, иногда даже дважды. Каждый раз примерно на месяц. И стремлюсь объездить весь Китай, как минимум, на уровне всех столиц, исторических городов и центров провинций.

ВГ: В тот первый годовой визит у вас был перед отъездом какой-то официальный инструктаж о правилах проживания и поведения в Китае?

АК: Нет. Это был уже 1990 год, государственная система уже разбалансировалась. Всё быстро изменялось, идеологические «шоры» спали. Началась всеобщая коммерциализация, с людей стали повсюду брать деньги. Идеологическую накачку сменил лозунг «Гони монету!».

ВГ: Вы стажировались при Пекинском университете. На каком факультете?

АК: В связи с тем, что у меня была 10-месячная стажировка, я оказался на филологическом факультете. Предполагалось, что «6-месячники» должны заниматься наукой и консультироваться, а «10-месячники» – изучать язык. Что мне и нужно было. Потому что по своей специальности я в особой помощи не нуждался, будучи уже доктором наук. Единственным был, кстати, доктором наук в том заезде, что, в частности, обусловливало очень приличное денежное содержание – более 500 долларов США. Тогда в Китае это были большие деньги, дававшие возможность обеспечить себя литературой на всю оставшуюся жизнь, что я во многом и осуществил. В Пекинском университете я познакомился с приглашённым профессором, известным американским синологом *Роджером Эймсом* из Гавайского университета, который, удивляясь, говорил, что получает меньше. Тут мы не ударили в грязь лицом. В этом смысле я чувствовал себя комфортно. Мне нужно было только совершенствоваться в разговорном языке.

ВГ: Удалось ли в тот год установить какие-то знакомства, рабочие связи с китайскими и другими зарубежными коллегами?

АК: Я жил в общежитии для иностранцев под названием «Шао юань» 勺院, где царила непривычная для советских людей интернациональная атмосфера. Я общался с американцами, с заезжим профессором Эймсом, чью статью «Chinese Rationality: an Oxymoron?» я потом опубликовал в сборнике «Рационалистическая традиция и современность: Китай» (М., 1993), с работавшим в Пекинском университете профессором Стивеном Вестом, который потом стал членом редколлегии альманаха «Петербургское востоковедение». Познакомился с канадским доктором, занимавшимся китайской медициной, долго жившим в Китае и удивившим меня отсутствием какого-либо собственного жилья на родине, а, соответственно, и постоянного почтового адреса. Он лечил иголками моего сына. Там встре-

чались подобные колоритные космополиты. Была тесная группа питерцев, с которыми я особенно сдружился: историк религии и философии, даолог *Торчинов Евгений Алексеевич*, филолог и этнограф *Алимов Игорь Александрович* и буддолог *Ермаков Михаил Евгеньевич*. Первого и последнего из них, увы, уже нет в живых. Там же стажировались *Д.А. Смирнов* из ИДВ и *А.А. Селезнёв*, которого я позднее, в 1994 году, привлёк к совместному переводу статьи о самом интересном и загадочном китайском романе *Цзинь пин мэй* («Цзинь, Пин, Мэй» или «Цветы сливы в золотой вазе»). В какой-то момент на полулегальном положении там же оказался «человек-оркестр» *Виногродский Бронислав Брониславович*, который, попав в авантюрную историю, лишился жилья, и которого я с удовольствием приютил в нашем общежитии. Тогда я уже начал заниматься ещё одной «пионерской» темой – китайской эротологией и эротической литературой. В то время не переиздавались соответствующие тексты, старые же были практически недоступны. Я сумел проникнуть в библиотечный спецхран Пекинского университета и нашёл там эротические романы, в частности, «Продолжение Цзинь пин мэй». Но доступ к ним был ограничен. *Цзинь пин мэй* и его продолжения уже публиковались в КНР, однако с большими купюрами. Незадолго перед этим, в 1989 году, был издан один вариант полного текста великого романа. Но доступ к его приобретению имели «под роспись» только филологи не ниже докторов наук, да ещё за 150 долларов. Тогда это была страшная сумма для китайцев! Для нас тоже немалая, и хотя я готов был с нею расстаться во имя науки, достать книгу так и не удалось. Кстати, потом в КНР стали из-под полы продаваться гонконгские и тайваньские издания, а в самое последнее время появились собственные – красивые факсимиле в традиционных переплётах, весьма малотиражные и столь же дорогие – уже в тысячи долларов. Тогда же мне нужно было вручную переписывать купированные фрагменты, чтобы иметь полный оригинал для перевода. Но времени не хватало, а вырезалось немало. К примеру, общий объём купюр из этого романа сопоставим с *Лунь юем*. Портативных копировальных аппаратов тогда практически не было, а в книгохранилище, куда я попал, отсутствовал и обычный ксерокс. Поэтому я попросил одного из библиотекарей помочь мне в копировании, и он с поразительной любезностью всё что нужно переписал и безвозмездно вручил мне. Но поскольку он тоже спешил, то переписал скорописью, которую я не мог разобрать. Как я уже сказал, ко мне в общежитие за небольшое вознаграждение ходил студент, с которым я тренировался в развитии устной речи и у которого выяснял разные детали бытовой жизни. По моей просьбе он заново переписал нескромные пассажи хорошо читаемым почерком, не взяв за это денег. Так я добывал культурную информацию в Китае с безвозмездной помощью интеллигентных людей, для которых, наверно, она тоже была нова и интересна.

В Пекине я также общался с уже упомянутым Юй Ином. По его приглашению был у него в доме. Подобные визиты в то время были редки, почти за целый год я ещё был в гостях только у вышеназванного милого студента и преподавателя китайского языка, пригласившего всю группу обучавшихся им иностранцев. Очень большое внимание к нам проявляли разные китайские коммерсанты. Как раз тогда в Россию хлынула волна торговцев-челноков. Вообще, времена были интересные! Например, я стал свидетелем «железнодорожной войны», неожиданно разразившейся весной и летом 1991 года между СССР и Китаем. Суть дела в том, что билеты на поезд из одной страны в другую стоили в Пекине 200 долларов, а в Москве – 20. Этот дисбаланс создавал спекулятивное и вызываемое им всякое прочее напряжение, в том числе искусственный билетный дефицит, которым меня пугали в посольстве. Вспоминается следующий эпизод. В марте мы отправляли на родину своих коллег, стажировавшихся полгода. Обременённые с ног до головы поклажей, они днём отправились на поезд. Уже убрали их комнаты, кто-то разобрал оставшиеся вещи. И вдруг, все возвращаются вечером! Они не смогли сесть на поезд! Почему не смогли? Потому что на Пекинском вокзале поезд подали на перрон за 10 минут до отправки, и вся эта публика со своим многочисленным багажом не успевала сесть в него! В следующий раз наши наученные горьким опытом соотечественники попытались заранее занять стартовые места на перроне, но доступу туда помешали закрытые на замок двери. За этим последовали попытки влезать через окна, после чего их тоже наглухо закрыли. Осатаневшие отъезжающие стали выламывать окна. Тогда их запаяли металлом. Надо признать, что китайские власти не были инициаторами подобных «козьих потягушек». Они отвечали на ещё более резкие действия, которые производились с китайцами в Москве. Я же наблюдал их столь далёкое и неприятное эхо.

В такой обстановке, как я уже отметил, наше посольство всячески пыталось поскорее отправить своих подопечных восвояси. В порядке навязчивого сервиса его сотрудники сами покупали уезжающим билеты на поезд с максимально ранней датой выезда. Я же отказался от этой «данайской помощи», сочтя пребывание в изучаемой стране гораздо более важным, чем получение денег, и этим аргументом отбил все попытки советских бюрократов сплавить меня с общим потоком. Отправившись в «свободное плавание», я сам столкнулся с железнодорожной проблемой. У меня был купленный в Москве билет на поезд, но на Пекинском вокзале я никак не мог получить на него посадочное место. Добился я его совершенно случайно, даже не поняв сначала, что произошло. У меня затерялась среди бумаг 20-долларовая купюра, которую я невольно передал продавцу билетов. Потом я обнаружил её пропажу. Продавец же с неожиданной любезностью

вдруг выдал мне ранее недоступное место. Сам того не желая, я дал ему взятку!

Я, как и большинство моих сограждан тогда, ехал в Китай и обратно на поезде 7 суток. Это отдельное сильное впечатление, которого я с тех пор уже не испытывал, путешествуя туда только на самолёте. В то время испытывавшие острый товарный голод советские люди затоваривались в Китае до умопомрачения всяким ширпотребом и бытовой техникой. Благодаря этому езда в поезде представляла собой особое испытание. Пассажиры, ехавшие домой после полугода или десяти месяцев пребывания в товарном раю, везли с собой огромное количество вещей! У каждого – десятки мест. Голь на выдумки хитра, умельцы мастерили специальные доски, которые укладывали между верхними полками для заполнения багажом. Жуткое дело! Всё купе забивалось сверху донизу. Где и как там люди спали, мне до сих пор непонятно. По-моему, они просто проводили в коридоре всю неделю путешествия.

Признаюсь, что я тоже неплохо обжился, главным образом, обзаведясь неимоверным количеством книг, поскольку именно в конце 1980-х – начале 1990-х годов в КНР стала выходить в свет масса ценнейшей литературы, а в нашу страну она, напротив, перестала поступать, даже в библиотеки. К тому же к концу стажировки со мною были десятилетний сын и жена, естественно, со своими вещами. В итоге, чтобы нормально уехать, т. е. успеть сесть на поезд, мне пришлось пригласить на проводы десяток или полтора китайских друзей и знакомых, вручив каждому по два предмета багажа. Только благодаря этой стратагеме я смог пробиться сквозь толпу на перроне и своевременно погрузиться в вагон. Иначе я бы не успел, как мои вышеупомянутые предшественники на этом тернистом пути!

ВГ: Знакомая история. Я точно так же выезжал из Пекина в мае 1992 года.

АК: В связи с подобными перипетиями и не только образовалось много китайских друзей. Практически все они стремились к нам, поскольку выезд за границу чрезвычайно престижен и выгоден. Целому ряду из них я отправил личные приглашения. Но они так и не приехали, потому что всё оборвалось в 1991 году. Следующий разрыв связей произошёл в 1993-м, в результате чего я ещё на десятилетие потерял возможность пребывания в Китае. Но зато с 2002 года стал его регулярно посещать.

ВГ: Хочу попросить вас осветить в общих чертах уже упомянутую тему китайского эроса. Как она возникла в вашей научной деятельности? И какое место вы ей отводите?

АК: Хотя эта тема может показаться фривольной, мотивы обращения к ней вполне научны. У нас до рубежа 1980–1990-х годов прошлого века она была белым пятном, т. е. совершенно не исследовалась, и обра-

щение к этой оригинальной проблематике казалось интересным и перспективным. Ранее ею просто не давали заниматься, это было невозможно по цензурно-идеологическим причинам. А когда цензура пала, сыграли роль два фактора. Во-первых, научно новая и нескучная тема. Во-вторых, с коммерческим потенциалом, т. е. возможностью свободно публиковать результаты, не клянчить у начальства на это деньги и даже получать гонорары. Я понял, что нашёл счастливое сочетание стопроцентной научности с общественной востребованностью и коммерческой привлекательностью. Этим достаточно крупным проектом заинтересовалось одно из ведущих в то время частных издательств, которое согласилось издать красивую книгу альбомного типа и даже субсидировало мою командировку в Ленинград для поисков и съёмки иллюстраций в музейных и библиотечных спецхранах. В переговорах с издателями сложилась правильная установка на то, что тексты новаторского научно-художественного сборника должен сопровождать соответствующий визуальный ряд. Чтобы пояснить, насколько всё это было сложно, могу сказать следующее. До того, как я начал заниматься этой темой в конце 1980-х годов, на русском языке по ней было опубликовано только полстатьи (вторая половина – о древнеиндийской эротологии), и всё. Даже у китайцев не было доступа к древним эротологическим текстам, поскольку действовал цензурный принцип «выметания жёлтого» (*сао хуан*). Сейчас не только его действие перестало распространяться на научную тематику, но и начала вызывать сомнение сама формула, так как ассоциируемый на Западе с пошлостью и порнографией жёлтый цвет в Китае является атрибутом центрального первоэлемента – земли и главного человека – императора. В упомянутой мною единственной отечественной публикации данная тема эвфемистически была названа «одной дидактической традицией». Хотя включающий её и подготовленный нашим отделом сборник посвящён Китаю – «Роль традиций в истории и культуре Китая» (М., 1972), его касается половина статьи, а вторая – Индии. Индологическая часть была написана *А.Я. Сыркиным*, позднее, в 1977 году, эмигрировавшим в Израиль и в 1993 году опубликовавшим в Москве русский перевод мирового бестселлера – «Камасутры», а синологическая – *И.И. Соколовой*, переводившей *Хань Юя* и *Лю Цзун-чжоу*. Поскольку она до этого также покинула СССР, переехала во Францию и рассталась с отечественной китаистикой, для начала большого труда стоило установить с нею контакт. Когда же я всё-таки сумел до неё дозвониться и обратился с вопросом, где можно взять первоисточники, т. е. эротологические тексты, изданные в Китае в начале XX века замечательным учёным *Дэ-хуэем*, она на удивление отказалась сообщить мне даже имя коллеги, который ими располагал. После такого обескураживающего разговора я просто вычислил владельца редкого издания, начав размышлять: кто истинный библиофил, и кто мог вывезти его из Китая в 1950-е

годы. Оказалось, что он находился совсем рядом, работал в нашем отделе. Это был *Е.П. Синицын*, проявивший исключительную отзывчивость и тут же вручивший мне все необходимые тексты без всяких затруднений. При этом он выказал редкую научную честность: будучи одним из лучших знатоков вэньяня, сказал, что не может перевести эти трактаты из-за их специфической сложности. Тогда мне самому пришлось взяться за дело. Перевёл один трактат и понял, что в одиночку всё не одолею. Поэтому организовал творческий коллектив, в который вошли коллеги из Института востоковедения – *С.И. Блюмхен, К.И. Голыгина, Е.В. Завадская, А.Д. Дикарёв*, ранее упомянутый Б.Б. Виногродский и известный мастер художественного перевода *Д.Н. Воскресенский*, который, как удачно совпало, перевёл к тому времени второй по значимости китайский эротический роман – «Подстилка из плоти» (*Жоу пу туань*) Ли Юя. Позднее он его стал публиковать под менее ярким названием «Полуночник Вэйян». Но самое главное, я привлёк к этой работе уникального знатока китайского языка *В.С. Таскина*. И тоже – удивительное дело – мне казалось, что у этого весьма пожилого человека старой закалки обращение к подобной тематике вызовет отторжение или, по крайней мере, трудности. Ничего подобного! Он взялся за дело как молодой энтузиаст, выполнив всё быстро и наилучшим образом.

ВГ: Можно сказать, что вы реализовали этот проект довольно успешно. Вышла большая книга «Китайский эрос», и это был действительный прорыв. Появилось много сопутствующих статей.

АК: Да, это было действительно большое достижение, пионерское издание. Увидели свет 50 000 экземпляров книги. Это был огромный тираж, который разошёлся сразу. Книга вышла, как и «Камасутра», на русском, в 1993 году, но должна была появиться ещё в 1990-м. На технической странице написано, что она сдана в набор в 1990-м и подписана к печати в 1991 году. Я ожидал её публикации, когда ещё находился в Китае. Но жизнь сложна и полна неожиданностей. К примеру, ещё советские цензурные рогатки я преодолел с помощью выдающегося учёного-первопроходца *И.С. Кона*, написавшего предисловие, которое начинается словами: «Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой явление, редкое в мировой и беспрецедентное в отечественной литературе». В новой России возникли и новые проблемы. Весьма преуспевавшее и богатое издательство рухнуло, его директора арестовали. В общем, произошла целая уголовно-детективная история. И лишь через три года книгу выпустило совсем другое издательство – правда, правопреемник первого. Занимаясь этим проектом, я разработал план издания не только данной книги, но целой серии. По прошествии многих лет, подводя итоги при написании статьи «Эротология» в 5-й том энциклопедии «Духовная культу-

ра Китая», я вдруг с удивлением обнаружил, что этот план в значительной степени реализовался. Появилось много работ и публикаций, тема пошла и была в значительной мере раскрыта. По своему масштабу она подошла бы для целого института! Тем не менее, правильно организованная работа, удачно собранный коллектив и достаточное финансирование позволили её выполнить, сравнительно с задачей, совсем небольшими силами. Это счастливый пример самостоятельной и уже довольно давней реализации схемы, к которой нас теперь призывают и даже принуждают руководители науки и образования: смелый научный проект–актуальная тема–целевое финансирование–стратегические решения–практические достижения.

ВГ: Когда появилась в вашей жизни энциклопедическая тема как особый проект? И почему?

АК: Я уже обозначил эту тему пунктиром. Сначала возник теоретический интерес к особенностям китайской философии. Её понимание дают наиболее общие и специфичные понятия, т. е. категории, играющие роль своеобразного генотипа. Я составил список этих категорий и стал интересоваться аналогичными работами предшественников. Дальше начал их одну за другой последовательно описывать – совершенно независимо, но, как позднее выяснилось, сходным образом с тем, что тогда же начали делать китайские коллеги, обратившиеся от марксистских схем к собственному философскому наследию. Просто писал и печатал статьи по отдельным категориям. Скажем, рассматривая основополагающие философские понятия *ю* 有 и *у* 無, я самостоятельно пришёл к фундаментальному выводу, что это не «бытие» и «небытие», а «наличие» и «отсутствие». Потом, правда, обнаружил, что до меня это описал один из крупнейших синологов XX века, англичанин *Ангус Грэм*. *Шэнь* 身 – «личность, тело» – тоже своеобразная категория, аналога которой нет на Западе, где тело принципиально отличается от личности как души и никоим образом не охватывается одним философским понятием. О *шэнь* я написал большую статью, опубликованную в 1979 году в журнале «Народы Азии и Африки» (ныне – «Восток»). Потом последовало уже упомянутое общее обсуждение, круглый стол, синоптический список категорий и наиболее общих понятий. А дальше был энциклопедический словарь «Китайская философия», создание которого инициировал М.Л. Титаренко как историк китайской философии и государственно мыслящий человек, реализовавший возникшую в новых условиях возможность. Перед этим, с началом в 1985 году «горбачёвских» перемен, он плавно перешёл от политико-идеологической работы в ЦК КПСС к научно-административной во главе ИДВ АН СССР и, соответственно, как любой директор академического института, готовился стать членом-корреспондентом РАН, набирая научный вес в академической тематике и привлекая ценных специалистов. В частности, в 1985 г. М.Л. Ти-

таренко издал в качестве монографии о Мо-цзы свою кандидатскую диссертацию, защищённую двумя десятилетиями раньше. Такая задержка была, видимо, вызвана «великой культурной революцией», разразившейся вскоре после защиты и переключившей его внимание с моизма на маоизм, критике которого он посвятил докторскую диссертацию 1979 года. Возвращение к старой теме напоминало переход от войны к миру и перековку меча на орало, поскольку маоизм им трактовался как «идеология и политика войны», а моизм – философия мира и «всеобщей любви» (*цзянь ай*). Книгу М.Л. Титаренко искусно отредактировал *А.Г. Юркевич*, приглашённый после этого на работу в ИДВ и сыгравший, в качестве ответственного секретаря редколлегии, заглавную роль в создании пионерского словаря «Китайская философия», где мне довелось стать членом редколлегии и самым плодовитым автором.

Следует учесть ещё одно обстоятельство – после пятитомной «Философской энциклопедии», которая издавалась в «пёстрое» десятилетие, с 1960 по 1970 год, и, подобно кентавру, была наполовину идеологической, а наполовину научной, в разгар перестройки, в 1989 году увидело свет качественно новое второе издание «Философского энциклопедического словаря». Достаточно сказать, что первым в редколлегии значился *С.С. Аверинцев*. К тому времени основной автор достойных синологических статей в двух последних томах «Философской энциклопедии» – В.А. Рубин уже покинул пределы не только нашей страны, но и земного бытия. Поэтому издательство «Советская энциклопедия» стало искать ему замену. Нашли меня, я увлёкся и написал наибольшее количество статей. Постепенно превратился в заправского энциклопедиста, участвуя во всех крупных энциклопедиях, которые уже изданы и продолжают издаваться. В том числе электронных, каковой, например, является «Кругосвет». Первоначально это был один из больших гуманитарных проектов *Дж. Сороса*, который выкупил американскую «Энциклопедию Кольера», вторую после знаменитой «Британики», более простую англоязычную энциклопедию. Планировалось её русифицировать на 10 % и издать обычным образом на бумаге, чтобы в постсоветской России иметь альтернативу «Большой советской энциклопедии». Но в итоге, после проведения длительной и серьёзной работы, оказалось возможным опубликовать только электронную версию, которая сначала в 2002 году появилась на электронных дисках, а потом – в сети. Тогда же, в 2002 году, вышла и четырёхтомная «Новая философская энциклопедия», которая, кстати, тоже получила Государственную премию. И в ней я написал наибольшее количество статей по китайской философии. Сейчас продолжают выходить тома «Большой Российской Энциклопедии», «Новой Российской Энциклопедии», «Православной Энциклопедии», которая, по сути, является большой гуманитарной энциклопедией. Во всех этих изданиях сам спрос обусловил предложение с моей стороны,

я считаю эту научно-просветительскую работу своим профессиональным долгом.

В общем, у меня образовался большой задел энциклопедических материалов. После несомненного во всех отношениях успеха «Китайской философии», изданного рекордным тиражом 10 000 экземпляров, у директора ИДВ возникла закономерная мысль подняться на более высокий энциклопедический уровень. Поэтому с 1994 года десять с лишним лет силами сотрудников института под неформальным руководством А.Г. Юркевича готовился прототип энциклопедии «Духовная культура Китая». К 2005 году сформировался двухтомник объёмом около 150 авторских листов, который был представлен как готовый продукт в академическое издательство «Восточная литература». Но неожиданно рецензенты и компетентное издательство признали его крайне неудачным, попросту некачественным. Координатор проекта А.Г. Юркевич, опрометчиво взваливший на себя непосильный груз, не получивший достаточной поддержки от впавших в апатию исполнителей и не сумевший преодолеть ошибочную ограниченность их круга стенами одного института, поссорился с основными фигурантами и перешёл преподавать в РУДН. Коллектив распался, дальнейшие инициативы сталкивались с обструкцией. Попросту говоря, всем всё надоело. Корнем зла, на мой взгляд, была неправильная установка на создание энциклопедии преимущественно сотрудниками ИДВ. Для решения такой грандиозной задачи недостаточно и сил одной национальной синологии, по существу – это международный проект. В сложившейся тяжёлой ситуации М.Л. Титаренко попросил меня написать рецензию и оценить остроту проблемы. Я нелицеприятно высказал своё негативное мнение и предложил всё устроить принципиально по-новому, а именно: создать свод достижений всей российской синологии, а не ограничиваться плодами деятельности Института Дальнего Востока. Моё предложение было принято. Для его осуществления образовали новую организационную структуру, в которой директор, как главный редактор, отвечал в целом за проект, т. е. прежде всего за формат, объём, сроки исполнения, финансирование, кадровое обеспечение и т. п. На втором уровне руководства, как заместители главного редактора, действовали мы с моим однокурсником *А.Е. Лукьяновым*. Будучи руководителем одного из важных подразделений ИДВ, он отвечал главным образом за выполнение сотрудниками института огромной научно-технической работы, обусловленной большим объёмом (около 500 а.л., или более 5500 страниц) и сложной архитектоникой всего издания, охватывающего свыше 2000 статей, написанных более чем сотней авторов, снабжённых тысячами иллюстраций и богатым научным аппаратом с непременной иероглификой. Только проверка и обработка всей этой информации, уж не говоря про её поиск и превращение в энциклопедический продукт, – чрезвычайно сложная и трудоёмкая вещь.

В мои же обязанности входило привлечение внешних и новых авторов, расширение словника и соответствующий поиск недостающих статей, т. е. в основном вопросы, связанные с «начинкой» этого продукта, его содержанием. Однако приходилось по ходу дела решать самые разнообразные задачи: от сугубо творческих – по написанию новых статей (и я их написал больше любого другого автора, причём единственный – во всех шести томах) или разработке архитектоники, дизайна и марки издания, и до технических – по подбору иллюстраций и проверке указателей. Дополнительным – и контролирующим, и сотворческим – органом выступило издательство «Восточная литература», прежде всего в лице директора, профессиональной китаистки *Светланы Михайловны Аникеевой*, которая сыграла важную организующую роль не только как администратор, но и как член редколлегии и научный редактор. Столь же творчески подошёл к делу и занимавшийся художественным оформлением и макетом *Игорь Иванович Меланьин*, истинный любитель книги и ныне заместитель главного редактора журнала «Восточная коллекция», издаваемого Российской государственной библиотекой (ранее – Ленинка). И ещё я добился того, чтобы мы не просто обобщали и энциклопедически «упаковывали» уже известные материалы, т. е. снимали информационные «сливки», но и по ходу дела дорабатывали имеющиеся и писали новые. Проект одновременно стал исследовательским, и за пять лет издательской работы было сделано немало интересных открытий, отражённых лишь в этой энциклопедии и нигде более.

ВГ: Сейчас мы с вами говорим уже об энциклопедии «Духовная культура Китая»?

АК: Да, такой была моя энциклопедическая «карьера»: от участия в новаторском «Философском энциклопедическом словаре» 1989 года до этого совершенно оригинального издания, завершённого в 2010 году.

ВГ: И в этой связи были отмечены Государственной премией. Вы не подсчитывали, как это любят китайские коллеги, сколько примерно человек (авторов) участвовало в этом проекте?

АК: Авторов, по-моему, около 140. Есть, увы, и уже почившие. Реально участвовавших в процессе написания было, наверно, несколько десятков человек.

ВГ: Как вы оцениваете значимость этого теперь уже выполненного проекта? И планируется ли продолжение или переиздание этой энциклопедии?

АК: Этот проект успешен в разных аспектах. В том числе и по интересу к нему со стороны читателей. Первые два тома быстро разошлись. В 2010 году увидел свет последний том, а в 2011 году уже были переизданы два первых. В целом это действительно грандиозный, беспрецедентный

проект. Я серьёзно готовился к работе в нём и предварительно изучил всё сделанное до нас. Надо было разработать новую модель, опираясь на ранее достигнутое.

ВГ: Изучили глобальный опыт предшественников?

АК: Совершенно верно. Самая основательная из предыдущих попыток была предпринята синологическим сообществом всего мира в соответствии с принятой в 1986 году на международной конференции в Неаполе концепцией всеобъёмлющей «Энциклопедии китайской истории и культуры». В этом хорошо финансировавшемся проекте участвовали крупнейшие синологи из разных стран, координационные центры располагались в США и Италии. Организаторы рассылали циркулярные письма во все концы света, вплоть до Японии и СССР. Был разработан и издан проспект, предполагавший выпуск 10 томов. Бюджет составлял 200 000 долларов США в год. Тогда это были огромные деньги. И, несмотря на столь прекрасные предпосылки, ничего не получилось! Не вышел ни один том! Однако я использовал этот негативный опыт, и у нас получилось! Более того, мы значительно перевыполнили первоначальный план. Во всём нашем издании весьма заметен рост объёма. Сначала планировалась, как отражено в подзаголовке, «энциклопедия в пяти томах» по 50 авторских листов в каждом. Но в итоге выдали на-гора шесть томов, и если первый увеличился до 60 листов, то последний – уже до 90! Последний том по искусству, из-за нарушения заявленного количества томов условно названный дополнительным, еле уместился в технологически допустимый формат. Для этого пришлось лишиться дизайнерского изыска в виде свободных полей по краям страниц. Не только объёмы, но и качество возрастало по мере работы. Ярким подтверждением высококачественности полученного результата может служить признание не только в родном отечестве, но и в самом Китае, где уже принято решение о переводе этой энциклопедии на китайский язык. Осуществляется это в Сычуаньском университете.

ВГ: Я слышал, что этот проект курирует известный русист, профессор Лю Я-дин. Но тут, уж позвольте, у меня есть некоторые сомнения. Есть ли смысл переводить на китайский язык некоторые вещи? И возможно ли перевести обратно на китайский те тексты, которые были переведены на русский с китайского же языка? Как это выполнить технически?

АК: Я с вами согласен в том, что здесь есть проблемы. Более того, мною и другими коллегами отмечен целый ряд опечаток, неточностей и ошибок. В этом нет ничего страшного – дело живое! Но, к сожалению, наш руководитель, на мой взгляд, совершил принципиальную ошибку, отказавшись от продолжения хорошо налаженной работы, вместо того чтобы её, напротив, развивать. С моей точки зрения, никакая награда тут не должна считаться концом истории. Самая главная и очевидная претензия, по-моему, и вы

её высказывали, состоит в неполноте охваченного материала. Но моя идея была в том, чтобы обобщённо отразить всё самое ценное из имеющегося и, опираясь на этот надёжный фундамент, двинуться дальше. Сразу после публикации 6-го тома в редколлегии речь шла о 7-м и 8-м, вообще о продолжении. Увы, Россия славна недостроями. Сколько прекрасно начатых изданий не нашли своего завершения или даже продолжения! Поэтому, слава тебе Господи, хоть завершили! Но я убеждён, что эту энциклопедию необходимо ПРОДОЛЖАТЬ! База построена, и можно совершить просто феноменальный рывок! Но, повторяю, подобное явление типично для России. В области синологии предшествующая госпремия была дана почти три десятилетия тому назад за другое мировое достижение – четырёхтомный «Большой китайско-русский словарь». Для своего времени это был китайско-иноязычный словарь № 1. Безусловно, его надо было продолжать и выводить на новый уровень, а вместо этого все работы свернули и занимавшуюся им группу распустили!

ВГ: Пока мы не продолжаем, плодами наших усилий воспользовались китайские коллеги. И все, кому не лень.

АК: Совершенно верно. Во-первых, его успели переиздать в Китае пиратским образом: сначала факсимильно без выходных данных, а затем, переформатировав по фонетическому принципу, в двух томах в Чанчуне в 1992 году, с переизданием в 1993-м. Во-вторых, он был использован потом уже для совершенно самовольного заполнения электронных гаджетов. Но что делать?! Сами виноваты. Да и у нас его самопальная электронная версия используется и распространяется в сети без всяких лицензий и серьёзных научных усовершенствований.

ВГ: Наш разговор постепенно подходит к вопросу о делах и состоянии всего отечественного китаеведения. Если рассматривать в глобальном контексте, в чём, на ваш взгляд, состоит его особенность и главное отличие от зарубежной, прежде всего западной, синологии в целом?

АК: Безусловно, в нём есть своя специфика, как и во многом другом, созданном в России. Прежде всего, первые контакты с Китаем были совсем другими, нежели у Запада, который проникал туда с юга и по морю либо по Великому шёлковому пути. А мы – по суше и с севера. С этих разных сторон Китай ещё с античности виделся поразному – как две страны: одна населённая *серами*, другая – *синами*. Это различие связано не только с разницей в контактах, как в притче о слепых, описывавших слона, оно отражает древнейшее и сущностное деление на Север и Юг как два разных очага китайской цивилизации. Уходящий в архаические глубины принцип полярной бинарности пронизывает все китайские реалии от быта до осмысления бытия, а в пространственном аспекте он более известен по оппозиции Восток–Запад. Повторяю, «наш» Китай – северный, весьма отличный

от южного. Даже антропологически северяне – совсем иные, чем южане, не говоря уж о различиях в материальной и духовной культуре. Исторически наше взаимодействие с Китаем имеет одно сходство с западным: его первые настоящие исследователи из России и Западной Европы были духовными лицами. Это европейские миссионеры, в первую очередь католики-иезуиты, и члены Российской духовной миссии в Пекине, основанной Петром I в 1715 году. С другой стороны, там и тут были важные различия в мотивировках. Изначально и по замыслу наша миссия представляла собою государственное предприятие, а на Западе преобладала частная или церковная инициатива, причём в её особом культуртрегерском варианте – сначала католиков-иезуитов, а потом и англо-американских протестантов. За этим не было государственного заказа. История же российского китаеведения показывает, что оно процветало тогда, когда получало государственную поддержку. Наверное, такова одна из его особенностей. Кроме того, очень важно, что мы – непосредственные соседи. Взаимное присутствие большого количества людей там и тут, своего рода человеческая диффузия – тоже кардинальный фактор, порождающий довольно сложные, порой противоречивые процессы. В некоторые периоды тесного сближения двух стран и, соответственно, наибольшего перемещения их граждан в ту и другую сторону вдруг оказывалось, что научный потенциал понижался, хотя, по логике вещей, должен был повышаться. И наоборот, в периоды отчуждения, изоляции и даже прямой конфронтации вдруг оказывалось, что наука о противоположной стороне расцветала. Объяснение в том, что речь идёт о двух разных сферах: академической синологии и практического познания Китая. Они даже терминологически различаются как ***китаеведение*** (***синология***) и ***китаистика***.

Китаистика – это практическое освоение языка или языков и знаний о бытовой жизни, политических и социально-экономических реалиях. А ***китаеведение***, или ***синология***, – знание культурных основ, воплощённых в философии, литературе, истории, освоение не только разговорного, но и письменно-литературного китайского языка (*вэньяня*), и всего, что с этим связано. Процессы развития этих двух дисциплин – разные. Они могут совпадать или не совпадать. Иногда даже находятся в контрфазах. И это ещё одна особенность. Что можно добавить? Были у нас в XX веке особые отношения с Китаем. Такие, каких не было ни с одной другой страной в мире. Это, естественно, сказалось на образах, которые сложились в двух странах друг о друге. Шлейф отношений «великой дружбы» и «вечного братства» середины XX века до сих пор ощутим, поскольку ещё есть живые свидетели и остались значимые документы. Это был исторически недолгий, но очень важный период, который позволил нам многое узнать друг о друге и выйти на передовые рубежи синологических исследований.

ВГ: Если взять конкретно область ваших исследований и ведущих подобные исследования западных коллег, имеются ли какие-то принципиальные, сущностные различия в подходах, выборе тем, методологии, выводах?

АК: Исторически наша наука была всё же более ангажированной. Я говорил, что она родилась как государственное предприятие, связанное с православной церковью, в значительной мере тоже огосударствлённой. В СССР действовали содержательно иные, даже противоположные – атеистические, но не менее жёсткие идеологические и тематические ограничители. Так что зоны и периоды свободного исследования были невелики. Сейчас, начиная с 1991 года, подобные препоны пали, но возникли другие проблемы, прежде всего связанные с финансированием. В этом смысле западная синология более свободна благодаря большему количеству и разнообразию источников финансирования. Кроме того, на Западе гораздо шире исследовательский базис в виде переведённых текстов. Там значительно раньше начали переводить китайскую классику – философскую, историческую, литературную. Западные исследования опираются на эту мощную переводческую традицию, включающую в себя и несравненно большее, чем у нас, количество справочной литературы. Тут мы, к сожалению, не вполне конкурентоспособны. Однако в силу указанных особенностей взаимодействия с Китаем, а также территориальной и (в своё время) идеологической близости на некоторых направлениях мы смогли продвинуться очень глубоко. В российском китаеведении есть особые зоны, где мы, безусловно, являемся лидерами. Во всех авторитарных системах государственный контроль – это палка о двух концах. С одной стороны, он ограничивает свободу научных поисков, с другой – позволяет осуществлять крупномасштабные проекты, решать грандиозные задачи, которые кроме как большим коллективом и с государственной поддержкой не решить.

ВГ: В силу противоречивости нашего государства, его внимание, с одной стороны, вело к подъёму китаеведения, с другой стороны, мешало ему. Того же Бичурина обвиняли в том, что он изучает Китай в ущерб миссионерской работе. В 1920-х государство в СССР резко повысило внимание к китаеведению в связи с попытками экспорта революции в Китай. Но этот слепой «госзаказ» и догматичное идеологическое менторство просто губили науку. Сталинские репрессии 1930-х и политизированные пертурбации 1950–1970-х были тоже итогом повышенного внимания государства. Думаю, одна из особенностей российского китаеведения – его живучесть, способность выживать в регулярно возникавших экстремальных, даже гибельных обстоятельствах.

АК: Да, есть и такая «особенность», как истребление целых поколений китаеведов, – тут уж нам равных нет! «Большой террор» коснулся всех. В России имеется несколько основных центров китаеведения: Питер

(Ленинград), Москва, Казань и Владивосток. Питерское китаеведение в 1930-е годы было просто «сметено». И дальневосточное тоже, почти подчистую. Причём саморазрушительная абсурдность ситуации состояла в том, что в 1939 году, уже в разгар мировой войны, власти уничтожили замечательный Восточный институт во Владивостоке, в прямом и переносном смысле находившийся на передовой позиции в изучении Дальневосточного региона, где происходили судьбоносные для всего мира события! В Маньчжурии эти события начались уже с 1931 года, когда туда вторглась Япония, и, по моему мнению, началась Вторая мировая война (Германия лишь повторила вооружённый захват других государств и выход из Лиги Наций, разрушивший международный правопорядок). Это просто невозможно понять. По обычной человеческой логике нужно было, напротив, наращивать, а не разрушать востоковедные ресурсы. Сходные события произошли и в Ленинграде, и в Москве. Закрытие Института китаеведения в конце 1950-х – тоже яркая история. С одной стороны, в 1956 году был достигнут пик «великой дружбы», вследствие чего Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании специализированного Института китаеведения, специализированного журнала «Советское китаеведение» и специализированного интерната с углублённым изучением китайского языка. Последнее было особенно мудро, потому что этим сверхсложным для нас языком надо, конечно, заниматься с малых лет, чтобы овладеть им понастоящему. Оптимально в данном случае – непрерывное образование от первого класса, и даже детского сада, до аспирантуры. Но что получилось? Прошло совсем немного времени – институт и журнал закрыли, а интернат довели до плачевного состояния. Вот две стороны одной медали! Потом, уже в середине 1960-х, это было чуть компенсировано созданием Института Дальнего Востока и другого мощного синологического центра – Отдела Китая в Институте востоковедения. Ещё одно отличие – в России, как в сейсмической зоне, всё время «трясёт», идут постоянные слияния и разделения. Сперва, в начале XIX в., образуют центр китаеведения в Казани. Потом в середине XIX в. переносят его в Петербург. После октября 1917-го снова переносят, на сей раз в Москву. Уже упомянутый образованный в конце XIX в. Восточный институт во Владивостоке тоже прикрывают через 40 лет. Всё время какие-то открытия-закрытия, трясками-перетряски, которые, кстати, в разгаре и сейчас – как в образовательной, так и в академической областях. Если сравнить с жизнью западных коллег – там в существующих веками университетах всё продолжается, наращивается, аккумулируется. А у нас, казалось бы, хорошее дело – строительство нового Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), где я недавно был, обернулось очередным разрушением. Из центра города с историческими памятниками надо выводить вредные предприятия, а не студентов, для которых очень важна культурная атмосфера. Слияние

разных вузов – это всегда чреватое конфликтами соединение разнородных кадров и обременительное переселение. Как известно, переселение равно половине пожара. На диком бреге малоосвоенного острова Русского, вдали от хрупкого очага цивилизации, эффективной работы в ближайшие годы ожидать не приходится. Потому что люди должны обживаться на новом месте и находить общий язык с новыми сотрудниками. Но энтузиазм наших коллег, работающих вопреки всему, конечно, заслуживает уважения!

ВГ: Тут ключевая фраза – «вопреки всему», в том числе государству. Кстати, один из редко упоминаемых глубоких кризисов возник после революции 1917 и Гражданской войны, когда наша синология раскололась на две части – советскую и эмигрантскую. В 1930-х эти половины были совсем разорваны, затем начались репрессии. Удивительно, что даже в таких гиблых условиях тонкая «ниточка» преемственности всё же сохранялась благодаря энтузиазму отдельных людей. Наследие академика *В.М. Алексеева* публиковали его ученики. Работы *Н.А. Невского* были изданы после войны его младшими коллегами и последователями в Ленинграде. Работы *М.И. Казанина* собраны в отдельной книге его учеником *В.С. Мясниковым*. Вы тоже занимались публикацией работ Ю.К. Щуцкого и В.А. Рубина лишь «по зову души». За счёт этого и выживает, даже возрождается наше китаеведение.

АК: Всё это яркие иллюстрации тезиса о том, что «рукописи не горят». Сначала исчезают вслед за арестованными китаеведами. Потом из каких-то недр всплывают. Поистине, пути Господни неисповедимы. Показательны судьбы двух выдающихся востоковедов – академиков В.М. Алексеева и *Н.И. Конрада*. Первый происходил из «низов» общества, но ненавидел свой «пролетарский класс» и заявлял об этом публично. Второй, напротив, был выходцем из обеспеченной семьи, но пытался, «задрав штаны, бежать за комсомолом» и всячески сотрудничал с советской властью. Тем не менее, Алексеев не стал жертвой Молоха репрессий, хотя находился на грани ареста, а Конрад взошёл на советскую Голгофу, испытав тюремные пытки и получив лагерный срок. Тут всё непредсказуемо... XX век показал, что в России путь китаеведа тернист, и дисциплина эта опасна для жизни.

ВГ: В 1991 году Советский Союз перестал существовать. Оглядываясь на минувшие с тех пор 22 года, как вы оцениваете влияние развала СССР на российское китаеведение?

АК: Для отечественного востоковедения это был тяжёлый удар, что можно продемонстрировать и количественно. В лучшие советские годы в нашем Отделе Китая ИВ АН СССР работало 55 человек. А в 1990–2000-е годы их число снизилось до 17. Такое трёхкратное уменьшение в мирное время, конечно, поразительно. Произошло «вымывание» из науки целых поколений, причём самых работоспособных. Если в советскую эпоху мно-

гие активно боролись за начальственные должности – заведующих секторами и отделами, то сейчас просто нет кадров, которые возглавили бы эти подразделения.

ВГ: А тех, кто есть, приходится уговаривать.

АК: Да. Приходится уговаривать. Потому что если у специалиста есть высокая квалификация, то он может найти и другие способы самоосуществления, экономически гораздо более привлекательные. Повторилась и упомянутая вами история с раздвоением синологии после Октябрьской революции. Очень многие наши коллеги оказались и на Западе, и в Китае, и в странах «ближнего зарубежья». В последние годы происходит интересный новый процесс – создаётся «альтернативная синология». Вне наших официальных академических и учебных институтов продолжают свою работу долгие годы живущие за границей (прежде всего в Китае) коллеги, среди которых, к примеру, можно назвать таких выдающихся учёных, как М.В. Крюков и В.В. Малявин. Подрастают и специалисты новых поколений, которые живут и работают в Китае или других странах и реализуют свой научный потенциал в новых формах: публикуются в Интернете, создают электронные журналы, газеты, форумы и т. д. Эта технологически новая ситуация в то же время напоминает издание востоковедных газет, журналов и книг нашими соотечественниками в послереволюционной эмиграции, например в Харбине. К сожалению, эти научные направления повторяют былую разъединённость, вынужденную в конфронтационном прошлом, но совершенно неестественную ныне. Пока они в единый поток, увы, не слились.

ВГ: Уход или даже потеря для профессии этих людей произошли в основном в 1990-х. Можно ли говорить о каком-то возрождении российского китаеведения, скажем, с начала 2000-х годов?

АК: Вообще, да, некоторые позитивные тенденции присутствуют. Основные центры подготовки китаеведов всё-таки сохранились и даже разрослись количественно. Они производят достаточное число формально дипломированных китаистов, из которых абсолютное большинство, прежде всего в силу экономических обстоятельств, идут на практическую работу. Тем не менее, вопреки всем соблазнам, некоторые остаются в науке. Что касается качества, то одна из проблем и особенностей российской китаистики (может, и китаистики вообще) – её недостаточная дифференцированность. Это сложный вопрос: должно ли китаеведение, развиваясь, делиться на специальности, скажем на филологию, философию, историю, экономику, или продолжать оставаться «интегральной» наукой. Не углубляясь в теорию вопроса, следует признать хотя бы практическую необходимость определённых специализаций. У нас же их список слишком короток. Как историк философии могу напомнить, что специально подго-

товленные профессионалы появились в этой области относительно недавно, в 1970-е годы, а официальный статус данная специальность получила вообще всего лишь несколько лет тому назад. Очень важно здесь иметь более широкий спектр. Например, совершенно необходимы профессиональные искусствоведы, потому что сегодня к необъятным белым пятнам в изучении традиционного китайского искусства прибавились ещё бóльшие проблемы с осмыслением его современных форм, которые очень быстро и разнообразно развиваются. Я уж не говорю про феноменальный рост во всём мире интереса к китайскому антиквариату, появление соответствующих аукционов в КНР, бурное умножение там музеев и обильное заполнение их стендов новейшими археологическими находками, что настоятельно требует оперативной научно-исследовательской реакции с нашей стороны. Ещё важнее, поскольку это связано с проблемами глобальной стратегии, изучать современные информационные технологии и новые компьютерные науки в приложении к иероглифике. Соответствующей специализации тоже пока нет. Тем не менее, какие-то молодые энтузиасты, сведущие в этом деле, появляются, увы, без государственной поддержки.

ВГ: В 2011 году, когда было вручение Госпремии, вы получили возможность пообщаться напрямую с президентом России и передали ему письмо о проблемах современного китаеведения. Почему вы решили написать это письмо и какие проблемы в нём поднимали?

АК: Поскольку я отдал китаеведению уже более 40 лет, его судьба меня действительно волнует. В том письме я сформулировал ряд предложений, на мой взгляд, полезных для нашей науки. Первое касается решения следующей проблемы. Странным образом возникло обратное соотношение между ростом мирового значения Китая и развитием отечественной синологии. Китай уже фактически стал супердержавой, а российская синология, несмотря на отдельные позитивные сдвиги, в целом, как шагреневая кожа, сжимается. Почему? В этом противоречии есть своя логика: экономический рост Китая вызывает отток специалистов из научной деятельности в практическую, ибо материальное обеспечение там и тут разнится в разы. Если молодой человек после окончания соответствующего вуза идёт работать в коммерческую структуру, он стартует там с зарплаты в 50–60 тысяч рублей. А в академической системе это будет в пять раз меньше. Поэтому в условиях острого дефицита кадров решить проблему «глобально» можно только объединив все оставшиеся силы китаистов и в научном, и учебном плане. Современные электронные средства коммуникации облегчают её решение, давая возможность объединяться без переезда в один город и устройства на работу в одну организацию. Ещё один инструмент – не всеми у нас любимая «болонская система», которая позволяет студентам учиться не только на одном факультете, специализироваться не только на

одной кафедре, а идти индивидуальным путём, набирать баллы на других факультетах, в другом вузе и даже в другой стране. Если в каком-то вузе есть специалисты в одной области, но нет таковых в другой, можно обратиться туда, где они имеются и пройти у них обучение с зачётом в своём вузе, таким образом получив действительно полноценное образование. Поэтому, приняв мудрое государственное решение, можно было бы создать сейчас университет или академию синологии как центр, объединяющий всё лучшее в нашей стране по данной специальности. Мы получили бы от этого объединения кумулятивный эффект со всеми вытекающими последствиями. Желательно сюда добавить специализированный журнал с полной электронной версией. К сожалению, такого журнала до сих пор в России нет. Совершенно асимметричным образом и не в нашу пользу в Китае есть несколько журналов, посвящённых России и даже её отдельным регионам или проблемам. Сейчас подобную роль у нас выполняет ежегодное издание в двух или трёх книгах материалов конференции «Общество и государство в Китае». По объёму и широте тематики оно превосходит любой западный журнал подобного профиля.

Вторая проблема – обеспечение синологии инструментами первостепенной значимости, а именно словарями. Один из мировых рекордов отечественной синологии – упоминавшийся «Большой китайско-русский словарь». За его подготовку сначала отвечал академик Алексеев, которого обязанность возглавлять эту стратегически важную работу даже спасла от тюрьмы. 50 лет словарь готовили и, наконец, в 1983–1984 годах выпустили. Но дальше набранный потенциал был растрачен, и не последовало никакого развития. Центр подобной лексикографической работы переместился в Китай, где теперь с его использованием и развитием издаются большие китайско-русские словари. Увы, не у нас. Между тем, современные электронные средства позволяют создавать практически бесконечные по объёму словари. Они насущно необходимы. Оцифровав за 1990–2000-е годы всю свою классическую литературу и создав в электронном виде практически все возможные иероглифические словари (толковые, энциклопедические, специализированные и т. д.), китайцы предоставили всему миру возможность черпать из этих драгоценных источников. Но это нами не делается! Сам китайский язык за последнее время активно развивается и обогащается. В нём образуется до тысячи новых слов в год. Но и это у нас почти никак не учитывается! За десятилетия появился только один «Китайско-русский словарь новых слов и выражений», опубликованный супругами В.Г. Буровым и А.Л. Семенас в 2007 году, что, разумеется, совершенно недостаточно. Словарная проблема – не только научная, но и просветительская, идеологическая, связанная с национальной безопасностью, так как без адекватного перевода невозможен эффективный информационный контроль, в том числе в электронных коммуникациях. Если

китайско-русский словарь создают носители русского языка – это одно дело, если же китайцы – совсем другое. Всё, что читают люди, у которых лежат в карманах смартфоны и прочие гаджеты, производит на них нейролингвистическое, психологическое и в конечном счёте идеологическое воздействие, причём в значительной степени помимо их воли. Тут и проявляет себя самая могучая «мягкая сила», которой более всего озабочены в настоящее время китайские идеологи, занятые формированием позитивного имиджа КНР во всём мире.

Третья проблема касается китайского искусства. Уникальное по древности и самобытности, разнообразию и степени воздействия на культуру, оно сегодня идет вперёд семимильными шагами. А наши музеи в последний раз серьёзно пополнялись его произведениями более полувека назад, когда руководители «братской страны» дарили картины *Ци Бай-ши* и *Сюй Бэй-хуна* или изделия народных мастеров. И всё! Современное китайское искусство не собирается, не выставляется и не исследуется ни в питерском Эрмитаже, ни в московском Музее Востока, не говоря уж про менее крупные музеи. Нет ничего достойного тех новых явлений и грандиозных достижений, которыми отмечено сегодня китайское искусство. Наши музейщики, искусствоведы и руководители из Министерства культуры пропустили в 1980–1990-е годы, впрочем, как и в 1950-е, редкую возможность приобрести значимые произведения китайского искусства, традиционного и современного, пока они ещё были доступны по ценам. А сейчас всё изменилось, и уже сами китайцы сформировали у себя чрезвычайно дорогостоящий рынок искусства и антиквариата, скупая по всему миру ранее вывозившееся веками из Китая и ставя при этом ценовые рекорды. Например, пару лет назад ими была куплена за фантастическую сумму в 65 млн. долларов США не картина, а каллиграфия знаменитого каллиграфа *Ван Си-чжи*, и даже не оригинал, а его копия эпохи Сун (960–1279). В этой роли они сменили японцев, в конце прошлого века активно превращавших свои валютные излишки в произведения искусства.

Четвёртая проблема связана с сохранением российских памятников на территории Китая и китайских – на территории России. В разных местах КНР, активно осваивавшихся нашими соотечественниками (прежде всего в Пекине, Шанхае, Мукдене/Шэньяне, Харбине и Даляне), сохранился ряд замечательных церквей, монументов, зданий и кладбищ, являющихся ценными памятниками истории и культуры. Гораздо меньше аналогичных китайских объектов в России, но от этого они ещё более значимы, ибо ценно то, что редко. Таково, например, здание Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена на Волхонке, 16. В посёлке Первомайском ближнего Подмосковья, в 2012 году включённом в состав Новой Москвы, ещё сохранились строения, в которых в 1928 году проходил VI съезд КПК – единственный съезд, проведённый за границами Китая. Главное трёхэтажное

здание находится просто в катастрофическом состоянии. Наблюдая за ним три года, я вижу полную заброшенность и ужасный разрушительный процесс. Лишь в этом году, во время визита в Москву председателя КНР *Си Цзинь-пина*, было подписано межгосударственное соглашение о сдаче этого исторического здания в долгосрочную аренду китайской стороне и о его ремонте. Причём этот дом № 18А по Парковой улице в Первомайском, ныне Троицкого административного округа Москвы, с 2011 года, когда и началось самое страшное его разрушение, в частности пожар и обрушение кровли, был признан Росимуществом объектом культурного наследия. Построенный в стиле ампир в начале XIX века в старинной русской усадьбе, устроенной в XVII веке боярином *Ртищевым-Большим*, а затем перешедшей к Мусиным-Пушкиным, он и сам по себе является памятником российской архитектуры и культуры в целом. Если ещё является чем-то. Наше государство должно было беречь это здание, но оно доведено до страшного разрушения. В столь же плачевном состоянии находятся и другие связанные с проведением VI съезда КПК шедевры отечественной архитектуры – созданные архитектором *В.Д. Адамовичем* в 1904 году двухэтажные деревянные здания на соседней даче В.П. Берга, превращённой в элитный коттеджный посёлок «Дворянский клуб». Предложения по решению таких проблем были изложены мною в письме к президенту РФ.

ВГ: Если обобщить все эти проблемы, то необходима новая консолидация российского китаеведения, необходимо наращивание системной и масштабной государственной поддержки в сфере науки и образования. Необходима также модернизация существующей базы, наработанной всеми поколениями китаеведов, и более эффективное внедрение этих наработок в публичный оборот.

АК: Да, важно внимание со стороны государства и переход на современные технологии. Безотлагательно требуются эффективные электронные программы для работы с иероглификой, масштабная, если не полная, оцифровка, как минимум, русскоязычных текстов, созданных отечественной синологией за 300 лет её существования. Всё это – огромное сокровище, в значительной части вообще рукописное или опубликованное в малотиражных и провинциальных изданиях, труднодоступное или совсем недоступное для потребителя. Быть может, главная задача, которую я выдвинул два года тому назад, – создание электронной базы таких оцифрованных текстов под условным названием «Русский Китай».

ВГ: После того, как вы написали и представили письмо президенту, какова была реакция и последствия? Был ли какой-то результат вообще?

АК: Да, реакция была. Во-первых, я получил ответ с резолюцией тогдашнего президента *Д.А. Медведева* «Тема важная, идеи неплохие» и указанием своим помощникам (ныне вице-премьерам) *С.Э. Приходько* и

А.В. Дворковичу «проработать» и «доложить». Известным мне практическим результатом явилось только экстренное объявление в конце 2011 года в РГНФ целевого трёхгодичного гранта «Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития». Он охватил пять тем с максимальным финансированием каждой до двух миллионов рублей. Проект реализуется уже второй год, итоги будут подведены в следующем, 2014 году. Для участвующих в нём китаистов это – значимое подспорье, в целом равное грантовой поддержке РГНФ примерно 30 монографий. Правда, чтобы создать новую полную электронную версию «Большого китайско-русского словаря», потребуется средств раз в 10 больше. Как говорится, хорошо, но мало. Совсем недавно из Департамента науки и технологий Минобрнауки я узнал также, что большинство из моих рекомендаций было повторно рассмотрено и оценено как претворяемое в жизнь «комплексом мер», «реализуемых федеральными органами исполнительной власти, РАН и заинтересованными организациями». Иначе говоря: «Эта работа делается и будет сделана в срок», или «Всё хорошо, прекрасная маркиза».

ВГ: Вы отмечали, что сейчас имеется некая восходящая тенденция, растёт число коллег и публикаций, ширятся возможности. Оптимистичен ли ваш взгляд на перспективы развития российского китаеведения?

АК: Да, безусловно. Тут есть ещё некая новая тенденция – поддержка от самой изучаемой страны. Китайцы в целом достаточно автаркичны и до относительно недавнего времени были сконцентрированы на самих себе, на своих собственных проблемах. С началом периода реформ в КНР произошёл просто ренессанс изучения своего культурного наследия – правда, по большей части в национальной научной парадигме, по официальному выражению, «с китайской спецификой». Сейчас же в связи с созданием позитивного имиджа Китая внимание обратилось вовне. Одним из элементов новой международной стратегии стала поддержка практической китаистики (например, через Институт Конфуция) и теоретических исследований китайской культуры. Пока это слабые ручейки, но живые и действенные. Другое дело, что всё диалектически имеет свою оборотную сторону. В данном случае: «кто платит, тот и заказывает музыку». Китайской стороне, конечно, интересны свои интерпретации, которые могут не совпадать с объективной реальностью, от чего точно так же не застрахованы и наши научные доноры. Могу привести позитивный пример, ставший неожиданным для нашего руководства. Как выяснилось при разговоре с президентом РФ в Кремле вслед за церемонией награждения госпремией, финансирование энциклопедии «Духовная культура Китая» было в значительной степени получено от иностранных спонсоров, прежде всего Китайского банка развития. Через четыре дня после этого знаменательного

разговора, 16 июня 2011 года, также на приёме в Кремле тогдашний председатель КНР *Ху Цзинь-тао* лично поздравил за создание энциклопедии трёх российских учёных, в том числе вашего собеседника. В настоящее время она переводится на китайский язык в Сычуаньском университете, что тоже сопряжено с огромными усилиями и затратами. Кроме того, китайцы финансируют перевод на русский язык 4 томной «Истории китайской цивилизации», изданной Пекинским университетом в 2004 году и в 2012-м опубликованной на английском в США. Это высококачественная научная работа, русский перевод которой, безусловно, явится большим вкладом в развитие отечественной синологии.

ВГ: Вы уже почти 2 года возглавляете Отдел Китая ИВ РАН. Как вам представляется его будущее, перспективы развития, включая статус внутри института?

АК: Без ложной скромности хочу сказать, что мне нравится происходящее в отделе. Хотя в целом и вокруг ситуация тяжёлая. Нам всем приходится тяжело из-за общих штормов в Академии, и у нас в институте была нелёгкая ситуация после смены его руководства. Тем не менее, от 17 человек в отделе мы уже дошли до 25. В основном, конечно, за счёт прихода молодёжи. Пополнение молодыми кадрами – очень важно, поскольку недостаёт специалистов в целом, и особенно самых дееспособных сотрудников среднего возраста. Далее, происходит расширение исследуемой тематики. Мы занимаемся и китайским искусством, и наукой, и поддерживаем традиции классической синологии в работах с первоисточниками, в текстологических штудиях и переводах. В частности, коллективными усилиями был достигнут ещё один мировой рекорд – полный перевод на русский язык своеобразной энциклопедии древнего Китая, «Исторических записок» (*Ши цзи*) *Сыма Цяня*. Аналога ему нет нигде на Западе, хотя попытки делаются уже полтора века. В отличие от завершённой также в 2010 году энциклопедии «Духовной культуры Китая», работа по усовершенствованию перевода «Исторических записок» и их дальнейшему исследованию продолжается. Она проходит в координации с осуществлением ещё одного крупного проекта – по переводу следующих «нормативных историй», посвящённых эпохе Хань, и исследованию этого кардинального для всей китайской истории периода, давшего самоназвание ***хань*** китайскому этносу. В «ханьском проекте» наш отдел сотрудничает с кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, заведующий которой и большой энтузиаст *М.Ю. Ульянов* руководил несколькими из наших молодых сотрудников. Очень важный объективный показатель нашей работы – публикации. Я уже упомянул материалы конференции «Общество и государство в Китае», которые считаю достойным аналогом крупнейших периодических или продолжающихся изданий по синологии на Западе,

тем более что членами его редколлегии являются известные учёные из Франции, Германии и Польши. В прошлом году мы издали 112 статей в 3-х книгах объёмом в 82 авторских листа, в этом – 96 статей в 2-х книгах объёмом в 66 авторских листов. Ежегодно самые свежие синологические исследования максимально широкой тематики отражаются на страницах этого издания, выходящего в свет уже 43 года. Сверх того, с 2009 года оно включено в формат нашей фирменной серии – «Учёных записок Отдела Китая», публикующих также монографии и сборники. За последнее время мы вышли на новый рубеж по публикации монографий, коллективных трудов и переводов, каждый год силами отдела выпуская около 10 книг. Это очень хороший количественный показатель, рекордный по Академии и двукратно превосходящий среднюю статистику по нашему институту. И с качеством всё в порядке: книги выходят весьма солидные. К примеру, подробно прокомментированные переводы фундаментальной классики: помимо уже отмеченных «Исторических записок», 1-го тома конфуцианского канона *Чжоу ли* («Чжоуская/всеохватная благопристойность») в 2010 году, 3-го тома свода законов эпохи Мин и 4-го выпуска «Материалов по истории кочевых народов в Китае III–V вв.» в 2012 году. В этом же году увидело свет собрание трудов патриарха отечественной и мировой синологии С. Кучеры «История, культура и право древнего Китая», а в следующем, 2013-м – посвящённое ему редкое по авторитетности состава участников собрание трудов «Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры». С 2011 года были опубликованы монографии сотрудничающего с нами из Китая *С.Н. Гончарова*, безвременно ушедшего из жизни *В.Е. Еремеева*, *М.А. Неглинской*, *Ю.В. Чудодеева* и вашего покорного слуги. Изданы серьёзные сборники, посвящённые юбилеям *В.С. Мясникова*, Ю.В. Чудодеева и 100-летию Синьхайской революции. Уже из приведённого списка видно, что практически по всем основным синологическим дисциплинам мы регулярно что-то выдаём на-гора. Стараемся не отставать от веяний современности, развивая отдельский сайт okivran.ru и единственный научный сайт по синологии на русском языке synologia.ru, который был поддержан упомянутым целевым грантом РГНФ. Мы выкладываем на нём все последние тома «Общества и государства в Китае» в формате более совершенном, чем у таких известных и мощных электронных баз, как *Википедия* или *Кругосвет*. В частности, потому что у нас даются перекрёстные ссылки и все статьи – авторские. Когда известно, кто автор, возникает дополнительный критерий качества.

ВГ: В последнее время в Отделе Китая и на конференциях появляется всё больше талантливых молодых китаеведов, энтузиастов своей профессии. Что бы вы могли пожелать молодым людям, которые пускаются в этот трудный путь? Как нужно жить и работать, чтобы стать успешным китаеведом?

АК: Вы правы, и я очень рад этим новым тенденциям. Действительно, кадры решают всё. Когда появляются учёные-энтузиасты, вокруг группируется увлечённая ими молодёжь, и этот духовный пламень передаётся дальше. Китаеведение – дело прекрасное и увлекательное, но, безусловно, очень тяжёлое. Поэтому можно пожелать молодёжи упорства, твёрдости, выдержки. Терпение и труд всё перетрут. Что касается более конкретных пожеланий, то могу предложить научный принцип: метод – аналог предмета. Он означает, что надо по-китайски подходить к Китаю, у которого есть две отличительные особенности. С одной стороны, это в хорошем смысле очень инерционная и стабильная система, которую даже называли огромной «консервной банкой». Она полна здорового консерватизма, ориентирована на сохранение своих истоков, корней и традиционных достижений. С другой стороны, китайцы мобильны, реактивны и восприимчивы. Они способны быть очень пластичными и схватывать всё самое актуальное, что показывает развитие современного Китая. Поэтому молодым китаеведам следует, подобно китайцам, совмещать глубокое освоение классической синологии, базовых текстов, *вэньяня* и т. п. с широкоохватным вниманием к новым явлениям, источникам и инструментам получения информации, в первую очередь электронным и связанным с китайским Интернетом. Часто между этими подходами пролегает незримая, но труднопреодолимая граница. Одни могут одно, другие – другое. Это связано с владением полными или сокращёнными формами иероглифов, *вэньянем* или *байхуа*, и т. д. Но если суметь соединить первое со вторым, эффект превзойдёт все ожидания.

ВГ: Буквально на днях вы впервые совершили поездку во Владивосток. Что интересного вы увидели и нашли для себя на Дальнем Востоке как китаевед?

АК: Я с большим удовольствием побывал там, потому что давно хотел посетить этот стратегический центр мирового значения – форпост Дальневосточного региона России, объект геополитических интересов соседних держав и одновременно один из важнейших очагов отечественного востоковедения. Я сейчас много занимаюсь историей российской китаистики. Недавно в этой связи был и в Казани, где нашёл кое-что интересное в архиве. Владивосток очень впечатлил своей особой контрастностью – и в природе, и в культуре. Ведь впечатляют именно контрасты, скажем, разрыв между возможностью и действительностью. В данном случае восхитили беспримерное природное, ландшафтное богатство и материализованная энергия людей, пришедших в столь далёкий дикий край и в поразительно тяжёлых условиях создавших такой прекрасный город. Можно представить, какой первозданный хаос тут был изначально. Схожее впечатление на меня произвёл в своё время Харбин. Там, в храме Святой Софии,

ныне действующем как музей, висят фотографии города 1898 и 1908 годов. За какие-то 10 лет на месте, где были только лужи и грязь, поднялись красивейшие здания в стиле модерн. Так же во Владивостоке, в полном захолустье, вдали от культурных и некультурных столиц, на краю ойкумены, смелые усилия и упорный труд, даже хочется сказать – пассионарность, за исторически короткий срок создают значимый очаг цивилизации. Но, с другой стороны, тут же проявляется борьба двух сил – божественных и дьявольских. Позитивный созидательный потенциал наталкивается на разрушительные тенденции, которые всё время не позволяют ему реализоваться полностью. С учётом масштаба действовавших там людей, богатства природных источников, выгодности географического положения, близости к Китаю, Японии и Корее, всех тех возможностей, которые там появились в конце XIX – начале XX века, до катастрофы 1917 года, можно было добиться бог знает чего! И центр изучения Китая мог туда переместиться. Но какая-то невидимая страшная рука всё это разрушала. Люди гибли, книги исчезали, культурные образования разорялись. Там были специалисты, работавшие на мировом уровне и выше. Они владели многими языками и были хорошо знакомы с культурой соседних стран. Но всё это куда-то исчезало, гибло, потом воссоздавалось или изобреталось заново, и так далее по дьявольской синусоиде.

ВГ: Как китаевед, что вы для себя обнаружили важного и интересного?

АК: Во-первых, там находится целый ряд редких и любопытных ксилографов, которые хранятся в библиотеке Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, но до сих пор не освоены и по-настоящему не изучены. Несомненный интерес представляет Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, открывшийся только в середине сего года, а до этого 15 лет закрытый. Ценные библиотеки, включающие редкие издания русской эмиграции в Китае, принадлежат отделению Географического общества и, конечно, Дальневосточному федеральному государственному университету, в котором есть даже музей редкой книги. Много интересного писалось и публиковалось в довоенные годы, когда существовал Восточный институт. Статьи, журналы и книги, выходившие в соседнем зарубежном центре китаистики, в Харбине, тоже легко попадали во Владивосток. К сожалению, в силу известных политических обстоятельств достижения дальневосточной синологии вовремя не вошли в общий оборот отечественного китаеведения и до сих пор недооценены и недоосвоены. Совершенно незаслуженно в категорию нон грата попали и люди, и тексты. Надо бы сейчас оцифровать и сделать общедоступными эти формально периферийные, но по существу очень важные научные достижения, переосмыслить их и интегрировать в современную науку. Сле-

дует поднять архивы, включая не только рукописи, но и малотиражные издания. Это очень важная задача!

Кстати, в письме к президенту ещё одним из моих предложений по стратегии развития китаеведения было создание «терминалов» постоянного присутствия учёных на исследуемой территории. Чтобы специалисты могли регулярно и длительно находиться в изучаемом регионе. Это особенно актуально сейчас, потому что Китай быстро изменяется. За молниеносно происходящими переменами нужно пристально следить, и делать это должны специалисты. К сожалению, как справедливо отмечает в нескольких публикациях компетентный российский журналист-синолог А.Т. Габуев, по числу присутствующих в Китае экспертов, ответственных за стратегическую информацию о нём, мы находимся просто в бедственном положении. Например, даже весь корпункт ИТАР-ТАСС в Пекине составляют 3-4 человека, а у американцев там каждая крупная газета или журнал имеют подобные команды. У нас и общее число синологов на порядок меньше, чем в США. Кроме того, на Западе практически у каждого крупного синолога есть китаец-консультант, а новоявленная когорта синологов-китайцев даже теснит там самих «аборигенов». У нас же консультанты – носители языка и природные знатоки своей культуры фактически исчезли как класс. В 1960–1970-е годы и у нас в отделе работали 2–3 консультанта-китайца. Я ещё застал это благодатное время, а сейчас их и в помине нет. Поэтому достаточное присутствие в стране изучения для нас столь важно. В этом смысле Владивосток имеет огромные преимущества. Прежде всего, близость расположения обусловливает дешевизну и удобство поездок в Китай. Оттуда можно изучать соседнюю страну и шире, и глубже. В этом надо учиться у китайцев и создавать для специалистов льготные условия работы. Миром овладевает цивилизация знания, где информация решает всё!.. А мы запаздываем, и, к сожалению, государственное видение стратегической роли синологии ещё не сформировалось. Честно сказать, и в отношении самого Китая такого видения пока нет. То, что мы слышим сверху из разных уст – разноречиво и даже противоречиво. Подобно орлу на своём гербе, смотрим сразу в обе стороны – на Запад и на Восток, до сих пор не решив, какая для нас привлекательнее...

КОЖИН ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ

INTERVIEW WITH PAVEL M. KOZHIN

Проект выполнен при поддержке международного гранта РГНФ «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС) 2012, проект № 12-21-10000, 8122100100007

The Project is supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National Scientific Council of Taiwan (NSC), the international research grant «Sinology – the Oral History», project № 12-21-10000, 8122100100007

Кожин Павел Михайлович (ПК) Д. ист. наук, востоковед, китаевед, культуролог, главн. науч. сотр. ИДВ РАН. Место: Москва Дата: 26 сентября 2012 г. Вела интервью: М.Е. Кузнецова-Фетисова (К-Ф), ИВ РАН Примечания: П.М. Кожин, М.Е. Кузнецова-Фетисова, В.Ц. Головачёв, Л.П. Черникова Продолжительность: 4 ч	Pavel M. Kozhin Orientologist, Full Doctor (History), historian, archaeologist, Chief Research Fellow, Institute of Far East Studies, RAS Place: Moscow Date: September 26, 2012 Hosted by: Marina Kuznetsova-Fetisova, IOS RAS Footnotes: Marina Kuznetsova-Fetisova, Valentin Golovachev, Larisa Chernikova Duration: 4 h

Кожин Павел Михайлович (1934 г.р., Москва). Востоковед-историк, археолог. Доктор исторических наук (1990). Окончил Истфак МГУ (1959). До 1976 года работал в Институте истории материальной культуры (позднее Институт Археологии) АН СССР. Затем – в Институте Дальнего Востока АН СССР (ныне ИДВ РАН), где работает по настоящее время главным научным сотрудником и ответственным редактором. Исследует проблемы истории, философии, религиоведения, культурологии, филологии, этнологии, археологии, исторической и социальной антропологии. Большая часть исследований связана с Китаем, но немало публикаций затрагивают проблемы Евразии и Северной Америки. Автор более 400 научных работ, в том числе 4 монографий. Научный редактор десятков сборников, монографий и информационных изданий.

К-Ф: Представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились?

ПК: Я, Кожин Павел Михайлович, родился в Москве 18 сентября 1934 года, в семье старых большевиков, принадлежавших к комсоставу Красной Армии. Отец по болезни был уже в запасе. Родители жили тогда на Арбате, и поэтому я появился на свет в известном родильном доме Грауэрмана. Родители мои были военными, и отец, *Кожин Михаил*, в то время был давно в отставке, болел. Он был намного старше матери, *Кожиной Клеопатры*, родился в 1886 году. Поэтому работала в это время в основном мать.

Отец занимался очень многими вещами. Он был и инженер, и архитектор, и инженер-мебельщик, уж не говоря о том, что по современным чинам он был адмиралом флота. Последним отцу пришлось стать потому, что после революции 1917 года (он участвовал во всех революциях, начиная с 1905 г.), естественно, специалистов было мало. Уже в Первую мировую войну он служил во флоте – и кого было назначить? Отец был заместителем военного комиссара по военно-морскому флоту, руководил военными операциями во время наступления Антанты на север. Вначале воевал в Латвии в 1919 году, а в 1920 году его назначили «замком по морде» (заместитель военного комиссара по морским делам), как он говорил, и отправили в Архангельск и Мурманск, и прочие места, где он остался без единого зуба. Так что я в некотором роде повторяю его судьбу – у меня осталось 5 зубов. У отца их не было из-за цинги – в 30 с чем-то лет человек остался без ничего. Тогда никаких протезов не делали, и ему так привычно было. Так он и прожил всю жизнь без зубов. Но здоров был невероятно. В общем, несмотря на все эти болести, как-то выпутался и дожил до 80 лет с совершенно ясной головой и полной работоспособностью. Вернулся к своей ранней профессии театрального художника, насколько это было возможно.

Отец даже успел получить орден Ленина за Первую русскую революцию 1905 года, потому что он тогда руководил двумя боевыми дружинами, которые охраняли все демонстрации, и в частности знаменитые похороны товарища *Баумана Николая Эрнестовича*. В дальнейшем он руководил ГУВУЗ'ом – Главным Управлением высших учебных заведений РККА. Так и хоронили его, как старого большевика и старого «морского волка» – «отпевали» в Музее революции с матросами и салютом на кладбище.

Всё семейство отца, большой клан тогда ещё был, – они все были монархистами. А человек обиделся и пошёл в революцию.

К-Ф: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло?

ПК: О существовании Китая я узнал в самом Китае. В возрасте 10 месяцев я попал в Харбин, и мои воспоминания начинаются в Харбинской больнице (мне был год), где мне делали операцию. Вообще, как я выяснил,

если человек оказывается в каких-то очень трудных ситуациях, у него могут сохраняться очень ранние воспоминания. А в моём случае воспоминания остались очень отчётливые. Первое, что я помню в своей жизни, – как няня носит меня на руках в больнице после операции на гландах.

Ребёнка просто нельзя перевозить в таком раннем возрасте. Каждый раз, когда это происходило, я потом очень тяжело болел, чуть не помирал. В итоге я выживал. Но тот испуг взрослых, какая-то суета вокруг – вспоминаются. Там же, в Харбине, я научился говорить. Это произошло примерно в 2 года. Говорить я начал по-русски, что достаточно странно, ибо в Харбине, в августе 1935 – апреле 1937 года, окружение было многоязычным, и вокруг звучали разные языки.

К-Ф: Каким был изначальный образ Китая в вашем восприятии ещё в то время?

ПК: Конечно, никакого «образа Китая» у меня тогда не могло сложиться. Но и теперь, когда мне уже под восемьдесят, я продолжаю утверждать: как можно плохо относиться к людям, которые носили тебя на руках? Хоть они и придумали мне китайское имя, что-то вроде «Сына богатых родителей» 富贵子. А когда вернулись в Москву и картонный чёрный репродуктор-«тарелка» дребезжал очередные тяжёлые военные новости из Китая, мне всегда было жаль тех людей, которые остались там.

К-Ф: Вы прожили в Харбине до 1937 года?

ПК: В 1937 году мы уехали из Харбина на родину. Эту поездку с бесконечными японскими проверками я тоже помню. И конечно, запомнил прекрасно, как нас встречали на станции Отпор[87] советские пограничники. Помню, как мы приехали в Москву, а затем – парад первомайский. Мы жили в гостинице «Москва», на 10-м этаже, и я смотрел этот парад, всякую военную технику, как она выезжала на Красную площадь. Очень здорово!..

К-Ф: Может, у вас всё же остался от той поездки какой-нибудь изначальный образ Китая – запомнившиеся детские впечатления от пребывания там, какие-то яркие моменты, помимо больницы?

ПК: Что вам могу сказать? Ведь я находился в Китае в момент формирования речи у ребёнка, и у меня сам по себе речевой образ китайского населения, видимо, внутри сформировался. Поэтому для меня никогда не была чужой ни сама китайская речь, ни произношение. Я её не понимал, но она, всё равно, во мне как-то жила.

К-Ф: Ваша матушка владела китайским языком?

[87] После конфликта на КВЖД в 1929 г. Забайкальск был переименован в станцию «Отпор». По просьбе Китайского правительства в 1958 г. «Отпор» был вновь переименован в «Забайкальск».

ПК: Нет. Как все работники её ведомства, она проходила работу в очень разных местах. Европейские языки она знала (немецкий, французский), а Китай – это и было-то недолго. Тем более, в МГУ она училась на инженера-химика... Когда мы были в Китае, моим крёстным оказался служивший там комкор *Павел Иванович Берзин*. Но я знаю это только по рассказам старших.

К-Ф: Даже партийным крестины были ещё не чужды!

ПК: Тут были совершенно другие критерии. Это было необходимо, потому что, когда мы там были, нельзя было нанять хорошую няньку, которая бы возилась с ребенком некрещёным.

К-Ф: В Харбине?

ПК: Да. И поэтому меня крестили в первый раз. Второй раз меня крестили (тоже, кстати, домработница) в Угличе, в 1938, кажется, году. А первый раз крестили под именем Алексея.

К-Ф: Как интересно!

ПК: Ну, ладно, это было слишком давно. Самое главное, что у меня уже в раннем детстве, когда только язык у человека формируется, очень сложное восприятие языковой среды получилось. Я очень поздно начал говорить. Мама говорит, что я сам с собой разговаривал до двух лет. Сам себе что-то говорил, отвечал. А вслух не говорил, с людьми я не общался никак. Именно потому, что вокруг говорили по-разному. Случаи задержки такого рода я знаю, но они часто связаны с тем, что человек угнетённым становится. Но со мной этого не получилось, слава Богу.

К-Ф: Кто повлиял на ваши интересы и выбор профессии? Родители, друзья, знакомые?

ПК: Интерес к Китаю проявился у меня очень рано и присутствовал в моей жизни постоянно. Тем более что до, и отчасти после войны я рос в окружении китайских вещей. Очень много было всего, потому что через год после приезда нам прислали целый вагон имущества, которое у нас там было нажито. И вот, старшие с ним разбирались... Но я с детства думал о военной профессии, наследственной в семье «с незапамятных времён». Я был уверен, что тоже буду военным. И всё выбирал – идти мне в Нахимовское училище или в Суворовское училище. К несчастью, после приезда в Москву из Средней Азии я в очередной раз заболел от поездок, и заболел очень тяжело. Потом выяснилось, что это был костный туберкулёз. Почти год я лежал в туберкулёзной больнице. И ясно было, что к военной службе я уже не гожусь. Правда, я не хотел в таком состоянии оставаться, поэтому после больницы стал упражняться. Костыли бросил, палку бросил и стал нормально ходить. А когда вошёл в нормальный юношеский возраст, то всё притихло, все эти мои болезни. Я даже думал, что выкарабкался. Но,

оказалось, не совсем. В общем, я был вынужден думать о мирной профессии, о научной работе, которую обычно в той или иной мере вели офицеры Императорского и Советского Генштаба...

Единственно, о чём мог всерьёз думать юноша, лишь в 17 лет начавший нормально передвигаться на двух ногах, – это гуманитарные и отчасти естественно-исторические (в «старинных классификациях») науки. Тут старшие надоумили меня, что есть две вещи – языки и история – то, чем человек может заниматься, не будучи, скажем так, вполне здоровым физически. Все родственники, друзья и сослуживцы родителей либо учились, либо жили и работали за рубежами страны, часто многие годы. Отец после революции 1905 года долгие годы мог бывать в России только «неофициально». Он учился во многих университетах Германии, участвовал как профессиональный театральный художник в «Дягилевских сезонах» в Париже, а затем стал главным инженером одной шведской мебельной фирмы. И широта его образования (искусство, архитектура, электротехника, механика, деревообработка, стандартизация производства и пр.), и знание восьми европейских иностранных языков облегчили для меня и сознательный выбор профессии, и знакомство с языками и языковой подготовкой. Я не мог ориентироваться в ней на активное речевое общение. Меня интересовало чтение национальной и специальной литературы на немецком, французском, английском, голландском языках. Позже к ним присоединились итальянский, латынь, древнегреческий, польский. В эвакуации в Ташкенте, в школе, нас начали учить узбекскому языку, в чём помогало знание матерью бытового крымско-татарского языка (наряду с немецким и французским, необходимыми ей по работе). Это дало мне очень рано представление о различных языковых семьях и подготовило не только к освоению китайского языка (также в частном порядке), под руководством очень известного и заслуженного профессора Московского института востоковедения (МИВ), а также к началу знакомства с древними семитскими, иранскими и прочими языками.

К-Ф: Кто ещё, помимо родителей, повлиял на ваш выбор профессии?

ПК: Очень большое значение, как личность, имел один выдающийся человек, начальник Разведуправления *Ян Карлович Берзин*, которого расстреляли 29 июня 1938 г. Расстреляли «по должности», потому что никакой вины за ним не было. Да он сам говорил об этом фаталистически, что, мол, полагается. Даже помню, что, когда его забирали, он как раз обещал прийти к нам на праздник. Целая группа собралась, мы его ждали все, а он уже не пришёл. Это было 7 ноября 1937 года, а его, как мы выяснили, забрали 3-го числа. Но, как мне потом передавали, он сам считал и говорил, что для него тут другого выхода нет. И человек, которого ещё при царизме в первый раз в 15 лет приговорили к расстрелу, был расстрелян уже сво-

ей властью. Ну, ладно, это всё «поэзия». А тогда это был очень тяжёлый праздник, 7 ноября 1937 года. Ян Карлович был очень яркий человек, он дружил с родителями. Так что, несмотря ни на что, память о нём в семье всегда сохранялась.

Его вообще интересовали общие крупные проблемы взаимоотношений больших человеческих групп и возможности их взаимодействия. Сейчас очень много чепухи пишут ужасной. А среди партийных работников, среди руководителей партии, было очень много убеждённых людей. В круг общения, в котором я находился в детстве, входили представители 3-го Интернационала. Во-первых, они говорили на самых разных языках. Во-вторых, это были не купленные люди, а люди с очень серьёзными, действительно глубокими убеждениями. И Берзин был такой тоже. И как раз проблема Китая его занимала очень. Ему и работать в Китае приходилось, и встречаться с тогдашними китаистами специально. Кто остался живой, его помнили и рассказывали о его интересе к стране.

Среди своих работников отношения были, как в большой семье, потому что сама работа была очень сложная, очень опасная. В общем, если вы на войне, то там снаряд попал, вас убьют. А здесь, как и где вас убьют, и вообразить невозможно. Был и совсем другой характер отношений, и другой характер людей. Потому что тут – не деньги, не карьера, тут – убеждения.

К-Ф: Выходит, влияние взрослых и проблемы со здоровьем подтолкнули вас заняться изучением Китая?

ПК: Как видите, картина первых шагов получается весьма нетипичная. Я не собирался изначально заниматься китаеведением как профессией, что избавило меня от мытарств, пережитых многими коллегами, после того как *Н.С. Хрущёв* умудрился «отменить» китаеведение в нашей стране. Но пока в моём рассказе до этого ещё далеко. Собственно, моя подготовка к будущей научной работе начиналась с книг (а в течение года пребывания в туберкулёзных больницах ими и ограничивалась. При этом мне пришлось ещё выдержать большую борьбу с администрацией одной из больниц, где думали, что из пользования энциклопедическим словарем я могу извлечь информацию по возрасту для меня преждевременную).

Мне была интересна литература, из которой я получал комплексное представление о природе и людях разных ареалов и регионов Евразии. То есть в моих уже систематичных занятиях присутствовали этнологический, геолого-географический, природоведческий, филологический, литературоведческий и общеисторический интересы. Впрочем, в области истории были эпохи, которые меня занимали особо. В русской истории – Киевская Русь до татарского нашествия, эпохи *Ивана III* и *Ивана IV Грозного*, *Петра I* и *Александра III*. В Европе – христианизация, норманская проблема, Реформация, политическая (а не художественная) жизнь эпохи Ренессан-

са, колониальная история, деятельность Ост-Индских компаний Голландии и Англии, борьба за свободу вероисповедания, а потом и свободу совести, в основном во Франции после середины XIX в. Именно эта тематика привела меня к первоначальному знакомству с первобытной археологией и политическими аспектами индоевропейской истории.

Изучение дипломатической деятельности в разные периоды истории, начиная с эпохи Древнего Востока, чтение опубликованных посольских документов разных эпох делали меня крайне недоверчивым читателем, вечно занятым поиском истины, которая, как становилось понятно, далеко не просто открывается во многих сферах, связанных не только с международным общением, но и с внутренней жизнью каждой страны, каждого народа. И вот, я, человек весьма доверчивый в бытовых отношениях, привыкший верить и доверять людям, уже в своих ранних историко-культурных наблюдениях осваивал навыки и правила историка-профессионала. Вера – ничто. Достоверен и убедителен может быть только факт – взвешенный, всесторонне оценённый, прошедший многостороннюю комплексную проверку. Для меня постепенно становилась ясной прямая связь профессий историка-обществоведа и высококвалифицированного юриста-практика и историка права. Только мы, историки, часто останавливаемся в своём поиске несколько раньше, доказав правду или опровергнув ложь. И к тому же сохраняем право на некоторые эмоциональные оценки. Юрист же должен ещё думать об обязательном выигрыше процесса.

В предуниверситетский период на меня сильно повлияли методические научные принципы юриспруденции, работы историка России *А.Е. Преснякова* и особенно *М.М. Богословского*, также через своего учителя *П.Г. Виноградова* (будущего английского историка СредниХ веков – сэра *Пола Виноградова*), признававшего всевластие **достоверного факта**. С таким багажом знаний и кругом интересов я и пришёл на истфак МГУ в 1953 году.

К-Ф: Вы поступали на китайское отделение?

ПК: Когда в 1953 г. я поступал в университет (МГУ), то был уверен, что смогу поступить на китайское отделение. Наличие медали тогда избавляло от экзаменов и опасений. Но меня сразу оглушили тем, что я не смогу пройти медкомиссию. И я пошёл просто на истфак, в расчёте на то, что всё же буду заниматься Китаем. Нереализованным оставался опыт использования китайского языка. Но за первый же учебный год я убедился, что в пределах письменной истории фактические данные по древним эпохам, которые меня наиболее интересовали, практически очень слабо пополняются, и я стал склоняться к занятиям археологией...

Самое важное в любой профессии – добиться адекватного понимания того, что происходило. Мы занимаемся прошлым, поэтому мы должны понимать, как прошлое существовало. Причём для того, чтобы это уста-

новить, нам недостаточно обобщённых соображений: «А вот, может, было так, а, может, было этак». Нужно искать обоснования, которые бы позволили однозначно представлять себе уже произошедший процесс. И когда я с этим вопросом внутри себя столкнулся, то понял, что большинство исторических наук очень ограничены в своих источниках. Вот письменные источники – их вроде много, но они дискретные. Они не создают для вас сплошной последовательной картины развития. Так я пришёл к выводу, что если и стоит чем-то заниматься, то заниматься поздней доисторической археологией. И пошёл на эту кафедру. Благо, там не требовалось ни бегать, ни прыгать. У меня была жуткая гипертония – иногда я шёл на экзамен после того, как отлёживался. У меня кровь хлестала из носа. А после экзамена я приходил, и это начиналось снова. Жизни – никакой. Когда лежишь и что-то читаешь, это тоже довольно противно. Правда, я привык к ней ещё до этого в больницах.

Потом это прошло, кстати говоря, помогли экспедиции. К 3-му курсу у меня гипертония осталась, но уже не была такой отвратительно острой. Первые же экспедиции в Прикамье, а затем в Хакасию вовлекли меня в новую весьма разнообразную тематику. В это же время я нашёл наконец своего подлинного Учителя и старался всеми силами восполнить те образовательные, идейные, профессиональные лакуны, которые мешали мне в полном объёме воспринимать и усваивать то, что мне регулярно показывали и объясняли. Важно было научиться чёткому пониманию тех философских построений и логических связей.

К-Ф: Кто стал этим Учителем, и как вы его нашли?

ПК: Конечно, мне повезло, потому что в 1955 году я поехал в экспедицию в Хакасию. Руководил этой экспедицией *Сергей Владимирович Киселёв*, который был совершенно удивительным специалистом по эпохе бронзы. Член-корреспондент АН СССР С.В. Киселёв, зав. Отделом эпохи бронзы ИИМКа[88] и профессор МГУ, был учёным необычайно широкого гуманитарного профиля. Он до своей кончины в 1962 г. руководил журналом «Вестник Древней Истории», был членом редколлегий многих исторических серий и изданий, участвовал в написании и редактировании 10-томной «Всемирной истории» (с 1955).

Одним из серьёзнейших интересов и увлечений Сергея Владимировича была поздняя первобытная и средневековая история Китая. Он очень интересовался Китаем, прекрасно знал тогдашнюю китайскую археологию. Ему перевели в своё время японские тома по археологическим исследованиям Великой стены – то, что было. Ну, естественно, были книги *Йетмара*, *Лёра* и других уже работавших специалистов. Он сам поддерживал,

[88] Институт истории материальной культуры, позднее Институт археологии АН СССР, где и я работал с 1959 г. по 1976 г. (Примечание ПК).

насколько мог, после 1949 года, связи с китайскими учёными, в том числе с *Го Мо-жо*. Они [китайские учёные] признавали двух наших специалистов: *Алексея Павловича Окладникова* и Сергея Владимировича Киселёва, который к тому же проводил большие исследования в 1947–1948 годах в Монголии. А потом он работал в Хакасии, когда я к нему попал. Дальше он исследовал монгольские памятники в Читинской области. К сожалению, эта часть его работ – я недавно с коллегами вспоминал – осталась практически неопубликованной. А там был обнаружен большой монгольский центр.

Сам С.В. Киселёв, будучи учеником и сотрудником одного из старейших русских и советских археологов *В.А Городцова*, начал свои необычайно плодотворные работы в Сибири, которой в поздние годы жизни заинтересовался его учитель. И с 1928 года вёл их в разных регионах, на Алтае, в Забайкалье, в Хакасии, но также в Казахстане, МНР, повсеместно делая открытия, порою имеющие мировое значение. В этом он мог успешно состязаться с нашим коллегой академиком *А.П. Окладниковым* (1908–1981), с которым и мне в дальнейшем доводилось эпизодически работать.

К-Ф: Окладников тоже был одним из ваших учителей?

ПК: За время учёбы мне также довелось познакомиться и часто общаться с ним. Советская наука обязана Алексею Павловичу созданием сибирской школы китаистов, которая и поныне пополняется выпускниками Новосибирского государственного университета, и в виде Сектора включена в состав Института археологии и этнографии СО РАН. Фактически школу востоковедной археологии у нас создал, конечно, Окладников, а не Киселёв.

Хотя последний более глубоко интересовался соответствующими научными проблемами, это были выборочные проблемы, и у него не было людей, которых он мог бы использовать для этой работы. А Окладников работал с Восточным факультетом Ленинградского университета. Кстати, очень вам благодарен за книжечку с «Воспоминаниями...»[89]. Они дурацкие совершенно, абсолютно примитивные, но вводят в тот период. Это тем более важно для меня, потому что мне довелось работать потом, уже в сознательном возрасте и уже обученным, с этими ребятами – с *В.Е. Ларичевым, В.С. Кузнецовым, с Е.И. Кычановым, А.М. Решетовым.*

Это тот круг людей, которые действительно интересовались страной. И тут первым делом надо помнить и бережно и с уважением относиться к фигуре *Рудольфа Фердинандовича Итса*. Рудик Итс – это была удивительно яркая фигура. Он был одно время директором МАЭ – Музея антропологии и этнографии. Круг ребят, с которыми я потом общался, сложился

[89] Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. СПб., 2001.

благодаря Итсу, потому что у нас с ним очень доверительные, хорошие отношения образовались. В 1969 году он помог мне опубликовать первую статью, посвящённую китайским материалам: «К вопросу о происхождении иньских колесниц»[90]. Эта большая статья, очень ответственная, была сделана в 1962 году. С 1962 года она болталась повсюду, и её нельзя было опубликовать даже при том, что в 1967 году на неё дал очень хороший отзыв *С.Л. Тихвинский*, который сказал, что вполне публиковать можно. Это была статья памяти моего учителя Сергея Владимировича Киселёва. Я её сдал в «Советскую археологию», и, конечно, она там валялась долго-долго. За это время вышла другая статья, близкая по тематике, которая называлась «Гобийская квадрига»[91], она была посвящена другому моему учителю – Алексею Павловичу Окладникову. А эта вышла только в 1969 г., и только благодаря Рудику – он к ней нашёл китайский лубок в коллекциях МАЭ. Он говорил: надо же, чтобы что-то было из коллекций нашего музея.

Итс был очень хороший и интересный человек. Работать с ним всегда было большое удовольствие. Когда я приезжал в Ленинград ещё до поступления в этот Институт (ИДВ РАН), мы с ним очень много общались именно по китайской тематике. Как раз вторая половина 1960-х совпала со временем возрождения нашего китаеведения. Даже не возрождения, а, в некотором роде, восстановления после того погрома, который устроил Никита Сергеевич. И Рудик был, конечно, одним из самых ярких специалистов. Ну, и потом, это был удивительный человек, который легко со всеми общался. Понимаете, это так важно, чтобы была объединяющая сила, живая. Сейчас мы все разобщены ужасно, мы же никак не общаемся! По делу – ещё туда-сюда. А часто и по делу общение протекает не очень активно и интересно... Умер Итс совершенно нелепо, во время выступления на чьей-то защите во Владивостоке.

К-Ф: Сердце?

ПК: Да, думали, что у него был инсульт. Он был здоров, но перегрузки огромные, и многочисленные перелёты. Он должен был быть у меня оппонентом в 1990 году на защите докторской диссертации. Как я посчитал, я с ней задержался на 14 лет – потому, что работа у меня была готова в 1974 году. В это время многие мои однокурсники защищались, но у меня был конфликт с директором ИА АН СССР, академиком *Б.А. Рыбаковым*. И вместо защиты мне пришлось перейти в Институт Дальнего Востока в мае 1976 года. С тех пор у меня появилась возможность работать в двух направлениях.

---

[90] *Кожин П.М.* К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 25. Л., 1969.

[91] *Кожин П.М.* Гобийская квадрига // Советская археология. № 3, 1968.

К-Ф: Если вернуться к университетским годам, чему учил вас Киселёв?

ПК: Формально я, как и мои однокурсники и коллеги, прослушал у С.В. Киселёва два спецкурса по бронзовому веку Китая и значению региона в истории Евразии. Но, начиная с 1955 года, с участия в многомесячной экспедиции в Хакасии, когда С.В. Киселёвым был раскопан гигантский погребальный и ритуальный комплекс раннего железного века (тагарская эпоха, IV–III вв. до н. э) – курган Салбык в Уйбатской степи, я всегда имел возможность обратиться к Сергею Владимировичу за разрешением любого серьёзного профессионального вопроса. Именно С.В. Киселёв весной 1959 года дал мне возможность выступить на ежегодном Пленуме отделения Истории АН СССР и Института археологии с сообщением о сделанном мною открытии в области изучения среднерусской фатьяновской культуры бронзового века, о её месте в системе амфорных культур и культур шнуровой керамики бронзового века Европы (начало II тыс. до н.э.). При этом, хотя мои курсовые работы и диплом были выполнены на материалах восточно-европейского прошлого, именно Киселёв вернул меня к полноценной работе над китайскими археологическими материалами.

Он также обращал моё внимание на то, что занятия Китаем – тематика комплексная, что традиционная китайская культура не прекратила своего существования, что она полностью жизненна и продолжает полноценно существовать, находя эмоциональный, моральный, этнокультурный отклик в душе и сознании каждого представителя великого китайского народа. Таким образом, я впервые подошёл к проблеме **этнических традиций**, теме кардинальной в исследовании большинства аспектов прошлого, в равной мере связанной и с материальной, и с духовной составляющими культуры каждой в той или иной степени монолитной людской общности. Позднее, при переходе на работу в 1976 году в ИДВ АН СССР, эта тематика стала частью моих исследований, первоначально проводившихся под руководством *Л.С. Переломова*.

Конечно, Сергей Владимирович меня заинтересовал и своим лекционным курсом по Китаю в 1960 году. Это было уже после окончания мною университета – его пригласили приехать китайцы, и тогда он издал общий обзор археологии бронзового века в журнале «Советская археология» (1960, № 4). Большой обзор, очень своеобразный. Для своего времени это было большое событие.

Вообще, на вопрос об учителях мне отвечать довольно трудно. Как-то перед одной неприятной операцией, когда планы было разрабатывать несвоевременно, я стал составлять список своих учителей за многие годы (до 1998). К числу упомянутых необходимо, конечно, добавить этнографа-археолога *В.Н. Чернецова*. К счастью, о нём мне приходилось неоднократно

писать. Нужно добавить и выдающегося советского антрополога проф. *В.В. Бунака*, о котором тоже и говорить, и писать удавалось много.

Но учиться можно и у людей, которых уже невозможно было увидеть, но оставались книги, письма. О воспоминаниях не говорю: редко в них речь серьёзно идёт о деле, которому посвятил себя тот или иной специалист. Причём часто в воспоминаниях кто-то задает тон, а затем присоединяется слаженный, восторженный, многоголосый и порою весьма неумный фон. Многие научные разработки тонут в этих одобрительных восклицаниях. И проекты умерших учёных не воплощаются именно из-за того, что их удушают эти волны бессмысленного восхищения. Посмотрите на публикации таких изданий, как ЖЗЛ[92]. Они становятся похожи на какие-то заздравно-мемориальные тосты. А ведь для каждого открытия, научного успеха, изобретения существовала своя эпоха, среда, окружение учёного, его сторонники и критики. С этим я особенно серьёзно столкнулся, занимаясь проблемами, разрабатывавшимися *Т.Р. Мальтусом*. Как серьёзнейшего специалиста в области политических, экономических, статистических исследований, добродетельного христианина, приоткрывшего человечеству некоторые вневременные общечеловеческие законы развития (антропология, этнология, экология, политическая экономия, право и т. д.) превратили чуть ли не во врага человечества. Превратили тогда, когда он встал на пути распространения безответственных социально-политических сказок о якобы безоблачном прекраснодушном мире, который пригрезился некоторым политикам и целенаправленная пропаганда которого вовлекала в безответственные поиски «моделей будущего счастья» гигантские невежественные массы. А ведь китайские политики учитывали «закон народонаселения Мальтуса» при выработке в КНР своих законов народонаселения, ограничения рождаемости и пр. У Мальтуса было и есть чему учиться, кроме гражданской смелости, честности и принципиальности. Но его учение в последующие столетия требовало серьёзной научной разработки в свете дальнейшего развития биологических и социальных наук. В частности, с позиций физической, воспитательной, социальной антропологии. Но его идеи использовали преимущественно как некие лозунги в политической борьбе, экономической пропаганде. Я и поныне работаю с его трудами и, конечно, учусь у него.

Также учишься у нашего отдалённого теперь уже предшественника академика *В.П. Васильева* (1818–1900), у крупнейших русских востоковедов: барона *В.Р. Розена* (1849–1909), *П.К. Коковцова* (1861–1942), *В.В. Бартольда* (1869–1930) и многих других.

Наконец, сама история науки – это не просто перечисление научных открытий, как часто она воспринимается. В действительности для каждой

[92] ЖЗЛ – знаменитая в России серия биографических книг «Жизнь замечательных людей».

эпохи это подробнейшая разработка проблем, касающихся потребностей, забот и интересов человечества, которые на том или ином уровне в каждую новую эпоху должны быть решены средствами науки. Входя в XX в., человечество лучше сознавало свои коллективные задачи, чем впоследствии. Иллюстрацией этому могут служить задачи, поставленные *Д. Гильбертом* перед математикой наступающего века, разрешение которых способствовало всеобъёмлющему росту возможностей, достижений науки, упрочению её позиций во всех сферах хозяйственной и социальной жизни. Как было не учиться у таких людей?! Как возможно было не изучать их подлинные труды, прослеживая их методологические приёмы и доказательную силу их аргументов?! Чувствую, что здесь надо остановиться, а иначе я не смогу выбраться из вопроса о своём ученичестве. Учиться ведь к тому же очень приятно. И не только скорбь, как говорил Екклезиаст, умножа***ю***т и познания[93].

К-Ф: Как складывались ваши отношения с китайским языком, и кто вам его преподавал?

ПК: Это очень существенно. Вот что получилось. Когда я решил, что мой выбор – язык и история, мама меня постаралась образовать. Она нашла мне преподавателей по немецкому, французскому и английскому языкам. Польский язык мне преподавали с детства, славянские языки более широко, чешский и прочие.

К-Ф: То есть комплексно подошли к вопросу языков.

ПК: Да-да. Моя мать была человеком решительным, так сказать, военным. Какая-то уже семейная черта такая появилась. У неё-то семья совсем другая, потому что она была наполовину татаркой, и её татарские родственники жили в Бахчисарае – огромный татарский клан. А в революцию она пошла потому, что в 14 лет пережила стресс. Стресс состоял в том, что, когда проходит религиозная конфирмация, женщин не пускают в алтарь. Её это оскорбило. Вот человек! Она 1905 года рождения, а это был 1919 год. Она возмутилась совершенно – понимаете, как это может быть? Женщин не пускают в алтарь! Это первая обида. А вторая обида – она стала взрослой девушкой по татарским законам, и родственники перестали принимать её так, как они принимали её ребенком. В детстве она туда могла приехать, и ей выделяли нукера, который с ней ходил повсюду, водил. Она мне показывала, как он её водил к Бахчисарайскому фонтану. Она могла ходить свободно к любым родственникам – там их было множество, потому что у её деда, у моего прадеда, был гарем. И он, соответственно, оставил огромное наследство из дядюшек, тётушек.

---

[93] У Экклезиаста (1, 18): «Кто умножа***е***т познания, умножа***е***т скорбь.» Я же подчёркиваю, что не только скорбь, но умножа***ю***т и познания (примечание ПК).

И, обидевшись, человек ушёл в революцию. Так что она с 14 лет вступила в партию. Потом сделали поправку, что она вроде как в комсомоле была, хотя тогда никакого комсомола не было в Крыму. Но она в эту нашу военную семью Кожиных вписалась, и сама она человек волевой и решительный, и знающий, что почём.

И вот она, ни больше ни меньше, как пошла в МИВ (Московский институт востоковедения, учебный институт) и попросила декана китайского факультета, это был *Вячеслав Иванович Пеньковский*, со мной заниматься. Его знали Л.С. Переломов, *А.Г. Яковлев*, недавно умерший *С.П. Поляков*, *Э.В. Никогосов*, – все, кто учился на китайском и на уйгурском отделениях. И мама договорилась, что он будет мне преподавать язык.

К-Ф: А сколько вам лет в это время было?

ПК: Сейчас я вам скажу: это был 1947 год. До 1949 года он занимался со мной, с перерывами, потому что я ещё в больнице успел полежать. Задания я выполнял, лёжа там. Мне было 13 лет. То есть, до 15 лет я учился китайскому языку. Учился я ещё по старому военному учебнику, учебнику *И.М. Ошанина*. И это было моё китайское образование. Этим всё кончилось.

Дальше я уже только читал и никогда не пытался учиться дальше разговорному языку. А вот письменная классика меня всегда очень привлекала. А главное, поражало, что так немного нужно звуков, чтобы передать все многообразие вещей, ситуаций, чувств.

К-Ф: Кто из китаеведов учился вместе или одновременно с вами?

ПК: Когда меня приняли в МГУ, я учился с *А.А. Бокщаниным*, с *О.Е. Непомниным*. Из предшествующих выпусков был у нас *Ф.Б. Белелюбский, Слава Иовчук* 1956 г. выпуска, с ними общались. Заметных китаеведов того времени из Московского университета почти не осталось. Всё же центр был настоящий в Ленинграде. Как он был от *Василия Михайловича Алексеева*, так он и остался там. Конечно, преподаватели хорошие и у нас были: *Л.Д. Позднеева, Л.В. Симоновская* и др.

К-Ф: Чем для вас памятны годы обучения в МГУ?

ПК: В науке того времени остро проявлялись новые веяния. Они коснулись проблем происхождения Человека, начала гуманитарной эпохи в истории Земли. Многие догмы в науках начали пересматриваться. Антропологические и этнологические знания (тогда это была только этнография – этнология же сближалась с «буржуазными лжеучениями») стали более конкретными и медленно выходили из-под пресса догм, которые создал «русский марксизм» за предшествующие четверть века своего «всевластия». Всё это стало интересно изучать, и, помимо личных библиотек друзей моих родителей, я широко пользовался богатствами университетской библиотеки, которая открылась для меня с 3-го курса обучения. В ней,

конечно, не было марксистских поисковых работ 1920–1930-х годов, хотя их никто и не запрещал, но у меня были возможности с ними знакомиться.

Запомнились широкие дискуссии по многим проблемам первобытного общества. Не стану их описывать, они подробно отразились на страницах журнала «Советская этнография». А кое-что дошло до «Вопросов философии» и даже вновь созданного в 1957 году журнала «Советская археология». Последний был более ортодоксален: профессионалы, зрелые специалисты не забыли итогов «дискуссий» 1920–1930-х годов, проводившихся в периодике и монографиях ГАИМК[94] и её отделений, а также обсуждение «проблем языкознания» с 1950 года и «экономических проблем социализма» с 1952 года. Впрочем, последняя проблема резко активизировалась ещё до XX съезда КПСС, в связи переоценкой роли денег при социализме, подступам к освоению целины и не слишком толковыми рассуждениями о различных социально-экономических и политических проблемах «социалистического общества». Того общества, которое начали срочно и самоуверенно «реформировать», забыв ещё совсем свежий завет о необходимой осторожности при проведении реформистских экспериментов на живом массовом человеческом материале.

Сложное, головоломное было время. Трудные годы переживал университет. Особенно, конечно, экономический, юридический, философский факультеты и истфак. Готовилось первое за долгие годы крупное международное массовое мероприятие – московский Всемирный фестиваль молодёжи и студентов 1957 г. Я упоминаю об этом могучем фоне нашей повседневной жизни не потому, что сам в чём-то активно участвовал (кроме археологических экспедиций в Западной Сибири, на Урале, в Среднеевропейских районах СССР и командировок в музеи для знакомства с этнографическими и археологическими богатствами страны), а потому, что во всех сферах жизни чувствовалось оживление. Идеология, с которой тесно были сближены все сферы науки, начала сдавать свои позиции и проявляла себя какими-то импульсами, то становясь непомерно жёсткой и ортодоксальной, то в ней обозначались явления «оттепели», о которых так любят теперь рассуждать некоторые старикашки.

К-Ф: Какие проблемы интересовали лично вас в университетские годы?

ПК: Уже в 1955 году я составил список проблем и направлений исследований, в разрешении которых я хотел и (как мне казалось) мог бы принять участие. Список где-то у меня случайно сохранился, но искать сейчас не стану. Записал случайно: было время на лекции. Перескажу «своими сегодняшними словами», что мне представлялось необходимым изучить для того, чтобы стать активным, полноценным и полноправным исследовате-

[94] Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

лем в намеченных областях. Программа эта мною и поныне реализуется, но в ней произошли многие изменения и дополнения, которые отразились, так или иначе, в моей библиографии. Кстати, непосредственно и исключительно Китаю в ней принадлежит не более 40% публикаций.

I. Расселение человечества по основным регионам Евразийского пространства в послеледниковую эпоху и последующие его перемещения, переселения, миграции, вплоть до «Великого переселения народов» (V–VIII вв. – мне так представляются датировки этих событий);

II. Перемещения различных языковых групп (особенно, дистанционно отдалённые по отношению к центрам данной языковой семьи);

III. Связь всей системы указанных явлений с особенностями и развитием материальной культуры (а также с резкими изменениями такой культуры), а через эти проявления с развитием, изменением, разрушением, переориентацией духовной культуры и языковой среды;

IV. Зависимость материальной культуры от формирующегося и развивающегося производства[95] выражается для исследователей в выявлении областей[96], где все[97] материальные остатки группируются в серии однотипных предметов, производство которых осуществлялось по сходным технологиям, а функциональное их применение было в пределах каждой серии одинаковым. Такие области, где также выражены единые тенденции в домостроительстве, обрядах, погребальных и праздничных ритуалах и т. п., сложной мозаикой своих территорий и их границ перекрывали всё пригодное пространство Евразии для относительно неугнетённого проживания людских коллективов. Они изменяли при переходе от одного хронологического периода к другому, как в калейдоскопе, свои параметры и конфигурации и получили название **археологических культур**[98];

V. Следующий массив проблематики связывался с самим производством и производственными технологиями, сходство которых в пределах археологических культур и целенаправленное единообразие развития дают наиболее надёжные основания для того, чтобы за материальным единством видеть культурное, духовное единство.

Впрочем, даже в изначальном (учебном, студенческом) варианте мой подход имел некоторое своеобразие. Во-первых, я считал бессмысленны-

---

[95] Изменение производственной культуры далеко не всегда означает смену биологической популяции (имеется в виду, что более раннее население бывает уничтожено или практически полностью вымирает, как считалось ранее), а всего лишь указывает на переход политической (насильственной) власти к коллективам иного этнокультурного происхождения, имеющим иной историко-культурный опыт хозяйственного, производственного и духовного развития (примечание ПК).

[96] Географических регионов, ареалов (примечание ПК).

[97] Или хотя бы основные их виды (примечание ПК).

[98] В этнологии нечто подобное связывается с понятием **культурных кругов**. Но эта проблема требует неуместных здесь многосложных разъяснений (примечание ПК).

ми и нелепыми попытки моделировать внешние параметры древних изделий с помощью современных технологий, пусть даже и простых, которые *казались* исследователям доступными для древнего мастера. Моей целью становилась фиксация и объяснение древней технологии как визуальными, так и инструментальными средствами. Во-вторых, классификация древних предметов материальной культуры должна осуществляться с учётом сходства, идентичности, аналогичности применяемых для их изготовления производственных технологий. Чисто формальное сходство, часто при отсутствии данных и реальных знаний о функциях предметов, делает классификацию зыбкой, а значение её для реконструкций культуры – ничтожным. В-третьих, к 1955 году в научной среде ещё не возникло такое слепое доверие к любым формам статистики, которое стало буквально поветрием, начиная со следующего десятилетия. Но в некоторых областях это воздействие статистики уже проявилось, и было, как минимум, бестолковым. В том числе – определение процентных отношений и попытки считать их достоверными, когда многие серии археологических находок исчисляли числами, не превышающими десятка экземпляров (и это даже при развороте археологических работ на крупнейших «стройках коммунизма» – гигантских гидростанциях). В-четвёртых, я исходил из положения, что каждая наука должна иметь **полный самостоятельный набор исследовательского инструментария**, который позволял бы при использовании методов других наук (в том числе и точных – технических) подвергать их данные анализу и проверке собственными надёжными и объективными средствами.

Кажущееся столь чрезмерно подробным перечисление особенностей первобытной археологии как исторической дисциплины подводит к вопросам, прямо касающимся древней истории Китая. Они связаны со степенью и формами культурной изоляции Китая от всего Евразийского пространства и особенностью его контактов с ближайшими древними соседями, точнее, с народами, особенно кочевыми, населявшими Центральную, Северную и Южную Азию. Древним китайским учёным и современным исследователям было свойственно представлять свою родину как стойкий политико-культурный изолят, лишь эпизодически иррадиировавший вовне на другие народы и государства отблески света своей культуры, культуру Великой Срединной империи или Поднебесной (Чжунго, Тянься). И хотя известно, что Китай в историческую пору и в древние времена подвергался неоднократным нашествиям «варваров», постоянно предпринимались попытки хотя бы ослабить значимость таких непривлекательных эксцессов. То «варвары» были «родственным населением», то жили поблизости и, тем самым, приобщились к высокой культуре. По сути, оба эти эффекта отражают совершенно определённое состояние народной духовной культуры, когда в дихотомии «свой–чужой» обязательно отражается

скрытый смысл: «свой – хороший» – «чужой – плохой», а чем дальше, тем хуже. Отсюда следует, что и своя «домашняя» культура, в том числе и материальная – самая лучшая. И только её мы признаём, а потому не берём ничего чужого. Так возникли мифы о местном начале бронзового века, об исконно местной культуре расписной керамики, о местном возникновении коневодства и, наконец, о самостоятельном изобретении лёгкой боевой колесницы в Китае.

Так, проблема появления боевых колесниц в Китае в ходе развития там культур бронзового века, становления и развития государственности стала одним из основных моментов, связывавших мои археологические[99] и исторические интересы, сфокусировала моё внимание на более общих китаеведческих проблемах.

Моё внимание всё больше стали привлекать тексты китайской древней классики. Так уж получилось, что изданная в 1950 году работа *Ян Хиншуна* о *Лао-цзы* привлекла моё внимание к тексту *Даодэцзина*, изучением которого я занимаюсь уже около 60 лет. За ним последовало издание в 1960 году академиком *Н.И. Конрадом* работы *Ю.К. Щуцкого* по *Ицзину*, которое меня весьма разочаровало не только своим «марризмом», но и каким-то духом модернизма, подспудной попыткой выделить этот памятник из общего массива древнейших нарративных текстов.

Позже, знакомясь с литературой эпохи *Чжаньго*, я узнал, что все сакральные, религиозно-магические знания и «профанная» литература, проходя через сложные и многообразные формы речевого общения, изначально сливались в единый мощный поток нарастающего рационального сознания, восходящий к духовному своеобразию общекитайской народной культуры. Эта культура складывалась у населения, концентрировавшегося в бассейне среднего течения Хуанхэ, начиная, по всей видимости, ещё с неолитических времён. Но, чтобы прийти к такому заключению, понадобились многие годы работы, знакомство с современными формами традиционной культуры, длительный период работы в ИДВ среди специалистов – страноведов, дипломатов, экономистов, часто прошедших огромный путь практической работы в Китае. А ещё, что не менее важно, понадобилось не только прочитать, но и начать глубоко изучать книгу *Чжуанцзы* и творческое наследие *Сыма Цяня*.

К-Ф: Чему была посвящена ваша дипломная работа?

ПК: Заканчивая тему своего университетского образования и становления как специалиста в сфере гуманитарных знаний[100], сообщу, что ди-

[99] Становление производственно-технических объединений, обособление профессиональных производственно-отраслевых группировок в гончарстве, металлообработке, работах с камнем, деревом, кожей, костью и т.п. (примечание ПК).

[100] Я не случайно употребляю этот расширительный термин: он соответствует тематике моих публикаций, а также работ, в которых я был научным, ответственным и даже издатель-

плом я защищал по археологической теме. По времени и территории он относится к бронзовому веку Европы. Руководителем работы стал один из крупнейших советских археологов – профессор *А.Я. Брюсов*, сводный брат поэта В.Я. Брюсова, несколько комично представленный в дневниках последнего: «...полиглот, аматёр в сфере русской истории, прекрасный знаток жизни и быта русского, особенно московского и петербургского, дворянства и купечества, порубежных десятилетий XIX–XX вв. Ни от кого я не слышал такого количества былей, басен, анекдотов о той уже смешанной, а не обособленной сословной жизни того времени, как от этого очень грамотного, но крайне недоброжелательного человека. Никто из моих родных никогда не позволял себе подобного, хотя опыт и "знания" в этой области могли быть равноценными...». Но для диплома Брюсов дал мне возможность использовать материалы фатьяновского могильника, раскопанного им в окрестностях г. Ногинска. Я уже говорил тут о «фатьяновской культуре» и не стану трактовать эту стороннюю для китаеведения тему. Не знаю, сознавал ли Брюсов возможный эффект своего благородного поступка[101]. Мне же эта работа и вся связанная с ней тематика «стала боком». Собственно, с этого диплома и начинается мой долгий и тяжёлый путь к моей нынешней профессии.

К-Ф: Куда вас распределили после окончания МГУ, и как складывалась ваша профессиональная карьера?

ПК: Я был распределён в Институт археологии, директором которого был до 1987 г. академик Б.А. Рыбаков. В силу возникших у меня с ним сложных противоречий мы не только не смогли найти с ним общий язык, но со временем наши отношения обрели характер для меня весьма угрожающий. А противоречия эти были сосредоточены как раз вокруг «фатьяновской культуры», так как в моих занятиях этой проблемой Рыбаков видел угрозу научным интересам одного из своих протеже. И вот, восемь лет, до утверждения моей кандидатской диссертации в ВАКе[102] в январе 1968 года[103], я проработал лаборантом-реставратором. Тогда был такой порядок, что Министерство выделяло на каждого распределённого в научные учреждения ставку м.н.с. А директора имели право разделить эту

ским редактором. Мне было бы стыдно перед коллегами, по работам которых я выступал оппонентом на диссертационных защитах или рецензентом по многочисленным монографиям и сборникам, если бы я постоянно не стремился, хотя бы пассивно, овладевать тем объёмом знаний и научных методов, которым обладали специалисты, доверявшиеся моим непредвзятым оценкам (примечание ПК).

101 Специалисты такого уровня обычно не предоставляют молодежи права свободно распоряжаться результатами своей полевой, да и научной работы: Брюсов уже опубликовал, что тогда было крайней редкостью, этот памятник в шведском журнале.

102 После повторной защиты (примечание ПК)..

103 К тому времени я был уже членом КПСС и председателем месткома института (примечание ПК)..

ставку, чтобы оставить «молодому специалисту» оклад лаборанта, а превышавшие его 46 рублей разделить между старослужащими. В 1962 году нам даже присудили звания «младший научный сотрудник». На зарплате, понятно, это никак не отражалось, как и на реальном статусе. Спасибо, что не запрещали заниматься наукой. Мне даже позволяли быть секретарём Иностранной группы института и быть титульным редактором нескольких сборников. Впрочем, овладение профессией реставратора керамики, когда через мои руки проходили материалы от античного времени до неолитической эпохи из разных регионов СССР, делало более серьёзными и полноценными мои научные работы.

Но такое «благоденствие» не могло долго продолжаться. После перехода из Лаборатории в Сектор неолита и бронзы мне порекомендовали сменить тему. О публикации моей кандидатской работы, посвящённой, естественно, происхождению той самой «фатьяновской культуры», и речи не заходило. Хотя и сейчас, по прошествии почти 46 лет, продолжая работу и в той области (большая статья должна выйти в обозримом будущем), я могу уверенно утверждать, что монография была полезная, своевременная и могла резко изменить направления исследований этой культуры.

В итоге я выбрал новую тему по изучению происхождения и развития колёсного транспорта. Тогда, после работ английского учёного *В.Г. Чайльда*, тема казалась исчерпанной. А мои статьи 1966–1972 годов «Кносские колесницы»[104], «К вопросу о происхождении иньских колесниц», «Гобийская квадрига» и др. касались вроде бы частных вопросов. Написаны, правда, были здорово. А «Гобийская квадрига» вызвала у академика Рыбакова настолько отрицательные эмоции, что он поссорился со своей любимой ученицей и прогнал её из редакции «Советской археологии». Но сделал это вовсе не из-за содержания статьи, а из-за того, что эта статья, посвящённая 60-летию ак. А.П. Окладникова (СА, 1968, № 3), вышла, по недосмотру этой ученицы, точно к моменту юбилея. Статья, посвящённая памяти С.В. Киселёва, тоже «врага номер один», была напечатана в ленинградском сборнике Музея антропологии и этнографии (т. 25, 1969). Хоть она и пролежала 7 лет в портфеле «Советской археологии», но не попалась на глаза Рыбакову даже в напечатанном виде.

К счастью для меня, не были замечены тезисы и доклад, практически представлявший основные положения будущей монографии о транспорте, который я сделал чуть ли не в день своей кандидатской защиты в Институте этнографии АН СССР (11.05.1967). Ну, просто, видимо, такой «наглости» от диссертанта никто не ожидал. Смешно, но это факт! Когда меня начали ограничивать, то ограничивали именно керамику, бронзу, вообще производство: кто знает, что он там напишет. Но поначалу Рыбаков

[104] *Кожин П.М.* Кносские колесницы. Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

не воспринял колёсный транспорт как серьёзное дело. Как раз я заканчивал первый вариант своей докторской диссертации[105]. И когда я попросил несколько командировок в кавказские и прибалтийские музеи, мне было «милостиво» сказано: «А – это *вы* турусами на колёсах занимаетесь? Ну, поезжайте!». И с этими турусами он меня отправил. Однако через год после этого он уже в ярости топал ногами перед *Б.А. Фроловым*, моим другом и учеником *А.П. Окладникова*: «Что это вы пишете, что этот ваш Кожин про транспорт что-то пишет. Я уже про это всё написал!»[106].

В ноябре 1974 года я представил Сектору свою законченную плановую монографию «Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н. э. по первые века н. э. (Происхождение и древняя история колёсного транспорта)» (25 п.л.). Обсуждение вылилось в поношения. Перед этим кто-то распустил слух, что я собираюсь эту работу защищать как докторскую. Что, кстати, было бы вполне закономерно, хотя я сам с такими вещами никогда не торопился. Но уже успели поторопиться за меня, объявив мне строжайший партийный выговор, непонятно за что. Даже формулировка была окончательно придумана лишь когда снимали этот выговор (в Черёмушкинском РК КПСС в 1975 г.). В марте 1976 года Рыбаков провёл для меня переаттестацию с отрицательным результатом[107]. Но как раз после этого пришло для меня разрешение на перевод со ставкой в ИДВ АН СССР. Куда я и был зачислен по решению президиума Академии с 2.05.1976.

К-Ф: Наверно, получить такое разрешение на перевод в другой институт было в то время непросто?

ПК: Вопрос об этом переходе был согласован через РК КПСС ещё в самом конце 1975 года, но процедура оформления была долгой. Я глубоко признателен за объективность и доброжелательное отношение 1-му секретарю Черёмушкинского РК КПСС В.Т. Полунину, директору ИДВ РАН, членкору АН СССР *М.И. Сладковскому* (позднее, при наших кратких рабочих беседах, я узнал, что он учился во Владивостоке у профессора *К.А. Харнского*, по монографии которого я начал систематически изучать историю Китая). Я благодарен всем участникам собеседования[108] (дек.

[105] Она лежит в ИНИОНе, депонирована, причём не полностью и без иностранной библиографии. Там иностранной библиографии раза в 4 больше, чем русской (примечание ПК).

[106] Это была, простите, какая-то болтовня в «Вопросах истории» (примечание ПК).

[107] Чтобы не обижать Институт археологии, отмечу, что голосование было отнюдь не единогласным (примечание ПК).

[108] Некоторых из них уже нет в живых. Когда я писал в 2006 г. для ПДВ мемориальную заметку о зам. директора ИДВ *В.А. Кривцове*, то надеялся передать в ней реальные воспоминания об этом замечательном человеке и учёном, выразить благодарность за его внимание и поддержку, которые он проявлял ко мне, начиная с первой встречи в райкоме. Но непарадная тональность, как выяснилось, противоречит духу журнала, и из воспоминаний о человеке получился едва ли не бюрократический официоз (примечание ПК).

1975), которое определяло мою профессиональную пригодность для работы в ИДВ.

К-Ф: Как сложилась для вас работа в новом институте?

ПК: Я с радостью и энтузиазмом принялся за новые для себя аспекты гуманитарных знаний, работая под началом профессора *Л.С. Переломова*, при доброжелательной поддержке руководителя сектора *Т.Р. Рахимова* и заместителей директора *В.А. Кривцова* и *М.Н. Данилина*. Но, как историк, я извлёк из ситуации практический урок, показавший мне, насколько литературная бытовая драма, с её условными акцентами и переломными моментами действия, может быть близка к повседневной действительности.

К-Ф: Выходит, вам пришлось снова менять темы исследований?

ПК: Окончательное решение моей судьбы в Институте археологии определил момент, когда под конец обсуждения моей монографии я сказал, что раз тема транспорта не является для собравшихся убедительной[109], то я вынужден буду вернуться к своей прежней «фатьяновской» теме. Такого не мог допустить мой директор! Это был прямой ущерб его авторитету и достоинству. Как давно всё это было! И даже, учитывая все наши перемены, в «другой стране»! Я люблю свою родную страну. Глубокие исторические корни связывают меня с ней, и возлагать на неё, на специфику её общественного и политического строя, ответственность за действия непорядочных людей, да и хаять этих людей, уже ушедших из жизни, я не намерен. Поэтому буду краток, коли опустить эти моменты пути в профессию я не могу.

К-Ф: И всё же, темы и планы своей научной работы вы выбирали сами?

ПК: Свои рабочие темы я всегда определял сам. Это не значит, что я не готов выполнить посильный для меня заказ, указание или поручение руководства. Я вполне адекватный и законопослушный человек. Но для того, чтобы с пользой для дела и с профессиональной грамотностью выполнить какое-то задание, я должен **сам, осознанно**, а не по принуждению, освоить всесторонне тот предмет, с которым предстоит иметь дело, а коли этого не смогу, то честно откажусь.

К-Ф: Но темы ваших профессиональных интересов и исследований не всегда совпадали с официальными планами...

ПК: Я всегда шучу, что моя профессиональная подготовка обошлась нашей стране минимальными расходами. Я не отбывал аспирантуру, не был в докторантуре. Более того, лишь два раза в двух институтах, где я работал, мои плановые темы были основным предметом моих профессиональных интересов. В 1968–1974 годах, в Институте археологии – это

[109] Дальнейшие события подтвердили её актуальность и перспективность (примечание ПК).

была тема по сухопутному колёсному транспорту, завершившаяся двумя монографиями. Первая из них была депонирована в 1982 году, благодаря тому, что дирекция ИДВ дала средства на перепечатку текста и русской библиографии. Это был сокращённый вариант работы, к тому же лишённый ссылок на иностранные источники.

В 1976–1993 гг. – первые 17 лет работы в ИДВ, я действительно, в качестве основных занятий придерживался предписаний планкарты: вначале это были проблемы идеологической и политической жизни современного Китая, связанные с соответствующими аспектами традиционной жизни страны. Это направление работ отчасти отражено в исследованиях, проведённых небольшим, но слаженным и дружным коллективом, состоявшим из *Л.С. Переломова, Г.Ф. Салтыкова, П.М. Кожина.* Нами были выполнены несколько совместных и индивидуальных статей на эти темы, вошедших в подготовленные нами же объёмные сборники «Информационных бюллетеней ИДВ»[110], а также опубликованных в ПДВ[111]. Итоговая обобщающая глава по этой теме содержится в коллективной монографии 1994 года «Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР». Работа по традициям Китая была выполнена в форме монографии и также опубликована в 1982 году[112]. Параллельно я продолжал исследовательскую работу по всем темам, разрабатывавшимся мною в предшествующие годы: жизнь действительно коротка, и любое начатое серьёзное дело нельзя бросать, коли ты его начал. Это невероятная расточительность и безответственность, бросать работу в её разгаре, да и просто «на полдороге».

И ещё, с самого начала моей трудовой деятельности в числе моих общественных обязанностей оказалась атеистическая работа (с 1960). Я никогда не проникался вольтерианским духом, и вопли «великого просветителя» *Ж.-Ф. Вольтера* о церкви, которая его обучила и ввела в жизнь: «Раздавите гадину!» – мне были омерзительны. Но я занимался тем, что позднее стали называть сравнительным религиоведением и его историей. В ИДВ у меня появилась возможность расширить эту проблематику за счёт китайского и восточноазиатского материала. Отношение к религиозным учениям здесь было совершенно иным, по сравнению с западными традициями, и мне было важно объяснить это различие, чтобы отвергнуть глупую по сути своей идею сквозного «всемирного» сопоставления «форм религиозности», будто бы определявших «народный дух». Идею, которая после легкомысленного постулирования её *М. Вебером* стремительно вошла в моду к середине XX в. Собственно, именно такой подход я использовал и в своих лекциях по линии общества *«Знание»*, где мне довелось быть с начала 1980-х годов председателем секции научного атеизма в Се-

110 1980, № 20; 1982, № 33.

111 Проблемы Дальнего Востока. 1983, № 1; 1984, № 2.

112 Информационный бюллетень. № 32, 1982.

вастопольском районе Москвы, и в работе комиссии по научному атеизму, которую возглавлял в Севастопольском РК КПСС до 1990 года. То есть, я не занимался «разоблачением магии», наглядно показанном во всём его идиотизме *М.А. Булгаковым*, а старался предъявить аудитории различные точки зрения на проблемы, порождённые именно «народным духом».

В моём личном мировоззрении соединялись проблемы региональных, этнокультурных, национальных путей развития духовной культуры с общемировыми константами человеческого разума и духа. В научном плане это отражено в написании обширной монографии «Социально-культурные проблемы религий в Китае», законченной в 1984 году. Она не сразу попала в издательский план, сначала из-за трудностей перепечатки[113], и в дальнейшем как бы самоисключилась из плана уже в связи со сменой идеологических акцентов, отказа от идеологии и необходимостью редакторской правки[114]. Осталось несколько статей, обзоров, тезисов, глав во 2-м томе «Энциклопедии духовной культуры Китая» (2007), обзоров и биографических справок в словаре «Китайская философия» (1994). Правда, в этих двух последних изданиях моим разделам здорово «досталось» от очень вольной редакторской правки, в основном исполненной неким *А.Г. Юркевичем*, ставшим среди китаистов «учёным-энциклопедистом», но не по объёму и качеству знаний, а по назойливому внедрению во все виды особенно никудышных энциклопедий и словарей, которые стали поистине стихийным бедствием нашей «постсоветской» эпохи. В основном эти издания показывают, как легко великие достижения человечества превратить в неосмысленную жвачку. Может, с их помощью будет легко сдавать ЕГЭ?

К-Ф: Какую научную тему вы всё же считаете главной для себя?

ПК: Есть несколько уровней подхода к этому вопросу. На практическом уровне для меня важно развитие производства, причём в самом широком плане. Развитие производства не только как общая, постепенно возвышающаяся колонна, а развитие производственных отраслей. Потому что развиваются они очень по-разному, и постоянно в каждом хозяйственном организме и политическом организме это развитие происходит по-разному. И в то же время в самом развитии эти производственные отрасли бывают очень сложно взаимосвязаны, возникают взаимосвязи в разных типах производств.

Я-то занимаюсь не только Китаем. Китай для меня – важная, но не единственная область приложения моих знаний и моих интересов. Я занимаюсь и массой евразийских древних и этнографических традиционных культур. Менее важными для меня оказались в этом отношении северо-

[113] В ней был чрезмерно сложный многоязычный сносочный аппарат и библиография из более чем пары тысяч изданий (примечание ПК).

[114] В основном технической, так как у меня не было оснований отказываться от текста, написанного на основе стойких здравых убеждений (примечание ПК).

американские индейцы. Там у меня интересы ограниченные, потому что я занимался там очень тщательно плетёными изделиями. Я их изучал в МАЭ и публиковал коллекции оттуда. Другая производственная сфера, которой я там занимаюсь, – керамика. Ну, и сама культура индейская, с точки зрения её деградации, с одной стороны, и с другой стороны – её изменение под влиянием европейской колонизации. По этой тематике я читал лекционные курсы на кафедре этнологии (1992–1998) и археологии (1992–1993) МГУ. Это один из вопросов, которые сразу же объединяют евразийскую проблему с индейской проблемой. Здесь мы имеем редкий случай: наблюдения тщательно зафиксированы и опубликованы. Подобная или близкая к этому ситуация, хотя во много более гуманных формах, была в нашей стране, когда с XV в. русские выходят за Урал и начинается медленное освоение Сибири и прилегающих территорий. С индейцами это, несомненно, ярче и очень подробно изучено, хотя очень жестоко. Там масса данных.

К-Ф: Задокументированных, в отличие от нашей страны.

ПК: Да. Там очень много данных, поэтому эти проблемы я мог рассматривать как пример конкретной живой истории. Ещё с индейцами связана проблема освоения лошади. Мне это необходимо было для того, чтобы к каким-то обобщениям приходить. Вот, значит, это практический уровень. Следующий уровень – это возможность представления о процессе развития культуры на основе, с одной стороны, производственного опыта, а с другой стороны, роста объёма духовных знаний человека. Это обстоятельства, которые постоянно имеешь в виду. Здесь приходится постоянно дополнять исследования языковыми наблюдениями, которыми я пользуюсь очень бережно, очень аккуратно и стараюсь лишний раз их не давать. Потому что, понимаете, я привык работать в подлинно научном плане с материалом, которым полностью всесторонне владею. Я не всесторонне образованный лингвист, для меня эти знания – в положении прикладных, что и по работам можно увидеть. Это – второе. И третье – обобщающая сфера. То, что меня интересует, это законы – частные, общие, конкретные и обобщающие. Законы развития человека как **общественного существа**. Это очень важная для меня сфера, и я говорю о ней, подчёркивая то, что никогда не рассуждаю о вещах, нетвёрдо мне знакомых. В этой сфере работ у меня немного. У меня был доклад на одном из очередных юбилеев одного из моих очень уважаемых учителей, антрополога Виктора Валерьяновича Бунака, посвящённый переходу биологических отношений в коллективах в общественные. Как это происходило и развивалось, и как мы подходим к рубежу, с которого начинается непрерывное развитие, ведущее к Новому времени. До этого я писал о происхождении языка, от языка жестов к звуковому языку. Звуковой язык потребовал очень больших физиологических

преобразований в человеке, и он связан уже с homo sapiens. Потому что до homo sapiens, что доказал В.В. Бунак, просто невозможно было создать систему артикуляции, которой мы пользуемся, не было возможности такого различения звуков, которые образовали бы всё языковое богатство мира.

Это культурологическая проблема, которая имеет выход на современную политику. Я не могу сказать, будто считаю, что у нас, да и вообще в целом, наука может повлиять на политические пертурбации. Но небольшую нишу в образовательном процессе и познавательном развитии она имеет. Сейчас эта ниша резко сужается за счёт двух обстоятельств. Во-первых, это ужасно глупое изменение нашего образования, системы. Но тут уже никуда не денешься. И второе – это, конечно, невероятное, совершенно противоестественное в XXI веке возвышение церкви, которое не оправдано состоянием общественного сознания. Общественное сознание очень далеко ушло от церковных интересов и церковных идей. И расхождение между реальной жизнью и церковными установлениями, касающимися истории человечества, с каждым годом растёт всё больше.

Это не нападки на православие. Подразумевается религия как таковая. Религиозная и этническая составляющие противопоставляются общегражданским конституционным принципам и создают дополнительные стимулы к разобщению общества, разделению его на консолидирующиеся внутри себя сегменты. И то, что *С.Е. Кургинян* поверил в роль православия на Руси, – ещё не причина искусственно возвеличивать православие. Мученики были и у противников церкви. Теперь же их старательно затаптывают, доверившись церковной агитации за своих новоиспечённых святых. Я понимаю, что вторгаюсь в неположенную сферу, но я привык говорить то, что думаю. И говорю всегда только так, потому что, когда человек начинает делать вид, притворяться в чём-то, это самое противное и самое бесполезное. Потому что нельзя людей убедить, если ты сам не убеждён, и даже нельзя пытаться их убедить. Давать им надо то, что ты думаешь, а не то, что ты хочешь им навязать, скрывая то, что ты думаешь.

У *Стендаля* есть такая ссылка, эпиграф: «Язык дан нам затем, чтобы скрывать наши мысли» и подпись: «Преподобный отец *Малагрида*». Меня это очень заинтересовало – кто такой отец Малагрида? Потому что в примечаниях было сказано, что Стендаль его придумал. Но ничего он не придумал! Это был иезуит, который в XVIII в. достаточно широко всем занимался и, занимаясь политическими заговорами, так выразил «свой метод». Фраза действительно имеет большое значение в истории культуры. И с этим отцом Малагрида я бы хотел познакомиться поподробнее, как в своё время знакомился с историей *Хуана Марианы*. Это иезуит, который в 1600 году издал книжку. Я её видел и прочитывал кусочки в старых академических библиотеках, поскольку официально её не существовало. А книжка касалась проблемы цареубийства. Это был период борьбы про-

тестантизма с католицизмом, и Хуан Мариана рассматривал вопрос о том, что убивать врагов настоящей веры, кем бы они ни были, – это всё очень хорошо, достойно и надо это делать, как можешь.

К-Ф: Это своеобразный мандат Неба – вот, ежели это Враг, то...

ПК: Да – то его надо уничтожать любыми способами, любыми средствами.

К-Ф: Потерял мандат Неба – всё, до свидания!

ПК: Всё, да, пошёл вон!.. Я завёл этот разговор не из-за любви к иезуитам или старческой болтливости. Важен пример периодизационных показателей в истории (мы всё же не биографию мою обсуждаем, а то, что можно несколько напыщенно назвать «творческий путь»).

И хотя эти показатели могут быть на первый взгляд мелки, их историческое значение в конце концов оказывается огромно. Политика прямого утверждения идей, это переход от XVI к XVII в. – первые века протестантства в Европе, когда толпу понуждают к действию. А затем казнь *Карла I* и революция кончаются реставрацией Стюартов (1660), и начинается эпоха обхода основной цели, блуждания в тумане, уклонение в молчание. Это многие десятилетия откровенной лжи. Помните, как все масоны уверяли французскую королевскую семью в любви. Тот же *А. де Токвиль* приводит данные 1788 года об этом в «Ancient régime...»[115]. А что случилось через год?! Вот вам прямая иллюстрация к тезису Малагриды. Знать верила в эту высказанную любовь, а кончилось всё множеством убийств: французская революция, шведский король *Густав III*, *Павел I* и т. п.

В Китае такими моментами маскировки, сокрытия истины занимался Цензорат. Его значение не поняли многие наши прошлые исследователи. Академик В.П. Васильев, умнейший человек и проницательный специалист, смеётся над ним в присущей ему вульгарной манере. Ранее, *Тюрго*, кажется, и вовсе его не заметил. А ведь цензоры занимались именно **анализом настроений народа**, до чего в Европе социологическая статистика додумалась всерьёз лишь к середине XIX в.

Возвращаясь к Хуану Мариане и другим: это были очень интересные люди. И главное, что это эпоха огромная. Каждый историк должен иметь наивысшую цель, очень высокую задачу. Потому что если этой высокой задачи не иметь, то фактически наша работа должна сводиться к одному – к регистрации: а вот, было то-то, а вот, было это.

Я сейчас писал обзор про Сыма Цяня, и выясняется одна очень интересная вещь. К сожалению, это всё не написано. Опять же, всё запущено. Потому что при том, что люди хотят сделать, они ставят перед собой практическую, низкую цель, а не ставят более высокую. И это очень часто игра-

[115] О министре и писателе Токвиле. Название книги: *Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville.* L'ancien Régime et la Révolution (1856).

ет весьма плохую службу. Потому что с Сыма Цянем, понимаете, первое, что приходит в голову людям, – его сравнивают с западными историками, всеобщими историками типа Полибия, Плутарха, Тита Ливия, Геродота и Фукидида даже, которого, к сожалению, мало изучали, знали очень мало. А он много выше из этих, скажем так, древних специалистов. Сравнивают, не думая о том, что китайская историческая наука – это прежде всего *наука политики*. Это наука, которая должна вести людей в определённых направлениях развития. Она не фиксирует прошлое автоматически. Она, рассматривая прошлое, определяет то, что должно быть. И это начинается очень давно. Это начинается фактически с *Шуцзина*. Для меня, с точки зрения изучения, *Ицзин* и *Шицзин*, конечно, не основные объекты. Основные – это *Шуцзин* и Сыма Цянь. Потому что в них отражено развитие за очень большой период. Конечно, изменения в *Шуцзине* производились. И вообще, доханьское время – это время достаточно свободного использования письменных памятников. То есть их пополняли, их исправляли, их переделывали, перекраивали и так далее.

Цинь Ши-хуан недаром заставил всё организовать в едином ключе. Эта вот идиотская история: якобы закопал конфуцианцев. Самое главное, книги собирал и жёг, прямо как *Гитлер*! Так ничего подобного, простите! Потому что ему досталось жуткое письменное наследие из разных этих прежних царств. Каждое царство претендовало на очень многое. Ему не нужно было, чтобы эти претензии осуществлялись. Ему нужно было иметь общую официальную историю. Поэтому он потребовал, чтобы все книги ему представили, и поэтому их надо изъять. А написать что-то общее он просто не успел. И, собственно, благодаря тому, что в конце царствования началась склока. А так, если бы он успел... Ну, смотрите, меры веса он ввёл единые, так? Иероглифику он ввёл единую? И масса других вещей была введена, которые действительно явились мироустроительными действиями с точки зрения имперского правления. Это унификация, это стандартизация всего.

К стандартизации у меня отношение особое, потому что отец долгое время был заместителем председателя Комитета стандартов СССР, уже после отставки из армии. Я этой проблеме обучался достаточно подробно и понимаю её значение и пользу. Китайцы стандартизацию начинали в период разброда, а Цинь Ши-хуан вывел её на имперский уровень и потребовал, чтобы она была всеобщей. Но, опять же, не успел. Но замысел был отличный! То есть я не хочу сказать, что ВСЁ сделал государь-император. *Ли Сы* и кто-то другой ещё, много народу там, если поискать. Это надо изучать. А как надо изучать?

Когда я столкнулся с переводом «Исторических записок» Сыма Цяня, то первое, что мне пришло в голову – что у нас нет сводного китайского текста Сыма Цяня. Должен быть критический текст – вот так, как мы пу-

бликовали начиная с XIX в. Мы – это европейская наука, а не «мы» непосредственно. Хотя мы, специалисты – допустим, академик барон *В.Р. Розен* – участвовали в публикациях, но в основном это делалось в Европе. Публиковали критические издания средневековых текстов. Причём не только европейских, но и ближневосточных – это арабские, персидские и т. д. А дальневосточных текстов мы не имеем сводных. Собственно, и в XX в. мы их не получили. Потому что единственный специалист, который пытался это дело частично решить, это был *Бернард Карлгрен*, который изучал параллели, но не с точки зрения китайского подхода, а с точки зрения их текстологического значения, и пытался создать что-то вроде китайской текстологии.

К-Ф: У меня есть ещё вопрос, поскольку от вашего творческого пути мы действительно несколько отходим в сторону. Теперь, после рассказа о трёх основных уровнях ваших исследований, расскажите, пожалуйста, что вы считаете достижениями в каждой из этих областей?

ПК: Вы понимаете, тут я оказался неподходящей, негабаритной фигурой. Потому что не имел определённого круга китайских интересов. Вот, как, например, *А.А. Бокщанин*. Он занимается минской эпохой: на кораблях плавали, экономика была такой-то, есть товарищ-основатель, который всем мозги промывал, – всё здорово, полезно. *Н.П. Свистунова* – тоже: аграрная политика минской эпохи, и всё такое.

Я неудобен тем, что у меня темы не только китайские. Я университет кончал с темой по эпохе бронзы на территории от северного верхнего Поволжья до Казани. Получилось так, что я в этой области сделал одно очень большое открытие, которое до сих пор мне не удалось в полном объёме опубликовать. Это связано с моими отношениями с академиком Б.А. Рыбаковым и тем, что он меня выставил из института, т. е. фактически выставил из археологии, потому что он был главный советский археолог. Это папа *Ростислава Борисовича*, но мы с последним почти не общались. В общем, он смутно помнил, что папа очень воевал с этим «проклятым», со мной, то бишь. Но ничего, он стерпел, когда в 1996 году я у него вёл секцию на конференции, посвящённой религиоведению. Потому что умерла *Гордон-Полонская*, и некем было её заменить, и пригласили меня. Я вёл эту секцию как специалист по атеизму. Секция была посвящена языческим религиям и культам, и так далее. Не только языческим, конечно, там ходили и кришнаиты, и прочая публика. Он (Р.Б. Рыбаков) всё это стерпел, так сказать, нормально, как человек, хотя папа ещё был живой...

В отношении Китая – ну, что я вам могу сказать? Я считаю, что достаточно много сделал в вопросах древней керамической технологии и керамической работы, работы по бронзе, её классификациям и, главное, по вопросу о происхождении бронзовой культуры.

Что ещё мы с вами можем здесь назвать? Очень много у меня работ, касающихся колёсного транспорта. Это достаточно сложная тематика. Но она важна не только исключительно с точки зрения Китая. Она важна с точки зрения евразийского пространства. И в евразийском пространстве она сливается с проблемой языковых миграций, расселения и т. д. То есть это те проблемы, которыми я занимаюсь и сейчас. Не могу сказать, что здесь я всё сказал. Сейчас нужно подводить итоги, и я это делаю. И сказать, что что-то закончено, я изготовил, и всё, я не могу.

К-Ф: Над какой темой вы работаете сейчас?

ПК: Вот, сейчас пишу работу, которая называется «Истоки нового времени», от неолитической эпохи до современности. В атомный век мне, сами понимаете, путь заказан, я там многого не понимаю. Это, конечно, плохо, потому что XX в. – время страшное не только с точки зрения атомных и прочих взрывов. Он страшен и тем, что подчинил очень многие области наших знаний новым канонам. И в ряде случаев эти каноны – с одной стороны, непререкаемы, с другой стороны – расплывчаты, а с третьей стороны – их можно поворачивать то так, то этак. И вот это (новейшее) время – его, конечно, касаться толком невозможно. Я же выхожу на время этого самого перелома, когда, с одной стороны, уже устоялись религиозные противоречия в христианстве, и они получили легитимацию в политической жизни, и когда сложилась подоснова современной технологической цивилизации, и начали складываться установления и политические круги современной жизни. Они постепенно отделяются, благодаря торгующей публике, от прежних политических, этнокультурных образований и прочее. Они приобретают другой вид, вступают в силу совершенно другие отношения. Так вот, я останавливаюсь на этой самой стадии перехода.

Фактически я дохожу в своих наблюдениях до стадии культурной французской революции: вот как подведены были итоги французской революции. То есть её итоги подвели ещё до её свершения – их подвела Энциклопедия[116]. Этим периодом такого энциклопедического уравнения, хотя и очень гнусным периодом, мне приходится заканчивать. Потому что дальше начинается совершенно новая жизнь, которую надо досмотреть, прежде чем описывать по-настоящему. Я уже досмотреть её не успеваю. Не знаю, успеете ли вы, простите за такое нахальство! Но такая концовка связана с общей глобальной проблематикой, а практически новый культурный мир начинается после Второй мировой войны. Вот где, по-настоящему, кончаются истоки Нового времени и начинается само это Новое время.

Очень трудно описывать общие процессы своего времени. Можно уловить общую тенденцию, и здесь надо уметь себя остановить, ограничить и не браться за детальные разработки. Людям обычно кажется сегодняшнее

116 «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» («Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des Sciences, des Arts et des Metiers»), одно из самых знаменитых универсальных справочных изданий, памятник французской культуры XVIII в.

событие самым важным. А в действительности мы не знаем – может, то самое важное, переломное событие, которое всё определило, было 40 лет назад или 100 лет назад. Мы с вами знаем, что фактически сегодняшнее состояние экономической, общественной и прочей жизни определили две войны. Дальше, со Второй мировой войны, мы начинаем отсчёт сегодняшнего дня, потому что с этого момента создалась политическая картина Европы. Прежде всего – Европы, а в общем-то, и всего мира.

Сейчас вот, мир без войны вроде бы. А я-то считаю, что война – 3-я мировая война – уже идёт. Идёт она уже точно с 1999 года, с Югославии. Но это далеко не общепринятое положение. Но если его не принимать, то получается, что без войны у нас начался новый период развития на рубеже 2000-х. Совершенно, абсолютно не похоже на предыдущее развитие. Это – как небо и земля. Это совершенно другой расклад отношений, совершенно другие установки, другие отношения между людьми. И, что ещё хуже, это другое отношение власти к человеку. Собственно, ведь это самый основной вопрос истории. Этот огромный перелом я уже описать не успеваю, не могу за него браться просто. Я могу подводить итог на том, что и о чём уже сказал. То есть французская революция и какие-то возможные в дальнейшем развороты, но в самом обобщённом виде.

Книжка, которая вышла в 2011 году[117], во-первых, очень фрагментарна. Во-вторых, она кончается на полуслове. Я и пишу, что не подвожу общего итога именно потому, что надеюсь продолжать. Вы понимаете сами, что в моём возрасте выражать надежды на продолжение, я бы сказал, чрезмерно оптимистично. Но человек, пока он живой, должен что-то делать. А что может делать человек, который всю жизнь занимается определённым, но очень обширным делом? Он должен его продолжать. Я это и делаю, и очень многие вопросы мне приходится пересматривать.

Мне удалось сейчас пересмотреть вопрос об отношении законника *Монтескье* к китайской действительности его времени. Потому что человек, ничего не зная, опорочил страну, с которой его же современники брали пример. Удивительно, но это факт. Причём самое смешное: то, что брали пример – это проходит молчаливо, но принимается. А то, что, понимаете ли, он её опорочил – это, так сказать, с восторгом рассказывается. Да, вот, какой Монтескье был хороший, и так далее. Опять же, тут скажете, что я мизантроп. Но тут не в мизантропии дело. А дело в том, что Монтескье был представителем определённой группы, которая хотела власти, и она её добивалась. Судебная власть – это не власть, это фикция, потому что суд может определять отношения сторон, но не может устанавливать эти отношения. Устанавливает их власть исполнительная, как все и писали и до Монтескье, и после Монтескье. Это момент, кстати говоря, очень для меня

[117] *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М., 2011.

важный именно с точки зрения объединения древней истории и истории, близкой к современности.

К-Ф: Вы говорили, что участвуете в написании 10-томной «Истории Китая».

ПК: Да. В настоящее время сотрудники Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН завершают работу над 1-м томом 10-томной «Истории Китая», включающим доисторический и раннеисторический периоды, до образования первых империй Цинь и Хань. Эту работу возглавляет директор института академик *Анатолий Пантелееевич Деревянко* (историк, археолог, д.и.н.). Его заместителями по редколлегии данного тома являются академик *Вячесла́в Ива́нович Моло́дин* (археолог) и я.

К-Ф: Ваши интересы необычайно широки. К какой школе вы себя причисляете? В каких научных сообществах состоите?

ПК: Единственная школа, к которой я принадлежал и принадлежу, – это **школа здравого смысла**. Нельзя заниматься наукой, досконально не изучив её основы. Нельзя доверять догмам, выработанным на уже пройденном этапе развития и данной отрасли науки, и научного мировоззрения в целом. А мировоззрение учёному необходимо. Его отсутствие всегда порождает безответственность, самоуверенность, «релятивизм», излюбленные формы «американских наук»: прагматизм, бихевиоризм, и такие науки, как «я – самый лучший», «я всегда прав», «я всё могу сделать сам и лучше всех»[118]. Недавно я увидел удивительную формулировку: «изучение китайских наук» – немыслимую с позиций **интернационального научного мировоззрения**, без которого даже помыслы о каком-то там **глобализме** представляются не более чем научной фантастикой.

Что же касается научных сообществ, то в начале 1980-х гг., как и многие коллеги, я вступил в Ассоциацию востоковедов, а потом во вновь созданную Организацию китаеведов, возглавленную первоначально М.И. Сладковским, а затем и поныне руководимую академиком *М.Л. Титаренко*. В 2000 году я вступил в Российскую академию естественных наук, в Отделение археологии и антропологии. Получилось так, что наше отделение стало быстро вымирать. А когда в 2004 году «нас оставалось только трое» (*Б.Я. Стависский, С.Р. Кучера* и я), Стависский, прервав деятельность нашей секции в Доме учёных и договорившись о нашем включении в гуманитарное отделение РАЕН, передал мне формальное руководство отделением, которое практически прекратило существование с 2006 года. Я не

[118] Меня никогда не привлекали, а тем более, не радовали образчики «холуйских» наук типа писем графа Честерфильда, сочинений Карнеги и всяких полезных брошюр «Как стать богатым и преуспевающим» и тому подобные сочинения, особенно расплодившиеся в постиндустриальную эру в связи с упадком крупной, особенно поддерживаемой государством «рациональной» общеполезной промышленности, сменяющейся в нашей стране «индивидуальной трудовой деятельностью», самоценность которой определяет сам субъект подобного «творчества» (примечание ПК).

хочу оценивать деятельность этой общественной академии. К ней предъявляется много претензий и из-за культивирования лженаучных областей, и из-за её состава (*Петрик*, *Грабовой*, его подруга, *Кадыров* и пр.). Но замысел таких учёных, как *Н.Н. Воронцов* и его единомышленники, был вполне правомерен, прогрессивен, полезен, хотя он не получил развития и реализации, как и прочие многочисленные академии постсоветского периода. Когда лишь 6 академий были признаны, «узаконены», материально поддержаны властью, эта академия уже не могла обрести реальный научный авторитет. Об этом приходится сожалеть, ибо в стране не было и нет профессионального объединения научных работников. Ибо профсоюзы академических институтов были общественными объединениями, построенными по территориально-производственному признаку, и включали всех служащих академических учреждений, не имея в виду объединение (или объединения) учёных как единого профессионального сообщества или в соответствии с отраслями наук, в которых они заняты именно научной деятельностью. Я считаю, что такие объединения не элитного, а профессионального плана совершенно необходимы, ибо научные работники, если осознавать их полезность в решении любых государственных политических, экономических, общественных, технических и хозяйственных задач, должны иметь организации, реально отстаивающие их общие правовые интересы. Впрочем, со времён Хрущёва в отношении науки действенным и неизменным остаётся лишь один лозунг: «Денег нет! Потеснитесь!» Слишком много отраслей современного постиндустриального государственного хозяйства, требующего комплексности, технической и прочей грамотности, системного подхода и направляющего управления, оставлены властью в условиях «управления по *бытовому разумению*».

К-Ф: С кем из известных китаеведов вам приходилось вместе работать? Что вас объединяло?

ПК: Некоторых я уже перечислил, добавлю к ним своих однокурсников *А.А. Бокщанина, О.Е. Непомнина,* известного и авторитетного правоведа-китаиста *Л.М. Гудошникова*, академиков *В.С. Мясникова и С.Л. Тихвинского, М.В. Крюкова, В.Я. Сидихменова, В.Г. Бурова* и *Г.А. Степанову* – специалиста глубокого, знающего, хотя и не столь яркого на фоне упомянутых ранее, но представляющую среди нас целую династию синологов, включающую её отца – *А.П. Рогачёва* и брата *И.А. Рогачёва.* Нельзя из этого, теперь уже старшего поколения, не упомянуть такого специалиста и прирождённого организатора науки, как *Р.Ф. Итс*, который ещё задолго до моего прихода в ИДВ посвящал меня в сложные проблемы политической жизни КНР и знакомил со многими учёными, глубоко проникшими в области культурного наследия страны. Работал я также с академиком *Б.Л. Рифтиным, И.С. Лисевичем, С.Е. Яхонтовым, Л.Н. Меньшиковым, Г.Я. Смолиным, В.С. Колоколовым, А.М. Решетовым, Е.И. Кычановым, М.В. Воробьёвым, В.А. Вельгусом, И.Э. Циперович, Е.И. Лубо-Лесни-*

ченко, Н.В. Ивочкиной, М.В. Софроновым. Нельзя не упомянуть и работу с молодыми (по сравнению со мной) учёными, уже составившими себе имя в науке: *А.В. Островским, А.В. Виноградовым, А.Е. Лукьяновым, А.Д. Воскресенским, В.М. Крюковым, А.И. Кобзевым* и многими другими, кто постоянно участвовал в проводимых *Л.П. Делюсиным* ежегодных конференциях Отдела Китая ИВ РАН – «Общество и государство в Китае».

К-Ф: Как вы относитесь к этой конференции?

ПК: Эти конференции, особенно активные в 1970–1980-х годах, во многом способствовали более широкому вовлечению обществоведов в китайскую тематику. Важно было, что историко-культурный, общесоциологический, филолого-литературоведческий и философский подход делал их трибуной свободного обмена мнениями, открытой для широких общедоступных дискуссий. Они возбуждали научную мысль и вовлекали в обсуждения большое количество молодёжи, благодаря приобретённым на них знаниям и опыту вливавшейся в ряды китаистов. Это было особенно важно для возрождения советского и российского китаеведения. Подобную же роль стали играть проводившиеся в ИДВ конференции «Китай и мир», по проблемам внутренней и международной жизни Китая, по китайской философии и многим другим актуальным проблемам.

К-Ф: Кого вы считаете своими учениками?

ПК: Вот вопрос, на который ответить «по правилам статистической социологии» очень легко: никакими приказами никогда я не назначался ничьим руководителем, ни по какой теме, и докторский статус тут ничего не изменил. Раз за людей, которых я индивидуально, а не «в стаде» чему-то учил, я не получал плату, значит, по закону, по правилам – учеников у меня нет. Возможно, так случилось просто потому, что за аспирантов и докторантов платили деньги. Мне никто никогда никаких лишних денег не предлагал, и я их никогда не вымогал. И вообще, ничего не вымогал. Поэтому учеников как таковых у меня нету. Формально я никого не выучил. Сам же я этих правил не придерживаюсь и признаю своими учителями тех, у кого реально чему-то учился. Даже таких древних, как *Фукидид*, *Полибий*, Сыма Цянь, *Саллюстий*, *Лукреций*, *Цезарь*, *Тацит*[119].

К-Ф: Я имела в виду неформально.

ПК: Есть, если вдуматься, есть много десятков людей, и вы в том числе, которым я так или иначе помогал в освоении профессии, часто на уровне подготовки к квалификационным защитам от дипломов до докторских. И я это делаю не потому, что обязан это делать, не потому, что хочу прославиться или вообще чего-то хочу. Я хочу, чтобы эти люди занимались своим делом возможно более хорошо. Это меня вполне устраивает. Есть какое-то

[119] Теперь бы я Тацита в учителя не зачислил. Он был эпигоном предшественников, как Цицерон. Но я познакомился с творчеством Тацита раньше, чем узнал его учителей, и действительно долго учился у него стилю Саллюстия (примечание ПК).

количество людей, профессионалов, специалистов, которые просто мне говорят, что я их учил, и они это ценят.

Кто-то сгоряча благодарил, а потом забывал об этом или, что всегда обидно, уходил из гуманитарных профессий и терялся из виду. Но кто-то проходил со мною всю свою дальнейшую жизнь, как мой младший друг, упомянутый уже Б.А. Фролов. Кто-то даже помнил, чему именно у меня научился, как опять же ныне покойный археолог и полиглот д.и.н. *А.К. Амброз*. А один совсем уж молодой коллега по одной из профессий, прошедший всё своё научное становление при моём участии, добился, что в его докторской диссертации я был представлен как консультант. Но это всегда очень большая ответственность: чужие судьбы![120]

К-Ф: Это круг людей, которые, в связи с общением с вами, развивают сходные методологические принципы, общие темы...

ПК: Вы понимаете, Марина, во-первых, я должен вам сказать, что у меня каких-то общих принципов очень немного. Я считаю основным правилом всякой работы – прежде всего, дотошное полное освоение источников, которыми мы пользуемся.

К-Ф: Дотошное и непротиворечивое...

ПК: Совершенно верно.

К-Ф: Чтобы они, эти источники, образовывали общую систему...

ПК: Прежде чем выявить систему, нужно определиться ещё с одним моментом, с одной вещью. Ваш источник должен быть «чистым». Вы должны понимать, что получаете первичную информацию, а не искажение. Это, пожалуй, самое основное, что было для меня важно в любой работе. Второй момент, который я считаю необходимым и обязательным в нашей работе, – это составление представления о перспективе того явления, того события, которое вы изучаете. А уже на этом, когда вы представляете, как это развивается, – вы можете строить прогноз. Этот момент прогноза для меня наиболее важен, особенно в тех областях, касающихся современности, которыми я занимаюсь. Это такие области, как традиции, политическая культура...

Достоверность информации – то есть информационное обеспечение как таковое. С этим постоянно приходится сталкиваться, потому что в последнее время, до 2010 года, я работал почти исключительно на материалах сессий ВСНП. Я работал с ними начиная с прихода в Отдел информации в 1994 году. Конечно, за это время китайская информационная служба преобразилась невероятно. В ней появились некоторые, хотя и очень немногочисленные, достоверные сведения. Первое, что она сделала – она перешла от исчисления процентов к некоторым реальным данным, которые

[120] Жаль, не придумали знаков для вздохов, поэтому приходится прибегать к восклицательным. Впрочем, не дай бог, придумают какой-нибудь гнусный «смайлик». И о нём уже чуть ли не диссертации защищают (примечание ПК).

приводятся в ежегодных сводках за соответствующий год. Появились реальные данные, которые можно использовать очень широко. Но и к ним надо относиться очень осторожно.

Если вы не имеете фактов, не знаете и даже не хотите их знать, что очень часто бывает, то вы никогда не разберётесь в общих высоких рассуждениях и не найдёте даже десятой доли той истины, которая в них всё равно содержится. Без прогноза наша работа совершенно неинтересна. И если вы не можете себе представить, что произойдёт через 20–30 лет, то лучше не браться. Вы обязательно должны представлять себе реалии, должны представлять себе ситуацию, обстановку, которая должна сложиться через какое-то время. Если вы представите себе эту обстановку, то могут сложиться и какие-то намёки на это будущее. Сейчас в этом плане существует одно очень большое упрощение. Наука всюду очень резко снизилась, поэтому на крупные открытия, преобразующие человеческое общество и человеческое хозяйство, рассчитывать не приходится...

Мы живём в тяжёлую переломную эпоху. Нам нужно стремиться сохранять то лучшее, чего мы достигли, что мы реально имеем. От того, что и сколько и в каком виде мы сохраним, зависит наше гуманистическое будущее. Какими бы ни были установки науки будущего, они должны идти от человека, всё от того же биологического существа, которое уже создало свой особый материальный, физический и моральный, идеальный мир...

К-Ф: Павел Михайлович, можно мне тогда задать следующий «мировой» вопрос? Ваше отношение к российскому китаеведению: как вы считаете, какова роль российского китаеведения в мировом масштабе? И какие есть у него особенности, сильные и слабые стороны?

ПК: В целом российское востоковедение – очень важная область, это действительно область высокой науки. Но это не российское востоковедение, это русское востоковедение, заложенное в XIX в. в чисто практических целях. Эти практические цели осуществлялись до середины XX в., и действительно были практическими целями.

Задача любого востоковедения – служить своей стране. Вообще, любая наука должна служить своей стране. Наука, связанная с международными отношениями, с контактами разных цивилизаций – она должна обязательно быть на страже интересов своей страны. После середины XX в. нас постепенно всё сжимали, сжимали. И интересов постепенно почти никаких не осталось. Так что всё современное востоковедение, как и всё нероссийское востоковедение, я бы сказал, потихоньку скудеет, потому что с ним мало считаются власти. Понимаете, что происходит? Востоковедение русское осуществлялось русскими специалистами. Я понимаю, что сейчас это всё полукрамола такая: ну, как это? Вот учёные, мировое сообщество... Начинается болтовня, которая, в общем, сложилась на противопоставлении, так сказать, добра и зла. Добром было всё, что против фашизма, злом был

фашизм. Дело дошло до того, что никто не задумался, что мы включали в фашизм и что мы включали в антифашизм. Сейчас, вот, все эти понятия переплелись, перепутались, их надо распутывать...

К-Ф: Исправление имён.

ПК: Да, совершенно верно. И тут, пожалуй, редкий случай, когда мы можем быть очень важной научно-политической областью знаний. Что такое китайская наука, которая 2 тысячи лет назад сообразила, что нужно на своём уровне современной политики определять термины и определять чётко, что такое истина, а что такое враньё. Вот, пожалуйста, это ярчайший пример. А сейчас мы ничего такого не имеем. Мы начинаем развивать какие-то научные области. Вот, антропологическая книжка лежит какого-то Маркова. Он биолог, но он решил подзаняться человеком. В человеке он мало понимает, но он понимает в американской науке.

Американская наука – очень сложное образование, которое имеет сугубо прагматические установки. Это люди, которые низвели всю науку до уровня такого полуживотного эксперимента. Ну, эта чепуховина по поводу выделения желудочного сока – Павловские штучки... Это же всё настолько низкопробно, настолько примитивно, настолько не имеет никакой общенаучной, общефилософской базы, что это просто нельзя воспринимать как решение. Когда у вас в основе науки лежит положение, что все могут думать по-разному, то, простите, это не наука, это гадание. Потому что в основе науки лежат...

К-Ф: ...сходная методология?

ПК: ...определённые положения, связанные с объективными реалиями, которые установлены достоверно в ваше время. Не когда-то, что, в общем, сейчас опять надо доказывать, а именно в ваше время. Когда, вдруг, какие-то идиоты строят 28-километровую железную дорогу под землей – этот коллайдер – и начинают выдумывать, что они с помощью него установят пузон или ещё какую-то «хреновину» – разве это всё не чепуха? Прежде чем строить железную дорогу, надо подумать – зачем вы это делаете; надо определиться жёстко: что вы делаете, и что вы хотите получить? А в данном случае начинается крик: ах, может быть, мы получим!..

В общем, все люди должны думать по-разному, у них у каждого своя голова. В то же время существует мнение, что наши мозги опираются на такие-то и такие-то процессы, такие-то и такие-то вещества, от которых они полностью зависимы. И поэтому мы думаем вот таким-то образом. Это, кстати, и тот биолог нам тоже преподносит, по вопросу о свободе воли. Нету свободы воли, потому что вы скушали, понимаете ли, омлет.

Есть вещи, которые смахивают на идиотизм или на профанацию. Но, когда их подают «настоящие учёные», в кавычках, конечно, то это как откровение! Завтра это всё забудется. Это как в своё время *Лысенко* выдумал, что кукушка происходит от малиновки. И всё – да, смотрите, какое

открытие! Потом его разоблачили. Но, простите меня, разоблачать надо каждый день: идиотов, подлецов, мерзавцев, которые хотят к чему-то приспособиться.

К-Ф: Павел Михайлович, это я понимаю. Но вы опять мизантропию здесь несколько разводите.

ПК: Да.

К-Ф: ... Но я понимаю, с чем связано ваше воззрение – с тем, что любая наука должна служить своему государству в частности. Ну, не в частности, а в первую очередь.

ПК: Служить человечеству, полезным целям человечества и, конечно, своей стране.

К-Ф: Я с этим согласна, что в первую очередь должны быть полезные цели человечеству, потом уже – своя страна. И я хотела бы спросить, что вы считаете всемирным вкладом Китая в сокровищницу мысли? Если говорить не о порохе и о прочих вещах, а про какие-то духовные вещи...

ПК: Самое большое дело, которое сделал Китай, это организация человеческих масс. Большего сделать было нельзя. Достигнуть такой степени организованности населения при огромном его переизбытке никому не удавалось. Нигде нет таких соотношений объёмов популяции с их территорией, полезной территорией. Не с общей территорией, а с полезной территорией, на которой можно жить, и чтобы эти массы людей могли на ней уживаться относительно спокойно. Вот этого нигде в другом месте никогда не было достигнуто! И достигнуто это региональной цивилизацией. Это не всемирная цивилизация, но это мечта для других. Вот, в региональной цивилизации Китай этого достиг.

Но всё же позволю себе докончить то соображение, с которого начал раньше. Я считаю, что очень большая потеря произошла тогда, когда мы все стали считать, что развивать науку, науку о стране и науку страны, может только сама родная популяция.

К-Ф: Это, конечно, не так.

ПК: Да, но, простите, к этому всё и идёт. Вы посмотрите, что делается в Америке. Ведь китаеведы в основной своей массе – китайцы или родственники китайцев. Или, как *Нидэм*, человек, окитаившийся через контакт с китаянкой. Понимаете, так нельзя. В китаеведении должен быть взгляд со стороны. Этот взгляд со стороны мы осуществляли до середины XX в. и, собственно, несколько позже, до того момента, как советское китаеведение разогнали в 1960 году. Возвращение китаеведения – это уже половинчатая вещь, мы уже снизили свой уровень. Мы уже не были сторонними наблюдателями, свободными от очень многих ограничений своей культуры, своей веры, своего народа. Мы смотрели на это на всё через призму глобализованных событий. Глобализация – это не то, что сейчас объявили. Глобализация – это процесс невероятной сложности. И это очередное

великое событие. Вот, как было Великое переселение народов в IV–VI и даже VII веке нашей эры – и сейчас мы имеем такое же великое переселение, только в другой форме. Оно не военное. Формально не военное, но оно экономическое. И это огромный экономический процесс, который прокатывается по всему миру, когда страны обирают, чтобы дать жизнь чему-то далеко не перспективному или чему-то, что завтра придёт вас убивать. Это не для печати, но об этом надо помнить.

Чтобы больше не возвращаться к этому на сегодняшний день. Может, я ещё вернусь к этому в своих работах: мы снизили уровень советского востоковедения, и китаеведения в том числе, пытаясь совместить многие ингредиенты, когда мы достигаем взаимопонимания не между двумя цивилизациями, а между цивилизациями и каким-то слоем, который стоит уже между ними, между этими цивилизациями. Это очень сложные представления, очень сложные понятия и очень сложная ситуация. Потому что, вот, вы меня простите, если вы сейчас приезжаете в Сычуань. Вы с сычуаньским китайцем найдёте не больше возможностей для межцивилизационных контактов, чем с каким-нибудь тамошним пандой. Китаец вас не будет понимать. Панда вас не понимает по определению, потому что он – медведь. Он хочет жрать бамбук и ничего больше не хочет. Так же и китаец – хочет жить так, как он живёт, и ничего больше не хочет. Вот о чём должна идти речь. Здесь я уже закончил с той темой, она очень важная. Не просто важная, это центральная тема для нашей работы. Согласны?

К-Ф: Пожалуй, пожалуй... Может, вы скажете несколько слов о последних школах российского китаеведения. Вы говорили о прошлом – до 1960 года. А что вы скажете о современном состоянии китаеведения?

ПК: Вы знаете, Мариночка, простите за такое ласкательное обращение – оно не случайно, потому что мне нас с вами жалко. Очень жалко, потому что возвращение китаеведения со второй половины 1960-х годов и дальше – это поиск места этого китаеведения в политической жизни страны. Мы возродили его только потому, что, вдруг, оказались в совершенно идиотском положении. У нас, как оказалось, в том же ЦК и прочих местах некому проанализировать то, что происходит в Китае. Были моменты, очень смешные моменты. Вы этого не могли видеть воочию, а я-то это видел воочию. Понимаете, с 1955 по 1957 годы китайцы нас учили марксизму. У нас в «Правде» появлялись китайские статьи о том, что такое настоящий марксизм и т. д. Причём уже к 1957 году расхождение стало чувствоваться. Поначалу они не встали на дыбы из-за Сталина. А потом они поняли, что, оказывается, это судьба современного политического деятеля – при жизни его возносят, а только он помер – его начинают топтать ногами. И вообще, всячески уничтожать. И естественно, *Мао Цзэ-дун*, как очень умный человек, очень быстро это всё сообразил. Он был блестящий политик и стратег, который знал, как заставить вот эту массу делать то, что он хочет. Не просто заставить делать, а она будет делать это...

К-Ф: ...самозабвенно.

ПК: ...упоённо, да. И он понял, что если продолжать нашу хрущёвскую линию, то этому его подходу конец, что это нужно изживать. И они начали – он, *Чжоу Энь-лай* – особенно они. *Дэн Сяо-пин* участвовал в этом. Он всегда был человеком второго плана, но он соображал тоже, дай Боже! И в результате мы получили уже не китаеведение, а некую отрасль политической идеологии. Мы её получили.

Вот почему наш институт (ИДВ РАН) создали? Нужны были справки позарез! Справки, обобщения по поводу того, что происходит в Китае, и что с этим делать. Тем более, тут «культурная революция», головы летят. Куча народу, который мы воспитали – они вдруг оказались либо в лагерях, либо вообще убитые. Кто-то остался, но затаившись на «перевоспитаниях». У меня были друзья китайские. Как только начала нагнетаться обстановка, я перестал им писать. Они ещё писали, а я уже не отвечал. Я понимал, что для них это опасно. Но я не знаю их судьбу. Думаю, что, скорее всего, она просто трагична. Очень жалко!

И, в конце концов, это не китаеведение, это политическая наука, это часть политической науки. Язык здесь имеет, с одной стороны, решающее значение, потому что без него ничего не узнаешь. И с другой стороны, чисто подсобное значение, потому что как только это становится понятно на своём языке, то из этого можно делать что хочешь. В этом плане современное российское китаеведение мало отличается от **советского китаеведения**. Оно продолжило тематику, проблематику, методологию и методику последнего. То же относилось к вопросам изучения китайского языка как основного инструмента китаеведческой науки. Единственным в этом плане отличием являлось большее внимание к разговорному языку и расширившиеся возможности его практического изучения и применения, усиливавшиеся по мере возобновления связей с Китаем по разным направлениям, в том числе после заключения с КНР в 2001 году Договора о добрососедстве и многих соглашений, имеющих экономическое, стратегическое (ШОС) и культурное значение. Приходится при этом с сожалением констатировать, что роль китаеведов во всех этих вопросах не так уж значительна. Это видно хотя бы по тому, что большинство работ наших сотрудников всё больше тяготели к историческим и историко-культурным направлениям, а экономическая и международно-политическая, идеологическая тематика имели большее значение в констатационной, информационной, реже – теоретико-методической сферах, чем в сфере востребованных прогнозов и различных материалов, документов и исследований, направляющих, организующих, ориентирующих власти и граждан в вопросах устойчивого, организованного, дружелюбного массового общения с Китаем и его гражданами.

Эти вопросы вставали передо мной постоянно, вплоть до конца 2010 года, когда я был освобождён от постоянного научного и издательско-

го редактирования всей информационной продукции Отдела информации и документации ИДВ РАН и, с разрешения нашего директора, академика М.Л. Титаренко, приступил к более лёгкой и посильной работе по редактированию отдельных, хотя и весьма разнообразных, изданий в Редакционно-издательском отделе ИДВ. Об объёме и направлениях информационной работы можно составить представление по моим опубликованным в юбилейном издании 2006 года и в ПДВ за 2008 год статьям, написанным в соавторстве с *Е.Н. Румянцевым*[121]. В 2006–2009 годах группа работников ЦНИД, и я среди них, во главе с Е.Н. Румянцевым, а затем – к.и.н. *В.Н. Барышниковым*, провела работу по гранту РГНФ, по теме представлений в России о Китае и китайцах. Тогда этим занимались многие. Мы как бы подводили итоги, касающиеся объёма и качества информации. Специально рассматривать здесь эти вопросы вряд ли целесообразно.

К-Ф: Выходит, идеология оказала огромное влияние на современное отечественное китаеведение как науку.

ПК: Вы спрашиваете, признаю ли я идеологию движущей силой современной политической и научной жизни. Для всякого здравомыслящего человека[122] жизнь не может представляться в виде хаоса, в котором он каждодневно бессмысленно барахтается, ничего не понимая и ни за что не отвечая. Человек построил свою сознательную жизнь на основании убеждений, идей, целесообразных действий – всё это основания идеологии. Пока есть национальные государства, идеология – это осмысленная сила, придающая населению, а тем более, гражданам, центростремительные тенденции. Правда, только тогда, когда её подкрепляет уверенность людских масс, что данные убеждения и вызываемые ими действия ведут к лучшей жизни, к благоденствию, хотя бы в пределах нынешней *взрослой* популяции[123].

К-Ф: Приходилось ли вам заниматься наукой или преподаванием в третьих странах?

---

[121] Его углублённый интерес к языку, идеологическим, партийным, военным проблемам Китая имели для меня огромное значение, т.к. расширяли эту сферу моих знаний в областях, которые никогда не казались мне достаточными и к тому же, как все проблемы текущей современной сиюминутной жизни, требовали постоянного обновления. А я уже много лет не мог, по состоянию здоровья, рассчитывать на поездки в Китай (примечание ПК).

[122] Прежде всего человека, сознающего наличие разума и стойких констант в самом сознании, поведении и видовых особенностях человека и в окружающей его среде, в том числе и в искусственной среде, созданной им самим (хозяйство, промышленность, города, государства и т. д.) (примечание ПК).

[123] В условиях современной жизни человек не обладает достаточными досуговыми возможностями, поголовной образовательной и культурной подготовкой, чтобы уверенно и самостоятельно решать не только проблемы смысла жизни, до сих пор не разрешённые и не разрешимые однозначно. Не разрешённые с того момента, когда биологический вид сумел взять свою судьбу в свои руки (именно к этому привёл нас разум), но и большинство проблем общежития в невероятно усложнённом бытии современного человечества. А ведь многим приходится думать и о будущих судьбах своих детей (примечание ПК).

ПК: Думаю, из того, что мною рассказано, ясно, что в сознательном возрасте я не был «в других странах». Преподавать иностранцам мне приходилось в качестве лектора-почасовика и в РУДН в 1960-х годах, и в МГУ, на родном истфаке. На кафедре этнографии у меня была большая группа эфиопов.

К-Ф: Каково влияние на вас западной мысли, науки (*Gegel*, *Marx*, *Weber*, *Parsons*, etc.) и западного китаеведения?

ПК: Нет смысла разделять эти вопросы. Даже если считать «русский марксизм» исконно нашим русским явлением, формой русской социал-демократии и признавать русские переводы трудов *Маркса*, Энгельса, *К. Каутского, Ф. Лассаля* и прочих деятелей XIX в. – первоисточниками, то такое восприятие, как форма научного и философского багажа, могло существовать только в рамках дореволюционных (до 1917) познаний, когда основной «народной» научной книгой, источником «дотюремного образования русского марксиста» могла быть брошюра «Пауки и мухи»[124], и в пределах реального существования советской власти, т. е. с середины 1920-х до середины 1970-х годов. То есть когда люди «пустились в разные помыслы» и начали осознавать, что «*марксизим*», как выражался Н.С. Хрущёв, к нашей жизни прямого отношения не имеет. А как социальное учение марксизм состоит из фрагментов социальных наук XIX в., адаптированных к идеологии определённой группы стран.

До середины XX в. в Европе и России было очень мощное китаеведение. Практически каждая страна, значимая на международной арене, имела тогда свою школу китаеведения. Огромное значение ещё с XVII в. имела работа христианских католических миссионеров. В начале XVIII в. к ним присоединились сотрудники русской религиозной православной миссии, а к середине XIX в. – и протестантские миссионеры. Труды иезуитов и сотрудников русских миссий составили золотой фонд европейского китаеведения. В первые десятилетия XX в. основные древние китайские сочинения были изданы на английском (переводы *Дж. Легга* в основном), французском (старые переводы иезуитов и *о. Куврэра*), немецком (переводы *Р. Вильхельма*), итальянском (*Дж. Туччи*) языках. Русских переводчиков больше интересовали практические документы соседней страны, издание словарей и страноведческой литературы. Хотя были и такие гиганты китаеведения, как *о. Иакинф, о. Палладий* (*Кафаров*) и академик В.П. Васильев. По мере «открытия» Китая и развития в нём протестных движений и по отношению к «своим» властям, и к иностранной экспансии китаеведение всё больше нуждалось в развитии прикладных отраслей. И конечно, в кадрах, способных понимать «состояние народного духа» страны и полити-

[124] *Либкнехт, Вильгельм.* Пауки и мухи. (пер. с нем.). С.-Петерб. ком., 1903. Либкнехт Вильгельм (Wilhelm Liebknecht; 1826–1900). Немецкий революционер и парламентский политик, социал-демократ.

ческие процессы в ней, которые, начиная с движения тайпинов, делали обстановку всё более взрывоопасной.

Из этой ситуации проистекает стремление наиболее ярких и мудрых китаистов использовать возможно более серьёзные и прогрессивные, политические, экономические и социальные учения для понимания страны, выведения её из кризисов. Отсюда идёт обращение к престарелому *Г. Спенсеру* и ранним работам *Я. де Гроота*, стремящегося внедрить социологический анализ в изучение китайской действительности и прошлого страны. *М. Гранэ* оказывается здесь лишь эпигоном, ограничившим изучение социальных проблем исключительно прошлым и придавшим этим исследованиям внешность равнодушно-красивого академизма.

Колониальный Амой в Фуцзяни оказался могучей интернациональной школой практического китаеведения[125].

Все выдающиеся умы, которых вы называете (Gegel, Marx, Weber, Parsons, etc.), слишком далеки от Китая и реальных знаний о нём. Конечно, им со времён ученичества запомнились китаеведческие «шалости» Ф. Вольтера, *Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо*. А реально, «по-деловому», они о Китае ни черта не знали! Американские китаеведы, не буду перечислять, сами посадили себе на шею таких «знатоков Китая», как *М. Вебер*, *Т. Парсонс* и других, а затем, за счёт их теорий, построенных[126] на «вторичных знаниях», старались вогнать Китай в систему западных, европоцентричных теорий и познаний.

Пожалуй, одной из наиболее ярких работ по истории духовной культуры и идеологических, религиозных и прочих течений в Китае является книга покойного уже немецкого исследователя *Вольфганга Бауэра* «Китай и надежда на счастье» (1971). Её, к счастью для многих специалистов, перевели на английский.

Но всё это слишком огромная и животрепещущая тема, чтобы о ней говорить впопыхах, в пределах чьего-то curriculum vitae. Об этом, если захотите, стоит поговорить особо, тем более что этой западной литературой я много и специально занимался в связи с изучением политической культуры Китая, традиций, истории исследований культуры, этнических проблем, искусства страны и многих других проблем. А сейчас я вновь вынужден это рассматривать совсем под особым углом зрения, в связи с работой над первым томом «Истории Китая». Я ведь очень мало пишу о том, что просто изучал и знаю, ибо считаю, что всякое практическое знание должно быть прикладным. И говорить о нём уместно лишь тогда, когда есть уверенность, что оно окажется уместным в рассмотрении, трактовке и особенно доказательном пересмотре какой-либо крупной и актуальной проблемы. А что абстрактно говорить о китаеведах?! Надо знать их работы

[125] К тому же уже основывающейся на научной базе, на профанных знаниях, без тенденции к поискам религиозной подоплёки во всей человеческой культуре (примечание ПК).

[126] А у Вебера, как всегда, даже недостроенных (примечание ПК).

и взвешенно (но обязательно доброжелательно) оценивать их выполненные в прошлом серьёзные работы, всегда имея в виду, зачем, в каких условиях и для чего они написаны.

К-Ф: Имеется ли у вас опыт прямого личного общения и сотрудничества с китайцами?

ПК: Что касается общения, то такого рода контактов, которые можно было считать деловыми, продуктивными и т. п., я не имел. К тому же обратил внимание, что о подобных вещах любят рассуждать торговцы – мешочники, которые по завершении какой-нибудь постоянной службы, и поездив туда-сюда с бартером ли или чем-то более прибыльным, вдруг находят тихий уголок в каких-либо социологических, прогностических и подобных исследованиях.

К-Ф: Как и где обычно публикуются ваши исследования?

ПК: Как я уже говорил, у меня имеется более 400 работ, написанных по разным поводам. Статьи, даже сравнительно большие, хотя я, скорее, сторонник малых жанров, я стараюсь писать, приурочивая их к различного рода издательским проектам, где мне предлагают участвовать (тематические сборники, посвящённые конференциям, юбилеям и пр.). Вряд ли я за все годы своей работы насчитаю больше пяти статей, которые так и остались неопубликованными.

С монографиями труднее: опубликованы, можно считать, четыре: 1982, 1983, 2007, 2011 годы[127]. Из них первая и последняя посвящены Китаю полностью: одна – современным традициям; другая – различным периодам и проблемам прошлого. В монографии 2007 года непосредственно Китаю посвящена лишь последняя четверть. Публикация эта как бы случайная, её удалось издать во Владивостоке *О.В. Дьяковой*, которая когда-то осваивала под моим руководством проблематику древнего керамического производства. Я глубоко благодарен ей и тронут таким вниманием. К сожалению, в тексте оказалось много корректорских ошибок и следов не всегда толковой работы неизвестного мне литературного редактора. Ну что же, получается – это моя вина, и я уже извинялся за неё перед читателем.

Сейчас я работаю над продолжением монографии 2011 года, которое предварительно названо «Истоки нового времени». Вот о его издании я

[127] *Кожин П.М.* Проблемы изучения традиций КНР. М., 1982; *Он же.* Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э. (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. Депонирована ИНИОН АН СССР № 13481. 30.06.1983. 273 с.; *Он же.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007; *Он же.* Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М., 2011.

пока ни с кем не говорил. Это трудно, пока работа не закончена. Но при том, что у меня остались неопубликованными, как минимум, семь монографий (кое-что из них и публиковать-то уже не стоит), в последние два года, помимо больших разделов в первом томе «Истории Китая», я работаю над большим набором очень разнообразных тем, касающихся как древности, так и современности[128]. Чтобы показать тематический и временной разброс этих работ, отмечу их крайние хронологические пределы: это – происхождение и распространение евразийской расписной керамики эпохи неолита и роль государства в создании, утверждении и распространении определённых реальных стандартов, эталонов и художественных разновидностей металлического монетного чекана.

К-Ф: Из каких источников финансируется ваша научная деятельность?

ПК: За последние 36 лет основной источник финансирования был один – моя служба (в тех или иных формах и объёмах) в ИДВ РАН. И в последние годы – выплаты за «Историю Китая». В 1994–1995 годах был небольшой грант Сороса, а также участие в каких-то немногих грантах РГНФ, оплаты оппонирования диссертаций и рецензирования работ по грантам РФФИ, оплата параграфа о Китае и Монголии в учебнике основ этнологии в МГУ и почасовых лекций в МГУ (1992–1997), в РГГУ (1997–1998). О некоторых из этих выплат я знаю только по сообщениям пенсионного фонда о накопительной части пенсии. А денег я не получал, хотя бы потому, что не мог за ними поехать, тем более что расходы на проезд в автомобиле могли превышать размеры самой оплаты.

К-Ф: Каковы ваши самые большие профессиональные достижения и самые большие разочарования?

ПК: Думаю, что во всех работах ставлю и разрешаю актуальные вопросы. Глупая критика, а другой не встречал, меня не задевает. Отвечать иногда приходится: глупая критика чиновного дурака страшнее пистолета. «Пётр Иваныч может говорить только рафинированные истины». Стараюсь поимённо не критиковать молодёжь. У них есть резерв времени, чтобы поумнеть. Только крайнего идиотизма не прощаю.

Сожалею, что не смог побывать в некоторых зарубежных музеях. В Швеции, в Музее дальневосточных исследований, в Музее г. Ираклеона на Крите, где хранится нечитаемый Фестский диск, о котором впервые писал ещё 66 лет назад (по всей видимости, полную детскую чепуху). А особенно, в американских музеях: Смитсонианского института, фильдовском

[128] См., например: *Молодин В.И., Кожин П.М.* Начало эры металлов // Вестник НГУ. Сер. История, филология–2012. Т. 11. Вып. 10. С. 6–13; Основы этнологии: учебное пособие /ред. проф. В.В. Пименов. М., 2007. Гл. 16. С. 302–314.

и других, где хранятся коллекции плетёных изделий американских индейцев, которые изучал, и писал о них большую часть жизни. Этим мои «вожделения» не ограничиваются, но это уже невосполнимо. А вот закончить работу о *Ч. Диккенсе*, написать о своём учителе С.В. Киселёве – эти пока невыполненные обязательства хотелось бы снять со своей души.

К-Ф: Участвовали ли вы в переводах и публикации каких-либо письменных источников или документов по Китаю? Участвуете ли в каких-либо коллективных исследовательских проектах?

ПК: Буквально месяц назад вышел мой перевод и, естественно, трактовка 2-го и 3-го *чжанов Даодэцзина*. Это вопросы об альтернативах и часть теории *увэй* – недеяния. Я занимаюсь переводами классики много лет. И конечно, каждый из 81 *чжана Даодэцзина* давно мною проработан и объяснён с позиций общей моей рационалистической концепции в трактовке китайской классики. Что касается дальнейшего текста, то я поднялся теперь на одну ступеньку, а теперь исследую вопрос, **на какой *чжан* приходится её верхний край**. Это, конечно, не 2-я «космическая» скорость перевода. Но я не могу иначе! Поэтому и участвовать в коллективных проектах переводов я не могу, да и не хочу, чтобы не подводить коллег.

Я много переводил для себя. Это тексты из *Шуцзина*, из «Священного эдикта» *Канси* и *Юнчжэна*, из *Лицзи*[129]. Из Сыма Цяня моё внимание всегда привлекали спорные главы о гаданиях и главы, на которых строились исследования древнекитайских экономических теорий (гл. 127–129). Конечно, главы, с которыми работал о. Иакинф и их аналоги в последующих историях. Но, я думаю, все коллеги прошли через это.

О коллективных проектах я, кажется, всё сказал. В содружестве всегда работать веселее и эффективнее, если, конечно, не разгадываешь ребусы древнего текста. Занятие это плохо уже тем, что в каждом знаке постепенно начинаешь видеть историю Китая – а тогда, прощай, перевод.

К-Ф: Каковы самые большие проблемы современного китаеведения?

ПК: Самая большая проблема науки сегодняшнего дня – это кадровый вопрос. Он требует толковых и спорых решений. Организовывать жизнь в такой огромной и многообразной (во всех мыслимых и немыслимых смыслах) стране могут только грамотные, практически подготовленные и достаточно молодые люди. Это не значит, что наш опыт никому не пригодится, кто-то должен говорить младшим простые истины: что огонь обжигает, а если биться головой о стену, может случиться сотрясение мозга и т. п. Но для того, чтобы молодые пользовались нашими знаниями без предубежде-

[129] Это было очень давно. Я забросил памятник, считая его вторичным, а зря: по нему, полагаю, изрядно прошлась кисть Конфуция (примечание ПК).

ния и опаски, не нужны бестолковая, бесперспективная «толерантность» и табуирование отрицательных явлений и тенденций, к чему мы всегда были склонны[130].

К-Ф: Раз уж речь зашла о молодых, какие качества необходимы для того, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ПК: Качества, которые нужны китаеведу, как научному работнику, я знаю. О том, что требуется китаеведу-практику, рассуждать не стану – не испытал. А что может сказать сторонний наблюдатель?

В той науке, которая формировалась в Европе, начиная с XII в., не было разделения по языковому признаку. Основным языком науки была латынь, в меньшей степени присутствовали греческий, арабский, древнееврейский. Но это всё были инструменты, необходимые среди многих других. Главное была сама наука – познание, высвобождающееся из-под давления инстинкта, традиций, религиозных страхов и т. п. А потому в науке нужна прежде всего честность перед этой наукой и перед самим собой, трудолюбие, вера в возможности человека, отход от эгоцентризма, даже ограничение эгоизма. Я, к сожалению, только в переводах знаю катрен Омара Хайяма о научном труде. Специально искать было недосуг, а случайно персидский его текст на глаза не попадался. Там, вроде, представления, похожие на перечисленные. Но хотелось бы услышать в авторском варианте, потому как считаю любой перевод поэзии профанацией, авторизованным подражанием на чужом языке. Мало кто способен влезть в шкуру иностранного поэта, как бы воплотиться в этого поэта. Вроде удавалось Пушкину, а больше никого не знаю. Итак, всё перечисленное, а главное – упорство, даже доходящее до упрямства, способность неизменно отстаивать свои идеи, если в них уверен. Впрочем, всё это нужно в любом творческом труде!

К-Ф: Ваши пожелания молодым китаеведам?

ПК: Что можно пожелать людям, взявшимся за тяжёлый и нужный труд? Не отступать и идти вперёд, несмотря ни на что. Слишком велики издержки от этого дела для вашей жизни. Могу пожелать сил, изобретательности, находчивости, умения работать с собеседником, коллегой, даже единомышленником, ... быть всегда во всеоружии своего опыта, знаний, способностей. Уж если взялись за это дело, возврата быть не должно. Идите вперёд!..

[130] Вспомните юбилейную болтовню о благодатном 1913 г., по случаю 300-летия дома Романовых (примечание ПК).

P.S. от П.М. Кожина: Я с интересом прочёл отредактированный текст, но прошу учесть: я ни на чём не настаиваю, ни за что не борюсь. Для этого я слишком стар, и моим убеждениям и констатациям это противоречит. Только сам человек может прийти к определённым выводам о чём-то, если поверит во что-то, что осознал, что в своём разуме объяснил, что принимает как истины. Думаю, что дело учёных, одна из самых актуальных для них задач – остерегать людей от ложных истин, демагогических призывов, болтовни о том, что якобы можно получить что-то без затруднений, без усилий, без затраты труда и серьёзной аналитической работы разума. И ещё, в каждом периоде своего «прижизненного» существования общество состоит из, как минимум, десятка возрастных групп. Их становится больше, они становятся более антагонистичными по отношению друг к другу в периоды и моменты крупных ломок и перемен, но подлинные знания и правильно поставленные цели позволяют снижать этот антагонизм. Ведь никому не доставляет удовольствия (и редко кто может испытывать даже удовлетворение) жить среди обломков прошлого, о которые вечно спотыкаются ретивые «строители счастливого будущего».

Китайский опыт, подкреплённый всей двухтысячелетней имперской историей, неоценим в отношении урегулирования подобных кризисных состояний. И если я больше обращаюсь к прошлому, то не потому, что именно оно влечёт меня. Просто в прошлом временн***а***я Вертикаль периодически фиксировала определённые виды разрешения противоречий и позволяла увидеть какие-то звенья поступательного движения и развития человека, общества, властных структур, облечённых в формы государств с их разнообразными методами управления крайне разнородными человеческими сообществами. На склоне жизни *Люсьен Леви-Брюль* попытался обобщить свои идеи о «пралогическом мышлении» и, представляется, правильно расставил акценты в своём подходе к истории общества, его идей, институтов, свершений (собственно, в этом отношении он развил выводы *О. Конта* в его поздних работах). Он не стал настаивать на утверждении прямой зависимости эволюции мышления от биологических изменений мозга *гомо сапиенса*, а сосредоточился на проблемах историко-культурного и историко-психологического **опыта** у разных популяций ойкумены.

Думаю, это пригодно в качестве концовки текста.

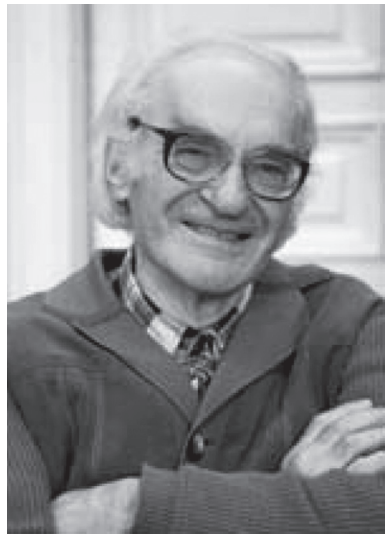
Кожин

КРОЛЬ ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ

INTERVIEW WITH YURY L. KROL

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)



Кроль Юрий Львович (ЮК)	***Yury L. Krol***
Китаевед, д.и.н., Ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН Специалист по истории древнего Китая Место: Санкт-Петербург Дата: 29 июня 2014 г. Вёл интервью: Головачёв В.Ц. (ВГ) ИВ РАН Примечания: В.Ц. Головачёв, М.Е. Кузнецова-Фетисова ИВ РАН Продолжительность: 3 часа	Sinologist, Full Doctor (History) Leading Research Fellow, Institute of Oriental Manuscripts, RAS Expert on Ancient History of China Place: S.-Petersburg Date: June 29, 2014 Hosted by: Valentin C. Golovachev, IOS RAS Footnotes: Valentin C. Golovachev, Marina Kuznetsova-Fetisova IOS RAS Duration: 3 hours

Кроль Юрий Львович (1931 г. р., Ленинград). Китаевед, доктор исторических наук (1992). Окончил Восточный факультет ЛГУ (1954). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1957). Специалист по древней истории Китая. Исследователь политической и экономической истории, историографии и культуры древнекитайских империй Цинь и Хань.

ВГ: Здравствуйте, Юрий Львович!

ЮК: Здравствуйте, Валентин!

ВГ: Как-то особенно приятно встретиться с вами, потому что в своё время вы тоже посвятили немало времени и сил изучению судеб своих учителей и коллег-китаеведов. А сегодня теперь уже мы обращаемся к вам как старшему коллеге и предшественнику, чтобы продолжить начатое вами дело, поговорить о вашей судьбе и о судьбах советского китаеведения. Для начала прошу вас коротко представить себя читателям нашего интервью.

ЮК: Во-первых, меня зовут Юрий Львович Кроль (а свои тексты на латинице я подписываю Jurij (или J.) L. Kroll. Я начал заниматься Китаем и интересоваться им в 1949 году. Это был год моего окончания школы и поступления в университет. Я поступал в университет неудачно. У меня был в течение довольно длительного времени (если можно говорить о таком «вьюноше» слово «длительный») интерес к истории древности и средних веков, в первую очередь – средних веков.

ВГ: Позвольте предварить экскурс в средние века вопросом о вашем личном «осевом времени». Где и когда вы родились? Вы коренной ленинградец?

ЮК: Коренной. Я родился в Ленинграде в 1931 году, в еврейской семье. Не знаю точно, где мой дед и бабушка венчались. Во всяком случае, на бабушкином обручальном кольце, которое у меня недавно пропало, было написано, что это был 1898 год. И даже число точное было выгравировано.

ВГ: Выходит, несколько поколений ваших предков жили в Петербурге?

ЮК: Да, начиная с деда. Вообще, как вы знаете, тогда существовало ограничение права жительства. Но так как дед окончил Московский университет и был врачом, то он жил здесь, в Петербурге. Мы жили в рабочем районе, который называется Охта. Это как раз напротив Смольного собора, на другом берегу Невы. Поэтому с балкона нашего дома у нас был роскошный вид. А дом был старый, конца XIX в.

ВГ: Вашего отца звали Лев, и по гороскопу вы тоже – Лев?

ЮК: Я Лев по гороскопу. Но должен сказать вам, что судьба отца была очень грустной. Он довольно долго жил вне России. Где-то в 1910 году он переехал за границу, жил в Париже. Отец был художником, хотел учиться. И возможность учиться, по-видимому, появилась у него как раз в «Русской академии» в Париже (есть москвичка, историк искусства по фамилии Шацких, которая профессионально занималась этой академией). Это были те же годы, когда там находился *М. Шагал*. Думаю, что они знали друг друга. У них потом были возможности познакомиться и в Москве, какое-то время до отъезда Шагала за рубеж. Короче говоря, в 1938 году отца

расстреляли. Потом передо мной, так сказать, извинялись. Но, что значит, извинялись? Извинялись так, как умеет извиняться наше государство. То есть отца реабилитировали.

ВГ: После ареста отца вы остались с мамой?

ЮК: Я остался с мамой. И когда началась война, так как моя мама работала в Эрмитаже, я уехал в эвакуацию вместе с ней. Уехал на том самом поезде, в первом эшелоне, который вышел отсюда 1 июля 1941 года.

ВГ: Насколько я знаю, вас эвакуировали на Урал.

ЮК: В город Свердловск. Сейчас он называется Екатеринбург. И я там жил во время войны и большую часть 1945 года. Где-то в начале лета... нет, осенью 1945... мы вернулись в Ленинград вместе с Эрмитажем. В эшелонах, в которых я ехал туда и обратно, перевозились сокровища Эрмитажа. 1-й эшелон был оснащён зенитными батареями, там была усиленная охрана. А в Свердловске Филиал Эрмитажа вёл себя активно. Например, я помню, что однажды эрмитажники сделали выставку, которая называлась «Военная доблесть русского народа». Была война, потому и устроили такую выставку...

ВГ: Наверно, вы были хорошо знакомы с другим «эрмитажным» ребёнком, *Анной Григорьевной Беловой*, которая работает в нашем институте, в ИВ РАН?

ЮК: Аня Белова. Конечно, мы прекрасно знаем друг друга! Мы все были вместе. Её папа там находился.

ВГ: И вы вместе играли на лестницах, среди ящиков с экспонатами?

ЮК: Ну, я не помню, играли на лестницах или нет. Тем более что иные мои игры едва ли были по вкусу благонравной девочке, особенно с тех пор, как мой брат переслал мне некоторое количество взрывчатки (здесь, в Питере, её было полно). Я сделал роскошную «бомбочку» и спустил её с 5-го этажа.

ВГ: Чем вы ещё занимались там, кроме пиротехники?

ЮК: Я там учился, в эвакуации.

ВГ: Как звали вашу маму, и чем, какими коллекциями она занималась?

ЮК: Её звали *Александра Ефимовна Кроль*. Она занималась английским и скандинавским искусством. Начинала она с итальянского, но была арестована женщина, которая занималась итальянским искусством, и мама не пожелала занять ещё тёплое место другого человека. Как звали ту женщину, я не знаю, и уцелела ли она, я не знаю. А одну эрмитажницу, которая прошла через Соловки, я хорошо помню...

ВГ: Повлияла ли мама (хоть как-то) на ваш выбор профессии?

ЮК: Нет. Думаю, она повлияла лишь косвенно. Дело в том, что я никогда не знал истории Китая и не интересовался ею, это было далеко от меня. Близки были русская и европейская история, литература и искусство. Я участвовал в олимпиадах по этим предметам и был победителем одной, а скорее двух или трёх олимпиад. Однажды какой-то профессор-историк, который курировал эти олимпиады, сказал мне: «Я бы хотел, чтобы у меня был такой студент!» Когда меня не взяли в университет (а был такой момент, что меня не взяли – недостаточно хорошие отметки были, не прошёл по конкурсу), я встретил его там и спросил: «Не можете ли вы как-то помочь?» Он сказал: «Совершенно не могу!» Потому что он уже был не у дел. Может, оттого, что имел достаточно самостоятельные взгляды? Во всяком случае, насчёт того, кого брать, а кого не брать, тут он был бессилен.

ВГ: Китай был слишком далеко. И всё же, помните ли вы, когда и как вы впервые узнали о существовании Китая?

ЮК: Я думал над этим вопросом, но ничего толком не придумал – очень возможно, что я узнал о Китае из сказки «Соловей» *Андерсена*. Помните, она начинается словами: «Ты, верно, знаешь, мой мальчик, что в Китае все жители – китайцы? И даже сам император – китаец!» Хотя последнее – неверно, но Андерсен этого не знал.

ВГ: Это довольно обычный способ для тогдашних советских школьников – узнавать о Китае таким образом, из детских книг! Правда, многие узнавали от старших членов семьи, либо в школе от учителей.

ЮК: Конечно, я думаю, что и в школе нам что-то говорили про Китай. Но деталей я сейчас уже совершенно не помню. Император *Цинь Ши-хуан*, наверно, в школе упоминался, и не только.

ВГ: А в газетах или по радио что-то говорили о Китае в те военные годы?

ЮК: Я этого не помню, не обращал на это внимания. В 1930-е годы, помнится, что-то говорили об аресте *Чан Кай-ши*. А газеты я до сих пор не люблю читать. Я предпочитаю радио! Я – радиослушатель.

ВГ: Вот как? Мне, как бывшему радиожурналисту, приятно слышать это!

ЮК: Ну, я слушаю хорошую, самую лучшую московскую радиостанцию – «Эхо (Москвы)».

ВГ: Понятно. Наверно, теперь можно подойти к вопросу о выборе профессии. Вы закончили школу и... вам пришлось делать выбор?

ЮК: Да. Я закончил школу, это был 1949 год. Дальнейший выбор я сделал без всякого принуждения, как и вообще, наверно, многое в жизни. Я пошёл сдавать экзамены на истфак университета. Надо было получить, кажется, 4 или 5 «пятёрок», а я получил две «четвёрки». Не помню,

сколько там было экзаменов... Что меня очень удивило, так это «четвёрка» за сочинение. Я таких сочинений не писал. До этого у меня была только одна загадочная история. Тогда предполагалось, что я получу медаль, потому что по всем экзаменам в школе у меня были круглые «пятёрки». Но потом они стали внезапно «съёживаться». И, задним числом, они были понижены. Так что я никакой медали не получил (медаль позволяла поступать в любой вуз СССР без экзаменов. – *ВГ*), и поэтому сдавал экзамены. Сдал не вполне удачно, после чего пошёл на Восточный факультет ЛГУ. Деканом востфака был *Геронтий Валентинович Ефимов* – имя, наверно, вам известное.

ВГ: Конечно!

ЮК: Я кончал его кафедру, но контактов у нас особых не было. Потом я был на похоронах Г.В. Ефимова и, по поручению *Е.И. Кычанова*, пришёл туда с букетом цветов. Тогда, в 1980 году, к нам подошёл декан истфака и сказал что-то вроде: «Кто бы мог подумать?!» Или: «Зачем это ему понадобилось?!» То есть что-то в таком духе. Во всяком случае, сказал что-то, что можно было истолковать весьма иронически. Думаю, что он не хотел этого, но так у него получилось.

ВГ: А как же вы всё-таки оказались перед дверями Восточного факультета?

ЮК: Во-первых, я оказался там, когда Г.В. Ефимов ходил в ректорат (или делал вид, что ходил), для того, чтобы ему дали какие-то дополнительные единицы. Среди нас, как я помню, была ещё одна девочка, Нонна Скегина. Она потом поступила – так же, как и я, но не удержалась на факультете. В общем, это оказалось не для неё.

ВГ: Вы имеете в виду, что Г.В. Ефимов просил расширить набор студентов на китайское отделение?

ЮК: Да, расширить. Не знаю, что делал Г.В. Ефимов, понимал ли он это, но был произведён дико преувеличенный набор на китайское отделение. Я думаю, что это был отклик на тогдашние отношения с Китаем. Потом часть принятых тогда студентов переводили на филфак.

ВГ: Это был 1949 год – год образования КНР.

ЮК: Да. Я помню, как выступал китайский цирк, и у меня долго хранился голубенький значок с портретом председателя *Мао Цзэ-дуна*. Потом, года через четыре, этот значок пропал, потому что я его дал другому человеку во время постановки (спектакля), а он случайно сорвал его со своей одежды. В общем, значок исчез. Его больше нет в природе, осталось только воспоминание. Но он был подарен мне, наверно, в октябре 1949 года. Ну, потом я был в Китае как раз тогда, когда была очередная годовщина образования КНР. И я видел это празднование. Во всяком случае, тогда

я впервые ощутил себя «варваром». Потому что был немыслимый гром! Я представил себе, как они шли, эти бедные люди из глубокой провинции, из других стран. А тут, значит, грохот, гром, барабаны... То есть это было сделано абсолютно так, как нужно, чтобы ты чувствовал, что оказался в центре Поднебесной, и перед тобой предстаёт некое истинное величие.

ВГ: Между Небом и Землёй. Как и в тот момент, когда вы поступали на исторический факультет, но каким-то образом попали в китайскую группу. Как завершилась история с вашим поступлением?

ЮК: История была дальше такая. Она была почти романтическая. Поскольку я был юношей, мне надо было либо в армию идти, либо искать какой-то близкий себе институт, куда поступали бы, сдавая такие же экзамены, какие были сданы мной. Сильного влечения к службе в армии я не чувствовал, поэтому решил, что пойду в педагогический институт. Начал с 1-го Иностранного. Был у нас такой институт педагогический, где со мной состоялся памятный мне разговор. Этот институт был, по-моему, слегка военизированный или, во всяком случае, там был какой-то иностранный факультет. Может быть, они там кого-то готовили для армии. Я по этой причине начал с того, что изложил всю свою анкету – чтобы вы знали, с кем вы разговариваете, и точка. Может быть, это вас не устраивает – ну, и ладно. Человек, который проводил собеседование, кивал: «Да, да, да». Говорил, что это всё ничего. Ничего, что не комсомолец, что у меня известная национальность. Но потом спросил: «А вот у вас очки. Скажите, пожалуйста, что у вас с глазами?» Говорю: «У меня близорукость». – «Ну, и какая у вас близорукость?» Я говорю: «У меня минус 4 или минус 5». Он: «Ну, к нам с таким зрением поступить совершенно невозможно!». Туда поступил мой товарищ по классу Гена Стеклов, мы с ним вместе кончали школу. Поступил совершенно благополучно, хотя у него была даже большая или такая же близорукость, как и у меня. Так что, я думаю, что это моё несостоявшееся «поступление» и неважное зрение едва ли были так уж связаны. Но я там сдал экзамен. Причём я сдавал, по-моему, и немецкий, и английский. Потому что в школе я учил немецкий, а английский язык я просто уже в какой-то мере знал.

В конце концов, я пошёл в Герценовский, на иностранный факультет, где готовились преподаватели разных языков. Но в Герценовском я чувствовал себя неуютно, потому что декан, приветствуя поступивших, сказал: «Вот, я уже не в первый раз вижу здесь русые головки, косички – такие милые и славные!» И я чувствовал, что тут кругом – одни девчонки. Я к этому, естественно, не привык, ведь это было время раздельного обучения мальчиков и девочек. Хотя всё же довольно быстро освоился за те десять дней, что был студентом этого самого Герценовского... А дальше произошла такая история. Сперва я подумывал об испанской группе, но поступил

в английскую группу, где у нас была очень привлекательная, милая преподавательница. Фамилии её я, к сожалению, не помню. Она только что окончила филфак ЛГУ или, скорее, защитила там диссертацию. Не знаю. И вот, она стала ставить всем произношение – объясняла, что надо делать губами, зубами, языком. И у всех этих девчонок получалось. А у меня не получалось, хоть ты тресни! Не выходило! И тогда я разозлился – и заговорил с ней по-английски. А я в Свердловске учился языку у его носительницы. Она была природная американка из семьи, происходившей из Скандинавии. Миссис Эдди. Очень хорошая и добрая пожилая женщина.

ВГ: Наверно, преподавательница очень удивилась, когда вы с ней заговорили?

ЮК: Вероятно, не знаю. Но я заговорил с ней, и она сказала: «Зачем вы пришли сюда?» Я говорю: «Ну, так вышло». Она: «Вы знаете, вам здесь совершенно нечего делать!» Я говорю: «А что же мне делать?» Она: «Ну, пойдите на истфак, попробуйте! Может быть, там есть всё-таки место какое-то!» И я пошёл на истфак. Места там не было, но мне сказали: «Мы слышали, что на Восточном факультете – недобор мальчиков». А это было существенно. Почему-то мальчишек очень хотели принимать в первую очередь. Может быть, тоже ввиду причин каких-нибудь, скажем, дальнейшей работы. И у меня был разговор не с деканом, потому что декан уехал в Москву и, конечно, оставил вместо себя одного из своих друзей. Я помню только одну остроту этого человека – когда он сказал, что вот, он носит какие-то суконные ботики, которые называются «прощай, молодость!» Звали его *Болеслав Исидорович Король*. Я ему сказал: «Вы хотите, чтобы я забрал документы в Герценовском и принёс их к вам?» «Да» – говорит. Я: «Вы понимаете, что деваться мне будет некуда, если вы меня не возьмёте?» Он: «Понимаю, но никаких сомнений нет, у нас есть потребность в таких студентах. Вы нас вполне устраиваете». Я ему тоже излагал все подробности своей биографии.

ВГ: Ваше плохое зрение его не смутило?

ЮК: Нет. Не только зрение, всё остальное – тоже. Мне было велено прийти на следующей неделе, в понедельник, кажется. Во всяком случае, когда я пришёл туда на следующей неделе, оказалось, что меня не берут!

ВГ: Прямо «засада», драма какая-то!

ЮК: Да! Не берут, и всё! Но вопрос решился благодаря проректору ЛГУ, археологу, профессору *Михаилу Илларионовичу Артамонову*.

ВГ: Вам даже пришлось пойти к проректору?

ЮК: Да. Причём он сидел за столом и разговаривал не поднимая головы – всё, как положено начальнику. В конце концов он меня спросил: «Учиться хотите?» Я сказал: «Очень хочу!» Он ответил: «Будете учиться».

После такой «улыбки Фортуны», первой за всю эту осень, я пошёл учиться. Так я пришёл в свою группу. Это была группа истории Китая, как раз на кафедре у Г.В. Ефимова. Там были в основном парни и только три девочки. Там был один воевавший человек, другой был рабочим. В общем, разные люди были...

ВГ: Сколько было всего студентов в группе?

ЮК: По-моему, десять нас было, но потом одна девушка ушла на истфак.

ВГ: Значит, группа была небольшая?

ЮК: Небольшая.

ВГ: Почему всё-таки ваш выбор пал на Китай, а не Корею или Японию? Потому что вам просто предложили заниматься Китаем?

ЮК: Я не совсем правильно сказал, что узнал о Китае только из сказки «Соловей». Нет, с Китаем у меня была ещё одна встреча. Был такой китаевед, Пчелин, который никогда, кажется, не служил в этом качестве, но знал китайский язык. Я никогда его не видел, но у него была дочка – её фамилия в замужестве *Рудова М.Л.*, сотрудница Эрмитажа, работала до последнего времени в Отделе Востока, а в нынешнем году, к сожалению, скончалась. С ней я и познакомился, когда подрабатывал в Эрмитаже «старушкой в зале». Знаете такую работу?

ВГ: Конечно! Сидеть на стульчике?

ЮК: Да, сидишь на стульчике, «старушкой», дежурной в музейном зале, смотришь и слушаешь. Ну, а какие перлы я там слышал! Например, есть там зал Рубенса, где на одной картине изображена обнажённая красавица, которая поставила ногу на загорелое волосатое колено склонившегося перед ней поклонника-кентавра[131]. Один из двух молодых посетителей-военных, остановившись перед этой картиной, сказал другому: «Ты скажи, ну точно – наш подполковник?!» Запомнилась мне эта живописная сценка!..

ВГ: И тогда, работая «старушкой», вы познакомились с юной девушкой?

ЮК: Я познакомился с Машей. И она дала мне почитать переводы с китайского. По-моему, у неё была книжка *В.М. Алексеева*, а в ней какие-то переводные стихи. Меня всегда интересовал перевод, в частности стихотворный. И так вышло, что ещё до начала изучения Китая у меня была даже какая-то встреча с *Машей Пчелиной*, представительницей китаеведения. Это было в Отделе оружия. На меня гораздо большее впечатление, чем встреча, произвело в этом отделе японское орудие пытки, которое я там

[131] Видимо, речь идёт о картине П.-П. Рубенса «Несс и Деянира». На картине изображён кентавр, склонившийся перед женой Геракла.

увидел. «Изысканное» приспособление, чтобы извлекать из пытаемого человека печень после того, как всё остальное из него, видимо, уже вынуто.

ВГ: Наводило ли это вас исподволь на мысли о Китае?

ЮК: Дело в том, что это было в школьные времена, я учился, кажется, в 8-м классе. Всё лето было – моё (летние каникулы. – *ВГ*). Это значит, что я мог там подрабатывать, целый месяц в Эрмитаж ходить.

ВГ: Почему всё-таки Китай? Может быть, на вас как-то повлияло образование в 1949 году КНР и предшествующая этому событию атмосфера?

ЮК: Атмосфера? Должен сказать, что – да. Тут был такой восторг. И я помню китайских работников цирка, которые пользовались бешеным успехом. Я был на их представлении. Там-то я и получил в подарок на память о провозглашении КНР тот самый значок с портретом Мао.

ВГ: Может, тот значок с портретом Мао и был знаком, который привёл вас к изучению Китая?

ЮК: Должен сказать, что, когда я был в Китае, я пошёл в Мавзолей Мао Цзэ-дуна. Когда я его увидел, то поразился в первую очередь его росту. Нечасто встретишь такого высокого китайца, как он. А там видно было, что он был высокий человек. Между прочим, я был на его родине в Китае. Но меня больше археология там интересовала. Вообще, в Китае мне было интересно смотреть на всё, что связано с историей до 1644 года[132]. Потому что в ЛГУ особенно некому было учить нас этому. К нам приходил тюрколог *Дмитрий Иванович Тихонов*, который преподавал нам древнюю историю по *С.М. Георгиевскому*. В общем, по каким-то невероятным книжкам, названий которых сейчас и не вспомню.

ВГ: Может быть, это книга С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая»?

ЮК: Я не помню. Это какая-то краткая китайская история. Во всяком случае, она фигурировала в качестве учебного пособия. Конечно, Тихонов был тюркологом и не имел никакого отношения к Китаю. А из дальневосточных, владивостокских востоковедов у нас был *Н.В. Кюнер*.

ВГ: Кюнер тоже читал у вас лекции?

ЮК: Во-первых, Николай Васильевич читал нам лекции. А во-вторых, он руководил моим дипломом, у меня даже сохранился его отзыв, надо сказать весьма лестный, а также отзывы *Б.И. Панкратова* и *Л.А. Березного*.

ВГ: Наверно, поэтому вы и занялись древностью, под влиянием Н.В. Кюнера?

ЮК: Нет. Н.В. Кюнер вообще был человек, который ни о чём определённо не высказывался. Он всегда говорил: «те-те-те-те» или что-то вроде

---

[132] В 1644 году маньчжуры официально основали в Китае империю Цин 清 (1644–1912).

того. Я помню, что его основные замечания по диплому были такими – вот вы так пишете, будто это только так и могло быть. Говорил он это, чтобы я был не так уж уверен, что всё в истории бывает именно так, а не иначе. Но Кюнер знал и язык, и историю. У меня был диплом по восстанию *Чэнь Шэна* и *У Гуана*. Во всяком случае, для него эти исторические имена что-то значили[133].

Вообще, это восстание нашло отражение в советской научной литературе. У меня есть книжка, связанная с моей работой того времени – «Сыма Цянь – историк»[134]. Я же пришёл к занятиям историографией именно через чтение источников для своей дипломной работы! Это были в основном *Ши цзи* («Исторические записки»), это мне было в какой-то мере знакомо и понятно.

ВГ: А тему диплома вы сами выбирали, или эту тему дал ваш руководитель?

ЮК: Нет, сам.

ВГ: Наверно, это непросто было?

ЮК: Я вам скажу – нет. У меня было на кафедре два учителя. Одного из них мне хочется называть учителем, потому что он был порядочный, приятный человек и дал мне добрый совет, он занимался исключительно современным Китаем. Это – *Лев Абрамович Березный*, который был мне симпатичен. Я помню одно его смешное замечание, которое казалось не очень смешным тогда, но сейчас оно, конечно, выглядит смешно. Мне надо было делать доклад по работам товарища *И.В. Сталина* 1920-х годов, касающихся Китая. И Березный сделал мне замечание: «Почему вы это всё так излагаете, как будто это академическая полемика? Это было совсем не так! Это было...» Не помню, как он выразился, но, в общем, что это...

ВГ: Политическая борьба?

ЮК: Политическая борьба, классовая борьба – в общем, всё, что угодно. Я уж не помню точно его выражения, но помню, что он меня поправил именно в этом отношении. В общем, суть его замечания – что это была борьба. Мол, не изображайте это так, будто эти люди просто мирно рассуждают, спорят...

ВГ: Учёная беседа?

ЮК: Да, учёная беседа какая-то, где участники приводят аргументы «за» и «против» разных версий. На самом деле одни – это «враги», а дру-

---

[133] Крестьянское восстание под руководством Чэнь Шэна и У Гуана (209–208 гг. до н.э.). В 208 г. до н.э. циньская армия подавила восстание. Несмотря на поражение восстания, оно нанесло мощный удар по империи Цинь, от которого последняя не могла оправиться. В 206 г. до н.э. династия Цинь была свергнута повстанческой армией во главе с Сян Юем и Лю Баном. Лю Бан позднее стал основателем династии Хань.

[134] *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк / Ответственный редактор Л.П. Делюсин. М., 1970.

гие их разоблачают. Л.А. Березный был моим учителем. Вообще, по подготовке он был американистом. И у него диссертация была, по-видимому, по советско-американским отношениям. Может быть, по этим отношениям в Китае, потому что потом он перешёл на китайскую проблематику. Писал работы, конечно, по современному Китаю. Но это был единственный китаист на нашей кафедре, который мне дал добрый совет: «Учите язык, учите язык, только, пожалуйста, учите язык!»

ВГ: Кто был вторым преподавателем, о котором вы упомянули.

ЮК: Вторым был Г.В. Ефимов. Он не знал ни одного языка, я думаю, кроме английского. Может, немецкий ещё знал.

ВГ: В то время все занимались современностью. Как получилось, что вы занялись древностью? Это же немодно было!

ЮК: Да, немодно. Я же вам сказал, я не газетный человек. Я не знаю, как на меня могла распространиться «мода», разве только через принуждение. Но всем было просто наплевать на то, что я есть и что со мною будет, потому что было ясно, что, по некоторым обстоятельствам, работать по профессии мне особенно не придётся. И поэтому относились так: ну, хочет он заниматься, ну, интересно ему. У нас никто этим не занимается. Ну, пускай он и занимается!..

Должен сказать, что некоторое время я находился под влиянием председателя Мао Цзэ-дуна. И Лев Абрамович (Березный), я думаю, – тоже. Он разбирал, конечно, современные тексты и очень настаивал на том, что их читать тоже важно. И я помню, что у меня к нему был вопрос о теме диплома – что у меня есть две возможности. Я могу сделать диплом по марксистской теории, касающейся крестьянских восстаний, как она изложена у председателя Мао. А могу сделать дипломную работу по более узкому вопросу, по восстанию Чэнь Шэна и У Гуана. Что лучше? Березный тогда и сказал, что важнее всего – не просто излагать марксистскую теорию по Мао Цзэ-дуну, а знать язык и овладеть с его помощью материалом источников. И я действительно приложил к диплому о крестьянском восстании против Цинь перевод биографии Чэнь Шэна из *Ши цзи*, которая называется «Наследственный дом Чэнь Шэ». Я постарался, насколько мог, перевести её, и даже, по-моему, мной за это была получена какая-то грамота от ректората.

ВГ: А какие материалы вы использовали для диплома?

ЮК: *Ши цзи*.

ВГ: Просто взяли *Ши цзи* и шли по этому памятнику?

ЮК: Да. Это то самое, что потом у нас переводилось не раз. *Л.С. Переломов* переводил, и конечно, наши ведущие переводчики *Ши цзи*...

ВГ: Почему же вашим руководителем стал Н.А. Кюнер, а не Н.А. Березный?

ЮК: Мне его дали. Потому что академическая тема, я думаю. А Н.А. Березный, как известно, был преподавателем современной истории Китая. Вот история КПК – это его дело. Но он, спасибо ему, и меня не бросил, написал на мой диплом развёрнутый отзыв. А в руководители мне дали Кюнера Н.А. Но отзывы написали оба. Кюнер говорил как-то по-особенному. Это не заикание было, наверно. Во всяком случае, он не вдруг, не сразу произносил слова. Его манеру говорить очень хорошо пародировал *Борис Иванович Панкратов*, который рассказал мне про него дивный эпизод. Он рассказывал так: «Однажды я купил пистолет. Пришёл в общежитие (а он был аспирантом) Восточного института[135] на Дальнем Востоке. Пришёл в общежитие, повесил на дверь мишень, и начал упражняться».

ВГ: Мило!

ЮК: А Кюнер был в тот день дежурным. Ответственным за порядок. Услышав выстрелы, он стучит в дверь – тук-тук. А Панкратов говорит ему: «Да! Заходите». Кюнер заходит и говорит: «Господин Панкратов, эттто нехорошо...»

ВГ: И всё?

ЮК: Ну, больше ничего, да. Сделал ему замечание в своей манере: «Нехорошо, господин Панкратов». Но, я полагаю, о стрельбе с восторгом узнало всё общежитие!

ВГ: А Н.А. Кюнер преподавал вам что-нибудь?

ЮК: Читал какой-то курс. Какой – я не помню. У меня в дипломе упомянуты курсы Истории древнего и средневекового Китая и Историографии Дальнего Востока. О древнем Китае нам читал Д.И. Тихонов, а о средневековом не помню кто. Может быть, Н.А. Кюнер. Но, скорее, он читал об историографии...

Вообще, у нас первый год обучения был, я бы сказал, безумным с точки зрения какого-то идеологического вмешательства в нашу академическую жизнь. То есть одного нашего, по-моему, беспартийного, но вполне учёного лингвиста, который утверждал, что в Китае фактически нет единого языка, чуть ли не в «политике» обвинили. Мол, он хочет раздробления Китая. В общем, ему сделали какой-то «райкомовский» втык. Причём, не имея на то права, потому что никакого отношения к партии он не имел. Это случилось, когда я был, по-моему, на 1-м курсе. А мой друг, который сейчас проживает в Австралии, пострадал за компанию, потому что он «не на того молился» как лингвист. Его тоже вызывали то ли на партбюро, то ли в рай-

[135] Восточный институт – известный российский центр подготовки востоковедов. Основан во Владивостоке в 1899 г. С 1920 г. – Дальневосточный университет.

ком, и тоже сделали «втык»: «Как вы можете говорить, что в Китае нет единого языка?» Он говорит: «А вот так. Если южанин не учил пекинский диалект, то он и не будет понимать его». В общем, намекнул, что истина превыше всего...

ВГ: Борис Иванович Панкратов, о котором вы писали как об учителе, он тоже преподавал тогда, и как вас свела судьба с ним?

ЮК: Кто-то меня с ним познакомил тогда. Это сыграло в моей жизни совершенно особую роль, и это был совершенно особенный человек!

ВГ: Мы так мало знаем о нём! Может, вы расскажете нам поподробнее об этом человеке?

ЮК: Да. Я помню, что он пришёл к нам в группу и стал спрашивать: «Что вы знаете?» Мы сказали, что мы ничего не знаем. Тогда он взял мел и написал по памяти начало *Сань цзы цзина*, по-моему: *Жэнь чжи чу син бэнь шань* 人之初性本善[136], и так далее. И предложил нам сказать, что тут написано. Ну и, конечно, убедился, что мы сказать не можем...

ВГ: Какой это курс был? Первый, второй, третий?

ЮК: Нет, это был не первый курс. На первом курсе нам преподавал китайский язык профессор *Г.Ф. Смыкалов*. Я не знаю подробностей его биографии, но начинал он свою работу ещё при царской власти. Преподавал он, между прочим, очень колоритно, и это выглядело так: «Грамматика вам не нужна! Грамматику – в печку! В китайском языке её нет!..» Потом в какой-то момент он говорил: «Нет, кое-что всё-таки есть». И ещё говорил: «Когда китаец читает вот так же, как вы, текст и доходит до этого места, где стоит частица *ды* 的, то у него в голове происходит “революция”, и всё становится определением к тому, что он сейчас прочтёт». В таком стиле он вёл занятие. Ещё он курил трубку! Он умер, куря трубку, между прочим. Закашлялся на заседании кафедры и умер.

ВГ: Какие тексты вы читали?

ЮК: Сначала это была газета... Вообще, это очень характерно. Недавно моя жена писала воспоминания о своём учителе. У неё был учитель очень высокого класса, лингвист-японист и кореист *А.А. Холодович*. И я обнаружил, что они учились так – в основу был положен текст. То есть учебников не было, а просто брали тексты. Это могла быть газета, либо другие разные тексты, кто что выбрал. И А.А. Холодович начинал объяснять на тексте и грамматику, и всё на свете. Те студенты, которые умели хорошо схватывать, они и выучили язык.

ВГ: Вас тоже так учили?

[136] *Жэнь чжи чу син бэнь шань* («Природа у человека исконно добра») — первые два трехсловия *Сань цзы цзина*.

ЮК: Вначале – да. А потом я уже учился сам. Сам себя учил.

ВГ: Трудно было учить китайский?

ЮК: Ну, как вам сказать... Конечно, нелегко!

ВГ: Я так спрошу – мучил ли вас китайский язык?

ЮК: Нет, не могу сказать, что он меня мучил. И вообще, я обнаружил, что он становится легче по мере того, как читаешь. То есть появляется начитанность. Конечно, я не знаю китайский язык по-настоящему. Нормально было бы – выучить современный язык. Хорошо выучить! А у нас, у историков, прежде всего не было разговорного.

ВГ: Вообще не было?

ЮК: Нет. У нас был преподаватель, которого звали *Ни Тэ-гэнь* (а может – гэн, не помню).

ВГ: Ниткин?

ЮК: *Ниткин Владимир Краснович*, или *Владимир Хунович Ниткин*. В то время это было самое модное, назвать по *Ленину* – Владимир. Вот он и был Владимир Хунович, или Владимир Краснович, поскольку его папу звали Хун[137]. В то время была такая песенка: «На далёком севере эскимосы бегали, эскимосы бегали за моржой. Эскимос моржу поймал и вонзил в неё кинжал, и вонзил в неё кинжал глыбако!» «И опять на севере эскимосы бегали...» Ну, а мы на этот мотив пели слова, которые надо было зазубрить по Ниткину: *Ни дэ гэгэ цзай цзя ма? Во дэ гэгэ бу цзай цзя* 你的哥哥在家嗎？我的哥哥不在傢 и так далее.

ВГ: «Дома ли твой старший брат? Моего старшего брата нет дома».

ЮК: Да-да-да!

ВГ: Что же за человек был – *В.К. Ниткин*? Вообще, он какая-то загадочная личность.

ЮК: Он был художником. Думаю, что он был политэмигрантом. В какой-то момент уехал из Китая в Россию. Вероятно, когда Чан Кай-ши начал гонения на коммунистов, кто-то предложил ему эмигрировать просто для того, чтобы уцелеть. Наверно, он был человеком левых взглядов. Борис Иванович Панкратов любил вспоминать те сложные времена в Китае. Кстати, Панкратов сыграл особую роль в жизни *Ли Да-чжао*. Он его спрятал. Вы знаете про это или нет? С риском для себя старался спрятать Ли Да-чжао и чудом избежал участи других советских, пытавшихся спасти его.

[137] *Хунович* — от китайского слова *хун* (красный).

ВГ: Интересно! Мы ещё обязательно вернёмся к Б.И. Панкратову, когда договорим про В.Х. Ниткина, хорошо? Каким образом преподавал вам китайский язык Ниткин? Это был разговорный язык?

ЮК: По-моему, там было 250 слов или фраз, которые нужно было зазубрить. Говорят, что один путешественник знал по-французски одну-единственную фразу: «Не видели ли вы корову моей бабушки?» С этой фразой он объехал всю Францию, но нигде не мог применить своих знаний. Ну вот, тут точно так могло получиться.

ВГ: Значит, лексика, которую вы зубрили, была «не от жизни»?

ЮК: Почему «не от жизни»? *Нинь гуй син? Би син Мань* 您貴姓？卑姓滿 (дословно: Как ваша благородная фамилия? Моя низкая (или безродная, или подлая) фамилия Мань). Но у Ниткина фамилия представляющегося человека была, кажется, не Мань, а Ван 王. Вот так начиналось знакомство и представление. Оно было, наверно, слегка старомодное, подчёркнуто вежливое. Представляющийся рекомендовал себя уничижительно, намекая выбором эпитетов, что он родом и положением уступает собеседнику. Сейчас, наверно, тоже так говорят, в языке такие обороты с трудом выходят из употребления.

ВГ: *Нинь гуй син* – «Как ваша фамилия?» – и сейчас тоже спрашивают. А Ниткин был первым настоящим китайцем, с которым вы так столкнулись лично, в процессе учёбы?

ЮК: Да. Я не знаю, насколько он был хороший художник. Я вообще не помню его картин, хотя, кажется, какую-то и видел. Он, по-видимому, старался как-то совместить китайскую манеру живописи и ту, что ему преподавали в нашей Академии художеств... Я встречал одного нашего человека, чьё искусство действительно оставило в Китае какой-то след. Он жил, по-моему, в Шанхае. Звали его *Рыков*. У него были там дивные отношения! Его любили, и он чувствовал себя любимым, востребованным. Очень известный питерский театральный художник.

Кроме В.Х. Ниткина и Г.Ф. Смыкалова, с которым мы читали газеты, был ещё *С.Е. Яхонтов*, которым я всегда только восхищался и продолжаю восхищаться до сих пор. Он, конечно, совершенно великолепный синолог, с очень большим чутьём языка (помимо того, что ему дано в логическом сознании) и с очень ясной теоретической головой. Я просто ходил к нему на занятия, но сказать, что я у него учился, сложно. Я половины не понимал из того, что он говорит. И сейчас, наверно, половины бы не понял, потому что он говорит на языке профессионалов-лингвистов. С.Е. Яхонтов много раз помогал мне в работе над древнекитайскими текстами, особенно над одним трактатом II в. до н.э., в котором освещаются важные вопросы, в том числе экономические. В начале века я завершил и издал очень трудоёмкий

перевод этого трактата *Янь те лунь* («Спор о соли и железе»)[138]. За его перевод брались лишь немногие европейцы и американцы, которые переводили не всё, а часть. Полный же перевод, был сделан только на японский язык, и тот далеко не безупречен. Я попросил Яхонтова С.Е. прочитать мой полный комментированный перевод и сделать замечания на полях. На моё счастье, он, при всей своей непомерной загруженности, согласился и тем оказал мне неоценимую помощь. Все или почти все критические замечания и поправки Сергея Евгеньевича я включил в свой двухтомник, везде назвав фамилию их автора. Судя по указателю к моей книге, Яхонтов упоминается в ней 18 раз. Ну кто другой стал бы тратить столько сил на чужую и далёкую от его научных интересов работу?

ВГ: А как сложились ваши отношения с Борисом Ивановичем Панкратовым?

ЮК: В какой-то момент он решил, что из меня может что-то получиться, и у нас с ним были очень хорошие личные отношения! У меня есть отличная его фотография, могу показать вам.

ВГ: С удовольствием! А почему у вас были хорошие отношения?

ЮК: Ну, вот как-то с доверием мы друг к другу отнеслись, прониклись по-человечески. И он хотел меня научить. Я помню, как он приходил к нам в группу на 2-м курсе и говорил, что, вообще, про Китай очень много чего написано. Так вот, вам надо, например, прочесть много томов переписки иезуитов по-французски, чтобы понять, что там нет ничего для вас интересного. Сам он, конечно, был полиглот, от природы одарённый способностью к языкам человек. Когда он работал в советском посольстве в Китае, он, по-моему, работал как переводчик с китайского и английского языков, но знал и некоторые редчайшие языки, на которых говорят лишь немногие в Китае. Например, джарун, который иногда называют джаронг. А в блокаду Б.И. Панкратов был здесь (в Ленинграде) бойцом отряда самообороны АН СССР. Его наградили медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны». Такая у него биография. Вы никогда не держали в руках его однотомник?

ВГ: Нет, не держал.

ЮК: Не может быть, чтобы этого однотомника не было у вас!

ВГ: Не видел, не было.

ЮК: Если бы у меня был лишний экземпляр, я бы вам подарил.

ВГ: Ничего, я поищу в библиотеке.

---

[138] *Хуань Куань.* Спор о соли и железе /точнее, о казенных монополиях на них/ (Янь те лунь) / пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. М., 2001. В 2-х тт.

ЮК: Значит, так. Однотомник работ Б.И. Панкратова вышел в серии «Страны и народы Востока», которую издаёт Географическое общество[139]. Туда вошли его работы, которые фактически остались в рукописи, не были опубликованы. У него вообще немного работ было напечатано. В своё время я давал консультации сотруднику нашего институтского архива, разбиравшему его фонд. Поэтому я представлял себе этот фонд, был причастен к нему и знал то главное, чем Б.И. Панкратов был примечателен и славен. Он был синомонголист, то есть знал китайский и монгольский языки в такой степени, что мог на основании этих знаний реконструировать монгольский язык XIII–XIV веков, язык *Юань чао би ши* («Секретной истории Монголов», т. е. времён династии Юань. Далее – ЮЧБШ), и понимать, что там написано. Кстати, о том, что и когда Панкратов Б.И. сделал по этому переводу, посмотрите «Страны и народы Востока», выпуск XXIX[140]. Там об этом говорится, как и обо всей его работе над этим памятником. Молодой Б.И. Панкратов представил свой первый перевод ЮЧБШ *Шталь-Хольштайну* в Пекине, когда поступил в Sino-Indian Research Institute, т. е. в 1920-х годах. Куда эта работа делась – неизвестно. Потом он вернулся к тексту ЮЧБШ в 1940 или 1941 году (не помню точно), когда *Козин* опубликовал свой перевод ЮЧБШ. Об этом переводе Панкратов Б.И. сделал в Ленинграде, в ЛО ИВАНе, доклад, который потом опубликовал в «Странах и народах Востока» (выпуск XXIX, с. 66–70) *М.Ф. Чигринский*. Нового (полного) перевода Панкратов Б.И. не делал, а переводил те тексты, которые в переводе Козина были ему подозрительны. Пока работал в ЛО ИВАН, эта работа стояла у него в плане. По-моему, он продолжал её делать и после увольнения. Однажды я пришёл к нему, и он вышел мне навстречу с огромной кипой машинописи, которую нёс руками и придерживал подбородком. Я спросил, что это. Ответ: «Да вот, решил перепечатать то, что у меня сделано по ЮЧБШ». Судьбы этой кипы машинописи не знаю. Отдал ли он её в ЛО ИВАН, где уже не работал – вряд ли! Во всяком случае, Кычанов мне этого не говорил. Часть архива Б.И. Панкратова была передана его вдовой в ЛО ИВ. Но если там были переводы из ЮЧБШ, их был не такой ворох, какой я видел у него в руках, и свежеотпечатанных текстов я не помню. По вопросам, связанным с архивом Б.И. Панкратова, его вдова советовалась со *Стариковым*. Так что, где его перевод ЮЧБШ – не знаю! И не знаю, весь ли текст он успел перевести, осталось впечатление, что весь. Но его книга 1962 года не содержит этого перевода – я видел его с кипой машинописи в руках значительно позже!

---

139 Страны и народы Востока. Выпуск XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология / Составитель и отв. редактор Ю.Л. Кроль. СПб., 1998, 332 с.

140 *Кроль Ю.Л.* О работе Б.И. Панкратова над «Юань-чао би-ши» (по материалам архива востоковедов ЛО ИВАН СССР) // Страны и народы Востока. Вып. XXIX: География. Этнография. История. СПб., 1994. С. 138–143.

ВГ: Конечно. Кажется, Б.И. Панкратов знал и маньчжурский язык?

ЮК: Маньчжурский знал. Он был и маньчжурист, конечно. И у него была великолепная «библиотека маньчжуриста», и эту маньчжурскую часть своей библиотеки он, как будто бы, в своё время продал в Москву. Кажется, там были, в частности, все знаменитые китайские романы по-маньчжурски. В общем, много чего у него было. Ксилографы были, а может, и рукописи были. Но особенно он интересовался живым разговорным китайским языком, собирал и записывал тексты на нём у его носителей. Он собрал, между прочим, по свидетельству *Ф. Веллера* и *В. Эберхарда*, великолепную *китайскую картотеку ругательств*. Но я не знаю, где она теперь. Может быть, она находится у нас в институте, потому что его вдова, его последняя жена, отдала к нам в институт часть его архивов.

ВГ: Что можно сказать про Панкратова Б.И. как человека? Каким он был?

ЮК: По-моему, он был очень хороший и очень добрый человек, широко помогавший другим.

ВГ: С трудной судьбой.

ЮК: Да, судьба его была трудная. Он должен был стать преподавателем и, собственно, был преподавателем Восточного института во Владивостоке. По-моему, он был утверждён в качестве такового в пору власти Временного правительства. То есть институт подавал документы, что такой-то востоковед прошёл у них конкурс, и просил утвердить. Кажется, его даже утвердили. Но он проводил половину времени в странах, язык которых изучал. Начал свои поездки с Монголии, потом добрался и до Китая. *Всеволод Сергеевич Колоколов* тоже восхищался Борисом Ивановичем и чтил его, живого свидетеля своей молодости, когда Б.И. Панкратов был для него своего рода божеством. Они познакомились где-то в Пекине или, скорее, на Великой Стене, и В.С. Колоколов всё вспоминал этот эпизод. Всеволод Сергеевич – это вообще легендарная личность...

ВГ: Надеюсь, что мы поговорим ещё о нем. А какое влияние оказал на вас Панкратов Б.И. в профессиональном и человеческом плане?

ЮК: Он оказал большое профессиональное влияние. Помню, я даже тост предложил за него, когда у меня была защита. Я сказал по-английски, что пью за добрые, надёжные факты. Это человек, которому были нужны факты, а не великие теории о них. Он действительно был полиглот исключительной одарённости, но отнюдь не только лингвист. Свою первую работу – об орочонах – он издал в своё время (1915) во Владивостоке. Сам он говорил, что не собирался её издавать, потому что она была неоконченной. Её текст просто взяли у него с письменного стола и напечатали.

ВГ: И всё же, как повлиял на вас Б.И. Панкратов? Может, привил любовь к фактам, профессиональное отношение, доброту?

ЮК: Я считаю, что он очень сильно повлиял на меня во многих отношениях. Он был крупнейший учёный и джентльмен, настоящий джентльмен.

ВГ: И, наверно, был для вас образцом профессионала-востоковеда?

ЮК: Да! Конечно! Хотя великие теории его действительно не очень интересовали. Но он интересовался всем новым, что появляется. Когда началось увлечение структурализмом (вы, наверно, помните? Литературоведы особенно этим увлекались), он был единственным из стариков, кто пришёл послушать доклад *Бориса Вахтина*, побывавшего в Москве на каком-то научном сборище, где тот собрал информацию об этом течении. Я помню, что Панкратов был единственным пожилым человеком, который сидел тогда в комнате. Всем остальным это было «до лампы». То есть Б.И. Панкратов был необыкновенно многогранен! И – добавлю – открыт новому.

ВГ: Интересно! Вы только что упомянули В.С. Колоколова. Он тоже был одним из ваших учителей?

ЮК: У В.С. Колоколова были свои ученики. Конечно, самый знаменитый из них – *И.М. Ошанин*. Борис Иванович всегда считал, что у Колоколова – великолепный современный литературный китайский язык, тот, на котором пишут. Он лучше, ну, правильней, красивей или выразительней, чем тот, на котором говорят, но фактически это не разговорный язык, хотя В.С. Колоколов и говорит на нём. А Колоколов считал себя китайцем больше, чем сами китайцы. Как говорится, в мире есть «бóльшие католики, чем сам Римский Папа». Вот так и Колоколов – он был полон желания помочь другим и готов вторгнуться для этого в их область, даже без всякой просьбы об этом. Я помню, что он выступал по вопросу о том, почему «Сокровенное сказание» (*Юань-чао би-ши*) называется так, как оно называется. Он нашёл там какое-то (как он считал, с китайской точки зрения) неприличное место и сразу решил, что это и есть причина названия! Хотя на деле это совсем другая и очень сложная история...

ВГ: Довольно смело!

ЮК: Да. Сам он считал и называл себя лингвистом. Но ряд лингвистов-профессионалов, которых я встречал, не признавали его лингвистом. Я знаю, что Борис Иванович (Панкратов), чтобы дать возможность Колоколову как-то свести концы с концами, просто заработать, согласился читать его переводы.

ВГ: Как это, читать?

ЮК: А вот, послушайте. Вероятно, это были переводы текстов каких-нибудь юаньских времён (т. е. монгольской династии Юань,

1271–1368). Зная особенности Всеволода Сергеевича, он всё думал – какую формулировку использовать? И, наконец, нашел её. Его резолюция была такой: «Читал. Панкратов». Понимай, как хочешь!.. Теперь, должен вам сказать, что совершенно неожиданно для себя, разыскивая следы своего отца в лагерях, я обратился в Казахстан, потому что знал, что первый лагерь, куда его привезли, был Карлаг. Мне тогда посоветовали обратиться к женщине, которую зовут *Екатерина Борисовна Кузнецова* и с которой я до сих пор переписываюсь. Оказалось, что она – урожденная Колоколова, племянница Всеволода Сергеевича! Я узнал об этом потом, уже после того, как у нас завязалась переписка.

ВГ: Это была дочка его брата?

ЮК: По-моему, да. Я не знаю точно, как звали брата, но, по-видимому, да. Она мне что-то написала. Когда я ей сказал, что узнал о её родстве с В.С. Колоколовым и что работал с ним, она, кажется, откликнулась словами: «Как тесен мир!»

ВГ: Вы сказали, что в годы учёбы были почти уверены, что после окончания у вас не будет работы по специальности. Как сложилась ваша жизнь после окончания университета?

ЮК: А после окончания она довольно гладко сложилась.

ВГ: Удалось ли вам устроиться на работу по специальности?

ЮК: Да, да.

ВГ: Можно рассказать об этом подробнее?

ЮК: Сейчас расскажу. Это было так. Я кончил в 1954 году, благополучно защитил диплом. Он не красного цвета, но, во всяком случае...

ВГ: Хорошо защитили?

ЮК: Да, безукоризненно! Отметки были хорошие, и меня рекомендовали в аспирантуру на кафедру Древнего Востока. Поэтому моим вторым официальным руководителем стал *Василий Васильевич Струве*, с которым я жил вполне душа в душу. Хотя китайские дела его не очень интересовали, он, видимо, надеялся, что там, в Китае, тоже «найдутся» рабы. Но, по-моему, он ждал напрасно. То есть рабы нашлись, но они, похоже, ничего никогда в Китае не определяли.

ВГ: Когда вы поступили в аспирантуру, неизбежно встал вопрос о теме диссертации. Как вы решали этот вопрос?

ЮК: Я сейчас вспоминаю. Вспоминаю, какая у меня была тема. Я не помню сейчас, какая у меня была тема.

ВГ: «Сыма Цянь – историк падения династии Цинь»?

ЮК: Да.

ВГ: Вы сами придумали эту тему?

ЮК: Да. Но я... понимаете, это всё связано с тем, чем занимаешься перед этим, когда дело идёт к концу. Потому что чем-то более или менее серьёзным я стал заниматься в конце. А так, я начинал с истории России и писал, по-моему, студентом работу по *И.С. Пересветову*, о временах *Ивана Грозного*.

ВГ: Но Сыма Цянь не только про падение династии Цинь писал. Почему вы сфокусировались на этом?

ЮК: Потому что я это лучше знал. Я выбрал так, чтобы мне это было как-то легче, чтобы не пришлось всё начинать с нуля.

ВГ: То есть вы подошли к этому прагматично?

ЮК: Да. Скорее, старался взять на себя то, что мне по силам. Вообще, должен сказать, что в моей жизни так происходило очень многое. Как выяснилось, по натуре я не способен абстрактно готовить себя к чему-то, к каким-то великим битвам. Я занимаюсь темой и к этой теме «подгребаю» материал, какие-то знания. У меня только один был тяжёлый случай: с книжкой, с двухтомником *Янь те лунь* («Спор о соли и железе»)[141]. Вот к этой теме я не был подготовлен. И она далась мне нелегко. Потому что там был достаточно специфичный язык...

ВГ: Это была и ваша докторская диссертация?

ЮК: Нет. Фактически, я перевёл памятник с очень большим комментарием и на этой основе сделал докторскую, которую защитил в виде научного доклада. Собственно говоря, это была книжечка примерно в 40 страниц, где я отвечал на вопросы, которые возникли в ходе работы над этим переводом и докладом или статьями, которые я писал, в частности для конференции «Общество и государство в Китае».

ВГ: Говорят, что плох тот китаевед, который не мечтает когда-нибудь побывать в Китае.

ЮК: Да. Я мечтал об этом.

ВГ: А как состоялась ваша первая встреча с Китаем?

ЮК: Моя первая встреча с Китаем началась с моей встречи с московским начальником. По-моему, это был директор ИВАНа[142]. В ноябре 1988 года я участвовал в 1-м съезде ВАКИТ, где выступил с докладом. В перерыве между заседаниями я, по совету московских товарищей, подошёл к начальнику, от которого, как мне сказали, зависели поездки в КНР, и побеседовал с ним о том, чтобы меня тоже послали туда. Он велел мне пойти к моему директору *Ю.А. Петросяну* и предложить тому включить меня в список лиц, намеченных для отправки на стажировку в КНР. Он

[141] *Хуань Куань*. Спор о соли и железе /точнее, о казенных монополиях на них/ (Янь те лунь) / пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. М., 2001. В 2-х тт.

[142] Директором ИВ АН СССР в 1987–1994 гг. был М.С. Капица.

разрешил мне сослаться на себя. Это было больше четверти века назад, и я совершенно не помню, кто это был. Наверно, ваш директор *М.С. Капица*. Это был конец (ноябрь) 1988 года. Потому что в 1989–1990-м годах я был в Китае. Скажу вам сразу, что я туда попал после расстрела 1989 года на площади Тяньаньмэнь. И этим расстрелом, конечно, моя встреча с Китаем была омрачена.

ВГ: Это было в первый раз, когда вы попали в Китай?

ЮК: Да, в первый раз. Я приехал в Китай в сентябре 1989 года, а вернулся через полгода, в марте 1990 года. И я помню, как меня в кампусе Пекинского университета, недалеко от ворот, остановил какой-то парень-китаец, который спросил: «Вы откуда?» Я говорю: «Я из Ленинграда». Он говорит: «Зачем вы приехали? Зачем?» «Я приехал потому, что это – моя специальность, у меня просто не было другой возможности повидать эту страну». Он выслушал, и я не знаю, как он к этому отнёсся. Боюсь, что без энтузиазма. Возможно, он считал, что все должны бойкотировать Китай.

ВГ: Почему же так поздно произошло первое свидание с Китаем? Судьба?

ЮК: Вы знаете, было такое выражение – «инвалид пятой группы»?

ВГ: Ну да, то есть «пятая графа» личной анкеты?

ЮК: Да. Национальность.

ВГ: Но ездили же туда другие коллеги, даже с «пятой графой»?

ЮК: Ну, возможно, они были партийные. Я не знаю, кто, зачем и почему ездил. Кто ездил? – *Рифтин Борис*. Он был партийный, вступил в партию в какой-то момент. И вообще, Борис был очень ярким, талантливым человеком. Про себя я таких слов сказать не могу. Какой был – такой и был.

ВГ: Это очень драматично – заниматься Китаем несколько десятилетий и попасть туда лишь в 1989 году. Как вы восприняли эту первую встречу? Волновались?

ЮК: Для меня вообще волнительно было, как я смогу жить в Китае. Ведь я же никогда не говорил по-китайски! Сначала я надеялся на *Ксану Кепинг*, Ксана (Ксения) Кепинг родилась в Китае. Но ей тогда было едва ли до меня. Она из репатриантов. Занималась тангутским языком, как раз была аспиранткой С.Е. Яхонтова. Яхонтов вывел в доктора целый ряд людей, но сам так и не стал доктором, хотя он бесспорно заслуживает этот титул. Тут двух мнений быть не может.

ВГ: Вас послали в Китай вместе с К.Б. Кепинг?

ЮК: Да, нас вместе послали... Вообще, я сам «выбил» (точнее, обеспечил) эту поездку на стажировку для группы лиц, включая себя. То есть у нас, в ЛО ИВАН, не было даже нужных анкет. Нам нужно было не то что

незаполненную анкету получить, а хотя бы где-то скопировать её. И меня послали за этими анкетами в Москву, где я познакомился с какой-то довольно милой женщиной. Не помню, в каком министерстве это было. В общем, мне надо было взять пачку этих анкет (или хоть одну, незаполненную, чтобы размножить их для заполнения теми, кто у нас оформлялся в Китай). Так что для меня встреча с Китаем началась со встречи с московским начальником, а затем с москвичкой в министерстве, двумя незнакомцами, которые, спасибо им, отнеслись ко мне доброжелательно.

ВГ: Правильно ли я понял, что ленинградцам-китаеведам было труднее попасть за границу, чем москвичам? Почему?

ЮК: Конечно! Дело в том, что была централизация. Все возможности были централизованы в Москве. И конечно, москвичи хотели ездить. А один раз поехав, они хотели потом ещё и ещё раз, и так далее. Это было и интересно, и выгодно. А мы были вне этого состязания. Я помню свой разговор с московским начальником (директором), видел его впервые и не запомнил его фамилии. Помню только, что подошёл к нему в перерыве между заседаниями съезда в 1988 году, представился и сказал:

– Послушайте, я работаю в своём институте очень давно, моя специальность – это Китай, а я там не был ни разу!

– Да что вы говорите?! – отвечает он.

– Вот так! Меня ни разу не посылали!

– Хорошо, пойдите к своему Ю.А. Петросяну (директору ЛО ИВ РАН) и скажите ему, что – да, вас надо послать.

– А я могу на вас сослаться?

– Пожалуйста!

Я так и сделал. Думаю, что в голове у Петросяна промелькнули мысли: «А откуда он знает этого начальника? Может, у него есть “связи”?» Думаю, поэтому Петросян не послал меня подальше, что он мог бы сделать в другом случае. И он меня «теоретически» поставил в какую-то воображаемую или реальную (?) очередь в Иностранном отделе. А до этого – ну, никуда меня не посылали! Помню, мне пришло приглашение из Голландии. Там в университете сдавал свою кафедру следующему заведующему *А.Ф.П. Хюльзеве*, это крупнейший специалист по ханьскому праву. Он также первый перевёл циньские законы на английский язык. У меня есть его книжка. И мы с ним сдружились на расстоянии, насколько это возможно. Переписывались, у меня от него довольно много писем. Он меня пригласил приехать на церемонию передачи кафедры своему преемнику. Но Иностранный отдел отказал, хотя приглашающая сторона всё оплачивала.

Кстати, о письмах и переписках! Как выяснилось, в Америке нет архива *Херрли Глесснера Крила*, который был крупнейшим американским учёным. Меня свёл с ним *Дерк Боддэ*. Это был его приятель и коллега. Во всяком

случае, меня тоже интересовали ханьское, китайское государство и право. Я получал от Крила статьи и письма и сам опубликовал по-английски статью о ханьском праве в журнале *Тун Бао*. В 1936–1939 годах Крил преподавал в Чикаго историю и китайский язык в качестве ассистент-профессора (доцента). Там же он стал профессором в 1940 году. Когда я посетил США в 1994–1995 годах, то спросил (у американцев): «Интересно, у вас тут большой архив Крила?» Оказалось, такого архива нет вообще! Никто не берёг ничего, никто не обращал на это внимания. А у меня есть его письма! И я мог бы «облагодетельствовать» их. Но, раз у них нет интереса, то зачем?

ВГ: Мы обязательно поговорим ещё про заграницу. Пока же хочется спросить про вашу аспирантуру. Вы учились в ней три года?

ЮК: Это были 3 года, с конца 1954 по 1957 год. Моё поступление в аспирантуру – тоже драматичная история, потому что меня туда не взяли! То есть меня рекомендовали, я сдал экзамены, и у меня была на сей раз пятёрка «внутри» за каждый ответ. Но мне и Саше Кондратьеву из моей группы пришёл отказ по каким-то кадровым соображениям. Мол, не хватает мест, не дали их финансового обеспечения. Это было мне странно, казалось, как же это могло быть? Мы же официально были рекомендованы, сдавали экзамены, проходили конкурс на эти места. Я потом месяц жил в Москве и добивался правды. И добился! Меня взяли, в конце концов. Конечно, мне помогали, как могли, другие – коллеги и не только. Б.И. Панкратов и В.В. Струве особенно, и востфак, конечно. Помню, как декан, академик А.Н. Кононов, образно объяснял «торможение» в моём деле тем, что в Москву не направили ещё от нас бумаги в мою поддержку: «Понимаете, начальственная рука повисает в воздухе (ей не на что наложить резолюцию)!» Потом я обратился к одной весьма авторитетной и уважаемой московской даме, известной своей справедливостью и отзывчивостью – *Екатерине Павловне Пешковой*. У неё просто могли быть связи с теми людьми, от которых это зависело. Сам я не знал людей, с кем нужно в данном случае иметь связи. Уж не знаю, чьё вмешательство мне помогло, но, в конце концов, меня взяли в аспирантуру.

ВГ: Это хорошо. Я забыл спросить, с кем вы учились в одной группе? Есть ли среди ваших одногруппников известные китаеведы?

ЮК: Известные китаеведы? Борис Вахтин, который был известен и как литератор. Мы учились в параллельных группах одного курса. Он был китаист-филолог и работал в нашем институте. Мы вместе с ним и другими товарищами, впятером, сделали каталог китайских ксилографов, хранящихся в фондах нашего ЛО ИВАН.

ВГ: Что было после окончания аспирантуры? Вас плавно перевели в сотрудники или тоже были какие-то сложности?

ЮК: Не было, спокойно перевели... Дело в том, что если «мышка пробежала», значит, она уже пробежала.

ВГ: Вы уже более полувека работаете в одной и той же научной организации?

ЮК: Я вообще в других никогда не работал. Единственное время, когда я уезжал, это была пора стажировки. Я провёл полгода на стажировке в Китае, это были 1989–1990 годы. Я был перед этим на конференции в Финляндии, где узнал о расстреле на площади Тяньаньмэнь. Это было такое потрясение для всех, кто участвовал в конференции! Там были и китайские учёные.

ВГ: Стажировки – это не уход с места работы, а просто временный отъезд, командировка. В целом выходит, что вы служили только в одном институте.

ЮК: Да, только в ленинградском Институте востоковедения. Сейчас он называется Институт восточных рукописей.

ВГ: В вашем послужном списке указано, что в 1960–1970-е годы вы занимали должность «члена бюро исторической секции». Что это за «Бюро», и чем оно занималось?

ЮК: Дело в том, что у нас в институте были «секции»: языка, литературы и истории, чтобы люди одной специальности, занимающиеся разными странами и языками, были в какой-то мере объединены друг с другом и не теряли связи. И я был членом бюро исторической секции. Руководительницей этой секции была член-корреспондент АН СССР *Н.В. Пигулевская*. По-моему, туда входили ещё *Виктор Морицович Штейн* и *Вадим Александрович Ромодин*, я с ними общался и разговаривал. Кстати, Штейн оппонировал мне во время защиты моей кандидатской диссертации. Тогда я был в Бюро практически единственным сравнительно молоденьким, 1931 года рождения. Мне было 32 года в 1963 году, в год моей защиты. В общем, Бюро было организационным центром, который планировал общеинтересные заседания, объявлял о них, проводил конкурсы и т. д.

ВГ: Структура ЛО ИВ АН немного отличалась от структуры головного московского института. Поэтому интересно узнать разницу.

ЮК: Да. Я был членом ещё одного бюро. Это было в «Географическом обществе». Во всяком случае, я состоял в Бюро Географического общества потому, что оно, в числе прочего, занималось и Востоком. Теперь уже лет 9, а может меньше (с какого года, не помню), как я там больше не состою – после выхода в свет в 2005 году «Стран и народов Востока» вып. XXXII, чьим составителем, ответственным редактором и одним из авторов я являюсь. Я вышел из Бюро по чисто личным причинам – по состоянию здоровья.

ВГ: Интересно, как складывались ваши отношения с РГО (Русское географическое общество)? Московские китаеведы живут как-то дальше от этой организации, а питерские – ближе.

ЮК: Хотя московские китаеведы живут и дальше, но когда нужно было «протянуть лапу», они это сделали.

ВГ: Как всё же складывались ваши отношения с РГО?

ЮК: У меня были хорошие отношения с ним. Не могу сказать, что ходил на все заседания РГО, но я туда ходил. По-моему, меня туда рекомендовал *Виктор Петров*. Во всяком случае, именно Географическое общество отмечало потом память Виктора Петрова. Именно оно посвятило два выпуска (XI и XXIX) «Стран и народов Востока» Б.И. Панкратову и его трудам, устраивало заседания и в его честь, и в его память. Повторяю, я вышел из руководства РГО по личным причинам. У нас в РГО были приличные люди! Кстати, в своё время членом императорского географического общества был и русский анархист *Кропоткин*. Ему не повезло, он предпочёл бы, наверное, какую-нибудь другую власть.

ВГ: У вас в институте работала *Изольда Циперович*. Можно немного рассказать о ней?

ЮК: Изольда, да! Мы её звали Зита. Зита Циперович, она была когда-то закадычной подругой *Ольги Лазаревны Фишман*, Ляли Фишман. Но Ольгу Лазаревну к нам взяли, может, хотя бы отчасти потому, что она пыталась восстановиться или была восстановлена в партии (это предположение). Она потеряла членство там из-за мужа, которого посадили. Но он в конце концов вернулся живой, хоть и больной. И восстановилась. Видимо, для «партийной» другой дороги не было, кроме как восстанавливаться в партии. А Зиту, у которой тоже посадили мужа (*В.А. Вельгуса*, см. ниже), на научную работу не брали. Она была допущена только в библиотеку. Её не пускали дальше, и мне передавали разговор в администрации, что это делается по «пятому пункту» (национальность). «Нам и так говорят, что у нас перебор» (т. е. слишком много людей с этим пунктом в институте).

ВГ: А чем занималась, что исследовала Циперович?

ЮК: Во-первых, Циперович очень активно занималась переводами. Они много переводили вместе с Вельгусом В.А. и другими. Её муж, *Виктор Андреевич Вельгус* (1922–1980), был яркой фигурой среди ленинградских китаеведов. Это был очень одарённый человек, замечательно знавший китайский язык. Его отец-китаец, по фамилии *Чжоу*, умер в 1922-м, а мать – в 1924 году. Вельгус родился в Москве. Сироту усыновила и увезла во Владивосток (1927) китайская семья – *У Чэн-дун* и его жена. А оттуда они перебрались в Китай (1929), где мальчик жил и учился в деревне в провинции Шаньдун и потому говорил по-китайски с лёгким шаньдун-

ским акцентом. Потом жил в Шанхае, Циндао и Тяньцзине, работал и учился в китайских, русских и японских учебных заведениях. Особенно хорошо овладел японским и английским. Знание языков, которыми пользуются синологи, равно как и разных сторон жизни в Китае, впоследствии помогли ему стать видным китаистом.

В 1946 году Вельгус принял советское гражданство, а в 1947 году был письмом приглашён академиком В.М. Алексеевым преподавать китайский разговорный на Востфаке ЛГУ. Но жить в Ленинграде Вельгусу В.А. не разрешили, и некоторое время он работал на химзаводе в Молотове (Пермь). В марте 1948 года он был зачислен экстерном на 1-й курс востфака, где одновременно преподавал китайский разговорный. Студенты были в восторге от своего «разговорника», а В.М. Алексеев радовался встрече «с будущим учёным». В 1948 году Вельгус стал ассистентом Кафедры китайской филологии востфака. Он дружил со своими учениками и, не имея высшего образования, начал прослушивать вместе с ними полный университетский курс. Этому кладёт конец арест Вельгуса, произведённый 28 апреля 1949 года. В ходе следствия его содержали во внутренней тюрьме УМГБЛО. Обвинялся он по ст. 58-1а, 4 УК РСФСР. Обвинение по первой, самой тяжкой, статье отвёл военный прокурор, поскольку Вельгус, будучи китайским гражданином, не мог свершить «измены родине» – преступления против СССР. Тем не менее, ОСО при МГБ СССР приговорило его 4 февраля 1950 года к 25 годам ИТЛ. Его направили в Степной лагерь № 4 при МВД в Джезказгане (Казахстан). В 1955 году постановление ОСО было отменено, а дело Вельгуса прекращено за отсутствием состава преступления.

Так что при жизни Сталина Вельгус подвергся необоснованным репрессиям. Поэтому часть наших синологов (и я в их числе) познакомились с ним лишь после его реабилитации. Здоровье его было подорвано, надо было и учиться, и зарабатывать на жизнь. В 1962 году он экстерном окончил востфак. По счастью, в нём проснулся талант переводчика художественных текстов. Он участвовал в переводе на русский язык китайского романа «Цветы в зеркале» и ряда повестей из сборника «Удивительные истории нашего времени и древности». Редактировал переводы «Избранного» современного автора *Чжао Шу-ли* (1958). Далее сведения о Вельгусе расходятся. Согласно статье о нём, доступной в Интернете, с 1959 года он – научный сотрудник ЛО ИВАН и преподаватель ЛГУ. Затем поступил на работу в Институт этнографии АН СССР, в группу сектора Африки, возглавлявшуюся членом-корреспондентом АН *Д.А. Ольдерогге*. Основной темой его штудий стало «мореплавание», точнее, плаванье в Индийском и Тихом океанах по китайским источникам, связи Китая с Африкой. При этом Вельгус уделял внимание этнографии Китая, его источниковедению и литературоведению, его истории, отождествлению древних китай-

ских топонимов с местными иноязычными географическими названиями, а также изучению китайской средневековой литературы в рамках международного «Сунского проекта». По сведениям из отдела кадров Института этнографии (ИЭ), Вельгус работал там в 1965–1977 годах, а затем ушёл на инвалидность. Скончался он 2 июля 1980 года[143].

Мне приходилось писать отзывы на работы Вельгуса. Он был очень толковый, одарённый китаист, и к нему у нас очень хорошо и уважительно относились. У него многие консультировались. У Вельгуса была чрезвычайно тяжёлая судьба! Он был не из «послушненьких». Он то и дело демонстрировал характер, и, конечно, это не сходило ему с рук. За это с ним подчас злобно расправлялись.

Мне представляется, что его наиболее значительным вкладом в науку было то, что он сделал для «Сунского проекта», над которым работал в одно время с И.Э. Циперович (см. ниже), и две его книги: «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов («Китайские источники ранее XI в.»)». М.–Л., 1966. 302 с.; а также «Средневековый Китай: исследования и материалы по истории, внешним связям и литературе» (М., 1987, составлена И.Э. Циперович после смерти В.А. Вельгуса из его работ, и ею опубликована). Таков итог главных усилий на редкость одарённого учёного. Если бы ему не мешали!

А у И.Э. Циперович (1918–2000) на всю жизнь осталась обида, что Ольга Лазаревна Фишман её вот так бросила, и даже могла спокойно говорить о приёме кого-то другого в институт, когда она, Зита, всё ещё работает в библиотеке (а она работала там 30 лет, с 1967 по 1998 годы). То есть Фишман не поддерживала её дружески, хотя они обе были ученицами В.М. Алексеева, и она считала себя ничем не хуже той. Защищалась Циперович не по китайским новеллам или романам, многие из которых переводила и исследовала, а по произведениям редкого жанра малых форм (подборкам изречений под названием *цзацзуань*), которыми у нас, кроме неё, никто не занимался. Вот мнение нашего литературоведа *Л.Н. Меньшикова*: «Уже на службе в библиотеке она в 1969 г. защитила, наконец, кандидатскую диссертацию, посвящённую жанру *цзацзуань* в китайской литературе IX–XIX вв. Это исследование и перевод изречений разных времён, начиная от Ли Шан-иня (813–858), принесли ей славу первооткрывателя. А сама книга переводов, изданная впервые в 1969 г. и неоднократно переиздававшаяся, пользуется заслуженным успехом...»

По приглашению профессора *Ива Эрвуэ* (Париж) она так же, как и В.А. Вельгус, написала серию статей для «Сунской библиографии», опубликованной в 1978 году в качестве части международного «Сунского

[143] См.: *Кроль Ю.Л., Меньшиков Л.Н.* Памяти Виктора Андреевича Вельгуса // Народы Азии и Африки. 1981. № 1. С. 244–245.

проекта», где подробно описана литература Сун (1960–1978)[144]. Меньшиков Л.Н. также ставит в научные заслуги Изольде Эмильевне её вклад в библиотечную работу. В 1979–1981 годах, как увлечённый библиограф, она предприняла и возглавила составление сводных каталогов китайских и японских журналов в обеих наших столицах. Это пошло на пользу всем специалистам, заинтересованным в беспрепятственном доступе к публикациям в дальневосточной периодике 1920–1940-х годов.

Кроме того, она информировала иностранных учёных о научной деятельности отечественных китаеведов в зарубежных периодических изданиях 1982–1983 годов. Ученица В.М. Алексеева, верная его памяти, она неустанно участвовала в «подготовке к печати залежей его трудов», которые публиковались с 1956 года, кончая его перепиской с *Э. Шаванном*, в котором он видел своего «учителя», а также письмами *П. Пеллио*, «ближайшего его друга и единомышленника в науке». Она обнаружила эти письма в Париже. Публикации она предпослала своё предисловие и снабдила русскими переводами написанные по-французски письма (1998). В 1987 году она также «собрала и опубликовала оставшиеся после В.А. Вельгуса статьи в книге «Средневековый Китай: исследования и материалы по истории, внешним связям и литературе» (см. выше)[145].

Про О.Л. Фишман я могу мало что рассказать, потому что я не многое помню. Близких отношений у нас не сложилось. Она была работящим синологом, занималась литературоведением. Причём ей импонировали идеи, которых я не разделял. Когда мы иногда разговаривали или я читал её тексты, я чувствовал влияние взглядов академика *Н.И. Конрада*, от которых я был далёк. Мне никогда не казались плодотворными поиски аналогов европейского «возрождения» или «просвещения» в истории китайской культуры. А Фишман с энтузиазмом восприняла эти идеи. Разумеется, это было её право учёного. Это не значит, что я не уважал Н.И. Конрада, напротив! Его ученики-японисты внушили мне глубокое почтение к нему как учёному-японоведу и человеку. Мне довелось немного общаться с ним, и это произвело на меня большое впечатление. Но представление, что Китай и Европа проходили через одни и те же фазы культуры, осталось мне чуждо. Уж увольте! (Звонок по телефону.)

ЮК: Только что мне звонили по поводу одной книжки, которую мы сейчас пытаемся издать. У меня был двоюродный брат Пётр Петрович Стрелков – зоолог и, одновременно, писатель, охотник и путешественник. Путешествовал по всей России, Сибири, Кавказу, Средней Азии. В самых разных местах он бывал и очень хорошо ориентировался на местности. Но с ним стряслась настоящая беда! Пару лет назад он пошёл с малозна-

144 См. журнал: Письменные памятники Востока. (1)10. 2009. С. 213.

145 См. ст.: *Меньшиков Л.Н.* Изольда Эмильевна Циперович (1918–2000) // Письменные памятники Востока 1(10), 2009. С. 212–214.

комым попутчиком, который подвёз его на машине, за ягодой в лес. Дело было в июле, стояла жара. И этот попутчик его сильно обогнал. Ушёл вперёд, а брат со своей собакой не мог так быстро идти, и они пошли сзади. Тот человек собрал ягоду, вернулся к машине и уехал, видимо, не удивившись тому, что его никто не ждёт – брата нет на месте. Во всяком случае, он не придал этому никакого особого значения. В итоге мой брат выбирался из лесу с 11 июля, по-моему, по 26 июля. Как раз тогда стояла такая жара, что горели торфяники, а у него не было ни еды, ни воды! Фактически, попутчик его бросил. Потом его бросила собака. Собаку он сначала ругал, а потом сказал: «Ну, что делать?! Я ведь тоже не выполнял своих обязанностей (хозяина), я же не мог её кормить!» Как ни странно, собака вышла на шоссе, по которому они приехали, и в конце концов «нашлась». Я не знаю, как это происходит, для меня это чудо какое-то!

Моего брата искали, кто его только не искал – МЧС, группа друзей и прочих лиц. Нет человека! В таком случае обычно через пять дней ставят крест на поисках. А он выжил! Он уже не мог идти, потому что ничего не ел больше двух недель. Он выполз на полянку, куда вышли незнакомые люди, собиравшие ягоду. Мой брат их окликнул, и они к нему подошли. И тут объявился его сын, который его тоже искал. Брат узнал своего сына по одежде, узнал ноги в знакомых брюках. После этой передряги брат очень долго приходил в себя, но так и не перестал бродить, не отучился от мысли, что «именно это называется жизнь». Он потом на Север куда-то поехал. В общем, всё это через два года его доконало, и он скончался. От него остались рассказы, частью опубликованные, а частью нет. Но мы, его друзья и родные, решили сделать сборник и издать его. Мы убеждены, что это сделать надо. Брат, между прочим, был очень хорошим писателем. У него есть охотничьи рассказы, есть воспоминания о детстве и юности, о близких. Когда он был уже в преклонном возрасте, ему стали приходить и мысли о смерти. В общем, есть, что печатать. И хочется, чтобы о человеке осталась память. Мы сейчас составили этот сборник и уже нашли издателя. Посмотрим, что нам удастся.

ВГ: Можно ли рассказать ещё про Михаила Фальковича Чигринского? О нём мало что известно. Например, в каком году он умер?

ЮК: Чигринский был очень интересный человек. Я был на его похоронах. Он умер 27 марта 1999 года! Он не работал в нашем институте, но был связан с нашими изданиями, кое-что давал туда для публикации или делал доклады. М.Ф. Чигринский был связан и с Колоколовым В.С., и с Панкратовым Б.И. Он часто обращался к ним за советом, за консультацией. Он был добрый человек, жалел стариков и заботился о них. Знаю, что у него была хорошая голова. Он окончил истфак ЛГУ в 1951 году и, параллельно с учёбой на истфаке, учился на востфаке, где окончил несколько курсов.

Диплом защищал тогда же на истфаке, по земельной реформе в Китае. Им интересовались китайцы. Сведения о Чигринском посылал кому-то в Москву (для них?) *Леонид Пчелин*, сотрудник Эрмитажа. Он был связан с Чигринским как со своим неофициальным руководителем.

ВГ: Мне лично этот человек интересен тем, что он занимался изучением Тайваня. Как и почему он занимался Тайванем?

ЮК: Думаю, примерно потому, почему и вы стали заниматься Тайванем, хотя, в отличие от вас, он там не был, мог только мечтать об этом. Потому что о Тайване у нас мало что известно.

ВГ: Но я-то прожил на Тайване целых 7 лет! А он?

ЮК: А он? Наверно, ему казалось, что там стоит приложить руку и подставить плечо, что-то сделать. М.Ф. Чигринский, я думаю, прочитал и собрал всё, что у нас тут можно достать было. Может, его сын или вдова смогли бы больше вам рассказать. С его вдовой, Ниной Ивановной, я только что говорил. Вы можете с ней поговорить по телефону сами, компьютера у неё нет. А его сын Павел – врач, и он работал (а может, и работает ещё) в больнице, которая находится недалеко от моего дома. Я был на похоронах Миши и даже помню, что говорил там. Помню, что в нём было что-то артистическое. Однажды его пригласили на трибуну, чтобы сделать доклад на конференции «Общество и государство в Китае». А он не просто поднялся на трибуну, а, идя на неё, ещё в зале начал говорить. Это было впечатляюще, и я запомнил это. Я чувствую себя виноватым перед ним... Мы как раз готовили том Б.И. Панкратова. Он в этом тоже участвовал, готовил материалы Панкратова по «Сокровенному сказанию». Кстати, этот том вышел в 1998 году[146], в серии «Страны и народы Востока». Для нас это было важно. Ведь, как известно, Б.И. Панкратов не был доктором, не был и кандидатом наук. У него не было этих учёных титулов. Он вместо этого работал то в посольстве, то в Институте востоковедения. У него не было времени делать нормальную академическую карьеру. Но это был уникальный учёный по-настоящему большого масштаба, какие рождаются редко, бесконечно перегруженный множеством всяких занятий.

ВГ: Академик *Мясников* сообщил в интервью, что, когда «неостепенённому» Б.И. Панкратову исполнилось 70, внезапно обнаружилось, что он был почётным доктором 18 зарубежных университетов[147]!

ЮК: Всё может быть! Я этого не знал, но надеюсь, что вы правы. Мне должны были бы сказать это как его ученику и биографу. Большое вам

---

146 Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.

147 См.: Интервью с Мясниковым В.С. В кн.: Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. Том I / под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. С. 330.

спасибо за то, что обратили моё внимание на слова Владимира Степановича, сказанные о Борисе Ивановиче! Очень многие у него учились – из известных у нас людей. В числе других – *Ю.К. Щуцкий* и *А.Н. Бернштам*. На моей памяти у него было трое аспирантов – историков Китая. Я был в аспирантуре у него и у В.В. Струве. Обычно брали одного титулованного научного руководителя – у меня им оказался академик. Второй аспирант Б.И. Панкратова – *А.С. Мартынов*, третий – *Ким Васильев*. Он тоже был «панкратовский», Б.И. Панкратов руководил и его диссертацией по *Чжань го цэ*. У всех троих диссертации были в конце концов опубликованы в виде книг. С Мартыновым мы вместе готовили ту работу о пекинских *сехоуюй* для мемориального тома Б.И. Я должен показать вам эту книжку, раз вы Панкратовым интересуетесь. Там был опубликован текст, достаточно матерный, но как ещё можно переводить китайский мат? Латынью для широких кругов «свободно владеющих» ею наших российских коллег, что ли? Поневоле приходится переводить матом, хотя бы для себя, пока не найдёшь, как выйти из положения. Панкратов переводил *сехоуюй* (для себя, а не для публикации) на тот русский язык, который сейчас возбраняется печатать. А мы с Мартыновым не дали этим переводам пропасть для науки...

ВГ: Китайские недоговорки и иносказания...

ЮК: Да, «недоговорки, иносказания» это, пожалуй, из *Прядохина*. Между прочим, моя первая публикация о *сехоуюй*[148] вся построена на материале анализа собранных и переведённых нашим учителем пекинских недоговорок. Сам он называл их, по-русски, поговорками. Я ни от кого не слыхал о статье ничего плохого. Без ложной скромности скажу – одни комплименты. И о ней с удовольствием вспоминал задним числом тот профессор *Чонси Гудрич* (тогда редактор «Журнала Американского Восточного общества»), который мне её заказал. Увы, он скончался в прошлом году!

ВГ: Вы были знакомы с Гудричем?

ЮК: С Чонси Гудричем мы познакомились и подружились по переписке в 1960-х годах. Он был намного старше меня и происходил из старинной американской семьи профессоров и юристов. Один из его предков, *Лютер Каррингтон Гудрич*, был крупным исследователем Дальнего Востока, возглавлял отделение китайского и японского языков в Колумбийском университете, а также был известным миссионером. Сам Гудрич был тонким знатоком китайского языка и культуры, профессором Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Из-под его пера вышел ряд переводов и исследований текстов из древнекитайских исторических трудов, в частности об императрицах Восточной Хань. Как и большинство его коллег, он прекрасно водил машину, но научный интерес питал к более ранним видам транспорта в Китае. Вспоминаются его блестящие статьи

[148] Journal of the American Oriental Society. Vol. 86. 1966. № 3. P. 267–276.

о езде верхом и о сёдлах на бронзовых конях статуэток из гробницы конца Поздней Хань в районе Увэй пров. Ганьсу[149]. Гудрич был участником Второй мировой войны, но говорить об этом не любил. Помню лишь один разговор, который мне не хотелось бы утаить от таких как я сам – «детей войны», через чьё детство прошла «песня американских военных лётчиков», начинающаяся словами: «Мы летим, ковыляя во мгле». Мой друг сказал мне, что это песня «английских лётчиков», которую американцы переняли из какого-то шоу у англичан. Но, Бог с ним! Хуже то, что мой друг не знал, как по-английски будет «на честном слове» – в знакомой ему песне никакого «честного слова» не было, а в моей памяти оно было. Песня кончалась так: «Вся команда цела // и машина пришла // на честном слове и на одном крыле». Зато в тексте, который помнил Гудрич, в конце было слово «молитва» (prayer). После этого я несколько раз слушал эту песню по радио и восстановил, как кончается её оригинал. У меня вышло так: «...With the full crew aboard (со всем экипажем на борту) // and our trust in the Lord (и нашей верой в Господа) // limping down on a wing and a prayer (ковыляем вниз на одном крыле и на молитве)». Получается, «песня американских лётчиков» нашего детства – вольная «атеистическая» редакция английского оригинала. Из молитвы людей, в час гибели молящих Господа о чуде спасения, она превратилась в нечто совсем иное... Один сын Гудрича стал художником, а другой, Дэвид, пошёл по пути отца – стал китаистом, на стыке, где синология смыкается сегодня с компьютерами, работает в издательском деле, издаёт научные журналы. Одно время он собирался стать русистом, учил русский язык, тогда-то я с ним и познакомился. Зато его старшая сестра Энн стала русисткой.

ВГ: Кто из коллег по институту оказал на вас наибольшее влияние в профессиональном плане как коллега, единомышленник или друг?

ЮК: Одно время, смолоду, я дружил с Сашей Мартыновым. Но потом мы разошлись, и наша дружба ушла в прошлое. Его работы, я думаю, оказали на меня влияние. Мне и до сих пор они нравятся. Из москвичей у меня были добрые отношения с коллегами *В.А. Рубиным, Л.С. Переломовым, А.А. Бокщаниным, Л.С. Васильевым, С.И. Кучерой, И.С. Лисевичем* и другими. Сейчас контакты сильно ослабели, хотя техника для контактирования сильно шагнула вперёд. «Иных уж нет, а те далече...»

ВГ: А с Е.И. Кычановым вы не сотрудничали?

ЮК: Нет. С Кычановым Е.И. у меня были весьма далёкие отношения. И, я полагаю, что он не очень меня любил.

ВГ: Простите, мы у себя в Москве находимся «вне контекста» ваших питерских отношений. Поэтому и задаём, быть может, неудобные вопросы.

[149] См.: Harward Journal of Asiatic Studies 44.2 (12–84). P. 270–305; Journal of the American Oriental Society. P. 41–48.

С другой стороны, это ведь тоже история. Поэтому и нужно смотреть на ваши отношения с коллегами как на историю. Кто ещё был для вас весóм как китаевед в ленинградском, да и в московском отделении?

ЮК: Из авторитетных в нашей науке учёных, живущих в Москве, хочу вспомнить *Льва Петровича Делюсина*. Я глубоко уважал Льва Петровича, чья заслуга перед отечественным китаеведением, перед всеми нами, широко известна – это организация ежегодной конференции «Общество и государство в Китае». Почти все мои приезды в столицу были связаны со встречами с ним на этом уникальном форуме, где мы свободно высказывались, обменивались мыслями, узнавали профессиональные новости. В разговорах с Львом Петровичем я всегда чувствовал поддержку. Однажды он укрепил меня в решимости стоять на своём и отстаивать свои формулировки в статье на далёкую от меня современную тему «К проблеме культурного наследия в современном Китае (заметки об антиконфуцианской кампании)»[150], над которой просто надругалась цензура, извратив её после того, как я уже подписал вёрстку. И я добился восстановления первоначального текста статьи, заявив, что сниму свою фамилию, и что авторство изуродованной статьи мне не нужно. Я особенно благодарен Льву Петровичу за то, что как «ответственный редактор» он открыл дорогу двум важным для меня публикациям – моей книге «Сыма Цянь – историк» и первому тому моего перевода *Янь те лунь*. Думаю, он был великим благом для меня как китаеведа, да и для всей отечественной китаеведной науки, которая обязана ему существованием своего ежегодного форума, с его уникальной атмосферой свободного высказывания и возможностью печататься в его материалах. Я также очень уважал *Рудольфа Всеволодовича Вяткина*, и нас сближала любовь к одному историческому лицу, к Сыма Цяню. Мы работали параллельно. Причём он считал, что я должен защищать докторскую по Сыма Цяню, но я этого не сделал. Сейчас я понимаю, что, поскольку он сам не был доктором, ему было непросто сказать: «Идите, защищайтесь по книжке “Сыма Цянь – историк”»[151]. Всякий раз, когда я приезжал в Москву, я всегда приходил к Рудольфу Всеволодовичу, и мы разговаривали на всякие волнующие нас темы.

ВГ: Как переводчик старых текстов я знаю, что иногда можно полдня обсуждать одно слово в поисках его точного перевода. О чём вы с ним говорили, обсуждали ли тексты, переводы, комментарии?

ЮК: Да, для меня некоторые вещи в переводах до сих пор остаются совершенно загадочными. Иногда он спрашивал меня, или я его спрашивал про что-то, связанное с Сыма Цянем. Иногда мы обсуждали комментарии и тексты. Иной раз просто беседовали «за жизнь». Кроме того, мы с ним встретились в 1968 году. Рудольф Всеволодович должен был приехать в

[150] Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 51–75.

[151] *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.

Прагу на конференцию синологов, но не приехал. Из советской делегации не приехал ни один человек. Я не был членом делегации, но должен был участвовать в этой конференции, поскольку меня приглашал мой друг, талантливый чешский синолог *Тимотеус Покора*, у которого я и остановился. Тогда, в 1968 году, я зашёл к Рудольфу Всеволодовичу перед отъездом, так как ехал через Москву. Тогда ведь из Питера прямого поезда в Прагу ещё не было. И спросил его: «Вы не возражаете, если я присоединюсь к нашей делегации?» Он: «Да, пожалуйста».

ВГ: Несмотря на то, что вы жили в Ленинграде, и несмотря на пресловутую «пятую статью», вы один из немногих китаеведов советского времени, которые не «зависли» в советском вакууме. У вас были активные связи с зарубежными китаеведами. Почему так? Вас выручало знание языка? Не было ли психологического, языкового барьера?

ЮК: Просто я довольно прилично знал английский. Психологический барьер – с кем-то был, с кем-то не было. Так всегда бывает: с кем-то находишь общий язык, а с кем-то не находишь.

ВГ: Заграничные связи советских китаеведов простирались на три «внешних мира»: Китай, страны «соцлагеря» и дальнее зарубежье (капиталистический мир). Как вы общались с коллегами в соцстранах?

ЮК: С гражданами соцстран у меня были хорошие отношения. Дружба связывала нас с Т. Покорой в Праге. Это был крупный европейский учёный. Он интересовался буквально всеми аспектами изучения *Ши цзи*, в том числе вопросом о многочисленных интерполяциях в их тексте. В 1961 году Покора издал статью о первой из них – “The First Interpolation in the Shihchi” / «Первая интерполяция в *Ши цзи*»[152]. Потом его взгляды на интерполяции в *Ши цзи* изменились, и он опубликовал в неаполитанском востоковедном журнале другую статью «Ch’u Shaosun the Narrator of Stories in the Shih-chi» («Чу Шао-сунь – рассказчик историй в *Ши цзи*»), в которой назвал Чу Шао-суня не интерполятором, а «третьим автором *Ши цзи*», чей вклад в *Ши цзи* – около 130 страниц, а стиль отличается от стиля обоих Сыма[153]. До самой смерти он повторял, что надеется написать книгу о «третьем авторе *Ши цзи*», «почти неизвестном науке», но пока следы этой книги не обнаружены.

Я могу показать вам только что изданный труд и *О. Ломовой* и Т. Покоры? После безвременной кончины Покоры оставались его переводы из *Ши цзи*, и я, конечно, советовал Ломовой их, по возможности, издать. Но Ломова решила не просто издать, она решила их продолжить. Так появилась книга, можно сказать, «кирпич»: могучий, толстый том переводов. Думаю, что это просто крупнейший по размеру труд, благодаря которому чешский

[152] См.: ArOr (29). P. 311–315.

[153] См.: Annali dell’Instituto Orientale di Napoli. Vol. 1981. P. 403–430.

читатель сможет расширить свои культурные горизонты, получив представление о том, как выглядела традиционная китайская история, по образу и подобию которой писались «образцовые (или стандартные)» истории в Китае (*чжэн ши*) последние 2000 лет. А нынешний 2014 год оказался годом, благоприятным для *Ши цзи* ещё в одной стране Европы – в Германии. Там *Ханс ван Эсс*, который занимается не столько переводом, сколько исследованием *Ши цзи*, издал двухтомное сравнительное исследование труда Сыма Цяня и *Хань шу Бань Гу*[154]. Напомню, что в 2010 году и на нашей улице был праздник, когда вышел последний (IX) том русского перевода «Исторических записок». Как мечтал Р.В. Вяткин, первым из языков мира (кроме японского), на который был полностью переведён труд Сыма Цяня, стал русский. К сожалению, не владея чешским, я не в силах оценить качество чешского перевода. Но фамилии переводчиков говорят за себя. Могу сказать только, что переведённые главы дают читателю хорошее представление об истории Сыма Цяня в целом, о плане *Ши цзи*, их разделах. Жаль, что раздел «Трактаты» иллюстрирован переводом лишь одной, 23-й, главы – о ритуале, а «Наследственные дома» – всего двумя главами из 30. Но никто не обнимет необъятного. Да и книга имеет подзаголовок: «Избранные труды китайского историка».

Том, изданный в Праге, называется «S'-ma Čchien. *Kniha vrchních písař výbor z díla činskėho historika*»[155]. Это плод усилий двух синологов-переводчиков, каждый из которых, кроме переводов, вложил туда что-то своё. *О. Ломова* занималась выбором и расположением текстов, снабдила их примечаниями, составила указатель, написала введение. А Покора написал послесловие к чешскому переводу. Издание великолепное, роскошно иллюстрированное (работе над книгой явно способствовал исследовательский грант Центра китаеведения в Тайбэе)[156]. Поскольку в нём участвовал мой покойный друг, скажу несколько слов о месте *Ши цзи* в творческих планах последнего периода его жизни. Но прежде отмечу, что в 1992 году я усматриваю первый признак изменения отношения к Покоре в чешской АН в лучшую сторону. В этом году АН наградила его золотой мемориальной пластиной Франтишека Палацкого – почётным знаком за заслуги в содействии развитию общественных наук. Статья о Чу Шао-суне (1981), опубликованная в неаполитанском журнале под названием «Чу Шао-сунь – рассказчик историй в *Ши цзи*»[157], начинается так: «Чу Шао-

---

154 *Hans van Ess*. Politik und Grschichtsschreibung im alten China Pan-ma i-t'ung. Teil 1–2 .Lun Wen (Studien zur Geistgeschichte und Literatur in China 18 Wiesbaden, 2014, 830 S.).

155 S'-ma Čchien. *Kniha vrchních písař výbor z díla činskėho historika*. Vydala Univerzita Karlova v Praze: Praha, 2012. 545 c.

156 Вероятнее, «Фонд Цзян Цзин-го», восточноевропейский филиал которого базируется в Карловом университете.

157 Ссылку на эту статью см. выше, в примечании 133.

сунь, которого я после Сыма Таня и Сыма Цяня называю в моей будущей книге третьим автором *Ши цзи*), почти неизвестен науке, хотя его вклад в *Ши цзи* – около 130 страниц. Мы не можем сказать – сколько наверняка, потому что его авторство не всегда известно. Кроме того, и это более важно, его вклад довольно сильно отличается по стилю от основного текста обоих историков Сыма. Это свидетельствует о необходимости тщательнее рассмотреть его подход к *Ши цзи*»[158]. Покора даже в год своей смерти подтверждал, что пишет книгу, в которой третьим автором *Ши цзи* будет представлен Чу Шао-сунь, живший, на его взгляд, в период примерно 104–30 годах до н.э. (см. ibid. 429–430). Немецкая исследовательница *Ши цзи – Доротея Шааб-Ханке* – обратила внимание на прямое указание самого Покоры, который в статье 1987 года, изданной посмертно, выражал намерение предпринять полномасштабное исследование вклада Чу Шао-суня в *Ши цзи* и писал о своём исследовании: «...моя книга “Чу Шао-сунь – третий автор *Ши Цзи*”, которая вскоре выйдет в свет (my forthcoming book, Ch’u Shao-sun – the Third Author of the Shih Chi)». Покора намекал на эту же книгу и в заметке, появившейся в «Тун Бао» в год его смерти[159]. Но в Праге исследовательница не нашла ни заметок, ни рукописи, связанных с этим проектом[160].

Одни советские китаеведы знали Покору лично, другие – по работам. Он очень много писал и печатал, а Рудольф Всеволодович Вяткин, как и большинство из нас, уважал Покору и ценил его как перспективного синолога. И он решил попытаться помочь ему. Он послал ему приглашение приехать к себе в гости, чтобы поработать в московских библиотеках. На этом приглашении была указана должность учёного – и.о. главы Отдела Китая. Когда Покора обратился к чехословацким властям за разрешением на поездку в Москву, чехословацкая сторона переслала советской приглашение, выразив неудовольствие, что советский учёный поддерживает того, кого в ЧССР не одобряют. Дело это обсуждалось на партсобрании в Отделе Китая, причём из ЦК в Отдел Китая было заранее направлено указание, что нужно принять надлежащие меры. Р.В. Вяткину вынесли выговор за потерю политической бдительности, и ему пришлось подать в отставку с административного поста. Мало того, издательство ГРВЛ «Наука» на 10 лет (1975–1984) прекратило печатать русский перевод *Ши цзи* Рудольфа Всеволодовича. Для него это был стресс. За время до лета 1984 года он перенёс 4 сердечных приступа и 3 удара. Каждый раз он попадал в больницу, где врачи ставили его на ноги и возвращали с «того света» за письменный стол, к его переводу. Как и Сыма Цянь, он жил только для того, чтобы завершить

158 *Timoteus Pokora*. Ch’u Shao-sun... P. 403.

159 См.: *Timoteus Pokora*. Is Chung-cheng = “L’Impartial et Juste”? A Philological Note (T’oung Pao. Vol. 71. 1985. P. 275–278).

160 См. http//www.umass.edu/wsp/resources/profiles/pokora.html

свой труд. Можно подумать, что для соцстран *Ши цзи* – «заговорённая книга». Слава Богу, русский перевод уже издан!

ВГ: Выходит, с Покорой вас сблизило занятие Сыма Цянем?

ЮК: Да, но не только Сыма Цянем. В последние годы жизни он работал в своеобразном жанре, который сам изобрёл: он собирал весь доступный материал по определённой теме, скажем, древнекитайским «холодильным установкам».

ВГ: О приспособлениях и способах хранения продуктов в охлаждённом виде?

ЮК: Да. Я уже не помню, как это звучит по-английски. Он многое писал по-английски. И у него был целый ряд таких статей, в том числе биографических, как об отдельных личностях, так и об их общих типах. Например, о тех, которые у нас, в переводах В.М. Алексеева, называются «скользкими говорунами». Это люди определённого психического склада *гу* (или *хуа*) *цзи*. Юмористы, как их обычно называют на Западе, игравшие роль шутов при дворах, которые умели блеснуть «красным словцом» и дать умный и дельный совет государю. Такие, как *Дунфан Шо* и др.

ВГ: То есть вас сблизила конкретная работа?

ЮК: Да, безусловно, мы сблизились на почве работы. После его смерти я продолжал писать его жене. Но она не знала русского языка, и я писал ей по-английски. А ей, наверно, переводили. Правда, она была с Покорой вместе в Америке. Но не уверен, что она хорошо знала английский язык. Затем я пытался найти его сына, когда был в Праге. Но не вышло, я же не знаю их нового адреса, который изменился за время после моего визита в 1968 году.

ВГ: Наверно, адрес можно узнать через Ольгу Ломову. Кроме Чехии, вам ещё приходилось бывать в Берлине, не так ли?

ЮК: В Берлине у меня были добрые отношения с немецким китаеведом *Р. Фельбером*. Правда, отнюдь не такие близкие, как с Покорой. Однажды он пригласил меня в Берлин, и я туда ездил. Он провёл долгое время в СССР, в Москве. Это было у них как «мандат» на карьеру. Советский Союз тебя любит – значит, всё хорошо. Р. Фельбер написал одну хорошую экономическую книжку, марксистскую, конечно. Когда-то он работал в институте Университета Гумбольдта, был там заведующим.

ВГ: Как вы всё же оказались в Праге именно в 1968 году?

ЮК: В Прагу меня пригласил в 1968 году Покора. Просто пригласил к себе в гости. Я ехал сам по себе, мне сделали паспорт. Только одна вещь была, которая предвещала нечто, но я не понял этого предостережения.

ВГ: Интересно, что это был за знак-предостережение?

ЮК: Когда мы проезжали через Польшу, с поезда сняли всех арабов. Вероятно, не хотели, чтобы они что-то видели. Иначе мне трудно объяснить этот инцидент. В поезде, в вагоне международного класса, места много, все встречаются в коридоре, делать особенно нечего. Там были всякие люди, и наши советские люди были. Моим соседом по поезду был араб. Помню, я предложил ему яблоко, но он не взял. Вот его и сняли, как и других. Мы даже пробовали говорить: «Зачем вы его снимаете?!» В ответ нам сказали что-то невразумительное. Но подтекст был такой, что, мол, нечего им там смотреть или делать. Точной причины я, конечно, не знаю. Мне никто не докладывал.

ВГ: В советское время вы выезжали только в Прагу?

ЮК: Я был в советское время в Чехословакии и в ГДР, в Берлине. Да ещё час, а то и меньше, в Варшаве, проездом в Берлин. И я не помню, чтобы ещё куда-то ездил. А после развала СССР были поездки в Скандинавию.

ВГ: Судя по датам, все ваши активные и плодотворные поездки за границу, в капиталистический мир, также были уже после развала СССР, когда внезапно пал «железный занавес». Китаеведы Запада обнаружили вдруг, что есть советские китаеведы. Два мира встретились, так?

ЮК: Нет. Китаеведы Запада знали, что есть советские китаеведы. По крайней мере, так было в моём случае, и не только в моём.

ВГ: В советское время вы публиковались на иностранных языках?

ЮК: Да. Первая моя статья была в Голландии, в «T'oung Pao», потом в Берлине, где-то в 1960-х годах. Обе были написаны по-английски. Немецкий я не так хорошо знаю, чтобы на нём писать. А сейчас тем более забыл.

ВГ: Но с немецкими китаеведами у вас тоже были рабочие контакты?

ЮК: Да, были. В частности, с уже упомянутым Р. Фельбером и с другими ... Он был очень «московский», дружил до некоторых пор с Виталием Рубиным. Приезжал по научно-государственным обменам. Его знали в Москве просто как своего.

ВГ: Немцы предложили издать какой-то сборник или провести конференцию?

ЮК: Нет. По-моему, меня пригласили прочесть лекцию о Сыма Цяне. Я прочёл. А у меня была написана статья, уже имелась в готовом виде. Я собирался напечатать её в сборнике в честь Прушека. Но почему-то началось «торможение» этой публикации. Может, потому, что я без должного восторга отнёсся к историческим событиям 1968 года. И тогда я спросил Покору, как быть с этой статьёй. Он ответил, что пока юбилейный сборник существует. В результате, чтобы эта статья не пропала, я вынул её из этого сборника, и отдал немцам. Они же опубликовали её где-то в середине

1970-х годов, но не в сборнике, а просто в журнале. Не помню в каком, но где-то у меня есть оттиски этой статьи. Да! В журнале «Altorientalische Forschungen».

ВГ: Это была ваша первая статья на английском языке?

ЮК: Нет, до того я опубликовал в Берлине по-английски большую рецензию на переводы из *Ши цзи* на европейские языки в «Orientalistische Literaturzeitung»[161]. Это и была моя первая статья на английском языке. Меня зовут Юрий. Вероятно, я тогда неправильно транскрибировал своё имя с помощью немецкого «йот», но ведь предназначена она была для ГДР. Сейчас я пишу с «Джей» (J), а можно писать с «игреком», «уай» (Y), через «ю» (Yury). Но я этих тонкостей тогда не знал. Меня в детстве когда-то просто звали «Джордж» или Юрий, поэтому я мог бы взять и «джи». Сейчас, когда составляют библиографию моих работ, оказывается, что в списке статей разного времени моя фамилия транскрибирована с разными инициалами.

ВГ: Кто-то заметил тогда эту вашу статью за границей? Были ли какие-то отзывы на неё, или она стала просто «библиографическим фактом»?

ЮК: Не знаю, был ли какой-то отклик на эту статью. Но я подарил оттиск этой статьи одной даме по имени *Мишель Найлан* (*Michael Nylan*). Она в числе прочего и *Ши цзи* занимается. Она откликнулась, написала в ответ какие-то приятные слова. Не знаю, из вежливости или нет.

ВГ: Ваша переписка с зарубежными синологами началась в советское время или уже после?

ЮК: В советское время.

ВГ: Наверно, это было непросто?

ЮК: Слушайте, мне было плевать. Карьеры мне не нужно было делать. Один из путей был через коллегу, Дерка Боддэ. Когда он был жив, он сказал: «Юрий, вы откликнулись на идеи Крила, опубликованные в его статье, и я думаю, что я вас сведу». Помню, я позволил себе критическое замечание по поводу его мнения, что Сыма Цянь сочинял неаутентичные речи для тех, о ком писал в книге Бодде (Bodde) «China's First Unifier». Так он вставил моё мнение в предисловие к переизданию этой книги и в письме сообщил мне об этом, а я получил первое издание в подарок от него.

ВГ: Выходит, рабочая эстафета уже пошла?

ЮК: Да, совершенно верно. Потом, когда я был в Америке, ко мне обратился *Аллан Рикетт*. Это ученик Боддэ, который сидел в лагере в Китае. Его арестовали, может, как-то в связи с Боддэ. Боддэ китайцы не

[161] Orientalistische Literaturzeitung. 60 Jg. 1965. № 3–4 (март–апрель). S. 117–129.

тронули, а его посадили. Просто «подвернулся» американец-стажёр каким-то местным «гэбэшникам». Может, нашли что-то против него. Я не знаю подробностей, меня это не очень интересовало. Рикетт сделал очень большой вклад в науку – полный научный перевод трактата *Гуань-цзы* на английский язык[162]. Он тогда хотел посоветоваться со мной по части *Гуань-цзы*, прислал мне письмо, и я ему дал совет. Он отразил это в книге, написав: «Я обращался к Кролю». Потом он подарил мне эту книгу, так что я – счастливый её обладатель. Даже не знаю, есть ли она у кого-нибудь в Москве. Это было совсем не так давно. Дерк Боддэ был мой друг. И когда он умер, я просил, чтобы моё письмо зачитали у гроба, на похоронном вечере. Я обратился к учёному, с которым он был связан и который про меня мог только слышать, потому что нас не знакомили. Я написал ему, что хочу, чтобы моё письмо, посвящённое Боддэ, было зачитано на этой похоронной церемонии. И это было сделано.

ВГ: Судя по имеющейся у меня справке, ваши «живые» контакты с зарубежной синологией заметно активизировались после развала СССР. Как вы для себя открыли этот мир, как произошла ваша «живая» встреча?

ЮК: Например, встреча с Д. Боддэ произошла, когда он приехал сюда. Мне сказали, что Боддэ сейчас сидит в читальном зале ЛО ИВАН, смотрит книжные выставки. Вообще, у нас почему-то не было объявлено, что он приехал, и встречаться с ним никто не шёл. Это было ещё в очень далёкое советское время, где-то в пятидесятых, когда «перестройкой» ещё даже «не пахло». И я пошёл сразу. Я сказал ему, что знаю его работы по *Ши цзи*. Помню, что я специально ездил в Москву и переписывал их где-то в читальном зале. Переписывал его переводы. Боддэ был совершенно блестящий учёный. А жена у него – русская, *Спешнева*. Знаете, семья Спешневых – это старое дворянское семейство. Они были не то чтобы революционными, но всегда были настроены критически, не принимали существующую власть за ту, какой ей хотелось казаться. Один из Спешневых был осуждён по делу Петрашевского. То есть это русское полуреволюционное или, скорее, до некоторой степени «вольнодумное» семейство ещё с давних пор, со времён *Николая I*. У меня, кстати, есть книга материалов с перепиской петрашевцев, которую опубликовали, по-моему, в Иркутске. Боддэ был в поездке не один, а с женой, которой, конечно, хотелось съездить в Россию, где она давно не была. В своё время она уехала в Китай, там встретилась с Боддэ, и они поженились.

ВГ: Эта Спешнева – однофамилица или родственница Н.А. Спешнева?

---

162 *Rickett W.A.* Kuang-tzu. A Repository of Early Chinese Thought. A Translation and Study of Twelve Chapters. Vol. 1. Hong Kong, 1965; *Он же*. Guanzi. Political, Economic and Philosophical Essays from Early China. Vol. 1. Princ., 1985. Vol. 2. Princ., 1998.

ЮК: Конечно! *Николай Алексеевич Спешнев* – родной племянник этой дамы!

ВГ: После этого вы стали переписываться с Боддэ?

ЮК: Да. После этого Дерк Боддэ сразу назвал меня «другом»! Так что всё это началось очень просто. У меня всегда было ощущение, что это люди, а не «черти с хвостиком». Я ещё в детстве встретил женщину, которая научила меня своему языку и очень многое мне дала.

ВГ: Наверно, личный контакт с носителем языка в детстве, тот первый «посыл» был очень важен психологически. После развала СССР вы остались востребованным как китаевед? Вас приглашали работать за границу?

ЮК: Да, приглашали. Но, будучи в Штатах, я и сам понимал, что это в моих интересах. Потому что, во-первых, мне хотелось посмотреть страну. Кроме того, я авансировал на это пятьсот долларов. Я купил ваучер (standby vaucher), который продавала авиакомпания «Дельта», и у меня было право свободно и бесплатно летать на её самолётах везде, кроме Аляски и Гавайев. Нужно только встать возле стойки, где выдают билеты, и сказать, что тебе нужно. Если есть места, то ты садишься на самолёт в нужном тебе направлении. Я бы, конечно, и на Гавайи съездил, потому что там живёт один русский американец. Это тоже интересная история! Его семейство в своё время попало в Америку или в Канаду через Югославию. Учился он уже в Америке, в Соединённых Штатах. Его фамилия – *Лёвин*. Он сейчас живёт на Гавайях, жена его – японка, и у него «полосатенькие» дети, двое сыновей. Лёвин даже прислал мне фотографию, где он снят вместе с внуком. А сам он – из священнической семьи. И он даже просил меня посмотреть «свой храм» на площади Мира, где некогда было полно церквей. Но церкви снесли, и эта церковь не сохранилась. Сам он прошёл курсы богословского типа и из востоковедов подался в священники. Приезжал сюда и, видимо, был принят в Москве вполне ласково. Имя он не сменил. Там он – отец Анатолий, а для меня по старой памяти – Анатолий Владимирович. Я даже его в одной своей публикации поблагодарил – он отредактировал английский текст моей статьи о *сехоуюй* из коллекции Б.И. Панкратова.

ВГ: Помимо Штатов, вы бывали в Германии, Стокгольме, Париже. Это всё были научные поездки?

ЮК: Да. В Париж я поехал частным образом, но поездка была научная. И получилась она частным образом по недоразумению, потому что я выиграл деньги на дорогу в нашей организации, которая помогала выездам за границу. Они сказали мне об этом. Но коллега *Ив Эрвуэ*, который пригласил меня как гостя, уже купил мне билет. И я решил, да будет так. Потом я пожалел, потому что он был не такой уж богатый человек. Сейчас его уже

нет на свете. Он был хороший и очень порядочный человек, работал профессиональным синологом в одном из парижских университетов. Я познакомился с ним на Международном конгрессе востоковедов в Москве. Могу показать вам его книжки, он защитил диссертацию по Сыма Сян-жу. Однажды кто-то на службе мне сказал, что необходимо какое-то фармакологическое средство, и я ему написал: «Не можете ли вы прислать?» И он послал, но это лекарство завернули на таможне! Такой он был человек с высоким уровнем отзывчивости, добрый. Он, кстати, как будто, когда-то был связан с иезуитским орденом по образованию, по школе.

ВГ: Участие в Европейской ассоциации востоковедов (китаеведов) помогало вам в профессиональных контактах с иностранными коллегами?

ЮК: Да, всё это имеет смысл. Но это – деньги. Дело в том, что я никогда их не тратил на собственные удовольствия. Я считал, что мне не дано никакое богатство – долларовое, фунтовое или ещё какое-нибудь. Я могу купить книгу, но тратиться на членские взносы не могу. Иногда их вносил кто-то другой, может, сами приглашающие вносили, меня это не касалось. Ко мне с этим не приставали. Меня пригласили быть участником. Я и сейчас, возможно, значусь где-то.

В Америке довольно долго существует журнал по Древнему Китаю «Early China». Я могу иногда заказывать его выпуски бесплатно. Последней, кто посылала эти журналы мне, была М. Найлан. Потом она перестала. Но не так давно она опять прислала журнал. Сейчас я написал большую статью для них. Это вариант одной моей прежней статьи, которую мне предложила написать совместно мой покойный друг *Доротея Кэрен* (*Dorothée Kehren*), синолог, специалист по литературе и искусству из Бонна. К сожалению, жизнь её преждевременно оборвалась... И я издал написанное мной о *Ян Юне* в юбилейном сборнике в честь академика Б.Л. Рифтина[163]. Но профессору М. Найлан очень хотелось включить статью в свой том, издаваемый в Калифорнии. Я предупредил, что кое-что в статье переделаю. У меня появились два редактора – М. Найлан и профессор *Грит Ванкэрбэрген* (*Griet Vankeerberghen*). Они очень на меня наседали как редакторы. Я никогда раньше не видел, чтобы так тщательно редактировали. Кроме того, они мне напомнили наших старых «марксистских» цензоров, которые приписывали идеи. Но американские редакторы делали это не из идеологических соображений. Им просто казалось, что тут или там надо бы вставить что-то. Я так и написал: «Слушайте, вы путаете редакторскую работу с авторской. Да, мне нужен редактор, потому что это – не мой род-

[163] См.: *Jurij L. Kroll.* The Life, the Views and the Poem of Yang Yün // Российский государственный гуманитарный университет. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXV. Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. *К 75-летию академика Б.Л. Рифтина* / под ред. И.С. Смирнова. М., 2010. С. 297–337.

ной язык. И нужно, чтобы это не мешало читать мою статью. А вы мне приписываете мысли, каких у меня сроду не было. Что вы делаете? Хоть бы со мной посоветовались!» Ну, объяснял, почему их исправление неприемлемо. Они обычно соглашались и делали по-моему, а иногда по-своему. Но спорить, переписываясь через океан – дело долгое и нудное. Лучше бы они воздерживались от крайностей редактирования! К тому же на электронные контакты между Сан-Франциско и Петербургом уходила уйма времени. Иногда мне просто приходилось отказывать им – ну, не принимаю я этого! – или переделывать снова. В общем, приходилось отбиваться от них. Хотя, вообще, они доброжелательные, и многое спускали мне, полезно с ними было работать. Должен сказать, что и такое редактирование лучше, чем без редактирования, потому что я даже придумал целый ряд вещей, отвечая на их требования что-то вставить.

ВГ: Отлично понимаю вас, потому что тоже имел похожий опыт работы с журналом «Early Medieval China». В итоге я тоже очень благодарен американским редакторам за их дотошность, несмотря на всякие расхождения. В вашей библиографии указаны 17 публикаций на иностранных языках. Как случилось, что вас заинтересовала тема отношений китайцев с кочевниками, с хуннами (*сюнну*)?

ЮК: Я не знаю, как диктофон это выдержит.

ВГ: Выдержит! Выдержит!

ЮК: Меня обязали. Это было связано с известной вам полемикой.

ВГ: Вы имеете в виду пограничные вопросы?

ЮК: Меня там не было, когда обсуждались эти вопросы. Но предполагалось, что эта тема может пригодиться. Зачем? Полагаю, что для ответного аргументирования. Поскольку с китайской стороны, видно, часто приводились исторические доводы. Что в таком-то веке на такой-то территории развевался такой-то «флажок».

ВГ: Как вы к этому подошли? Чисто механически?

ЮК: Я не умею делать работу по чистому заказу. Это должно было стать частью меня, и мне должно было стать интересно этим заниматься, хотеться об этом думать и придумывать. И кое-что, наверно, придумалось. Потому что ничего плохого я об этой работе не слышал.

ВГ: Но тема-то интересная – *хэцинь чжэнцэ* 和親政策! Мне, например, было очень интересно, потому что я сам занимался сяньбийцами и, читая ваши работы, многое почерпнул из них.

ЮК: Да, интересно, конечно! Спасибо, приятно слышать! Сейчас этими вопросами занимается *Ковалёв Сергей*. Он – общественный деятель одновременно, справедливоросс.

ВГ: Вы занимаетесь китаеведением уже 60 лет, с 1954 года. Кстати, поздравляю с этим юбилеем! В связи с этим у меня есть сразу три вопроса. Чем вы сейчас занимаетесь?

ЮК: У меня есть работа, которую я всё время откладываю, она посвящена ранним «образцовым» династийным историям *чжэн ши* 正史. Но эту тему я взял под нажимом обстоятельств. Я хотел взяться за публикацию собственных книг, одну из которых предложил *А.Р. Вяткин*, и я ему отослал «талмуд» из моих статей. А вторую публикацию будет курировать *Ли Минь-бинь*, это известный китайский профессор-русист в Пекине. Мы с ним были в добрых отношениях, и я подрядился к нему в серию «Китаисты мира».

ВГ: Да, это известный русист. А что это за серия?

ЮК: Это серия, предполагающая издание моих избранных трудов, чей список я сам должен был составить. В него должны войти некоторые мои русские статьи, которые на языке оригинала в Китае не всякий прочитает. Сейчас их переводят на китайский язык, кусок перевода мне уже прислали. Я ещё не смотрел, потому что всё время что-то делаешь, как автомат. Я так устал от этого!

ВГ: Вы занимаетесь китаеведением уже 60 лет, полный астрономический цикл. Как вы считаете, без ложной скромности, каково ваше главное достижение в этой области?

ЮК: Не знаю. Но были вещи, о которых я могу сказать, что если есть Господь, то от него была удача. ... Первое, желая помочь Борису Ивановичу Панкратову, мы с А.С. Мартыновым предложили ему подготовить к печати его рукопись. Это собрание поговорок-недоговорок *сехоуюй* 歇后语, они назывались им ещё «пекинские поговорки», поскольку собирал он их в Пекине. Можно называть их и недоговорками (дословно их название значит – речение с недосказанной последней частью). В общем, я случайно построил их объяснение, которое не приходило в голову никому – ни в Китае, нигде. И больше про них в ту пору ещё вне Китая почти никто и не писал. Я даже знаю одного французского учёного, который не стал ими заниматься, потому что это уже сделал я[164].

ВГ: То есть вы сделали в этом случае своё открытие.

ЮК: Да, я как бы нащупал суть. Если желаете, могу изложить, в чём дело.

ВГ: Конечно желаю!

ЮК: Это наличные в языке ходячие готовые сравнения. Они носят относительно стандартный характер и похожи на выражение «добрый моло-

[164] См.: *Кроль Ю.Л.* Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоуюй // Жанры и стили литератур Китая и Кореи: сб. статей. М., 1969. С. 194–203.

дец» в русском языке. Ходячее изречение может быть применено в разных ситуациях. Я назвал их словесно мотивированные сравнения. Они представляют собой именно сравнения, в которых что-то сопоставляется с чем-то другим. И вместе часто получается смешно, поскольку ряды, к которым относится сравнение и его объект, могут быть совершенно разные и даже очень далёкие друг от друга! Они похожи в чём-то на изречения Сэмуэла (Сэма) Уэллера из «Записок Пиквикского клуба» *Ч. Диккенса*. Например: «“Ехать, так ехать!” – как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост из клетки». Вот, такого типа.

Чтобы пояснить, что такое *сехоуюй*, Б.И. Панкратов указывал на европейское, в частности в России, широко известное речение: «Собака на сене – сама не ест и другим не даёт». Действительно. Это словесно мотивированное сравнение: «собака на сене» – сравнение, а «сама не ест и другим не даёт» – его словесная мотивировка. Причём его вторая часть в речи часто опускается. Обозначим первую часть *сехоуюй* символом Y, а вторую – символом Z, тогда *сехоуюй* вводится в речь по формуле: некий X есть (или подобен) Y, так как про них обоих сказано Z. Также опускаются (недоговариваются) вторые части многих китайских *сехоуюй*. Построить сравнение можно и без словесной мотивировки. Но без знания словесной мотивировки сравнение, т. е. первая часть *сехоуюй*, может быть непонятна. Чтобы такие речения были понятны, ваш слушатель должен их знать. В серьёзном словесно мотивированном сравнении вторая часть указывает на черты сходства двух явлений. Но ведь *сехоуюй* – шутки, остроты. Дело в том, что их форма даёт возможность применить приёмы, обслуживающие остроумие или создающие комическую ситуацию. В китайских *сехоуюй* особенно часто источником остроумия служит игра слов, поскольку в языке так много омонимов. Причём формула, по которой *сехоуюй* вводятся в речь, означает, что вторая часть их – Z – одновременно заключена в два контекста. Один – «внутренний», образованный сравнением Y и его мотивировкой Z, а другой – внешний, находящийся в общем контексте речи. Тот, к кому приложено сравнение, назовём его X. Вот пример из собрания Б.И. Панкратова: *чуфан ды байшэ-р – вань-цзя*[*-р*] 廚房的擺設兒 – 盌(晚)架(嫁)[兒] «Кухонная обстановка очень бедная – только и есть, что полка для посуды». *Вань-цзя* [*-р*]: так говорят о вдове, женщине, которая второй раз (дословно – поздно) вышла замуж (после смерти первого мужа)[165]. У нас был один московский автор, который написал хорошую книжку про эти *сехоуюй*. Но моё исследование появилось раньше, я не перебегал ему дороги. Его фамилия М.Г. Прядохин. Он – лингвист, его книжка называется «Китайские недоговорки и иносказания»[166]. Он собрал большой со-

[165] См.: *Б.И. Панкратов*. Пекинские поговорки *сехоуюй* // Страны и народы Востока Вып. XXIX. Петербург, 1998. № 384. С. 234–235.

[166] *Михаил Прядохин*. Китайские недоговорки-иносказания. Москва, 1977.

временный материал. У меня тоже есть современный китайский материал, поскольку я, когда был в Китае, покупал там бумажные томики с поговорками *сехоуюй* в мягких обложках. Я занимался пекинскими недоговорками, потому что мой учитель, Б.И. Панкратов, собирал именно пекинские. А Прядохин, сколько помню, собирал не только пекинские, а всякие.

ВГ: Выходит, вы, как настоящий ученик, называете своей главной заслугой продолжение дела своего учителя!

ЮК: Да, я считаю, что это было нечто вроде открытия. И именно поэтому это была удача. То, что я сделал с Сыма Цянем, думаю – что-то граничащее с подобной удачей. То есть я заметил вещи, которых не замечали другие. Допустим, хоть это ещё не опубликовано даже, я могу рассказать вам, что это такое. Сыма Цянь употреблял выражение *цзюньцзы* 君子 – «благородный муж» или, можно сказать, «царственный муж». Почему? Какое значение он этому придавал? В частности, он пишет, что *цзюньцзы* – им может быть человек высоконравственного поведения, который отличается определёнными духовными особенностями. Но им может быть и богатый человек. Казалось бы, богатство связано с погоней за прибылью. Какая же тут нравственность? Даже с конфуцианской точки зрения это несовместимо. Но Сыма Цянь не был чистым конфуцианцем. И вообще, он не был конфуцианцем, скорее у него есть элементы конфуцианства. Я считаю, что он близок к даосизму... Так какое отношение богатство имеет к нравственности? Почему он применял выражение «цзюньцзы» к некоему *Фань Ли* – известному человеку, который стал купцом после того, как он был чиновником. Значит, на взгляд Сыма Цяня, натура у того была купеческая? Занимаясь Сыма Цянем, я понял почему – через биографию его внука. Это была одна семья. И, как во всех хороших китайских семьях, там была семейная традиция. От одного к другому передавались мысли, идеология своего рода. Кстати, внук Сыма Цяня стал известен как человек, который сделал очень многое для распространения книги своего деда. В поведении этого внука Ян Юня я и нашёл ответ на вопрос – почему Сыма Цянь называл Фань Ли *цзюньцзы*. Именно в словах Ян Юня оказалось что-то общее с идеями его деда. Ян Юнь был министром, потом его лишили должности и титула, разжаловали в простолюдины, и он стал земледельцем и купцом. Причём, как и Фань Ли, продавая зерно, по его собственным словам, «гнался за прибылью в одну десятую» от урожая. Что хотел этим сказать Ян Юнь? Думаю, он хотел дать этим понять, что он не «низкий человек (*сяо жэнь*)», а – «благородный муж (*цзюньцзы*)». Только Сыма Цянь прямо называл Фань Ли *цзюньцзы*, но не объяснял почему. А Ян Юнь лишь намекал на то, что ведёт себя, как *цзюньцзы*, описывая своё поведение теми же словами, какие использовал его дед, говоря о Фань Ли. Купец, который «го-

нится за прибылью в одну десятую урожая», выжидает, чтобы можно было получить прибыль в одну десятую урожая, и лишь тогда продаёт зерно. Но...

ВГ: Десять процентов – очень умеренная прибыль!

ЮК: Совершенно верно, очень умеренная прибыль. Вот что за этим стояло: и Фань Ли, и внук Сыма Цяня в погоне за прибылью *знали меру*! Сыма Цянь писал про Фань Ли, что он *цзюньцзы*. А что такое одна десятая урожая, с китайской точки зрения? Это столько, сколько даже царю пристало брать в виде налога с членов общины так называемых «колодезных полей» 井田. Значит, это нечто справедливое. И «колодезная община» вообще представляется символом устройства, в рамках которого осуществляется справедливое отношение власти к народу. И если какой-то купец ведёт себя так же, то он – *цзюньцзы*. Тот – царь, а этот – «благородный (царственный) муж», хоть и купец: он умеет сдерживать свою алчность, наступать на горло собственной песне! Оттого он и *цзюньцзы*.

ВГ: Что можно отнести к вашим главным профессиональным разочарованиям? Что хотелось сделать, но не удалось, не успели, не смогли?

ЮК: На мне пока ещё много чего лежит! Я бы сказал, что для меня утомительна наша система планирования и отчётности. Я считаю, что человек должен работать, когда у него идёт и получается, а не насиловать себя. И должен отдыхать. Я сейчас не отдыхал два года. Почему? Со мной судьба сыграла злую шутку. У меня был неиспользованный отпуск, и у меня его отобрали! То есть меня обязали принудительно уйти в отпуск в то время, когда никуда и не поедешь, даже зимой. Я до сих пор не могу забыть, что у меня было это время, но у меня его забрали. Это разочарование! Кроме того, я считал, что если моего отца-художника репрессировали, то я должен стараться, чтобы хотя бы имя сохранилось!

ВГ: И вы посвятили своё время изучению его жизни и творчества?

ЮК: Я стал искать его произведения, потому что у нас дома ничего не осталось! Хотя я помню картину, которая висела у меня над кроватью. Они с мамой разошлись. Картина пропала во время блокады. Но друг отца, художник *Василий Павлович Калужнин*, сохранил некоторое количество его работ небольшого формата. И он прислал эти работы мне. Передал их через маму, когда они встретились после войны. Как он сказал: «Пусть знает, что его отец был художником». Небольшие работы у меня уже были. Но я никогда их по-настоящему не понимал и по-настоящему в них не вдумывался. Но когда передо мной встала задача (после того как прочитал следственные материалы), я решил, что буду искать, может быть, найду ещё какие-то работы отца. Первое, что я узнал, – это у кого находится художе-

ственный архив В.П. Калужнина, в котором было несколько произведений моего отца. Оказалось, что у художника *Юрия Исааковича Анкудинова*. Это человек высокого благородства – он безвозмездно передал мне отцовские картины. Я потом могу показать их вам.

ВГ: Спасибо! То есть вы посвятили своё время этому важному для себя делу изучения жизни и творчества отца, но это вошло в противоречие с рабочими отчётами?

ЮК: Я бы сказал, что это ещё не вошло в противоречие. Но я не уверен, что не войдёт, потому что это дело засасывающее. В частности, отец был иллюстратором детских книг. Писатель *Борис Яковлевич Фрезинский* тоже великодушно подарил мне работы отца. Он занимался жизнью писательницы, «серапионовой сестры» *Елизаветы Полонской* – автора детских книг, одну из которых иллюстрировал мой отец. И вместе с её архивом у него оказались наброски, варианты иллюстраций отца. Мне предложили написать об этих иллюстрациях, и я согласился, хотя я не подготовлен – надо войти в тему, а для этого нужно время. У меня было бы это время, целый неиспользованный отпуск, но я его лишился! Как я уже говорил, пришлось уйти в отпуск в очень неудобную пору. И я до сих пор не могу этого забыть! Это настоящее разочарование!

ВГ: Но, наверно, всё же можно найти какой-то выход?

ЮК: Я очень надеюсь, что какой-нибудь выход я найду. В молодости у меня было больше наработок. Конечно, у меня и сейчас есть наработки. Но эти наработки надо превращать в публикации. А если ещё превращать их в публикации на английском языке, то всё вообще замедляется.

ВГ: Ещё пара коротких вопросов. Как вы считаете, чем наше российское китаеведение отличается от западного?

ЮК: Во-первых, тем, что у нас есть идеологический нажим на человека. Особенно сильным он был в советское время. Сейчас стало гораздо легче, конечно. Прежде люди специально вставляли себе в диссертации цитаты из «классиков марксизма», которые им даже и не нужны были. Но они старались показать причастность своих исследований к официальной идеологии... Я считаю, что у нас существует какой-то нажим на мышление, который мешает, закрепощает, а не помогает. Во-вторых, хоть я никогда не был в положении западного учёного, но скажу так: у нас гораздо меньше учат самостоятельно думать. В связи с этим я расскажу вам историю о том, как писал статью по современности. У меня есть только одна статья по современности, которая называется: «К проблеме культурного наследия в

современном Китае»[167]. Естественно, начальство меня подозревало в том, что я хочу уехать в Израиль. А как же иначе? А один начальник, замдиректора, когда узнал, что мы с женой вместе ходим в группу разговорного немецкого языка, даже спросил: «Вы зачем немецкий язык учите? Как-то меня это беспокоит – зачем вам это надо?» Ну, хочешь думать, так думай! После этого мы с ним были в ссоре, не здоровались, по его инициативе. Он перестал со мной здороваться, и я тоже перестал с ним здороваться. Никакой тёплой дружбы у нас с ним и раньше не было, но мы разговаривали, работали вместе всё-таки. Потом, в какой-то момент, он вдруг опять стал здороваться: «Здравствуй-здравствуй! А ты знаешь, что должен на институтском семинаре сделать доклад “Проблемы культурного наследия в современном Китае”?» Видимо, задание было дано в целях, чтобы я оформил допуск в спецхран, а это могло помешать получить разрешение на выезд. Но это моя догадка, потому что прямо мне об этом не говорили. Я сказал: «Нет, не знаю! И что я в этом понимаю?» Он: «Ничего, мы тебе поможем!» И вот, меня посылают в Москву, командируют в Институт Дальнего Востока, где был доступ к материалам по современному Китаю. Живу я на казённые деньги в Москве, потом возвращаюсь, и руководство устраивает мне доклад в Зелёном зале нашего института. Там сидели и представители райкома, и кто только не сидел, хотя я беспартийный. Я делаю этот доклад. И вдруг, оказывается, что это хороший доклад, что для меня самого крайне удивительно. Ну что я понимаю в современности? Не могу сказать, что мне очень понравился мой доклад, но там были показаны какие-то параллели, связи современного Китая с древностью. По существу, китайскому мышлению традиционно свойственно сопоставлять исторические фигуры разных времён. Например, ассоциативно сравнивать отдельных исторических деятелей с первым императором Цинь *Шихуанди* 秦始皇帝 – это же стариннейший китайский способ рассуждать и аргументировать. И я рассказал, как это было в древности, и что всё это дело идёт со времён *Чжаньго* 战国 (V–III вв. до н.э.), если не раньше. Это было чисто академическое выступление. Но представитель райкома ничего плохого не сказал. Он же не в курсе, что у нас «варится каша» и что мы товарища «проверяем».

ВГ: Какова же «мораль» этой истории?

ЮК: Мораль такая. Когда мне потом сказали, что этот доклад надо превратить в статью, тот самый замдиректора сказал: «Покажи мне». Я сказал: «Хорошо». Но не показал, а послал в Москву, в журнал «Народы Азии и Африки». Оттуда статью понесли в ЦК КПСС. Это как раз был момент

[167] Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 51–75.

изменения взаимоотношений с Китаем, в частности по вопросам границы. Это были восьмидесятые годы.

ВГ: И вашу статью опубликовали...

ЮК: Не было бы истории, если бы её просто опубликовали!.. В общем, я приезжаю в Москву на конференцию «Общество и государство в Китае», делаю свой доклад, а в перерыве решил, что надо посмотреть статью, чтобы исправить одно неточное выражение. Я отправляюсь к редактору «Народов Азии и Африки» *Лие Калёновой*. Мне говорят, что редактора сейчас нет. Я тогда говорю сотрудникам редакции:

– Мне нужно только исправить одно место в корректуре статьи, которую она мне присылала. Вы мне можете эту статью дать?

– А какая у вас статья?

– «К проблеме культурного наследия в современном Китае».

В итоге мне выдают статью. Я начинаю искать то место, которое хотел исправить. Просматриваю текст и вижу, что это просто не та статья! У меня не было никаких общепринятых тогда штампов, с моей точки зрения, безобразных и оскорбительных и для науки, и для Китая, и для всех на свете. Но их насовали туда! Тогда я рассказал Л.П. Делюсину, что мне, не спросясь, изменили статью после того, как я уже подписал её корректуру. Он сказал мне: «Боритесь!» При этом Делюсин открыл мне глаза на совершенно явную причину того, что произошло. А дело было в том, что на уровне советского «райкомовского сознания» всё написанное в статье было очень похоже на нашу идеологию, к которой они привыкли. Всё точно такое же, только географические названия и фамилии другие, потому что китайцы всё это у наших тридцатых годов позаимствовали! Тогда я решил, что мне эта статья совершенно не нужна, что это не по моей теме, и сказал в редакции:

– Хорошо, я снимаю статью.

– Вы не можете её снять!

– Я снимаю свою фамилию. Я этого не писал!

Тогда они начали бегать за мной. Потому что это был скандал – ведь статья была уже одобрена в ЦК! Вот такая случилась история. Статья была опубликована. Но что «потерял» при этом Мао Цзэ-дун? У него было три критерия практики, которые я честно изложил. И третьим критерием был научный эксперимент. «Научный эксперимент» они потеряли «по дороге», возвращаясь к моему первоначальному тексту. Всё остальное они восстановили так, как было у меня прежде.

ВГ: Без «научного эксперимента» Мао стал выглядеть как бы более ненаучно.

ЮК: Чёрт его знает! Во всяком случае, такая была история. Я тогда стольким людям сказал: «А говорят ещё, что нельзя писать о современности! Я написал то, что думаю, и никто мне и слова не сказал!» А оказывается, мне это всё без спросу заменили! Но после всё вернули опять, я выиграл войну нервов!

ВГ: Интересно. Вполне в духе того времени. Позвольте задать «крайний» вопрос: что бы вы могли и хотели пожелать молодым китаеведам, дабы они знали, как можно стать хорошим китаеведом?

ЮК: Думаю, что необходимо усердие в сочетании со свободой, раскрепощённостью мысли. Нужно побольше быть в контакте с миром, который велик и в котором много разного. Надо также стараться использовать это на благо своей науки, на изучение Китая. Потому что, конечно, у Китая огромное будущее, и это особенно ясно в наши дни.

ВГ: Спасибо большое! Позвольте пожелать вам хорошего самочувствия и спокойствия, а также выполнить все дела, которые вы запланировали!

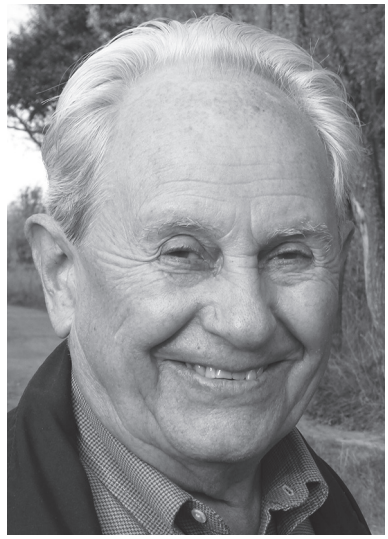
ЮК: Это очень точное пожелание! Спасибо! Пожелайте мне распутаться с тем, в чём я запутался! Я только хочу накормить вас обедом, который приготовила моя жена!..

НОВИКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

INTERVIEW WITH BORIS M. NOVIKOV

Проект выполнен при поддержке международного гранта РГНФ «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС) 2012, проект № 12-21-10000, 8122100100007

The Project is supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National Scientific Council of Taiwan (NSC), the international research grant «Sinology – the Oral History», project № 12-21-10000, 8122100100007



Новиков Борис Михайлович (БН)	***Boris M. Novikov***
Китаевед, к.и.н., доцент, Восточный факультет СПбГУ Место интервью: г. С.-Петербург Дата: 27 июля 2014 г. Вёл интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), ИВ РАН Продолжительность: 4 часа	Sinologist, PhD (History), assistant professor, Oriental faculty, SPbSU Place: Saint-Petersburg Date: July 27, 2014 Hosted by: Valentin Golovachev, IOS RAS Duration: 4 hours

Новиков Борис Михайлович *(1929 г. р., г. Бийск). Китаевед, кандидат исторических наук (1976), доцент (1978), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1999). Окончил Восточный факультет ЛГУ (1952). Преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ/Санкт-Петербургского государственного университета (с 1957). В 1978–1982 гг. работал деканом общеуниверситетского деканата по работе с иностранными учащимися. В 1982–1984 гг. – проректор по международным связям ЛГУ. В течение 25 лет является членом Правления, заместителем председателя Санкт-Петербургского городского Общества российско-китайской дружбы. Читает лекции по новой и новей-*

шей истории Китая и других стран Азии, по географии Китая, современной экономике КНР и др. Н а у ч н ы е и н т е р е с ы: новая история Китая: народные организации, традиции, государственная и политическая структура, ментальность, исторические персонажи, тайные общества; новейшая история Китая: экономическое развитие, тайваньская модель, исторические персонажи.

ВГ: Здравствуйте, Борис Михайлович, добро пожаловать в наш проект! По традиции беседы с героями наших интервью начинаются с небольшой самоидентификации. Будьте добры, представьте себя сами формально!

БН: Пожалуйста! Новиков Борис Михайлович. Родился 3 сентября 1929 года: в этом году мне исполняется 85 лет. Я китаист, окончил Санкт-Петербургский университет, восточный факультет, и с тех пор всю жизнь работаю на восточном факультете нашего университета. В настоящее время – доцент, кандидат исторических наук.

ВГ: Скажите, пожалуйста, вы коренной петербуржец или приехали сюда из других краёв?

БН: Я приехал в этот город в 1947 году.

ВГ: В таком случае, в каких краях вы родились?

БН: Я родился в несколько экзотическом районе. Это Алтай, можно сказать самый, центр Евразии. Мой родной город – Бийск, расположенный близ слияния рек Бия и Катунь и образования великой реки Западной Сибири – Обь. Бийск был основан ещё при Петре I, в 1709 году, т. е. в год Полтавской победы. Город стоял на важном торговом пути – в начале Чуйского тракта, соединявшего Западную Сибирь, в первую очередь Алтай, с Монголией, а затем – с Синьцзяном и Китаем. Слово «тракт» здесь означает «дорога», а Чуйский – потому что основная трасса шла вдоль течения горной алтайской реки Чуя. Благодаря Чуйскому тракту, да и вообще относительной географической близости, у нас все кое-что знали и о Монголии, и о Китае, а мы с детства в этой среде росли.

ВГ: То есть ветер Монголии и Китая как-то достигал этих мест?

БН: Да, достигал. Правда, в старое время Чуйский тракт был, конечно, ужасен с технической точки зрения. Его обновляли в 1930-е годы, и тогда там, конечно, работали заключённые ГУЛАГа. Я был ещё ребенком, но помню, что эту дорогу обновляли, и потом она стала лучше, автодвижение было уже неплохое. В годы войны именно по этому тракту перегонялись на автомашинах грузы, которые шли через Монголию в Китай. Кстати, в первый раз эти караваны пошли в Монголию ещё во время конфликта на реке Халхин-Гол, а это 1939 год. А потом, во время Отечественной войны, туда тоже шли караваны, перегоняли машины с грузами для военных целей.

ВГ: Кем были ваши родители, имели ли они какое-то отношение к Монголии и Китаю?

БН: Нет, абсолютно, нет.

ВГ: Расскажите, пожалуйста!

БН: Я из семьи потомственных учителей. По-моему, даже и прадед был учителем. Но я не очень хорошо знаю – его не застал. Дед мой тоже был учителем. Потом, во время Первой мировой войны, он воевал на Кавказском фронте, участвовал в Гражданской войне и даже был одно время военкомом (военным комиссаром) города. Бабушка была домохозяйкой, а все дети – двое сыновей (мои дядья) и две дочери (моя мать и тётя), – они все учителя, но по разным предметам. Кто физику и математику преподавал, кто – русский язык и литературу. Вот, в такой семье я вырос.

ВГ: А ваш отец тоже был учителем?

БН: Отец тоже был учителем. Причём он, как и моя мать, начинал свою педагогическую работу в сельской школе недалеко от Бийска.

ВГ: Как звали ваших родителей?

БН: Отец – *Михаил Иванович Новиков*, мать – *Алевтина Николаевна Быковская* (в девичестве).

ВГ: Если вы родились в 1929 году, то ваш подростковый возраст и юность пришлись как раз на годы войны, да?

БН: Конечно!

ВГ: Как военное время проходило для вас? Как вы жили в те годы?

БН: Это очень тяжёлое время было. Хотя и до войны у нас в Сибири было несладко. Вообще, как я вспоминаю своё раннее детство – всё время были какие-то лишения. Помню, как бабушка брала меня на руки и носила куда-то в Торгсин («Торговля с иностранцами». – *В.Г.*) – такое было учреждение, которое за бесценок покупало ещё сохранившиеся драгоценности и вещи у наших людей, и за это выдавало какую-нибудь муку, крупу и так далее. Так вот, в Торгсине бабушка снимала с рук колечки, что-то отдавала, получала какие-то мешочки муки и всё прочее. Мне тогда годика четыре было. Что происходило потом? В 1937 году наша семья пострадала в процессе политического террора в стране: мой дедушка по матери был арестован и осуждён на «десять лет заключения без права переписки» (смертная казнь. – *В.Г.*), с конфискацией имущества (в 1958 году он был посмертно реабилитирован как незаконно репрессированный). Вскоре после ареста деда моя мать и дядья перевезли нас с бабушкой в город Ойрот-Тура (теперь это Горно-Алтайск, главный город нынешней Республики Алтай РФ, примерно в 100 км от Бийска), где все мои старшие родственники преподавали в школах. Именно на период жизни в Ойрот-Туре и приходятся

годы войны. Конечно, это был глубокий тыл, а не фронт или блокадный Ленинград. Здесь не падали бомбы и не рвались снаряды, на наших глазах не умирали от ран близкие и друзья, хотя жуткие «похоронки» приходили в очень многие дома. Не избежала этой участи и наша семья: на фронте погиб мой дядя. Да и нас, подростков, война доставала своими страшными щупальцами повсюду, прежде всего лишениями: тяжёлым трудом, недоеданием и голодом, отсутствием одежды, тепла и т. д. Так, уже школьниками 6–7 классов, нас в осеннее и зимнее время посылали в окрестные леса валить деревья, заготавливать дрова для школы. А всё лето мы проводили в работе на семейных земельных участках, выращивая овощи и картофель, чтобы прокормиться зимой. За годы войны каждый подросток научился многому из «науки выживать»: обрабатывать землю, косить траву, пилить деревья, пасти скот и многому другому. Тогда приобретение этих умений было вынужденным – иначе не проживёшь. В дальнейшем же, по жизни, это нередко помогало не пасовать перед трудностями, стараться их преодолевать. В Горно-Алтайске я окончил среднюю школу, после чего уехал продолжать учёбу в Ленинград.

ВГ: В каком году вы окончили школу?

БН: Я окончил школу в 1947 году и сразу приехал сюда, в Ленинград.

ВГ: Скажите, пожалуйста, когда вы впервые услышали слово «Китай», узнали о существовании Китая?

БН: Я думаю, что очень рано. Во-первых, у нас в городе были китайцы. Небольшое количество, но были. Это были в основном старьёвщики, а также какой-то мелкой торговлей они занимались. Поэтому я с очень раннего детского возраста запомнил такую фразу: «Ходя, соли надо?». Долгое время я просто повторял её автоматически. Потом наконец спросил у деда: «А что же это значит?» Он мне очень чётко объяснил: «Китай – это такая большая страна, где живут люди, похожие на казахов и алтайцев (у нас на Алтае, наряду с русскими, проживало немало представителей этих тюркских народов). И эти люди едят палочками». Это было первое, что он мне сказал. «А почему – ходя, соли надо?» – спросил я. «Видишь ли, – сказал дед, – в Китае соль очень дорога, и поэтому соль ценится как хороший подарок. Ну, как у нас тут красная или чёрная икра». Вот так дед сравнил, а потом добавил: «И ещё, соль была нужна китайцу, когда он умирал...» Вот это он мне всё изложил, и я всё это запомнил. Мне было лет около шести тогда. Ну, а потом, около 1937 года, все эти китайцы из нашего города, естественно, исчезли, как потом выяснилось – были депортированы или попали в ГУЛАГ как «шпионы».

ВГ: Но тогда, в детстве, вы всё же видели настоящих китайцев, да?

БН: Видел, конечно.

ВГ: Помимо взрослых китайцев, вы видели там детей?

БН: Детей что-то не помню. То ли они их не выводили, то ли они жили в другом конце города, и меня, как ребёнка, туда не пускали. Поэтому детей я не видел. Но взрослых китайцев я видел. На мой даже детский взгляд, они всё-таки отличались от алтайцев и казахов, которые среди нас там жили. Немножко другие они были.

ВГ: Ну, а соль-то зачем нужна была китайцу-«ходе»?

БН: Как, зачем? Её клали в гроб, чтобы дольше труп хранился. Чтобы отправить останки покойника на родину.

ВГ: Выходит, в этом вопросе была и скрытая подначка, чтобы китайцы поскорее возвращались на свою родину «в любом виде»... Скажите, пожалуйста, как вы закончили школу и сделали выбор своей дальнейшей судьбы?

БН: Я закончил школу с золотой медалью. Вот она, эта золотая медаль. Может быть, теперь уже стали забывать, как она тогда выглядела.

ВГ: Я-то точно не забыл, потому что моя мама и тётя тоже окончили школу с золотой медалью, и у меня дома хранится такая же медаль.

БН: *Головачёва Лидия Ивановна*, да?

ВГ: Да-да.

БН: Я тебе потом расскажу: с Лидией Ивановной я же тоже был знаком в студенческие годы в нашем университете.

ВГ: Хорошо, это очень приятно! И что, золотая медаль вдохновила вас на покорение столиц?

БН: Нет, всё было не так.

ВГ: Как же было на самом деле?

БН: Всё было вот как. Отца к тому времени у меня уже не было. Родители разошлись, и я жил с матерью и отчимом. Это было тоже нелёгкое время, сразу после войны. И конечно, родители не были склонны отпускать меня далеко из Сибири, хотя отчим и воевал тут, под Ленинградом. Одно время учителей всё же брали в армию. А он тоже был учитель, кстати. Потом, в самом конце 1944-го и начале 1945-го, многих учителей, кто выжил, освободили от военной службы и вернули к основной работе. Мой отчим раненый был.

ВГ: Он воевал внутри блокады или снаружи?

БН: Он снаружи воевал. Но был и в самом городе, снимал блокаду. Мой отчим умер уже, 14 лет тому назад...

Так вот, о Ленинграде я школьником знал кое-что не только из рассказов отчима. В годы войны в нашем городке жило немало семей эвакуированных ленинградцев. С некоторыми из них мы не только были знакомы,

но и по-настоящему дружили. Так, я тепло вспоминаю семью моего сверстника Олега Заостровского (впоследствии стал журналистом), семью видного ленинградского учёного-этнографа *Леонида Павловича Потапова* (впоследствии – лауреат Государственной премии, директор Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР и Кунсткамеры. Леонид Павлович занимался исследованием этнографии и истории алтайцев и соседних тюркских народов, и несколько бесед с ним способствовали пробуждению моего интереса к тюркологии). Из учительской среды наша семья дружила с ленинградкой *Александрой Михайловной Лутиной* и другими. Все эти представители ленинградской интеллигенции, несомненно, оставили весьма благотворный след в моём развитии.

И вот настало время выбирать будущую специальность, место вузовской учёбы. Ленинград был далеко. Родители считали, конечно, что лучше мне учиться поближе, и начали уговаривать меня поехать в Томск, где в старейшем Томском университете раньше учились мои тётя и дядя. Родители говорили: «Ну что тебе? Это хороший университет! Раз ты не хочешь на естественный факультет, там есть хороший историко-филологический факультет. Езжай туда! Давай, чтобы было поближе!» Естественное такое, понятное желание родителей. Но я всё-таки пожелал ехать в Ленинград. Почему? Я не думаю, что с самого начала это было уже осознанное желание – поступать на восточный факультет. Из предыдущего выпуска нашей школы несколько ребят и девчат уже отправились в Ленинград и поступили в Политехнический институт. Это были хорошие, сильные ребята! И вот, приехали они следующим летом на каникулы и говорят: «Да что такое Томск?! Надо ехать в Ленинград! Там в университете есть Восточный факультет, где ты можешь изучать “свою” Османскую империю!» А золотая медаль тогда позволяла поступать в любой советский вуз без экзамена. Я мог и в МГИМО в Москве поступить. Но Москва меня абсолютно не тянула с самого начала! Извините, но это так. Я поехал в Ленинград... Там я не сразу пошёл на китаеведение, потому что мне всё-таки была ближе тюркская тематика. Я даже мог сказать несколько фраз на алтайском, на казахском. Я очень любил историю. Средние века, Османская империя... Я немало читал об этом. И мне почему-то подумалось, что раз так, то я поеду в Ленинград, буду изучать турецкий язык. Прямо как позднее юный *Владимир Жириновский*!

ВГ: Таким образом, вы оказались на востфаке ЛГУ?

БН: Я написал туда заявление, но без указания отделения, просто – на восточный факультет. О турецком я думал про себя.

ВГ: Дальше уже сработала случайность?

БН: И случайность, и не случайность. Всё как-то шло само собой. В Ленинград я приехал 24 августа 1947 года, экзамены-то не надо было

сдавать. Остановился я у добрых знакомых, которые жили у нас в эвакуации. Я их уже упоминал. Хорошие люди, ленинградцы. Хозяйка – Александра Михайловна Лутина (ныне уже покойная) работала директором школы на Петроградской стороне. Её дочь *Неда* (к сожалению, также уже покойная) была на год или на два меня младше, кончала девятый или десятый класс. Вот у них я и остановился на 2–3 ночи максимум, пока в общежитие не поселят. Лутины меня приняли прямо как родного, потому что, когда они в эвакуации у нас жили, мы были в очень хороших отношениях. После приезда я пошёл в университет оформлять своё поступление в студенты. На восточном факультете, который размещался там же, где и сейчас, в здании дворца *Петра II* на Университетской набережной, дом 11, меня встретила секретарь деканата *Аня Лобанова*, которая была поистине «душой факультета». Она меня расспросила обо всём, нашла мои документы и говорит: «Тебе надо зайти к декану, поговорить». Деканом востфака в то время был профессор *Виктор Морицевич Штейн*. Как я узнал позднее, он был известным востоковедом, одно время направлялся из СССР в Китай советником по финансам к *Сунь Ят-сену*, работал также в Монголии. Экономист, историк, весьма заслуженный человек. Так вот, прихожу я в его маленькую комнатку... Большую комнату занимали работники деканата, там «царствовали» секретари, туда приходили студенты и пр. А в маленькой скромно сидел декан. Захожу я в эту комнатку, представился. «Ну, садитесь!» – говорит Виктор Морицевич. Спросил, на каком отделении я хотел бы обучаться. Я ответил, что на тюркском. «Вы знаете какой-нибудь из тюркских языков?» – уточнил декан. Я честно ответил, что знаю лишь кое-какие фразы на бытовые темы по-алтайски и по-казахски. «Это маловато! – усомнился он и продолжил. – Вы знаете, молодой человек, я бы вам не рекомендовал идти на тюркское отделение». Я спрашиваю: «А почему?» Он: «Видите ли, у нас в этом году приехала большая группа студентов, направленных из Азербайджана и районов Дагестана, многие из которых уже владеют тем или иным тюркским языком. Для них это близко, а вам будет и трудно, и скучно. Поэтому я вам не рекомендую идти на тюркские языки». Тогда я спрашиваю: «А что же мне делать?». Он говорит:

– Тут есть два варианта. Во-первых, сейчас у нас открывается новое отделение, очень перспективное...

– Какое?

– Корея, республика, с ней будут блестящие отношения...

ВГ: Про Китай молчит?

БН: Молчит пока. Ну, я как-то так...

ВГ: Корея вас не вдохновила?

БН: Нет!

ВГ: Куда же дальше судьба вас повела?

БН: Тогда декан говорит:

– В конечном счёте, ведь есть ещё и Китай. Мы набираем большую группу, 25 человек, там ещё есть места.

Я говорю:

– А там, в Китае, ведь сейчас плохо очень!

Это был 1947 год, осень, понимаешь? Там шла гражданская война, враждебный СССР Гоминьдан, казалось, одерживал верх, и победа ещё совершенно не брезжила для коммунистов. Я говорю:

– Там же очень тяжело!

И вот декан отвечает мне так:

– Вы знаете, молодой человек, Китай есть Китай, он при всех случаях останется Китаем, который нужно изучать, который нужно знать... Вы там ещё побеседуйте с нашими китаистами, а завтра приходите ко мне и скажите, что вы решили.

Я выхожу, лицо у меня, видимо, было такое вытянутое... Аня меня спрашивает: «Что там?» Я ей всё рассказал. «О! – говорит она, – сейчас только здесь был *Яхонтов Сергей*, который уже на 3-й курс перешёл. Беги, лови его, поговори с ним!» Я действительно догнал Яхонтова. Он ещё стоял в коридоре со знакомыми студентами. Очкарик такой, явный «ботаник» по виду. Я говорю:

– Яхонтов?

– Яхонтов!

– А как зовут?

– Сергей.

Ну, я представился тоже. Он:

– А что тебе надо?

– Да я, вот, хотел поговорить, как тут с Китаем? Как занимаетесь, как, что? – Ну, и он начал мне рассказывать. Потом мы вышли, гуляли по Университетской набережной, и он всё рассказывал мне. В общем, Яхонтов моим «крёстным отцом» оказался насчёт Китая (как, кстати, позднее и я сам для покойного *Евгения Ивановича Кычанова*). Но это ещё не всё.

ВГ: Что же он вам сказал тогда? Как он вас убедил?

БН: Ну, он много чего говорил.

ВГ: Выходит, это был долгий разговор.

БН: Я думаю, что это было часа полтора, мы гуляли по набережной, от Академии художеств до университета. Яхонтов, как и я, не спешил. Уговаривал меня. Говорил, что изучать Китай прежде всего интересно:

– Ты когда-нибудь видел иероглифы?

– Ну, где-то я что-то видел.

– Вот! Это ведь не буквы, это целый образ!

И он начал рассказывать об иероглифах, что это такая содержательная знаковая система. Ну, Серёжа умеет рассказывать, в том числе и про иероглифы. Причём он связал это как-то с природой, с какими-то камнями. Он человек такой, очень увлекающийся. Сейчас, правда, плохо себя чувствует уже – возраст, здоровье... Ну, вот, говорил он, говорил, да так и заложил что-то во мне. А под конец сказал: «Что бы там ни было в Китае, но китайцев – 450 миллионов, и они останутся у нас на границах. Огромный народ! Так что, уж тут и разговаривать нечего!» После этого я с ним простился, поблагодарил его, и мы расстались. Пришёл я к Лутиным, где остановился, рассказываю им обо всём. А Недочка говорит: «Ты колеблешься ещё, что ли? Тогда давай, кинем жребий!» Свернула бумажки, на которых написала «Корея» и «Китай». Да, там ещё пустышка одна была. Свернула их, кинула в мою же кепку. Поваляла, поваляла: «Тяни!» Я и вытянул – «Китай»!

ВГ: И так решилась ваша судьба?

БН: В общем, да.

ВГ: Выходит, это девочка решила вашу судьбу?

БН: Ну, нет. Я, наверно, склонился бы к этому и сам.

ВГ: Но этот жребий стал поводом формальным, чтобы уже перейти Рубикон.

БН: Да, уже никаких вопросов. Вот, такая у меня вышла история.

ВГ: Вы только что произнёсли слово «ботаник». Надо бы сразу подсказать будущим переводчикам на китайский язык, что слово «ботаник» использовано не в прямом, а в переносном смысле.

БН: Да, конечно! В данном случае термин «ботаник» я использую для характеристики человека, который с детства по-взрослому серьёзно относится к своим обязанностям и окружающим взрослым. Во взрослом состоянии такие дети часто становятся педантами и перфекционистами, хотя, конечно, не все. Но определённый налёт «сверхсерьёзности» сохраняется у всех «ботаников».

ВГ: Ещё они заметно оторваны от жизненных реалий и внеучебных интересов своих сверстников. А вы сами не были «ботаником», преданным только учёбе?

БН: Нет, наверно. Да там, в далёкой провинции, таких «ботаников», которые были здесь, в Ленинграде, вообще не было.

ВГ: Жизнь была трудная, наверно.

БН: Жизнь была потруднее, и возможностей для «ботанических» исследований меньше. Ну, что я там, прочитал в библиотеке всякие детские книги, и всё.

ВГ: Значит, не было оранжерейных «ботанических» условий.

БН: Не было. Поэтому там «ботаников» и не было. Но у нас в классе было четыре медали: одна у меня – золотая, и три серебряных. Почти все медалисты поехали в Ленинград. Одна девочка с серебряной медалью поступила в медицинский. Другой медалист пошёл в педагогический. Только один мальчик поехал в Новосибирск и стал инженером железнодорожного транспорта. Так что класс был очень сильный.

ВГ: А что было дальше, после того, как вы вытянули жребий? Как дальше события развивались?

БН: А очень быстро развивались. Пришёл, поселили меня в общежитие, которое находилось в само́м здании филологического факультета, где сейчас преподавательский буфет. Это боковая сторона дворца Петра II, выходящая не на набережную, а на Филологический переулок. Там жили все наши восточники, которых было сравнительно немного, и часть студентов филологического факультета, в том числе испанцы – дети, которые приехали сюда в середине 1930-х, в годы гражданской войны в Испании. Они выросли и поступили учиться. В нашем университете училось около десятка таких испанских девочек и мальчиков. А в студенческом общежитии, тем более таком небольшом, все обитатели знакомятся друг с другом...

Условия жизни в общежитии были непростые. В большинстве комнат размещалось по 10 и более человек, как в казарме. Например, у нас в комнате проживало 16 человек с восточного факультета и факультета народов Севера. Из этих 16 человек только я один был этническим русским.

ВГ: Кем же были все остальные?

БН: Все остальные были представителями разных национальностей Советского Союза. Очень много было с Кавказа. Например, дагестанцы. А у них же там, что ни долина, то – народ. Была большая группа азербайджанцев. Были татары, грузины, армяне. В частности, со мной в одной комнате жил *Петросян Юрий Ашотович*. Тогда же при университете был факультет народов Севера, который позже перевели в Герценовский институт. Северяне были как-то прикреплены к восточному факультету. Их опекала *Вера Ивановна Цинциус*, профессор по северным языкам. Она что-то читала и у нас, на восточном, и северян прикрепили к восточному факультету. Поэтому здесь же, в общежитии, жили ханты, манси, якуты, чукчи, орочоны, гольды – представители разных малых народов Сибири. Я, кстати, жил в одной комнате с *Юрием Рытхэу*.

ВГ: Знаменитый писатель!

БН: Знаменитый писатель чукотский, и мы даже с ним подрались.

ВГ: На почве быта?

БН: Да, на почве быта. Потому что моя кровать стояла у окна. А он же из чума приехал. Ему жарко было, и он зимой открывал окно. Я, можно

сказать, весь покрывался инеем, терпел одну, вторую ночь. А потом с ним разругался, и мы даже чуть за грудки не схватились. Ребята нас с ним разнимали. Было и такое.

ВГ: Потом, наверное, вместе и вспоминали?

БН: Потом вспоминали, хохотали... Но Юра умер тоже.

ВГ: Очень интересная информация про общежитие. А что из себя представляла ваша группа, в которой вы оказались? Говорят, там было 25 человек?

БН: Да, 25 человек было. В группе, конечно, преобладали местные ленинградские ребята. «Длительных» блокадников среди них было сравнительно мало. Большинство всё-таки оказались в эвакуации. Но война всех опалила тогда. Наше поколение, где бы кто ни жил, хоть на Чукотке – всё равно, война опалила чем-то нас всех. Невозможно было хоть где-то от неё уберечься. Даже если не бомбили и не слышно было разрывов, но голодали и переживали лишения все.

ВГ: И горе, и ужас, и все трудности войны.

БН: Да, и смерти близких! Я считаю, что война опалила своим огнём все наши поколения. Поэтому не столь важно, кто долго жил в блокаде, кто там меньше жил. Это были в основном местные ребята. В первые годы после войны антиеврейский вопрос ещё не поднимался, поэтому в нашей группе было много евреев. Обычные ребята, девочки и мальчики. Мы хорошо дружили. Это потом, когда мы уже стали выпускниками, их начали «трамбовать».

ВГ: В смысле, притеснять их?

БН: Да, притеснять. Это уже было позднее.

ВГ: Кто-то из них стал потом известным китаеведом?

БН: Ну, конечно! Это, например, покойный *Лев Николаевич Меньшиков*. Но на первое место я ставлю всё-таки русского однокурсника *Виктора Васильевича Петрова*.

ВГ: Это ваш одногруппник?

БН: Да, это мой одногруппник. Он позднее остался учиться на филологическом отделении, я же перешёл на историческое. Но это было уже с 3-го курса. А первые два года мы учились вместе с ним в одной группе.

ВГ: То есть было общее обучение, а потом разделение по специальностям?

БН: Когда я пришёл в 1947 году, такого не было. Был единый процесс обучения, единый учебный план. Где-то с 3-го курса предусматривалась некоторая, не очень чёткая специализация. Нам читали на 1–2-м курсах не только филологические дисциплины, но и такие курсы, как экономи-

ка, история Китая. Кстати, *В.М. Штейн* читал курс «Экономика Китая на исторической основе». Заведующим кафедрой был академик *Василий Михайлович Алексеев*, который читал нам основной курс типа «Введение в китайскую филологию». Это был курс обо всём: о литературе, письменности, духовной культуре, религии, этнографии и многих других аспектах прошлого и современной жизни Китая. Но акцент, конечно, делался на прошлом, на классике. Необъятную картину, которую живописал нам Василий Михайлович, потом «приземляла», конкретизировала его ученица *Ольга Лазаревна Фишман* в своих лекциях по истории китайской литературы-культуры... В 1949 году началась реформа факультета, разделение кафедр на филологические и исторические, и так далее. Но это особый вопрос, о нём надо говорить отдельно.

ВГ: Можно ли рассказать побольше про В.В. Петрова?

БН: Да. Петров, конечно, с самого начала выделялся. Это человек, который, во-первых, был уже и подготовлен, он уже знал иероглифы. Разговорный язык ещё не очень постиг, но иероглифику он прилично знал, умел писать иероглифы. Виктор был прирожденный филолог, гуманитарные знания давались ему легко и свободно. И, как талантливый человек, он обладал познаниями и способностями во многих других областях. И главное, как показала его последующая деятельность, обладал педагогическим, лекторским даром. Его лекции – яркие, эмоциональные и в то же время логически чёткие и понятные – не забывает ни один из слушателей. А о Китае он со студенческих лет знал больше, чем кто бы то ни было из однокурсников, включая даже Меньшикова Л.Н., *Софронова М.В.* и других. Меньшиков и Софронов тоже со мной учились.

ВГ: Можно ли и о них хотя бы в двух словах вспомнить как про одногруппников?

БН: Ну, да. Ещё раз подчёркиваю, что на первое место я ставлю всё-таки Витю Петрова. Это большой талант, если не гений. Если говорить о легендарных личностях послевоенных поколений востфака (не только китаеведения!), то это наряду с *Н.А. Спешневым*, конечно же, В.В. Петров. А надо сказать, что Витя Петров всего лишь единственный раз побывал в Китае в конце 1950-х годов. Литературовед, переводчик, член Союза писателей СССР, В. Петров за недолгие годы своей творческой деятельности опубликовал около 100 научных трудов и переводов. Удивительный для своих лет востоковед-эрудит, он всегда охотно помогал коллегам, делился с ними своими знаниями и идеями. На каждый заданный ему вопрос неизменно давал исчерпывающий ответ. Короче, это был уникальный человек, и крайне жаль, что мы так рано потеряли его. Конечно, были в нашей группе и другие заметные личности. Например, Лёва Меньшиков. Он был постарше нас, 1926 года рождения. Этот год уже не призывали в армию,

на фронт. Последними, по-моему, брали ребят с 1925 года. Если бы война продлилась до конца 1945-го, возможно, пошёл бы и 1926-й год. Но война кончилась, и молодёжь 1926 года рождения не мобилизовали. До поступления в университет Меньшиков работал где-то в геологических экспедициях, а будучи на 2-м или 3-м курсе уже женился. В общем, вёл вполне взрослую жизнь. От нас, зелёной молодёжи, он отличался особой серьёзностью, основательностью, хотя общался с нами вполне свободно и легко. С Виктором Петровым и Мишей Софроновым мы одногодки. Михаил Викторович Софронов – ты, Валентин, знаешь его?

ВГ: Как раз сейчас наши коллеги заканчивают запись интервью с ним. Когда оно будет готово, я могу вам потом его прислать.

БН: Хорошо! Кроме молодых ребят, у нас в группе было ещё несколько более взрослых людей, фронтовиков, как их тогда называли. Это были люди, прошедшие фронт, войну. На них все ориентировались, и они както всю группу сплачивали. Хотя учёба давалась им явно труднее... Но в остальном вокруг них всё крутилось. Каждый прибежит, спросит: «Николай Дмитрич, а как вот это...?» Был у нас такой фронтовик, *Николай Дмитриевич Яшкин*, его все очень уважали, а для меня он долгие годы (и после окончания университета) был ближайший старший друг и наставник. Умер он в 1976 г.

ВГ: То есть фронтовики держали вас своим авторитетом?

БН: Да, держали. Я один пример могу привести. Идёт потоковая лекция какая-нибудь, скучная. Например, по истории партии или СССР (что было практически одно и то же!). Не все преподаватели владели лекторским мастерством. Нередко материал, и без того не слишком привлекательный, подавался лектором ещё более сухо и бесцветно, так что слушать было тошновато (это, конечно, никоим образом не относится к лучшим лекторам!). И вот, сидят студенты на такой скучной лекции, на задних скамейках девочки вяжут, мальчики играют в кораблики (в «морской бой»). И кто-то там засмеялся на задних рядах, на «камчатке». И вдруг, вскакивает один из фронтовиков и зычно так кричит: «Тихо!» Он привык к армейской дисциплине, а тут такое безобразие – сидят дети, им читают лекцию, а они занимаются чёрт-те чем! Такие вот были в нашей жизни моменты.

ВГ: Можно ли вспомнить кого-то ещё из ваших одногруппников?

БН: Конечно! *Слава Страхов*, скажем. В студенческие годы он очень заметным был.

ВГ: Он стал китаеведом потом тоже?

БН: Увы, он как раз ушёл из профессии. Но человек был способный к языкам, тяга к знаниям у него была и учился прекрасно. Вот как раз его В.М. Алексеев «подкалывал» за произношение на французском, называя его «нижегородским прононсом». Это было немножко обидно: по объек-

тивным возможностям Слава неплохо владел французским – легко, почти без словаря переводил тексты по специальности. Ну, а разговорный язык – для этого требовалась практика, которой он, скорее всего, не имел в Вологде, откуда приехал на учёбу в ЛГУ (как год спустя *Гоша Смолин*). Так что в отношении французского языка Славы Страхова академик проявлял некоторый снобизм, едва ли похвальный для педагога... Понятно, что, кроме востфака ЛГУ и ЛО ИВ АН СССР, работы по нашей специальности в начале 1950-х годов в Ленинграде не было категорически. Помучившись на «времянках» (кратковременных рабочих местах), Слава ушёл работать в Аэрофлот, где со своим знанием двух западных иностранных языков (французского и английского) сделал неплохую карьеру. Позднее, по слухам, он переехал в Москву, работал где-то за рубежом и т. д. Ну, а китайский язык, который Слава осваивал вполне успешно, скорее всего, остался без применения. Вообще же, с точки зрения места в раннем послевоенном китаеведении Ленинграда, мои одногруппники занимали, можно сказать, некое серединное положение. С одной стороны, впереди нас шёл старший курс, первого послевоенного приёма 1945 года, где выделялись *Е.А. Серебряков*, *Р.Ф. Итс*, *В.И. Кудрин*, *Т.А. Малиновская*, за которыми мы, так сказать, бежали. С другой стороны, сзади нас вплотную подпирали, дышали нам в спину «младшенькие» – китаисты с курсов, принятых в 1948 и 1949 годах. Это *Г.Я. Смолин, Ю.Л. Кроль, Б.Б. Вахтин, И.Т. Бабиева (Зограф), Т.А. Пострелова* и другие. Так что мы были, в хорошем смысле, зажаты с двух сторон и должны были «идти на прорыв».

ВГ: Но получается, что из китаеведов-профессионалов с вами непосредственно учились только Петров, Меньшиков и Софронов?

БН: Нет, почему же! Ещё *Спирин Володя*!

ВГ: Спирин! Это же очень известный китаевед! Можно ли узнать, каким он был студентом?

БН: Ну, он был необщительный, как правило.

ВГ: Значит, вы не дружили?

БН: Нет, не были друзьями. Но все в группе были в хороших отношениях. Спирина мы называли – «пошехонец».

ВГ: Почему?

БН: Ну из такого вот Пошехонья – дескать, сидит он всё в уединении. Молчун скорее, нежели активный. Ну, ещё Боря Доронин со мной учился.

ВГ: И *Доронин Борис Григорьевич* с вами учился? А Доронин был или не был «ботаником»?

БН: Может быть, отчасти, ведь некоторые «ботанические» черты присутствовали у многих из нас... Но «полных ботаников», неспособных «ото-

рваться», впасть в детство, были единицы. Вот, пожалуй, Володя Бергер, ну, ещё 2–3 человека...

ВГ: Спасибо! А Спирина как вы воспринимали?

БН: Спирин учился хорошо, способностями не был обделён. Но он не входил ни в одну из компаний. Просто со всеми у него были ровные отношения, но не более. Володя, скорее, был такой интраверт...

ВГ: Всё-таки он стал замечательным авторитетным учёным, которого коллеги очень уважают за научный вклад. В те годы были ли заметны какие-то признаки, симптомы того, что он станет хорошим профессионалом?

БН: Нет, никто не мог этого сказать. Наверно, потому что всё заслоняли такие яркие личности, как Петров, скажем, тот же Меньшиков, Слава Страхов. А вот Володя Спирин, он всегда как-то на периферии был. Миша Софронов тоже старался и в чём-то даже не уступал нашей первой троице. В то время в СССР велась дискуссия о рабстве в Китае. Преподаватели, конечно, поощряли студенческое общество на обсуждение этой проблемы. И Миша поднял такую «бучу» насчёт этого рабства... Мишка был очень активным.

ВГ: Что же он доказывал, что рабство было или что его не было в Китае?

БН: Да, вроде как, он доказывал, что оно существовало-таки. Это, кстати, совпадало с точкой зрения Го Мо-жо...

ВГ: Это интересно!

БН: Ну, а потом-то мы уже на старших курсах везде искали в Китае «азиатский капитализм». И каждый там «шуровал» – надо было найти этот «азиатский капитализм» в позднесредневековом Китае, но он как-то слабо обнаруживался...

ВГ: Как состоялась ваша личная встреча, первое знакомство с китайскими иероглифами и с китайским языком?

БН: С китайскими иероглифами знакомство прошло как раз хорошо. Потому что я немножко рисовал в детстве, и мне это было легко. Я с удовольствием писал их. Конечно, начал нас учить писать иероглифы Василий Михайлович Алексеев. Он писал на доске, но не очень красиво. Потом учил нас писать не китаец, а кореец. Был такой *Михаил Фёдорович Хван*. Он преподавал иероглифику и у японистов, и у кореистов, и у китаистов. Он великолепно писал, просто очень красиво! Мы с удовольствием у него учились. А среди нас красивее и быстрее всех писал, конечно же, Витя Петров.

ВГ: Значит, даже когда он был студентом, у него уже почерк выработался?

БН: У него был свой почерк, вполне узнаваемый.

ВГ: Интересно!

БН: Свой почерк был и у Лёвы Меньшикова, и у Миши Сафронова. Ну, и у меня с иероглифами очень хорошие были отношения, и я вообще любил их писать.

ВГ: Кто преподавал вам китайский язык, грамматику?

БН: Грамматику вначале преподавал *Александр Александрович Драгунов*.

ВГ: Хорошо преподавал? Легко вам было учиться?

БН: Тяжело, тяжело было. Почему? Потому что это язык совсем другой системы. Хотя Александр Александрович действительно вкладывал в это дело всю душу. Вот он – настоящий педагог. И как педагог он для большинства из нас, конечно, был «понятнее» Василия Михайловича Алексеева. Алексеев – учёный самой высшей пробы. Но, с точки зрения педагогики, у меня остались о нём несколько противоречивые впечатления. Могу в этом честно признаться. Василий Михайлович едва ли адаптировал свои лекции к уровню аудитории. Он скорее наслаждался любимыми темами, как гурман изысканными яствами. А вот Александр Александрович – заботился о том, чтобы излагаемый им материал «доходил» до каждого слушателя: он всё напишет, потом много раз повторяет, каждого обойдёт. Он это постоянно делал. То есть основы грамматики он вложил в нас. Хотя преподавал нам всего год, всё-таки маловато. Но на втором курсе у нас многие пошли писать курсовую работу к Драгунову. Я в том числе писал работу о наречии *жань* 然 в современном китайском языке...

ВГ: А кто потом преподавал вам китайский?

БН: Потом уже пошла чехарда! Михаил Фёдорович Хван тоже от нас ушёл. Он плохо себя чувствовал, и у нас преподавали какие-то абсолютно случайные люди, пока не появился *Виктор Андреевич Вельгус*. Всё-таки уровень был уже несколько иной.

ВГ: А кто такой Вельгус?

БН: Вы что, не знаете Вельгуса? Ну, это тоже не совсем обычный человек! Во-первых, он был полукитаец. Во-вторых, он прожил много времени в Китае. Ну, и был пострадавшим (подвергался репрессиям) в те трудные времена... Он приехал сюда фактически без образования, но с прекрасным знанием китайского разговорного и литературного языка, китайской культуры. А я вообще с ним даже дружил, с Виктором Андреевичем. Подружились мы через того самого Николая Дмитриевича Яшкина, который был мой старший друг и наставник. Они дружили, а я тоже очень дружил с Яшкиным. Более того, получилось так, что Виктор Андреевич кончал факультет позже нас. Я тогда уже работал и даже экзамен у него

принимал. Ну, просто выставил ему оценку за экзамен: мне явно неудобно было о чём-то спрашивать этого по возрасту значительно более старшего, а главное, гораздо более эрудированного, чем я сам, человека. Вельгус, если можно так сказать, это своего рода Спешнев Н.А. (в поступлении которого на наш факультет мне также довелось участвовать: в тот год я как старшекурсник-общественник работал летом в составе факультетской приёмной комиссии). Вельгус также был блестящим переводчиком, он очень много перевёл. Они жили гражданским браком с *Изольдой Эмильевной Циперович*. Наверно, слышал это имя? Тоже ученица В.М. Алексеева. И Ольга Лазаревна Фишман была рядом. Вельгус тоже потом немножко преподавал нам разговорный китайский язык. Конечно, у него уже другой, высокий уровень был. А до Вельгуса разговорный язык нам преподавал *Нидэгэнь*. Он себя называл *Ниткин*.

ВГ: Я как раз хотел спросить, преподавал ли вам Владимир Хунович (Краснович) Ниткин? Кто он такой? У нас очень мало сведений о нём!

БН: Он якобы был художником. Но профессиональный он художник или нет – мы это не знали. И никаких работ его не видели.

ВГ: А что вы знали о нём ещё?

БН: Очень мало! Он, по-моему, даже слабо владел пекинским диалектом (*бэйцзин хуа*). У него была какая-то странная речь. Конечно, он был носителем языка. Но какого?! И конечно, абсолютно не владел методикой преподавания. Как говорится, не всякая рыба – ихтиолог! Писал он по-китайски, конечно, неплохо. Очевидно как художник. А вот с языком – явная «хана». Потом ещё кто-то нас учил, потом ещё. Началась полная чехарда! И нас до конца с языком так и не довели.

ВГ: То есть были проблемы потом с китайским языком?

БН: Очень большие. Это, кстати, отмечали в своих воспоминаниях и китаисты последующих, более младших курсов, в частности покойный Е.И. Кычанов, который учился на факультете в 1950–1955 годы.

ВГ: Выходит, обучение китайскому языку было поставлено слабо.

БН: Тут такое дело. Какие-то китайцы приезжали в СССР в 1930-х годах. Потом в 1949 году образовалась КНР. И в 1950 году уже пошёл поток китайцев, прибывавших к нам сюда по договору учиться разным наукам. Некоторых из них, наверно, можно было использовать как преподавателей-носителей языка. Среди них было немало толковых ребят. Но, судя по всему, китайская сторона запрещала им отвлекаться на другие дела, кроме учёбы. А у нас тогда катастрофически не хватало преподавателей китайского языка. Поэтому делали всё возможное, чтобы ускоренно их готовить из своих выпускников. В 1950 году С.Е. Яхонтов кончает университет, и его сразу ставят на преподавание, потому что у него с языком хорошо. По-

том Вите Петрову говорят – можешь досрочно кончить? За четыре года вместо пяти? Он кончает факультет, и в 1951 году тут же приступает к преподаванию языка. В 1952 году, когда я кончал востфак, на китайское отделение (уже на филологию и историю) приняли 120 человек!

ВГ: И уже ваше поколение подхватило эстафету.

БН: Ну, да, кто-то начал преподавать. Но потом этих 120 человек разогнали. Часть – на филфак, часть – на истфак. Часть ещё куда-то ушло. То есть оставили нормальное количество. Потому что не переварить было, во-первых. Ну, а во-вторых, вообще это было неразумно. Надо было бы отдельный китаеведческий факультет создавать.

ВГ: Какие лекции и как читал вам академик В.М. Алексеев?

БН: Конечно, он читал лекции, так сказать, артистично, увлекаясь сам и забывая даже о том, кто его слушает. В отличие от лекций Александра Александровича Драгунова, *Георгия Феофановича Смыкалова* (я же всех их слушал!) и Ольги Лазаревны Фишман (это ученица Алексеева, она тоже вела курс истории китайской литературы), лекции Алексеева были рассчитаны всё-таки на эрудитов. Но в группе были разные по уровню люди. Было и среднее звено (я себя причисляю к этому звену), и звено ещё слабее. Им эти лекции, конечно, было очень тяжело воспринимать. Алексеев не приспосабливал свои лекции как-то более гибко. То есть «наслаждались» немногие. Другие пыхтели, пытались понять. А третьи вообще сидели в прострации. Отключались. И так это было два года. Думаю, достаточно одной этой подробности. Прошу прощения, я не буду говорить то, что все всегда говорят про В.М. Алексеева: «Это гений, это столп нашей науки!». Да, он – столп, он – гений. Но как у педагога у него были некие изъяны, как я потом понял задним числом. Всё-таки он рассчитывал на свою малочисленную элиту в каждой группе. Его можно было, в определённой степени, сравнить с гурманом, смакующим изысканные блюда в присутствии главным образом «едоков картофеля»...

ВГ: То есть он либо не чувствовал вас, либо сознательно ориентировался на узкий круг?

БН: Думаю, второе. Скорее, сознательно ориентировался на элиту...

ВГ: Но, всё же, само присутствие Алексеева как-то повлияло на вас?

БН: Может быть, на некоторых... Лично же я не страдал подобострастием и сервильностью, как... некоторые. Просто не знал, что так можно себя вести. А он иногда бывал не очень даже адекватен в отношении нас, его слушателей и воспитанников (я могу привести примеры). Весьма специфическим было и содержание лекций В.М. Так, он целый семестр трактовал нам, скажем, четыре строчки китайского палиндрома сунского времени. Это стих, который в обе стороны читается со смыслом. Вот че-

тыре строчки эти он нам и комментировал. Каждый иероглиф – у него же свой образ. Алексеев этот иероглиф брал и рассматривал: у такого-то поэта он значит то-то, а у такого-то – другое. Вот, смотрите, – иероглиф *чоу* 臭 – вонять. Я помню, он чуть ли не целый месяц читал нам про это *чоу*. Это, конечно, целая энциклопедия информации, но только для знатоков. Для большинства же из нас (мы ведь делились впечатлениями!) это было подобно какой-нибудь квантовой теории: нырнёшь – не вынырнешь. Мне кажется, с точки зрения студенческой аудитории, как у человека обучающего у Алексеева были явные минусы.

ВГ: Понятно. Как формировался ваш интерес в отношении Китая? Как вы сужали круг своих интересов по мере обучения? Как выбирали курсовые по истории?

БН: Да что тут сужать?! Я любил историю с самого начала, она была мне более симпатична, чем чистая филология – рассматривать какие-то художественные произведения, отдельных поэтов, писателей. История меня больше влекла, конечно. Поэтому после двух лет я, Володя Спирин, Доронин, Яшкин и ещё несколько студентов перешли на историческое отделение... А «корифеи» и примкнувшие к ним остались на филологии. Алексеев ещё преподавал у них, по-моему, года полтора, до своей кончины. Ну, вот, перешли на это историческое отделение. То, что говорили нам на этом отделении, было понятнее, легче. Но, с другой стороны, здесь было меньше языка. Сразу, резко сократились занятия китайским. *Г.В. Ефимов* языка не знал.

ВГ: Вам преподавал Геронтий Валентинович Ефимов?

БН: Да. Он был прекрасный лектор и очень суровый учитель. Скажем так, тоже неоднозначный как человек. Но он очень многое заложил в нас. Очень многое заложил не только в меня, но и во всех, кто прошёл дальнейшую университетскую школу. Это и серьёзное внимание к современности, и признание значимости не только Китая, но и всей международной обстановки. Это и такая политизация (в немалой степени, в положительном смысле) нашего мышления. Потому что Алексеев всего этого не давал и дать не мог, согласитесь. А здесь было уже то, что тогда требовалось. Не надо забывать, что партийные установки в то время оказывали серьёзное воздействие на нашу жизнь, хотя люди университетской среды никогда не были тупыми ортодоксами, но и в диссиденты шли единицы. Исходили из реальной обстановки.

ВГ: Партийная линия.

БН: Да, партийная линия. Да, Г.В. Ефимов нам это дал, но язык не дал. И я помню, что на пятом курсе он (ему же тоже нужно было писать, работать) раздавал определённые части текстов лучшим студентам, просил переводить. Помню, что я переводил одну из ранних статей *Сунь Ят-Се-*

на, где он выступает – и меня это просто поразило – с позиций махрового расиста.

ВГ: Видимо, там Сунь говорил о «паназиатизме».

БН: Да. Я в «отпаде» был полном! Я перевёл, отдал перевод Ефимову, выразив своё удивление прочитанным. Он только пожал плечами... То есть он «пасся» тогда на студентах. Это у него был минус большой. Никто из историков-международников, которые занимались Китаем, китайским языком не владел. Также и пришедший к нам с истфака несколько позднее *Л.А. Березный*. Поэтому Березный почти всю жизнь занимался критикой американской китаеведной историографии, работая с англоязычными материалами. Г.В. Ефимов был пошире. Он охватывал многие темы новой и новейшей истории Китая, написал одну из первых послевоенных отечественных обобщающих работ по этим периодам, книгу о внешней политике империи Цин в конце XIX века, несколько серьёзных работ о Сунь Ят-сене, публикации по источниковедению и историографии и другие.

ВГ: А кто был руководителем ваших курсовых работ?

БН: До перехода на историческую кафедру моим руководителем был А.А. Драгунов, после перехода – Г.В. Ефимов. Он же был моим руководителем в аспирантуре. Помню, на 3-м курсе я писал работу на тему: «Чифуская конвенция 1876 года»[168]. Потом была курсовая о подготовке Синьхайской революции. А дипломная работа у меня была по теме «Начало распространения марксизма в Китае». А это – 1952 год. Ещё *Ю.М. Гарушянц* не перевёл первых статей *Ли Да-чжао*. Я, наверно, раньше Юрия Мисаковича переводил с китайского статьи Ли Да-чжао «Победа масс», «Победа большевизма» и использовал эти статьи в своей работе. Но эти переводы, возможно не очень совершенные, не были опубликованы. Уже по «эволюции» моих тем можно видеть, что нас тогда на современность переводили. Классикой, которая была у Алексеева, там и не пахло. Хотя Витя Петров нашёл в себе силы и после того, как не стало Василия Михайловича, он всё-таки занялся современной литературой: *Ай Цин*, *Лу Синь*. Витя даже творчеством *Лао Шэ* занимался. Всё-таки он тоже был политизированный человек. Виктор был глубоко партийный, поэтому он, воспитанный на классике, всё же перешёл на современность... Подобная политизированность и вела многих из нас в современность, актуальность которой особо подчёркивалась партийными органами и администрацией.

ВГ: Хотя нравились вам с самого начала Средние века?

168 *Чифуская конвенция* – Неравноправное соглашение, навязанное Китаю Великобританией, использовавшей для этого в качестве предлога убийство в пров. Юньнань английского чиновника. Было подписано 13.09.1876 в г. Чифу (Яньтай). Предусматривала открытие для английской торговли 4 новых портов [Ичан, Уху, Вэньчжоу, Пакхой (Бэйхай)] и давала Великобритании ряд других привилегий.

БН: Да, в детстве, в школе мне действительно нравилась медиевистика, Средние века, рыцарство, Османская империя, борьба в Средиземноморье, крестоносцы, – это мне всё нравилось. Но ведь и история Китая не уступает, если даже не превосходит европейскую и ближневосточную по тонкости сюжетов, закрученности событий и т. п. Так что я не проиграл, а даже выиграл в «интересности» специальности...

ВГ: Как решался вопрос о вашем трудоустройстве после окончания университета?

БН: Сложно решался. Я окончил университет с отличием, был рекомендован и поступил в аспирантуру. Г.В. Ефимов – руководитель. Какая была тема? Тему мне задал не кто иной, как *Николай Васильевич Кюнер*. Его лекции я слушал немножко. И вне аудитории мы иногда общались с Николаем Васильевичем. Потому что я ещё на пятом курсе мучился – какую в аспирантуре тему избрать? И что-то мне с марксизмом уже виделся какой-то тупичок. Ведь здесь всё заранее было понятно – пусть нелегкий, но победоносный путь. Больше манила тема с каким-то подтекстом, секретом... И я решил посоветоваться не только с Г.В. Ефимовым, который ещё больше толкнул бы меня вперёд, к «самой современной современности», но и с Николаем Васильевичем, который слыл больше консерватором, нежели новатором. И он, так вот, тихо, шамкая немножко, мне сказал: «Да тем-то много! А вы, молодой человек, как у вас с языком?». Я говорю: «Да, как будто, на нашем уровне – ничего». «Там переводить много надо будет. Вот почитайте мою такую книгу “История стран Дальнего Востока”, я там немножко говорю, что была такая секта “Белый лотос”. Неплохо бы заняться её историей, она ещё не описана у нас. Там, где-то в Европе, немножко писали, но это всё очень поверхностно, надо брать уже китайские материалы». Вот что мне сказал Кюнер. Мне как-то запала в душу эта тема, потому что заниматься очень уж прямолинейными вопросами марксизма мне почему-то не хотелось. Меня тянуло куда-то к «маргиналам». Не знаю, почему. Правда, меня потом стали обзывать – говорили, что я «Ванькой Каиным» занимаюсь только.

ВГ: То есть тайными обществами, заговорщиками и разбойниками?

БН: Да-да! Ну, и когда я поговорил об этом с Ефимовым, он говорит: «А что, Николай Васильевич правильно говорит. Это же народное движение! А Новое время – это, Борис Михайлович, наше с вами время. Вот, и давайте! Я не против этой темы». И он стал руководителем. Конечно, он, Ефимов. И я стал сначала изучать имеющиеся сведения об истории секты «Белый лотос». А что было потом – это уже другие вопросы.

ВГ: Но, помимо аспирантуры, вас, кажется, взяли ещё работать ассистентом на кафедру? Или это потом уже было, после диссертации?

БН: Нет, моё трудоустройство было очень непростым. Я кончил аспирантуру без защиты. Почему? Да потому, что я поступил в аспирантуру, и уже в конце 1-го курса меня избрали секретарём комитета комсомола университета. Я был один из последних, даже последний, пожалуй, так называемый «Комсорг ЦК ВЛКСМ» в университете. Такое было звание, потом его отменили. Избрали, и я вынужден был уйти в отпуск из аспирантуры. Ректором у нас был тогда *Александр Данилович Александров*. Он мне и посоветовал: «Оформляйте академический отпуск. Когда освободитесь от этой работы, тогда и восстановитесь в аспирантуре». Ладно, стал я работать комсоргом. А это 1952–1953 годы, политически и идеологически тяжелейший период. Хотя «ленинградское дело» уже стихало, зато продолжалась раскрутка так называемой «борьбы с космополитизмом», то есть политики дискриминации евреев и «проеврейской» интеллигенции. Было состряпано пресловутое «дело врачей-убийц». Правда, на нас это поначалу мало сказалось, медиков в университете тогда не было. Но, в конце концов, пусть косвенно, но коснулось порядочно. 1 декабря 1952 года, в годовщину смерти *С.М. Кирова*, уже появившиеся тогда у нас на филфаке студенты-«диссиденты» устроили скандальную выходку... И тут всё началось! Меня начали вызывать всюду: в Ленинграде – в городской комитет партии, в Смольный, потом в Москву, в ЦК ВЛКСМ: «Отвечайте, что там у вас за безобразие?!»

ВГ: Под «выходкой» что имеется в виду? Нужно бы подсказать переводчикам!

БН: Для переводчиков это слово, конечно, едва ли достаточно понятно. Устроили протестное такое выступление в день памяти С.М. Кирова, одного из соратников *И.В. Сталина*. Всё произошло в большой аудитории нашего здания, на втором этаже, где шла какая-то лекция. По-моему, лекция была по истории партии. Сидят, значит, в аудитории больше сотни студентов. Лектор читает лекцию. Вдруг, двери открываются, входит целая компания студентов, разодетая в русские рубахи, вышитые косоворотки, в лаптях, с квасом, с гуслями, гусиными перьями, с какими-то песнями под русскую старину. В общем, сорвали лекцию в день смерти Кирова, выступили самостийно, будучи формально комсомольцами. В общем, эту «акцию» можно было оценить как хулиганство. Но партийные органы дали ей резко негативную политическую, идеологическую оценку. В это время в университете оказался некий Давидян, очень активный такой, строго проводящий «линию партии» корреспондент газеты «Комсомольская правда». По горячим следам он всё описал в нужном парторганам духе, после чего в «Комсомольской правде» появилась его «разгромная» статья о том, что произошло в Ленинградском университете. Называлась статья «Трое с гусиными перьями» (на самом деле студентов-«протестантов» было больше).

ВГ: И как это было подано?

БН: Ну, как это было подано? Это было подано как такой вызывающий, абсолютно непозволительный в советском университете поступок с антипартийным политическим подтекстом. У меня даже где-то эта статья сохранилась, но искать долго.

ВГ: Похоже, это был замаскированный, неявный протест. Поэтому важно напомнить, как его интерпретировали.

БН: Интерпретировали как наглый протест с антипартийным политическим содержанием. И началось разбирательство.

ВГ: Протест против партии?

БН: Ну, конечно, против партии! Как же иначе? Смерть Кирова – и ни с кем не согласованное вызывающее сборище. Сорвали лекцию по истории партии и так далее. Оказывается, в это время в других вузах города тоже что-то подобное происходило. Поэтому, кроме меня, гоняли по «коврам», т. е. по партийным и комсомольским инстанциям, сразу нескольких комсомольских работников.

ВГ: Сильно гоняли?

БН: Конечно! Ругали за то, что мы «распустили» студентов, они ведут себя неподобающим образом, грозили исключить из комсомола. К счастью, дело кончилось только выговорами (было такое наказание, которое требовалось искупать «примерным поведением»). Но, разумеется, настроение было не из лучших.

ВГ: Выходит, комсомольская работа помешала вам писать диссертацию?

БН: Ну, конечно! Потом уже, после этого события, в марте 1953 года умер Сталин. В результате всех этих событий я как комсорг на второй срок, конечно, не прошёл. Я неподходящий человек был. Видимо, где-то там в комсомольских списках остался, но на второй срок меня уже не переизбрали. В общем, я вернулся на факультет, настроение у меня было мрачное. После смерти Сталина в общежитии, где я жил, начались почти ежедневные горячие обсуждения положения в партии и стране. И мы как-то отвлеклись от всех диссертационных забот и дел. Короче, я не успел написать диссертацию в срок. Кончился срок аспирантуры, надо было как-то определяться, и я, естественно, пошёл к Ефимову. А он в это время, по-моему, был проректором университета по учебной работе. Он много должностей занимал: заведовал нашей кафедрой, был деканом восточного факультета – первым после реорганизации проректором, секретарём парткома университета. То есть у него был большой круг всяких должностей. Я пошёл к нему на приём. Говорю: «К сожалению, я окончил аспирантуру без защиты. Вот, что-то у меня уже написано. Вы помните, я проходил

лекционную практику по теме исследования... Что же мне делать?» Ефимов говорит: «Ставок (т. е. вакансий. – *Б.Н.*) у нас сейчас пока нет. Надо ждать!» Я говорю: «Как? Мне надо жить на что-то, я же не могу сидеть на шее родителей». Он говорит: «Ну, я буду иметь, конечно, вас в виду, я же вас знаю. Вы – мой ученик». А мы как раз были его первым выпуском. «Но вы посмотрите, по-моему, что-то было у Иосифа Абгаровича», – говорит Ефимов. То есть у *И.А. Орбели*, на том берегу Невы, в ЛО ИВ АН СССР. Вот я и пошёл к Орбели, на тот берег. Он был директором Ленинградского отделения Института востоковедения. Пришёл я к нему на приём, объяснился. Он говорит: «Да, будет ставка, нужно только подождать».

ВГ: Сколько ждать – неизвестно?

БН: Нет. «Я, – говорит Орбели, – не могу сказать сейчас». И вот, началось моё хождение «на тот берег» каждую неделю, а то и два раза в неделю. Он всё записал про меня. Я уже ожидаю, что буду там в списке и в приказе о зачислении в мнс (мнс – младший научный сотрудник). Ходил я почти полгода, с сентября по декабрь, весь семестр ходил. Разговаривал с секретарём, все меня уже знали, я почти как свой там был. В декабре я в конце концов увидел приказ. Но не о себе, а о Володе Спирине – его зачисляли. Интересное кино! И всё, и больше мест нет! Я, конечно, отнюдь не против Володи Спирина был. Но меня обижало, почему уважаемый академик Орбели меня сначала обнадёжил, а потом – обманул. Позднее я понял некоторые причины такой ситуации. Тут сыграло роль не столько то, что я был «котом в мешке» для Иосифа Абгаровича, а, может быть, то, что я был учеником Ефимова. Они не ладили абсолютно, и даже если бы я был «семи пядей во лбу», Орбели всё равно меня не взял бы на работу в свой институт... Он взял Володю Спирина. Почему? Потому что Володя, тоже отчасти ученик Ефимова, после окончания нашего факультета ушёл от нас в аспирантуру на философский факультет, и уже там он занимался древнекитайской философией. И, конечно, Орбели был нужен такой классик. А я что, современник-то? На фига? Ну, ладно, тема о тайных обществах тоже им была интересна, конечно. Но я же ещё и «ефимовец». Это совсем нехорошо!

ВГ: В кавычках «ефимовец»?

БН: Ну, да. Конечно, в кавычках!

ВГ: И что дальше было? Как вы оказались в университете?

БН: Да, к Орбели я больше не пошёл. И с тех пор, конечно, по жизни обижен на Орбели, хотя знаком был и с его сыном. В Питере же мало народа в местном востоковедении было, несравнимо с Москвой, общение было тесное. В итоге я опять побежал куда? К Ефимову, конечно. Рассказал: «Вот, такая история». Он выслушал так хмуро: «Ну, ладно, есть полставки». На этой «полставки» ассистентской я работал года полтора. Это

тогда выражалось зарплатой в 52 рубля 50 копеек. Полставки ассистента без степени.

ВГ: А семья уже была у вас тогда?

БН: Нет, семьи у меня, к счастью, не было. Семья у меня появилась только в 1960 году. Фактически я работал с сентября 1956 года. Весь 1-й семестр я вообще работал бесплатно. А оформили меня на эти полставки только с января 1957 года. Вот, так получилось. Пришёл на полставки. Что делать? Надо жить!

ВГ: И с тех пор вы работаете тут, на этом месте, уже больше 50 лет. Завидное постоянство!

БН: Почти шестьдесят! 58-й год идёт, как работаю на этом месте. Но только я временами совмещал преподавательскую работу с административной или партийной. Был года три на освобождённой партийной работе и шесть лет работал в ректорате. Сначала я был деканом общеуниверситетского деканата по работе с иностранными учащимися. Проректоров на этом направлении работы тогда не было (как, впрочем, и сейчас!). А в 1982 году ввели должность проректора по международным связям. В Москве меня утвердил на эту должность министр высшего образования СССР *В.П. Елютин*. После этого ещё 2 года я работал на этой должности, совмещая административную работу с преподаванием (на полставки). Может, и больше бы я там проработал (мне отчасти даже нравилась эта работа, она расширяла мой международный кругозор). Но у меня не сложились отношения с тогдашним ректором университета. А им был *Алесковский Валентин Борисович*, пришлый у нас человек, «варяг». Он многих в университете как-то оттолкнул. Ветераны говорят, что при этом ректоре университет не разваливался не благодаря, а вопреки его руководителю.

ВГ: Понятно. Когда и как произошла ваша первая, точнее, вторая со времён Бийска встреча с китайцами?

БН: Это так, первая встреча была в Бийске. Потом уже была встреча здесь. В Ленинградский университет приехали учиться первые группы студентов и аспирантов из КНР. По-моему, это случилось, когда мы были на 5-м курсе. Гигантская группа китайцев, по-моему около 500 человек. Конечно, они приехали не на восточный факультет, что им тут изучать? До хинди, арабского и других языков стран Востока у Китая тогда очередь ещё не дошла... Они приехали учиться геологии, биологии и другим естественнонаучным специальностям, либо овладевать марксизмом. Конечно, каждый из нас хотел как-то познакомиться, подружиться с китайцами, ведь мы чувствовали, что с языком-то – фигня. Поэтому почти каждый нашёл себе приятеля среди китайских ребят. У меня их несколько было. Я хорошо помню одного – *Шао Ци-цюань*. Он родом из Хэйлунцзяна был. Видимо, с детства общался с проживающими в Маньчжурии русскими, поэтому

прилично владел русским разговорным. У нас учился на биологическом факультете. Так как мы проживали в одном общежитии, мы часто встречались, беседовали на разные, разрешённые для граждан КНР и нас темы, вместе ходили в кино, пили чай и т. д. В общем, подружились. Он мне в какой-то степени помогал в китайском, я поправлял его в русском. Думаю, что их спецслужбы разрешили это его знакомство... В то время мы уже съехали из общежития на востфаке по Университетской набережной, дом 11, и жили на Мытнинской набережной, дом 6 (в обиходе – Мытня), в огромном здании напротив Стрелки Васильевского острова. Ныне это здание уже не наше, там отель какой-то. А тогда это было самое большое общежитие университета в центре города, в нём мы и жили. На занятия в университет ходили пешком, через Биржевой мост. Но вернёмся к теме. Вот с этим Шао Ци-цюанем случилось однажды «трагическое событие». Он был крепкий такой, мускулистый парень. Но однажды заболел, видимо подхватил грипп. А инфекция всегда тяжело действует на непривычный к болезням организм. У него поднялась температура до 40 градусов, вызвали врача. Короче, сам он уже решил, что почти умирает. И когда ему стало совсем плохо, он попросил через общего знакомого, чтобы я зашёл к нему в комнату. Я зашёл. Оказалось, что я у него как бы «душеприказчиком» выступил. Он говорит: «Я хочу большую тайну открыть тебе». А я засмущался и говорю:

– Зачем? Твоя тайна пусть с тобой остаётся!

– Нет, я вот умираю...

– Да не умираешь ты, просто заболел!

– Нет, – говорит, – чувствую, что умираю, потому хочу эту тайну раскрыть.

– Ну, – я говорю, – слушаю тебя.

– Я на самом деле не ханец, я – маньчжур...

Понимаешь, для меня это, вроде бы, совсем не страшно – ну, маньчжур так маньчжур! Ведь не так же сложно, как евреи у нас, в СССР... А для него-то, оказывается, это было нечто подобное, дискриминационное! «Так вот как у них, в КНР!» – невольно подумал я. А он продолжал:

– Я должен это кому-то сказать. Тебе я доверяю. Только ты знай это, но никому не говори!..

Он выздоровел, конечно. Но потом мы на эту тему никогда не говорили. А когда я побывал в Китае в первый раз, в 1962–1963 годах, я его нашёл. Это было ещё до «культурной революции». Я его нашёл в Пекине, где он работал в каком-то биологическом учреждении. В общем, у него было всё нормально. Но поскольку он ранее учился в Советском Союзе, то, конечно, во время «культурной революции» пострадал, как и ещё один мой китайский друг.

ВГ: У вас был ещё один китайский друг?

БН: Да. Вообще-то у меня в начале 1950-х годов было немало хороших знакомых и друзей из китайцев, которые в то время учились и временно проживали в Ленинграде. Так, мне довелось быть знакомым с членами семьи покойного маршала *Фэн Юй-сяна*, трагически погибшего на пути из Канады в СССР в 1948 году. Ну, во-первых, это две его дочери, которые учились здесь в мединституте, и его зять, муж старшей из дочерей, аспирант экономического факультета университета. Знакомили меня и с вдовой маршала – *Ли Дэ-цюань* (первый министр здравоохранения КНР), когда она приезжала в Ленинград к дочерям. Конечно, с дочерями маршала я был только знаком, встречались на разных мероприятиях и пару раз в более узких кампаниях. Всё же это были молодые женщины... А вот с зятем Фэна – *Ло Юань-цзэном* – по-настоящему дружил. Мы довольно часто встречались у нас в общежитии, иногда вместе ходили в столовую и даже на стадион, на спортивные мероприятия. По окончании аспирантуры Ло подарил мне свою книгу, посвящённую развитию промышленности, индустриализации в КНР. Это была его кандидатская диссертация, опубликованная университетским издательством... Никак нельзя не упомянуть и ещё одного моего китайского друга – *Чжан И-дуна*. Он учился здесь почти 8 лет – 5 лет как студент и без малого 3 года как аспирант. К сожалению, защитить диссертацию, практически уже готовую, ему не дали – отозвали перед «культурной революцией» в Китай, как и других обучавшихся в СССР китайцев. Чжан И-дун был пекинец, из интеллигентной семьи. Вот он действительно был «ботаником», всё время сидел в библиотеках, всё изучал досконально. Человек очень способный, можно сказать талантливый. Настоящий полиглот! Очень хорошо знал английский и русский языки и уверял, что изучил их в основном здесь, в СССР, в университете. Чи-тал по-французски и по-японски. Историк-медиевист, он в аспирантуре исследовал тему: «Китай и Великие географические открытия». Это очень интересная тема! И мы тоже были увлечены его темой, и вместе искали свежие, интересные факты (в какое-то время этой темой заинтересовался также В.А. Вельгус, который позднее посвятил близкой к теме *Чжан И-дуна* проблематике свою кандидатскую диссертацию и ряд других публикаций). А с Чжаном мы даже жили вместе целый год в одной комнате, и он тоже помогал нам в китайском. Дружили мы, он помогал мне и в поисках литературы о китайских тайных обществах: до поры до времени ему кое-что присылали с оказией из Пекина. Однако дальнейшая его судьба в Китае, конечно, страшно тяжёлая, трагическая... После возвращения в Китай ему как «заражённому советской ревизионистской идеологией» было отказано работать в науке или преподавать в университете. Высококвалифицированный специалист-историк, он вынужден был заниматься далёкой от его специальности работой, всё время находился под надзором спецорганов. А с началом «культурной революции» вообще был арестован

и заключён в тюрьму, где его держали на основе решения парткома (!) более 5 лет, после чего ещё на несколько лет перевели в какой-то лагерь по перевоспитанию, очевидно полагая, что в тюрьме он ещё «недоперевоспитался», не «искупил вины» за то, что «учился на отлично у советских ревизионистов – врагов китайского народа». Наконец, после, так сказать, освобождения, ему было отказано в праве жить и работать в Пекине, где проживали его пожилые родители. Направили в какой-то захолустный уездный городок под Цицикаром (провинция Хэйлунцзян, Маньчжурия), где он преподавал в средней школе английский язык. Потом, когда режим в Китае несколько смягчился, Чжан сумел перевестись в какой-то маленький провинциальный педагогический институт в той же провинции Хэйлунцзян. Там женился и в конечном счёте, как только появилась возможность, уехал с семьей в США. Видимо, уже на всю жизнь утратил доверие к партии и народной власти в КНР. Он сейчас живет в городе Филадельфия, штат Пенсильвания. Моему китайскому другу уже перевалило за 80 лет, после всех перенесённых тягот здоровье неважное. Мы с ним переписываемся по электронной почте. Адрес я узнал от его брата, который приезжал в Петербург из Китая как турист и нашёл меня. Этим летом Чжан И-дун собирался даже приехать ко мне в гости, но, увы, здоровье подвело... Он написал книгу о своей жизни, которая уже якобы издана на китайском и английском языках в США (я, к сожалению, её ещё не видел, знаю о содержании только по письмам Чжана). Сейчас он сам переводит текст на русский язык, очень хочет издать книгу у нас, в России. Но, думаю, что ошибок будет много, потому что русский язык он как раз изрядно подзабыл. Ну, что ж, окажем посильную помощь, когда потребуется. А тема для нашего читателя небезынтересная: ведь трагизм китайской жизни Чжан И-дуна и уникален, и одновременно типичен для многих людей в условиях тоталитарного режима. Такая вот жизненная история!

ВГ: Теперь, наверно, уместно спросить, как прошло ваше первое свидание с Китаем? Ведь это же, наверно, долгожданное событие было?

БН: Разумеется! Видимо, я мог бы поехать в Китай раньше, потому что целый ряд людей с нашего факультета поехал туда уже в 1958 году. Но у меня были проблемы с работой. Я только что начал работать ассистентом, следовало какую-то наработку всё-таки сделать, какие-то первые курсы подготовить. Кстати, я начал читать, знаете что? Не Китай! У Ефимова была в учебной программе «лакуна» – Тибет. И я начал преподавательскую работу с того, что стал читать историю Тибета. Он сказал, что Китай будет потом, но нужно начать с Тибета. Конечно, это было очень тяжело! Слава Богу, у меня был другоднокурсник *Регби Пубаев*. Он-то и помогал мне этот первый курс составить. Позднее он, доктор исторических наук,

работал в Улан-Удэ, успешно переводил тибетскую историческую классику. Уже умер, к сожалению.

ВГ: Он помогал вам с информацией, с материалами?

БН: Ну да, что-то давал. Иначе я, наверно, как котёнок утонул бы здесь. Причём пришёл в группу, а там были в то время студенты практически моего возраста. Ну, очень сложно всё.

ВГ: Понятно. В общем, нужно было закрепиться в университете, поэтому вы не могли сразу поехать в Китай.

БН: Конечно, меня никто бы и не пустил уехать. Ты сначала заслужи! Поэто-му другие ребята уехали раньше. Скажем, тот же *Б.Н. Мельниченко* уехал раньше, и он на 4 года уехал. Так сказать, «встроенный» в китайскую систему вариант учёбы. Ну, а я поехал только в 1962 году, с группой наших же студентов. Это было уже тяжёлое время, и нас «крутиливертели» в министерстве и на Старой площади[169].

ВГ: Инструктировали?

БН: Не просто инструктировали, рентгеном высвечивали!

ВГ: То есть проверяли очень строго?

БН: Конечно, конечно! Потому что уже действительно тяжёлая там ситуация была. И когда я там оказался, я понял, что отбор нужен был, это несомненно.

ВГ: На какой срок вас послали?

БН: На 10 месяцев. Это была обычная стажировка, один учебный год. Но нас немножко позже послали. Мы поехали где-то в октябре. Я помню, что мы прибыли в Китай в первых числах ноября. И вот, когда мы приехали туда, как раз разгорелась «Гималайская война»[170]. Об этой войне у нас ведь ничего не писали практически.

ВГ: Война с Индией?

БН: Ну, да, «Гималайская война», мы так её называли. У нас там были таиландцы, которые имели хорошие радиоприёмники. Ловили передачи на английском – либо из Японии, либо с Тайваня. Слушали, что происходит там, в Гималаях.

Когда мы приехали в Пекинский университет, то выяснилось, что в Китае всего лишь 16 советских студентов. Из них, по-моему, 14 человек в Бэйда – Пекинском университете, и ещё двое находились в Жэньда – На-

---

169 *Старая площадь* – подразумевается ЦК КПСС, так как здание ЦК КПСС находилось на Старой площади в Москве.

170 *Гималайская война* – вооруженный пограничный конфликт между КНР и Индией в конце 1962 г.

родном университете[171]. И всё! Больше из советских вузов во всём Китае никого! (Позже я стал свидетелем того, как даже высокие китайские руководители при встрече с нами были искренне удивлены, что мы ещё вообще есть в Китае!)

В посольстве меня назначили старостой всей этой группы из 16 человек: как же – постарше большинства других, член партии и с немалым опытом общественной работы. Из группы наших советских *люсюэшэнов* назову ленинградцев: С.Е. Яхонтова (о нём уже говорилось), Иру Макарову (впоследствии преподаватель китайского языка специализированной школы № 652), жена Н.А. Спешнева – *Ирина Леонидовна Спешнева*), *Юру Шикина* (позднее ушёл из китаеведения). Из москвичей были *Сергей Торопцев* (ныне С.А. Торопцев – известный учёный, специалист по современной китайской культуре, в частности кино), Лариса Померанцева (в дальнейшем *Л.Е. Померанцева* – преподаватель ИСАА при МГУ, китаист-литературовед), *Наташа Занегина* (дочь известного китаеведа и международника *Б.Н. Занегина*; впоследствии уехала на жительство за рубеж), *Эдик Папаян* (впоследствии длительное время работал представителем Всесоюзного радио в КНР), Боря Надточенко (*Б.Я. Надточенко* – китаевед-лингвист и переводчик) и другие. Среди нас было и несколько ребят из Ташкента, из них выделялись узбек *Рустам Асланов* (в дальнейшем видный специалист по истории и современному состоянию КПК, замдиректора ИДВ РАН) и казашка *Клара Хафизова* (ныне К.Ш. Хафизова – видный специалист Казахстана по Китаю и международным отношениям в Центральной Азии). В Бэйда в то время было множество албанцев (с Албанией тогдашнее руководство КНР «обозначало» особую дружбу), которые там вообще бездельничали. Ничего не делали, лишь бы только нам что-то доказать, подколоть СССР. Затем было довольно много африканцев из Камеруна, Ганы и других стран Африки. Были ребята из МНР, северные корейцы, но очень мало, как я помню.

ВГ: Из Восточной Европы были студенты?

БН: Из Восточной Европы были болгары, поляки, румыны и пара немцев из ГДР.

ВГ: Кого вы помните из поляков, немцев? Кто-то запомнился?

БН: Да, был один поляк, которого звали Януш, фамилию, к сожалению, я запамятовал. Насколько мне известно, позднее, когда мы уже уехали из Китая, он покончил с собой. По слухам, причиной была несчастная любовь, но не исключён и политический подтекст. Он очень талантливый был китаист. Сергей Евгеньевич Яхонтов должен его помнить лучше, он с ним ближе был. Мы же с Сергеем Евгеньевичем бок о бок жили в Бэйда,

[171] *Бэйда* – сокращённое название Пекинского университета. *Жэньда* – сокращённое название Народного университета.

вместе в *чжайюань* номер шестнадцать. Эти старые общежития стояли недалеко от университетских ворот. Мы жили в этих общежитиях, и комнаты у нас были рядом, на одном этаже. А между комнатами было маленькое окошечко, как бы «глазок», и его закрывать-открывать можно было.

ВГ: Прямо в стене между комнатами?

БН: Да. Это как в лицее у Пушкина, где за ними подглядывал камердинер. А здесь отверстия между комнатами были. Мы очень удивлялись, но это нам нравилось, потому что я встану рано и кричу Яхонтову, что пора вставать. Я каждый раз вставал первым, а он любил поспать. Иногда купишь что-нибудь и передашь ему через это окошко, не выходя за дверь. Мы как бы в одной комнате жили, но фактически были в разных. Нас это устраивало.

ВГ: А с иностранными студентами вы общались?

БН: Общались, конечно.

ВГ: Каким это было общение – активным, пассивным, дружественным?

БН: Прежде всего, к нам очень хорошо относились югославы. Там были сербы. Это были люди, которые приехали раньше, намного раньше. Мне кажется, что они где-то уже были в Китае, приехали туда ещё до 1948 года, до размежевания Сталина с *И.Б. Тито*. Но, может, я ошибаюсь, хотя такую версию слышал. Во всяком случае, эти ребята – девушки и парни – очень тепло к нам относились, просто очень тепло! Я думаю (это моё предположение, а не факт), что этим молодым людям была когда-то поставлена дилемма такая: либо езжайте домой, либо оставайтесь здесь. Ну, а поскольку они были коммунистически ортодоксально подготовлены, они не признали сомнительные, с «правильной» точки зрения, нововведения Тито и остались в Китае как в коммунистическом государстве. С нами они очень дружили. Кроме югославов, как я уже сказал, были болгары и поляки. Эта группа также с нами регулярно общалась.

ВГ: Вы свободно общались, да, там?

БН: Мы свободно общались. Когда приходил кто-то извне, вот тут уже было сложнее. Тогда настораживалась охрана. К нам был прикреплен китаец (конечно, это был *гунаньцзюй* – госбезопасность), очень хорошо говоривший по-русски. Звали его *Кэ Гао*. Он был в постоянном контакте с нами, для маскировки нередко болтал всякую чепуху и почти беспричинно смеялся. Почему-то не раз упоминал в весьма благожелательном ключе *М.В. Крюкова*, который стажировался в Бэйда чуть раньше нас. Надо полагать, Михаил Васильевич произвёл на этого китайского гэбэшника особо сильное впечатление. Он давно, видимо, работал, опекал советских студентов. Кэ Гао, как говорили, был легендарной личностью. Но на меня он сла-

бое впечатление произвёл. Видимо, был уже «на излёте». А предыдущие поколения наших стажёров – Мельниченко и К°, все восклицали: «О, Кэ Гао!», имея в виду, видимо, хитрость и изворотливость этого человека. Он всё время опекал нас, так сказать, в дружеском порядке. Но и, конечно, изучал каждого. А поскольку я был старостой, то меня часто вызывали в советское посольство для всякого инструктажа. Ситуация очень была напряжённая во многих отношениях. Во-первых, и материальное положение китайцев было ещё очень тяжёлое. Ещё сказывался голод. Например, мы видели, как студенты Бэйда срывали листья с определённых деревьев в парке и укладывали в повозки. Мы думали, что они эти листья везут на свалку. Но нет, их везли на пищеблок, надо полагать, как-то шли эти листья в пищу...

Был у меня помощник-аспирант – *фудао*, *Цай Шао-цин*, который должен был помогать мне в библиотеке, оказывать другую организационную помощь. Однажды я пригласил его в гости к себе в комнату. Из СССР я привёз мёд, икру – русские угощенья. Я не знал тогда, что китайцы, в частности, с икрой не дружат. Но дело было даже не в этом. Я приготовил хороший чай, выставил все угощения на стол. Приходит Цай, мнётся, присел. Я говорю: «Ну, давай, угощайся!» Он по-русски немножко говорил, очень плохо, но понимал. Я даю ему чай для заварки в китайскую кружку, а он чай не берёт. Я говорю: «Почему ты не хочешь пить?» Он отвечает: «Это – лекарство». Я вообще ничего не понял. Он говорит: «Хочу только кипяток, а это – лекарство». А увидев мёд, он вообще испугался, руками машет, как будто нечистую силу отгоняет... Короче, пил только воду кипячёную, *кайшуй*, ничего не брал. Потом я понял, что это далеко не просто стеснительность. У него уже рефлекс на пищу был, выработанный длительным недоеданием. Семья у него жила в Нанкине, он уже был женат, хотя и моложе меня (мне тогда уже 33 года было, «возраст Христа», и сыну два годика...). Итак, он жил и работал здесь, в Пекине. И только 2 раза в год получал разрешение на встречу с женой: или он на неделю выезжал в Нанкин, или она приезжала в Пекин. Своего рода отпуск...

А вообще, в то время Пекин очень мрачную картину представлял. Особенно зимой. Мрачный, серый. Люди – какие-то угрюмые, неприветливые. Понятно, на голодный желудок не очень-то порадуешься! Одеты, как один, в потёртые х/б френчи и брюки, на ногах и в зимнее время – матерчатые тапочки. А зима в тот год выдалась весьма холодная, ветреная, пыльная. Все ходили в марлевых повязках. Когда выходишь в город, там нечего перекусить. Только весной появились первые коммерческие «забегаловки», где можно было поесть лапши, ещё чего-то, но это было позже.

А когда мы только приехали, вообще – «голый» город. Только позже стали продавать чай на улицах. Сидит человек на низенькой лавочке. У него кипятильник большой, и написано: «Капитал – 10 юаней» (обозна-

чение вложенного в это «предприятие» капитала 资本–十元 – *Б.Н.*). Вот. Это уже, значит, первый торговец времён *Лю Шао-ци*. У этого «капиталиста» несколько скамеечек, чашечки. Подходишь, он тебе заваривает чай. И мы даже этому радовались, потому что холодно зимой. Потом, ближе к весне, начали продавать в разнос большую редиску (*лобо*). Пекинцы тогда этот корнеплод вместо мороженого (*бинкуар*) ели. Идёт, жуёт, плюёт. Вот так было.

ВГ: Ну, а вас-то, как кормили, студентов-иностранцев?

БН: Нас кормили доброкачественно, но однообразно: свинина, свинина...

ВГ: Рис?

БН: Рис, свинина, рис...

ВГ: Овощи были?

БН: Мало. Нет, можно было жить вполне, даже выбор был, но...

ВГ: Но, всё-таки, было мясо, был рис.

БН: Да нам картошки хотелось просто до... а её не было. Иногда рыба бывала. В общем, питались мы нормально, даже белый хлеб у нас там был. Сладкие какие-то вещи были. И всё это можно было есть. Но Китай-то голодал, люди в массе недоедали. Я это видел своими глазами. Ведь тогда по *фань пяо* очень мало продуктов получали!

ВГ: *Фань пяо* – продуктовые талоны?

БН: Да-да. В районе Хайдянь, около Бэйда был продуктовый магазинчик. Вокруг люди жили разные. Обслуживающий персонал университета и другие. Однажды выходит из магазина женщина с маленькой девочкой. Одной рукой девочку ведёт, и тут же у неё маленькая сумочка. А в другой руке – травинка. Они вместо верёвочки использовали какое-то тонкое растение, как лиана. А на конце лианы висит маленький кусочек мяса. Как для кошки. Это самое мясо она получила по карточке.

ВГ: Получила по карточке маленький кусочек мяса?

БН: Да. Я это запомнил, просто в глазах у меня стоит. Так жалко стало людей, невероятно! Жутко!

ВГ: Какое впечатление осталось от момента вашего первого пересечения границы Китая? Вы ехали туда на поезде?

БН: Поездом ехали от Москвы до Забайкальска, через всю страну, с перестановкой колёс для более узкой колеи на границе с Китаем. Ты знаешь, для меня это вообще первая поездка за рубеж была.

ВГ: Первая заграница?

БН: Да!

ВГ: Поэтому, наверно, это было особое событие.

БН: Да, и поэтому голова была полна всякими вещами. Что запомнилось? Запомнилось, что долго переставляли оси. И всё время вдоль поезда ходили таможенники-пограничники – сначала наши, а потом китайские. И как только мы оказались на первой китайской станции Маньчжоули, мы побежали в магазин. Это тоже было одно из первых впечатлений. В магазине все товары были не наши, китайские. А у нас-то и юаней не было. Правда, какое-то количество товаров давали за рубли. Магазин был другой, продавцы – другие. Все они, хоть и ломано, но говорили по-русски.

ВГ: Вы купили хоть что-то в этом магазине для себя?

БН: Что-то я купил из китайской еды, в баночке какой-то. И Серёжа Яхонтов что-то себе купил тоже. Потом мы ели в вагоне-ресторане, уже с китайской «начинкой», когда ехали через Хэйлунцзян.

ВГ: Ехали и думали: «Я – за границей!» Так это было?

БН: Нет, ты понимаешь, Валь, не за границей! Даже мыслей не было о том, что за границей. Все прилипали к окнам и думали: «Я – в Китае!».

ВГ: Это было радостное ощущение? Ведь столько лет изучения этому предшествовало?

БН: Это было действительно радостное ощущение! Наконец-то! Наконец-то, да! Ведь шёл уже 15-й год с того времени, как я стал заниматься Китаем. Это порядочно, правда? И это первое соприкосновение – оно, конечно, очень впечатляющее! Помню, что меня поразило на маньчжурском участке дороги из окон вагона: тёмная, совершенно без снега, уже смерзающаяся в предзимок почва и реки со сверкающим на солнце чистым льдом, по которому местные жители волокли нагруженные чем-то санки, охапки хвороста (дрова?) и другие нужные, но тяжёлые вещи. Я ещё подумал: «Вот это “зимник”! (то есть зимняя дорога. – *Б.Н.*). А для конькобежцев-то какое раздолье! Катись на коньках десятки, а то и сотни километров!»

ВГ: За те 10 месяцев, которые вы там пробыли, изменилось ли это радостное ощущение?

БН: В Китае было много приятных, даже радостных «открытий», но и огорчений тоже оказалось немало. Хоть я всё-таки и подготовленный был идейно-политически, но, всё равно, никак не мог понять, почему они относятся к нам вот так, как к недругам! Что делить-то нам? Смотрите, ведь вам самим нечего есть! И мы тоже – не американские миллионеры! А злоба, ненависть не напитают! Я тебе скажу следующее: простые китайцы (мелкие торговцы, уборщики-подметалы, чернорабочие из деревень и др.) в отношении к *суляням*, к советским людям, по сути не изменились. Они, всё равно, как увидят нас, пытаются произнёсти запомнившиеся русские слова, улыбаются. С ними можно было нормально общаться. А если

человек прикреплён к какому-то официальному месту, к какому-то учреждению или предприятию-*даньвэю* – это всё, отношение к нам уже совсем другое, можно сказать враждебное.

В посольстве по приезде в Пекин нам сказали так – по одному не гулять, только двое-трое. Лучше даже ходить большой группой. Где нельзя, никоим образом не фотографировать. При любых случаях вести себя сдержанно и дисциплинированно, так сказать, на провокации не поддаваться. У нас был такой случай с ныне уже покойным Рустамом Аслановым, который впоследствии долго работал заместителем директора ИДВ. Так вот, однажды он на Тяньаньмэнь попытался снять памятник Борцам революции. А в это время на ступеньках стояли два солдата НОАК, *цзефанцзюнь*. Как только он навёл фотоаппарат, оба солдата, видимо увидев это, буквально покатились по ступенькам вниз. Однако он всё же нажал затвор. И тут, как из-под земли появившийся, сзади подошёл полицейский и сказал: «Снимать запрещается». Рустама повели в участок, проявили ему там плёнку. И когда увидели, что *цзефанцзюни* попали в кадр катящимися вниз по ступеням пьедестала памятника, это ещё хуже было. Рустама задержали в полицейском участке, стали выяснять в университете и посольстве его личность и т. д. В общем, целый скандал!

Были вот такие случаи. Иногда идёшь где-то по городу. Мимо проходят молодые люди – или студенты, или рабочие. Все одеты одинаково, по лицам не узнаешь, кто – интеллигент, кто – рабочий, и откуда он. И вот, начинает: «А, *сулянь сючжэнчжуичжэ* (советские ревизионисты)! Тьфу!» Ну да, взял и плюнул. Противно было! Это – в Пекине. Пекин, я так понял, был действительно такой вот чиновничий город, где каждый был привязан к какому-то ведомству, и поэтому старался выслужиться, «провести» линию партии, особенно в присутствии сослуживцев. Из жизни в Пекине в 1962–1963 годах стоит вспомнить ещё одно особенное событие – мою короткую встречу с *Чжоу Энь-лаем*.

Вообще-то, наверно, немало наших китаистов старшего поколения, особенно московских, в разное время и при разных обстоятельствах (на каких-нибудь мероприятиях, официальных приёмах и др.) имели мимолётные встречи с кем-либо из высших руководителей КНР. Но в моём случае следует прежде всего учесть особенности советско-китайских отношений в ту пору. То было время, когда эти отношения резко ухудшались, переходя в конфронтацию сначала по межпартийной линии (КПСС–КПК), а затем и по межгосударственным вопросам. Сократились все виды двусторонних контактов, стороны активно «фехтовали» друг с другом, обменивались грубо-критическими выпадами в прессе и других СМИ. Нарастала обоюдная пропагандистская враждебность и т. п. В этих условиях Посольство СССР в Пекине стало избегать многих прежних контактов с китайской стороной. Разумеется, это было рекомендовано из Москвы и объяснялось, по-моему,

во-первых, стремлением нашего руководства продемонстрировать общее негативное отношение к политике тогдашних лидеров КНР. А во-вторых, напротив, чтобы в условиях нарастания конфронтации избежать возможных излишних инцидентов с китайской стороной. Такова была ситуация.

И вот, в апреле 1963 года МИД КНР прислал в иностранные посольства в Пекине приглашения для официальных лиц и «представителей народа» данной страны в указанный день и час (как помнится, 18 апреля) посетить Дворец ВСНП на площади Тяньаньмэнь и принять участие в торжественном собрании, посвящённом 8-й годовщине международной конференции в Бандунге.

Как известно, страны-участницы Бандунгской конференции в первую очередь обязались соблюдать в своей внешней политике «Пять принципов мирного сосуществования». Однако уже несколько лет спустя, в 1962 году, две крупнейшие азиатские страны, Китай и Индия (кстати, творцы концепции «Пяти принципов»), грубо нарушили Бандунгские решения, развязав между собой непродолжительный, но ожесточённый вооружённый конфликт на своих границах. «Гималайская война» существенно подорвала престиж Движения неприсоединения, ослабила его международное влияние. Китайско-индийский вооружённый конфликт стал также одним из факторов, приведших к эскалации, дальнейшему ухудшению советско-китайских отношений.

Хотя дата, которую предстояло отмечать, не являлась «круглой», юбилейной, однако, по моим последующим наблюдениям об уровне участников собрания с китайской стороны, руководство КНР придавало этому мероприятию весьма серьёзное значение. Это и понятно. Весной 1963 года «горькое послевкусие» от вооруженного пограничного конфликта между Китаем и Индией конца предыдущего, 1962 года, было ещё достаточно сильным, и Пекину явно требовалось для «сохранения лица» ослабить международное впечатление о КНР как стране-нарушителе бандунгских «5 принципов мирного сосуществования».

Убеждён, что это была основная цель столь представительного и торжественного собрания во дворце ВСНП. Наше посольство однозначно решило отказаться от присутствия на китайском мероприятии каких-либо официальных советских представителей. Но полностью бойкотировать собрание, видимо, сочли неправильным. Как мне объяснили позднее, при принятии окончательного решения глубокоуважаемые дипломаты учли одну особенность тогдашнего китайского подхода к нашей стране. Дело в том, что уже в то время, учитывая начавшееся ухудшение официальных отношений с СССР и другими социалистическими странами, руководство КНР стало уделять особое внимание «народной дипломатии», с целью оказать благоприятное воздействие на зарубежную общественность. Демонстрируя всё более негативную позицию в отношении КПСС и государ-

ственной власти СССР и его союзников как «носителей ревизионизма», китайская пропаганда одновременно всячески подчёркивала неизменность самого дружественного отношения Китая к трудящимся мира, в первую очередь к народам стран социализма. Так, например, рядовые, отнюдь не правительственные делегации из СССР и других соцстран по прибытии в Пекин нередко принимались первыми лицами КНР.

Китайские руководители явно исходили из установки, что «люди из общественности» (работники науки, культуры, искусства, СМИ и др.) способны оказать сопоставимое с представителями политической элиты влияние на политику своих стран. Для меня же эта китайская «стратагема» обернулась следующим: в конечном счёте в посольстве решили послать представлять Советский Союз на международном мероприятии во Дворце ВСНП меня одного! Однако из других стран, социалистических и несоциалистических, не менее двух десятков «простых людей» тоже отправились из Бэйда на Тяньаньмэнь в специальном университетском автобусе. Конечно, были здесь прежде всего албанцы, несколько африканцев, северных корейцев, трое студентов из МНР, ещё кто-то. А я – один-одинёшенек! Вот и «прилепился» к монголам, как самым «родным»...

ВГ: Как проходило это собрание?

БН: Официальная часть собрания проходила в огромном зале заседаний ВСНП, и этот зал-амфитеатр был достаточно заполнен присутствующими. Среди них было немало людей старшего возраста, явно дипломатических работников из посольств разных стран. Конечно, наших дипломатов не было. От нашей великой страны я один. В президиуме (как удалось «идентифицировать» самому, плюс кое-кого подсказали окружающие) было довольно богато представлено государственное и партийное руководство, военные, известные люди КНР, зарубежные гости. Ну, перечислю хотя бы тех, кого удалось «опознать» и запомнить. Это прежде всего премьер Госсовета Чжоу Энь-лай, который произнёс краткое вступительное слово. Далее, это маршалы *Хэ Лун* (с усиками) и вполне узнаваемый *Чэнь И*, в то время – министр иностранных дел КНР, который вёл собрание, представлял выступавших. Партийную элиту представляли члены Политбюро ЦК КПК *Ян Шан-кунь* (в то время курировавший иностранные дела), *Пэн Чжэнь* (секретарь парткома и глава правительства Пекина) и *Лу Дин-и* (тогда – секретарь ЦК КПК и заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК). Из общественных деятелей я без особого труда опознал *Го Можо* – Президента АН КНР, известного учёного-историка, драматурга и поэта. Мои соседи по залу называли ещё нескольких известных им лиц, но я, к сожалению, или не расслышал, или не запомнил их имена. Однако уже по приведённому перечню членов президиума можно вполне обоснованно

судить о том политическом значении, которое придавалось мероприятию, посвящённому рядовой годовщине Бандунга.

Прозвучавшие выступления были посвящены в основном прославлению «великих успехов» Китая под руководством КПК и лично Председателя Мао в строительстве социализма и миролюбивой внешней политике. Бандунгская конференция упоминалась лишь как международный триумф Китая, за которым единодушно следуют все страны Азии и Африки. В каждой речи обязательно звучала критика политики «современных ревизионистов», под которыми разумелись, конечно, руководители КПСС и СССР. После окончания официальной части все присутствующие на собрании были приглашены на банкет в один из соседних залов. Я, как уже говорил, чтобы не остаться в полном одиночестве, «приткнулся» к друзьям-монголам, стоял с бокалом вина вместе с ними. Члены президиума (Чжоу Энь-лай, Чэнь И и другие), согласно протоколу, начали обходить банкетный зал, приветствуя гостей и чокаясь с ними бокалами с вином. Совершенно неожиданно Чжоу Энь-лай с сопровождающими его людьми оказался перед нами. Чокнувшись со всеми из нашей советско-монгольской группки, он вдруг обратился ко мне (вероятно, моя персона привлекла внимание Премьера европейским обликом среди азиатских парней, но это лишь предположение). Чжоу Энь-лай спросил, откуда я и чем занимаюсь в Китае. Несколько подрастерявшись, я всё же ответил, что приехал из Советского Союза, из Ленинградского университета, совершенствовать знания китайского языка и собирать материалы по своей научной теме. Мой ответ вызвал вполне заметную тень удивления на лице Премьера. Слегка повернувшись к сопровождающим, он вполголоса задал им вопрос: «Разве здесь ещё есть советские студенты и стажёры?» Что ему ответили, я не расслышал, но он продолжил расспрашивать меня: «А на каком факультете Бэйда вы занимаетесь?» Я назвал исторический факультет и имя своего научного консультанта. Последовал вопрос о том, когда я возвращаюсь на родину. После окончания учебного года, ответил я, в середине лета. Он кивнул и, пожелав успеха, наконец-то пожал мне руку, попрощался и отошёл к другой группе гостей. Вот и всё, всего 2–3 минуты общения. Однако тот факт, что Чжоу Энь-лай задержался около меня, задал несколько вопросов и персонально пожал руку, заметили многие из присутствующих. После окончания приёма, когда мы уже садились в университетский автобус, чтобы возвращаться в Бэйда, мои спутники (даже албанские студенты!) начали дружно кричать: «*Бу яо си шоу! Бу яо си шоу!*» («Не мой руку! Не мой руку!»), давая понять, что я должен сохранить память об этом событии, так сказать, в первозданном виде! Я думаю, это была не «чёрная», а «белая» зависть – ведь они не знали (кроме монголов), о чём был мой разговор с Премьером Госсовета КНР. А на их расспросы я отвечал, что Премьер познакомился со мной и пожелал мне успеха. И это было именно

так, если опустить некоторые нюансы... Такие вот сюрпризы мне преподнесла жизнь в Пекине в 1962–1963 годах.

ВГ: А, помимо Пекина, вы бывали в тот год где-то ещё?

БН: Да. Потом, когда мы приехали на юг, в Гуанчжоу, там совсем другая атмосфера была, совсем другая! Кажется, чем дальше от столицы, тем менее напряжённой была атмосфера. Более нормальная, я бы так сказал. Но были и некоторые исключения из этого «географического» правила. Примером, по-моему, может служить Шанхай, в недавнем прошлом славившийся своими прогрессивными традициями. Но в первой половине 1960-х годов этот крупнейший китайский город уже превращался в оплот приближавшейся «культурной революции» – здесь «гнездились» будущие её «запевалы» и «прорабы». Поэтому в Шанхае за нашей группой в поездке был весьма плотный пригляд со стороны спецорганов. А вот Гуанчжоу – более вольный город был. Там мы практически свободно гуляли и общались, не чувствуя за спиной постоянного пригляда. Однажды мы с С.Е. Яхонтовым даже спонтанно зашли на территорию какого-то военного училища... И ничего! Проштрафившиеся караульные, догнав нас, всего лишь попросили выйти с территории. И не задержали, не стали выяснять личности, хотя имели дело с иностранцами. В Пекине это было абсолютно невозможно.

ВГ: Где вы побывали, помимо Пекина, Шанхая и Гуанчжоу?

БН: Где побывал? Мы тогда ездили только по одобренному туристскому маршруту, который был «рекомендован» нам университетской *люсюэшэн баньгунши* – канцелярией по работе с иностранными студентами. Это такой маршрут: Пекин–Шанхай–Гуанчжоу–Ухань–Сиань–Пекин. И конечно, в поездке нас сопровождал неизменный Кэ Гао. Однако во всяких экскурсиях и походах наша группа чаще всего делилась по интересам, поэтому Кэ Гао было не разорваться, и ему помогали местные коллеги. И только в Гуанчжоу он как-то сник и отправился в Пекин с той частью наших ребят, которые возвращались туда раньше нас с Яхонтовым. Дольше всего мы с Яхонтовым пробыли в Гуанчжоу – две недели почти. Да, 13 дней.

ВГ: Чем же вы там занимались так долго?

БН: Просто я заболел там и лежал в больнице. А Серёжа меня караулил, когда я выйду. Мне нельзя было одному оставаться. Об этом и в посольстве предупреждали: никому одному не оставаться!

ВГ: Это была какая-то простуда?

БН: Нет, инфекция кишечника.

ВГ: Что-то съели?

БН: Скорее всего. Ведь питание там тогда было далеко не «рафинированное», а у меня с военных лет желудок неважно работал. Вот и случилось какое-то сильное отравление. Боли были сильные. Конечно, иностранцев в Китае в ту пору очень мало было (кажется, в той многоэтажной гостинице, где мы остановились, только мы и были единственными). А тут я приехал и заболел. Вызвали врача. Он пришёл, почему-то испугался, пригласил ещё нескольких коллег. Целый консилиум. Сначала думали, что это аппендицит, хотели даже на операцию везти (рентгена-то ведь не делали, всё наощупь, а у меня вся полость живота как в огне). Потом решили всё-таки подождать. И правильно. Кормили какой-то лечебной кашицей, принимал и другие лекарства. Ну, и отлежался за 5–6 дней, поправился... Вместе с тем приобрёл больничный опыт иностранца в Китае. Лечился я в больнице имени Сунь Ят-сена (в Гуанчжоу многие городские объекты носят его имя: ведь великий Сунь – гуандунец!). Лежал в маленькой палате на одного человека, на втором этаже. Пальмы росли прямо у моего окна, можно было дотрагиваться... Когда боли стихли, это был просто отдых. Врачи ко мне приходили регулярно, Серёжа посещал. Он там без меня ещё много по городу гулял, смог что-то новое увидеть и мне рассказывал.

Я уже говорил, что нам гораздо легче было в Гуанчжоу в отношении того, что практически отсутствовал догляд, принудительное сопровождение людьми от *гуаньцзюя*. Но в другом отношении, в отношении разговорного языка, нам порой было нелегко. Мы не понимали местный диалект – *гуандунхуа*. Был такой случай. Мы в каждом городе посещали *дунъуюань*, то есть – зоопарк. Сергей просто любил посмотреть экзотическое зверьё и потом написать об увиденном своей маленькой дочке (ныне Наталья Сергеевна Яхонтова – канд. филол. наук, преподаватель-монголист). А я по большей части прагматически готовился к курсу географии Китая. Мы в каждом городе посещали это заведение. И мы слышали, что в Гуанчжоу есть очень хороший зоопарк. Он расположен где-то в северной части города. Надо приехать вот туда-то, а потом пройти пешком. «Найдёте, спросите», – сказали нам в отеле. Ну, мы поехали, дошли куда-то – увидели большой парк, где в основном пальмы росли. Идём сквозь этот парк, неизвестно куда. Дорожка как будто и есть, и как будто её и нету. Там же всё вытоптано «понизу», травы никакой. Идём, встречаем мужчину. Серёжа (он лучше меня в разговорном и потому смелее) обращается к нему, конечно, на *путунхуа*. А тот: «Айя, дескать, ничего не понимаю!» Сергей пытается что-то писать, но тот уже испугался и убежал. Смотрим – идёт женщина. Эта женщина при первых словах тоже сразу побежала. Испуг какой-то на них нападал. Видимо, *лаоваи* – иностранцы забредали в этот район редко, это была уже окраина. Но в конечном счёте мы двух зайцев сразу убили. И зоопарк посетили, и побыли у стелы Саньюаньли.

В этом месте в середине XIX века была деревня с таким названием. Здесь летом 1841 года произошло первое «сражение», а точнее – противостояние китайского народного ополчения и войск английских колонизаторов. Близ этой деревни 10 000 крестьян из окрестных деревень, вооружённые самодельными копьями, мечами, дубинками и иным «грозным» оружием, окружили идущий к Гуанчжоу британский отряд, по некоторым данным, из семисот человек, в основном индийцев-сипаев. Хотя кровавого сражения не произошло и намного преобладавшие в численности ополченцы применили в основном метод устрашения врага, рекомендованный ещё древнекитайским стратегом *Сунь-цзы*: беспрерывно били в барабаны, дудели в гонги, потрясали своим оружием и раз за разом громко кричали: «*Ша! Ша! Ша!*», то есть «Убьём! Убьём! Убьём!», тем не менее, англичане, ввиду непрочности позиции на рисовом поле, вынуждены были отступить, оставив противнику в качестве трофеев несколько пушек и ящики с подмокшим во время дождя порохом. В целом их потери были минимальны.

Однако в Китае, начиная ещё с гоминьдановского периода, а затем и в КНР, невероятно, почти до всемирного масштаба, раздули значимость этой, с позволения сказать, победы, потому что других-то успехов в борьбе с Западом у Китая в то время, по сути, не было. В данном же случае верх одержал НАРОД, а не императорские войска династии Цин, что признаётся особенно ценным. Событие 1841 года у Саньюаньли вошло во все китайские учебники по истории, касающиеся 1-й «опиумной» войны 1840–1842 годов, как «первая историческая победа китайского народа над иностранными агрессорами». А на месте события был воздвигнут каменный обелиск с пространной надписью о происшедшем. Мы с С.Е. посмотрели его, почитали надпись и неуверенно двинулись дальше, ещё не зная, как найти зоопарк. Как раз в это время увидели идущих строем младших школьников, которых возглавляла, конечно же, учительница. Ну, думаем мы, теперь уж непременно узнаем дорогу в *дунъуюань*! Сразу ринулись к этой учительнице, а она тоже то ли растерялась, то ли чего-то ещё. Молчит. И вдруг из строя выходит один карапуз и говорит: «Дядя, надо пойти вон туда, повернуть направо, потом прямо – там и будет зоопарк. Мы идём туда же. Пошли вместе!» Ребята были маленькие, они изучали *путунхуа* и уже говорили на нём. А учительница – фигово. Видимо, биолог, если в зоопарк детей вела. Ну, мы им всем советские значки подарили, и вместе радостные двинулись в зоопарк...

ВГ: Экскурсия удалась!

БН: Да. И ещё были прямые и косвенные свидетельства того, что Гуанчжоу жил совсем по-другому, не как Пекин. Во-первых, на всех улицах торговали – что там только не продавали! У меня сложилось впечатление, что если походить там целенаправленно, то трактор можно было собрать

по частям. Так, подходим, один мужик стоит. Около него лежит на земле большой авиационный пропеллер, и он стоит, продаёт его. С нами в это время был Боря Надточенко. Может, знаешь такого?

ВГ: Да, мы знакомы.

БН: Борис спрашивает:

– А что продаёшь-то? – Ну, Боря – лингвист, он очень хорошо язык знает.

– А вот, продаю, – говорит китаец.

– А это откуда?

– Да тут, недалеко, во Вьетнаме воюют, вот привезли на лодке мне.

– А ты думаешь, это кому-то надо?

– А, может, кому-то и надо! – Стоит и продаёт: а может, кому-то и понадобится!

Такие вот были неизгладимые впечатления! Посетили мы ещё там маленький ресторанчик над аптекой, где поели *лунхудоу* – всё как положено!

ВГ: Это «битва тигра с драконом» – блюдо такое китайское из змей и кошек.

БН: Да. Змею сначала там выбирают. Дают особую рукавицу, и ты должен пощупать в специальном коробе, какая пожирнее и получше. Ну, мы сразу сказали: «Вы сами, давайте сами!» Хозяин нам и вынул какую-то: «Вот, вчера были потолще, а сейчас только такие остались. Хотите такую?» Мы говорим: «Хотим, хотим!»

ВГ: И поели змей с кошками!..

БН: Да. Вот, такие у нас были маленькие приключения. А вся поездка по Китаю была, можно сказать, по кругу.

ВГ: Чем вы занимались в Китае профессионально в тот первый приезд?

БН: Я усиленно собирал материал по теме о китайских тайных обществах, особенно по истории «Союза Неба и Земли» (*Тяньди хуэй*).

ВГ: Разве не о «Белом лотосе», как советовал *Н.В. Кюнер*?

БН: Нет. Ситуация серьёзно изменилась. Перед самым отъездом я узнал, что параллельно со мной в Москве над темой о «Белом лотосе» работает, и, может быть, опередила меня, *Екатерина Борисовна Поршнева*, китаевед, дочь известного советского историка *Б.Ф. Поршнева*. Она сейчас в Бостоне живёт, ушла от востоковедения, а почему – не знаю, хотя её научная карьера на родине была вполне успешной. Но это её личное дело, где жить и чем заниматься. Так вот, приезжаю я в Москву, встречаюсь с ней. Оказалось, что она уже завершила работу над диссертацией, посвящён-

ной «Белому лотосу» и его восстанию в 1795–1804 годах. До *тайпинов*[172] это было самое крупное при Цин восстание, охватившее пять провинций Китая и продолжавшееся почти 10 лет. Она уже и автореферат к печати подготовила. Ну, а что делать мне? Говорю ей: «Ну, Екатерина Борисовна, защищайте, естественно, эту тему. Тут ваше первенство. А я, поскольку еду в Китай и поскольку у меня ещё какой-то материал наработан по тайному обществу "Неба и земли" (*Тяньди хуэй*), буду "переселяться" сюда». Ну, она была благодарна, потому что в чём-то я, может быть, и отстал, а в чём-то и опережал. В общем, я даме уступил...

ВГ: По-джентльменски.

БН: Да, и уехал в Китай после этого. Она мне потом все книги подписывала: «Спасибо за тему, которая стала моей жизнью!»

ВГ: А какая тема стала тогда вашей жизнью?

БН: Я стал заниматься тогда *Тяньди хуэй*. Приехал в Бэйда и уже знал, к кому обратиться, чем очень удивил всех. Сказал, что есть такой профессор *Шао Сюнь-чжэн*. Я хочу, чтобы он был у меня научным консультантом. У китайцев – глаза на лоб! Шао Сюнь-чжэн был профессором истфака Пекинского университета. В своё время он учился и работал в Лондоне, уже поэтому едва ли пользовался доверием партийных органов. Но именно у него были интересные работы о тайных обществах, об их роли в народных движениях Цинского времени. С его работами я уже был немножко знаком. А когда приехал в Китай и показал, что знаю, что мне надо и кого мне надо – китайцы очень удивились.

ВГ: И пошли вам навстречу?

БН: Пошли навстречу, хотя это был период-то не самый лучший.

ВГ: Познакомили они вас с этим профессором?

БН: Да, познакомили с этим профессором, он дал мне в помощь своего аспиранта, и мы стали работать.

ВГ: Собирать материалы?

БН: Собирать. Я целый год потом собирал материалы, много собрал, и очень хорошие. Повезло! В это время там как раз несколько интересных книжек вышли. Я тоже добавил их. В библиотеке на истфаке Пекинского университета была хорошая периодика. Я её тоже использовал. В городскую Пекинскую библиотеку мы тоже походили, ещё старую, в центре города. Вот, так я работал.

ВГ: В итоге вы набрали материал на диссертацию?

---

[172] *Тайпинское восстание* (1850–1864). Великая крестьянская война в Китае, направленная против социального гнёта и правящей маньчжурской династии Цин. Идеология тайпинов представляла синтез китаизированного христианства и традиционных древнекитайских социально-утопических идей о справедливом обществе «Великого Благоденствия» (Тай-пин).

БН: Ну, да.

ВГ: Тогда давайте поговорим о ваших научных исследованиях!

БН: Давай, это будет короче. О жизни – подробнее, об исследованиях – покороче.

ВГ: Как вы в конце концов подошли к написанию диссертации?

БН: Ну, это было совершенно естественно. Только, к сожалению, я тяжело пишу. Не то чтобы я – как *Лев Толстой*. Но у меня всегда около десятка редакций, я не могу остановиться ни на одном варианте, и тогда, когда уже времени просто не хватает, приходится аврально останавливаться на каком-то одном. У меня тяжёлый продукт письменного слова. Если устное изложение более-менее ещё легко, то письменное – очень тяжело идёт. Я не удовлетворён каждой своей формулировкой. Поэтому многое меня затрудняло. Я вернулся, скажем, из Китая в 1963 году. Казалось бы, всё у меня собрано. И я начал публиковаться, статьи появились. Но защитился я только в 1976 году. Понимаешь, ещё десяток с лишним лет «профукал». Но, конечно, не «профукал» в полной мере, потому что меня всё время отрывала общественная деятельность. Раз пять я был в составе партийного комитета университета, сколько-то времени работал на факультете – в деканате, партбюро, на полставки переходил. И, в общей сложности, около 12 лет у меня ушло на это дело. Это были годы, когда я мог только прибежать, прочесть лекцию, провести занятия и убежать опять на работу. Поэтому, конечно, научная деятельность как-то вышла у меня по жизни «боком», буквально. Можно было, конечно, сделать больше. В то время как другие люди собирали «кирпичики», я занимался чёрт-те чем и выкинул на это «золотое время» своей жизни...

ВГ: Вы имеете в виду общественную деятельность?

БН: Конечно!

ВГ: Вы жалеете об этом сейчас?

БН: В определённой степени – да. Можно было гораздо меньше этим заниматься. Потому что были и другие люди, тоже члены партии. Но они как-то умели избегать вот этого расходования времени не по существу, на какое-то «отопление божьего белого света», как говорят. А у меня это получилось очень неудачно. К тому же ещё мой дорогой шеф, Геронтий Валентинович Ефимов, очень часто меня просто подставлял на эти всякие должности. Почему – я не знаю. Выдвигал, так сказать. И меня избирали – то туда, то сюда. А это всё – отвлечение времени. Причём это было даже чревато и для семейных отношений, потому что жена говорила: «Ну сколько ты можешь без защиты?» Вот такая картинка у меня сложилась. Поэтому сейчас я, конечно, уже жалею. Это всё, что было в прошлом, сейчас это перечёркнуто, это никому не нужно уже. Тогда это был капи-

тал – социальный капитал, политический капитал, карьерный даже капитал. А сейчас это – нуль. Вот и приходится жалеть! Тот же самый Борис Григорьевич Доронин, поработав всего 3 года замдекана, всюду говорит и пишет о своём большом вкладе в историю факультета, а я 12 лет выкинул, как ни говори. Он как раз умеет «складывать кирпичики». А я не умею, разбрасываюсь. Ну, а тема кандидатской диссертации, конечно, после Китая была для меня ясна, и статьи я уже публиковал в этом ключе. Но защитился поздно, когда Ефимов уже поставил ультиматум: сколько уже тянуть-то можно? И тогда диссертация была дописана в 3 месяца – тут уж в «толстовство» играть нечего было. И вот, мы на одном совете защищали с Дорониным кандидатские. Это было в марте 1976 года. Потом он опять собирал хорошие «кирпичики», складывал стенку, и в 1993 году защитил докторскую диссертацию, по совокупности опубликованных работ. Ну, а я так и остался в обществе «УД» – «умрём доцентами» это называется.

ВГ: Спасибо, будем знать, что есть и такой «термин». В 1960-х годах под руководством *С.Л. Тихвинского* был реализован коллективный проект «Маньчжурское владычество в Китае». В результате был опубликован одноимённый сборник[173]. Каким образом привлекли к участию вас?

БН: Во-первых, примерно в те годы приезжал к нам Жан Шэно (Jean Chesneaux) – французский китаевед, вьетнамовед – востоковед, профессор Сорбонны. Он якобы был коммунистом, но потом «полевел» или «поправел» и вышел из компартии. В общем, он – фигура интересная. Он приходил к нам на кафедру с переводчиком. Мы разговаривали о том, кто чем занимается. Про меня сказали, что я занимаюсь тайными обществами. Он так ладонью по столу стукнул и сказал: «Так это же очень интересная тема! Я сейчас тоже этим занимаюсь! Если вы что-то можете подготовить, то немедленно посылайте мне материалы!» А как раз в это же время Сергей Леонидович затеял сборник «Маньчжурское владычество в Китае», и меня просто туда пригласили как автора, от имени Сергея Леонидовича, поскольку он был моим первым оппонентом на защите диссертации. Вторым оппонентом у меня была *Аида Ипатова*. А у Бориса Григорьевича были оппонентами тоже Сергей Леонидович и покойный *Рудольф Всеволодович Вяткин*.

ВГ: Когда вас пригласили участвовать в этом сборнике, у вас уже была подобрана тема?

БН: Она была уже в общем-то готова. Почему? Потому что в деятельности всех тайных обществ в период династии Цин (1644–1912) содержалась пропаганда. Антиманьчжурская пропаганда в деятельности тайных обществ – это распространение всевозможных стихов, песен, даже прокламаций антиманьчжурских, и так далее. Всё это уже было у меня

[173] Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. 387 с.

собрано, и можно было оформить статьёй. Статья под названием «Антиманьчжурская пропаганда тайного общества “Неба и Земли” (Триады) в Китае, 1800–1860 гг.» пошла и в наше местное, университетское, издание, и одновременно – к *Шэно*, в его сборник «Народные движения и тайные общества в Китае в XIX и XX вв.», который был опубликован в Париже в 1970 году. Вскоре в США стали готовить англоязычный вариант французского сборника (это говорит о том, что тема китайских тайных обществ была в то время действительно актуальной!). Кое-какие статьи из сборника Шэно исключили, но моя статья вошла и в американский сборник, отчасти благодаря помощи *Марка Мэнколла* (Mark Mancall), китаеведа из Стэнфорда, моего хорошего знакомого (в конце 1950-х годов он был стажёром на нашей кафедре). Американский сборник вышел в Стэнфорде в 1972 году. Таким образом, статья была опубликована в трёх местах: у нас, в Париже и в США. Это нечастый случай. А в сборник С.Л. Тихвинского «Маньчжурское владычество в Китае» я дал уже другую работу – о восстании тайного общества “Неба и Земли” (*Тяньди хуэй*) на Тайване в 1787–1788 годах.

ВГ: Почему вы выбрали тайваньский регион? Случайно это получилось или нет?

БН: Нет, это было отнюдь не случайно.

ВГ: Если нет, то почему?

БН: Остров Тайвань являлся одной из «колыбелей» тайного общества «Неба и Земли». Одна из версий происхождения общества состоит в том, что его создал военачальник-флотоводец *Чжэн Чэн-гун* (Косинга 1624–1661), решительный противник династии Цин, которую создали и перенесли в Китай маньчжуры.

ВГ: Минский генерал, который, спасаясь от маньчжур, захватил в 1661 году Тайвань, изгнав с острова голландцев.

БН: Ну он, собственно, не был генералом. Он – сын минского военачальника, любимец южноминского *Тан-вана*. Собственно, он был самозванным генералом. Никто ему не присваивал такой должности. Хотя он и сдавал государственные экзамены, но, по-моему, не по военной даже части. В общем, по одной из версий, он – основатель общества *Тяньди хуэй*. Вытесняемый цинскими войсками из материковых районов Юго-Восточного Китая, Чжэн Чэн-гун направил свой флот на Тайвань, изгнав с острова голландских захватчиков. За это он почитается в Китае как освободитель Тайваня от иностранных (в данном случае – голландских) колонизаторов. В Сямэне, на прибрежной скале островка Гуланьюй, сооружён большой памятник Чжэн Чэн-гуну: средневековый воин в шлеме и доспехах смотрит в сторону моря (Тайваня), в поднятой его правой руке – меч, направленный в ту же сторону... Согласно некоторым преданиям общества *Тяньди хуэй*,

перед тем как покинуть материк, Чжэн Чэн-гун тайно оставил там верных людей, приказав им затаиться и ждать сигнала к выступлению. Однако вскоре после отвоевания Тайваня Чжэн Чэн-гун внезапно умер в возрасте 39 лет. Его люди на материке остались без руководства и решили действовать самостоятельно. Они собрались и, приняв кровную клятву побратимства, образовали тайное общество *Тяньди хуэй*, целью которого поставили свержение династии Цин и восстановление в Китае власти предшествующей династии Мин. Эта цель выражалась лозунгом *Фань Цин, фу Мин*, т. е. «Свергнем Цин, восстановим Мин!», который в дальнейшем использовался во многих народных восстаниях. Такова одна из версий происхождения общества «Неба и Земли». Не учитывать её было нельзя и, следовательно, надо было поискать истоки этой версии там, где действовал Чжэн Чэн-гун. Поэтому, когда я второй раз поехал в Китай в 1985–1986 годах, я из Шанхая, где на сей раз стажировался в университете Фудань, взял себе командировку в город Сямынь. Специально провёл в Сямыне около трёх недель, искал всякие материалы по этой теме, в частности на истфаке Сямыньского университета. Здесь очень серьёзное внимание уделяли местной, региональной истории, и, конечно, Тайваню. Так, через деятельность Чжэн Чэн-гуна и *Тяньди хуэй* я вышел и на историю Тайваня, которая меня заинтересовала, особенно ранняя. Собрав некоторую литературу, я даже попытался составить небольшой спецкурсик по истории Тайваня доцинского периода.

ВГ: Это была ваша личная инициатива или как-то власти в СССР это поощряли?

БН: Скорее, я работал сам. Но Г.Е. Ефимов, в частности, был не против того, чтобы мы занимались Тайванем, интересовались этим островом. Он был отнюдь не против.

ВГ: *Наталья Ивановна Фомина* тоже успешно занималась близкой темой.

БН: Наталья Ивановна Фомина – да. Она, покойная, занималась этим именно в свете антицинской борьбы на Юго-Востоке Китая в ранний период Цин. Она Южных Минов не особенно затрагивала. У неё рассматривалось купечество приморское. И следовательно, Чжэн Чэн-гун, его отец – *Чжэн Чжи-лун*, знаменитый фуцзяньский феодал и пират-торговец, позднее ставший минским военачальником, всё его окружение и другие сюжеты, связанные с обстановкой на Юго-Востоке Китая в середине XVII века.

ВГ: Как и когда прошла ваша вторая поездка в Китай?

БН: Нормально она прошла. Это уже было другое время, и Китай был совсем другой. Начались реформы. И хотя их результаты к середине 1980-х были ещё невелики, но в обществе уже чувствовалась некая новая,

нарастающая энергетика. Люди хотели что-то делать, активнее искали приложение своему труду и способностям. Особенно это было видно в таком мегаполисе, как Шанхай: кипящая торговля, бурлящее строительство и др. Китайцы начали «дышать», чего они не могли себе позволить раньше. Их жизнь стала живее, надёжнее и, я бы даже сказал, свободнее. Во дворах жилых домов (а также в вагонах поездов) мужчины играли в карты, рассказывали анекдоты, по праздникам в парках и на некоторых площадях выступали цирковые труппы и атлеты, демонстрирующие свои достижения в искусстве *цигун* и собирающие толпы зрителей. Приходилось видеть и слышать *шошуды* – уличных сказителей произведений фольклора и художественной литературы... В общем, жизнь становилась интереснее и ярче. Постепенно уходило в прошлое ранее привычное какое-то оцепенение людей, они стали живее, активнее. Впрочем, мрачное прошлое порой ещё хватало за горло. Так, вскоре по приезде в Шанхай я заметил, что в городе довольно много инвалидов в колясках, которых возят их близкие. Однажды я спросил об этом своём впечатлении у моего хорошего знакомого, профессора истфака университета (тоже в своё время учился в СССР). Он ответил: «Да, это так. И на 90 % это последствия жестокостей времён “культурной революции”. К тому же многие больны психически. А больниц для них очень мало, поэтому большинство находятся в семьях...» Вот так прошлое чудовищно вылезло в настоящее. А я ведь и не связал своё наблюдение со страшным катаклизмом – «культурной революцией», которую (без меня) пережили китайцы!.. О годе, проведённом в Шанхае, можно рассказывать без конца. Но я надеюсь, что многое осветил в своих мемуарах *Юрий Владимирович Чудодеев*, с которым мы, как в своё время с С.Е. Яхонтовым, прожили год в Фуданьском университете буквально бок о бок. Насколько мне известно, воспоминания Ю.В. уже вышли в свет[174].

ВГ: Чем вы там занимались, помимо работы в Сямыньском университете?

БН: Занимался я в основном прежними темами. То есть, темами о тайных обществах. Но более широко, конечно. Рассматривал уже не только деятельность «Неба и Земли», но и других подобных объединений. Как раз в это время в Пекине прошла дискуссия о происхождении *Тяньди хуэй*. Это была популярная тема в Китае начала 1980-х годов. По итогам этой дискуссии вышло 7 томов архивных материалов. Так что, моя тема уже звучала в Китае, и я её просто расширял. Помимо *Тяньди хуэй*, я хотел подключить другие тайные общества и сделать некое обобщающее исследование. По возвращении домой я его начал, но, увы, опять-таки не закончил.

ВГ: А в Китае вы публиковались?

---

[174] *Чудодеев Ю.В.* Советский стажёр в Китае: Дневниковые записи о стажировке в университете Фудань (Шанхай) в 1985–1986 гг. М., 2014. 346 с.

БН: Да, одну статью я там опубликовал.

ВГ: Когда это было?

БН: В 1986 году она вышла. Сейчас мы её название посмотрим.

ВГ: «К истории терминов и типологии тайных обществ Китая». Это она?

БН: Нет. Где-то тут, в библиографии, прямо сказано, что статья на китайском языке. Вот она: «Об организационном характере конспиративного объединения *Тяньди хуэй*». Это *Фудань сюэ бао*, «Академический журнал Фуданьского университета». Шанхай, 1986 год.

ВГ: С кем из известных отечественных китаеведов вам доводилось тесно общаться в советское время и после 1991 года? Допустим, с *Р.Ф. Итсом* вы были знакомы?

БН: Конечно. Не только был знаком, дружил. Он окончил наш факультет на два года раньше меня, в 1950 году, вместе с *Е.А. Серебряковым*. С ними учился и Володя Кудрин, который потом работал референтом в Библиотеке Академии наук, а также недавно скончавшаяся *Т.А. Малиновская*, которая после окончания десятки лет работала на кафедре китайской филологии востфака (специалист по истории китайской драмы). Рудольф Итс позднее стал известным этнографом, расширил своё поле исследований на Южный Китай, народы Южного Китая и Индокитая. Практически все свои труды он мне дарил. Мы довольно часто встречались и неформально. Помню, в Ленинград приезжал из Москвы *Д.Н. Воскресенский* с сыном Лёшей, тогда ещё школьником (ныне *А.Д. Воскресенский* – маститый учёный-китаевед, политолог-международник). Мы с Рудольфом (он тогда был директором ЛО ИЭ АН СССР и Кунсткамеры) водили гостей по музею, поднимались даже в башенную часть здания, чтобы показать им знаменитый огромный Готторпский глобус... С москвичами если я и знаком, то лишь с немногими (всё-таки какое-то время я ездил на конференции в Москву, да и они сюда приезжали). Либо это просто человеческое знакомство (например, *Э.П. Стужина*, Е.Б. Поршнева, *Ф.Б. Белелюбский*, Ю.В. Чудодеев и некоторые другие). А научного сотрудничества у нас было маловато. Пока был жив *Василий Павлович Илюшечкин*, он всегда писал питерским китаистам и приглашал к участию, когда издавал какие-то сборники. Поскольку он у нас тоже здесь работал, преподавал и знал меня ещё студентом, он всегда приглашал нас с Володей Кудриным поучаствовать в этих сборниках. Василий Павлович знал, что я занимаюсь тайными обществами. Особенно когда он исследовал историю тайпинского восстания и потом готовил сборник «Тайные общества в старом Китае», он пригласил, конечно, и меня к участию. Как уже говорилось, и Сергей Леонидович Тихвинский любезно пригласил поучаствовать в сборнике о маньчжурском владычестве. Но, вообще-то, мало общих проектов было.

Москвичи справлялись сами, мы же (и наши издания, публикации) становились сугубо провинциальными. О них мало кто знал не только за рубежом, но и в нашем отечестве. Но, возможно, мы сами в этом в немалой степени виноваты...

ВГ: Было бы интересно узнать ваше мнение о петербургско-ленинградской школе китаеведения, поскольку вы много десятилетий живёте и работаете в этой среде.

БН: Да, больше полувека. Поскольку Ленинград-Петербург – город маленький, по сравнению с Москвой, мне в разной степени знакомы были практически все местные коллеги старших поколений и, разумеется, мои сверстники. Что же касается представителей младших поколений, то это на 99 % наши выпускники, т. е. ученики. Так что говорить о том, что я кого-то не знаю, можно лишь имея в виду «варягов». Другое дело, что более близкие, дружественные, прочные и продолжительные отношения устанавливались, как и у других, далеко не со всеми. Как говорится, «каждый выбирает по себе». И дело здесь не только и даже не столько в возрастных различиях. Например, я уже немало лет дружу с несколькими коллегами, которые почти наполовину младше меня. Дружим семьями, ходим друг к другу в гости и т. д. У меня вообще много добрых знакомых и приятелей среди молодых коллег факультета. Они мне нравятся. Ну, видимо, и я им чем-то подхожу. Напротив, в последние годы, увы, явно утрачен общий язык с некоторыми сверстниками, которые ещё продолжают трудиться на факультете. Конечно, мои знакомства и дружеские отношения с самого начала не ограничивались стенами востфака. Годы работы в комсомоле, парткоме, ректорате значительно расширили круг моих знакомых и друзей: философов, историков, биологов и геологов, географов и даже физиков, химиков и других.

Разумеется, никак нельзя сказать, что в жизни я общался с людьми только «золотого чекана», от прикосновения к которым «на пальцах остаётся позолота» (запомнившееся мне образное выражение *Гюстава Флобера*). Окружавшие меня по жизни люди были (и остаются!) разными – и лучше, и хуже. Но все вместе они позволили мне накопить поистине колоссальный по разнообразию опыт человеческого общения. Этот опыт я, по мере сил и способностей, использую до сих пор и, как полагают некоторые, небезуспешно. А ведь общение с себе подобными – это главное и единственное, без чего человек не может полноценно существовать...

Из университетских людей, которые, пройдя по моей жизни на каком-то её участке, оставили благотворный памятный след, хочется назвать в первую очередь двух: это *Сергей Борисович Лавров* и *Лев Николаевич Гумилёв*. С С.Б. Лавровым я был достаточно близко знаком ещё с аспирантских лет и комсомольской деятельности. Наши добрые отношения продолжались,

с разной степенью интенсивности, вплоть до его кончины. В течение нескольких лет мы были связаны буквально «неразрывно»: он был секретарём парткома университета, а я – его заместителем. Сергей Борисович был человеком широко известным в университете и столь же авторитетным. Высококлассный и разносторонний специалист по экономической и социальной географии, геоэкологии и геополитике, он, конечно, серьёзно интересовался и Востоком, азиатскими проблемами. В этом отношении беседы и обмен мнениями с ним были для меня в высшей степени полезны. Истинный универсант (студент – выпускник университета), интеллигент высшей пробы (он из семьи универсантов-филологов, я даже был знаком с его матерью, профессором-русистом Марией Александровной Соколовой. Отец С.Б. умер во время блокады), он всегда восхищал меня тремя не часто встречающимися качествами: обширностью знаний, «быстродействием» ума и удивительной лёгкостью общения с людьми. Хотя он был всего на год старше меня, я относился к нему как к наставнику, учителю жизни, в высоком смысле этих слов. Стопроцентный интеллектуал, Сергей Борисович был вместе с тем убеждённым патриотом-государственником и никогда не чурался тяжёлой, черновой работы во благо университета, шире – страны. Именно этим можно объяснить его активную общественную деятельность на протяжении многих лет. Его профессиональная и общественная карьера сложилась вполне успешно: доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки, завкафедрой, неизменный член многих диссертационных и иных экспертных советов – это его позиции профессионально-служебные. На поприще общественном главной сферой приложения его знаний и талантов была работа в Русском географическом обществе (РГО) – организации в высшей степени почтенной и значимой в истории отечественной науки географии, да и не только географии. Всю свою сознательную жизнь С.Б. Лавров был теснейшим образом связан с РГО, организуя работу правления и секций общества. Среди этих секций издавна существует Восточная секция, в работе которой участвуют наши востоковеды, не исключая и меня. С 1980-х годов С.Б. Лавров становится вице-президентом, а в 1995–2000 годах он – президент Русского географического общества. Таков его путь на поприще общественном. Нет необходимости далее разъяснять, какой масштабности человека я встретил на своём жизненном пути, какой драгоценный камень сиял мне своими гранями!

Именно с С.Б. Лавровым непосредственно связано начало моего знакомства с другим уникальным человеком – Львом Николаевичем Гумилёвым. С Гумилёвым С.Б. не только дружил – они были единомышленниками. Мне известно, как много Лавров делал в поддержку Льва Николаевича: хлопотал о его трудоустройстве, отводил от него несправедливые нападки, активно содействовал публикации его научных трудов. Причём надо учесть, что это делалось долгое время в очень непростой обстановке, когда

в партийных органах и околопартийных научных кругах формировали негативную оценку научной и педагогической деятельности Льва Николаевича. Свою «прогумилёвскую» работу Лавров вёл в течение 30 лет дружбы с Гумилёвым, вплоть до кончины учёного и даже после – для увековечения вклада Льва Николаевича в науку. Естественно, сам Гумилёв неизменно относился к С.Б. Лаврову как к ближайшему другу-единомышленнику, с абсолютным доверием и теплотой. Таковы были отношения этих двух поистине незаурядных людей.

ВГ: Как вы познакомились с Гумилёвым?

БН: Осенью 1963 года я, вернувшись из Китая, почти каждую неделю читал лекции о положении в этой стране, по линии общества «Знание», парткома, райкома и т. д., в разных аудиториях (на других факультетах университета и вне университета, на предприятиях и в учреждениях города, области и т. д.). Тема была тогда одной из самых популярных: все хотели знать, что происходит в Китае, и почему эта страна из друга превращается в нашего недруга. Поэтому неудивительно, что меня, только что побывавшего в КНР, к тому же китаиста, эксплуатировали в этом отношении, как говорится, «и в хвост, и в гриву»... Это была отнимающая немало времени и сил дополнительная к университетским обязанностям работа. А платили за публичные лекции «на фабриках и заводах» оскорбительно мало (особенно лектору «без регалий» кандидата или доктора наук, профессора и т. п.), вообще предпочитая, чтобы эти лекции читались бесплатно, «на общественных началах». Родные и близкие эти мои лекционные походы и поездки так и воспринимали – как ещё одно общественное (партийное) бремя... Ну, так вот. Как-то, когда я кончил рассказывать о Китае и отвечать на вопросы слушателей в РГО (переулок Гривцова, 10), Лавров подвёл ко мне невысокого, коренастого, скуластого, внешне малоприметного человека лет под 60 (Л.Н. после ГУЛАГов выглядел, конечно, постарше своего возраста) и сказал: «Вот, Лев Николаевич хотел бы с тобой поговорить отдельно, если ты не против». Получив согласие, Л.Н. протянул руку и представился: «Гумилёв. Занимаюсь историей тюрков, монголов и других степняков, а тут без Китая никак нельзя». Я назвался также. Новый знакомый говорил с лёгкой картавинкой, которая совсем не портила его речь, а придавала ей даже некий шарм. Лавров оставил нас вдвоём. Насколько я помню ту беседу, Льва Николаевича интересовали некоторые вопросы, касающиеся древней и средневековой истории Китая (как, впрочем, и в дальнейшем). Помнится, в частности, что он интересовался, как я в преподавании объясняю студентам суть отношений императорского Китая с соседями-кочевниками, как оцениваю монгольский период в истории Китая и др. Мои ответы, кажется, не очень его удовлетворили. Это и понятно: я был ещё «зелёным» преподавателем, не сведущим во многих нюансах профессии... Я и сам чувствовал лакуны в своих познаниях. Однако Лев Николаевич меня поблагодарил и заверил, что мы

наверняка будем ещё встречаться, поскольку он надеется прочитать у нас на востфаке (для студентов-монголистов и китаистов) курс по кочевниковедению. Мы расстались. Надо честно признаться, что тогда, при первой встрече, я абсолютно не связал Л.Н. Гумилёва с *А.А. Ахматовой*, тем более, с Н.С. Гумилёвым, о котором едва ли слышал (большинству людей моего поколения имя поэта Гумилёва, как и многих других представителей отечественной литературы и искусства начала XX века, были неизвестны вплоть до нашей «эпохи Возрождения» – перестройки). Об Анне Ахматовой мы знали главным образом в связи с речью *А.А. Жданова* и постановлением ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» с зубодробительной критикой неугодных партийному руководству писателей. Как известно, «запретный плод сладок»: именно после ждановской критики некоторые стихи Ахматовой в машинописной форме гуляли в нашей студенческой среде. Но связать имя А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилёвым я, конечно, не мог. Только где-то через пару месяцев С.Б. Лавров при встрече со мной вдруг спросил: «А ты знаешь, кто такой Лев Николаевич Гумилёв?» Разумеется, я ответил, что он востоковед-кочевниковед. «Это верно. Но не только», – возразил С.Б. и рассказал мне о родословной и личной судьбе Л.Н.

По-моему, со следующего семестра Лев Николаевич действительно пришёл к нам на факультет читать курс по истории кочевников как преподаватель-почасовик. С этого времени возобновилось моё с ним общение, которое было достаточно регулярным и продолжалось два с лишним года... Мы встречались почти еженедельно, в перерывах между занятиями или после них, в помещении кафедры монгольской филологии, где он обычно читал свои лекции, или на нашей кафедре истории стран Дальнего Востока. Немало бесед проходило во время «совместного курения» (как и Лев Николаевич, я в то время был заядлым курильщиком). Бывало, что при этих встречах присутствовал или участвовал в нашей беседе кто-то ещё (например, уже упоминавшийся М.Ф. Хван или ученица академика *С.А. Козина* монголистка *Г.С. Горохова* и, возможно, некоторые другие коллеги), но это, как правило, не меняло содержания разговора.

Темы бесед были разные – чисто научные и не очень. Начинался разговор как бы спонтанно. Но вскоре я понял, что Л.Н. чаще всего имел в виду некую важную для себя проблему. Например, он неоднократно обращался к сюжетам о центральноазиатских соседях Китая. Позднее, когда я прочитал его книгу «Поиски вымышленного царства» (1970), стало ясно, что в беседах со мной (или с нами) Лев Николаевич «продумывал и проговаривал» некоторые идеи этого первого, очеркового, труда по истории Евразии. Главные научные открытия Гумилёва были ещё впереди, но «дорожная карта», ведущая к этой цели, шаг за шагом становилась короче. Как-то в разговоре я спросил Л.Н., сколько страниц текста ему удаётся написать за день труда. 20 и больше, ответил он. Я изумился: это же

целая статья! Как можно успеть написать за день!? Он ухмыльнулся: а я не пишу, я говорю! И рассказал, что уже несколько лет, как только созреет идея статьи или книги, он приглашает стенографистку и наговаривает ей текст. И всё. Зная, что Гумилёв не очень-то любит редактировать (об этом мне говорил М.Ф. Хван), я изумился уже не только редкостной чёткости и организованности научного мышления Льва Николаевича. Ведь из печати его работы выходили не сухими и бесцветными, а как стилистически безупречный и эмоционально насыщенный текст. Все, кто знаком с трудами Л.Н. Гумилёва, хорошо знают, что читать их необыкновенно легко, я сказал бы, даже радостно, хотя речь в них идёт порой о весьма сложных материях...

О Гумилёве-учёном сказано и написано уже достаточно много, и вряд ли я смогу добавить что-либо принципиально новое. Лев Николаевич сформулировал и частично обнародовал пассионарную теорию этносов и свою версию истории Евразии в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Но его взгляды не были приняты отечественной наукой ещё без малого 20 лет, до конца 1980-х. Причём это неприятие объяснялось не столько некоторыми реальными недостатками новой теории (а они, конечно же, имели место), сколько чисто идеологическими причинами. Концепция Гумилёва, как официально считалось, не соответствовала положениям марксизма, научного коммунизма. А такое не прощалось. Поэтому официальной советской наукой идеи учёного, представляющие иную трактовку эволюции человеческого общества, отвергались, его книги и статьи не допускались к изданию, ему отказывали даже в праве читать лекции! И так было до тех пор, пока волны «перестройки» не расшатали «партийную лодку» и не ослабили контроль КПСС над литературой, культурой, а затем и гуманитарной наукой.

ВГ: Как складывались ваши отношения с Л.Н. Гумилёвым в этот период?

БН: Увы, но после 1966 года (кстати, год кончины его матери, А.А. Ахматовой) мои контакты с Л.Н. пошли на убыль, а в 1970–1980-х годах чуть ли не прервались вообще. Причин, на мой взгляд, было несколько. Льву Николаевичу, на фоне других «актов дискриминации», было отказано в преподавании на восточном факультете. И он, несомненно обиженный этим, стал у нас появляться уже весьма редко (в лучшем случае, на конференциях, научных чтениях). Если мы пересекались, то только на мероприятиях Восточной комиссии РГО, что тоже было не часто. А востфак, как мне кажется, стал для него своего рода *bête noir* – «чёрным зверем», пространством, полным недругов. Вроде как, «все вы тут одним миром мазанные!» Думаю, такое отношение объяснялось главным образом тем, что некоторые наши «снобы от востоковедения» порой с пренебрежением отзывались о нём лично (неуч, не знает ни одного восточного языка) и его теории (примитивный «географический детерминизм», в котором концы не сходятся с концами). Наверно, можно было попытаться убедить его в

неправильности негативной оценки всего факультета (что в отношении Л.Н. было бы крайне трудно, учитывая его феноменальную неуступчивость во всём, что касалось его убеждённости). Но я не решался предпринять такие попытки. Захлестнувший меня новый этап занятости на общественном и административном поприщах (партком, ректорат) также мешал сосредоточиться на конкретных делах личного характера. А когда я возвратился из второй командировки в Китай и вплотную занялся преподаванием и восстановлением научных штудий, положение Льва Николаевича и его теории уже менялось. Началось, так сказать, их «триумфальное шествие». Обрушившаяся слава не прошла бесследно. Может, я ошибаюсь, но осмеливаюсь высказать своё впечатление: Гумилёв стал как-то «бронзоветь». На свои публичные лекции (я присутствовал на нескольких) он являлся в сопровождении молодых учеников и последователей, настроенных порой весьма фанатично. После нескольких вступительных фраз Лев Николаевич обычно передавал слово кому-либо из своей свиты, сам же торжественно молчал в президиуме и был похож на какого-нибудь индийского гуру. Для меня лично это был уже совсем другой Гумилёв...

ВГ: Вас это огорчало?

БН: Конечно. Ведь в моей памяти оставался Гумилёв-«пассионарный», Гумилёв-полемист, Гумилёв-рассказчик и артист в самом высоком смысле слова. С Гумилёвым было интересно, даже если собеседник не разделял его позицию. Гумилёв был живой и многообразный, такой же живой и многообразной выглядела и представляемая им история. Нет, он отнюдь не был этаким идеалом в отношениях с людьми. Гумилёв порой проявлял вспыльчивость, несдержанность, даже грубость... Несколько раз мне пришлось быть свидетелем таких его пикировок (с М.Ф. Хваном, тогдашним завкафедрой монгольской филологии, доцентом *Д.А. Алексеевым* и другими коллегами). Несдержанность Льва Николаевича нередко обижала людей, априори относившихся к нему вполне положительно... Но! Вот это «но» я и хочу подчеркнуть в заключение своего рассказа о Гумилёве. Когда в 1965 году у моей семьи возникла острая необходимость в материальных средствах, именно Лев Николаевич, который слыл среди коллег если не жадным, то весьма прижимистым человеком, первым пришёл на помощь, передав мне в бессрочный (!) долг весьма солидную по тому времени сумму. Уверен, что в этом-то – естественном движении на помощь нуждающемуся – и состояла суть Гумилёва-человека!

ВГ: Возможно, были встречи с ещё какими-то выдающимися личностями?

БН: Вообще, мне в жизни явно везло на встречи и общение и с другими известными, выдающимися людьми. Так, судьбе было угодно познакомить меня со знаменитым норвежским путешественником, этнографом и археологом *Туром Хейердалом*. Но это уже иная тема, не имеющая прямого

отношения к китаеведению. И ещё. Подводя итог несколько затянувшемуся сюжету «Общение с великими», должен подчеркнуть, что в большинстве случаев эти знакомства объяснялись отнюдь не какими-то особыми личностными качествами, которые совершенно обычны, а моей профессией, моей специальностью китаеведа. Поэтому большое спасибо ей и за это!

ВГ: Готов присоединиться к этой благодарности. Вы говорили, что 1940-е и начало 1950-х годов – это трудное время, когда не хватало почти всего – преподавателей, методик, материалов, учебников. Потом пришло ваше поколение. Вы стали нарабатывать опыт, ездить в Китай, воспитывать новых учеников. Был, условно говоря, долгий «ефимовский период», когда Г.В. Ефимов курировал всё на востфаке Ленинградского университета. А как изменилась обстановка в конце 1970-х – начале 1980-х годов? Были какие-то новые, важные поворотные вехи?

БН: Конечно, ты прав в том, что нарабатывался опыт. В частности, в области преподавания языка. Но результаты ведь только сейчас сказываются, это процесс очень медленный. Например, выпустил свои учебники тот же Коля Спешнев. И сейчас они широко используются. Но пока это всё произошло, пока это всё было сделано, пока это было освоено самими же преподавателями! Это – про язык. А что касается страноведческих дисциплин и сюжетов, то здесь сдвиги, конечно, во многом зависели от общеполитической ситуации.

ВГ: Вы говорили, что были времена, когда требовали очень жёстко проводить линию партии, в том числе и в китаеведении.

БН: Ну, да, конечно.

ВГ: И в отношении Китая менялась политика. Когда произошёл перелом, отход от идеологии в ленинградском китаеведении? Это случилось с развалом Союза?

БН: Нет, это было уже в последние годы Союза, в период «перестройки» уже начался этот сдвиг. Конечно, облегчения пошли очень большие. Уже были не столь жёсткие требования к учебным программам, они изменились, безусловно. Тут, действительно, был сдвиг уже. Наметился отход от жёсткого контроля. Стало возможным более свободное изложение курсов, авторские трактовки и так далее. Весь этот поворот произошёл действительно где-то в конце 1980-х – начале 1990-х. Но мне кажется, что самый главный поворот пришёлся, всё-таки, на нулевые годы, когда всё наработанное было реализовано. И прежде всего в плане преподавания разговорного языка. Регулярный приезд китайских преподавателей, которые дополняют знания наших. Просто, знаете, «слюна течёт», когда смотришь, как сейчас преподаётся китайский язык и как ребята знают разговорный язык даже после четырёх лет обучения.

ВГ: Это понятно, ведь они все теперь ездят в Китай на стажировки.

БН: Не совсем так. Мы и тогда, как-никак, ездили. Последние коллеги поехали в 1964 году. Ездили, но не в этом дело. У нас просто не было опыта профессионального общения, настоящего привлечения носителей языка. Мы варились в собственном соку. Впрочем, в какой-то степени мы продолжаем это делать и сейчас. Объективные условия, они улучшились, конечно. Появились такие же возможности, как и на Западе. Западная наука, она почему активнее? Не только потому, что у них материальная база и зарплата преподавателей выше, даётся академический отпуск на год для научной работы и командировок, прочие возможности также есть. Но, главное, у них раньше нас появился опыт широкого научного общения. Помню, в 1959 году приехали к нам первые стажёры американские, такой десант хрущёвской «оттепели». Среди них были востоковеды, в том числе ныне уже покойный *Джордж Александр Ленсен*. Я с ним с того времени и был знаком. Мы его звали Георгий Александрович – он всё же был какого-то еврейско-славянского происхождения. Ленсен, по-моему, с Украины. А предки уже упоминавшегося Марка Мэнколла были с «черты оседлости» на территории нынешней Белоруссии. Марк в Гарварде работал, когда к нам приезжал, а потом на другом конце США, в Стэнфорде. Там якобы платили больше зарплату, а Марк был человеком небогатым. Ленсен же был довольно богатым человеком, имел собственное издательство «Sophia Diplomatic Press» в городе Талахаси, штат Флорида. В общем, капиталист. Однако это не мешало нам общаться, обмениваться мнениями и по вопросам востоковедения, и «по жизни». Общение с молодыми американскими востоковедами (а был ещё, правда более короткое время, также один англичанин – Родерик Мак-Фаркуар – Roderick Macfarquhar. Он в дальнейшем переехал в США, видный профессор-китаевед Гарвардского университета) сразу показало, что мы хотя и не уступаем им в исторической аналитике, но явно проигрываем по кругозору. До СССР они стажировались и работали на Тайване, в Сингапуре, Гонконге, Японии, объездили западноевропейские китаеведные центры. Не говоря уж о самих США. Наши американские коллеги несравненно лучше нас знали международную научную проблематику и людей из разных стран, её представляющих. В этом отношении мы действительно выглядели замшелыми провинциалами. Конечно, это было результатом «железного занавеса». Например, когда в первые послевоенные годы советский учёный-востоковед, академик (!) *Николай Иосифович Конрад* установил письменные контакты со знаменитым английским историком *А. Тойнби*, то держал в своей комнате мешок с сухарями, потому что каждую ночь ожидал, что его арестуют и посадят из-за того, что он переписывается с буржуазным учёным. Вот о чём идёт речь!

И вот эта психология и нравы «железного занавеса» живы у нас в старшем поколении ещё до сих пор. И только новое поколение их изживает. Сейчас моя ученица, *Юлия Мыльникова*, защитила диссертацию и стала

преподавателем. Она защищалась у покойного Жени Кычанова. Я просто её передал в медиевистику, потому что средние века нужны были кафедре, а она всё время работала в области новой и новейшей истории. Юлия уже вступила в некоторые международные научные общества и ассоциации, часто выезжает на различные зарубежные научные конференции, познакомилась со многими коллегами-китаеведами и Европы, и Китая. В отличие от нас, которые прожили большую часть жизни за «железным занавесом». И как бы ни хотели мы освободиться из этого «плена», что ли, уже плена психологического, нам очень трудно это сделать. Всё равно, тебя что-то останавливает, что-то тебе препятствует. То есть, мы поколение, так или иначе несущее на себе груз прошлого. Мне кажется, по мере того как свободное международное общение будет нарастать, конечно, будет расти и наше востоковедение. Плюс, для полноценного общения обязательно знание как минимум двух языков – европейского и ведущего языка изучаемой страны. Наше востоковедение будет расти потихоньку. Но сейчас оно всё-таки в значительной мере провинциальное, по сравнению с тем, что есть за пределами нашей страны.

ВГ: На рубеже 2000-х годов к вам пришло новое поколение преподавателей. *Алексей Родионов*, *Александр Сторожук*. Это ваша достойная смена.

БН: Да, да. Это наша смена.

ВГ: Как вы относитесь к ним, к новому поколению?

БН: Очень положительно!

ВГ: Как вы оцениваете их потенциал?

БН: Я думаю, что особенно хорош потенциал, конечно, у Родионова. Я люблю, извините, провинциалов, которые приезжают и покоряют Москву и Ленинград. Это я люблю. А Сторожук – местный, он немножко...

ВГ: Видимо, у него «петербургская идентичность».

БН: Вот именно.

ВГ: Ну, все они теперь уже далеко не провинциалы. Эти ребята – профессионалы высокого уровня, полностью включённые в мировое китаеведное сообщество.

БН: Конечно! И это всё нормально. Они многое могут дать студентам. Но, опять же, их расхватывают на всякие административные должности. Это, Валя, пустое расходование сил, это безобразие! Ну, вот, хорошо, Саша Сторожук защитился, это – слава Богу! Но теперь же надо всё время расти, всё время давать какую-то новую интересную продукцию, да? А мне жаль, особенно Родионова. Мне просто жаль его! Сейчас он запряжён до предела, он фактически везёт всё на факультете. Потому что Михаил Борисович, по сути, «почётный председатель», будем так говорить.

ВГ: Вы имеете в виду *Пиотровского М.Б.*?

БН: Пиотровского, он же декан сейчас у нас. А Родионов – первый замдекана по всем вопросам.

ВГ: То есть вся реальная работа – бремя Родионова?

БН: Абсолютно вся! И мне это, конечно, досадно. Я просто понял это на своём личном опыте, на своих ошибках, и я ему всё время говорю: «Лёша, ну когда-то надо же браться за реальное дело....» Мне очень жаль, что он потратит лучшие годы на административную работу, что он сейчас занимается своим профессиональным делом только урывками. А поколение хорошее! Я всегда возражаю против того, что говорят некоторые коллеги: «Наши студенты – всё хуже и хуже!» Всегда среди студентов были и хорошие, и плохие. Я считаю, что не надо такие «ярлыки» навешивать. Другое дело, средняя школа стала, конечно, заметно хуже готовить своих учеников. За четыре университетских года они не успевают эти свои школьные «прорехи» заполнить. Среднее школьное образование «пустеет» совершенно. Я вдруг узнаю от студентов, что в ряде школ предмета географии вообще не было. То есть они не знают даже элементарных вещей! В последнее десятилетие – эти все эксперименты с ЕГЭ, это полное выхолащивание образования, полнейшее!

ВГ: Вы это чувствуете на своём студенческом контингенте?

БН: Я это чувствую буквально. Есть хорошие ребята, они хотят учиться. Но они и того не знают, и другого. И просто не успевают заполнять вот эти свои прорехи в знаниях. Они не знают, извините, кто такой *Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин*. Если они знают Мао Цзэ-дуна, то Сунь Ят-сена абсолютно никто не знает. Кто был в Китае после Мао – абсолютно не знают! Ничего этого не знают. Книги они не читают – только Интернет, и всё! Из homo sapiens они превращаются в неких homo internetis и homo smartfonis. Это бедные дети, потому что при нормальной системе образования многие из них были бы нормальными ребятишками, знания которых соответствовали бы новому уровню. А теперь этого нет. Правда, есть среди них и замечательные дети, медалисты. Но они не все «на Китай» попадают. В прошлом году я читал маленький курс для бирмано-китайской группы (у нас есть такие смешанные группы). Так как самой Бирмы на практике фактически нет, её принудительно лепят к Китаю в качестве своего рода довеска. В этой группе были две девочки – одна с золотой медалью, одна с серебряной. Девочки очень толковые, «быстромыслящие». Я даже пожалел, что они на Китай не попали.

ВГ: Вы сказали, что были знакомы с моей матерью, *Головачёвой Лидией Ивановной*, в её бытность студенткой. Какой она была студенткой? Мне, как продолжателю династии китаеведов, было бы интересно услышать ваше личное мнение.

БН: Скажу откровенно, я немножко даже её побаивался, потому что чувствовал, что: а) она значительно старше всех других студентов, и б) в её глазах я всегда видел, ну, что она знает, о чём я говорю. И в общем, она немножко снисходительно смотрела, хотя больше ничем не выражала эту снисходительность. Тем не менее, я всегда волновался, когда в этой группе занимался. Это я тебе скажу абсолютно честно! Потому что если преподаватель, как и артист, не чувствует своих каких-то минусов, каких-то слабостей, то он конченый преподаватель. Если он думает, что он – идеал, то он конченый. Всегда надо выходить и думать: а что они тут тебе могут предложить? Какой вопрос могут задать? Как это будет встречено? Смотри в их лица, и ты в них увидишь очень многое, и так далее. И вот, когда Лидия Ивановна сидела на лекции (кстати, моя жена первая тоже Лида была, только Лидия Сергеевна), и я видел, что она всё записывала, она не выражала ничем своё какое-то знание и, может быть, в некоторых вопросах и превосходство. Но я ощущал от неё такую ауру исходящих знаний и даже опыта жизненного, что ли. Такие студенты – они редкие, и они заставляют преподавателя настраиваться очень точно, чтобы звучать хорошо, как натянутая струна. Но, с другой стороны, когда мы общались, у нас самое нормальное было общение. Она не хотела особо выделяться. Но она уже умела брать то, что нужно взять. Вот это чувствовалось. Вот это – самое главное. Потому что рядом с ней сидели ещё дети всеядные, а она уже умела брать.

ВГ: Какие курсы вы тогда читали, в 1970-е годы?

БН: Какое-то время это была средневековая история Китая. А в основном – новая история. Новейшую историю Китая обычно читал Г.В. Ефимов, который умер в 1980 году. При Лидии Ивановне он был жив ещё.

ВГ: Да, он был руководителем её дипломной работы.

БН: Да-да. Если мне не изменяет память, она в 1975 году окончила ЛГУ.

ВГ: Совершенно верно. Спасибо, приятно слышать ваш отзыв! А кого из своих учеников вы ещё хотели бы отметить? Кто из студентов помнится вам?

БН: Конечно, *Сергей Николаевич Гончаров*.

ВГ: Он хорошо учился? Хорошим студентом был?

БН: Очень! В 1970-х годах я вёл им даже один историографический курсик по новой истории. Небольшой, но с чтением исторических журналов. Современных статей, конечно, хотя там были вкрапления из «вэньяня». Мы читали со студентами такие вещи. И это были *Николай Самойлов*, Гончаров, они вместе учились. Их группа тоже была очень сильная, и эти двое ребят выделялись среди остальных. Это и мои ученики тоже. Не скажу, что я их единственный учитель, но – один из. Когда я вёл у них этот курс, они делали переводы, а я проверял перевод. У Серёжи и Коли Самойло-

ва, как правило, было меньше всего ошибок. А Гончаров язык «схватывал» просто невероятно – легко и красиво! Он же приехал к нам не на 1-й курс, а из Новосибирского университета. И, по-моему, он учился у нас со 2-го курса, учился 4 года, потом защищался по истории Китая в средние века. Был аспирантом у *Г.Я. Смолина*, а у Георгия Яковлевича любимой была эпоха Сун (X–XIII вв.), поэтому и у Гончарова кандидатская диссертация была посвящена периоду Сун. С работой он справился блестяще. Смолин, конечно, был очень им доволен. Одним словом, Серёжа оставил у всех очень хорошее впечатление. Гончаров, Самойлов и Ко были последние по времени выпускники «эпохи Ефимова». Мы же, то есть я, *Доронин, Спирин* и другие – это хронологически первые ученики, первый выпуск историков на восточном факультете. А Самойлов и Гончаров – это последний выпуск Ефимова на восточном факультете ЛГУ. Они окончили ЛГУ в 1977 году.

ВГ: Какие основные курсы вы ещё читаете в университете?

БН: В основном сейчас я уже полностью сосредоточился на таких ведущих курсах, как новая и новейшая история Китая – с опиумных войн до сегодняшнего дня. Это – раз. Это большой курс, который читаю и историкам, и филологам, и смежникам – например, вьетнамистам. Я также традиционно читаю начальный курс географии Китая. Хоть я и не географ, Ефимов поручил мне этот курс с самого первого года. Этот «пропедевтический» курс я читаю в первом семестре первого года обучения уже 50 лет. Кроме того, после своего второго посещения Китая в середине 1980-х годов, под впечатлением великих изменений в Китае, я начал постепенно заниматься экономикой. Я и сейчас самообразованием занимаюсь. Но, в общем, с экономистами я спокойно разговариваю по многим вопросам. Поэтому я читаю на 4-м курсе небольшой полусеместровый курс лекций по современной экономике КНР. А сейчас подготовил ещё курс «Особенности частного предпринимательства в императорском Китае». Есть и несколько других курсов, в частности для магистрантов, обучающихся по исторической программе.

ВГ: Трудно ли было перестраивать лекционные курсы после 1991 года, в плане отхода от марксизма-ленинизма?

БН: Нет, я сделал это сравнительно легко. Понимаешь, Валентин, мы давно были людьми, так сказать, «двойной бухгалтерии». Будем говорить честно. Там, где нужно было процитировать *Владимира Ильича Ленина* или *Маркса*, это мы делали, так как без этого не опубликуешься, без этого не выступишь с лекцией, и т. д. и т. п. Но, как говорится, по уму, по соображениям, мы всё-таки не были ригористичными марксистами. В моём поколении, кого я знаю, почти все думали и действовали примерно так. Поэтому перестройка для нас прошла сравнительно легко. По крайней мере, мы не занимались историей партии (КПСС) и научным коммунизмом. У нас была «Всеобщая история», а это всё-таки несколько другое. Тут больше

вариантов всяких было. Конечно, в очень тяжёлом положении оказались тогда историки партии и научные коммунисты, а также некоторые философы. А мы – нет, мы легче перестроились. Причём достаточно быстрая была эволюция. Я лично не чувствовал какой-то там борьбы внутренней.

ВГ: Смена рельсов произошла эволюционным путём.

БН: Да, да. Смена рельсов произошла эволюционным путём. И, я бы сказал, почти безболезненным для нас.

ВГ: Довелось ли вам ездить в загранкомандировки куда-то ещё, помимо Китая?

БН: Ездил только когда работал в ректорате и был на комсомольской работе.

ВГ: Когда занимались международными связями?

БН: Да, да.

ВГ: Значит, вы выезжали куда-то за границу?

БН: Да. Нам приходилось выезжать за границу, но не по специальности. По специальности я был только два раза в Китае. Ещё пару раз был с делегациями, и это были очень короткие визиты. Последний раз я был в Китае в 2003 году.

ВГ: А почему? Что мешает чаще ездить? Ведь Китай не так далеко находится.

БН: Наверно, несколько ближе Бразилии, но отсюда всё же порядочное расстояние.

ВГ: Может, это – психологический барьер?

БН: Валентин, давай на честность?!

ВГ: Да, давайте!

БН: Мне 85 лет, и я – доцент. Кто меня куда пошлёт, кому я нужен?

ВГ: Ну, почему?

БН: Нет-нет, ты неправ. Все только говорят, что в науке нет иерархии, что в науке есть только знания. Есть в науке иерархия! Она очень сильна, она порой перехлёстывает любые знания.

ВГ: Ну, можно же, скажем, купить билет за свой счёт и поехать в Китай на отдых.

БН: Конечно, но это не то... Болтаться с группой туристов, для которых Китай – просто экзотика – противно, а передвигаться в одиночку уже тяжело, не те силы.

ВГ: Что касается возраста, то года три назад я встречал в Пекине *Георгия Васильевича Мелихова*, которому сейчас уже 84 года.

БН: Ну, он примерно мой ровесник.

ВГ: С.Л. Тихвинский, *В.Г. Буров* – все они бывают в Китае.

БН: Знаю я Бурова Владилена.

ВГ: Может, это всё же психологический барьер?

БН: И психологический. Понимаешь, я не очень лёгок на подъём. К тому же я боюсь болезней. А теперь уже и жена мне тоже скажет: «А чего тебя понесло? Да ещё один! Со мной – да, но я ехать не могу». Вот и выходит так. Нет, далековато! Вот если бы Китай был близок, как Украина! На Украину мы почти каждый год ездили, у нас родственники под Одессой, а теперь...

ВГ: Может быть, вам всё-таки слетать с женой на недельку?

БН: Нет, я не думаю, что это возможно. Да и потом что-то уже немножко и боязно. Боюсь, что почувствую себя отчуждённо немножко. Серьёзно. И практика разговорного не очень. То есть что-то я пойму, что-то я спрошу, но это не «родионовский» уровень, мягко говоря. Это смущает, Валь, это очень смущает! Скажут: «Что же, такой старый, а с языком у него – ни фига!» А вообще, хотелось бы снова побывать в Китае. Так, чисто абстрактно, очень бы хотелось. Но... Думаю, что сын тоже будет против, он боится, у меня же уже несколько лет назад микроинсульт был...

ВГ: У нас есть традиционный вопрос про китайскую кухню. Но мне интересно спросить, как вы относитесь к китайским напиткам?

БН: Очень хорошо отношусь. Я вообще любитель всего белого, всю жизнь. Я вин не люблю, они «не идут» у меня. А водочка – от *эрготоу* и до *маотай* – это да! Никакого осадка не бывает никогда, хорошее настроение всегда. И я люблю эти напитки. Конечно, при употреблении в меру.

ВГ: А какой китайской пищей стоило бы закусить китайскую *белую*? Что вы предпочитаете?

БН: Честно говоря, я очень люблю всякие морепродукты. Креветочки и всё, что там у них есть морское, – это у меня самое любимое. Люблю также хорошую китайскую лапшу, пельмени-*цзяоцзы*, мусюйжоу... И вообще, к китайской кухне отношусь очень хорошо, с удовольствием ем в принципе почти всё, кроме соевого соуса *цзян ёу*. Не идёт он у меня.

ВГ: Китайская пища – хорошее коммуникативное средство. Говорят, вы участвуете в работе общества российско-китайской дружбы. Часто ли вы встречаетесь с китайцами в Петербурге?

БН: Бывает, встречаемся. Но в основном с официальными лицами, – то есть с представителями китайского генконсульства, приезжие делегации бывают иногда. В Доме дружбы бывают встречи по каким-то знаменательным датам. Но последняя уже довольно давно была. Кстати говоря, в 2012 году не было ни одной встречи. А вот в 2011 году у нас была хорошая встреча, очень интересный круглый стол по случаю столе-

тия Синьхайской революции. И туда приглашали всех, кто занимается Китаем, международными отношениями. На встречу пришли все члены генконсульства. Кто-то приезжал из Пекина даже. Обменивались мнениями, очень интересная была встреча! А так, встречи городские проводятся в основном по праздничным и юбилейным датам. Мне часто доклады приходится делать на эти юбилейные даты, поскольку я занимаюсь новейшей историей Китая. Особенно когда Николай Алексеевич Спешнев был председателем Общества дружбы. Он же долго был председателем. Ему что, далеко идти: «Борь, ты сделаешь?». – «Да». Никуда не денешься.

ВГ: А кто сейчас отвечает за местную российско-китайскую дружбу?

БН: Сторожук. Это небо и земля, конечно.

ВГ: Разные поколения, конечно. Я вижу, что, кроме золотой медали за отличное окончание средней школы, у вас на столе лежит ещё какая-то медаль.

БН: Это медаль за заслуги в развитии российско-китайских отношений. Такие медали выдавали в 2008 году. А эта – «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Вот ещё памятная медаль по случаю 150-летия Восточного факультета. Кстати, я как раз хотел об этой юбилейной медали поговорить! Когда я поступил в университет в 1947 году, и почти до конца 1970-х годов считалось, что Санкт-Петербургский университет был создан указом императора *Александра I* в 1819 году. В соответствии с этой датой в 1969 году была выпущена вот такая медаль «150-летие университета». В 1969 году ректором был *Кирилл Яковлевич Кондратьев* – физик, атмосферщик, связанный с покорением космоса. Но потом нашлись два историка – *Юра Маргулис* и *Гриша Тишкин* (я их так называю, потому что это мои товарищи были и однокашники), которые стали копать историю университета и докопались, что можно считать датой основания Санкт-Петербургского университета последний год правления *Петра I* – 1724 год. Почему? – Потому что в этом году он основал университет при Академии наук. И этот университет при академии, дескать, потом превратился в настоящий университет, только якобы были перерывы в его деятельности до 1819 года. В общем, они утверждали, что наш университет старше на целых 95 лет, т. е. почти на столетие. Конечно, университетское начальство это поддержало, Смольный[175] тоже поддержал, потому что было в высшей степени почётно для города иметь старейший в стране университет – старше самого МГУ, который, как известно, появился в 1755 году, через 30 с лишним лет! И у нас стали отмечать новую дату. Москвичи же поначалу пытались её опровергнуть, но вскоре стихли, потому что не получили поддержки высшего руководства. А у нас продолжали праздновать юбилеи уже исходя из начального 1724 года. Таким образом, в 1999 году

[175] *Смольный* – Смольный дворец, где в советское время находилось партийно-административное руководство города.

была выпущена ещё одна медаль – по случаю 275-летия университета! Потом ещё была выпущена памятная монета. Так вот, получается, что я при одной своей жизни отметил и 150-летие, и 275-летие университета. И в 290 лет ещё жив! Так сколько же я живу, можешь представить?!

ВГ: Да, разрыв по времени в 140 лет получается. Прямо рекорд книги Гиннесса!

БН: Настоящий цирк! Такого, уверен, нигде в мире не было.

ВГ: Как вы ощущаете себя в плане профессиональном? Есть ещё настроение и силы передавать знания?

БН: Конечно! Когда всю жизнь работаешь, то страшно её потерять, эту работу. Как идёт работа, мне трудно судить, это пусть другие судят. Но мне кажется, что у меня контакт со студентами хороший. Мне кажется, они относятся ко мне нормально. Я не стал бы утверждать, что меня студенты любят. Но, наверно, ценят.

ВГ: Я видел оценки, которые студенты выставляют вам в Интернете, на сайте университета. Это хорошие оценки – 4,7 балла по пятибалльной шкале. Оценки там учитывают степень сложности материала, сложность сдачи экзаменов, чувство юмора преподавателя, использование наглядной агитации и технических средств. Те три десятые, которые там «съелись» – это за счёт технических средств.

БН: Спасибо! Если вернуться к чтению курсов, то я, как уже упоминал, ещё читаю спецкурсы для магистрантов. Около десятка лет назад я заинтересовался проблемой времени, как воспринималась эта проблема на Востоке. Сначала был один курс, а теперь я читаю фактически два. Пришлось разделить его на две части, потому что годичные спецкурсы отменили и позволяют читать только семестровые. Один курс я назвал так – «Восток–Запад: время мира». Это лекции про разные календарные системы и эволюцию представлений о времени на Востоке и на Западе. Этот курс уже более или менее отработан. А второй спецкурс назван как бы наоборот – «Запад-Восток: структуры и модели истории в науке XX века». Здесь я разбираю *Шпенглера*, Тойнби, а также других учёных, в том числе и китайских, и школы, в том числе и марксизм. О марксизме сейчас студенты ничего не знают! Приходится рассказывать от нуля.

ВГ: От самого Маркса?

БН: От нуля, не то что от Маркса! Вот, два таких спецкурса читаю. Повторю, что я также подготовил спецкурс (он сейчас ещё сыроват, конечно) по особенностям частного предпринимательства в императорском Китае. Интересный, мне кажется.

ВГ: Это актуальная тема, как зарабатывали деньги в Китае.

БН: Ну, сейчас много актуальных тем. Но это интересно – его двуличество купец китайский. «Двуличество» его называли, потому что он перед

чиновником самым низким образом ползал на коленях. А на рынке – бог и царь. Вот в чём двуличество. Мне кажется, это интересно. Тем более что у нас в своё время была принята специализация «экономика Китая». Там экономисты работали, преподавали. Ну, и мы что-то вкладывали своё. Мне кажется, что этот спецкурс не пропадёт, что его надо и дальше разрабатывать. Как я уже говорил, меня заинтересовала экономика. И, вот, потихоньку пошло...

ВГ: Замечательно! Наше интервью подходит к концу. Пора спросить, что бы вы хотели пожелать молодым и будущим китаеведам? Что, с вашей точки зрения, необходимо им для нормального профессионального роста?

БН: Мне кажется, если этот человек работает в вузе, если он – преподаватель, то надо любить студентов. Нужно относиться к ним, как к самому себе, только тогда будет что-то. Никоим образом не дистанцироваться, не преувеличивать своё значение. Любой студент может дорасти до тебя и перерасти – вот из этого и нужно исходить! Это – первое, что мне бы хотелось посоветовать. Не зазнаваться никогда! И не думать, что ты – лучший учёный «всех времён и народов». Есть некоторые молодые люди, которые уже вот так о себе думают. И думают, что все остальные – ах, вот у них нет ни защиты, ни степени ещё даже. А есть люди, которые как Виктор Петров – он вообще без защиты был. А с ним академики считались и прислушивались. Наконец, мне хочется, чтобы молодёжь, активно участвуя в научной глобализации, всё-таки считала главным в вузе учебный процесс. Наука в данном случае тоже важна. Но всё же очень важно работать именно в учебном процессе. Тут куётся наше будущее. Этот простой вывод я делаю из долгих десятилетий своей работы. Думаю, это можно отнести не только к китаеведам, но и ко всем можно отнести. И вот ещё что! Сейчас очень большая болезнь нас охватывает – забюрокрачивание. Жутко! Начинается всё с верхов. Но, как известно, низы подражают верхам и часто при этом становятся «большими католиками, чем сам Папа Римский».

ВГ: Вы говорите про бюрократизацию китаеведного образования?

БН: Да. Это китаеведный, востоковедный – любой вид образования. Наваливается гора бумаг, в которой люди тонут. Даже рядовые преподаватели должны постоянно оформлять много всяких бумаг. Бюрократизация идёт очень парадоксальная. Ведь нам всегда говорили: вот, начнётся век компьютеризации, и будет меньше бумаг! Всё будет храниться в электронном виде, на мониторах. А на самом деле наоборот, количество бумаг добавилось, прибавилось и растёт многократно. Невероятно, просто потоки какие-то на нас обрушиваются! Потому что передают заведующему кафедры, он всё «перелопачивает» и передаёт нам. Потом мы смотрим дикое количество каких-то указаний. Пока разберёшься, что нужно тебе, а что не нужно – это кошмар! И ещё одно пожелание. Я думаю, что чем больше будет людей знать что-то о Китае, тем больше будет какая-то устойчивость

мнений внутри нашей страны. Да и для китайцев это будет определённая база, фундамент для развития наших и всяких прочих отношений. У нас всё-таки до сих пор мало знают о Китае. И любая «утка» нередко разносится как истина в последней инстанции. Даже отдельные столичные китаеведы пишут книжки, в которых позволяют себе укол за уколом в отношении китайцев. Но так не годится, нет. В Китае, конечно, тоже есть люди, которые читают на русском языке. И всё это, конечно, не очень хорошо.

ВГ: Позвольте задать крайний вопрос: вы не жалеете, что когда-то вместо тюркологии выбрали китаеведение?

БН: Нет, конечно! Нет, даже сравнения нет никакого! Из востоковедных дисциплин мне, конечно, интересна и классика. Но, я думаю, Китай – это номер один!

ВГ: Значит, те люди, которые вас уговаривали изучать Китай, были правы?

БН: Они были правы, конечно!

ВГ: И вы не жалеете о том, что последовали их совету?

БН: Нет, никогда, ни во сне даже!

ВГ: Спасибо большое за интервью! Хочу пожелать вам хорошего здоровья, настроения и ещё долгих лет общения со студентами на восточном факультете!

БН: Спасибо, Валь! Понятно, что жизнь и рассказ о жизни никогда не адекватны. Но я был бы рад, если моя «болтология» позволит молодым коллегам у нас или за рубежом в какой-то степени ощутить дух нашего времени, среду ленинградских китаеведов и востоковедов второй половины XX века... И я хочу извиниться, что много отнял времени попусту.

ВГ: Напротив, большое спасибо за то, что вы даровали нам своё время! Было очень приятно пообщаться с вами в стенах вашего дома!

БН: Так, давай уж на «ты» переходи! Не надо церемониться! Я был знаком с твоей мамой, ты – ровесник моего сына. Пойдём к столу, после столь долгого разговора следует пополнить калории! А ведь у китайцев застолье – это продолжение беседы...

СИНЕЦКАЯ ЭЛЬВИРА АНДРЕЕВНА

INTERVIEW WITH ELVIRA A. SINETSKAYA

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Синецкая Эльвира Андреевна (ЭС)	***Elvira A. Sinetskaya***
К.и.н., научный сотрудник, Отдел Китая, ИВ РАН Место интервью: Москва Дата интервью: 6 мая, 22 июня 2013 г. Вела интервью: М.Е. Кузнецова-Фетисова (МК), ИВ РАН Комментарии: ЭС, МК, В.Ц. Головачёв, А.И. Кобзев Продолжительность: 4 часа	PhD, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS Place of the Interview: Moscow Date: May 6, June 22, 2013 Hosted Valentin Golovachev, Sergey Dmitriev, Marina Kuznetsova-Fetisova, Institute of Oriental Studies, RAS; Andrey Vinogradov, Institute of Far Eastern Studies, RAS Comments by: Valentin Golovachev, Atyom I. Kobzev, Marina Kuznetsova-Fetisova, Olga Adams Duration: 4 hours

Синецкая Эльвира Андреевна. *Родилась 19.06.1939 в Москве, в семье служащего. Китаевед, кандидат исторических наук (1993). Окончила экономический факультет МГУ (1964). Училась в Народном университете КНР (1959–1960). Научный сотрудник ВИНИТИ (1964–1967), Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1973), Института востоковедения АН СССР/РАН (с 1974). Учёный секретарь Отдела Китая ИВ РАН (с 2011). Автор*

более 50 работ. Основное направление исследований: социальная история Китая Нового и Новейшего времени, гендерные исследования.

МК: Добрый день! Представьтесь, пожалуйста. Кто вы, когда и где родились?

ЭС: Зовут меня Эльвира Андреевна Синецкая. Родилась я 19 июня 1939 года в Москве, в семье советского чиновника довольно высокого ранга. Моя мама была домашней хозяйкой. В 1947 году, если мне не изменяет память, поступила в школу. Мы жили на так называемом Можайском шоссе, нынче пересечение Дорогомиловской улицы и Кутузовского проспекта. Это был последний дом в Москве, дальше была пустота. Правда, чуть подальше нас, но немного в сторону, был пивной завод. Ездили мы в город (смотреть мультфильмы и по другим делам) через Бородинский мост, и это называлось именно «поехать в город». Зимой Москва-река была покрыта сидящими людьми, которые ловили рыбку подлёдную... Училась я в школе раздельного обучения, вместе с девочками из соседних бараков. Таких бараков было немало у Киевского вокзала, где жили переселенцы и те, у кого были разбомблённые дома, и где жилище каждой семьи, в большинстве своём без отцов, отделялось простынёю или какой-нибудь занавеской. Девочки оттуда ходили в сатиновых платьях и с бритыми головами (ещё долго потом в Москве бытовала присказка «Приходи, посидим, поищемся», верно, ещё времён гражданской, – многие люди были завшивлены). Там я впервые поняла так называемые сословные различия.

И из тех же времён – один пустячок, который характеризует меня. Однажды отец, придя с работы, в разговоре упомянул слово «жизнь». «Папа, – сказала я, – ты неправильно произносишь это слово!» «А как же?» – спросил папа. «Надо говорить “жисть”!» Родители задумались, спросили: «А кто тебя этому научил?» «Сегодня учительница сказала в классе, что все говорят неправильно, а надо говорить “жисть”». «Мм...» – сказала мама и наутро побежала выяснять. Учительница сказала: «Все вокруг говорят неправильно “жисть”, а надо говорить правильно “жизнь”». Но поскольку вокруг меня все говорили «жизнь», то я решила поправить папу. Это вещь для меня довольно характерная, у меня такое смешение случается, а причину его понять не могу. Потом мы переехали, я перешла в другую школу, потом в третью... На вопрос, когда я в первый раз услышала слово «Китай», ответить точно не могу – я не запомнила. Оно у меня ни с чем не ассоциировалось.

МК: Не обязательно вспоминать, когда вы впервые услышали. Какие у вас были первые вспоминания, связанные с Китаем, вне зависимости от возраста, но первые из тех, которые вы помните?

ЭС: Я была ребёнком по духу интернациональным, поскольку читала я много, и, надо признаться, больше русской классики я любила *Шиллера* и *Шекспира*. Я перечитала совсем недавно, когда одна из пьес Шиллера («Дон Карлос») стала вдруг чрезвычайно популярной, и подумала – и что меня в отрочестве так потрясало?

Китайцы равноценного для меня дать не могли. Я очень любила кино, но китайских фильмов в кинопрокате в СССР тогда практически не было. Поэтому до поездки в Китай связанного с этой страной ничего не припомню.

МК: Как и когда случилась ваша поездка в Китай?

ЭС: Поездка в Китай абсолютно не соответствовала моим желаниям – так текла жизнь. Отца направили в 1957 году советником при Министерстве высшего образования, в ранге министра, поскольку отец после института всю сознательную жизнь проработал в Министерстве высшего образования... Да, конечно, то, что я увидела, это потрясло.

МК: А в каком качестве вы туда поехали, чем вы там занимались?

ЭС: Я поехала на один месяц с отцом, просто проводить его. Отец тоже в первый раз был в Китае. Самое сильное потрясение было следующим: раньше я видела китайские картины с горами в дымке и считала, что это всего лишь художественный приём. А в Китае я увидела, что это просто жизнь такая, незнакомая нам природа.

Сами китайцы потрясли меня через год, когда я вновь поехала и начала учиться там. А поскольку все университеты были расположены немножко в стороне от города, а отец жил в городе, я часто ездила в транспорте или ходила пешком, в том числе в большой комплекс «Дружба», который располагался между городом и университетом, где жили наши специалисты и была поликлиника и магазины. В автобусе все обращали внимание на мои ноги в прозрачных чулках, потому что это было китайцам непривычно, и все, конечно, громко призывали посмотреть на «седую» девушку, потому что нас было человек 16 блондинок на весь Пекин.

Китайцы, которых видела по дороге, в автобусе и везде, они потрясали: а) бедностью и б) абсолютной непринуждённостью. Китаец мог висеть на поручне в автобусе и петь почти в полный голос, и это ни у кого не вызывало удивления. Китаянка, вышедшая из поезда дальнего следования, на вокзале находила именно меня, чтоб на каком-то диалекте начать спрашивать, как ей куда-то пройти. И традиционно китайцы, извините, завязывались, застёгивались, уже выйдя из туалета, очень по-простому. А, в жару, ожидая автобус, китаянки, присев, задирали подолы юбок и обмахивались веерами.

К 1957 году я уже окончила два курса Государственного экономического института. Когда я приехала в Китай, то начала учить китайский язык.

Нужно объяснить: меня никогда не интересовал Восток и никогда не интересовала история. То есть на обывательском уровне, конечно, интересно, как и что. Но можно довольно быстро понять, что история не пишется, её пишут люди, иногда здорово корректируя, в зависимости от очередного правителя или автора.

МК: Как вы выбирали свою будущую профессию?

ЭС: Куда поступать после школы, у меня не было определённости. Хотелось пойти в театральное, поскольку у нас был очень хороший драмкружок в школе. Но в театральном меня не приняли на просмотре, сказав, что моё лицо трудно поддаётся гриму. И только выйдя и перестав нервничать, я сообразила, что надо было сказать: «Я иду не Джульетту играть». Папа мне посоветовал: «Иди на обществоведение – это то, что тебя интересует: люди, и как они живут в сообществах». Потом он говорил ещё, что я не умею сидеть и регулярно работать, а это необходимо в усвоении естественных и точных наук. «Да ты и – гуманитарий по духу». И я поступила на общетеоретический факультет в Государственный экономический институт, теперь слившийся с Плешкой[176].

МК: Вы решили сами учить китайский язык?

ЭС: Нет, так сложилась жизнь. Учить языки мне сложно и неинтересно, да я и не видела смысла. Читать художественную литературу – надо знать в совершенстве не только язык, но и страну, и людей в ней живущих. Лучше уж читать переводы, которые уходят от оригинала, но суть как-то передают. Наукой я не собиралась заниматься, а общения с иностранцами не было, и не поощрялось оно. Да и когда отец взял меня с собой в Китай, я была в состоянии полного безразличия. За полгода до отъезда отца в Китай умерла мама. Смерть матери меня потрясла, я была очень маменькиной, домашней дочкой. Папа, вопреки принятому правилу, устроил мне через год перевод в Китай как студентки.

Я потихоньку начала учиться. У меня был высокий голос, и я прекрасно запоминала тона, поэтому меня использовали для звукозаписи пластинок «Уроки китайского языка».

МК: А где вы учились?

ЭС: В Пекинском университете был факультет для подготовки иностранных студентов к обучению в вузах. Группа была очень маленькая и разная: двое испанцев, двоюродные брат и сестра (дети приехавших из Советского Союза и работающих на «Радио Пекина»), потом приехали трое геологов с Дальнего Востока. После года обучения языку, в соответствии с моим изначально выбранным высшим образованием, я перешла в Народный университет на общеэкономический факультет. Год я проу-

[176] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

чилась практически без коллектива студентов, потому что это был 1959–1960 год – «Большой скачок». И они всё время куда-то бегали – то большое собрание, то маленькое собрание, то поездки в коммуны... Год я была практически на домашних заданиях.

Там, в Жэньда (Народном университете), уже было несколько человек наших, но они были намного старше меня, приехали туда чуть ли не аспирантами. В том числе там был наш известный тибетолог *Парфионович Юрий Михайлович*, был *Станислав Аркадьевич Былиняк*. А землячество советских студентов в КНР было многочисленным: Людмила Георгиевна Егорова, *Михаил Леонтьевич Титаренко*, *Наталья Павловна Свистунова*, были ещё питерцы, тогда – ленинградцы, и другие.

Из трёх экзаменов, которые я сдавала в начале 1960 года, один я сдавала на китайском языке. Это была история народного хозяйства Китая. По ночам, поскольку днём стояла страшная жара, я штудировала огромные по размеру методические разработки, которые и сейчас тоже выходят. Пошла, всё рассказала, что у меня было по билету, и мне поставили «пять». Услышав про это, мои старшие товарищи сказали: «Пять? Понятно! Ты начала с апломбом рассказывать на абсолютно непонятном преподавателю языке, и он решил: раз она так уверено говорит, наверное, она что-то знает».

Один из двух других экзаменов, что я сдавала на русском, был по политэкономии. За этот экзамен мне поставили «четыре», поскольку возникли политические противоречия. *Хрущёв* говорил, что труд должен не только морально поощряться, но и материально. Преподаватель настойчиво добивался от меня, чтобы я сказала, что моральное поощрение труда важнее при социалистическом строе. Я всё соглашалась с ним, а потом опять возвращалась к материальному. Говорили мы долго, говорили по-русски, но в результате мне поставили «четвёрку». Про третий экзамен ничего не помню.

МК: Были ли у вас друзья среди китайцев?

ЭС: Дружеских отношений с китайцами у меня не завязывалось, поскольку мы не были вместе ни на каких собраниях и практически не пересекались на занятиях. В отсутствие контактов с китайцами я водила знакомство с соотечественниками и иностранцами. В Пекинском университете я познакомилась с одной канадкой, дочерью редактора коммунистической газеты в Канаде, которая прекрасно болтала и по-английски, и по-китайски. Она была очень коммуникабельной, с ней можно было о многом разговаривать, даже при использовании моего весьма ограниченного «вокабуляра» на китайском и международных слов. Она втягивала меня в «общественную» жизнь. Кроме этого, были иностранцы из соцстран, в частности за моей соседкой Аклимой ухаживал чех, впоследствии они поженились. Мы ездили на пикники, в клубы и прочее. В результате меня вы-

звали в посольство, где секретарь комитета комсомола посольства строго спросил, почему меня приглашают на пикники, а его не приглашают. Я искренне ответила: «Потому что на вас брюки, а на мне юбка». «Я вас всерьёз спрашиваю», – грозно сказал он. «А я вам всерьёз отвечаю. Социалистические правительства посылают мужчин-специалистов в загранпоездки на 9 месяцев, считая, что они могут на этот срок обойтись без жены. Им скучно! Им хочется хотя бы услышать женский смех, поэтому и приглашают».

Когда я это рассказала отцу, он сказал: «Поедем-ка домой, а то ты тут вляпаешься в историю». Всех специалистов уже отсылали, поскольку шёл 1960 год, и хотя министр очень просил отца остаться, но он сказал: «Не могу пойти против Партии и Правительства». Возможно, за этим пафосом скрывались и иные причины: думаю, отец знал, что такое «чистки», и, верно, чувствовал, что надвигается в Китае. Мне было всё равно, и я поехала обратно в СССР.

МК: Остались ли от этих двух лет жизни в Китае какие-то особенно яркие личные впечатления?

ЭС: Один раз я отдыхала в курортном городке, где проводили отпуск советские и иностранные дипломаты. В то же время знакомые мне студенты ехали в соседний городок отдыхать и заехали за мной на автобусе. Им так хотелось нашей еды – маслица, хлебушка – потому что не все влюбляются в китайскую еду. Я решила их угостить (ибо в местах концентрации советских специалистов всегда был магазин с европейскими продуктами). Как ехать я не знала, а автобус за ними должен был прибыть, когда уже нужно было бы возвращаться. Но я знала, что оба эти городка находятся на берегу, и я пошла по берегу. Абсолютно пустынный берег. Казалось, на всём свете есть только я и море – потрясающее впечатление!

В одном месте в море впадала речка, которая, как всякая речка в погранзоне, тоже являлась погранпостом. С обеих сторон моста стоят китайцы с ружьём (или какой иной стрелялкой, я в этом не разбираюсь). Мне надо было перейти речку по мостику, потому что форсировать её у меня не получилось, она была довольно глубокая. Я подошла к человеку с ружьём и стала объяснять: я советская студентка, мои друзья вот там живут, а вот там живу я, в таком-то городке, куда я и иду. У китайцев очень часто бывает – когда начинаешь говорить с ними по-китайски, даже если теоретически они говорят тоже на пекинском диалекте, они не воспринимают как китайскую речь то, что человек с иностранной физиономией говорит. Он некоторое время слушал меня, потом махнул рукой. Я пошла по мосту, а он что-то прокричал другому, и тот молча меня пропустил, даже не подошёл ко мне. Так я и дошла до своего городка. Это было потрясающе! Эта абсолютно иная атмосфера, абсолютное безлюдье – ведь я бывала на побережье моря, но это что-то иное. И эти два солдата, которые пропустили странного

человека. Думаю, они понимали, что я ничего плохого не сделаю. Но назад меня не пустили. Пришёл староста землячества, отдыхающего там, и сказал: «Эль, папа в командировке. Отпустить тебя одну мы не имеем права. А если к тебе приставят охранника, я боюсь, что папе будет неудобно, когда он вернётся». Я знала нечто подобное по Советскому Союзу: с нами в экономическом институте учились немцы, которые жили на Стромынке. И чтобы прийти к ним в гости, надо было с паспортом приходить – вечно были сложности в СССР при общении с иностранцами! (А если советский человек за границей – сложностей ещё больше!)

Пожив в Китае, посмотрев, как там живут люди, я говорила и нашим специалистам, и даже студентам: «Вы живёте здесь как колонизаторы, абсолютно не так, как живут эти люди». Хотя наши студенты рассказывали, что в первое время они просто голодали на ту стипендию, которую им выдавали, как и китайцам. Потом они потребовали в посольстве, и тогда им стали доплачивать. И это были великолепные деньги. А специалисты получали баснословные деньги (учитывая к тому же тогдашние цены в Китае). Может быть, это не бросалось в глаза большинству китайцев, но обширная обслуга из китайцев, прежде всего в «Дружбе» (этом самом городке, где сосредоточились все, прежде всего семьи специалистов из соцлагеря и сами специалисты, работающие в Пекине и его окрестностях), видела, что эти советские социалистические специалисты «жируют». Видела, как они оставляют недоеденными куски мяса, как получали *бупяо*[177] в неограниченном количестве при очень строгих нормах для китайцев. Боюсь, что в антисоветизм времён «культурной революции» и этот наш «грех» входил составной частью.

Насчёт социалистического равноправия в самом Китае мысли тоже не возникало. Наш корпус в Жэньда стоял довольно далеко от выхода из университета, и по дороге мы проходили мимо студенческой столовой – это был большой ангар типа нынешних рынков. Там вокруг да около стояли, сидели на корточках студенты (больше – мальчишки, но и девчонки тоже) и палочками ели из своей миски рис и какую-нибудь травку, редечку или ещё что-то. А рядом с нашим корпусом находилась так называемая профессорская столовая, в которой к нам был приставлен повар, готовивший потрясающую российскую и европейскую еду, хотя и китайская у него получалась тоже очень вкусная. Утром я практически всегда ела традиционную жидкую рисовую кашу с солёной редечкой. Но иногда в обед мы приходили к большущей кастрюле с бульоном и куче пирожков с мясом, вкусноты неописуемой. Нередко можно было увидеть, как китайцы собирались за огромным круглым столом, который был заставлен как положено – и мясо,

[177] Карточки на хлопчатобумажные изделия: хочешь — вату покупай, без которой зимней одежды не сошьёшь, хочешь — ситец. А какие красивые там были ситцы и поплины!.. (Примечание ЭС).

и курица, и всё такое прочее... Внешний вид у тех, кто собирался в профессорской столовой, на мой взгляд, был простоватый. Возможно, часть из них была из революционных кадров. По крайней мере, мне не казалось, что это профессура. Они часто устраивали такие застолья и, возможно, выпивали, потому что разговор бывал шумненький.

В то время в Народном университете советские студенты жили по одному человеку в цементных коробках-комнатах размером в 8–10 кв.м; общая туалетная комната, похожая на армейскую, с умывальниками только с холодной водой, располагалась одна на этаже. В Пекинском университете для размещения иностранных студентов были три очаровательных двухэтажных старинных *юаньчика* в парковой зоне, в которых были душевые с горячей водой. Я ездила к отцу в гостиницу, которая была, по моему мнению, ещё времён колониальных. В ванной в этой гостинице надо было купаться, как говорится, по-английски – «в собственной грязи» (смесителей и душа не было).

Ещё в Народном университете я поняла, что восхищение папы равенством в Китае (например, министр наравне со всеми выходит на гимнастику во время специального перерыва, наравне со всеми выходит чего-то там копать, и прочее) – довольно поверхностное. Я всегда говорила отцу, что из окна автомобиля страна видится специфически, а при передвижении в общественном транспорте или пешком по дорогам всё воспринимается совсем иначе. Но он, как сын своей Партии, умел некоторые вещи не видеть и не слышать.

МК: Вы путешествовали по Китаю?

ЭС: К сожалению, путешествие вдоль моря было единственным в моей жизни в Китае, кроме маленьких поездок вокруг Пекина. Я ведь собиралась прожить там до получения диплома. По Пекину я походила много. Чувства страха не было абсолютно. Наверно, защищала белая кожа, потому что, кроме удивления, ты ничего не вызывал.

Потрясало в то время отсутствие воровства на улицах. В силу некоторых причин мне нужно было избавиться от одной вещи. Я начала её оставлять на скамейках. Но что бы ты ни уронила, ни оставила, тебя вскоре спрашивают: «Это не ваше?» – и вновь это вручают в твои руки.

Потрясало, конечно, количество голодных детишек, которые к белому человеку налетали, как саранча.

МК: Но без воровства?

ЭС: Во всяком случае, я не сталкивалась с этим. Мне рассказывали про группу российских женщин, которые приехали в 1995 году на конгресс женщин и ходили смотреть Гугун. В результате, когда все, разморённые жарой, присели в тенёчке, одна из них вдруг закричала: «У меня пропала сумка!». Пошли в ближайшее отделение милиции, и сопровождавшая их

переводчица сказала «жирному начальнику»: «Если ты не найдёшь сумку этой участницы международного конгресса, то я тебе очень сочувствую, а если найдёшь – может быть, будет что-нибудь интересненькое». Когда вернулись в гостиницу, рассказывала она, их уже ждал полицейский начальник с этой сумочкой и кинокамера.

Но во время моей поездки не было воровства, я никогда не сталкивалась с ним. Наши домики-*юани* в Бэйда, где жили мы, иностранцы, не охранялись. Я даже не помню, запирали мы двери или не запирали.

МК: С кем из китаеведов в своё пребывание в Китае вы общались?

ЭС: Свистунова, *Кучера*, Титаренко – это была не моя компания. Люся Егорова, *Зина Лапина*, Юра Парфионович, Былиняк, да много кого из тех, кто там учился или уже аспирантуру заканчивал, в том числе и питерские, конечно: *Гусаров*, *Мельниченко*. В общем, вот это поколение. Не моё – постарше, но многие тогда были в Китае. Если можно говорить о каком-то общении, то это Юра Парфионович. Слегка подвыпивши (а он этим весьма увлекался), он очень мило учил меня жить (у нас с ним была немаленькая разница в возрасте, а главное – мне было всего 19 лет, и я была глупенькая, совсем не знала жизни). Милая соседка была по комнате в Бэйда – Аклима из Алма-Аты.

МК: В дальнейшем, после возвращения в Москву, как получилось, что ваша судьба в итоге оказалась связана с китаеведением?

ЭС: Жалко было года обучения китайскому языку. Я пошла в ИСАА (тогда ИВЯ при МГУ), сказав *М.Ф. Юрьеву*, что окончила два курса Московского экономического института, год проучила китайский язык в Китае, а год в Народном университете можно не считать, он был не очень плодотворным. Юрьев сказал: «Вы понимаете, вам придётся поставить крест на этих четырёх годах и поступать на первый курс, потому что наши требования к языку довольно серьёзные, и эти зачатки вашего, в принципе, разговорного языка, тот небольшой уровень (естественно, я учила сокращённые иероглифы) – его не достаточно. Надо идти на первый курс». Мне было жалко: четыре года – псу под хвост. Я пришла к папе и говорю: «Не приняли». Он сказал: «На экономическом факультете в университете есть кафедра страноведческая, и там есть Китай. Я даже знаю, кто ведёт там Китай. Давай пойдём туда». Я отнесла туда свои документы, меня приняли на третий курс, поскольку раньше я два года в СССР уже проучилась. Меня с самого начала предупреждали: будет трудно. Разница в программах общеэкономического факультета в Университете и экономического института была настолько гигантской, что в зимнюю сессию мне надо было сдать 25 предметов. И тогда я поняла, что это никуда не годится, и я перевёлась на второй курс. У нас был преподаватель китайского языка (вовсе не «но-

ситель» его), но часов очень немного было, и я была единственной, кто на моём курсе собирался специализироваться по экономике Китая.

МК: Это связано с охлаждением отношений?

ЭС: Я думаю, что даже набора не было. Это было уже в 1960 году. На курсе годом старше, на который я сначала поступила, было два китаиста. На моём я была одна, а ниже – уже не было никого.

Набор 1965 года уже серьёзно изучал экономику; а у нас была так, «гуманитарная экономика». Вот семинары по «Капиталу» (Карла Маркса, а то вдруг кто уже не знает) проходили даже 2 года (частоту, правда, не помню). Мой руководитель, которому я помогала делать какие-то таблицы, ничему меня не научил. Преподаватель китайского языка был русский, и я стала забывать язык. В 1961 году один год у нас вёл экономику, хотя и не экономику Китая, сотрудник из Госплана – очень интересный по темпераменту человек и много знающий. Он рассказывал об экономике в реалиях, о «подводных камнях», про которые несведущий человек и не догадывается, и это было потрясающе. Именно тут я поняла, как строится экономика без всяких коэффициентов.

Я защищала диплом в научно-исследовательском институте при Министерстве внешней торговли. Там был очень интересный китаист, *Нетрусов*, по-моему, его фамилия была. Мне было всё равно, и я училась спустя рукава. Кто-то из обсуждавших спросил: «У автора очень много сносок на английском языке, а из анкеты мы знаем, что она учила только немецкий язык. Это как?» На что Нетрусов улыбнулся и сказал: «Изыскивать нетривиальные ходы в поисках источников – это хорошие данные для учёного. Список используемых статей приведён, и цифры нормальные». Я получила, по-моему, «трояк»... В университете на 4-м курсе произошёл следующий случай. Я ждала, когда начнётся кафедра, на которой меня собирались исключить. А следующим шагом было бы исключение из университета. Я сидела, кажется, в читальне или на балюстраде (в 1964 г. мы учились ещё в старом корпусе МГУ на Моховой, за памятником Ломоносову). Ко мне подошла абсолютно незнакомая женщина и сказала: «Вы меня, ради Бога, извините, я в аспирантуре и несколько раз видела вас. Я знаю, что сейчас готовится заседание кафедры, на которой вас собираются отчислить. Пожалуйста, постарайтесь не улыбаться. Я понимаю, что вы улыбаетесь от смущения, но у вас такая улыбка, которая всех размазывает по стенке, опускает ниже плинтуса. Такие вещи не прощают». Я запомнила. Но это не мешает мне иногда, наверное, неконтролируемо улыбаться.

МК: И вас не исключили.

ЭС: Не исключили. На госэкзамене я получила «трояк», потому что секретарь парторганизации факультета задолго до госэкзамена (не помню, за что он на меня взъелся) сказал: «Я знаю, что вы много знаете, и знаю,

что вы умеете говорить. Но я вас завалю». И после ответа по билету он меня спрашивает: «А вот ответьте мне на вопрос: в чём разница между колонией и протекторатом». Я сказала: «Простите, мы это проходили в 9-м классе, и я уже не помню». «Вот, я же и говорю». И «трояк» мне закатил. Всё равно, даже если было бы «отлично», это был 1964 год, и устроиться китаистом даже с прекрасным знанием языка было бы чрезвычайно сложно. Но тут опять помог папа. Меня устроили в ВИНИТИ, в отдел первичной обработки литературы. К нам, в сектор восточной литературы, приходило много журналов на всех языках (правда, ручеёк журналов на китайском постепенно иссякал). Мы должны были не только сортировать журналы по тематике. Мы должны были ещё выбрать ценное из того, что напечатано в них, и отправить в соответствующую редакцию. Работа этого отдела оценивалась по количеству невозвратов из редакций. Ещё мы расписывали патенты, основной массив которых был на японском языке (там главное – надо было по специальному словарю протранскрибировать японские фамилии).

Моя невестка – геофизик, она запросто разбирается в китайских статьях, поскольку там есть графики, формулы, и она понимает, что к чему. А я ничего не понимала. В общем, я делала подстрочник заголовка со всеми указанными значениями слова в словаре (с которым я научилась обращаться весьма споро): «рубин», «передавать», ещё что-то – в результате это оказывался «лазер». Так что я делала подстрочник, приходила в соответствующую редакцию, говорила: «Кто хочет разгадать кроссворд?» Кто-нибудь интересующийся садился и говорил: «Эту статью нам надо; а эту не надо, это всё известно». Так я в итоге давала вполне сносный заголовок и снизила процент возвратов... Но было скучно, несмотря на то, что мы участвовали в нескольких международных или союзных выставках (особенно помнится выставка на ВДНХ). Молодых привлекали сидеть у стендов – всё-таки развлечение. В отделе собрался неплохой коллектив, и начальницу мы любили, звали «мама Соня». Потрясающая женщина была, добрейшая, очень интеллигентная. Муж у неё работал в НИИ при Министерстве внешней торговли, где я защищала диплом. Как было в старых семьях, они оба имели свои «девичьи» фамилии; оба окончили востфак во Владивостоке. В общем, ведь в любом коллективе очень важен руководитель. Люди создают климат, но от руководителя зависит чрезвычайно много.

Делать подстрочник, используя словарь, в котором я ориентировалась уже очень хорошо, мне надоело, а в это время у меня не было языковой практики. Поэтому я пошла учиться (от скуки) и затем сдавать кандидатский минимум по философии (это было легко, тогда бывшая Ленинка работала до 23 часов, после работы забежишь в магазин и – в библиотеку).

Мне порекомендовали обратиться в Институт востоковедения, в Отдел Китая, к товарищу *Вяткину*. Он сказал: «Да что вы! У нас, во-первых, нет ставок. Во-вторых, вы же не историк». Я грустная ушла. Потом моя приятельница по Китаю, *Татьяна Коровкина*, она же *Никитина*, работавшая в отделе, который потом стал Институтом Дальнего Востока, сказала мне: «Иди к нам. Тут маленький коллектив, хорошие люди, они занимаются современностью». Я пришла, и встретил меня *Бергер*, который был секретарём парторганизации, во-первых, и, во-вторых, под ним был Отдел информации. Это уже был ИДВ. Также с ним был начальник Первого отдела, потому что в институте была военная охрана. Меня честно спросили, что я умею; я честно ответила, что ничего. Начальник Первого отдела сказал: «Возьмём на старшего лаборанта?» А Яша Бергер говорит: «Она же младший научный сотрудник, давай на эту ставку и возьмём». Потом я очень долго на ней сидела. Меня кто-то ругал, что не требую повышения, да не за что было повышать (да и трудно было со ставками всегда).

Так у меня появился первый учитель – Яков Михайлович Бергер. По национальности он – еврей, а посему при поступлении в вуз у него был ограниченный выбор, из-за «пятого пункта», как говорили тогда, хотя он окончил школу с золотой медалью. Он дружил с Юрой Новгородцевым, у которого отец был филологом и который сам пошёл на филологию по Китаю, а заодно позвал поступать с собой Бергера. И Яков Михайлович пошёл в МИВ. Когда он окончил, ему предложили, независимо от красного диплома, поехать преподавать английский язык, куда троечников посылали. Но он был уже женат к тому времени, и поэтому ему разрешили свободное распределение. По хорошему отношению его устроили в Институт географии, возможно, даже не в Отдел информации. В ИДВ РАН он пошёл уже как кандидат географических наук с прекрасным знанием языка, с потрясающей памятью.

На новой работе я переводила с китайского. Я реферировала немецкие и китайские журналы, как-то получалось. Недавно *Артём Кобзев* вспомнил, сказав: «А прав был *Лев Петрович* (*Делюсин*): с человека нельзя получить больше, чем то, на что он способен; и не надо пытаться». У Бергера это тоже было. Но, главное, что он умел дать задание и так ответить на вопросы, может быть самые глупые, что собеседник не чувствовал себя униженным. Можно было быть уверенным, что тебе помогут, а не осудят и не облают. Для меня это очень важно, потому что я никогда не уверена в том, что и как я делаю. Однажды я подошла к Якову Михайловичу и сказала: «Китайцы закупают твёрдую пшеницу, которую они не едят, но которая очень хорошо складируется». Тогда был моден лозунг: «На случай войны и голода...» И я предположила: может, они действительно пищевые запасы делают? Бергер сказал: «Пришла мысль – ответьте». «Как?» «Эле-

ментарно: посмотрите статистику, сколько человек, сколько скота, что, кто и сколько съедает, и прикиньте – идёт это зерно в запасы или нет».

Я села и написала свою первую работу, с подсчётами, с графиками, и она была опубликована в информационном бюллетене ИДВ.

Для меня ценнейшее качество в начальнике – стимулировать собственную работу сотрудника с добрым, доброжелательным отношением к её результатам. Потом я ещё стала писать.

Яков Михайлович мне подсказал: «Судя по вашим интересам, вам близки проблемы рабочего класса Китая, потому что это тоже социальная история, потому что это одна страта населения (тогда это называлось «класс»), которая, во-первых, модна – у нас же диктатура пролетариата, а во-вторых, она интересна». Так у меня появились статеечки по рабочему движению. А потом *Юра Новгородцев* подарил мне два больших тома *дацзыбао* 1957 года «Движения исправления работы Партии», притом первого, экспериментального периода. Я смотрела на этот сборник с большой тоской. Начала переводить его в ИДВ, но было очень сложно, потому что нужен был такой человек, как *Ду И-син*, к которому я впоследствии приходила со своим переводом (как и все к нему приходили), и он помогал разобраться. Это был современный китайский язык с редкими цитатами на вэньяне. Но иногда даже Ду И-син ничего не понимал. Смотрел, смотрел и говорил: «Я тоже ничего не понял. Видимо, совсем безграмотный человек писал». Плюс, непонятны были и специфические термины. Кстати, в ИДВ был потрясающий переводчик – *Борис Митбрейт*. Он собирал антикварные вещи XVII–XVIII веков в стиле «Буль», а это дорогое увлечение, и по этой причине очень много занимался переводами. Однажды пришёл довольный и говорит: «Пианино купил “булевское”! Это тот самый случай, когда я купил мебель ради мебели, потому что никто в моём доме не играет на пианино. Но это – Буль!». Он так красиво переводил даже из журнала *Хунци*, что я думала: «Как надо знать язык, чтоб это топорное нечто перевести так! Пытаешься и не получается, потому что сам как в колодки зажат»... Потом нас посадили переводить большой справочник под названием «Кто есть кто в китайской армии», тайваньский сборник 1967–1968 годов. Во-первых, там были несокращённые иероглифы, и, во-вторых, этот язык даже я была в состоянии почти грамотно переводить.

МК: Как в дальнейшем сложилась ваша научно-исследовательская карьера?

ЭС: Дальше был трагичный период. Бергер ушёл в Институт научной информации, который стал создавать Лев Петрович Делюсин. Он возглавил Отдел научного коммунизма, и его продукция продавалась на чёрном книжном рынке за хорошие деньги. Это был прекрасный отдел, и прекрасные выпускались реферативные сборники и переводы, и прочее. Но он

ушёл из института... Я была в аспирантуре и перешла в отдел *Никольского*, поскольку рабочий класс был как бы частью экономических проблем страны, а социальной истории практически не было. Миша Никольский был прекрасный человек, но он – научный руководитель для людей самостоятельных, а я не являюсь таковым. Мне надо обязательно принимать участие в коллективной работе, вместе решать проблемы с кем-то или присутствовать при этом, это побуждает меня действовать и делать свою работу. Я – несамостоятельный человек. В итоге я год-два прожила великолепной жизнью. Занималась своим любимым делом – лежала на диване, читала, смотрела фильмы, бегала по всяким фестивалям, ходила в театр, пила кофе. Но потом подумала, что ещё немножечко, и я либо врасту корнями в свой диван, либо просто разучусь работать. И тут Таня Коровкина опять предложила мне перейти. Это был, как я его называла, институт «чёрных полковников». Они занимались сбором экономической информации обо всех странах; и я перешла в восточный отдел.

МК: А как это учреждение называлось?

ЭС: В 1990-х, открывшись, он, кажется, назывался Московский институт межотраслевой информации (если я ничего не путаю). В этом институте я поняла разницу между родами войск, известную мне ранее по литературе и фильмам. Например, самые скучные и простоватые – пехотинцы; потом идут танкисты, а моряки – это ещё более открытые, отзывчивые люди. И верх, элита – это лётчики. Они действительно разные. Там также были кадры из военных разведок разных родов войск. В большинстве своём были полковники. Может быть, отставники, а может быть, всю жизнь работающие в этой отрасли, не знаю. В 1973 году я перешла в этот институт на должность старшего научного сотрудника, с прекрасной ставкой, с ежеквартальными и ежегодными премиями.

Всё было великолепно, кроме начальника. Он был, по-моему, полковник, хохол (я не ксенофобка, ни в коем случае, однако же). Он доводил до слёз сотрудницу нашего отдела – подполковника, специалиста по Чехословакии, взрослую и серьёзную женщину – мол, всё не так, всё не то и т. д. У меня тоже было настроение от него – жуть. Но, если честно, я не была готова к такой работе, хотя в «курилке» было очень интересно поболтать с «коллегами» из других секторов.

Там были и смешные моменты. Иногда, по знакомству, я брала домой спецхрановский материал на праздник или на субботу-воскресенье, и утром в понедельник мне надо было передать их назад и успеть на работу, а работать начинали рано. И как-то после ноябрьских праздников мы не состыковались с человеком, и я опоздала. Прихожу на работу и пишу объяснительную записку: из-за нестыковки с внештатным референтом прошу принять как оправданное моё опоздание на работу. Начальник, милейший,

ещё вполне молодой, сморщившись, расписался в согласии не считать опозданием: «Идите, всё в порядке». Потом выхожу курить, и ко мне подходит очаровательный доброжелательный лётчик и говорит:

– Ты себя несолидно ведёшь.

– В каком смысле?

– Пишешь – несостыковка с внештатным референтом... Ну, всем понятно, почему человек опаздывает после трёхдневных праздников! Так бы и написала, ведь поняли бы тебя и простили. Но зачем врать в глаза начальнику и коллективу?

И убедить их, что опоздала не из-за пьянки предыдущих дней, я не могла. Всё так открыто, хорошо, прекрасные люди местами, и я впервые попала в окружение профессиональных военных, поскольку в моей семье или ближайшем окружении не было таких. Но, всё равно, было очень скучно! Я поняла, что сижу не на своём месте, и утомилась от этого «чёрного полковника».

К этому времени из ИВ РАНа забрали людей в Институт Дальнего Востока, а Льву Петровичу Делюсину это, вероятно, жутко не понравилось. И когда я пришла опять устраиваться на работу в ИВ РАН по принципу – сам я не умный, так хоть среди умных быть, Лев Петрович меня принял. До этого, ещё работая в ИДВ, в 1970-х годах, я ходила сюда на конференции. Бергер ушёл в ИНИОН в 1970-м, а в 1973-м году я перешла в вышеописанный институт к «чёрным полковникам», где проработала всего 9 месяцев.

Было очень забавно, что, когда я объясняла людям, что боялась разучиться работать и поэтому перешла к этим самым военным, никто меня не понимал. Когда же я говорила – там мне дали ставку старшего научного сотрудника и премии – всё становилось для всех совсем понятно.

После моего перехода в ИВ РАН некоторые «доброжелатели» говорили: «Она пришла, покрутила своей задницей в зелёных штанах, и Лев Петрович её взял». Если по-честному, нечем крутить, а брюки я одна из первых принесла в Москву, потому что привыкла в Китае в них ходить. Это было ещё то время, когда ни врачам, ни учителям не разрешалось ходить в брюках, а я очень рано начала ходить в брюках и носить их мне было очень привычно... Я думаю, главное, что представляло во мне интерес для Льва Петровича, это то, что я была бывшим сотрудником ИДВ. К этому времени половина отдела уже была оттянута в ИДВ, и тут кто-то пришёл из ИДВ (понятно, что отнюдь не эквивалентный обмен, но всё же...).

Меня взяли в отдел в ноябре и сразу посадили готовить очередной сборник «Общество и государство в Китае». И мы сидели в компании: *Зоя Дмитриевна Каткова, Зоя Сергеевна Дубасова* и я. Под руководством товарища *Хохлова* мы вырезали буквы, вырезали строчки. После цензуры Саша перекомпоновывал материал, а мы переклеивали, переделывали и готовили сборники; денег на перепечатку не было.

МК: А на какую позицию вас взяли?

ЭС: Младший научный сотрудник.

МК: Расскажите немного об обстановке, которая была в Отделе Китая, когда вы туда пришли.

ЭС: Я пришла работать в уже сложившийся коллектив. Это был 1974 год, то есть Лев (так за глаза все называли Делюсина; но это не было фамильярностью, то был Лев как Царь зверей) уже был здесь около 7 лет[178]. Не помню точное количество сотрудников, но были *Калюжная, Борох, Костяева. Чудодеев* ещё был и Вяткин-старший.

МК: Было ли разделение по секторам?

ЭС: Да. Вяткин возглавлял сектор древности и средневековья, а сектор новой и новейшей истории – *Г.Д. Сухарчук*[179]. Главное – был костяк, коллектив с разными внутренними взаимоотношениями. Было некое количество «плебса», как охарактеризовала Зоя Дмитриевна. Была очаровательная Зоя Сергеевна, просидевшая и за связь со второй женой *Блюхера*, и за бывшего мужа из дореволюционной, верно, интеллигенции. Правда, она сама из Владивостока, а у востоковедов тут была своя «тусовка». Она прожила после пяти лет лагерей несколько лет высылки в тайге и потом говорила мне: «Эля, тюрьма, лагерь – это гарантированная пайка! Когда на высылки отправили, то там надо было зарабатывать самим, а работать негде было. Поэтому это было очень тяжёлое время». Тем не менее, однажды, навещая меня, когда я болела, и время подошло к семи часам, она сказала: «Эля, можно я включу телевизор?» Там шёл фильм про тайгу. И на титрах, которые шли на фоне тайги, она повернулась ко мне и говорит: «Самые лучшие воспоминания моей жизни – это тайга! Это так красиво!» Зоя Сергеевна, по-моему, научной работы никакой не вела, она была сильно в годах. ... Были Ду И-син, *Крымов* (*Го Шао-тан*) – оба бывшие репрессированные политзаключённые, «зэки», лагерники. Ду И-син всем помогал переводить, прекрасно знал язык, и ещё много чего знал, непонятно откуда, потому что он приехал ещё до революции ближе к Владивостоку, чтобы зарабатывать деньги. После нашей революции он окончил местную школу (говорил, что так хотел учиться, да дома не было возможности), переехал в Москву, поскольку-де граница с Китаем была закрыта и поскольку после прекрасного окончания школы получил распределение в Институт связи. Его тут женили на какой-то женщине. Я очень хорошо запомнила наш диалог: «Она вам понравилась, или что?» «Ну, ведь надо же жениться...» Никаких чувств между его женой и им не проскочило. Был у него сын. Потом они как-то мерзко разошлись.

---

178 Л.П. Делюсин возглавил Отдел Китая ИВ АН СССР в 1967 г.

179 Позднее, с приходом А.И. Кобзева, Г.Э. Гороховой и других китаеведов нового поколения, в отделе появился третий сектор — идеологии и культуры.

А «не-элита» – это Зоя Сергеевна, Зоя Дмитриевна, которая пришла буквально накануне моего прихода. Также *Кузес*, который вёл кассу взаимопомощи, следил за холодильником, писал про свою компрадорскую буржуазию. Работу он так и не закончил (хотя мы её обсуждали и оценили вполне положительно, насколько я помню), за что и погорел в год, когда пытались сокращать отдел. Он был ужасно нудный бывший кавалерист, некогда принимал участие в Ошанинском издании[180] и представлял собой маленькую ходячую энциклопедию, поскольку работал над энциклопедией и прекрасно знал язык. Кузес тоже входил в «не-элиту», несмотря на то, что он всем помогал и всё делал (вот уж был мастер на все руки!). Мы даже сидели по разным комнатам. Когда отдел переехал на Рождественку из Хохловского переулка, поначалу мы занимали нынешний директорский кабинет и две комнаты рядом. Больше никого в институте не было. Полный переезд института ещё не произошёл, а мы уже обживали здание.

Чёрная работа в отделе – вычитка томиков, вклеивание-вырезание – падала на нас. Хохлов был с нами, хотя он старый сотрудник. Вечерами обе Зои и я сидели и вклеивали по буковке, когда Хохлов перерезал, переклеивал, перекраивал томик после цензуры. Благодаря этому мы ближе сошлись и с Сашей, и с обеими Зоями. Это была наша группка.

Сословное разделение чувствовалось в отделе. Всегда есть старые сотрудники – ветераны этого отдела, независимо от их возраста, это естественное разделение. Но, мне кажется, что элита чувствовала своё интеллектуальное превосходство. Это, наверное, действительно так и было.

МК: Были прямые конфликты, или это было на бытовом уровне?

ЭС: Это было заугольное шипение. Открытых конфликтов не было. 60-летие Льва Петровича мы как-то очень дружно праздновали, но это было позже, когда институт заполнился, и уже все переехали сюда, на Рождественку 12.

Часть той технической работы, которую я делала, была вычитка с машинки. У нас была секретарь, она же наша машинистка Людмила, сидевшая в комнате, которая находится сейчас за директорским кабинетом. Она отвечала на все звонки, связывала с шефом, печатала. В теперешнем директорском кабинете сидел Лев Петрович, а другие две комнатки были наши. Мы имели один библиотечный день. Иногда мы расписывались друг за друга. Борьба за посещаемость началась ещё с Рудольфа Всеволодовича Вяткина (а возможно, и раньше). Была устойчивая сложность, надо было «присутствовать». Компьютеров тогда не было, и где сидеть с ручкой, было всё равно. Хотя, всё-таки, присутствие «для галочки» – глупо.

[180] Имеется в виду «Большой китайско-русский словарь» (т. 1–4. М., 1983–1984), за участие в создании которого В.С. Кузес получил государственную премию СССР за 1986 г.

Я пришла в отдел в ноябре 1974 года. Если мне не изменяет память, Лев Петрович объединял Бергера, который работал тогда в ИНИОНе, или *Гельбраса*, который работал в Институте международного рабочего движения, и они писали взвешенные, альтернативные (идэвэшным) «справки» в ЦК. Приходилось помогать с технической стороны. И в ИДВ, и тут эта работа была очень интересной. Было даже забавно наблюдать, как Бергер писал записки с *Сашей Григорьевым* (*Миронов А.Г.*) и как Бергер иногда редактировал директорские (кажется, это был *Сладковский*), требуемые ЦК справки и записки. Надо, чтобы всё соответствовало взглядам ЦК КПСС, и при этом не опуститься до плинтуса. Они с Сашей долго думали, как это всё сделать. Яков умел поменять одно слово на другое, иногда переставить слова, и статья приобретала более-менее интеллигентный вид. И Лев Петрович тоже такие записки писал, при этом считая, что, критикуя маоизм, они почти все критиковали сталинизм. Когда я пришла в ИВАН, я часто вычитывала статьи или ещё что-то. Иногда я говорила: «Лев Петрович, эта фраза у вас – у меня прямо сердце сжалось». И нередко оказывалось, что его попросили этот пассаж снять.

Было интересно наблюдать за тем, как люди не опускаются ниже своего интеллектуального и научного уровня, выполняя чёрную работу, но воспринимая её и как борьбу с «собственным» злом. Естественно, это не всегда было «в струю», и иногда ответ на это был «асимметричный».

МК: В каком смысле «асимметричный»?

ЭС: Помню такой эпизод: Лев Петрович пришёл, собирает нужные документы, так как завтра он должен вылететь в Америку. Через некоторое время захожу в кабинет, а он сидит над залитой кровью рукописью (давление резко поднялось, и кровь хлынула из носа), приходит в себя. Я спросила: «В чём дело?» Он: «Отменили завтрашнюю командировку». Раза три я помню такие случаи.

МК: Как проходили конференции «Общество и государство в Китае»?

ЭС: На наших конференциях всегда было что-нибудь очень интересное. Приходил *Померанц Григорий*, очень хороший докладчик, про ойкумену захватывающе рассказывал. Из соцстран приезжали: *Фельбер, Полоньи, Славински*. Кто-то из них в это время работал в Москве, кто-то соединял свои появления на конференции с командировкой. ... Всегда на конференции мы начинали смотреть и предполагать – кто здесь для того, чтобы написать донос на шефа? Потому что донос поступал моментально – про то, что он без санкции принимает иностранных гостей, или про то, что в таком-то докладе не то сказано, не так было оценено...

Конференция «Общество и государство в Китае» приобрела особый вид, когда, после 5 лет её существования без обновления, в отделе появились первые молодые сотрудники: Кобзев, *Горохова* и *Андрей Крушинский*.

Артём вскоре занялся нумерологией. На это некоторые смотрели очень дико, а Лев Петрович говорил: «Если это кому-то интересно, пусть будет. А если это чушь, оно со временем отомрёт». На конференцию стало приходить очень много людей. Иностранцы к этому времени уже практически перестали приезжать. А на конференции появилась прорва волосатых типажей, лохматых как прическою, так и одеждой, которые увлекались *Ицзином*, нумерологией, гексаграммами и так далее. Поэтому, когда *Дикарёв* создавал свой первый указатель[181] и ввёл индекс цитируемости, Кобзев перекрыл все мыслимые показатели, потому что эта компания цитировала его – прародителя, руководителя, отца родного – буквально через строчку. Все посмеивались, но отголоски слышны до сих пор. В этом смысле Лев, конечно, потрясающий человек – пусть будет, что будет. На сороковины по Льву Петровичу (осталось уже не много людей, которые помнят его и дружили с ним, а главное, могли дойти до его дома) промелькнула кем-то высказанная мысль, что ни один из его друзей не может вспомнить резкое слово, исходящее из уст Льва Петровича.

Я сказала: «Прошу прощения, но, во-первых, я слышала, что Лев Петрович не получил звание членкора, потому что у него были плохие отношения с некоторыми товарищами наверху, в том числе с товарищем *Тихвинским*». На 60-летие С.Л. Тихвинского, которое проходило у нас в теперешнем директорском кабинете в Отделе Китая, Лев встал с тостом, но сказал что-то настолько уничижительное юбиляру в лицо, что я не привыкла от приличных людей слышать. Сердце упало. Однако это высказывание было произнесено с доброй улыбкой, и по форме это всё было прилично. Никакой реакции Тихвинского я не заметила. И второе ценное качество – его якобы «неспособность сердиться». Я очень долго хранила, пряча, протоколы обсуждения работы *Илюшечкина*. Там была «теоретическая» стычка: Илюшечкин то ли собирался писать, то ли написал в ЦК КПСС. Лев Петрович его очень зло выставил из кабинета, очень безапелляционно, со вспыхнувшими ярко-голубыми глазами, которые я больше у Льва Петровича никогда не видела. Я спросила у жены Делюсина: «У Льва Петровича глаза голубеют только во время злости?» Она отрицала, что он может злиться, и он тоже говорил, что вовсе не был зол. Но он умел ненавидеть. Это не всегда было заметно, но, в принципе, он умел.

МК: С чем были связаны его недобрые отношения с Тихвинским?

ЭС: Я думаю, что это разного целеполагания люди. Тихвинский вряд ли может сказать высшей и невысшей инстанции что-то, что противоречит общей линии Партии. Это, видимо, тип школы влияет. А Лев Петрович всегда умел идти поперёк. Кто-то из бывших коллег говорил про него, что

[181] Общество и государство в Китае. Указатели (I–XX научные конференции) / сост. А.Д. Дикарев. М., 1989; Общество и государство в Китае. Указатели (I–XL научные конференции) / сост. и отв. редактор А.Д. Дикарёв. М.: ИВ РАН, 2011. 249 с.

это человек, который приходит со своим мнением к директору и выходит от директора с тем же мнением. Эта негибкость портила его отношения со многими. Он и при Примакове тоже так держался. Говорят, что он защищал отдел, помогал ему сохраниться. Отдел был немаленький, и проблемы тоже были немаленькие: были *Завадская, Занегина, Рубин*...

Конференция начиналась с диспута *Васильева* и Рубина. Какое это было пиршество духа, эти вот самые первые конференции! Я тогда у Бергера работала, он вернулся с первой конференции с горящими глазами. Я говорю: «Можно туда с вами пойти?» Он говорит: «Пошли!» ... Пошла я уже в 1971 году. Было немного людей, хотя и иностранцы попадались. С 1970-го она практически началась. В 1973-м я тоже сюда приходила, мои первые две конференции особенно впечатлили. Они происходили в маленькой комнате с низкими потолками, в которой «жила» Синологичка (Синологическая библиотека). Тут были старинные картотечные шкафы-ящики, был запах старой бумаги, старой мебели и даже старой думы, старых дум. Это ощущалось, потому что таким было само помещение, возможно и купеческое, судя по расположению и метражу. Была ещё Дора Натановна, директор этой самой «Синологички». Все тут друг друга знали, поэтому не надо было придумывать аргументы pro et contra, они были у всех наготове. Это было потрясающе! Я вообще помню эти события в основном по силе своих ощущений. А по поводу чего эти ощущения были, я иногда не помню.

В отделе проходили интересные обсуждения книг, готовых к изданию. Тогда такие обсуждения, во-первых, проходили реже, чем сейчас, потому что не было планов на монографии трёх или пяти лет. Во-вторых, книжка обсуждалась, а потом лежала пять, десять лет (а то и больше) в Учёном совете или в издательстве. На депонент было очень уничижительно отправлять, это было равно выкидыванию книги в мусор (а мне так кажется, что разница – 1 экземпляр или 100 – не очень существенна. К тому же книга на депоненте имеет карточку в каталоге, и желающий может рукопись просмотреть, да и авторские права защищены). Когда мы первые томики конференции выпускали, то здесь вот, под нашим отделом, была «Восточка» (восточное отделение Академиздата, то есть издательства «Наука»), и это было репринтное (если не ошибаюсь) издание. Негласно, во всяком случае официально не сообщая Льву, мы частично продавали томики конференции (тоже на конференции) тем, кто не имел права на бесплатный экземпляр. Эти деньги Хохлов хранил, и когда приходило время печатать новые томики, то на эти деньги старая знакомая машинистка, которая делала наполовину «по любви», печатала нам. Мы сами резали-клеили, ведь денег на перепечатку, как я уже говорила, не было. Это тоже очень сплачивало коллектив, потому что была общая работа. Однажды, когда мы уже были на современном местоположении отдела, нам приготовили листы для

сдачи на переплёт, и выяснилось, что перепутали страницы, и надо было разложить всё вручную. Наша бывшая «элита» странички две-три переложила и ушла. Как я говорю – главное завернуть рукава и по-тихому уйти, ни в коем случае не сопротивляясь. Помогали мне, как я сказала, «фашистка и коммунист» – Андрей Крушинский и *Вера Дорофеева*. Андрей тогда (а это было уже в 1990-х!) сказал: «Я – коммунист теперь». А Вера, как всегда – вызывающе элегантная, говорила: «А я – фашистка». Мне же оставалось лишь сказать, что всегда знаю, на кого опереться – на людей, которые понимают слово «порядок», а не на всяких там «интеллектуалов».

В эту конференцию было вложено много труда наших сотрудников, если иметь в виду не авторство, а непосредственно техническую сторону. И, может быть, поэтому у меня отношение к конференции, как к усыновлённому ребёнку. Сначала у Льва Петровича собирались пообщаться те, с кем ему и кому с ним было о чём поговорить, и беседовали весь перерыв. Поэтому пришлось приносить бутербродики, потому что была ещё и вечерняя «сессия». А потом, естественно, если одних кормишь, то и других надо покормить. Так я и стала «кормящей матерью» конференции. Это было в 1980-е годы, когда можно было, постояв раза 4 в очереди в магазине «Сыры» на Горького, достать хорошую порцию – килограмм с чем-то сыра. Часть можно было подарить Льву Петровичу домой, себе немного оставить и принести на конференцию. В общем, можно было жить. Поэтому в 1990-х годах, когда я стала искать деньги на конференцию, я планировала не только на издание, но и на бутерброды тоже. Часто я покупала кусок мяса, резала его, варила и приносила в термосах бульон, потому что у нас были люди, которые без первого не могут.

МК: Трудно ли было находить спонсорские деньги в 1990-х годах?

ЭС: Искать деньги было в то время и легко, и сложно. Для меня, естественно, сложно – это была совсем незнакомая мне деятельность (фандрайзингу меня пытались учить уже потом, во время моей общественной и недолгой партийной жизни, а тогда я ничего не знала). Ведь надо было искать деньги на малотиражное издание материалов по узким исследованиям, преимущественно по истории древнего и средневекового Китая. Но безнадёжная ситуация с конференцией придавала смелости. А легко было потому, что развелось очень много частных и кооперативных предприятий. Я смотрела по сторонам и обзванивала всех, у кого на рекламных баннерах были телефоны. Иногда находились люди, которым казалось, что эта помощь может придать вес их фирмочке. Да и деньги были маленькие. Тем паче, что я старалась уходить от государственных издательств, где цены были выше. Иногда спонсорами были просто люди, восхищающиеся Востоком.

Помню один забавный случай. Кто-то из коллег посоветовал обратиться к совладелице совместного российско-китайского бизнеса. Китаянка пришла к нам познакомиться и посмотреть, что за издание ей предлагают проспонсировать. Когда *Алёша Бокщанин* начал ей переводить оглавление томика предыдущего года, она довольно быстро сказала, что ей всё ясно и помочь российским учёным, занимающимся глубокой историей её родины за те гроши, которые они получают, просто её святой долг. Провожая её, я сказала, что ещё бы денежку на дорогу 2–3 иногородним участникам, да и на бутерброды в перерыв. Она мне взволнованно ответила, что она не одна распоряжается деньгами, но сделает всё возможное. И сделала!

Некоторые коллеги неоднозначно реагировали на эту мою деятельность. Помню, кто-то, пощупав мою сумку, удивился, что она у меня не кожаная. Видно, предполагалось, как говорят китайцы, «у воды быть, да не напиться»!

МК: Политические события 1970-х годов, которые происходили в КНР, сказывались на жизнедеятельности Отдела Китая?

ЭС: На китаеведении больше сказывалась ситуация в стране. У нас были «подписанты» и «отказники»: Завадская, Рубин.

МК: А «подписанты» и «отказники» – что вы имеете в виду под этими словами?

ЭС: Это когда в СССР начались аресты диссидентов, заводились дела по обвинению в антисоветской деятельности, когда людей сажали за чтение «антисоветской» литературы, а интеллигенция собиралась, подписывала письмо с протестами. Посылали эти письма в газеты, в ЦК. Всех «подписантов» потом прорабатывали. Многих из них, на кого нельзя было завести дело, потому что он ни в чём, кроме как в подписи в защиту, не был замечен, рекомендовалось обработать по месту работы. Это должно было быть решение местного парткомитета, выговоры, увольнения. Но Лев Петрович эти гонения прикрывал, как-то спускал на тормозах. Из-за своего «подписантства» Завадская долго не могла защитить кандидатскую диссертацию и получать бóльшую зарплату (не допускали к защите), не могла поехать в Китай. В Китай она впервые поехала уже очень поздно, наверно, в конце 1980-х.

Что касается Рубина, тут другая история. Человек, который собрался уезжать в Израиль, должен был заранее написать заявление на увольнение. Потому что если он уезжал с работы, то его руководству грозили выговоры по партийной линии за недосмотр, за непроведение идеологической работы с сотрудниками. Вот, Наташа Занегина, собравшись уехать, пришла ко Льву Петровичу и сказала: «Я пишу заявление об уходе, пожалуйста, освободите меня. Я подала заявление на выезд». И хотя Лев Петрович её страшно уговаривал: «Останьтесь, Наташа, я как-нибудь переживу», она

ушла. И, уйдя, она осталась безработной. Она, кандидат наук, владевшая английским и китайским языками, устанавливала утеплённые двери в компании с такими же «отказниками». Потом, благодаря содействию, она была «белым негром» в ИНИОНе, переводила, реферировала (без права собственной подписи). Её очень долго не выпускали в Израиль (отказывали в выезде – отсюда и прозвище «отказник»), поскольку ходила версия, что когда её отец Борис Николаевич Занегин поехал в командировку в Америку, то в ТАССовских закрытых материалах, которые поступали в Первый отдел, прошла информация из американских СМИ, что «полковник КГБ едет с ознакомительной поездкой по Америке». Он был сотрудником КГБ. В штате, не в штате – не знаю. И поэтому, конечно, дочь не выпускали очень долго. Она уехала почти в 1990 году, а подала на выезд в 1986-м. Рубин тоже ушёл, хотя Лев Петрович его также отговаривал, просил не уезжать вовсе. Немало уже уехало. Тут был Отдел литературы, такие красавцы ходили, асы литературоведения!..

Недавно я прочла в предисловии к китайскому роману 40-х годов XX века, перевод которого издан у нас в 1988 году, некую цитатку – оценку одного из очень известных российских литературоведов (имя называть не буду, не в человеке суть!). Не вырвало меня только потому, что для меня представляли интерес последующие странички книги – такой кондовый язык, ведь следовало соответствовать марксизму-ленинизму, и это был кошмар...

Когда у нас была редактором Свистунова, она вычеркнула практически всех сотрудников ИДВ, сказав, что такой «мусор» мы у нас печатать не будем. Форма была интеллигентнее, но смысл – такой. Имелись в виду те, кто писал о гоминьдановском периоде, вся новая и новейшая история. Для Свистуновой сама эта тема не является научной, и, кроме этого, она считала, что всё это выполнено на плохом уровне, поэтому она это жестоко вывела.

В 1990-х совпал период её редактуры и моего «спонсорства». До этого редактурой занимался ещё Саша Хохлов. Но кроме того, что он пропускал статьи сотрудниц ИДВ, а также, помимо претензий в том, что он нежёстко редактирует, с апреля он приставал ко мне: «У нас деньги будут?» В 1988 или в 1989 году нам было сказано, что это последние деньги на издание конференции, больше у института нет денег. И Саша говорил: «А зачем мы будем работать, если денег нет?» Я говорю: «А если будут деньги, что ты предъявишь?» Он два года меня мучил вопросами про деньги, и в результате эти две линии сплелись – плохая составительская, редакторская работа и отсутствие денег, и мы начали пахать вместе со Свистуновой. Это было связано с некоторым количеством «ляпов». Например, один макет мне делали у Максимова, и я этот макет сразу отправила в издательство без соответствующей вычитки, поскольку я не знала, что макет тре-

бует корректировки. Жизнь была интересная, в чём – не знаю. Трава тогда была зеленее...

МК: А как менялся состав отдела? Когда вы пришли, была «элитная» группа и был «плебс». До какого времени это сохранялось?

ЭС: Это вечно! Помимо прочего, это говорит о том, что мы являлись слепком советского общества. Есть градация научная, есть стаж работы. Когда это соотношение нарушается, кто-то поднимается вверх, кто-то опускается, и происходит изменение взаимоотношений мелких содружеств или сообществ. Во-первых, «ушли» Илюшечкина, или он сам ушёл. Имел место принципиальный разговор, что-то о собственности на землю, и если бы Илюшечкин не пошёл доносить, всё бы прошло нормально, как и проходят обычно научные споры. ... Потом ушёл *Непомнин*. Не помню из-за чего, но это тоже были личные конфликты. Не совсем личные, конечно, они по научным проблемам зарождались, но, всё равно, личностное неприятие накладывалось. Потом ушёл Васильев. Васильев, кстати, всегда умел быть как-то в стороне, в себе. При этом его прекрасно слушали студенты. Да и некоторые наши тоже, хотя многие его не воспринимали, считая, может быть, что, не зная китайского, он пользуется только англоязычной литературой. Вот, хотелось бы спросить таковых: а что, настоящие учёные на английском не пишут? Снобизм какой-то, я считаю.

Мы жили более тесно, чаще встречались на работе, поэтому, естественно, некоторые вещи приводили к определённым стычкам. Мой папа говорил: «Почему аристократы не разводились и жили долго в браке? — Потому что у мужа и жены были свои половины дома». У нас этого не было, мы были все в трёх комнатах!.. Однако благодаря Льву Петровичу у нас были общекультурные мероприятия: мы периодически ходили большими кагалами в театр на Таганке. Совместные походы туда сближали, потому что это была общая жизнь.Тогда это было не просто интересно. Даже тем, кому плевать на театр, было престижно сказать потом в любом обществе: «Я смотрел последний спектакль на Таганке – ничего интересного!»

Когда жена писателя *Тянь Чжун-чжи* вспоминает о «школе перевоспитания» во время «культурной революции», она отмечает, что на сельских работах, где все жили вместе, у них вдруг стал образовываться коллектив, которого не было в институте. Там каждый приходил, сидел за своим столом, работал и уходил, а в деревне они были вместе с утра до вечера. Мы тоже с утра до вечера были вместе. Было то, что называется «коллектив». Когда каждый видит другого часто, труднее скрыть свою личную жизнь, потому что идут телефонные переговоры, и ты всё время на виду. Но не могу сказать, что паршиво жили. Однако я – плохой свидетель. Живя почти 40 лет в этом институте, я знаю многие лица, я знаю многие фамилии, но не могу их совместить. Я помню кого-то потому, что вела большую работу в рамках

«Демократической России»: подготовка к выборам, участие в избирательной комиссии, митинги. Это небольшая часть, человек 15 от силы, с которыми были простые человеческие отношения. А многих я не знаю и теперь. Вот, я умею жить так.

МК: Смена директоров института влияла на вашу жизнь?

ЭС: Я смеялась, что, когда был *Гафуров*, у нас было много лиц «азиатской национальности»: аспиранты, те, кто приезжал устраиваться на работу, и др. Это очень чувствовалось, так как все они ходили в институте по коридорам. Когда появился *Примаков*, стало казаться, что много молодых крепких невысоких мальчиков, аккуратно причёсанных, у которых одно бедро было немножко выше, чем другое. Мне всё хотелось подойти и спросить: «У вас там револьвер?» Мальчики абсолютно не нашей среды. При Примакове был сделан ремонт, положена плитка на ступенях к нашему институту, которая скользит, вылезает, щербатая. Появились мраморные лестницы, и стены были облицованы армянским туфом, к которым нельзя приложиться одеждой – останется пыль. При *Капице*, может быть, больше пили в стенах института – он был большой поклонник зелья и дам... При Примакове начались «ситанализы» (ситуационные анализы), и стали в отделах иногда выяснять, с кем спит та женщина, которая была старшим научным сотрудником, а ей дали главного и повысили ставку. На самом деле она просто согласилась работать на этих «ситанализах».

МК: Коллектив института был преимущественно мужской или женский?

ЭС: Преимущественно женский, мне кажется. Это сейчас мужчины начинают превалировать. *Серова* ушла в письменные памятники, поскольку её любовь к театру и некоторые работы не признавались. Она «ушла» в театроведение или в изучение Серебряного века, безотносительно Китая. Я не знаю состав Отдела накануне создания ИДВ, но мне кажется, что туда перешли преимущественно мужчины. То есть до этого наш отдел был мужским. Туда ушли *Сорокин, Переломов*, Саша Григорьев. Когда я пришла в ИДВ на второй или третий год его существования, там было 45 человек, и это был мужской институт – те, кого сманили из Отдела Китая всякими доплатами за знание языка и прочим.

МК: С чего начиналась ваша научная работа в отделе?

ЭС: Вскоре после перехода в Отдел я начала переводить *дацзыбао* под руководством Ду И-сина. Я сделала выборку, возможно, нерепрезентативную, но представление можно было составить. После чего я долго сидела с карточками, раскладывала их, как пасьянс. Потом я написала статейку в наш бюллетень, затем ещё одну... Ближе к 1990-м годам, когда к нам пришёл *Гарушянц*, произошёл запомнившийся мне случай. Я написала в наши материалы конференции статеечку об отсутствии правового сознания сре-

ди служащих и рабочих Шицзиншаньского завода[182]. Саша Хохлов сказал: «Так нельзя, ты оскорбляешь китайцев». Тут Гарушянц, сидевший рядом, говорит: «Эль, разреши мне почитать статью». А надо сказать, была версия (хотя Лев Петрович её отрицал), что Гарушянц, когда его брали обратно в Отдел Китая (он был в Отделе Китая ранее, потом ушёл в редакцию или ещё куда-то), должен был принести чуть ли не клятву, что он не будет читать ни одно произведение, которое обсуждается в нашем отделе. Потому что все знали, что он очень резкий критик. Соответственно, в такой ситуации у меня возникли очень смешанные чувства. С одной стороны, мне хотелось узнать его мнение, с другой стороны, было боязно. Но я сказала: «А почему нет? Саша, дай Юре статью!» Гарушянц берёт статью, читает её, затем поворачивается ко мне, крайне одухотворённый и красивый, возвращает мне статью и говорит: «Тебе бы хорошего редактора, цены не было бы статье». А на фразу «китайцы обидятся» Юра ещё до этого сказал: «А почему? Это и про нас можно сказать. Мы тоже правового сознания не имеем. Это – ничего страшного, не оскорбительно». Внутри меня было ликование!.. Если вы помните или знаете Гарушянца, он принадлежит к людям, у которых лицо имеет очень разное выражение. Есть люди, которые хорошеют, когда они счастливы, а есть люди, которые хорошеют, когда в них проявляется доброта, и человек становится красивее. Хотя, возможно, это восприятие того, к кому направлена его доброта, потому что мы тоже воспринимаем человека в зависимости от собственного настроения.

В результате, худо-бедно, я закончила смотреть эти сборники с «дацзыбао», выкопала из них всё. Тут начался 1990 год, началась и моя общественная работа, куда я вляпалась, как в китаеведение. Я ходила на демократичекие митинги, но вскоре пришла ко Льву Петровичу и сказала: «Лев Петрович, работа сделана; можно её защитить как кандидатскую?» Это были 1990-е годы, когда многие забыли, что такое кандидатские и что такое научная работа. Мы получали зарплату 5 тысяч, но я не могу соотнести её по стоимости. Кажется, на эти деньги можно было купить только пару туфель. В общем, эта жизнь была прекрасная абсолютно.

МК: Но ведь это были очень непростые годы?

ЭС: У меня дома стоит тяжёлый чугунный утюг. История, связанная с ним, такая: в 1989 или 1990 году шёл разговор о том, что ничего не будет – ни электричества, ни газа, ни хлеба или соли. Многие торговали чем придётся, чтобы пережить. Тогда я и увидела этот старый чугунный утюг, который продавала у метро какая-то бабка, и купила. Но, когда я его приволокла и поставила, я подумала, что надо было другой утюг покупать, куда можно угольки класть. Этот-то на газ надо ставить, а если газа не бу-

[182] Шицзиншаньский завод находился в 20 км к западу от Пекина.

дет? Он у меня стоит теперь в прихожей, на всякий случай. Если успею, кому-нибудь дам по морде при попытке ограбить.

МК: И в такие времена вы защищали диссертацию? Как прошла защита?

ЭС: В 1990-е почти никто не защищался. Я сама бегала, всюду надо было платить – машинистке, за автореферат, за всё. Деньги были маленькие, но с любовью принимались. Один оппонент, известный у нас китаист-экономист *Коновалов* из ИДВ, был немножко ошарашен. Он и в отзыве написал, и сказал на защите: «Работа написана разговорным языком. Но, кажется, теперь это принято»... Я решила защититься, исключительно чтобы экономисты типа Гельбраса не говорили, что это «неудавшиеся младшие научные сотрудники» ходят на демонстрации. Это было в 1993-м, до истории со штурмом парламента. Первый раз в жизни мне пришлось тогда завести ежедневник, потому что, во-первых, мы создавали первую демократическую избирательную комиссию в нашем институте. Я попала во главу этой комиссии, и надо было обустраивать избирательный участок, что было в то время вовсе не простым делом. (Некоторые вспомнили, что общественная работа-де дело добровольное, посему «хочу – помогаю, а не хочу – извините».) Во-вторых, мне надо было бегать по вопросам защиты, да и застолья тоже (а стало быть, надо было «добывать» продукты и развозить тем, кто будет готовить). Я поняла, что если не заведу ежедневник, то буду допускать потрясающие провалы.

В результате на защите был великолепный праздник! Даже мои дальние подруги готовили застолье, потому что давно не было праздника. На защиту пришёл мой самый умный соученик по университету и сказал: «Элка! Я много видел уже защит, но такой красивой защиты я не видел!» Яша Бергер выступал оппонентом, потому что он работал в ИНИОНе или даже в Соросовском центре. А второй оппонент, Коновалов, был из ИДВ. Яша мне приписал такие красивые слова и умные мысли, что я не знала, к какому месту моей диссертации прикрепить это. В общем, это был праздник, в результате которого я получила звание кандидата исторических наук, чтобы абсолютно забыть, что есть понятие «хронология». У меня всю жизнь: что не сегодня, то – сзади, на одной плоскости. Я только по чеховской «семейной» хронологии могу вспомнить, что когда происходило.

До этого ещё Чудодеев ко мне приставал: чего ты не защитишься? Я говорила, что есть выражение: каждый солдат несёт маршальский жезл в рюкзаке[183], а я не несу жезла. Я по духу своему – адъютант. Не денщик, хотя часто получается, что выполняешь эту роль, но адъютант. Я не боюсь работы, хотя лентяй. Обломов – это про меня. Но я никогда не могла най-

[183] «Каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл. Но беда, если его там найдёт ефрейтор». Габриэль Лауб (1928–1998, чешско-немецкий журналист, известный своими афоризмами).

ти в себе то, что могло бы стать товаром (поэтому предсказывала, что когда стану кандидатом, надбавки за степень непременно снимут. Пока, правда, не сняли!).

МК: Расскажите, пожалуйста, о кардинальных изменениях, которые происходили в 1990-е, 2000-е годы? Что, по вашему мнению, имело наиболее драматичное значение для научной жизни?

ЭС: Во-первых, я считаю, что в 1990-е годы появился большой плюс: изголодавшиеся научные сотрудники пошли поправлять материальное положение преподаванием в высшей школе. На мой взгляд, это было очень продуктивно: они активно выносили свои устоявшиеся, сформировавшиеся представления на суд молодёжи, которые слышали и иные точки зрения. Притом студенты так невинно и хорошо эти вопросы задавали. Скажем, Алексей Анатольевич даже как-то жаловался: «Мне студенты говорят: а Васильев нам другое рассказывал!» То есть им приходилось переосмысливать то, что они говорят и думают, в соответствии с голосами молодых. Во-вторых, прекратились командировки, к нам приезжало мало людей из других городов России. Я стала искать деньги на сборник конференции ОГК, поскольку мне было жалко Льва Петровича – гибло его дело! То, что мы смогли без перерывов выпускать сборники, помогло ему продержаться. Боюсь, что если бы мы пару лет не выпускали сборники, конференция пошла бы хуже, ведь приходящие на конференцию имеют целью не столько выступить, сколько взять свой экземпляр. То, что в нашем очаге жизнь продолжалась и мы иногда даже могли помочь приехать людям из других городов (единицам, конечно), – всё это имело жизнеутверждающее значение. Я считаю, что в этом смысле конференция тоже помогла.

МК: Расскажите, пожалуйста, о взаимодействии института и его бывшего филиала в Ленинграде – ныне это Институт восточных рукописей. Какие были отношения с питерцами?

ЭС: Я умею многого не видеть. Не потому, что не хочу видеть, а потому что не вижу. Раньше почти весь отдел нашего филиала и почти вся кафедра истории Китая востфака СПГУ приезжали к нам на конференцию. Был кто-то, кто по научно-личностным противоречиям не приезжал, но я большинство из них знаю именно по нашим конференциям. Кстати, *Е.И. Кычанов* редко приезжал, но, возможно, это из-за того, что его отрасль немножко в сторону. ... В 1990-е годы все стали поменьше приезжать, хотя первые несколько лет я всё-таки могла оплатить дорогу нескольким из приезжих от петербургского востфака. Сейчас, скорее всего, это изменится, подрастёт новая поросль. А в 1990-х... С проживанием все как-то сами устраивались (как и сейчас, кстати), либо я невестке или подруге платила по 50 рублей за сутки из спонсорских денег. Нынче почти перестал приезжать Дальний Восток, Новосибирск (хотя разок удалось и кому-то из них в те годы дорогу

оплатить), всё сократилось. Сейчас, кстати, специалисты Зауралья приезжают в Петербург на конференции восточного факультета СПбГУ, устраиваемые раз в два года. Приезжают, поскольку они в основном кончали востфак. Да и те, кто работает в вузах, могут теперь воспользоваться спонсорством Института Конфуция. Когда я дарила кому-то указатель статей конференций ОГК, они листали, смотрели свои первые работы и говорили, что было очень приятно вспомнить (молодость, верно!).

МК: А про 2000-е годы что вы можете сказать? Какие изменения произошли, что-то новое появилось?

ЭС: Говорят, что загнивать отдел стал ещё при Льве Петровиче, поскольку его любимое выражение: «Больше, чем человек может дать, получить невозможно». Всетерпимость, нежелание следовать полицейским мерам расхолаживали людей и дисциплину мы постепенно теряли. Тем более после того, как кто-то стал подрабатывать в 1990-х и 2000-х годах. Лев Петрович в 1990-х годах ушёл. Вернее, его «ушли». Формально потому, что ему исполнилось 70 лет, а начальство всегда не любило его. Может быть, из-за его неспособности требовать. А может быть, пал с него ореол. Ведь Льва Петровича многие любили, поскольку он работал в ЦК КПСС, и предполагалось, что у него по-прежнему существует связь с ЦК, люди же любят «красиво спустившихся с небес».

Когда ликвидировали Компартию и ЦК, мне было заметно изменение отношения к Китаю, ко Льву Петровичу и к театру на Таганке: одновременно это всё ушло в прошлое. И мы катились не туда, что особенно чётко видел Кобзев. Пропеллера в одном месте ни у кого не было. Но что странно, в последнее время снизился уровень конференции ОГК, из иногородних стали приезжать почти только одни студенты и аспиранты. Возможно, там докторов и кандидатов не осталось, не знаю. Я посмотрела список присутствующих на конференции 2014 года. У кого-то из них не пропустили публикацию в сборник, а кому-то дали право выступить из чисто благотворительных целей, чтобы человек приехал, побыл в Москве, в библиотеках, послушал, что говорят на конференции, на которую он так добивался приехать. Но всегда существует некий спад. Может быть, бывшая интеллектуальная часть ушла или уходит, или перестала работать, а новая поросль ещё не достигла того уровня. И надо сказать о том, что нынешняя регламентация, когда ставят условием написать монографию в 3 года, тоже не идёт на пользу науке. Научная работа, по-моему, должна отстаиваться и настаиваться, как коньяк.

МК: Какую научную тему вы считаете для себя главной?

ЭС: Социальную историю. Что рабочий класс, что феминизм, что теперь пытаюсь по рассказам и романчикам сказать о том, что думает, чем живёт молодёжь разных поколений, естественно, преимущественно город-

ская и образованная, которая в большей степени имеет выразителей своих взглядов.

МК: Какую научную тему вы исследуете в настоящий момент?

ЭС: Эту самую. Новое поколение, даже если оно было в 1920-х годах.

МК: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом?

ЭС: Моего взгляда практически нет. Я читала интервью Льва Петровича и воспоминания Якова Михайловича Бергера. Я была при каждом из них секретарём, когда были разломы и разрывы. В науке могут быть правильные и неправильные взгляды, но политическая ангажированность, которая была и есть, и которая даже сейчас иногда разрывает специалистов, – она очень вредит.

МК: Ваш взгляд на современное состояние российского китаеведения?

ЭС: Появился оптимизм. Появились молодые сотрудники. Вы ведь знаете, что отдел 25 лет жил без единого нового сотрудника. Китаеведы готовились, но они благополучно расходились: маленький процент в ИДВ, а основная часть в МГИМО, посольства, ГБ и прочее. В середине 1970-х и к нам в отдел пришли трое молодых, жизнь резко поменялась... Вспоминается мне один случай. Как-то готовили материал к конференции. Я пришла ко Льву Петровичу, говорю: «Лев Петрович, а почему в статьях всё время идёт “я считаю”, “мне видится”, вопреки привычным выражениям “считается”, “принято”, “предполагаю”?» Он говорит: «Ну, что вы хотите? Пришло новое поколение, которое знает себе цену и уверено в себе». Я недавно напомнила об этом Кобзеву, а он сказал: «Не было такого! Я никогда так не писал». Тем не менее, пришло другое поколение, пришла нумерология. Начались семинары под водительством товарища Кобзева[184]. На одном из них товарищ *Карапетьянц* рассказывал нам про то, что один из канонических текстов, если посмотреть на него внимательно, окажется учебником по плотницкому делу[185]. Вероятно, он был утерян, и, когда к нему вернулись, его поняли так, как поняли. Это же письменный памятник, что и вызвало настолько трепетное отношение, что его сделали чем-то вроде Библии. Карапетьянц очень хорошо к этому подводил, показывал примеры.

[184] Имеется в виду действовавший в конце 1980-х гг. семинар «Структурные исследования китайской классики».

[185] Возможно, имеется в виду другой доклад: *Цзинь Цисинь*. О системе тысячелистникового *чи* в «Чжоуской [книге] перемен» // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1993. Ч.1. С. 19–23.

МК: Речь шла о *Као гун цзи*[186], части трактата *Чжоу ли*, который входит в состав «Тринадцатикнижия»[187]?

ЭС: Не помню. Но Карапетьянц очень доказательно это говорил и демонстрировал историю превращения. Очень верилось. ... К чему это приводит? Самый простой пример – фраза «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Выражение, которое употребляют все, но которое переведено с ошибкой. Здесь получается то же самое. А потом *Борис Григорьевич Доронин* рассказал, как переписывались хроники, и влюблённый одно время в нумерологию *Кроль* объяснил, что в некоторые периоды историю подгоняли под нумерологию: должно было быть 8 императоров (абсолютно вольный пересказ в моей интерпретации), а было всего 7. Поэтому, чтобы соблюсти вот это всё (сиречь, нумерологию), на страницах летописи оживили какого-то принца и всунули в хронику на месяц правления. Русскую историю тоже хорошо переписывают. Поэтому, когда я смотрю абсолютно серьёзные, дорого обходящиеся для зрения и нервов переводы какого-нибудь исторического трактата, что русского, что китайского, я понимаю, сколько там домыслов.

МК: Ваш взгляд на зарубежное китаеведение и китаеведов?

ЭС: В связи с тем, что я «глухонемой» в плане иностранных языков – Фэйсбук отказывается принять мою трактовку знания иностранных языков: я пишу «русский со словарём», а он убирает. Я знаю только немцев, с которыми я сталкивалась. Они в одиночку не работают: у них всегда создаётся группа, например, для изучения рабочего класса Китая. Там сидят люди, которые переводят, которые знают хорошо немецкий рабочий класс, социологи и так далее. Обязательно – парочка носителей языка. Последние могут не быть историками или иными специалистами, они могут быть аспирантами, приехавшими в Германию изучать немецкий язык, но они помогают. Так что, когда я, занимаясь феминизмом, читала некоторые китайские термины и они мне «не нравились», я понимала, что немцы при этом дают наиболее близкий перевод китайского слова, поскольку немцы десять раз пообщались с носителями китайского языка, с теми, кто занимается феминизмом на китайском языке, и поработали со своими специалистами в этом вопросе. Вот это помогает снять крайности. Кстати, я люблю читать рукописи своих коллег, потому что в книге, которая будет издана, многое будет сглажено, острые углы будут обойдены и, может быть, как раз самое ценное куда-то денется. А когда немцы работают коллективно, они, как танки, прокладывают колею. То же самое с феминизмом: у них была

---

[186] *Као гун цзи* (考工記, «Записки о ремёслах») – один из разделов трактата *Чжоу ли*.

[187] Тринадцатикнижие (十三经), или Тринадцатиканоние – собрание памятников древнекитайской мысли, канонизированных неоконфуцианством и являвшихся вплоть до начала XX в. основой традиционной философии, науки, системы образования и госэкзаменов.

группа, в которой были представители разных профессий и носители языка. Немцы, они и есть немцы. Это я знаю и думаю, что они во многих вещах так поступают – в любых отраслях знаний. Можно назвать это «мозговым штурмом», и это очень продуктивно.

МК: Ваши воспоминания о встречах с китайскими учёными, видными деятелями Китая?

ЭС: Я помню, как приехала делегация с Тайваня времён Гоминьдана, и как потом оттуда же приехала делегация установившейся в 2000-м году новой власти. Это мне напомнило о том, что в советское время наши специалисты не особенно могли принимать на дому иностранных коллег. Но как-то у Татьяны Коровкиной сидели три китайца, её бывшие сокурсники по Бэйда. Там были ещё наши люди из писательского круга, и мы спокойно обсуждали многое (уже у нас начиналась демократия), под блины и водочку. Я смотрела на этих китайцев и с ужасом думала, что они, как советские граждане, должны будут по приезде писать отчёт: где были, с кем разговаривали, что слышали. И думать: а другие написали аналогичные отчёты или ещё что-то? Очень больно смотреть на людей, которые живут в жёстких идеологических рамках, когда ты сам их постепенно теряешь.

И при визитах тайваньских делегаций после первых демократических выборов по тому, как они себя вели, как они разговаривали, было заметно, что нечто смягчалось при новом правлении, хотя и при сохранении уважения к старшим не только по возрасту, но и по рангу.

МК: Каково восприятие вами образа Китая и китайского народа в настоящий момент?

ЭС: Во-первых, это нельзя сформулировать, поскольку, что такое Китай? Это горы, озёра и реки? Или это их Конституция? Или, как далеко отходят законы от их реализации? Есть большая региональная разница между тем, как живут в Шанхае рабочие и интеллигенция, и как живут в Пекине рабочие, и как живёт в Пекине интеллигенция, как живут люди в деревне или как живут во Внутренней Монголии монголы. Последние и сейчас живут почти так же, как несколько веков тому назад. Или жили, потому что сейчас Внутренней Монголии, считайте, почти и нет, там 70% китайцев живёт. Мне жаль китайцев как людей, живущих в государстве с единым партийным руководством. С моей современной точки зрения, мне себя тоже жаль. Конечно, теперь у них есть телевизоры, машины и прочее, живут как-то...

МК: Вы стараетесь видеть и общечеловеческое, и очень особенные региональные различия. На ваш взгляд, в чём специфика китайской цивилизации как важного цивилизационного очага, если вы её видите? Если вы её не видите, то тоже обоснуйте.

ЭС: Наверно, специалист, если очень захочет, может найти во мне отсветы идеи третьего Рима, и, может быть, он даже будет прав. Конечно, я отличаюсь, скажем, от китайца, от европейца, американца, не говоря уже о мексиканце. Но недавно на конференции в Белоруссии я говорила о том, что, на мой взгляд, третье поколение шанхайцев, рождённых в 1980-х годах, ничем не отличается от людей такого же возраста и воспитания в Нью-Йорке. Это видно и на улицах Шанхая, и, думаю, не только там. И преподаватели Белорусского университета согласно кивали (они по линии Института Конфуция бывают в Китае). И автор «Крошки из Шанхая»[188] неплохо акклиматизировалась в Америке, проявив некоторые пороки во взаимоотношениях с людьми (особенно в отношении обслуги), свойственные ранее несвободным людям. Да, более последовательное поведение в рамках феминизма её возмущало: она, конечно, в чём-то «за» феминизм, но не согласна платить за себя в ресторане (так это не только китаянку отличает!).

МК: Что разделяет и что сближает Китай и Россию?

ЭС: Сближают смешанные браки. На геополитические задачи наших государств мне начихать с высокой колокольни. Хотя я понимаю, что это может касаться и меня лично. Разъединяет разница наших потенциалов, людских и территориальных. Разъединяют те, кто верил и верит, что два государства обязательно должны быть либо в дружбе «Москва–Пекин», либо быть врагами. Мы не умеем сосуществовать вообще и в частности государствами. Посему находится под большим вопросом, колонизируют ли китайцы Западную Сибирь или нет, и пойдёт ли это на пользу пустым русским землям или во вред? Всё как у всех. Как живут Франция с Германией всю жизнь? А живут ведь!

МК: Каковы ваши самые большие достижения и самые большие разочарования, связанные с китаеведением?

ЭС: Мои разочарования не связаны с какой-то одной из областей советско-российской науки. Когда в Советском Союзе образовывался Союз советских учёных, его планировали как профессиональный союз. Я спросила Якова Михайловича Бергера, можно ли мне туда прийти, и он сказал:

– Вы же работаете в Академии наук.

– Ну и что, я научный сотрудник, но я не учёный.

– Бросьте!

И я пошла и поприсутствовала на заседании, после которого спросила: «Почему у вас одни физики, химики, геофизики, математики? Где

[188] «Крошка из Шанхая» 上海宝贝 – роман китайской писательницы Вэй Хуэй.

гуманитарии?» Ответ был такой: «Этим проституткам не надо самоорганизовываться, их как организуют, так они туда и пойдут». ... Существует устойчивое мнение, что гуманитарная наука в России сильно зависит от руководящей роли партии, причём без разницы, какая партия. Поэтому очаровываться и разочаровываться можно только в отдельных представителях этой науки.

МК: Принимали ли вы участие в переводах китайских письменных памятников и каких?

ЭС: Нет. Единственная крупная работа, которую мы переводили коллективно, была: «Who is who в китайской армии». На памятники у меня не хватит ни ума, ни языка.

МК: Какие из опубликованных в последние годы трудов китаеведов, а также китайских публикаций кажутся вам наиболее важными и достойными внимания?

ЭС: Последнее произведение, которое меня, я бы даже сказала, взволновало — книга не китаеведа, а японоведа *Александра Мещерякова* «Стать японцем». Это история Японии периода реформ Мэйдзи, но не с привычной точки зрения, а с точки зрения именно человека, попадающего в жернова перемен, со всеми взлётами энтузиазма, воодушевления и всеми последующими неудачами, чувствами неполноценности, а стало быть, и озлобленности, столь естественными из-за несовпадения надежд и их осуществления. С другой стороны, литература Китая развивается сейчас не так, как в прошлом, в дореформенный период. Мне было интересно читать переводы на русский язык современных китайских рассказов, повестей и романов, которые выходят, в том числе в Питере[189].

Был сборник рассказов китайских писателей 1970-х годов, где каждый рассказик был интересен. Говорилось о людях Китая этого периода, и всё это противоречило законам, по которым, казалось бы, должны жить китайцы. Прекрасен роман *Дай Сы-цзе* «Бальзак и портниха-китаяночка», который рассказывает об определённом слое людей при их столкновении с иным слоем своего же народа и государства. Любопытен роман *Цзян Жун* «Волчий тотем»[190], который, при всей нудности произведения, очень неплохо показывает жизнь во Внутренней Монголии. Кроме того, он рассказывает о способности некоторых людей, а они редко бывают среди любых наций, воспринимать другую цивилизацию с пониманием и относиться не только заинтересованно, но и находить отражение своих дум, как в зеркале. Интересны

189 Имеются в виду издания Института Конфуция при СПбГУ.

190 Роман *Лан тутэн* (Тотем волка) на русский язык перевёл Н.Ю. Агеев. См.: *Цзян Жун*. Волчий тотем / пер. М., 2007. 544 с.

«Дикие лебеди» (роман *Чжан Жун* «Дикие лебеди, или Три дочери Китая»)[191] и абсолютно скучны мемуары дочки *Дэн Сяо-пина*[192]. Дети партийных деятелей даже о своём детстве говорят, как партийные деятели – неэмоционально, сухо, не личностно. Вот сборник «43 страницы»[193], составленный в Питере не так давно из переводов новейшей китайской литературы, вместил всё разнообразие жанров литературы – от фантастики до мистики. Кое-что мне абсолютно неинтересно, но видно, насколько люди живут в русле всего мира – та же тематика, те же душевные волнения и так далее.

МК: Как вы видите будущее Китая и китайцев?

ЭС: Про государство я говорить не могу и не хочу. Как я хотела бы, чтобы в России существовало русское княжество, вологодское. Конечно, не в виде княжеств, а республик. Точно так же мне хотелось бы, чтобы синьцзянцы и тибетцы перестали бороться, чтобы не надо было запихивать китайцев туда и сюда. Государства меня не интересуют, поэтому на Китай и на его будущее я смотреть не хочу. Как будет, так и будет. Что касается китайцев, тут так же, как у нас – чего заслуживаем, то и имеем.

МК: Как вы относитесь к китайской кухне?

ЭС: Великолепно! Я люблю поесть, поэтому мне все кухни хороши, и китайская тоже. В китайской кухне есть нечто, что отличает её от европейских кухонь: разнообразие, которое предлагают вам сразу. По 25 перемен блюд, которые бывают за обычной вечеринкой. Такое было в Европе, наверно, только при королях. Так что, разнообразие потрясает. Правда, я плохо знаю арабскую, индонезийскую, индийскую кухню. Но я могу сказать, что знаю китайскую кухню, неадаптированную под европейцев. Потому что я наелась её за два года! Это хорошая кухня. Может быть, надо сделать поправку, что ресторанная кухня отличается от того, что делают в маленьком доме (я едала и довольно «богатую» домашнюю еду, приготовленную руками *Тань Ао-шуан* на посиделках в доме у *Крымова*, и более простую, но тоже вкусную, которую готовила моя приятельница, бывшая жена китайца).

МК: Ваши мысли и пожелания по поводу будущего российского китаеведения?

ЭС: Расскажу вам историю. Однажды на конференцию поступило две работы студентов 4-го курса ИСАА с визой М.Ф. Юрьева. Александр Николаевич Хохлов сказал: «Что, мы теперь будем принимать и статьи сту-

---

191 *Чжан Юн*. Дикие лебеди: Три дочери Китая / пер. с англ. Р. Шапиро. СПб., 2008. 640 с.

192 *Маомао (Дэн Жун)*. Мой отец Дэн Сяопин. М., 2003.

193 Сорок третья страница. Китайская проза XXI века / сост. А.А. Родионов, Н.А. Спешнев. СПб., 2011, 432 с.

дентов?» Я сказала: «Саша, чем ты можешь заманить человека в науку? А когда он возьмёт печатный продукт, напечатанный, возможно, не лучшим способом и склеенный как-нибудь, и увидит там среди авторов свою статью, это до сих пор действует почище, чем наркотик. Тем более, у нас есть виза Юрьева. То есть он гарантирует, что это продукт качественный». И мы их опубликовали, и оба остались в науке: и *А.Н. Карнеев*, и *В.А. Козырев*. Козырев уехал, правда, по семейным обстоятельствам за границу, в США, но он работает, преподаёт в вузе; Карнеев живёт в Москве, преподаёт в ИСАА и пишет. В 1990-х годах я радовалась, что наши сотрудники были вынуждены идти преподавать. Пошли, так сказать, воссоединять науку и высшую школу. Но главное, что если преподаватель сможет увлечь хотя бы даже одного студента из группы, это уже хорошо! Вот, пример Кучеры: двое его учеников работают у нас! Это *Сергей Дмитриев* и *Марина Кузнецова-Фетисова*. В Отдел пришли также выпускники Восточного университета, в том числе *Николай Агеев, Светлана Андреева, Вера Перминова* и другие. Мне кажется, что сейчас перспективы появились. Пусть некоторые уехали из России (к вопросу о глобализации), это прекрасно! Вы все видите мир, слышите других, и вас слышат. И это – взаимное обогащение, поскольку наука всемирна, а «шарик» у нас маленький.

МК: Какие личные качества необходимы для того, чтобы стать профессиональным китаеведом?

ЭС: «Хорошая задница», как говорила мне *Костяева*. Естественно, нужна усидчивость, которая, казалось бы, противоречит творчеству. Когда я занималась Шицзиншаньским сборником и когда писала про «феминизм», бывало, имеешь в руках материал и пытаешься слепить из него что-то. И в 4 часа утра, когда у тебя получается, то невольно встаёшь из-за стола, разгибаешься и говоришь: «Ай да Пушкин, ай да... молодец!» И испытываешь такое счастье! Независимо от того, чем вы занимаетесь, если хотя бы изредка приходит вот это чувство, называйте его озарением, счастьем от того, что получилось, вы вознаграждены! Причём не на Совете, не звёздочками на погоны, а ...

МК: ...тем, что *Серафим Саровский* называл «благодать».

ЭС: Да, благодать и есть, потому что, когда идёшь к этому, столько бывает и чёрных мыслей, и недовольства, и желания всё бросить. ... Если этого нет, то лучше не надо заниматься, надо уходить, менять профессию. Это я так думаю. Возможно, это – неточная оценка.

МК: Понятно, но это – постановка диагноза. А из пожеланий?

ЭС: Любите жизнь, а всё остальное приложится...

ТИТАРЕНКО МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ

INTERVIEW WITH MIKHAIL L. TITARENKO

Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000 «Китаеведение – устная история», Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)

The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History», International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)

Supported by the «The Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Титаренко Михаил Леонтьевич (МТ) Китаевед, профессор, академик РАН Место интервью: Тайбэй, КР Дата интервью: 3–5 ноября 2013 г. Вели интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), С.В. Дмитриев (СД), М.Е. Кузнецова-Фетисова (КФ), А.В. Виноградов (АВ) Примечания: В.Ц Головачёв, А.И. Кобзев, М.Е. Кузнецова-Фетисова, Адамс Ольга Продолжительность: 8 часов	Mikhail L. Titarenko Sinologist, professor, Academician, RAS Taipei, ROC, Moscow (2015) Date: November 3–5, 2013, April 2, 2015 Hosted by: Valentin Golovachev (PhD), Sergey Dmitriev (PhD), Marina Kuznetsova-Fetisova Institute of Oriental Studies, RAS Comments by: Valentin Golovachev, Marina Kuznetsova-Fetisova, Olga Adams Duration: 8 hours

Титаренко Михаил Леонтьевич *(1934 г. р., Лакомая Буда, Брянская область). Китаевед, востоковед, доктор философских наук (1979), академик РАН (2003). Исследователь философии и духовной культуры Китая, международных и межцивилизационных отношений в Северо-Восточной Азии, проблем нового евразийства и связей России с её дальневосточными соседями. Окончил философский факультет МГУ (1957), философ-*

ский факультет Фуданьского университета (Шанхай, 1961). Директор ИДВ РАН (с 1985). Президент Всесоюзной ассоциации китаеведов АН СССР/ АКИТ РАН (1988–1998), академик китайской дружбы (1995), почётный исследователь Гаванского института Азии (Куба), почётный доктор Ханьянского (Республика Корея) и Цзилиньского (КНР, Чанчунь) университетов, почётный профессор Хэйлунцзянской академии общественных наук (КНР, Харбин) и Шаньсийского университета (КНР), советник Международной конфуцианской ассоциации, вице-президент и председатель российского филиала Международной ассоциации по изучению китайской философии (США), член Европейской ассоциации китаеведов. Награждён двумя орденами «Знак Почёта» (1976, 1984), орденом Почёта (1999), орденом «За заслуги в дипломатической службе» (Республика Корея, 1999). Заслуженный деятель науки РФ (1995), лауреат премии имени Е. В. Тарле (2000). Указом Президента РФ от 14.02.2009 награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат Госпремии РФ (2010).

МТ: Итак, «господа присяжные заседатели, следствие началось»!

СД: Да, и «всё, что вы скажете, может быть использовано против вас». Вам ведь прислали вопросы?

МТ: Да, прислали, я ответил на первую часть вопросов, если хотите, я вам зачитаю текст, я даже написал его.

ВГ: Может быть, начнём неформально?

МТ: Пожалуйста.

ВГ: Мне кажется, очень интересны сами обстоятельства нашей встречи: нам пришлось прилететь из Москвы в Тайбэй, чтобы встретиться и записать это интервью. И сколько времени для организации этой встречи ещё потребовалось, как будто мы так далеко живём друг от друга в Москве!

МТ: Да, действительно.

ВГ: Тем не менее, это очень счастливый случай, и мы ему очень рады. Михаил Леонтьевич, вас, конечно, не надо представлять как учёного ни в России, ни в Китае. Но, с одной стороны, аудитория нашего проекта очень обширна, уже двадцать с лишним стран охвачено. А с другой стороны, нам, конечно, интересно, как герои наших интервью сами себя идентифицируют. Как бы вы представились, для начала?

МТ: Я – человек, вся жизнь, вся судьба которого, наверно уже до конца моих дней, неразрывно связана с Китаем, который стал моей второй родиной. Китай оказался для меня «счастливой звездой»: и для моей семьи, и для меня лично. Я очень рано, ещё в детстве, в возрасте 12 лет, начал проявлять большой интерес к Китаю. Но в этом была не моя личная заслуга, а заслуга замечательной нашей российской школы, тогда ещё советской, и моих учителей. Мне кажется, мой интерес к Китаю начался с 1946 года.

ВГ: А с чем связана эта дата?

МТ: Связана она с моим обучением в шестом классе. Тогда в хорошей школе в учениках уже в этом возрасте пробуждали гражданскую позицию и интерес не только к личным, но и к большим делам – к тому, что происходило вокруг нас. У меня была замечательная учительница в нашей сельской школе в селе Шелаболихе Алтайского края.

ВГ: Вы жили в Брянской области?

МТ: Нет. Я родился в Брянской области на границе трёх республик: России, Украины и Белоруссии, и моя матушка разговаривала на трёх языках одновременно.

ВГ: На трёх славянских языках...

МТ: Да. Она говорила так: грамматика русская, а слова употребляются одновременно русские, украинские и белорусские. И если прислушаться к её обычной речи, это был словно бы разговор Тарапуньки и Штепселя[194] в одном лице. Отец мой был человеком большой жизненной закалки, участвовал в Первой мировой войне, трижды был пленён немцами и трижды бежал, был участником Февральской революции 1917 года. Очень он «горячо любил» Германию, был политически очень подкованный и пользовался большим авторитетом в колхозе. Отец был на 12 лет старше моей матери. Первая жена его умерла при родах. Когда мне было лет семь, может, чуть больше – лет десять, мать рассказывала мне про слова отца, который всегда повторял, что Германия готовит нападение на нашу страну... А жили мы в Климовском районе Брянской области, сейчас это самый заражённый (радиацией) после Чернобыля район Брянщины. Как раз тогда Сталин начал политику подъёма Сибири и Дальнего Востока, которая в жизни шла двумя путями, если можно так сказать: законным и незаконным. Законный путь – это когда в те районы отправлялись переселенцы, а другой путь – это ГУЛАГ. Ну, о ГУЛАГе мы, естественно, ничего не знали, понятия не имели. Так вот, родители поехали в Алтайский край, и там им очень понравилось село Шалаболиха, стоявшее на берегу Оби... Большое село, очень богатый колхоз. В общем, понравилось.

ВГ: И ваши родители решили уехать в Сибирь?

МТ: Да, все решили ехать – всем нашим колхозом. Вспоминая об этом, когда выступаю в Думе, я объясняю, как нужно проводить политику заселения Сибири. По сути, Сталин повторил вариант, предложенный *Столыпиным* и *Витте*. Оплачивал ВСЁ. Можно было дом разобрать по брёвнам, погрузить на поезд, и всё это бесплатно доставлялось. И вот, мы приехали в Сибирь, в Алтайский край. Вернее, нас привезли полностью за государственный счёт. Мы приехали в готовый дом, но это был дом раску-

[194] Популярный в 1970-х в СССР эстрадный дуэт двух комиков, народных артистов Украинской ССР: Ефима Березина («Тарапунька») и Юрия Тимошенко («Штепсель»).

лаченного... Богатый, хороший дом, до сих пор стоит: сибирский дом из лиственницы...

ВГ: Представляю!

МТ: Он будет ещё сто лет стоять. Огород в сорок соток – почти полгектара. Освобождение от налогов на пять лет. Выдали нам сразу же корову, свинью и пособие на обустройство.

ВГ: Всё в лучших традициях России «до 1913 года».

МТ: Совершенно верно, точно так же и было сделано! Мы и поселились.

ВГ: Сколько вам лет тогда было?

МТ: Мне было шесть лет.

ВГ: Вы помните, как переезжали?

МТ: Конечно, помню! У меня от Москвы осталось очень яркое воспоминание, когда мой старший брат возил меня на станцию метро «Киевская», и там мы спускались по «лестнице-чудеснице». Так я впервые увидел этот самый эскалатор. У меня до сих пор всё это в памяти... Ехали мы поездом, который назывался «пятьсот-весёлым»: целый месяц ехали, на каждой станции бегали за кипятком. Вот, вы сейчас уже и не знаете этого.

ВГ: И в туалет на станциях бегали?

МТ: И в туалет, естественно. Так что приехали мы в Сибирь в мае сорокового года, а через два месяца мой отец умер. А ещё через год началась война. Мой брат ушёл добровольцем на фронт, его сразу отправили учиться в танковое училище. Вообще, семья моя была очень политизированная, но в очень хорошем смысле этого слова.

ВГ: Патриотичная.

МТ: Да, родители обладали и передали нам, детям, очень ярко выраженную гражданскую, патриотическую позицию. В память об отце брат, Сергей Леонтьевич, ушёл на фронт, а сестра, следуя примеру брата, с десятого класса бросила учебу и уехала работать на военный завод в Барнаул. Мы остались с матерью вдвоём. Сорок первый год. Мне семь лет. И всё домашнее хозяйство на мне. Мама вставала в четыре утра, готовила мне «затируху», в 5 утра уходила в колхоз, в 11 часов вечера возвращалась. Мне нужно было встретить корову, отнести и сдать молоко: «Всё для фронта, всё для победы!» Мы почти всё молоко сдавали. У нас и куры были, и нужно было сдать государству 400 яиц в год. Огород был у нас с картошкой – половину картошки тоже сдавали государству. При этом у нас в селе Шалаболиха была прекрасная средняя школа. Великолепные учителя были! Вот, сейчас вспоминаю этих учителей... Чудный историк – Августа Анисимовна! Уже после Второй мировой войны в Китае шла гражданская

война, был большой подъём революционного романтизма. И она с таким энтузиазмом нам об этом рассказывала! У неё был свой метод: она периодически давала ученикам задание подготовить краткую информацию по тому или другому вопросу. Мне было поручено подготовить информацию о том, как Народно-освободительная армия штурмует Янцзы.

ВГ: И как же вы готовились? Это же деревня! Там, наверно, литературы не было никакой? По радиопередачам готовились?

МТ: Газеты и радио! Приходили газеты. И вот, я по этим газетам, по радио, ну и, естественно, с помощью нашей замечательной учительницы готовил информацию, которую потом, подражая ей, рассказал с таким же энтузиазмом своим одноклассникам и всем вокруг. Потом и в колхозе она меня просила об этом рассказать: она была агитатором, а колхозники тоже интересовались китайской революцией. Потом я уже завёл карту, на которой отмечал, как продвигается Народно-освободительная армия...

ВГ: Так и возник ваш первый образ страны, геройски сражающийся Китай...

МТ: Да, героический Китай! Казалось, что там происходит что-то подобное нашей Гражданской войне, что *Мао Цзэ-дун* – это такой «аналог» нашего *Чапаева... Будённого*, может быть. Так и возник мой первый интерес к Китаю.

ВГ: Интересно, ваше представление о Китае того времени было связано только с коммунистами или это был весь Китай, как одна большая страна? Может, и Гоминьдан там как-то присутствовал?

МТ: Это был «красный» Китай! А вот какой он по сути был – коммунистический или какой другой... Китай был просто «красным»! Образ Китая был энергичным, революционным и романтическим. Настроение в нашей стране переносилось туда: наши песни и всё прочее, такой же был огромный подъём в стране. После войны в СССР был же колоссальный подъём, он во всём чувствовался. Но вскоре вернулся мой брат. Особо хочу отметить, что его приезд был очень важным для меня. Представьте только – 4 года войны! Представьте мать, которая получает ТРИ похоронки. Брат был танкистом. Сражался на трёх танках: на КВ, на ИСе и на Т-34. В каждом из них он горел. Горел, а после этого ещё лежал в куче трупов... Но фронтовые врачи были настолько ответственными, что, прежде чем хоронить в братской могиле, каждого проверяли. Если были какие-то признаки жизни, даже не пульс: зеркало подносили, и если оно хоть чуть запотевало, отправляли срочно в госпиталь. Но куча-то убитых была! И на всех, кто был в куче, выписывали похоронки. «С прискорбием извещаем, что ваш сын пал смертью храбрых, героически сражаясь...» А через полгода получаем письмо: «Мама, я жив». То есть его спасли. Он опять идёт на фронт! Опять горит. Опять получаем похоронку. Последняя похоронка

пришла в начале сорок пятого года. А в 1946 году он объявился! То есть его восстанавливали, лечили почти целый год.

ВГ: Выходит, его никто не ждал уже?

МТ: Никто уже не ждал! Дома он тоже совершенно без предупреждения появился... Но там, видимо, чувствовали, ЧТО такое это было для матери... Короче говоря, мы переехали в Барнаул, и я пошёл в другую школу, в барнаульскую семилетнюю школу № 13. Там мне тоже крупно повезло: в школе оказался замечательный педагогический коллектив, и опять чудесная историчка. Ну, в общем, никаких особенных событий не произошло, я закончил школу в 1949 году...

ВГ: И наверно, 1949 год ещё добавил вам энтузиазма: ведь всё внимание было обращено на Китай?

МТ: Да, да. Брат снова вернулся в армию: он уже окончательно связал с ней свою судьбу. Служил на Дальнем Востоке в гвардейской танковой дивизии. А в 1950 году находился в Китае. Мы и не знали, где он находился. Его гвардейская танковая дивизия стояла у реки Ялуцзян. Это было время Корейской войны. Об этом ничего не сообщали, но вся их танковая дивизия три года – до конца 1953 года – стояла в Китае.

ВГ: Выходит, ваш брат долгое время провёл в Китае?

МТ: В каком-то смысле. Мне это прибавило энтузиазма, интереса. Но я поступил в Барнаульское педагогическое училище. Вот об этом, конечно, стоит сказать, потому что училище было очень интересное. Находится оно в центре города Барнаула. Вернее, находилось, я не знаю, где оно расположено теперь... Барнаульское педучилище было основано в первые годы после Октябрьской революции, и оно сыграло очень большую роль в ликвидации неграмотности в Сибири. Училище было основано на базе образцового лицея, созданного ещё на средства промышленника Демидова. Ему отвели прекрасное здание, построенное из лиственницы. Представляете, какой был пожар, когда эта лиственница горела?

ВГ: Училище сгорело?

МТ: Сгорело, его сожгли! Я недавно ездил туда, мне об этом рассказали, я видел это пожарище. И что там теперь? Торговый центр! Вот, так... В этом ещё, можно сказать, дореволюционном училище я и учился. Оно унаследовало старую библиотеку «демидовского» лицея. И в этой библиотеке было два отдела: обычный советский отдел, не особенно популярный. А был ещё закрытый отдел – старая библиотека лицея. ... В Барнауле я опять встретился с чудесными педагогами-подвижниками, настоящими русскими интеллигентами. Вообще, все педагоги были замечательными! Предмет педагогики у нас вёл выдающийся деятель, заслуженный учитель СССР *Антон Ануфриевич Вадимов*. Он очень увлекался своим предметом,

его любимыми педагогами были чешский педагог *Коменский* и древнекитайский философ *Конфуций*. Их теории он с большим личным энтузиазмом преподносил нам, слушателям. Также он очень высоко ценил *Песталоцци*. Это действительно мировые фигуры. Из наших отечественных педагогов для него самым уважаемым был, конечно, *Константин Ушинский*. Когда А.А. Вадимов читал нам историю педагогики, он, поскольку откуда-то знал, что я увлекаюсь Китаем, читаю книги, поручил мне подготовить доклад о педагогических взглядах Конфуция. Я был большим книгочеем, у меня были очень хорошие отношения с библиотекарем: она давала мне ключ, когда уходила с работы, и я в библиотеке был полным хозяином. Конечно, я прежде всего хозяйничал в закрытом лицейском отделе. Там и находил книги, о которых говорил мне Антон Ануфриевич: «Пойдёшь в библиотеку, скажешь, что это поручение от меня, и чтобы тебе выдали Конфуция в переводе Петрова, 1911 года издания[195], и Мэнцзы – того же переводчика»[196].

ВГ: Удивительно, что это там было и что преподаватель знал об этом!

МТ: Было! И преподаватели училища этим пользовались! Там [в библиотеке] были труды *Георгиевского, Бичурина*...

ВГ: То есть это была «демидовская кузница» знаний и кадров.

МТ: Вы знаете, наши русские капиталисты, тот же Демидов, были и подвижниками тоже: людьми, которые думали не столько о кармане, сколько о служении Отечеству и Делу! Поэтому неудивительно, что в Барнаульском лицее была прекрасная библиотека! В общем, я подготовил доклад. Пока я его готовил, впервые столкнулся с не политизированным, а настоящим историческим текстом. Меня это очень увлекло, и я стал постоянным читателем и ночным, как говорится, бдителем-сидельцем в этом ночном отделе. Единственным, собственно говоря. И все знали, где искать Мишу: Мишу надо искать в библиотеке, где он сидит где-то в углу и читает очередную книгу о Китае. Когда в 1953 году было заседание педсовета по поводу распределения выпускников, педсовет принял решение «рекомендовать Михаила Титаренко для продолжения учёбы». И когда мне вручал диплом наш директор *Иван Григорьевич Попов*, он сказал: «Ну, Михаил, звать-то тебя теперь будут Михаил Леонтьевич! Михаил, я тебе советую – и это мнение нашего педсовета – продолжить учёбу. И было бы лучше всего, если бы ты поступил на философский факультет Московского университета».

ВГ: Прямо так и сказали, куда поступать?

МТ: Да, да! Даже было сказано, куда мне поступать.

---

195 Изречения Конфуция, учеников его и других лиц / пер. П.С. Попова. СПб., 1910.

196 Китайский философ Мэн-цзы / пер. П.С. Попова. СПб., 1904.

ВГ: Ну, от такого напутствия невозможно было отказаться!

МТ: Совершенно верно! Ну, я, конечно, домой летел как на крыльях! Мы жили с мамой. Более чем скромно жили. Я в педучилище получал именную стипендию имени Чернышевского – целых сорок рублей. Хотя по тем меркам это были небольшие, но, в общем, приличные деньги! Почти зарплата. Я тут же направил свои документы в Московский университет. Почта тогда работала не так, как сейчас, а намного лучше. Но, всё равно, на день она опоздала.

ВГ: В приёмную комиссию, в срок принятия документов?

МТ: Да, мои документы пришли на день позже, когда приём документов был закончен.

ВГ: И что же вышло?

МТ: А я прибыл в тот же самый день, когда они поступили! Когда я пришёл в здание, комиссия уже разбирала дела, и говорят мне: «Извините, пожалуйста, мы очень сожалеем, что у вас так получилось, но мы ваш вопрос решить не можем». Одна женщина, человек из приёмной комиссии, говорит: «Вам может помочь только один человек: идите на приём к Ивану Григорьевичу».

ВГ: К ректору?

МТ: К ректору. Ну, я набрался смелости и пошёл.

ВГ: Тогда ещё можно было пойти и попасть на приём к ректору!

МТ: Да! Представьте: я пришёл на приём к ректору. Вот в приёмной сидит генерал, сидит полковник, сидят ещё какие-то очень солидные дяди. И, вот, захожу я в очень скромной одежде, худющий, просто ходячий скелет, высокий, такой сибирский товарищ... Мне действительно везло на хороших людей! Эта женщина из приёмной комиссии, которая мне порекомендовала пойти к ректору МГУ, позвонила в приёмную и сказала, что «к вам придёт молодой человек, документы которого пришли с опозданием. Он отправил их вовремя, но почта их задержала, и всё прочее... В общем, помогите, чтобы его принял ректор». Вот, я в приёмной, сижу-жду. Ректором в то время был *Иван Георгиевич Петровский* – наш знаменитый математик. Он трагически умер, прямо на ступенях 5-го подъезда ЦК КПСС после очень неприятного разговора с *Трапезниковым*. Напротив, в приёмной – всякие товарищи полковники, генералы и прочие сидят, и все ходатайствуют о своих детях, которые не сдали экзамены или не прошли по конкурсу. А у меня красный диплом об окончании училища, и в те времена я должен был быть зачислен без экзаменов, пройдя только собеседование. В общем, я дождался своей очереди, а Петровский И.Г. посмотрел на меня усталым взглядом и спрашивает: «А у тебя что?» Я говорю, так, мол, и так. А он спрашивает: «А зачем ты вообще хочешь пойти на этот факультет?

Что тебе нравится?» Я ему рассказал, что мне очень нравится китайская философия. И вообще, я считаю, что философия помогает выбрать правильный жизненный путь... Короче говоря, я изложил своё понимание вопроса, своё к нему отношение. Говорил о том же, о чём сейчас говорю. Он помолчал, потом снял телефонную трубку и позвонил на философский факультет. Деканом был профессор *Молодцов Василий Сергеевич*, и он говорит: «Василий Сергеевич, у вас как там, все места заняты?» Тот отвечает: «Все забиты», а Петровский говорит: «Если у вас место освободится, тут у нас сидит один молодой человек из Сибири, посмотрите на него». Короче говоря, меня отправили на собеседование к *В.С. Молодцову*, и он говорит: «Приходите завтра, будет известен результат». Я утром пришёл, смотрю в список, который вывешен на стене – моей фамилии нет. Я пошёл к декану, спросить, забирать ли мне документы, а он говорит: «Подождите, это список первоначальный, позавчерашнего дня, но он оформлен только сейчас. Может, будут изменения. После десяти будет вывешен окончательный список». Ну, я сижу – ни жив ни мёртв, переживаю. Вот уже десять часов... Гляжу – допечатана моя фамилия! Вот, так я стал студентом философского факультета! Мой интерес к Китаю не угас. На первом курсе мы должны были писать курсовую работу по логике. А на втором курсе можно было свободно выбирать тему по истории философии. И конечно, я выбрал китайскую тему. Моя курсовая работа была посвящена моему любимому «товарищу» *Лао-цзы* и называлась «Диалектика Лао-цзы».

ВГ: Какие же материалы вы использовали?

МТ: Я перелопатил, собственно говоря, всё, что было издано на русском языке по китайской философии. Я был постоянным читателем и нашей университетской библиотеки и Ленинской. Там за мной было даже закреплено место. Тогда читальный зал был в самом красивом здании Москвы – в Доме Пашкова. И конечно, всё время заглядывал в Армянский переулок, в Синологическую библиотеку. Хотя тогда она не называлась синологической, это была библиотека МИВ – Московского института востоковедения. И, готовясь к написанию этой работы, я все книжки по китайской философии переписал – и из Ленинской библиотеки, и из библиотеки МГУ, и из Армянского переулка... В общем, всё, что было. Из всего, что мне попалось, я составил особую библиографию. Она получилась толстая, примерно половина этой тетрадки (демонстрирует). Так и называлась «Труд, написанный о китайской философии». И я везде по библиотекам ходил с этой тетрадкой под мышкой, и меня пропускали. И вот, однажды, в библиотеке Института востоковедения в Армянском переулке ко мне подошёл седой, высокий такой худой человек: «Молодой человек, вы что ищете?» «Да я вот тут заканчиваю библиографию, ищу все работы по китайской философии». «А зачем это вам?» «Работу, вот, пишу...» Он

заинтересовался. Это оказался *Пётр Емельянович Скачков* – наш великий библиограф. «Покажи мне свою тетрадку!» – взял, значит, мою тетрадку, посмотрел, говорит: «Да-а...» Очень меня похвалил: «Молодец, что составил такую библиографию. А ты мою Библиографию не читал?» Я говорю: «Нет, к сожалению». Он говорит, мол, ничего удивительного, что я не читал: она очень ограниченным тиражом вышла, отпечатанная на стеклографе[197]. А потом сказал: «Как закончишь тут свои поиски, я тебе на столе в углу оставлю свою Библиографию, ты можешь ею пользоваться, только здесь, никуда не забирай». Я его поблагодарил, и, конечно, знакомство с П.Е. Скачковым помогло мне закончить эту свою так называемую библиографию[198].

ВГ: Вас удивило, что вот так, случайно, вы встретились с ним в библиотеке?

МТ: Нет, не удивило. Для меня это стало таким очень мощным внутренним толчком, подтвердившим, что я иду по правильному пути.

ВГ: А ведь это, наверно, был первый знакомый вам китаист. Ведь на философском факультете не было ещё специалистов?

МТ: Нет, на философском факультете никого не было, лекции по китайской философии нам никто не читал. Вообще говоря, о китайской философии повторяли гегелевскую формулировку, что Китай «беден духом». Учебником для меня в то время была, конечно, книжка *Ян Хиншуна*, его перевод *Дао-дэ цзина*[199]. Моё потрясение связано с этой книгой. И здесь библиография Скачкова сыграла ключевую роль, потому что в ней я нашёл книжку, вернее, не книжку, а учёные записки Томского педагогического института, в которых был опубликован перевод трактата *Иньфуцзин*, а записки эти были 1946 года[200]. До знакомства с библиографией Скачкова я о существовании этого трактата и наличии его перевода, к сожалению, не знал[201]. Это был для меня очень важный момент, потому что он помог мне закончить курсовую работу. Она была очень высоко оценена. Я об этом не стал бы говорить, если бы не одно обстоятельство: когда я писал свою

---

197 *Скачков П.Е.* Библиография Китая. М.–Л., 1932. Книга объёмом в 844 с. была издана стандартной печатью, тиражом 2175 экз.

198 Раздел «Философия. Религии» в «Библиографии» Скачкова занимает 18 страниц (с. 433–450) и включает 199 наименований.

199 *Ян Хиншун*. Китайский философ Лао-цзы и его учение. М.-Л., 1950, 160 с.

200 *Маракуев А.В.* Инь-фу-цзин – страничка из истории китайской философии // Ученые записки Томского пед. ин-та. Томск, 1946. Т. 3. С. 125–144.

201 Изданный в 1946 г. перевод *Инь-фу-цзина* не мог быть зафиксирован П.Е. Скачковым в 1932 г. Но он присутствует во втором, расширенном издании его «Библиографии Китая» (М.–Л., 1960. С. 46. № 904), которая, в свою очередь, увидела свет примерно через 5 лет после описанного эпизода. Правда, П.Е. Скачков мог предоставить М.Л. Титаренко какой-то предварительный, «стеклографический» вариант своей «Библиографии» 1960 г.

работу, сравнивая перевод *Дао-дэ цзин*[202] Ян Хиншуна и перевод трактата *Иньфуцзин* («Канон тайных знаков») *А.В. Маракуева*, получалось, что, согласно официально принятой тогда версии, *Иньфуцзин* относился к более раннему периоду, то есть был написан раньше, чем *Дао-дэ цзин*. Но идеи, которые присутствуют в *Иньфуцзин*, в некотором смысле выше, более совершенно сформулированы, чем в *Дао-дэ цзин*, более чёткие. В общем, у меня возникло сомнение. Как говорится: «Вас ис дас», в чём дело?.. А в это время у нас был очень популярен великий китайский историк и философ, археолог *Го Мо-жо* – активный борец за мир, лауреат Ленинской премии мира. Повсеместно активно издавались рефераты его трудов. В реферативных сборниках, которые издавались ИНИОНом (он тогда по-другому назывался), печатались подробные рефераты книг Го Мо-жо. Я уже все эти рефераты, как говорится, наизусть знал: «Эпоха рабовладельческого строя», «Десять критических статей» и другие[203]. Короче говоря, на основании рефератов, которые я вычитал, мне стало понятно, что единственный человек, который мне может рассказать, что и как, это товарищ Го Можо. Я набрался нахальства и написал ему письмо.

ВГ: Ого! А на каком языке, на русском?

МТ: На русском, конечно, я же китайский не знал, китайский только начал самостоятельно изучать.

ВГ: А адрес? Мы ещё поговорим про китайский язык, а адрес вы как написали? «Китай, товарищу Го Мо-жо»?

МТ: Адрес – в чисто чеховском стиле! Как «на деревню дедушке»: «Китай, Пекин, Академия наук Китая, академику Го Мо-жо». Вот и весь адрес.

ВГ: Сразу вопрос: дошло?

МТ: ДОШЛО! Конечно, ребята, мои коллеги, товарищи по группе посмеялись: «Будет он твои письма студенческие читать». Но письмо дошло, и ответ я получил. Давно это было, много было переездов. В общем, я письмо это потерял. Но, конечно, оно сыграло важную роль в том, что я стал китаистом.

ВГ: Вы имеете в виду своё письмо или ответ?

МТ: И ответ, и то, что я набрался смелости написать...

ВГ: Так что же вы написали?

---

[202] Китайская религиозно-философская традиция приписывала авторство *Иньфуцзина* мифическому основателю китайской цивилизации, «Жёлтому императору» (*Хуан-ди*). Но, согласно научным данным, трактат мог быть создан достаточно поздно, вплоть до VIII в.

[203] Сборник Го Мо-жо «Десять критических статей» издан в Пекине в 1954 г. В русском переводе издан в Москве в 1956 г. под названием «Эпоха рабовладельческого строя». См. также: *Го Мо-жо*. Бронзовый век. М., 1959.

МТ: Я написал письмо очень короткое: «Уважаемый академик Го Можо! В наших реферативных журналах много пишут о ваших очень интересных трудах. Я познакомился с ними, поэтому решил обратиться к вам. У меня возникли сомнения и неясности относительно того, насколько достоверно определено время написания трактата *Иньфуцзин*, поскольку, как мне кажется, некоторые идеи, представленные там, являются более поздними, последующими *Дао-дэ цзину*, а не предшествующими ему». Письмо было написано где-то в начале 1956 года. В мае 1956 года я получаю ответ от товарища Го Мо-жо, на одной страничке. Написано на китайском языке, конечно. Оно где-то потерялось. Вот так бывает: уедешь на много лет, потом приедешь, а всё растеряно – нету! В письме было следующее: «Дорогой советский молодой друг, спасибо за ваше письмо! Это очень хорошо, что вы проявляете интерес к китайской философии, для меня это очень радостно! Что касается вашего вопроса по поводу аутентичности трактата *Иньфуцзин*, то ваши сомнения обоснованы: книга относится к значительно более позднему периоду. По моему мнению, она относится к III–V веку НАШЕЙ эры». А там её относят к VII веку ДО нашей эры!

ВГ: Неверная датировка?

МТ: Почти на тысячу лет расхождение!.. Дальше в письме говорилось: «Но, тем не менее, книга представляет практический интерес и научную ценность как источник, в котором излагаются и развиваются взгляды даоской школы. Что касается ваших занятий и мечты заниматься китайской философией, это дело очень хорошее! Но я хотел бы вам по-дружески сказать: китайской философией можно по-настоящему заниматься, только если вы хорошо овладеете современным и ДРЕВНИМ китайским языком (*вэньянь*). Поэтому, если вы серьёзны в своих намерениях, и это не просто увлечение, которое тоже весьма похвально, а вы действительно хотите посвятить значительную часть своей жизни изучению китайской философии, я вам советую серьёзно заняться китайским языком»... С этим письмом в руках я иду к замдекана доценту *Анатолию Даниловичу Косичеву* – нашему замдекана по учебной работе, дай ему Бог долгих лет жизни, ему уже очень много лет – больше девяноста! Я к нему пришёл и говорю: «Анатолий Данилович, вот такое мне письмо в ответ на мой вопрос пришло!» Он был страшно удивлён, так как понятия не имел, что я занимаюсь китайской философией. Долго на меня смотрел, потом говорит: «Ну, а что тебе от меня-то надо?» Я говорю: «Я пришёл к вам просить, чтоб вы мне разрешили вместо английского заниматься китайским языком. И прикрепили меня на филологический или на исторический факультет для занятий китайским. Занятия по латыни я буду продолжать посещать, а вместо английского будет китайский. А то получится слишком много». «Ну, что же, дело это хорошее...» В общем, написал он письмо в деканат на филфак.

Там это дело одобрили, и меня прикрепили заниматься китайским языком не к кому-нибудь...

ВГ: А к кому?

МТ: Не поверите!

ВГ: К *Рогачёву*?

МТ: Нет, не к Рогачёву, у него я был, сидел на консультациях. К *Исаенко*! Наш корифей-переводчик. Не к нему самому, а к его жене, она преподавала язык. Вот так я начал заниматься, причём она занималась со мной индивидуально. Я два раза в неделю ездил к ним домой, они жили на «Собачьей площадке» на Таганке.

ВГ: Это какой год был? И какой курс?

МТ: Это был начальный курс, 1956 год. А до этого я год занимался самостоятельно.

ВГ: Очень интересно, как вы сами занимались? Как решились?

МТ: Решился. Но на самом деле это был «мартышкин труд».

ВГ: То есть просто переписывали иероглифы?

МТ: Я сидел и писал иероглифы. Вот иероглиф «ай», обозначающий «любовь». Мои товарищи очень интересовались, как сказать по-китайски «любовь». Я даже не писал иероглифы, а рисовал: как их правильно писать я не знал. В общем, первые два месяца моя преподавательница учила меня, как забыть всё, чему я сам научился.

ВГ: Переучивала, выходит?

МТ: Да, и учила меня уже ПИСАТЬ иероглифы. И тут началось самое главное: о том, что я занимаюсь китайской философией, узнали не только мои товарищи, но и деканат. А в это время шло формирование первой группы студентов для обучения в Китае: к ректору, академику Петровскому И.Г., пришло письмо из министерства, от министра высшего образования СССР товарища *В.П. Елютина*. И когда об этом стало известно на нашем факультете, меня порекомендовали туда включить. Так я попал в первую группу.

ВГ: Вы уже закончили на тот момент философский факультет?

МТ: Нет, это был четвёртый курс. Уехал я с четвёртого курса, в феврале 1957 года. Числа 4–5-го отправился наш поезд. Приключение это было! И вот, 14 февраля, в день годовщины «Договора 1950 года»[204], мы прибыли на старый пекинский вокзал в районе Цяньмэнь. Нас там встречали с цветами наши китайские товарищи, подходили и говорили: «Я ваш друг!» Ко мне тоже подошёл товарищ, и мне сказали: «Вот, это будет ваш друг и

[204] Речь идёт о «Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР, подписанном 14 февраля 1950 г. в Москве.

консультант». Меня определили в Пекинский университет, на специальный факультет по изучению китайского языка для иностранцев, и моим первым учителем был Тянь *сяньшэн*[205]: очень такой милый человек, так и начались наши занятия в Китае.

ВГ: Ваш преподаватель в Китае был филологом или историком?

МТ: Языковед. Очень хороший, просто блестящий преподаватель, очень умело нас обучил. Всё-таки я за полтора года освоил базу языка и начал изучать вэньянь – древнекитайский язык. Я два года там учился.

ВГ: То есть он и современный китайский, и вэньянь преподавал?

МТ: Нет, по вэньяню у меня была отдельная группа. Можно сказать, почти индивидуальная. Потому что через год меня направили одновременно обучаться на философском факультете Пекинского университета и назначили мне научным руководителем по китайской философии *Жэнь Цзиюя* – замечательного учёного-философа. А у него как раз в это время, буквально накануне моего прихода к нему, вышла брошюра о *Мо-цзы*, и после нашего собеседования он мне её подарил... Я тогда только начал читать книги на китайском. Конечно, трудно было, а читать приходилось много. Но, в общем, я всё смог освоить на китайском языке. И когда возник вопрос о теме моей работы, так и получилось, что темой стала философия Мо-цзы. Лекции по китайской философии мне индивидуально читали: я ходил на лекции на философский факультет. Естественно, понимал я лекции сначала через пень-колоду: лекции читались быстро, и большинство лекторов говорили не на *путунхуа*[206]. Вообще, тогда к советским студентам действительно было особое отношение, нам стремились создать максимально благоприятные условия для учёбы. Я не могу не вспомнить с глубочайшей благодарностью о руководстве нашей группы: товарищ *Кэ Гао* руководил нашей группой. Госпожа Дай, вернее, товарищ *Дай* – старая революционерка, она руководила нашей группой в воспитательном плане... А потом, тоже в знак особого внимания, мне в качестве лектора по китайской философии был назначен великий *Фэн Ю-лань*.

ВГ: Вот это да! Сам Фэн Ю-лань проводил для вас индивидуальные занятия?

МТ: Только для меня. Я к нему домой приходил... В Пекине был такой особый большой огороженный район, где жили самые маститые профессора. Он жил в отдельном особняке. Я садился напротив него. Он садился, закрывал глаза и читал.

ВГ: Монотонно...

---

[205] *Сяньшэн* — учитель, вежливое обращение к преподавателю.

[206] *Путунхуа* (букв.: «Общераспространённая речь»). Официальный диалект китайского языка, близкий к пекинскому. Используется в Китае как «универсальный» диалект.

МТ: Нет, не монотонно, а с выражением и наизусть. А потом открывал глаза, смотрел, что я там, пишу или не пишу, и спрашивал меня, всё ли я понял. Если я говорил, что что-то не понял, он объяснял, наизусть цитируя Конфуция, всех китайских классиков. У него ещё была манера говорить, бородочку поглаживая. Конечно, это было неизгладимое впечатление! Но, к сожалению, через 4 месяца мои лекции приостановились, потому что Великий кормчий – председатель Мао Цзэ-дун сказал, что эти профессора опасны, у них голова забита всякой дрянью, и они ничего не понимают в жизни. И надо их всех отправить на перевоспитание в деревню – пусть они учатся философии у крестьян. Философский факультет, конечно, с энтузиазмом воспринял ценные указания о необходимости ехать на перевоспитание в деревню. И Фэн Ю-лань поехал, и Жэнь Цзиюй, и *Фэн Дин*... Жэнь Цзиюй занимался со мной конкретно Мо-цзы; Фэн Ю-лань читал мне общие лекции по китайской философии, а Фэн Дин – по диалектическому и историческому материализму. Замечательный, кстати, был преподаватель. Тогда без этого нельзя было....

Но раз все уезжают, возник вопрос: что делать со мной? Был там и наш, московский преподаватель с нашего факультета – профессор *Георгиев Филипп Игнатьевич*, который читал в Пекине лекции. Я на эти лекции ходил в качестве переводчика, он ведь читал их на русском языке. Это было хорошо: одновременно упражнение в языке и лекция – очень полезно. В конце мая – начале июня 1957 года было решено на факультете уехать на трудовое перевоспитание и изучение философии у крестьян в кооператив Хуанцунь. Это где-то около ста километров от Пекина, ближе к Тяньцзиню, в северном направлении, севернее станции Фэнтай. Тогда же это всё были поля! Тогда Пекин кончался там, где сейчас второе кольцо. Там проходила городская стена, а дальше были поля: рис, батат, китайская капуста *байцай* и так далее. А в другую сторону были яблоневые и персиковые сады. Решили, что все едут, и я настаивал, что тоже поеду. Мои коллеги, товарищи по учёбе, выразили большое удивление по этому поводу, сказали, что это мой «бзик». А руководство философского факультета очень долго пыталось меня отговорить. Со мной вела воспитательную работу для того, чтобы отговорить меня от этой затеи, товарищ *Не Юань-цзы*.

ВГ: Кто это?

МТ: Не может быть, чтобы вы её не знали! Надо вспомнить «культурную революцию». Кто первую *дацзыбао*[207] написал?

ВГ: А, это автор первой *дацзыбао*!

[207] *Дацзыбао* – рукописные стенгазеты; вывешивались в публичных местах в годы «культурной революции» (1966–1976), содержали призывы бороться с врагами, защищать Председателя Мао и т. д.

МТ: Да, она – автор первой *дацзыбао*. Тогда была секретарём партийной организации философского факультета. И вот, пришла она ночью – экспансивная очень китаянка – и говорит: «Товарищ Титаренко! Вы представляете, как там будет трудно?!» Я говорю: «Я вырос в деревне, я сельский человек, я поеду». Короче говоря, в два часа ночи, накануне отъезда, она пришла ко мне в общежитие, мы жили в одной комнате с Серёжей Хусаиновым, сейчас он в Казахстане. В общем, не отговорили, и я поехал... Так начались, так сказать, «мои университеты» в народной коммуне. Хотя нет, начались они в кооперативе Хуанцунь, я хочу это подчеркнуть! Потом уже была коммуна. Вообще, я считаю, что один из самых умных шагов, которые я совершил в этой жизни, был тогда, когда я настоял, что поеду в деревню вместе с факультетом, потому что это позволило мне полностью погрузиться в китайскую культуру. Я был единственным иностранцем, кто побывал в такой ситуации. Удивительным, конечно, было то, что всё это получилось, несмотря на то что сама парторг пришла меня в 2 часа ночи отговаривать!

ВГ: А с советским посольством вам не надо было это согласовывать?

МТ: Теперь я понимаю, что пойди я, как положено, в посольство, они бы меня ни за что не отпустили! Это потом, много позже, они сказали: «Правильно молодой человек поступил». Ну, а когда решать нужно было, не отпустили бы. Короче говоря, благодаря тому, что я вместе со всеми выехал в деревню, я продолжал общаться с моим любимым Фэн Ю-ланем, Жэнь Цзиюем, Фэн Дином, со своими товарищами. И, самое главное, я общался с крестьянами, которые, надо сказать, меня полюбили. Ко мне относились очень хорошо. Когда меня наконец отозвало посольство – сказали, хватит вам бездельничать – меня вся деревня провожала. Нагрузили гостинцами, коромысло дали как передовику производства. А я действительно был передовиком. На коромысле две корзины: в одной батат (сладкий картофель), а в другой – арахис (*хуашэн*). Я приехал в Бэйда[208] и устроил пир горой для всех друзей.

ВГ: Сколько вы там пробыли в деревне?

МТ: Семь месяцев. Конечно, никакой философии у крестьян не было, и нечему было у них учиться в этом смысле. Но для китайских городских ребят весь образ жизни крестьян был чем-то новым, незнакомым. Для меня же как раз сельская жизнь была вполне привычна. Поселили меня для безопасности в доме вдовы-революционерки, старушки Ван. Я её звал *Ван данян* («мамаша Ван»). Сын её служил в Народно-освободительной армии Китая, я спал на его *кане*[209].

---

[208] Сокращенное китайское название Пекинского университета.

[209] *Кан* — традиционная в Северном Китае лежанка из камня, кирпича или глины, отапливаемая через проложенный под ней дымоход.

ВГ: Дом был однокомнатный?

МТ: Нет, два помещения в нём было. Входишь, сначала два котла, потом комната, где мать жила, а в другой – сын. Он был молодой, ещё не женился. Комната была свободна, и я спал в ней... Во-первых, я узнал образ жизни китайских крестьян. Во-вторых, я с профессорами общался. Занятия в разное время проводились: с утра или после обеда. Проходили они в одном из больших домов, который принадлежал бывшему помещику, условно говоря «помещику». Так вот, там на кане восседал профессор Фэн Ю-лань. И в той же самой манере, закрыв глаза, он говорил: «Что касается того, что такое коммунизм... то я думаю, что это, в общем...» Кстати говоря, товарищ Фэн Ю-лань в этом вопросе оказался провидцем. Основываясь на своём большом материале, он сказал, что коммунизм – это реализация мечты, которую высказал в своё время Конфуций. Он говорил, что первой стадией коммунизма будет «общество малого достатка» – *сяокан*, а высшей стадией его будет «великое единение» – *датун*. Так что товарищ *Дэн Сяо-пин* сие предсказание Фэн Ю-ланя выполнил...

Но дело в том, что во время пребывания в деревне я был свидетелем довольно суровых событий, которые были весьма трудными для моего восприятия. Например, классовая борьба: старикашку, который отказался отдавать свой дом под управление создаваемой коммуны, назвали классовым врагом и против него устроили «классовую борьбу». В общем, можете себе представить, что там происходило. Да, всё это наблюдать было не очень приятно, уж устроили ему... Требовали от него признаний, чтобы он признался, что он – враг. Мучили его...

А потом, в конце июля – начале августа, была создана «народная коммуна» Хуацунь, я в ней жил и работал. Мне сельский труд вполне знаком. Парень я был не из хилых, поэтому работать умел и был передовиком труда. Ко мне туда даже на экскурсию ходили смотреть, потому что я один выдавал норму целого звена: выкапывал арахис (*хуашэн* по-китайски) мотыгой. Батат, рис там тоже выращивали. Довольно скоро мне стало неинтересно сидеть на этих занятиях – «гаданиях» на тему «Что такое грядущий коммунизм», потому что китайские товарищи считали, что они обгонят Советский Союз, коммунизм непременно будет построен. А кроме того, они были не очень рады свидетелю их вольных разговоров. Поэтому они там сидели-гадали, а я уходил на работу. И с большим удовольствием работал вместе с крестьянами: тогда молотили рис. Близился конец года, где-то конец ноября, уже было довольно холодно. Молотили рис, и я крутил барабан. Тогда электричества ещё не было, поэтому крутил барабан вручную, а они держали сноп, так и обмолачивался рис. Был один я и ещё целое звено женщин-китаянок. Они минут 20–30 работали, потом минут 15 отдыхали – быстро уставали. Однажды в очередной перерыв (я сижу на одном обмолоченном снопе, они – на другом) слышу, меня обсуждают, смеются.

ВГ: Вы им были очень симпатичны, наверно?

МТ: Отношение ко мне было потрясающе хорошее. А в тот раз... Была у них одна молодая и очень активная женщина. Вдруг она встаёт и таким победным шагом идёт ко мне. Я думаю: что же будет? Она подходит ко мне, поднимает штанину – я в совершенной растерянности! В общем, поднимает мне штанину, а на ногах-то – волосы. Она вырывает у меня клок волос и несёт как знамя: «Вот, у него ноги волосатые!» Это они, значит, обсуждали, чем отличаются русские мужчины от китайцев, и нашли главное отличие – волосатые ноги! Но это всё так, от простоты отношений, если хотите.

ВГ: Михаил Леонтьевич, а эти свои подвиги-приключения вы уже описывали где-то раньше?

МТ: Нет, нигде. В первый раз рассказываю.

ВГ: Как на исповеди! Интересно узнать, когда Фэн Ю-лань рассуждал о коммунизме в его представлении, он Председателя Мао цитировал?

МТ: Я не припомню, чтобы он цитировал Председателя Мао... Я помню, он говорил «как нас призывает председатель Мао». Часто своё мнение высказывал: «Я думаю», «мне кажется, что при коммунизме будет...» Цитировал Конфуция, говорили о *сяокане* и *датуне*. Очень интересны эти рассуждения были. Но для большинства его студентов это было совершенно непонятно, поэтому его скоро подвергли критике как «правого элемента».

ВГ: Каких-то дискуссий там не было между ними? Или это просто были обычные лекции?

МТ: Дискуссий не было, это такие беседы были. Но, вообще, был огромный энтузиазм в стране, особенно в первое время. Люди поверили, что что-то новое действительно произойдёт. Это были такие увлекательные лозунги. Я тоже был под очарованием этого энтузиазма и даже был убеждён, что китайцы нас обгонят и что построят коммунизм и всё прочее. Но этот энтузиазм продолжался лишь до конца октября. Значит, сначала мы съели рис: была у нас бесплатная столовая (*чифань буяо цянь*). Потом стариков всех собрали вместе в «Сад счастья», ухаживали за ними, детей собрали в такой детский сад, а все взрослые работали – такой вот режим. Да, кстати, там я узнал, что такое «учение восьми иероглифов» председателя Мао (*бацзы синфа*). Даже лично участвовал и видел, что такое уплотнённый засев риса. Это когда с соседних полей срывали рис, складывали, уплотняли его. Он начинал гореть, ставили вентиляторы, чтобы поддувать... Конечно, это всё делалось для того, чтобы приезжающее начальство посмотрело, что указания выполняются.

ВГ: То есть вы стали видеть разницу между лозунгами и действительностью?

МТ: Да, в конце октября стало ясно, что организация эта – коммуна – себя не оправдывает. Значит, сначала съели рис. Потом начали есть кукурузные пампушки *вотоу*. Потом и эти кукурузные *вотоу* стали выдавать только по одной в день. Пампушка эта, чтобы вы знали, делалась из кукурузного теста: шапка такая из куска теста надевается на кулак и на пару готовится. Говорят, что их придумала *Цыси*[210], когда бежала из Пекина от Боксёрского восстания[211]. Ей делали такие маленькие жёлтые *вотоу*, на палец надевали. Вот и мы по одному *вотоу* ели. Ну, потом уже в ход пошёл батат, овощи, стало трудно. И в это время состоялось расширенное заседание Политбюро в Ханчжоу, на котором председатель Мао сказал, что надо проверить качество создаваемых «народных коммун». Дал указание создавать рабочие группы по проверке «народных коммун» – *жэньминьгуншэ цзебяоча яньцзю*. Вот из студентов и профессоров, работавших в нашей и соседней коммуне (не помню, как она называлась), начала создаваться такая рабочая группа. А в соседней коммуне работал знаменитый профессор *Цзянь Бо-цзань*. Ему поручили возглавить эту группу. Цзянь был наслышан о моих, так сказать, трудовых подвигах, поэтому он лично приехал в нашу коммуну Хуанцунь и пригласил меня в рабочую группу, чтобы поехать на обследование народных коммун провинции Хэбэй. Я сразу согласился, и где-то в середине или конце ноября (уже не помню точно), когда была создана эта группа во главе с профессором Цзянь Бо-цзанем, мы отправились из народной коммуны Хуанцунь (*Хуанцунь жэньминьгуншэ*) в народную коммуну Лучэн (*Лучэн жэньминьгуншэ*). Это где-то в 120 км от Шицзячжуана – административного центра провинции Хэбэй.

ВГ: Можно вопрос?

МТ: Пожалуйста.

ВГ: Из каких соображений руководитель рабочей группы включил в её состав иностранного (!) студента?

МТ: К тому времени они уже знали немножко мою биографию: знали, что я вырос в деревне и представляю, что такое колхоз. Тогда они создавали нечто другое. Но оказалось, что колхоз не так уж и плох.

ВГ: То есть, вас пригласили, выражаясь современным языком, выступить в качестве независимого эксперта? Или вам хотели что-то показать и доказать?

МТ: Тогда я не думал, в каком качестве меня берут, пригласили – и всё. Мне было интересно это всё.

---

[210] *Цыси* 慈禧 (1835–1908). Вдовствующая императрица маньчжурской династии Цин (1644–1911). Фактически правила Китаем в 1861–1908 гг., в периоды правления двух императоров — Цзай Чуня (Тун-чжи) и Цзай Тяня (Гуан-сюя).

[211] Речь идёт о Боксёрском восстании (*Ихэтуаней*) в Пекине в 1900–1901.

ВГ: Вам было интересно. Но потом же вы наверняка думали об этом?

МТ: Тогда я был, можно сказать, в потоке сознания. Во-первых, мне было приятно, что ко мне проявляют такое внимание. Во-вторых, мне было интересно всё это. И потом, я ВЕРИЛ в «народные коммуны»! ТОГДА я в них искренне верил. Верил, что они в жизни возможны. На начальном этапе Советского Союза тоже ведь были «народные коммуны». Я вам говорил, что мой отец был председателем колхоза – «народной коммуны».

ВГ: То есть у вас к колхозам не было личного негативного отношения?

МТ: Абсолютно нет.

ВГ: А у окружающих людей, которые приехали с философского факультета и которые сидели в этом большом доме помещика?

МТ: Вы знаете, это особенность китайских товарищей: дисциплина, законопослушание.

ВГ: Да, и скрытность.

МТ: Им было сказано, что их идеологическая позиция поставлена под сомнение. И для них тогда высказывать какие-то негативные суждения означало бы подтвердить эти сомнения, которые УЖЕ есть. Поэтому нужно было доказывать обратное, и все вели себя очень хорошо. Все были полны энтузиазма. Готовы, согласны на всё, так сказать... Мы обсуждали этот вопрос, и я уверен также, что они делали это искренне. Ну, кто-то, может, оказался провидцем...

ВГ: И время тогда ещё оставляло место для надежды. Это потом уже все разобрались во всём.

МТ: Конечно. Короче говоря, поехали мы в «народную коммуну» Лучэн, жил я там в общежитии кадровых работников. Участвовали в собраниях всяких, всегда о чём-нибудь возникала горячая дискуссия, в конце которой, подводя итоги, всегда привлекался авторитет советского человека. Он был очень важен. И важно было свидетельство. В данном случае имел значение не я лично, я тут был не при чём. Важно было то, что я – советский человек (*су-лянь жэнь*). И причём не такой уж глупый, к тому же с таким же энтузиазмом верящий, поддерживающий их. То есть они верили, что это свой человек. И я действительно был своим человеком. Так что, в дискуссиях всегда было: «А что скажут представители Советского Союза – нашего “старшего брата” (*су-лянь лао да-гэ*)?» Мне каждый раз приходилось доказывать, что я никакой не «старший брат» – это был вопрос, по которому можно было долго дискутировать, но советский человек – да. В общем, если обсуждался какой-то вопрос, то всегда спрашивали и моё мнение. Если у меня оное было, я его высказывал. Иногда оно было

отличным от принятой линии, содержало какой-то нюанс. Иногда с ним соглашались, иногда, так сказать, молча его игнорировали, и всё шло хорошо. А в конце января 1959 года я получаю письмо из посольства Союза Советских Социалистических Республик, в котором было написано: «Как стало известно Министерству высшего образования, студент, в нарушение всякой дисциплины, самовольно отправился в деревню вместо того, чтобы заниматься тем, ради чего он был послан в Китай, то есть изучением китайского языка и китайской философии. В нарушение этого он прохлаждается в деревне», – в таком смысле. Далее предписывалось, чтобы я немедленно отправлялся в Пекинский университет и продолжил занятия. Или я буду откомандирован, как говорится, в двадцать четыре часа.

ВГ: А куда было возвращаться? Факультет-то был в деревне!

МТ: Факультет был, конечно, в деревне. Но Пекинский-то университет оставался на месте. В общем, каждое моё перемещение всякий раз создавало новые проблемы для моих гостеприимных хозяев, которые им приходилось решать. Короче говоря, мне устроили проводы: вся деревня собралась во главе с первым секретарём уездного комитета партии. Устроили митинг, да не просто так, а с барабанами, гонгами. Мне опять вручили коромысло, и я вернулся в Пекин, «попрохлаждавшись» в деревне... Пришёл в посольство, где нас курировал советник – 2-й секретарь посольства, супруга одного из сподвижников товарища Шелепина. Она ругается: «Что же вы?» Ну, и так далее. А я говорю: «Прежде чем меня ругать, выслушайте, чем я занимался!» Короче говоря, я им описал картины, которые были для них полным откровением: что такое «народные коммуны», как они были устроены, и всё прочее. В посольстве сказали: «Ладно, продолжай учёбу, но о том, что ты там видел, напиши». Я написал такой отчёт о своём пребывании в деревне, оставил им и вернулся в Пекинский университет.

Товарищ *Кэ Гао*, дай Бог ему здоровья и многих лет жизни, говорит: «Ну, что ж с тобой делать?» Поскольку у меня фамилия очень трудно выговариваемая на китайском языке – Цзи-та-лен-ко, меня звали Миша *тунчжи* – «товарищ Миша». И потом этот «товарищ Миша» со мной сыграет довольно забавную штуку, я потом расскажу о ней. Ну, значит, что делать? Иди, говорит, на филологический факультет. Я стал ходить на лекции по китайскому языку и древнекитайскому языку к знаменитому китайскому профессору *Ван Ли*. Крупнейшему знатоку китайского и древнекитайского языка. Философского факультета так и не было. И тогда мудрый товарищ Кэ Гао с коллегами, посоветовавшись, связались со своим министерством, доложили о ситуации. В общем, заботы всем китайским чиновникам хватило.

ВГ: Вы обеспечили работой министерство!

МТ: Да-а. Перепиской. В конце августа Кэ Гао ко мне подходит и таинственным заговорщицким голосом говорит: «Товарищ Миша! Тебя, наверное, направят в Шанхай». Ну, в Шанхай так в Шанхай – какой город: революционная база! Первый съезд! Всё же это там было, и этот образ революционного романтизма ещё сохранялся. Я говорю: «Хорошо, поеду в Шанхай». Тем более что моя жена училась в Шанхае.

ВГ: Вы были уже женаты?

МТ: Мы поженились в Китае, у меня с ним вся судьба связана! Но про это я не буду говорить, потому что это *Шекспир*! Это Шекспир, честное слово!

ВГ: Непременно надо об этом говорить, нам интересно!

МТ: Нет, это отдельно.

ВГ: Хотя бы в двух словах!

МТ: Потом, давайте я сначала эту тему закончу.

ВГ: Хорошо-хорошо.

МТ: Короче говоря, заговорщицкая эта беседа со мной кончилась, это был предварительный зондаж, посмотреть, как я отнесусь к этой затее. Я ответил положительно! Министерству нужен был позитив. Уже шла подготовка к десятилетию КНР, в Пекине шли десять великих строек: строили Дворец народных собраний (*жэньминь далитан*), Исторический музей (*лиши боугуань*), сельскохозяйственная выставка, Дворец национальных культур (*миньцзу вэньхуа гун*) – большие события. Получается, всё это я тоже наблюдал. Ведь никто не знает, из чего сложены колонны Дворца собраний: они были сложены из дороги, которая была проложена императрицей Цыси в парке Ихэюань: это огромные глыбы сизого мрамора, их все изъяли, обрезали, сточили и сделали эти колонны. То есть они нашли быстрый способ добыть материал. Часть материалов взяли из развалин Юаньмин юаня... А в 20-х числах сентября 1959 года товарищ Кэ Гао мне сообщил, что я определён на философский факультет Фуданьского университета в Шанхае. И, по-моему, 28 или 27 сентября я прибыл в Шанхай на поезде, в котором ехала труппа Большого театра. Они ехали в Шанхай на гастроли по случаю десятилетия КНР, а я прибыл в университет, на философский факультет.

ВГ: *Улановой* там не было?

МТ: Улановой не было, по каким-то причинам она не поехала в Шанхай. Поехали *Плисецкая* и *Лепешинская*, тогда звёздный час их был. Я был на этом концерте, и тогда впервые увидел, как в Китае встречали наших артистов. Сейчас этого места, где выступление проходило, нет, сейчас на этом месте народная площадь. А раньше там был английский стадион, где проводились собачьи бега. Там семь тысяч зрителей было. Была большая

сцена, и там выступал балет Большого театра... Это было такое событие! За километр до места, на Вайтане[212], уже спрашивали билетики. Концерт был потрясающий, громадный успех, потому что в Шанхае было не так мало знатоков балета. Вот в Пекине всё прошло как-то спокойнее, намного спокойнее. Лепешинская исполняла танец «Вальпургиева ночь», потрясающе! А когда Плисецкая исполнила своего «Умирающего лебедя», были такие овации! Её вызывали шесть раз «на бис», просили – заставили! – повторить «Лебедя» шесть раз! Она устала уже, вышла, встала на колени перед залом: больше не могу! Зал встал, такими овациями её наградили, так встречали – просто потрясающее было зрелище. А когда Лепешинская исполнила свою «Вальпургиеву ночь»! Это для китайцев необычное выступление, совершенно вольная сцена... В общем, концерт имел необыкновенный успех.

А потом я приехал в университет, там меня очень мило встретил мой будущий руководитель, декан философского факультета, профессор *Ху Цюй-юань*. Замечательный человек, чудесный, с очень большим революционным прошлым. Его супруга – профессор *Чэнь Гуй-Жу* – была первым переводчиком ленинских работ на китайский язык. Меня поселили в преподавательском общежитии, в отдельной комнате, рядом с комнатой сына ректора, профессора *Чэнь Ван-дао*. Мы так с ним три года вместе жили, рядышком, общались иногда. У меня установились очень милые отношения с местными жильцами: и с преподавателями, и с обслуживающим персоналом.

Это были трудные очень годы. Годы, когда начал меняться характер наших китайско-советских отношений. Здесь я хочу сказать, что отношение ко мне не изменилось до самого моего отъезда. Оно было всегда доброжелательным, предупредительным, заботливым. Это было трудное время, но мои друзья делали максимум возможного, чтобы обеспечить мне более или менее нормальное питание. Комната моя была как японский домишко, который разделён на четыре клетушки перегородками. Она делилась перегородками на четыре части. Образовывалась как бы кухня, прихожая и спальня, поэтому казалось, что помещение чуть поменьше, квадратное, а перегородки-стенки из фанеры. А в Шанхае зимой очень прохладно, не тепло совсем. Мне в комнату поставили горелку газовую, а газовая горелка могла и потухнуть. В общем, без конца приходилось это дело контролировать. Спал я в ватниках, накрываясь ещё ватным одеялом.

ВГ: Как вы там питались тогда?

МТ: Интересно очень, как прошёл мой первый обед в столовой, когда я приехал! Китайские товарищи слышали, что у нас главная еда – хлеб,

[212] Набережная Вайтань (Бунд) – фешенебельный район Шанхая, где до революции располагались представительства иностранных компаний.

«хлеб всему голова»! Поэтому они считали, что для нас главное – хлеб, что это главная пища. Ну вот, прихожу я в столовую преподавателей, а приходил я обычно в столовую последним, когда уже никого не было. Я прихожу, меня очень мило встречает повар, а на столе стоит буханка нарезанного белого хлеба. Это они специально съездили в гостиницу «Шанхай Даша», купили эту буханку нарезанного хлеба и подают её торжественно – и больше ничего нет. И, значит, так, с улыбкой говорят: «*Чиба*» (кушайте!). Я взял кусок, пожевал-пожевал, думаю: ну, что-то мне ещё дадут, кроме хлеба? А весь персонал выстроился вдоль стеночки и около дверей, и с милыми улыбками стоят и смотрят, что я буду делать. А повар время от времени говорит – «*чиба*!» – кушайте. Я говорю: «А что ещё будет?» А он удивленно так спрашивает: «А что ещё нужно?» В общем, пришлось объяснить, что хлеб, конечно, голова, но к голове ещё нужно и тело! Дали мне ещё каких-то овощей, а на следующий день притащили мне в качестве компенсации речных крабов. А я их терпеть не могу! И не знаю, как их есть, и вообще не люблю. А они очень дорогие, это одно из самых дорогих блюд считается из обычной кухни! Они красными становятся такими, как сварят, и они штук пять или шесть положили на тарелку. В общем, крабов я тоже не стал есть, чем очень огорчил моих дорогих хозяев, но они мне дали потом другую пищу.

ВГ: Кто читал вам лекции в Шанхае?

МТ: Моим консультантом был профессор Ху Цюй-юань. Тема моя – философия Мо-цзы, которую я начал изучать под руководством Жэнь Цзиюя в Пекине. Я продолжил изучать философские идеи Мо-цзы и школы моистов в целом, и было решено, что в конечном итоге моим дипломом будет работа о Мо-цзы. Мы с профессором Ху часто встречались, беседовали, и он меня консультировал. А лекции по философии мне читал профессор *Янь Бэй-мин*. Очень глубокий знаток китайской философии и китайского буддизма, его истории. Причём был он хунанец! Земляк председателя Мао, говорил на том самом диалекте – на хунаньском *тухуа* (местном наречии). Я, естественно, почти ничего не понимал. Студенты его тоже не понимали ничего. Но, к счастью, как говорят китайцы, плохое превратилось в хорошее: поскольку он говорил на хунаньском диалекте, ему пришлось все свои лекции писать на доске, а для меня это было то, что нужно. Потому что, когда он говорит, не всё успеваешь уловить, а когда написано – тут я уже пишу в конспекте. У меня с профессором Янь Бэй-мином были очень хорошие отношения, он даже для меня специально читал курс по китайскому буддизму: что это такое, его теория, философские взгляды чань-буддизма, дзэн буддизма и *тяньтай цзун*[213] – главных

[213] Буквально: школа горы Тяньтай, или школа «Лотосовой сутры» – одна из китайских школ буддизма махаяны.

направлений китайского буддизма танского и сунского периода. И ко мне был приставлен в качестве помощника по изучению древних текстов и для занятий древнекитайским языком *Пань Фу-энь* – очень добрый китайский товарищ, интеллигентный очень шанхаец. Сейчас он, я думаю, уже на пенсии, а тогда был аспирантом. Вот он и был моим помощником в чтении, толковании, понимании китайских иероглифов и в изучении древнекитайского языка. Потом он стал заведующим кафедрой китайского языка Фуданьского университета, известным учёным, специалистом по *Чжу Си*, *Чжоу Дун-и*. У него есть книга по древнекитайской философии, общий такой курс. Очень интересный был человек! И ещё, в качестве помощника толкования терминов на русском языке ко мне был приставлен доцент *Хэ Юй-дэ*. К сожалению, во время «культурной революции» он пострадал и потом погиб. Он очень хорошо относился к нам, был прекрасным знатоком русского языка: помогал найти более точные переводы с древнего языка на современный русский язык. В общем, мои коллеги очень хорошо относились ко мне, помогали, и студенты тоже часто приходили.

КФ: Какие ещё моменты вспоминаются из шанхайской жизни?

МТ: Я хотел бы подчеркнуть два, вернее, три момента из фуданьского периода моей жизни. Об одном я уже сказал: я там пробыл до конца июля 1961 года, когда отношения между нашими странами уже были не очень хорошие, но отношение ко мне было прекрасным, таким же доброжелательным и дружеским. Второе: там, в Шанхае, я понял, насколько сильна самоидентификация китайцев – это очень важная черта китайской «гражданственности». Приведу пример: со мной по соседству в общежитии жил сын Чэнь Ван-дао. А с другой стороны жила профессор исторического факультета, и у неё был такой забавный мальчуган – ему, наверно, лет шесть-семь было, такой очень симпатичный китайчонок. Он всё время ко мне бегал, любил со мной играть, и я тоже с ним занимался. И он всё время меня допрашивал, а почему у меня нос такой, глаза такие. Ну, а я его как-то спрашиваю: «А почему у тебя волосы чёрные? Вот у тебя такие жёсткие, а у меня видишь какие волосы мягкие, почему?» И он говорит: *«Иньвэй во ши хуажэнь!»* («Потому что я – китаец»). Причём он очень важно так встал. Вот так, палец подносит к носу и показывает на себя: *«Во ши хуажэнь»*. Представляете: ребёнку семь лет, не больше, и у него уже твёрдое осознание, что он китайский человек – *хуажэнь* (этнический китаец). Это для меня было очень большим и важным пониманием одной из главных китайских национальных черт. Глубокое внутреннее чувство самоидентичности. Национальная солидарность, осознание своей принадлежности к великой нации, к великой культуре. Это очень ценное качество. А третий момент – это был достаточно комичный случай: я был единственным иностранным студентом, и все меня звали «Миша-*тунчжи*» – товарищ

Миша. Миша-*тунчжи*, Миша-*тунчжи*, – всё хорошо, всем удобно. Но вот в большом зале идёт торжественное заседание по случаю вручения дипломов. Ректор Фуданьского университета – товарищ *Чэнь Ван-дао*, уже пожилой он был, торжественно объявляет: «Диплом номер один вручается гражданину Союза Советских Социалистических Республик “товарищу Мише”!» Я подумал, что это он просто так пошутить решил, не произносит мою трудную фамилию. Получаю диплом... а там так и написано! Диплом выдан «товарищу Мише, гражданину...» Я после собрания подошёл к декану и говорю, что это «филькина грамота». Мы все вместе посмеялись, а, с другой стороны, диплом-то уже выписан, и бланк нужно запрашивать из министерства, и номер записан на меня! Но через неделю уже в более рабочей обстановке декан вручил мне диплом, где уже было написано «Титаренко».

ВГ: Михаил Леонтьевич, а как вы должны были представить свою дипломную работу для защиты, на китайском языке?

МТ: Да, я её представил на китайском языке. Я написал работу о философских взглядах *Мо Ди* и школы Мо-цзя. Она была написана на русском и китайском языке. Помогал мне в окончательной обработке текста доцент Хэ Юй-дэ. Он работу мою редактировал, поправил мои неточные выражения, грамматику подчистил. Защищался я на китайском языке, защита прошла успешно. Это был 1961 год.

ВГ: Наверняка потребовали от вас, чтобы в своей работе вы цитировали Мао Цзэ-дуна?

МТ: Я и цитировал.

ВГ: Сколько раз цитировали?

МТ: Вообще, Мао высоко ценил философию Мо-цзы: он её считал высшей, более практически значимой, чем философия Конфуция. Во-вторых, считалось, что философия Мо-цзы – это философия, ориентированная на трудовой люд, и она носит более практический характер. Так что я цитировал, конечно, Мао Цзэ-дуна, и вполне обоснованно. Я и сейчас его цитирую в книге, которая только вышла, и считаю, что это не притянуто за уши. Это история уже, и там я его цитирую как исторический авторитет, государственного деятеля. Чтобы показать, как оценивается в сознании китайцев эта философия.

ВГ: Не было к вам претензий из-за того, что вы мало цитируете Мао?

МТ: Нет-нет. Никаких претензий ко мне не было.

ВГ: Когда вы делали выбор именно в пользу моизма, отношение Мао Цзэ-дуна к нему сыграло какую-нибудь роль?

МТ: Нет, абсолютно. Как я уже говорил, моизм я выбрал для изучения в 1958 году. А это высказывание, цитата Мао Цзэ-дуна, относится к

1956 году. Но я узнал о ней позже, и даже не от профессора Жэнь Цзюй-и, а самостоятельно. По-моему, в одной из книг Фэн Ю-ланя нашёл. Впрочем, если вас интересует моё отношение к председателю Мао как к политику и учёному, как к мыслителю, я могу сказать следующее: Мао Цзэ-дун, безусловно, является большим политиком, великим государственным деятелем. Он один из величайших деятелей двадцатого века, при этом он до мозга костей китаец. И все достоинства и ограничения китайской культуры – все они проявляются в нём как в человеке очень талантливом.

Во-первых, он – великий поэт, человек глубочайших знаний, полученных самообразованием: никто из китайских руководителей, наверно, не освоил все 25 китайских историй, которые сейчас изданы. А Мао их не просто читал, а сопровождал комментариями, оставил огромное количество комментариев! Как мне рассказывали китайцы, которые знали его, когда шло заседание политбюро или ещё какое-то мероприятие, то Мао Цзэ-дун всегда подводил историческую базу под любой подход, политику. И это производило на всех потрясающее впечатление! Он говорил: «Как действовал *Цао Цао*» или *Лю Бан*, или ещё какой-то известный деятель. Таким обширным историческим знанием, свободным, так сказать, плаванием в истории (несмотря на то, что он это знание иногда вольно использовал), как Мао Цзэ-дун, не обладал ни один из китайских лидеров, даже такие очень подкованные в теоретическом плане, как *Лю Шао-ци* или *Чэнь Юнь*. Ничего подобного в публичных выступлениях они не демонстрировали. А Мао Цзэ-дун постоянно демонстрировал! И это на всех производило очень большое впечатление. Я считаю, что как мыслитель Мао Цзэ-дун, безусловно, оставил очень большой и глубокий след в истории не только Китая, но и мира. Ему удалось в соперничестве с Гоминьданом, с *Чан Кай-ши* привлечь на свою сторону огромные массы людей, переиграть Чана. Они ведь играли на одном поле, но Чан Кай-ши не удалось продемонстрировать, что он является единственным и подлинным выразителем интересов широких масс. А Мао Цзэ-дуну удалось показать, что Чан является всего лишь выразителем интересов узкой группы – богатых людей... Я не хочу сейчас начинать бросаться терминами политическими, ругательными, шапочными, так сказать. В общем, Мао Цзэ-дуну удалось показать, что его взгляды более соответствуют уровню национального самосознания более широких масс: крестьянства прежде всего. Ну, и городских люмпенов – бедноты городской, и значительной части, кстати сказать, китайской интеллигенции. Ведь уже после гражданской войны, уже в «чунцинский» период, многие выдающиеся китайские интеллигенты, хотя они вроде бы ещё находились в лагере Чан Кай-ши, но на самом деле их сердца и сознание были как будто бы с Мао Цзэ-дуном. Тот же Го Мо-жо, те же деятели демократических партий – они потом перешли на сторону китайской коммунистической партии и помогли создать Единый фронт. В этом плане, ко-

нечно, антиимпериалистические, антифеодальные, антияпонские лозунги сыграли очень важную роль. Они показали непоследовательность позиций Чан Кай-ши, на этом Мао Цзэ-дун очень хорошо сыграл. Тут, безусловно, надо отдать ему должное как политику.

ВГ: Позвольте вернуться к вашей первой поездке в Китай. Это же была первая группа советских студентов?

МТ: Да-да.

ВГ: В этой связи у меня два вопроса: вы тогда ехали за границу впервые, верно?

МТ: Да.

ВГ: Каким было то ощущение встречи с «заграницей»? И, может, мы вспомним, кто с вами был в той поездке? Какие у вас были отношения с ними?

МТ: Всё было очень интересно! У меня очень хорошие отношения были с моими товарищами. Но должен вам сказать, что моей поездке в Китай предшествовало весьма для меня неприятное событие. Это вообще был тяжёлый период: в мире была острая ситуация, венгерские, польские события произошли... Я был заместителем секретаря по идеологической работе комсомольской организации философского факультета. И был редактором одной из лучших газет Московского университета «За ленинский стиль». Моим заместителем и главным художником нашей газеты – блестящим художником, был не кто иной, как товарищ *А. Зиновьев*. Тот самый мыслитель, оппозиционер, который говорил...

СД: «Зияющие высоты»...

МТ: Да-да, он самый. Вообще, в то время на философском факультете со мной вместе, чуть старше, чуть младше, училось очень много интересных людей. Многие впоследствии стали известными. Раиса Титаренко, которая тогда носила ту же фамилию, что и я, и которая потом стала супругой *Михаила Сергеевича Горбачёва*. *Бовин Александр Евгеньевич*. *Фролов*, который стал потом помощником М.С. Горбачёва, *Ильенков* – знаменитый наш философ, с которым вместе я потом написал статью о критике философских взглядов Мао Цзэ-дуна. Тогда я выступал под псевдонимом «Алтайский» – я же с Алтая. Он был старше меня. Тогда он был аспирантом, а я студентом. А когда писали, он уже был великим философом, а я – ответственным работником ЦК КПСС. Во время этих событий на нашем факультете было много венгров, много поляков, всех было много – полный интернационал. Мы жили сначала в общежитии на Стромынке, сейчас там общежитие какого-то политехнического института или университета, теперь они все университетами называются. А тогда это было главное общежитие всех общественных, гуманитарных факультетов МГУ. И нас в

комнате было «всего лишь» тринадцать человек, полный интернационал: со мной вместе жили два китайца, два латыша, испанец, кореец, албанец, румын. Ну, а остальные – наши.

ВГ: Соцлагерь в миниатюре!

МТ: Совершенно верно.

ВГ: То есть с китайцами вы познакомились ещё прежде Китая?

МТ: Да. К моему огромному сожалению, оба китайских друга погибли во время «культурной революции». Замечательные китайцы были.

ВГ: Вы с ними дружили?

МТ: Да. Во время этих событий пришлось, в общем, очень тяжело. Это был декабрь или ноябрь 1956 года, самый разгар событий. Наши польские друзья-студенты рядом с газетой «За ленинский стиль», которую я редактировал, вывесили свою газету «За свободу». Вывесили самостоятельно, ни у кого не спросив. Я об этом не сразу узнал, как они её вывесили. И когда на другой день пришёл на занятия, мне сообщают, что меня вызывают в деканат. Там среди преподавателей был человек, который отвечал за воспитательную работу среди студентов. Я не буду называть эту фамилию сейчас, не стоит об этом говорить. В общем, человек этот, когда я зашёл в деканат, набросился на меня: «Вот он – помощник этих контрреволюционеров! Он, как заместитель секретаря по идеологии комсомольской организации, допустил появление этой газеты!» Я говорю: «Я ничего не знаю. В чём дело, ничего не понимаю?» – «Как не понимаете? Вот видите, что это за работник! Что это за комсомольский лидер, который не знает, что происходит!» и так далее. Он мне сказал, что была выпущена газета и т. д. «Почему вы не пошли и не сняли эту газету?!» Я говорю: «Ну, во-первых, я не знал, что вывесили газету. И потом, даже если бы я знал, я не пошёл бы её снимать!» Он мне: «Как? Вы не пошли бы и не сняли?!» «Да. Потому что газету должны были снять те, кто её повесил. Если бы я снял, получился бы, так сказать, акт насилия» – «А, почему!!!...» Ругался он долго и в результате записал меня в «сочувствующие венгерско-польской контрреволюции». И такое письмо ушло не куда-нибудь, а в Центральный Комитет КПСС. Так вот, когда начал решаться вопрос о командировке в Китай, вернее, всё уже было решено, и я приезжаю на вокзал 5 февраля, ко мне подходит товарищ и спрашивает: «Вы товарищ Титаренко?» – «Ну, я товарищ Титаренко». – «Пройдёмте». – «Куда?» – «Следуйте за мной». Я с ним пошёл к начальнику вокзала. Ярославский вокзал, первая платформа, там сразу первая дверь – начальник вокзала. «Товарищ Титаренко, поступил сигнал, что вы допустили серьёзные политические ошибки, поэтому вы не поедете в Китай».

ВГ: Ничего себе! Уже на вокзале, с багажом!

МТ: Да, меня сняли с поезда. Он отправлялся буквально через 10–15 минут. Я говорю: «И что мне делать?» – «Поезжайте в министерство, забирайте документы». И вот опять, честно говорю, мне в жизни повезло! Сколько замечательных людей мне повезло встретить! Я-то об этом не знал, но в партбюро в деканате знали об этом. И вот что произошло: ночью, перед отъездом, значит, 4 февраля, проходит заседание партбюро. Был такой замечательный человек – *Бутенко Анатолий Павлович*, работал в Институте мировой социалистической системы. Он был профессором философского факультета МГУ и членом партбюро. Был и второй, Ковалёв, он работает и сейчас в МГУ. Андреева... Нет, секретарём парткома был *Анатолий Александрович Старченко* – профессор логики философского факультета, дай ему бог здоровья и долгих лет жизни! Короче говоря, Старченко узнал, что приняли решение исключить меня из списка группы командированных в связи с моей «политической неблагонадёжностью». И они ночью, по телефону, проводят заседание партбюро! Представляете? И единогласно принимают решение: это клевета, и Титаренко должен поехать. Секретарша партбюро, она же секретарша деканата факультета – представляете?! – ночью напечатала, что по телефону ей надиктовали. У неё был «карт бланш» – чистый бланк с подписью, и она к девяти часам утра 5-го (я это подчёркиваю, пятого февраля), когда поезд уже ушёл, в это же время она пришла в 5-й подъезд на Старую площадь в ЦК КПСС и принесла это письмо – решение партбюро факультета о том, что это клевета. И отдала его. Документ тогда вложили со всеми остальными. Тогда заведующим Отделом был *Румянцев Алексей Матвеевич* – очень порядочный человек. Он сказал: «Пусть едет». Мне тут же позвонили, в десять часов утра, представляете, как оперативно? Письмо было доложено Румянцеву, и обо всей ситуации сообщили министру Елютину. Он тут же сообщил Ульянову – заведующему Международным отделом Министерства высшего образования. Находились они в особняке на Трубной площади. В 11 часов утра я появляюсь в этом самом здании, вы представляете, в каком настроении... Поезд ушёл! В полвосьмого утра 5 февраля. Поезд уже – чух-чух-чух-чух... Захожу в приёмную. «Вы товарищ Титаренко?» Я упавшим голосом говорю: «Да». «Вас ждёт товарищ *Ульянов*!» – «Ульянов?» Ну, я разделся, прошёл, захожу. И меня с улыбкой на лице встречает товарищ Ульянов. Я думаю: «Что же он радуется?» А он говорит: «Ну что же, товарищ Титаренко, я вам должен сообщить приятную новость!» Я говорю, совершенно расстроенный: «Какую приятную новость?» – «Дело в том, товарищ Титаренко, что принято решение, что вы должны продолжить свою практику в Китае». Я говорю: «А каким образом?» – «А вот сейчас мы с вами и решим». Нажимает он на кнопку, заходит эта женщина, которая меня встречала в приёмной. Он ей говорит (я уже не помню, как её зовут): «Узнайте, пожалуйста, расписание самолётов». И тут же задаёт мне

вопрос: «Где вы будете догонять поезд? Есть два варианта: Омск или Новосибирск». Ну, естественно, для меня чем быстрее, тем лучше. Значит, Омск. Короче, вы представляете, *что* это всё было? Какая ирония!

ВГ: Сколько нервов потрепали-то!

МТ: Но сказка-то ещё не кончилась, самое интересное впереди! Это всё – начало! Сказка это, действительно, для меня это очень волнительно всё! Прилетаю я в Омск, а поезд туда приходит ещё через двое суток... Денег, естественно, у меня нет. Всё организовали, а денег нет. Они были, я потратил их уже. И тут я ещё раз встречаю замечательных людей, которыми так богата наша страна! Прихожу в гостиницу. А у меня в паспорте вкладыш Министерства иностранных дел СССР: «Все организации просим оказывать всяческое содействие» ... и так далее, как в дипломатическом паспорте. Я директрисе гостиницы, скромная такая гостиница была, отдал паспорт с вкладышем, и она говорит: «Молодой человек, я готова вам всячески помочь, но ни одного места нет!» Она видит моё состояние – я в полной растерянности, и говорит: «Я могу предложить следующий вариант: вы днём гуляйте, а в семь часов приходите и будете у меня вот на этом диване спать». Представляете? Бесплатно! Иду гулять: экипирован весь. Меня экипировали в ЦУМе: макинтоша подходящего не нашлось, поэтому меня упаковали по зимней форме, тогда это была редкость – пальто, модное такое, с седым каракулем. И туфли... Мороз двадцать пять градусов в Омске-то! Февраль же! И я тут – весь такой пижон... Вот такое у меня было пребывание в Омске. Через двое суток, в ночь на восьмое число, по-моему, в полпервого, поезд прибыл в Омск. Полночь. Вот самое интересное и происходит там! Я, значит, прохожу в вагон: все спят, и в вагоне стоит одна девушка. А мы с ней встречались только один раз, когда нас всех собирали у того же Ульянова на инструктаж о том, как нам себя вести, какой чести мы удостоены, и вообще, кто мы такие, какая на нас лежит историческая ответственность, каково это, быть достойными советскими гражданами, ну, и так далее. Известно, как говорится.

ВГ: Говорили на инструктаже о том, чего нельзя делать?

МТ: Ну, конечно, было что-то такое. И она меня спрашивает: «А ты откуда?» – «Да вот, вас догоняю...» Короче, это была моя будущая жена – *Галина Ивановна Сиряченко*. Она меня встретила вот таким образом. Я встретил свою судьбу, как говорится. Надо было, чтобы меня сняли с поезда, посадили в самолёт, ну, и так далее. К сожалению, Галины Ивановны уже семнадцать лет, как нет на этом свете. А в купе нас было четверо. Был *Александр Георгиевич Ларин*, ведущий научный сотрудник нашего института. Был *Карев*, он ещё жив, работает юристом в какой-то фирме. И *Богачёв* – не знаю, где он.

ВГ: Китаевед? А как его звали?

МТ: Китаевед. Я не помню уже как его звали... он из технарей был. В нашей группе примерно половина людей была технарями. Вот, кстати, Галина Ивановна ехала обучаться китайскому искусству шелкоткачества. Был у нас там Фарух Хайрутдинов из Азербайджана, который тоже должен был изучать шелкоткачество. Был у нас Сергей Хусаинов, сейчас он в аппарате у президента Назарбаева работает. Он ехал изучать китайское сельское хозяйство. *Май Богачихин* ехал изучать китайскую керамику. Был позже в нашей группе *Шабалин Вадим Иванович*, на стажировку по экономике ехал. Был экономист Виноградов, тоже ехал на стажировку. Он умер уже, к сожалению. Гусаров Владимир, который философией занимался, написал работу о *Хань Юе*, *Саша Решетов* из Ленинграда, который занимался национальным вопросом, изучал народность чжуан. Была *Эльвира Стулова*, которая занималась переводами, она из питерского отделения Института востоковедения (ныне — ИВР РАН). Была *Наташа Свистунова*, наша сотрудница (сотрудница ИВ РАН). Она занималась средневековой историей, ученица *Л.В. Симоновской... Зина Лапина* была, *Л. Молодцова* со своим мужем, тогда он ещё не был её мужем.

ВГ: А *М.В. Крюков*?

МТ: Миша тоже тогда приехал. Я был на его свадьбе, кстати, у Миши Крюкова и *Хуан Шу-ин*, это было тоже очень интересно, впечатляюще!

ВГ: Вы об этом расскажете, я надеюсь?

МТ: Да, пожалуйста. Свадьба проходила под руководством секретаря партийной организации, как партийное собрание, в помещении парткома военного ансамбля...

ВГ: Это было, когда они ещё учились в Китае?

МТ: Да, учились уже год, это было в 1958 году. Нас было 56 человек. Была *Стужина Эмилия Павловна*. Она умерла уже, просто чудо человек был. Вообще, много было замечательных людей в нашей группе. *Б.Н. Мельниченко* – он сейчас работает в Питере на восточном факультете. Был с вашего института (ИВ РАН) кто-то, сейчас скажу... *Воскресенский Дмитрий Николаевич* был, который в этой группе ехал как стажёр. Он был на моей свадьбе в качестве посажёного отца, и он также сыграл свою роль в определении моей темы для диплома: он подарил мне в качестве свадебного подарка книжный том, посвящённый Мо-цзы.

ВГ: У вас тоже свадьба была в Китае?

МТ: Да, да. Свадьба была в Китае. Первая свадьба в нашей группе была у Клименко. *Лидия Михайловна Клименко* – врач китайской медицины. Её муж, *Клименко Борис*, тоже врач китайской медицины. Были ещё несколько врачей, и уже все умерли. Ещё жив наш великий кардиолог, один из крупнейших наших, лауреат Государственной премии *Мазур Ни-*

колай Алексеевич: он работает в центре академика *Е.И. Чазова*, в Институте усовершенствования врачей-кардиологов. Он тоже был в этой группе.

ВГ: А *Борис Львович Рифтин* с вами был?

МТ: Рифтин был позже. Потом приезжал *Петров*[214], тоже из Питера. *Е. Серебряков*, умер недавно, к сожалению, замечательный товарищ был. Кто ещё?..

ВГ: Да, всех не упомнишь.

МТ: Да, всех не упомнишь, хотя я стараюсь на ваш вопрос о них ответить. Ну вот, в основном эти товарищи.

ВГ: Когда вы пересекли границу и ступили на китайскую землю, вам запомнился этот момент самой первой встречи с Китаем?

МТ: Запомнился этот момент. Первая встреча с Китаем произошла ещё когда мы долго стояли в Забайкальске. Тогда этот пункт назывался Отпор. Там я впервые увидел, как меняли колёса. Перед въездом надо было поменять колёса, у них ширина колеи другая. Вот, приехали мы в станцию Маньчжурия, охваченные большим энтузиазмом, и первым делом все побежали в китайский ресторан! Я помню, как мы в первый раз увидели китайское меню, написанное на двух языках: на китайском и на русском. И первое блюдо, которые мы попробовали, называлось так: «курица с перцáми». Мы все заказали «курицу с перцáми».

ВГ: Это, наверное, было блюдо *гунбао цзидин*?

МТ: Нет, это был *лацзыцзи* – «курица с перцáми». Приехали мы в Пекин 14 февраля, это была годовщина Договора, я уже сказал об этом. Нас встретил замминистра образования, а вечером МИНИСТР (!) устроил в честь нашего приезда ужин в гостинице «Пекин», в старой части Пекина, на улице Чанъаньцзе. Угощали нас в тот вечер сычуаньской[215] кухней. И для меня это самая любимая кухня с тех пор, как я её попробовал. Капуста по-сычуаньски, *доуфу*[216] по-сычуаньски, острый, как раз *гунбао цзидин* – курица с орешками, *лацзыжоу* (мясо с перцем), *мусюжоу* (мясо со сладким перцем, яйцом и грибами). В общем, был настоящий пир, нас даже угостили пивом, так как больше половины наших людей была старшего возраста: Воскресенский, Богачёв, стажёры.

ВГ: После вашего приезда было ли какое-то общение между советскими и китайскими студентами, аспирантами, стажёрами?

МТ: Было, мы встречались одно время. Мы регулярно встречались, последняя встреча была примерно лет пять назад. Осталось нас, к сожале-

[214] Видимо — *Петров В.В.*

[215] Провинция Сычуань в южной части центрального Китая славится острой кухней.

[216] *Доуфу* (тофу) — популярный в Китае соевый продукт, получаемый путём свёртывания (створаживания) белка соевого молока при нагревании. Готовый продукт часто прессуют.

нию, не много в Москве, потому что разъехались многие... Да, *Вася Максимовский* был, моряк, виноградарь с Кубани. Он был моим другом. Было несколько человек из бывшего Института китаеведения, его Хрущёв разогнал в 1959 году.

ВГ: Я немножко не то имел в виду. Во время пребывания в Китае вы как-то общались со своими китайскими товарищами, сверстниками? Ведь вы же один были на философском факультете?

МТ: Конечно. Общение, конечно, было. Во-первых, бóльшая часть, вернее, не бóльшая, а треть осталась в Пекинском университете, на специальном факультете китайского языка для иностранцев: мы же были только начинающими. Первое время занимались под руководством преподавателя Тяня. Ещё одна группа поступила в Народный университет[217], а другие – в Педагогический университет (*шифаньдасюэ*), в разные части. Моя супруга, например, сначала вместе со мной занималась в Пекине, здесь мы и поженились. А потом её отправили в Нанькайский университет в Тяньцзинь. Затем они тоже уехали на перевоспитание [в деревню], так что оттуда её перевели в Шанхай. А потом и меня перевели в Шанхай. Часть наших училась в Народном университете: *Шабалин*, Виноградов, Карев... Мы встречались!

Во-первых, у нас было землячество, мы регулярно собирались. И у нас самая памятная встреча была, когда мы впервые познакомились лично, пообщались, как говорится, даже подержались за ручку с председателем Мао. И наши руки крепко, как клещами буквально, пожали руки товарищу Лю Шао-ци, *Чжу Дэ, Чжоу Энь-лаю, Пэн Чжэню, Чэнь Юню,* Дэн Сяо-пину, *Пэн Дэ-хуаю,* а остальных я не помню просто. Выдалась такая возможность, потому что во время визита *К.Е. Ворошилова* в апреле 1957 года его встречали с огромным подъёмом. Много было и смешных историй в связи с этим. Но, в общем, действительно был всенародный энтузиазм. Его называли *Фу-лао*[218], говорили: вот, Фу-лао приехал. Он приехал сначала в Пекинский университет, и мы, вся наша группа, все его сопровождали: он ходил, беседовал-встречался с ректором университета *Ма Инь-чу*, и с секретарём партийного комитета... забыл его фамилию. И нас, десять человек из нашей группы, пригласили на приём в честь Ворошилова, который устраивал Чжоу Энь-лай в гостинице «Пекин». Тогда единственный и самый большой зал для приёмов в Пекине был как раз в этой гостинице в старом Пекине: большой зал с колоннами. И вот, в этом зале был приём. Мы все сидели за одним столом. Ворошилов уже в ходе приёма встал и решил обойти зал и со всеми чокаться. И хотя у китайцев это не принято,

[217] Народный университет Китая создан с помощью советников из СССР в 1950. Один из самых известных вузов КНР.

[218] Т. е. «Почтенный (буквально: старый) Фу», где Фу – первый иероглиф из китайской транскрипции фамилии Ворошилов (Фулосилофу 伏罗希洛夫).

но они последовали его примеру, и все, во главе с Мао Цзэ-дуном, пошли за ним. Во главе Ворошилов, за ним Мао Цзэ-дун, потом Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ... и все они обходили все столы. Наконец, подошли к нашему столу. Ворошилов: «А вы откуда, мои дорогие?» Мы ему: «Товарищ Ворошилов, мы студенты...» Он нас каждого обнял, расцеловал. Он был полон энтузиазма, видел, что свои. И вот, видя такие объятия, все китайцы сочли нужным также с нами поздороваться. Председатель Мао нам протянул свою ручку – она такая мягкая, тёплая, и мы все за неё подержались. Потом неделю ходили, обвязав руки полотенцем – в самом деле, так и было! Ну, а как же: великий Вождь за эту руку держался! И все, кто был на приёме, так и ходили с полотенцем. Потом об этом писали в газетах. Это такой забавный, но характеризующий атмосферу эпизод.

ВГ: В общем, вы в Пекине друг с другом общались?

МТ: Да, мы общались. Проходили встречи, собрания проходили земляческие, нас регулярно приглашали в посольство для идеологической подпитки, так сказать. Китайские друзья нас приглашали на свои лекции, поэтому во время учёбы я был на лекции *Кан Шэна*. Кстати, осталось очень неприятное впечатление, как он манерно говорит: сквозь зубы, не раскрывая рта. Было выступление *Ху Яо-бана, Линь Бяо, Чэнь Бо-да*, из которого никто ничего не понял, потому что он говорил на каком-то совершенно жутком диалекте. Были выступления *Чжоу Яна*, Го Мо-жо.

ВГ: Выступление Го Мо-жо запомнилось?

МТ: Вы знаете, я бы не сказал, что оно запомнилось: оно было какое-то общее, общеполитическое, ненаучное. Это была кампания мобилизации интеллигенции, борьба с «правыми», борьба со всякими. Из массовых кампаний мне запомнилось, как шла борьба с воробьями. Это было незабываемое зрелище, конечно, когда все гоняли воробьев. И не только в Пекинском университете, во всём Пекине! Иду я в столовую, а мой любимый учитель сидит на заборе и бьёт в медный таз деревянной палкой. Увидел меня, отвернулся. Я тоже сделал вид, что его не вижу, так вот и разошлись. А потом, где-то часов в пять вечера, всех набитых воробьёв собрали в огромные такие гирлянды. Студенты взяли длинные бамбуковые шесты, навернули на них гирлянды эти и под звуки гонгов и барабанов понесли в центр, далеко, кстати, от Бэйда до пекинского горкома! И там сдали властям.

ВГ: Это сумасшествие какое-то было, просто сумасшествие!

МТ: Сумасшествие. Потом воробьёв этих «реабилитировали», и было ещё более забавное зрелище, когда решением парламента сказано было, что они – «друзья человека». Но самое смешное с этими воробьями было в другом. Во время этой кампании все воробьи в центре города слетелись в советское посольство, которое располагалось там, где сейчас Верховный суд, и в английскую миссию, которая рядом расположена. Знаете, это зда-

ние как раз напротив гостиницы «Пекин», на улице Дяоминьсянь – бывший военный городок. И там ветки на деревьях ломались, всё было усеяно этими воробьями. Товарищ *Пэн Чжэнь* – первый секретарь Пекинского горкома партии позвонил в английскую миссию и нашему послу и говорит: «Враги китайского народа скрылись на территории посольства». Короче говоря, я не знаю, как поступили в английской миссии, но у нас даже была дана команда техническому персоналу гонять птиц. Сотрудников вооружили мелкокалиберными винтовками. Короче, воробьёв выгоняли, этих «незаконных эмигрантов»... Я хочу вспомнить тут ещё одну потрясающую историю, которую рассказали мне проводники нашего поезда «Москва–Пекин». Я просто умилён был! В те времена советский поезд «Москва–Пекин» ходил. И вот, в этот поезд слетелись воробьи, попрятались во всех щёлках, в которых можно было, и наши их не заметили. Эта пичужка, вы себе представляете – в кулак помещается, а насколько сообразительная! Как это они до этого дошли, никто не знает. Значит, прибывает поезд на первую после границы станцию на нашей территории – Отпор, и тут же огромная, многотысячная стая воробьёв вылетает из этого поезда, делает вокруг него круг и остаётся, значит, на территории Советского Союза. Переехали, эмигрировали эти мудрые воробьи-пичужки вместе с поездом! Вот как это объяснить? Инстинкт выживания, видимо, такой.

ВГ: Базовый инстинкт, не иначе. А во время пребывания в Китае вы общались со студентами из соцстран? Если общались, то как это происходило?

МТ: Конечно, общались, у нас там был полный интернационал! Во-первых, нас там было очень много. Вот сегодня, как раз за обедом, я вспоминал товарищей, с которыми мы там познакомились. Например, с *Закшевским* – он учился там. Были поляки, болгары, албанцы, венгры, немцев очень много. Немец один с тех времён был моим большим другом, мы вместе работали. Я потом упомяну эту работу. Издали документы Коминтерна: «ВКП(б), Коминтерн и Китай», и в этом нашим большим помощником был профессор *Фельбер* – известный немецкий учёный. Вы, может, знаете его, у него есть труды по истории КПК... Были американцы, французы.

ВГ: Вам не запрещали с ними общаться?

МТ: Нет... Причём такие, очень политически подкованные товарищи были. Ещё был у нас такой очень забавный француз, он потом стал известным специалистом. Я, впрочем, фамилию побоюсь сейчас точно воспроизвести, у него книги перекликаются с работами *Кобзева* по сексу в Китае. У него был очень интересный прононс и интонации. В общем, по-китайски говорил с французским прононсом и всё время всех заставлял петь «Марсельезу». И конечно, каждый раз рассказывал нам про особенности

китайской эротической культуры. Были у нас две датчанки, причём очень интересные: одна была примерно полтора центнера весом, очень полная женщина. Ну, не женщина, а девушка, но очень больших размеров. А вторая была как кукла. Они две подруги были – одна, представляете, такая махина, мощная такая...У них обеих был очень характер хороший: весёлые такие, и, видно, что очень дружные. Маленькая любила рассказывать смешные истории, а вторая датчанка любила слушать всех и, вообще, очень общительная была. Она начинала общение с того, что сначала что-то рассказывала, а потом начинала смеяться. Вы представляете, как она, смеясь, «ха-ха», и начинала раскачиваться. Само по себе зрелище этой смеющейся женщины было очень забавным, с такой-то огромной массой... Кроме того, была большая группа индонезийцев. И кстати, индонезийцы пытались отбить у меня мою супругу: очень ухаживали за Галочкой. Очень большая группа была монголов.

ВГ: А с албанцами и венграми вы общались?

МТ: Общались, общались.

ВГ: Отношения же были в то время, наверно, напряжённые.

МТ: Нет-нет, это же были государственные отношения, а мы – молодёжь, на нас это не влияло.

ВГ: С албанцами, вроде, позже начались сложности...

МТ: Позже, в 1960-е годы. Нет, что вы, албанцы были самые преданные друзья!

ВГ: Общались на русском языке?

МТ: Там была смесь такая, русско-китайская.

ВГ: То есть с кем-то можно было говорить по-русски, с кем-то по-китайски. С поляками, наверное, по-русски общались?

МТ: Многие поляки говорили со своим прононсом, но нормально и по-русски, и по-китайски. У нас были очень дружные отношения. У нас была общая столовая для всех иностранцев. Нами занималась *баньгуньши* – канцелярия, Кэ Гао к ней относился: он ведал прежде всего нами. А главным начальником была госпожа Дай. Старая революционерка, стальная женщина. Мы с ней все вместе поднимались на священную гору Эмэйшань в провинции Сычуань. Это одна из святых гор в Китае, где сияние Будды можно наблюдать. Причём двойное сияние: ночное и дневное. Ночное за счёт того, что в составе горы много фосфора: в жаркую погоду происходит испарение фосфора, скапливаются пары, и ночью вы приходите и видите потрясающее зрелище, мистическое: на вас движется шар, огненный шар такой. Переливается мерцающими огнями и движется что-то такое. А дневное сияние Будды, оно так происходило: высота горы 3306 метров, внизу – море облаков, и ты ложишься (там стоять нельзя).

С одной стороны очень крутой подъём, по которому поднимались двое суток, а на вершине – несколько домов. Во время японской войны там была резиденция *Чан Кай-ши*, ведь самолеты-бомбардировщики на такую высоту тогда не поднимались. И вот, внизу – море облаков. По краям растут эдельвейсы... Это море облаков поднималось близко к уровню вершины, а над вершиной образовывался второй слой облаков, и солнце оказывалось между этими двумя слоями. Его свет отражался, и на вас двигалось, как в легенде, несколько солнц – жёлтых шаров[219]. Мы трое суток сидели-ждали этого явления, но, к сожалению, так и не дождались. Облака мы видели, ночное сияние действительно видели, а вот дневное, к сожалению, нам не удалось увидеть. Не получилось такого сочетания.

ВГ: Ваши рассказы так интересны, что мы уже сильно «засиделись» с воспоминаниями в Китае! Это прекрасно, но пора возвратиться в СССР! Как вы сами считаете, насколько вас изменило пребывание в Китае?

МТ: Вы знаете, конечно, пребывание в Китае меня изменило, оно приучило меня к определённому порядку действий, чёткости, организованности, целеустремлённости и умению встречать и преодолевать трудности, не бояться их. Рассматривать трудности как шанс, возможность чего-то нового.

ВГ: Сколько вы в итоге пробыли в Китае?

МТ: Я закончил учёбу в конце июля 1961 года. Когда вернулся в Москву, меня направили на курсы в армию на два месяца, на сборы. Потом вернулся, и мне сообщили моё новое распределение. Я собирался поступить в аспирантуру на философский факультет МГУ и заняться преподавательской деятельностью, о чём я изначально мечтал. Но моим учителем мне было сказано, что в нашем консульстве в Шанхае освободилась должность, на которую ещё не нашлось подходящей кандидатуры. Это была должность драгомана, раньше была у нас в посольстве такая дипломатическая должность, теперь её нет.

ВГ: Она ещё была в шестидесятые годы?

МТ: Была. Я был драгоманом, одним из последних. Кстати, потом во время сборов я уехал в отпуск, а когда вернулся, полковник спрашивает: «Вы кем работаете?» А я говорю: «Драгоманом в генконсульстве в Шанхае». «Какие драги в Шанхае?» Он подумал, что драгоманы – это на драге по добыче золота. Я ему объяснил, что драгоман – это высокопрофессиональный переводчик, который является одновременно и переводчиком главы миссии, и его консультантом по стране, страноведом. Меня распределили в МИД, где я прошёл месячную стажировку, а потом меня напра-

[219] Имеется в виду китайский миф о Стрелке *И* — культурном герое, сбившем девять солнц из десяти и избавившем людей от засухи.

вили в консульство. В конце 1961 года я вернулся в наше генконсульство в Шанхае. Моим начальником был будущий замдиректора Института Дальнего Востока *Владимир Алексеевич Кривцов*. Ну, и целый ряд других товарищей. И я, собственно, проработал там год. А потом Хрущёв с Председателем Мао совсем разругались, и Хрущёв решил, в порядке наказания Мао, закрыть наше генконсульство...

ВГ: И что же, вас перевели в Пекин?

МТ: Да. Закрыли, значит, наше генконсульство: было сказано закрыть его до национального праздника 1 октября. То есть мы закрыли его 30 сентября. Нас всех распределили, а меня отозвали в Пекин. И я остался работать в Пекине: сначала атташе, потом 3-м секретарём, а потом, после разгадки нескольких шарад китайской пропаганды, меня отозвали для продолжения разгадок в Москву, в ЦК, назначили референтом в отдел ЦК КПСС.

ВГ: Вы там с Андроповым работали?

МТ: Да, он меня лично встретил. Я приехал, и у меня была беседа с *Юрием Владимировичем Андроповым*. Хочу сказать, что в тот период, когда у нас были очень плохие отношения с Китаем, настроения у нашего руководства, во всяком случае у Андропова и сотрудников отдела ЦК, были не антикитайские. Это были настроения людей, которые переживают, что их страны спорят. Сохранялся и какой-то полуутопический оптимизм, что рано или поздно отношения должны восстановиться.

ВГ: Антимаоистские настроения были, наверно, то есть они считали, что если Мао не будет, всё будет хорошо?

МТ: Да, абсолютно. Поэтому основная критика, по сути, была направлена против Мао. И мне, собственно, было поручено выяснить, в чём истоки. Почему Мао Цзэ-дун сначала говорил, что надо склониться в сторону Советского Союза, а потом?.. Каковы истоки взглядов Мао Цзэ-дуна? В принципе я свою мечту не оставил: поступил в заочную аспирантуру на философский факультет МГУ, диссертацию защитил в 1965 году.

ВГ: Как вы совмещали всё это?

МТ: Это было очень непросто. Собственно, у меня отпусков не было. Выходных у меня не было. Вечеров у меня не было. Я включал магнитофон и под музыку *Скрябина*, *Листа*, *Чайковского* и *Грига* писал свою диссертацию. Поэтому, если я сейчас открываю свою книжку о Мо-цзы[220] и начинаю читать, когда я дохожу до главы, посвящённой теории познания Мо Цзы: «ТА-ТАТА-ТА – ТУМ!», – музыка начинает звучать в ушах. И вся эта ситуация, как вы можете понимать, она озвучена, наложена на музыку. В посольстве знали, что Титаренко пишет свою диссертацию, и терпимо к

[220] *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.

этому относились, и я писал её именно под музыку. Поэтому, когда я её закончил, то для меня 1-й концерт Чайковского, 6-я симфония Чайковского, концерты Листа и Грига, они были сопровождением моей диссертации.

ВГ: Вашим секретным способом написания диссертации, так сказать.

МТ: Вы знаете, этот метод изобрёл не я, этот метод изобреёл *Кювье*[221] – великий французский биолог, который говорил, что если устал, то нужно заняться другой деятельностью, отвлечься от главной работы. Вот такой способ и мне тоже помогал. Так что в аспирантуру я поступил, находясь на работе в посольстве, будучи уже 3-м секретарём. Отпуска я посвящал сдаче аспирантских экзаменов, консультациям. Руководителем моим был мой бывший учитель по философии, профессор *Василий Васильевич Соколов*. Он жив ещё, сейчас ему больше девяноста лет, на философском факультете МГУ преподаёт ещё. Специалист отличный, несколько монографий посвятил средневековой философии Европы, Спинозе, интересный человек[222]!

СД: Он и у меня преподавал.

МТ: Да, помните его? Такой отрешённый, идёт и мечтает, портфель по земле волочится... Очень интересный человек! Он был моим руководителем.

ВГ: Михаил Леонтьевич, а в чём была главная идея вашей диссертации? Как бы вы её определили?

МТ: Главная идея диссертации (мне такую установку давал В.В. Соколов, и я с ним полностью согласен, я её по-своему развил) состоит в том, что Мо-цзы – это уникальный случай в истории мировой философии, когда в совершенно иной социально-исторической ситуации возникло учение, аналогичное древнегреческой философии Демокрита и Аристотеля. Оно не могло развиться, потому что ситуация этого не позволяла, но возникло! Одинаковые идеи! Совершенно потрясающе! Мне Василием Васильевичем была дана установка найти, так сказать, параллели. Вот я их нашёл, эти параллели. И то, что я нашёл, стало ответом на вопрос: почему естественные науки в Китае не получили развития? Потому что если бы философия Мо-цзы не погибла, Китай мог бы вырваться на самые передовые позиции. Не этика и политика стали бы доминантами в китайской культуре, а логика и метафизика.

---

[221] *Кювье Жорж Леопольд* (1769–1832). Французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии. Крупнейший специалист-зоолог конца XVIII — начала XIX в. Его брат *Фредерик Кювье* (1773–1838) также был выдающимся зоологом. В тексте не ясно, о каком из братьев идёт речь.

[222] Выпущенную в 2015 г. в МГУ книгу «Философия как история философии» В.В. Соколов подарил М.Л. Титаренко с надписью: «Дорогому Михаилу Леонтьевичу Титаренко с незабываемыми воспоминаниями и наилучшими пожеланиями. 31 марта 2015».

СД: Вот такой рационализм был.

МТ: Да. Он был задушен конфуцианством, легизмом. И он, собственно, возник, возродился снова, когда элементы европейской науки пришли вместе с иезуитами в Китай. Современные китайцы говорят: «Ну, что это они нам открывают, выражаясь современным языком, Америку? У нас собственный мир такой». И когда уже в конце XIX века социалистические идеи стали проникать в китайское общество, тут вспомнили опять-таки об идее всеобщей любви и взаимной выгоды, почитании мудрости, почитании единства. То есть вспомнили про основополагающие тезисы Мо-цзы. Предполагаю, что и христианство тоже развивало эти идеи. Наши противники – католики и иезуиты – это всё проповедовали. Православные не очень активно занимались миссионерством, они занимались изучением Китая. Собственно говоря, поэтому Русская Духовная миссия и стала основоположником нашего китаеведения как такового, как страноведческой науки о Китае. И поэтому у нас, собственно, те же самые идеи: «Возлюби ближнего своего как самого себя, и тебя будут тоже любить». «Не навреди». Видите, как эти идеи перекликаются с раннехристианскими утопическими.

ВГ: Как получилось, что вы с древних философов плавно перекочевали на современных мыслителей?

МТ: Ну, не скажу, что плавно, это было трудно. Во-первых, это было задание на работе. Когда я работал в посольстве, то я был, как меня называли мои друзья, «философ Шанхайского уезда». И вот, как раз по работе мне пришлось решать следующие задачи... Понимаете, у китайцев, у высшего руководящего звена (правда, я Тайвань с этой точки зрения не изучал, поэтому не берусь судить), существует свой специальный жаргон, который самим китайцам не всем понятен. Я вообще нашим китайским партнёрам говорю, что это не очень хорошая вещь. Конечно, хорошо, что вам удаётся приезжим иностранцам загадывать загадки, шарады, которые им приходится по полгода-году разгадывать. Последняя шарада – «три-восемь-три». Вы знаете, что такое «три-восемь-три»?

ВГ: Нет.

МТ: Ну, вот видите.

МТ: Это главная шарада предстоящего пленума. 3-8-3.

ВГ: Три принципа, восемь пунктов, что-то в этом роде...

МТ: Три принципа, восемь пунктов и три единства.

ВГ: Без единства уж никак нельзя!

МТ: А вы попробуйте почитать доклад! Вот вы читаете *Маркса*, *Энгельса*, *Ленина*, *Сталина*, Мао Цзэ-дуна. Они писали языком, который любой ГРАМОТНЫЙ человек, читая, поймёт. Возьмите доклад очень уважаемо-

го политического деятеля товарища *Ху Цзинь-тао*: треть текста вы сразу не поймёте. Что такое восемь направлений? Что такое пять направлений? Что такое четыре принципа? Сразу непонятно.

ВГ: У нас тоже был такой жаргон! «Весь советский народ в едином порыве... пятилетку – в 4 года!» Смысл, конечно, немного другой, но, тем не менее... Это стиль, скорее.

МТ: Ну, здесь-то всё понятно, никаких шарад.

ВГ: У нас были такие «шарады», как «десять лет без права переписки».

МТ: Нет. Здесь совсем другое дело. Терминология политики, она как бы зашифрована.

ВГ: Кастовость, выходит, это создаёт.

МТ: Да, это создаёт очень опасное явление. Когда правительство говорит народу о вещах, которые ему недоступны! И когда во время поездки я задал этот вопрос (что такое «три-восемь-три»?) моему очень важному коллеге, директору института, он мне тут же сказал только *дагайды исы* (общий смысл). Но вот детально расшифровать...

СД: Но ведь, наверняка, есть какие-то вспомогательные шифры.

МТ: Понятное дело. Для того чтобы прочитать доклад, надо создавать специальный словарь терминов и расшифровывать их. Словом – «нумерологические шарады».

ВГ: Это тоже китайская традиция, причём очень давняя.

МТ: Да, но в политическом плане, я бы сказал, не самая лучшая. Происходит разрыв между уровнями сознания элиты и основной массы рядовых граждан.

ВГ: Раньше это были конфуцианские учёные, а теперь это делают коммунистические бонзы. Но в итоге эти «шарады» вы, наверно, разгадали в своей докторской диссертации?

МТ: Нет, я в докторской диссертации «шарады» не разгадывал. Тема моей докторской работы «Истоки и методология идей Мао Цзэ-дуна»[223]. Она стала, в известной мере, практической и прогностической. Так что в данном случае я отталкивался от Мо-цзы, идеи которого, кстати говоря, стали истоками народнического маоизма.

СД: Жёсткость от легизма...

МТ: Да. И конфуцианство ещё, с его идеей китаизации всего. Откуда взялась идея соединить марксизм и ленинизм, это для сторонников ком-

[223] «Критика методологических основ идеологии и политики маоизма». Закрытая защита прошла в 1979 г. В основных библиографических работах о творчестве М.Л. Титаренко её название отсутствует.

мунизма стало ортодоксией, так сказать. А идеи марксизма с идеями Цинь Ши-хуана? Для европейских коммунистов – сторонников ортодоксии, для людей, у которых демократия является альфой и омегой, говорить о Цинь Ши-хуане это... богохульство! А здесь (в Китае) это вполне нормальное явление.

Одной из моих разгадок, печальных к сожалению, стал ответ на поступивший запрос о том, что может означать публикация стихотворения Мао с аллюзиями на известного героя китайского средневековья – эпохи Сун – *Юэ Фэя*. Я сказал, что, к сожалению, это может означать всеобщую мобилизацию и возможность кровопролития на границе с Советским Союзом. Так и произошло. Потом стало известно, что Мао Цзэ-дун дал указание превратить советско-китайскую границу в сплошную кровоточащую рану. Щупать, простите за выражение, так в оригинале, «пощупать зад у тигра». Вот они всё время и «щупали зад». И одно из крупных «щупаний» было в 1969 году на Даманском[224]. Инцидент должен был показать, что советско-китайский договор – это бумажка, которую можно выбросить. После этого последовал тайный визит Киссинджера, визит президента Никсона, в ходе которого было достигнуто негласное устное соглашение о едином антисоветском фронте Китая и США. Это привело к тому, что Советский Союз был вынужден отбросить все свои планы мирного развития, и все средства были переключены на оборону. На одну границу были потрачены просто колоссальные, совершенно фантастические средства. По нынешним понятиям, более триллиона долларов, не рублей! Граница стала местом, где зайцев ловили, даже анекдоты стали появляться на эту тему. В Благовещенске горожане не могли к реке подойти... Нельзя было купаться. Был такой поворот в китайско-советских отношениях. Но вскоре китайцы поняли, что американцы хотят использовать Китай в своих целях. И первым это понял, кстати, Ху Яо-бан, чем очень не угодил господину Дэн Сяо-пину...

Я хочу сказать, что китайцы поняли, что Америка Китаю никаких подарков делать не собирается: они будут использовать Китай исходя из своих интересов. А значит, и Китай может использовать США в своих интересах. Поэтому Китай будет проводить свою самостоятельную политику. Что им в известном плане удалось. И они переиграли, в известной мере, американцев, создав ситуацию взаимозависимости. В отличие от СССР, который тратил колоссальные средства на гонку вооружений с американцами, на борьбу с ними, китайцы прикрылись Америкой в определённой

[224] События 2 и 15 марта 1969 г. на острове Даманский — вооружённое столкновение между советскими и китайскими военными, когда последние пытались захватить небольшой остров Даманский (Чжэньбао дао) в фарватере р. Уссури. В ходе инцидента погибли 32 советских пограничника. В 1991 г., в результате переговоров по окончательной демаркации российско-китайской границы, о. Даманский отошёл к КНР.

степени и продолжили своё развитие. При этом методологические принципы они опять взяли у Конфуция. И вот поэтому я считал и считаю: чтобы понять политику Китая, не только Мао Цзэ-дуна, но политику Китая в целом, необходимо освоить и понимать философские принципы китайской культуры, китайской цивилизации. А принцип, по которому Китай долго строился, главный принцип Мао Цзэ-дуна был – «придумать врага», «создать противоречие».

С другой стороны, Дэн Сяо-пин понял, что это ни к чему хорошему не приведёт. Нужно гармонизировать всё. Нужно не врагов придумывать, а найти понимание, точки соприкосновения и создать, как сказал *Цзян Цзэминь* в своей лекции в Йельском университете, гармоничное единство различий – *хэ эр бу тун*. (Буквально: «гармонично, но не тождественно»[225].) Впервые он объявил, что они руководствуются именно этим принципом Конфуция. Различные, но гармонично объединённые. Гармония различного, даже противоположного. И вместо маоцзэдуновской формулы *и фэнь вэй эр* – «разделение единого надвое» они взяли формулу по-настоящему великого китайского средневекового философа *Фан И-чжи хэ эр эр и* – «соединение противоположностей в единое». И вот пожалуйста, они с американцами соединились. Взаимное, так сказать, *хэ эр бу тун* – «неодинаковое соединено вместе».

СД: Тут есть такой тонкий момент: определённое время американцы даже думали, что это они придумали политику вовлечения (engagement), искренне в это верили.

МТ: В каком-то смысле американцы тоже придумали эту политику, они активно использовали это дело. Элемент вовлечения был частью этого единства *«хэ»*. В общем, стороны использовали друг друга.

ВГ: Обе стороны получили от этого некую выгоду, китайцы даже бóльшую.

МТ: Да-да, они друг друга использовали. И сейчас то же самое происходит... Доллар поддерживается всем состоянием китайского золотовалютного запаса, а оно составляет «всего лишь» три с половиной триллиона. У кого ещё столько средств есть?

ВГ: Нам, как молодым коллегам, интересно узнать ещё об одном научном «последствии» всех этих политических пертурбаций – создании Института Дальнего Востока (ИДВ). Как он возник?

МТ: Я принимал участие в его воссоздании. Когда я был приглашён на беседу с Андроповым, Юрий Владимирович говорит: «Я слышал, что вы увлекаетесь китайской философией». Он так позитивно об этом выразился: «Китай – наш большой сосед, нам нужно хорошо знать Китай. У нас был Институт китаеведения, но, к сожалению, его ошибочно закрыли. Нам

[225] Характеристика благородного мужа Конфуцием. См.: *Лунь-юй* (XIII, 23).

нужно создать другой институт, который серьёзно занимался бы изучением всех аспектов жизни Китая. А в перспективе всё-таки искать пути нормализации отношений с Китаем. Мы большие страны, мы – соседи. И оттого, что мы ругаемся, пользы ни для нас, ни для них нет». Это была позиция социалистического интернационализма, солидарности, которую тогдашнее руководство Китая – Мао Цзэ-дун и его окружение – всерьёз не воспринимали. Дело в том, что в китайском языке понятие интернационализм – это «объединение народов». Это как раз *хэ эр бу тун*. А у нас интернационализм обозначает, так сказать, нивелирование различий.

СД: Но там были разные трактовки, они в несколько этапов складывались.

МТ: Нет-нет, понимаете, «интернационализм» обозначает сближение взглядов, единственность взглядов, солидарность и единство действий. Отсюда, кстати, и появился термин «советский народ». Национальные особенности сохраняются, но есть единый советский народ. У китайских товарищей этого нет. Потому что «советский народ» означает создание симфонии народов. То есть, по сути дела, это термин, о котором товарищ Мао Цзэ-дун говорил так (говорит по-китайски): «Концепция “советского народа” зародилась в стране, откуда происходит и сама евразийская идея (*оуя чжуи сысян*). Она прежде всего относится к национальной культуре, отношениям между народами... Они строятся по горизонтальному принципу взаимодействия, на равных. В Китае и Европе ситуация иная: там более отсталые народы подтягиваются до уровня передовых» (конец цитаты. Переходит на русский язык).

Видите, в СССР отношения строились по горизонтали. Поэтому мы разные культуры «дотягивали» до своего уровня за счёт симфонии. Поэтому для нас отношения между разными культурами – это отношения между группами инструментов симфонического оркестра. И в этом смысл слов о том, что ни одна культура не должна быть уничтожена. Без неё утрачивается симфония. Поэтому камертон – он единственный в оркестре. Так же, как и гонг. Барабанов там два-три всего. Ну, может быть, и больше, но гонг – один. Камертон тоже один. Но без него наиболее сложные симфонические произведения исполнить нельзя. Поэтому, как сказал недавно наш новый лидер российских народов, президент России *В.В. Путин*? Он сказал, что особенность русской культуры состоит в том, что Россия за всю свою историю ни один народ не уничтожила, ни один народ не ассимилировала. А все народы, которые были, когда образовывалась великая Русь, они существуют и поныне. В то время как другие культуры, строящиеся по принципу вертикали, где они? Где маньчжуры? Где кидани? Где Ляо[226]?

[226] *Кидани* – древняя монгольская народность, основатели династии и государства Ляо 遼 (916–1125) на северо-востоке Китая. Имели свою письменность. От этнонима *кидань* 契丹 впоследствии произошло и русское слово «Китай».

Где они все? От киданей остались одни ойраты, которые именуются горно-алтайцами на территории России.

ВГ: Можем ли мы всё-таки вернуться к ИДВ?

МТ: Конечно. Когда Юрий Владимирович говорил, что нам нужно больше знать о Китае, это была не антикитайская позиция, это была попытка наладить, нормализовать отношения. Найти платформу, на которой можно было бы выстроить позицию для взаимоотношений. А в данном случае конкретно моей задачей было: разоблачить маоизм. Ещё одна задача, которая ставилась перед наукой – обосновать с научной точки зрения возникновение российско-китайской границы. Это огромная задача. Институт китаеведения, который был создан, он существовал всё время в разных вариантах: то его переименовывали в Тихоокеанский институт, то его вливали в Институт востоковедения, то его «выливали» и создавали Институт китаеведения... Но потом до председателя Мао дошла весть о том, что в СССР в 1956 году путём отщепления от Института востоковедения был создан Институт китаеведения, и что существует журнал «Советское китаеведение». Очевидно, какой-то не очень грамотный знаток русского языка доложил председателю Мао, что в Советском Союзе существует институт по РУКОВОДСТВУ Китаем. Слово «ведение» было переведено в смысле «руководство», а не в смысле «изучение», «исследование», у него же два смысла. Председатель Мао воспринял это очень нервно, пригласил нашего посла и высказал всё, что он по этому поводу думает. Сказал: «Мы предоставляем вам информацию, разве вам этого недостаточно?» Посол сказал, что, конечно, достаточно. После чего в Москву ушла телеграмма о том, что возникло вот такое-сякое дело: китайские товарищи очень недовольны[227]. После того как Хрущёв получил телеграмму, последовало указание разобраться. А тогда науку у нас курировал «великий мудрец восточный», узбекский товарищ Мухитдинов – тот, который был в Президиуме ЦК КПСС. Было предписано «разобраться и принять меры». Товарищ Мухитдинов разобрался и принял меры: закрыли Институт китаеведения, Московский институт востоковедения, который в Сокольниках находился и где готовили страноведческие кадры по Китаю и другим странам. Там обучали 25 восточным языкам! Это был один из старейших таких институтов не только в России, но и в мире, ещё с царских времён существовал. Так вот, институт этот закрыли, журнал «Советское китаеведение» тоже закрыли. Потом уже, когда появились статьи «Да здравствует ленинизм!» и другие полемические материалы наших китайских партнёров, было приказано разобраться, что же там происходит, что происходит с нашей

[227] По свидетельству С.Л. Тихвинского, подобная беседа произошла на более низком уровне летом 1960 г. — между неким китайским руководителем среднего ранга и советником-посланником Н.Г. Судариковым. См.: Российское китаеведение — устная история. Т. 1. М., 2014. С. 359.

великой и нерушимой дружбой с Китаем. Был создан Отдел истории Китая при Институте мировой социалистической системы. Возглавлял его одно время Сергей Леонидович [Тихвинский], потом *Л.П. Делюсин*, потом ещё кто-то, я уже не помню кто... Короче говоря, когда меня пригласили в ЦК, одной из первых задач стала подготовка предложения о воссоздании института, над которым мы работали совместно с Отделом науки, где этим направлением ведал тогда В. Иванов, и с *Кюзаджяном* из Отдела информации: был такой специальный отдел в ЦК. Ну, а для того чтобы у наших друзей не возникали подозрения в том, что мы тут кем-то собираемся руководить, термины «японоведение», «американоведение» и другие «ведения» были исключены из названий всех исследовательских институтов. Вместо этого возник Институт Дальнего Востока. Нейтральная такая формулировка. Первоначальной его задачей было определено изучение Китая, его внутреннего положения, внешней политики, изучение истории формирования российско-китайской границы на основании исторических документов. Ну, и выявление, так сказать, недружественных действий Мао Цзэ-дуна и его окружения[228].

ВГ: А как в контекст всех этих действий вписывалось издание двухтомника китайской философии? Вы же какое-то отношение имеете к этому?

МТ: Я хочу подчеркнуть ещё раз, что все эти наши действия не носили антикитайского характера. А моё-то понимание было, о чём я с самого начала сказал, таким: чтобы понять Китай, нужно знать его философию. Поэтому я написал записку по этому поводу, её одобрил Юрий Владимирович и даже доложил куда-то наверх. Но я уже о деталях дальнейшего движения этой записки не знаю. Затем мне было поручено поддерживать позитивные публикации о Китае. А у нас была такая структура, так называемый «Главлит», которой была дана инструкция: всякие публикации о Китае запрещать. Значит, там у них было одно указание, а у меня – другое. Все позитивные книги, которые вышли во время китайско-советской полемики (товарищи многие не знают этого; вот я вам раскрываю тайну) публиковались так: в издательство приходит запрет о выпуске какой-то книги, но они знают, что в отделе ЦК есть некий Титаренко, которому дано задание сортировать книги. И посылают мне (например, книгу *Гельбраса В.Г.* о социально-экономическом строе Китая) с резолюцией: «Запретить. Не публиковать». И вот я, параллельно с моей работой, ночами сижу, читаю Гельбраса, а читать его – удовольствие, прямо скажем, ниже среднего, и пишу своё заключение: считаю целесообразным книгу издать. Книга

[228] Несколько иначе предыстория создания в 1966 г. ИДВ АН СССР изложена в интервью Л.П. Делюсина. См.: Российское китаеведение — устная история. Т. 1. С. 138.

выходит[229]. Или, например, идёт полемика между одним из наших известных, практически последних евразийцев *Львом Николаевичем Гумилёвым* и нашим академиком *Ю.В. Бромлеем*. А Гумилёв – доктор наук «всего лишь», хотя и двух наук, но всё-таки всего лишь доктор. Тут Бромлей набрасывается, как коршун, на Гумилёва, и все его книги запрещает. Мне присылают его книги: «Хунны»[230], «Потерянное царство»[231] и другие. И опять я посвящаю их чтению субботу-воскресенье, и опять пишу свою рецензию, докладываю начальству, что эти книги целесообразно издать.

ВГ: Их издали? И как ЦК относился к спорам про «пассионарность» или «азиатский способ производства», позитивно или негативно?

МТ: Они просто относились: пусть спорят, это полезно. Никто не запрещал этот спор. Спорить запрещают среди чиновников от науки – людей, которые хотят быть праведнее Папы Римского и думают, что они выше тех людей, которые занимаются непосредственно наукой.

ВГ: Тогда был «грех» большой – попытка выезда в Израиль. Сейчас-то она уже не кажется «грехом»...

МТ: Я на самом деле не имел к этому никакого отношения, я же не занимался Израилем...

ВГ: Я хотел спросить, как вы относитесь к *Рубину В.А.*, к его работам?

МТ: Рубин был действительно очень серьёзный специалист. Первое моё знакомство с работами Го Мо-жо случилось через его рефераты этих работ в «Вестнике»: он же работал там, в Информационном отделе Фундаментальной библиотеки. Они были сделаны очень квалифицированно, адекватно. А его другие взгляды, я не занимался специально изучением его взглядов, поэтому сказать ничего не могу. Могу сказать, что те работы, в которых он излагал историю Китая и историю китайской идеологии, вполне профессиональны и, на мой взгляд, вполне заслуживают внимания. Сбрасывать их со счетов нельзя. Исходя из всего этого, я, во-первых, поддержал публикации Ян Хиншуна[232]. Выступил там даже, писал предисловие к его книжке. Очень активно я поддержал издание книг *Позднеевой Л.Д.*: её переводы книг по китайской философии[233].

ВГ: Двухтомник был с вашего одобрения выпущен?

МТ: Сейчас скажу про двухтомник. Вообще, я был его инициатором. Дело в том, что по поводу книг Позднеевой были всякие мнения. Я считаю, что это, конечно, её право как учёного, но этого не нужно было де-

229 *Гельбрас В.Г.* Социально-политическая структура КНР (50–60-е гг.). М., 1980, 264 с.

230 *Гумилёв Л.Н.* Хунны в Китае. М., 1974.

231 *Гумилёв Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

232 *Ян Хиншун*. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984. 181 с.

233 *Позднеева Л.Д.* Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967. 404 с.

лать — переводить китайские фамилии на русский язык. Это придаёт тексту совершенно экзотичный характер: больше внимания обращаешь не на идеи, а на фамилии.

СД: Да, очень трудно соотнести с китайским текстом. Но всё равно красивый текст. Эти выразительные образы запоминаются, конечно, очень легко.

МТ: Конечно, это есть, поэтому выпуск я поддержал. У меня были очень тесные отношения со всеми ведущими специалистами: и *Симоновской, и* Позднеевой, *и Юрьевым*. Естественно, и со *Сладковским, Глуниным,* – всеми этими товарищами. И вот, мы собрались с *Буровым* и решили: давайте организуем такую небольшую антологию по китайской философии. Вышел двухтомник издательства «Мысль» в 1971–1972 годах[234]. Поскольку у меня просто времени не было переводить, тексты очень трудные, я попросил *В.С. Таскина*. Он перевёл тексты, я выступил редактором и написал предисловие по истории китайской философии[235]. А когда возникли, так сказать, новые веяния с возможностью улучшения отношений с Китаем, вышло так, что *Михаил Иосифович* [*Сладковский*] – наш директор – сильно пострадал в личном плане. Несколько ударов ему досталось: сначала умерла дочь, потом жена. Ну, и он сам не выдержал этих испытаний, сильно заболел. В общем, институт остался без руководства, начал распадаться. Тогда ещё были заместители директора по режиму. Так вот, в институте режимщиком был бывший сотрудник СМЕРШа, он там всех сотрудников держал...

ВГ: В кулаке?

МТ: Нет, «лучше». «К стенке!» Запугивал, короче говоря. Ну вот, меня направили туда, в этот институт. Пригласил меня *П.Н. Федосеев* – вице-президент [АН СССР], который курировал общественные науки.

ВГ: Какой это год был?

МТ: Восемьдесят пятый.

ВГ: То есть уже перестройка началась. И в этот момент, с вашим приходом, произошёл перелом? От критики маоизма к улучшению отношений?

МТ: Да-да. Я считаю это одним из достижений: не своим личным, но нашего института – то, что нам удалось в очень трудных условиях создать концепцию нормализации отношений. Рождалась она очень непросто, но

[234] Древнекитайская философия / сост. Ян Хиншун; редколлегия: В.Г. Буров, Р.В. Вяткин, М.Л. Титаренко; вступительная статья В.Г. Бурова и М.Л. Титаренко. Т. 1, 2. М., 1972. 363 с.; 1973. 384 с.

[235] Речь идёт о выполненном через полтора десятка лет переводе китайского учебника: История китайской философии / пер. с кит. В.С. Таскина, общая редакция и послесловие М.Л. Титаренко. М., 1989. 552 с.

она прошла и получила поддержку, её поддержали многие наши товарищи. Там было окружение, так сказать, либеральное: и *А.Е. Бовин*, и *В.П. Лукин*, и другие. То есть процесс, как говорится, пошёл. А вторым достижением я считаю то, что нам удалось доказать, что надо считать реальностью ситуацию на Корейском полуострове и признать Южную Корею как самостоятельное государство. По этому поводу *Э.А. Шеварднадзе* считал, что этого Титаренко надо бы ... уволить, в общем. А потом сам же досрочно поспешил установить отношения, когда его южнокорейские друзья всякими «милостями» осыпали. Вообще, институт очень многое сделал. Мы начали ту фундаментальную работу, которая институтом и сейчас продолжается. Например, институтом подготовлена фундаментальная история российско-китайской границы, которая стала научной основой наших переговоров с китайскими партнёрами. Начали издаваться документы за 400-летнюю историю границы. Это и сейчас продолжается, уже вышло 12 томов[236]. Но сейчас с этим у нас большие трудности, потому что документы XVII–XVIII вв. в основном записаны на маньчжурском, тибетском и древнемонгольском языках. Читать, переводить и расшифровывать их некому. У нас есть одна-единственная *Ирина Тимофеевна Мороз*, мы с неё пылинки сдуваем. Она бесценный специалист. Но ей более 85 лет, а больше у нас специалистов нет.

ВГ: Как ваш институт пережил распад Союза, как он изменился после этого?

МТ: Пережили. Но мы выжили потому, что, во-первых, я призвал весь коллектив продолжать работать. Я считал и считаю, что деньги, которые нам выделили на нормализацию отношений, нужно продолжать использовать. Нам нужно было убедить новое руководство страны принять концепцию необходимости нормализации отношений с Китаем, которая была связана с Горбачёвым. Воспринять то, что было сделано. Когда в 1992 году возник вопрос, ехать ли *Б.Н. Ельцину* в Китай или не ехать. Много было против того, чтоб ехать, потому что определённая часть китайских товарищей поддержала ГКЧП, даже контакты установили. Поэтому у Ельцина были сомнения. Но я хотел сказать, что разумная позиция, которую занял Цзян Цзэ-минь, и позиция части нашей элиты, подпитываемая всевозможными средствами со стороны нашего института, убедили Ельцина, что ему необходимо ехать и развивать линию нормализации отношений с Китаем. Ельцин эту линию поддержал, он поехал в Китай. Во время своего пребывания в Китае он хотел побольше познакомиться с Китаем. Но *Чубайс* и вся эта братия, они боялись, что Ельцин слишком увлечётся китайским опытом.

[236] Имеется в виду публикация документов по истории русско-китайских отношений. История общей границы также освещена в коллективном труде сотрудников ряда институтов РАН: Границы Китая: История формирования / ред. В.С. Мясников, Е.Д. Степанов. М., 2001. 470 с.

ВГ: Даже так?

МТ: Даже так. Поэтому была направлена телеграмма, что тут коммунисты собираются затеять какую-то бучу. Ельцин был взбешён: «Я им покажу, кто в доме хозяин!» Стукнул кулаком и сказал китайцам, что он должен вернуться, он президент – дела срочные. Цзян Цзэ-минь, естественно, нормально всё воспринял[237]. Отношения развивались, короче говоря. Хотя, вот, наш министр *А.В. Козырев* пытался поучать китайцев, так сказать, с позиции старшего брата. Он приехал в Китай и прямо в аэропорту начал читать китайцам лекции о демократии и правах человека. Ну, естественно, в Пекине в восторг от таких лекций не пришли[238], и в наших отношениях возникли колебания. Но колебания были ликвидированы. Впрочем, здесь обе стороны, в общем-то, сыграли роль. В нашем МИДе сохранилась группа специалистов – *М.С. Капица* и другие товарищи, которые были активными сторонниками нормализации отношений с Китаем и того, чтобы все идеологические и прочие разногласия не распространять на международные отношения. Это был вывод, который мы сделали из предыдущей истории, когда наши отношения испортились именно из-за распространения идеологических разногласий на межгосударственные отношения. Повторять этого не надо было, мы в Институте тоже очень решительно выступили против этого. Короче говоря, Ельцин убрал Козырева, и в свой следующий визит в Китай, в 1996 году, он подписал соглашение. В документе было сформулировано положение насчёт «стратегического партнёрства», такая формулировка применялась впервые. Поворот от крайнего западничества, которое насаждал Козырев, произошёл только когда премьером стал *Е.М. Примаков*: он это выправил. Вспомнил, что для нас важно соответствовать гербу российскому, что для нас важны и Восток, и Запад. И тезис, который был подписан Ельциным по поводу стратегического партнёрства в Пекине, мы поддержали. В научном смысле этому предшествовали две вещи, в которых наш институт, и лично я, играл определённую роль. Мы откликнулись на предложение, которое нам сделал Го Хэн-юй из Свободного университета Берлина о рассекречивании и издании документов Коминтерна по Китаю. Для нас это была очень смелая акция, потому что тогда, при *А.Н. Яковлеве*, который вместе с *Д.А. Волкогоновым* командовал всеми архивами, значительная часть архива была продана за рубеж. Нам удалось сохранить и поставить под наш научный контроль, точнее, под научную опеку именно их китайскую часть, касающуюся отношений КПСС (тогда – ВКП(б)) и Китая в период Коминтерна. Эта часть не была прода-

[237] Обстоятельства этого визита комментирует и С.Н. Гончаров. См.: *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техгническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М., 2013. С. 94–95, примеч. 134.

[238] Иную, менее негативную оценку деятельности А.В. Козырева на китайском направлении даёт С.Н. Гончаров. См.: *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 79.

на. И мы начали большую работу. В нашу большую группу входили профессор *Григорьев, Глунин*. И мы работали при поддержке наших немецких друзей профессоров *Го Ханьюя, Лейтнер, Фельбера, Крюгера, Трахтенберга* и других.

ВГ: Какие это были годы?

МТ: Девяностые, начало девяностых годов. Это была колоссальная и очень напряжённая работа! Мне пришлось в очень большом напряжении держать всех товарищей, освобождая их от всех работ, от всяких привлечений. Нам надо было успеть, надо было, благодаря работе, выжить. И нам удалось за исключительно короткий срок издать семь толстых книг: пять томов в семи книгах. Документы по истории отношений между ВКП(б), КПК и Коминтерном. Серия называется «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Это уникальные документы, которые раскрывают многие малоизвестные аспекты и детали истории формирования политики КПК, Гоминьдана; освещают многие стороны непростого диалога между Коминтерном и Гоминьданом, которые ранее были неизвестны, отношений между КПК и Гоминьданом, о роли *Сунь Ят-сена*, о школе Вампу, Северном походе, формировании политики Единого фронта, создании советских районов, восстании в Ухани, Кантонской коммуне, Наньчанском восстании, событиях 1927 года, когда Чан Кай-ши уже занял антикоммунистическую позицию. Обо всём этом и многом другом говорится в документах. И о периоде, когда Коминтерн и ЦК ВКП(б) призвали искать пути соглашения с Гоминьданом для создания Единого фронта против японской агрессии. Причём Советский Союз, сам находясь в очень трудном положении, оказал огромную по тем временам помощь: были построены заводы, на которых изготавливалась техника, предназначавшаяся для антияпонской войны. Была проложена трасса, которая сейчас называется «Дорога дружбы» через Казахстан, Синьцзян до Сианя. Всё это отражено в документах, это поистине – великая история... В Пекине, когда писали историю КПК, все наши документы были переведены. Первый том, который касается отношений между Коминтерном, Гоминьданом и КПК, был переведён здесь, на Тайване. Часть последующих документов была здесь переведена, но всего лишь часть. Причём наши тайваньские коллеги нас об этом даже не уведомляли. Так что я порядочно использовал их. Многие страницы в истории КПК, особенно Единого фронта, этими документами раскрываются. Причём это же документы, которые в то время не знал никто. В Китае эти документы были известны только пяти лицам. В разное время это были разные лица, но обычно это была тройка-четвёрка первых лиц. На первых порах это были *Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Сян Чжун-фа,* Чжоу Энь-лай. Чжоу – он был постоянным чтецом этих документов, он практически все эти доку-

менты читал. А остальные лица менялись. После совещания в Цзунъи читателем этих документов стал и Мао Цзэ-дун, но только после совещания.

ВГ: В тридцать пятом году?

МТ: Да. В Советском Союзе в КПСС [имеется в виду ВКП(б)] документы эти читали Сталин, *Молотов, Ворошилов* и *Димитров*, как генеральный секретарь Коминтерна. *Мануильский* – завсекцией, *Ван Мин* и *Кан Шэн* – он тогда в Коминтерне работал. Иногда был чтецом и *Чэнь Юнь*. Да, *Чжан Го-тао* одно время читал, но только одно время. *Цюй Цюбо* тоже только одно время их читал, так же, как и *Ли Ли-сань*. Вот это всё, больше никто о них не знал! На оригинале есть их подписи. Все эти документы имели граф высшей степени секретности. «Совершенно секретно. Особая папка». Была проведена труднейшая операция по рассекречиванию этих документов. Некоторая часть из них сохранила прежние грифы секретности.

ВГ: Из этого следует, что ваша публикация была сенсационным прорывом. Историческое событие для науки!

МТ: Совершенно верно – огромное событие для науки. А следующим событием для нашей науки, российской страноведческой науки и китаеведения в частности, была подготовка первого в мире, я хочу это подчеркнуть – в мире... Энциклопедического словаря китайской философии[239]. В Китае философские словари есть, но это словари другого плана, это словники, а наш был словарь энциклопедический. Наш словарь «История китайской философии» – так он называется – уникальный, потому что даёт не только словник, то есть всё, что есть, все названия, имена китайских философов, их труды, основные понятия и так далее, но он также даёт историю исследования. Рассказывается, кто исследовал те или иные проблемы, перечисляются и российские, и зарубежные, и китайские исследователи: там и *Фэн Ю-лань*, там и *Джозеф Нидэм*, и *Легг*, и *Масперо* и так далее. Все крупнейшие исследователи там обозначены. Кроме того, в этом издании впервые возник такой формат, который мы потом закрепили и развили. Эта энциклопедия стала словарём и одновременно справочным изданием по предмету исследования (что такое китайская философия) и исследователям – кто этим предметом занимался. То есть в нём даётся не только сама история предмета, но и перечень основных трудов по этой тематике. Вы читаете Конфуция – пожалуйста, есть подробнейшая библиография. Но в обычном словаре давалась в основном только русская библиография. Из иностранной приводилась только китайская, ну, и немножко английская. Так что эта энциклопедия уже стала уникальной библиографией основных трудов: там появилось всё, что есть. Это был очень большой шаг

[239] См.: Китайская философия: Энциклопедический словарь / гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994. 574 с.

вперёд, мы опять подтвердили эту линию – что мы хотим иметь хорошие отношения с Китаем, поэтому должны знать Китай, знать, как он мыслит... Вот, если вы что-то предлагаете, как Китай будет осмысливать это дело? Как он будет его понимать? Каким мыслительным, логическим аппаратом он будет руководствоваться? Вы должны это учитывать! То есть знать, что термин «ведение» не должен употребляться, что есть понятия, которые могут вызвать искажение смысла. Вот в этом я вижу смысл нашей работы. И конечно, мы рассматриваем Китай как стратегического партнёра, как нашего соседа, которого мы хотим знать. Мы предоставляем информацию по всем вопросам. Поэтому мы создали специальную тайваньскую группу, которая даёт объективную – я это подчёркиваю – не политизированную, не идеологическую, без всяких «шапок» информацию. И мы были первыми, кто посмел это сказать, впервые в работах нашего института это появилось, когда мы сказали, что при проведении политики реформ и открытости, при выработке политики, особенно в аграрном вопросе, наши китайские товарищи изучили опыт Тайваня и использовали его. И что они позитивно относятся ко многим реформам, начинаниям, которые проводились *Цзян Цзин-го*. Сами китайцы этого не говорят, а мы сказали, и они не протестовали. ... С 1994 года наш институт проводит конференцию «Китай и мир». В этом (2013) году состоялась двадцатая конференция. Сначала, в первые два-три года, она была нашей внутренней конференцией. Потом она превратилась в международную конференцию с очень большим участием – до 200–250 человек. Последняя, которая прошла совсем недавно, в октябре: в ней приняли участие свыше двухсот человек. Из материалов получился целый «талмуд» – больше двухсот тезисов докладов. После того как некачественные материалы были отсеяны, осталось 196 тезисов. На пленарных заседаниях конференции было зачитано 26 докладов, проведён круглый стол, а в секциях – 7 секций было – было зачитано 100 докладов. Люди работали допоздна. Прошло всё очень содержательно. Больше 30 человек было из Китая, из Тайваня были, из Гонконга, из Франции, из Америки один был, из Польши, из Болгарии и т. д.

ВГ: Там было, по-моему, даже больше ста докладов. Сто десять, кажется...

МТ: Да. Конференция прошла в напряжённом режиме и очень интересно, содержательно. И мы считаем, что эти конференции очень помогают понять, что происходит в Китае. Должен сказать, что наши китайские партнёры очень внимательно относятся к нашему материалу. И мы впервые, впрочем, я не хочу сказать, что именно благодаря нам это было сделано, но задолго до того, как китайским высшим руководством было принято официальное решение, мы сформулировали тезисы о том, что в Китае возникла очень сложная ситуация, называемая «пять разрывов». Серьёзнейшая

проблема – отношения между городом и деревней, которая делает крайне необходимым поддержание стабильности китайского общества и продолжение реформ. Необходимо проведение новой социальной политики, которая распространится на деревню: охват деревни общегосударственной системой образования, здравоохранения и социального обеспечения. Через 3 года и было принято специальным постановлением пленума, который состоялся по этому поводу. И многие китайские представители сказали, что наш институт, его объективный подход – он помогает принимать правильные решения.

ВГ: Интересно.

МТ: Я хочу сказать, что у нас есть недостаток один: социально-экономическими аспектами жизни Тайваня занимаемся, к сожалению, мало, у нас нет специалистов. Но исторической, культурологической и политической частью мы занимаемся серьёзно. И я считаю, что мы по этому вопросу не отстаём ни от кого. Наши исследования носят в этом плане объективный и, в каком-то смысле, прогностический характер.

ВГ: Спасибо. Не могли бы вы сказать пару слов об «Энциклопедии духовной культуры Китая»: было бы логично увенчать, так сказать, нашу беседу разговором об этом достижении.

МТ: Да. Когда мы завершили работу над философским словарем в 1994 году и издали словарь, к тому времени сложилась группа товарищей, которая совместно работала. Группа коллег, с которой стало жалко расставаться, честно вам скажу. Мы как-то спаялись в единый коллектив единомышленников. Что же мы будем делать дальше-то? Энциклопедический словарь издали, и я предложил: «Давайте подумаем расширить поле наших исследований: сейчас это чисто философия, но ведь есть ещё этика! Китайская цивилизация – это многогранное явление. Какая история! Колоссальная, богатая, сложная, многогранная история. История китайской науки. История китайских, так сказать, практических искусств. Как их Конфуций перечислял: стихи, музыка, военное дело, счёт и так далее. Вот, давайте расскажем о китайской математике, расскажем, что такое китайская наука, китайская архитектура, китайские оздоровительные учения, китайская медицина. В чём её суть? В чём её отличие от западной медицины?» И так далее. В общем, всем эта мысль понравилась. Помнится, *Кобзев* сказал, что это вообще будет великий подвиг. Ну, значит, давайте будем совершать великий подвиг... Но это было самое трудное время! Мы месяцами не получали зарплаты. И вот, понимаете, наша работа над энциклопедией была как бы отвлечением от наших всех трудностей и проблем... Это был вызов – мы отвечали вызовом на вызов. «Ах, вы хотите нас голодом морить? Закрыть? А мы вот вам покажем, что мы можем это сделать!» И знаете, работа пошла с таким большим энтузиазмом! Я обратился с письмом к очень

многим нашим китаеведам, не только в Москве, но и к питерским, в Новосибирск, в Улан-Удэ – к нашим бурятским коллегам-буддоведам. В общем, все ответили, я не получил ни одного отказа. Все отвечали с большим энтузиазмом. Причём писали эту работу, не получая никаких гонораров. Это была работа безгонорарная, безвозмездная[240]. Ну, чтобы люди не зря работали, я пригласил *Кобзева*, *Еремеева* и ещё несколько товарищей, они стали нашими научными сотрудниками по совместительству. Но, конечно, это не гонорар. Просто какое-то ощущение, что они, ну, не совсем задаром работают.

ВГ: Вот присутствующий здесь *Сергей Викторович Дмитриев* (СД), он без гонорара трудился... Почти в каждом томе отметился.

СД: Ну, как и все.

МТ: Вы понимаете, это же действительно памятник, ведь такой работы нигде больше нет. Когда я вручил этот том президенту нашей Академии академику *Осипову Ю.С.*, он сначала не поверил, что мы это сделали: «Как же это вы смогли?»

СД: Я недавно послал все шесть томов профессору *Харбсмейеру* в Осло, поскольку он сейчас единственный из крупных китаеведов, который читает по-русски. Он был потрясён и написал мне: «Я слышал про это, но не думал, что это возможно. И самое страшное то, что про это никто в мире так и не знает».

МТ: Ну, конечно... Беда в том, что издано было всего лишь две тысячи экземпляров. Совсем маленький тираж. Энциклопедию мы завершили и издали первый том к году России в Китае. Был приём, Ху Цзинь-тао приезжал. Когда мы вручили этот том китайцам, они в срочном порядке приняли решение отметить группу авторов: *Аникеева*, ваш покорный слуга, Кобзев, *Лукьянов*, *Воскресенский*, *Рифтин* – были награждены почётными грамотами наших китайских друзей. Вручили нам даже кубок с большим красным бантом. Так что это было нам моральное поощрение за работу[241].

ВГ: Переходящий почётный кубок.

МТ: Да, переходящий кубок. А завершили мы работу тоже символично – в Год китайского языка в России. Через нашего президента РАН Юрия Сергеевича Осипова я переслал издание Президенту России. Книги также вручили персонально Ху Цзинь-тао, *Вэнь Цзя-бао*. И мы послали весь комплект нашему главному спонсору Чэнь Юаню – сыну крупного китайского экономиста, государственного деятеля из первого поколения

[240] На самом деле, благодаря усилиям М.Л. Титаренко, гонорары по мере возможности выплачивались.

[241] Подробнее об этом см.: *Торопцев С.А.* Пекинские рыцари книжного легиона // Россия—Китай: XXI век. 2006. № 10 (октябрь). С. 58–59.

руководства Чэнь Юня. И китайские руководители были очень удивлены... Вот... Когда был приём в Кремле по случаю визита Ху Цзинь-тао (меня туда пригласили), то во время приёма неожиданно для всех Ху Цзинь-тао встаёт, идёт через весь зал: ему, видимо, помощники сказали, где я сижу, а я сидел довольно далеко от главного стола. Он подошёл и передал мне поздравления по поводу издания такой работы. Это стало известно нашим руководящим товарищам-господам, в том числе президенту *Медведеву Д.А.*, который был хозяином приёма[242].

ВГ: Президент вам руку пожал?

МТ: Пожал, да.

ВГ: Мягко или железно?

МТ: Нормально. (Смеются.) Не клещи, как у Лю Шао-ци, но нормально. А Мао Цзэ-дун нам дал руку подержать, это даже не пожатие было, даже пальцем не пошевелил. Рука тёплая, мягкая, знаете, такая нежная рука. Мы за неё подержались, а потом ходили неделю с завязанной рукой... После упомянутого выше приёма мы узнаём, что, как раньше говорили, «есть мнение», что надо эту работу отметить, весь коллектив. В общем, в итоге три человека было выдвинуто на Госпремию РФ. А всего авторов-то было человек сто. Очень жаль, я очень переживаю, что в ходе этой работы несколько товарищей нас покинули... *Феоктистов*, Борис Львович Рифтин[243].

ВГ: Вот, как раз по поводу этого вопрос: пока мы с вами подвиги совершаем, наше правительство, с одной стороны, отмечает их Государственными премиями, а с другой стороны, реформирует РАН...

МТ: У нас есть, конечно, Комитет по книгоиздательству... Но эта книга была издана на спонсорские средства. Большинство средств предоставил нам наш друг Чэнь Юань, наш друг из Гонконга *Сюй Чжи-мин* и наш друг из Америки – президент фонда госпожа *Марджори Киевит*[244].

ВГ: С миру по нитке.

МТ: Да... Когда увидели наконец, что это привлекает внимание, в издании одного тома помогли наконец и наши органы – фонд РГНФ. Но только в одном томе поучаствовали. Я хочу сказать, что тайваньские друзья нам тоже помогали: и авторами, и вообще тайваньская линия присутствует в «Энциклопедии», тайваньская культура. Это новое направление, причём

---

[242] На приёме в Кремле 16.06.2011 председатель КНР Ху Цзинь-тао поздравил таким образом всех трёх китаеведов — лауреатов Государственной премии РФ в области науки и технологий за 2010 г. — А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова и М.Л. Титаренко.

[243] В.Ф. Феоктистов умер в 2005 г., за год до издания первого тома Энциклопедии, а Б.Л. Рифтин — в 2012, через два года после публикации последнего тома. В ходе работы трагически погиб аспирант М.В. Сухов, участвовавший в подготовке двух первых томов.

[244] Издание поддерживали также Министерство культуры КНР, Посольство КНР в РФ и профессор Сюэ Цзюнь-ду из США.

подаётся совершенно объективно. Кстати говоря, та тенденция, которая нашла отражение в «Энциклопедии», она получила развитие. Сейчас наш институт, под руководством моего учителя, нашего общего учителя – китаеведа *Сергея Леонидовича Тихвинского*, издаёт совершенно уникальный труд по всеобщей истории Китая. В десяти томах[245]. В Китае такого нет. И на Тайване тоже нет. И вот почему я об этом хочу сказать: в этом издании десятый, заключительный, том посвящён Тайваню. Он посвящён Тайваню, далее – Гонконг, Аомэнь и китайская эмиграция за рубежом. Целый том этому посвящён! Он выйдет в начале 2014 года, он уже готов. Прекрасный том, очень содержательный, кстати говоря. И я бы сказал, что о Тайване написано очень много: позитивно и объективно. Думаю, что это будет определённым событием. Вот уже вышел седьмой том, который целиком посвящён Китайской Республике с 1911 по 1949 год. Но тираж-то, тираж! Плакать хочется, честно вам скажу. Пятьсот экземпляров[246]!

ВГ: Ну, может быть, получится потом переиздать...

МТ: Повторить-то можно, но, как пел Высоцкий: «Где деньги, Зин?»

ВГ: Короткий вопрос в связи с реформой РАН: как вы считаете, что с нами будет? С Вашим институтом [ИДВ РАН] и с нашим [ИВ РАН]?

МТ: На этот вопрос вам никто не ответит сейчас... Не случайно наш президент [РАН] заболел... Но это не для публикации в данном случае...

ВГ: А вы скажите так, чтобы можно было опубликовать.

МТ: Я считаю, что это недальновидное решение. Решение группы лиц, которые, так сказать, пользуясь своими связями и влиянием на высшее руководство страны, сводят свои счёты с Академией наук, которая не допустила их в свои ряды в силу их несоответствия академическим требованиям. Это касается и господина министра Ливанова – главного застрельщика, ну, и ряда других деятелей, которые мечтали быть академиками, но не вышло. Но, как видите, Академия проявила принципиальность и решила защищать флаг, не спуская его. В данном случае, Академия ведёт себя как крейсер «Варяг».

ВГ: «Пощады никто не желает»?

МТ: Это действительно так. Инициаторы реформирования что-то говорят, мы устраиваем митинги, собрания, протесты. Я лично направил письмо *Владимиру Владимировичу Путину*, где изложил свою точку зрения по этому поводу. Считаю, что с точки зрения интересов государства, с точки зрения реализации программы подъёма регионов Дальнего Востока, изложенной президентом Путиным, а также с точки зрения дальнейшего

[245] ИДВ РАН отвечает за издание пяти томов десятитомника: 2-го и четырёх последних.

[246] Таков только 1-й завод тиража в 1000 экземпляров.

развития и подъёма России – эта акция имеет прямо противоположную направленность. Потому что Академия наук – это не просто Академия наук. Это не учреждение для группы избранных, так сказать, учёных, как хотят это представить некоторые инициаторы этого мероприятия. Мол, «что вы беспокоитесь, вы останетесь клубом!» Есть такой расчёт, что остаются те учёные, которые сейчас являются академиками и членами-корреспондентами. Приём новых запрещён пока, скажем, на три года. Но со временем, я уверен, будет и больше. Так получается превращение Академии в Клуб: вот, дескать, старички эти соберутся, поговорят и разойдутся. Денежки мы им до самой смерти будем платить, деньги к тому же небольшие. Господи, что такое 50 тысяч?! Секретарши у них получают больше пятидесяти тысяч рублей. Чего там! Тысяча четыреста человек... 400 человек получают по 50 тысяч, 700 человек по тридцать тысяч. Ну, господи, ну что там, какие это деньги... Да это карманные расходы господина *Чубайса* и других инициаторов этих дел!.. Академия наук – это общероссийское учреждение. Интеллектуальный обруч государства. Вот что такое Академия наук! Вот как она создавалась, задумывалась великим императором *Петром I*. Она несла эту роль триста лет, ей на будущий год исполняется триста лет. И накануне трехсотлетия Академии власть решила разогнать это учреждение, которое является мощнейшим обручем государства, объединяющим его, сплачивающим его и питающим его идеями! Вместо того, чтобы придумать, помочь найти механизм реализации открытий... Во все эти голодные годы, когда вся Академия была посажена на голодный паёк, ведь ежегодно делалось не менее ста открытий мирового уровня! А регистрировались они не в России! Почему? Потому что долгое время была ситуация, когда если ты сделал открытие – ты ещё и плати за то, что ты сделал открытие. Вместо того, чтобы, наоборот, автору платить, академику, учёному, его коллективу! Вместо того, чтобы поддержать нас! Ну, дали нам эту премию, мы её распределили, как смогли, через авторов ведущих. Ну, и что? Понимаете, это же смешные деньги!.. Как рассуждают у нас: «А-а, вы хотите что-то зарегистрировать? Ха-ха! Будьте любезны, миллиончик нам, да не один! Да не рублей!» Поэтому и регистрируют наши открытия в Америке: там не надо платить. Там вам платят! И потом вы годами получаете отчисления от использования. А потом наше «любимое» государство покупает открытие нашего же учёного за огромные деньги. Вот, что получается. Если бы люди, которые принимали эти решения, вдумались в это всё, какие решения они принимают... Я считаю, что это акция непродуманная, поспешная и это акция вообще негосударственного плана.

ВГ: Спасибо, понятно. В следующем (2014) году у вас очередная круглая дата, какие у вас личные творческие планы?

МТ: Творческие планы... Вы знаете, я живу по принципу, который выработал, кстати говоря, именно в Китае: жить, как будто живёшь сегодня последний день. Поэтому всё, что можешь сделать, ты должен сделать. Этому принципу я научился у наших немецких друзей: «Должное должно быть сделано». Я всё время говорю об этом своим коллегам в институте, и не просто стараюсь убедить, а требую от них. И поскольку я все ещё пользуюсь определённым доверием, вот они стараются делать должное, работать. Я очень горжусь нашим коллективом, своими коллегами... Вот когда всё это началось [с Академией], я издал приказ «Ещё не вечер». Так и назвал приказ! Работать, работать, работать. По ранее принятым планам. Вот это моя обязанность как руководителя. Работайте! Я очень рад, что, когда выезжаю в командировку, там сидят и работают. Приезжаешь, и все задания, которые даны, все они лежат на столе. Для меня очень важна эта чёткость в работе людей: за те двадцать девять лет, которые я руковожу ИДВ, и в тех трудных условиях, в которых мы работаем, мы создали такую базу для Института, что коллектив может работать без понукания. Сказано, что это надо, и раз сказал, значит, знает – это надо. И мне не приходится никому давать долгих разъяснений. Приглашаем, говорим, что есть необходимость подготовить такой-то доклад. Нам никто не сказал, что президент едет [в Китай], надо такие-то планы: мы сами знаем, что президент едет, и как учёные считаем, что нужно, с нашей точки зрения, сделать. Действуем инициативно, без всяких там заказов, требований. Мы пишем письмо высшему руководству, что надо, с нашей точки зрения, сделать то-то и то-то. И получаем благодарность: спасибо.

ВГ: И последний вопрос: что бы вы пожелали, какое напутствие дали молодым китаеведам, которые работают сегодня и будут работать завтра?

МТ: Вы знаете, самая большая трудность, которую сейчас переживает наше китаеведение, – это, конечно, недостаток молодого и среднего слоя учёных, специалистов, особенно молодых. Связано это с тем, что сейчас осталась небольшая группа научной молодёжи, которая работает по высшему духовному призванию. Это энтузиасты. Поэтому я и говорю, что у нас армия китаеведов небольшая: нас всего работающих в этой науке по России немногим больше трёхсот человек, и это армия энтузиастов. Волонтёров, работающих за гроши. Во-лон-тё-ры! Им можно разве что пожелать здоровья! Но, вы знаете, это такие люди... У них такая работа и такое отношение! Если человеку удаётся утвердить у себя такое отношение и найти для себя место в этом отряде, то это люди, которые оставят о себе память. Они действительно оставят след в истории, в науке. Дело в том, что у них будет внутреннее очень высокое самосознание, очень высокая нравственная самооценка, что они выполнили научный ДОЛГ. И призвание, которое им даётся свыше, они реализовали, несмотря на все трудно-

сти. Они могли уйти в бизнес. Возможно, они там достигли бы каких-нибудь успехов, но они бы не реализовали себя, своё призвание, которое у них оформилось, может быть, в юношеские годы. Если же ты реализовал его, несмотря на все трудности, это, понимаете, другое интеллектуальное самосознание. Интеллектуальное, духовное, нравственное, если хотите, жизненное. ... Китаист в этом смысле особый человек. Огромная масса информации, на которую он опирается, в которой он работает, в этом океане информации и материалов китайской культуры и цивилизации, всей проблематики Китая, – всё это его возносит на очень высокий интеллектуальный уровень. Хотя его личные достижения временно могут быть небольшими. Но он является частицей важного здания. Поэтому я считаю, что быть китаистом – это непросто, потому что этому надо будет отдать всю свою жизнь: быть китаистом наполовину нельзя и заниматься китайским языком между делом тоже нельзя. Или ты есть, или тебя нет. Или ты китаист, или ты – около того. Но это не каста, а это именно группа волонтёров. Людей, которые, говоря возвышенным языком (что вполне уместно здесь, на мой взгляд), создают ноосферу взаимопонимания между двумя великими народами.

ВГ: Это очень обнадёживающие, хорошие слова! Вы выдержали почти четырёхчасовой марафон с интервью, и мы видим, что сил у вас очень много! Хотим пожелать вам ещё большего доброго здравия, и спасибо вам большое!

МТ: Пожалуйста!

ВГ: Спасибо за прекрасные воспоминания, которыми вы с нами поделились!

МТ: Спасибо и вам, вы проделали такую большую дорогу. И эта давняя встреча в поезде...

ВГ: Она всколыхнула воспоминания?

МТ: Не совсем. Дело в том, что у меня родился сын там. Я там женился, в Китае, потом, через 24 года по китайскому календарю[247], по нашему через 23, туда едет мой сын. У нас возникла такая китаеведческая семья, династия. Он едет в Китай на стажировку с женой. Женился он, правда, в Москве, и у него там рождается дочь. В той самой больнице, где родился он сам, и в той же самой палате, где он родился.

ВГ: Это потрясающе!

МТ: Представляете?! Это, конечно, очень трогательный момент... Так что у меня сейчас сын-китаист, внучка-китаист. Думаю, и правнуки будут. Надеюсь. Китай взял меня в полный духовный плен, и выстоять порой бывало очень непросто, приходилось всякие нападки терпеть.

[247] С древних времён в Китае возраст человека исчисляли с момента зачатия.

ВГ: Вам помогла закалка, полученная в китайских «народных коммунах»! Не зря всё-таки учёных посылали на перевоспитание. Закаляли дух! Воспитание мотыгой – это сильно!

МТ: Конечно, закалка мне помогла сильно.

ВГ: Ещё раз – спасибо вам большое! Теперь нашей работой будет перевести всё это в текст.

Продолжение интервью с М.Л. Титаренко (запись: В.Ц. Головачёв. Тайбэй, 5 ноября 2013 г.)

ВГ: Вы занимаетесь Китаем и китаеведением уже почти 60 лет. Если посмотреть назад, ретроспективно, какая научная тема кажется вам теперь самой главной и интересной?

МТ: Конечно, самая важная тема для меня – тема моей научной и практической деятельности – это история становления и развития добрососедских дружеских отношений между Россией и Китаем. И, если хотите, философия, методология и высшие духовные принципы этих отношений. Конечно, в четырёхвековой истории наших отношений бывало всякое – и хорошее, и плохое. Была, например, Российская духовная миссия в Пекине. Крупных войн, к счастью, не было, но военные столкновения местного масштаба тоже случались в разные периоды. Были конфликты. Но эти конфликты побуждали обе стороны делать некие повороты и признавать, что ты имеешь дело с серьёзным партнёром, с которым лучше не ссориться. Лучше наладить взаимопонимание и контакты, как сделал великий китайский император *Канси*, который сказал защитникам Албазина: «Вы не пленники мои, я вас беру в свою армию». Канси оценил их героизм, он дал им шанс[248]!.. Позднее были и другие расхождения, были столкновения на Даманском в марте 1969 года. Но потом те, кто осуществлял это мероприятие, они сказали руководству, что НОАК не может серьёзно противостоять советской армии, и это деморализует армию. И с этого начался конфликт Мао Цзэ-дуна с Линь Бяо... Изучая все эти отношения, я пришёл к выводу о том, что необходимо глубже уяснять основные исходные принципы китайской мудрости, китайской мысли. Нужно понять принципы, на которых строится китайское миропонимание, мироощущение, восприятие своей идентичности, места в мире, культуры, самого себя и смысла своего существования. Поэтому всё свободное время я всегда посвящаю изучению китайской философии, помимо, конечно, российско-китайских отношений. Опираясь на идеи Л.Н. Гумилёва и развивая их применительно к новым современным реалиям, освободив первоначальную концепцию ев-

[248] Имеется в виду захват войсками империи Цин в 1685 г. русской крепости Албазин.

разийства от различных антизападных или ещё каких-то фобий, я пришёл к переосмыслению принципов евразийства и сформулировал свои принципы «нового евразийства».

ВГ: Интересно узнать, что вы сами считаете своим высшим научным достижением? Может, как раз эти принципы «нового евразийства», или что-то другое? Или изучение неких базовых принципов китайской философии?

МТ: Я считаю, что осмысление методологии китайского мышления, китайской мудрости – вот, что нашло выражение в целой серии трудов по китайской философии, которые я переводил, исследовал, редактировал, создавал огромные авторские коллективы, воплощал свои идеи, делая их коллективным достоянием. В числе этих трудов, безусловно, и энциклопедический словарь «Китайская философия», и энциклопедия «Духовная культура Китая». А с точки зрения прогнозирования в политическом плане, считаю крупнейшим достижением совместную с Б.Н. Кузыком работу «Россия и Китай 2050 год: стратегии соразвития»[249]. Эта общая работа, в которой я был инициатором и главным автором, будет сохранять значимость долгие годы.

ВГ: Как лидеру целого института, большой научной организации, вам приходится держать руку на пульсе и постоянно контролировать очень многие темы. Фактически все темы, которыми занимаются ваши сотрудники. Но над какой научной темой работаете в данный момент вы сами?

МТ: В данный момент нужно сформулировать стратегию развития нашего китаеведения на ближайшие 10–15 лет. Над этой темой я сейчас и работаю.

ВГ: То есть нужно определить будущее нашего китаеведения?

МТ: Нужно определять курс. С одной стороны, по численности научных сотрудников наше китаеведение уступает американскому и английскому, хотя по охвату ключевых тем и по своим достижениям мы находимся на передовом мировом уровне. К нашему большому моральному удовлетворению, это признали и высшие руководители Китая – и Ху Цзинь-тао, и Цзян Цзэ-минь. А председатель Си Цзинь-пин даже счёл необходимым во время своего первого визита в Россию в качестве председателя КНР встретиться с делегацией российских китаеведов. В ходе встречи он очень высоко оценил работу наших учёных. С другой стороны, мы находимся в ситуации, когда каждому из небольшого отряда энтузиастов-подвижников, которые работают сейчас в китаеведении, приходится работать «за себя и за того парня», который не захотел нести это бремя, пошёл в бизнес, в какие-то другие дела и работает не по специальности. Работает там только

[249] *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия–2050: стратегия соразвития. М., 2006. 656 с.

потому, что получает бóльшую зарплату. Потому что низенькая, близкая к нищенской академическая зарплата, особенно для начинающих учёных, никак не стимулирует приток молодых научных кадров. Реальное положение сейчас таково, что, с одной стороны, наше китаеведение состоит из высшей научной элиты, куда входят один старейший «маршал» в лице Сергея Леонидовича Тихвинского, большое количество «генералов» и старших «офицеров». С другой стороны, мы имеем очень малое количество «солдат» и «младших офицеров». Я об этом уже неоднократно писал. Даже президенту РАН 10 лет назад написал письмо, которое заканчивалось словом: «SOS!»

ВГ: И что вы писали в этом письме, помимо SOS?

МТ: Писал, что необходимо принять срочные меры по пополнению молодыми кадрами нашего востоковедения, китаеведения и японоведения. Что индология и иранистика находятся на грани исчезновения школ. Что если не принять срочных мер по коренному изменению ситуации, по воспитанию интереса у молодёжи и стимулированию её в материальном плане, то наши востоковеды и наука, которая в течение многих лет была на лидирующем месте среди общественных наук и пользовалась высоким престижем в мире, она начнёт скатываться...

ВГ: Но SOS не был услышан, похоже?

МТ: Он был услышан, его (президента РАН) реакция была правильной... Но сверху эта реакция не получила должной поддержки! Были увеличены оклады, но это увеличение было более чем скромным... Понимаете, представители нашей правящей элиты, особенно те чиновники, которые непосредственно курируют распределение финансовых средств в науке и в нашем востоковедении, – они совсем не понимают, что заниматься востоковедением и «европейскими делами» это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Чтобы стать настоящим китаеведом, после окончания вуза, окончания аспирантуры или защиты кандидатской диссертации нужно ещё как минимум лет 10 «проникать» в страну! Потому что все восточные культуры – закрытые культуры, закрытые цивилизации. И нужно добиться доверия представителей элиты той страны, которой занимаешься, чтобы вас подпустили к корням этой культуры.

ВГ: Доверие народа тоже немаловажно!

МТ: Мне в этом смысле очень крупно повезло, потому что, как я уже рассказывал, в 1950-х годах я провёл 7 месяцев в китайской деревне, в гуще народной жизни, в трудных условиях. Это позволило мне понять «национальный характер» Китая. Увидеть какие-то внутренние пружины, которые определяют отношения между верхами и низами. И это мне кажется очень важным! Конечно, прежде всего надо было полностью посвятить себя овладению языком, учить иероглифы, «перерабатывать руду» как бы...

ВГ: Вы перерабатывали эту «руду» в самых разных организациях и учреждениях. Что это были за учреждения? И если вернуться в вашу молодость, когда вы тоже были простым «солдатом», и оттуда взглянуть «вверх»: какие ступеньки пришлось миновать в вашей профессиональной и личной карьере?

МТ: Так получилось, что в моей трудовой книжке всего 4 учреждения. Это Министерство иностранных дел – работа в генконсульстве Шанхая и в посольстве СССР в Пекине. Затем отдел ЦК КПСС, где я 20 лет проработал референтом-консультантом по Китаю и проблемам безопасности в Восточной Азии. Затем меня бросили на «провальный», как тогда казалось, участок. Наш институт тогда надо было переориентировать на новые задачи, на поиск путей восстановления и развития советско-китайских отношений. Директор был болен. Короче говоря, в 1985 году меня направили директором Института Дальнего Востока. Не сразу меня принял коллектив. Но потом все дальнейшие разы, 4 раза, меня избирали практически единогласно. 3 раза – единогласно, и один раз – при одном воздержавшемся. Точнее, был просто испорчен один бюллетень.

ВГ: Крайняя запись у вас в трудовой книжке – Институт Дальнего Востока?

МТ: Да, пока так. И, наверно, она так и останется последней.

ВГ: Вы уже признавались, что на вашу жизнь и на ваше мышление оказали большое влияние восточная мудрость, восточные мудрецы. А какое влияние оказали на вас, как на специалиста, западные мудрецы и мыслители?

МТ: Я очень внимательно изучал западное китаеведение и западную философию. Собственно, мои подходы к китайской философии формировались в процессе глубокого сравнительного анализа методологии Гегеля, Фейербаха, французских мыслителей, в том числе их иллюзий в отношении Китая. Французские мыслители, например, в китайской системе государственных экзаменов видели образец преодоления бюрократизма и порядка выдвижения людей не по происхождению или знатности, а по способностям и таланту. Это было идеальное представление, которое, кстати говоря, распространяли и наши китаеведы. Повлияли на меня и более поздние выдающиеся мыслители на Западе, которые не были китаистами, как, например, *Макс Вебер*. Его методология помогала мне найти какие-то новые нюансы, которых нет в марксистской философии, нет в обычном сравнительно-историческом анализе. Социологизм, который внедрил Вебер, помогает восполнить эти недостатки... Его социологизм не только полезен, но и стал частью моих подходов к анализу современной китайской действительности. Без этого нельзя понять те процессы, которые сейчас происходят в Китае. Например, активное социальное, имущественное рас-

слоение и межнациональные различия. Методология Вебера даёт некоторые дополнительные возможности для правильного осмысления и выработки стратегии преодоления и снятия этих проблем. Вот что я хотел бы подчеркнуть.

ВГ: Я знаю, что вы часто бываете в Китае, поэтому не хочу спрашивать, где вы были в Китае. Мне кажется, легче спросить – где вы не были в Китае?

МТ: (смеётся) Это действительно так. Я почти уже 60 лет занимаюсь Китаем, из них примерно 12–15 лет провёл в Китае. Почти 9 лет – это время непрерывного пребывания в Китае, с начала 1957 года по 1965 год. Потом тоже не было и года, когда бы я не был там хотя бы один раз. Даже в годы «культурной революции» я один раз в год обязательно приезжал в Китай в качестве гостя посла, полномочного представителя нашего в посольстве, либо советника посланника. Я обязательно приезжал в Китай при всех послах, которые у нас там были. Знакомился, пытался даже ездить по стране. И должен сказать, что даже в те годы наши официальные китайские партнёры, хоть и со скрипом, но всё-таки разрешали мне ездить в Сиань, Яньань, Гуанчжоу, Шанхай, Ухань, Сучжоу...

ВГ: Но хоть куда-нибудь они запрещали вам ездить? Или, быть может, вы сами не доехали куда-то?

МТ: Нет, вы знаете, я даже вспомнить не могу.

ВГ: В Синьцзяне, например, вы бывали?

МТ: Ну, я тогда и не просился в Синьцзян, честно вам скажу.

ВГ: А вообще, бывали ли вы там?

МТ: Бывал, конечно. Я дважды бывал в Синьцзяне. Не был только в Тибете, не был в Нинсяхуэйском автономном районе, в некоторых провинциальных городах...

ВГ: Не могли бы вы хотя бы просто назвать имена тех людей, той «гвардии» советских китаеведов, с которыми вам довелось работать в разное время?

МТ: Вы знаете, это большой «иконостас», которым я искренне восхищаюсь, потому что это были действительно выдающиеся люди, отдавшие все свои интеллектуальные и физические силы служению науке, служению китаеведению, укреплению взаимопонимания с Китаем и снятию всяких недоразумений, предубеждений. В числе эти людей были и наши крупные китаеведы и некитаеведы, например Делюсин, *Бовин, Шахназаров*... Они иногда писали в советские газеты очерки и статьи с критикой маоизма, но при этом подразумевали те негативные аспекты нашей советской действительности, которые считали необходимым исправить или устранить.

ВГ: То есть это как удар рикошетом в бильярде – целишь и посылаешь шар в одну сторону, а попадаешь в другую.

МТ: Да-да, совершенно правильно. В общем, среди моих выдающихся учителей и коллег-китаеведов, с которыми я сталкивался по работе, должен прежде всего назвать Сергея Леонидовича Тихвинского, Петра Емельяновича Скачкова, Ян Хиншуна, *Рудольфа Всеволодовича Вяткина,* Михаила Филипповича Юрьева, Михаила Иосифовича Сладковского, Льва Петровича Делюсина, *Олега Борисовича Рахманина*, Владимира Алексеевича Кривцова. Последний сделал очень много для моей деловой и научной карьеры. Борис Львович Рифтин, с которым мы вместе работали над энциклопедией «Духовная культура Китая». Не буду говорить о тех или иных личных недостатках своих коллег, но хочу упомянуть таких, безусловно, выдающихся учёных, как *Позднеева Л.П., Юрьев М.Ф., Глунин В.И., Григорьев А.М., Яковлев А.Г., Феоктистов В.Ф., Сенин Н.Г., Ян Хиншун, Буров В.Г., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е., Островский А.В., Портяков В.Я.* Среди старшего поколения, моих ровесников, я хотел бы, безусловно, упомянуть и таких выдающихся учёных, как *Вадим Иванович Шабалин*, который был пионером исследования китайской национальной буржуазии, китайского национального капитала. Как *Георгий Александрович Ганшин*, изучавший проблемы гражданского общества и политические процессы в самом Китае. Конечно, примером научного подвижничества для меня и для многих китаеведов старшего поколения (надеюсь, и младшее поколение возьмёт в качестве образца его светлый образ) был Рудольф Всеволодович Вяткин, который посвятил последние десятилетия своей жизни сложнейшему, тяжелейшему труду – переводу «Исторических записок» Сыма Цяня[250]. Он эту работу почти завершил, но издать всё не успел... Среди моих партнёров по работе, с которыми было приятно работать и находить полное взаимопонимание, были и такие замечательные люди, как Александр Михайлович Решетов из Питера, Борис Трофимович Кулик, бывший работник Коминтерна *Е.Ф. Ковалёв*, который на первом этапе делал очень многое для развития и становления советско-китайских отношений. Моим другом и партнёром в научных исследованиях стал *Леонард Сергеевич Переломов*, который даже был редактором моей первой книжки о Мо-цзы. Конечно, для меня очень приятны были контакты с *В.В. Малявиным*. Это исключительно талантливый китаевед с очень широким кругом интересов. Первоначально у меня были далеко идущие планы сотрудничества с ним. К сожалению, мы потом тихо разошлись, как говорится, в разные стороны... Он увлёкся другим и стал вольным казаком, уехал на Тайвань.

ВГ: С кем из зарубежных синологов доводилось сотрудничать?

[250] *Сыма Цянь*. Ши цзи («Исторические записки») / пер. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина, А.М. Карапетьянца и др. Т. 1–9. М., 1972–2010.

МТ: За прошедшие 60 лет моей карьеры востоковеда-китаеведа мне посчастливилось встречаться, сотрудничать, участвовать в совместных проектах со многими выдающимися коллегами-востоковедами, китаистами. Их перечень занял бы немало места. В те годы, когда связи с китайскими коллегами были исключены, а это с 1965 по 1985 годы, я активно взаимодействовал и сотрудничал со многими синологами восточноевропейских стран, Франции, Восточной и Западной Германии, США, Японии, Индии, позднее Вьетнама и Кубы. Среди них я тепло вспоминаю контакты с польскими политологами докторами З. Закшевским, С. Бурским, видного французского коллегу проф. *Марианну Бастид-Брюгьер*, учёными из ГДР доктором Брино Маловым, профессорами *Х. Петерсом, Р. Фельбером*, *А. Крюгером*. В конце 1960-х годов меня познакомили с легендарной личностью в истории китайской революции 1930-х годов – *Отто Брауном*, известным также под китайским псевдонимом Ли Дэ. Беседы с ним, а затем знакомство с его воспоминаниями о контактах практически со всеми лидерами КПК и советских районов Китая чрезвычайно обогатили меня и позволили по-новому взглянуть на ряд важных событий в истории КПК 30-х годов XX века. Очень поучительными для меня были многократные встречи со знаменитым профессором университета в Беркли *Робертом Скалапино*. Я посещал его в Университете, и мы до его кончины обменивались «краткими самоотчётами» о работе... После прихода в Институт (ИДВ) мне удалось установить весьма содержательные и значимые по своим практическим последствиям связи с Центром контроля стратегических вооружений Стэнфордского университета, который возглавлял тогда замечательный синолог проф. Дж. Льюис. Он оказался глубоким знатоком Китая и стран Восточной Азии, особенно военно-политических проблем этого региона, включая ситуацию на Корейском полуострове. Вместе с его выдающимися коллегами – проф. Дж. Гудби, проф. Холэвэем, проф. Блэйкером, даже с участием Уильяма Перри, который впоследствии стал министром обороны США, мы в течение нескольких лет вели углублённый диалог по проблемам ситуации на Корейском полуострове и стратегическим аспектам положения в СВА. После распада СССР эти контакты, к сожалению, затухли... На конференции в Токийском университете в 1978 году я познакомился и потом поддерживал в течение ряда лет научные контакты с видным японским политическим деятелем и учёным проф. Суецугу. В те же годы у меня сложились добрые отношения с видным японским синологом-историком проф. Ямада... В 1986 году, во время научной конференции ректоров университетов и директоров институтов стран АТР, инициатором которых выступал проф. С. Мацумаэ, он познакомил меня с ректором Ханьянского университета в Сеуле проф. Люн Чжун Кимом и видным южнокорейским синологом профессором того же университета и одновременно руководителем Института Китая и России при Ханьянском уни-

верситете Ю Сэ Хи. Это знакомство положило начало нашим совместным усилиям по установлению дипотношений между СССР и РК, что и произошло в 1990 году, а также продолжающемуся по сей день плодотворному дружескому сотрудничеству ИДВ РАН с учёными Ханьянского университета, ныне возглавляемого сыном покойного Люн Чжун Кима – проф. Чон Ян Кимом. В ходе сотрудничества с Университетом Дж. Вашингтона я познакомился с рядом южнокорейских учёных, включая проф. Янг Кима, Чан Ен Бана. Тогда же мне пришлось активно сотрудничать с выдающимся учёным и общественным деятелем Японии президентом Токайского университета проф. Сигуёси Мацумаэ, который одновременно возглавлял тогда Общество Япония–СССР. Из выдающихся зарубежных китаеведов, конечно, для меня очень интересна была работа с профессором Свободного Берлинского университета Го Хэн-юем и профессором М. Лейтнер, с которыми мы осуществили исторический прорывной проект – издание секретных документов Коминтерна, которые были совершенно секретными. Российской стороне удалось их рассекретить и научно обработать. И потом, при материальной и творческой поддержке этих наших друзей, издать 7 томов документов, которые окрасили жизненными цветами многие «белые страницы» новейшей истории Китая. Большую помощь в работе по дешифровке многих документов на немецком и китайском языках оказал нам проф. Роланд Фельбер... Конечно, стоит сказать о таком учёном, как польский китаист *Р. Славински*. Хочу вспомнить добрым словом выдающегося французского китаеведа Марианну Бастид, от которой мы получали мудрые советы... В 2000 году ИДВ РАН выступил инициатором проведения регулярных встреч учёных и экспертов-дипломатов России, Индии и Китая. Наши коллеги из Китая и Индии поддержали этот проект. Так возникла новая диалоговая структура РИК, ныне приобретшая три ступени – научно-экспертные встречи на уровне министров 3-х стран и встречи РИК на высшем уровне. Эта платформа стала также толчком для возникновения диалоговой структуры сначала БРИК, а затем и БРИКС. Мои контакты с китайскими и индийскими коллегами и ныне носят очень содержательный характер. Регулярные встречи с китайскими коллегами, с проф. Цюй Синель, Цзи Чжи-е, а также индийскими учёными, проф. А. Ачария, проф. В. Кханна, проф. Дешпанди, очень обогащают нас новыми знаниями и подходами.

ВГ: Скажите, а *Илья Михайлович Ошанин* присутствует в вашем списке?

МТ: Да, безусловно. Он присутствует в моём списке как учитель и коллега.

ВГ: Какую роль он сыграл в вашей жизни?

МТ: Когда я пришёл на работу в отдел ЦК, вскоре одним из первых моих визитёров из среды учёных-коллег был как раз Илья Михайлович Ошанин. Он работал над Большим китайско-русским словарём. Этот фундаментальный четырёхтомный труд был завершён в конце 1970-х годов, а в 1984 году получил Государственную премию[251]. Ошанин пришёл ко мне, как говорится, «со слезницей». Из-за недостатка кадров работа над словарём шла трудно. По его словам, руководство Института востоковедения (*Б.Г. Гафуров*) не помогает, так как не совсем понимает значение этой работы, которую начал ещё великий китаевед, академик *Василий Михайлович Алексеев*. После нашей беседы я доложил о возникших трудностях, а руководство сообщило Гафурову, что подготовка словаря рассматривается как очень важное государственное дело. Более того, была дана команда, чтобы Илья Михайлович передал часть росписей словарных карточек для обработки сотрудникам Института Дальнего Востока. И они помогали в работе над карточками и над формированием словарного запаса словаря. Вообще, он обладал очень богатым опытом и, конечно, имел глубочайшие знания китайского языка. Так что с Ильёй Михайловичем у меня были очень добрые и самые тесные отношения до самых последних дней его жизни.

ВГ: Сегодня ко мне подошла одна польская коллега, китаевед и лингвист, которая сказала, что, по её мнению, словарь Ошанина – самый лучший в мире из подобных словарей. При этом она задала интересный вопрос о том, продолжается ли работа над этим словарем?

МТ: К сожалению, нет. Хочу сказать, что это одна из серьёзнейших проблем, которую необходимо решать в ближайшие годы – именно в ближайшие годы! – в срочном порядке, в качестве важнейшей академической, китаеведческой программы. По распределению обязанностей это дело числится за Институтом востоковедения, так как почти все языковеды сосредоточены в Институте востоковедения. Но это громко сказано – сосредоточены. Их там, по-моему, по пальцам можно пересчитать. В общем, я уверен, что нам надо просто встретиться с нашим уважаемым коллегой *В.В. Наумкиным*[252]. Наш институт готов подключиться к этой работе, потому что есть такая необходимость. Ведь современный китайский язык меняется буквально на глазах. Появляется огромное количество новых слов и терминов, которые не отражены ни в каких, даже в китайских словарях, изданных несколько лет назад. Поэтому составление словаря очень актуально!.. Ещё я уже говорил, что для понимания китайской действительности необходимо знать «шифр» китайских документов. Потому что для нас является необычной логика составления и выражения многих решений, мыслей и

[251] Четырехтомный «Большой китайско русский словарь» под редакцией И.М. Ошанина был издан в Москве в 1983–1984 гг. Более десятка его создателей удостоились Государственной премии СССР в 1986 г.

[252] В.В. Наумкин работал директором ИВ РАН с 2009 г. до 09.06.2015.

политических формул китайского руководства, которые выражаются различными «нумерологическими шарадами». И эти «шарады» тоже нужно включать в словарь. ... Например, что такое «5 хорошо»? Что такое «8 прекрасных» и «8 отрицательных»? Это формула товарища Ху Цзинь-тао. А что такое «5 направлений» или «4 принципа»? И этих «нумерологических» загадок – их огромное количество! Меня как специалиста, как друга Китая и председателя Общества дружбы в известной мере заботит и беспокоит этот язык. Складывается впечатление – я буду рад, если ошибаюсь – что у высшей элиты или у определённого слоя китайских кадровых работников формируется свой собственный язык, который простые люди, простые китайцы и рядовые кадровые работники не могут понять без справочников и специальных толкователей. Это тревожное явление. Если Китай говорит, что строит «социализм с китайской спецификой» – очень хорошо, дай Бог вам успеха! Но возьмите труды того же Мао Цзэ-дуна, труды того же Лю Шао-ци, возьмите выступления Чжоу Энь-лая, Ху Яо-бана, Дэн Сяо-пина. Читая их – вы их поймёте. Если там говорится про «4 хорошо», то тут же говорится, что это такое – «4 хорошо». Сейчас употребляется «4 хорошо», но никакой расшифровки не даётся. Считается, что все знают, что такое «3 важных принципа». Конечно, высшие кадровые работники, которые прошли партийную учёбу, знают про эти «3 важных принципа», сформулированные президентом Цзян Цзэ-минем. Но надо найти популярную форму, чтобы эти «нумерологические» построения излагались одновременно и языком, понятным для каждого простого читателя. В противном случае получается разрыв понимания между руководящим слоем среднего и высшего звена и низшими слоями населения. Это не есть хорошо, короче говоря.

ВГ: Понятно. Вы уже говорили, что написали книгу про будущее Китая до 2050 года. Это долгосрочный прогноз, учитывающий широкий спектр возможных вариаций. Рассматривается ли в рамках этого спектра вероятность перехода от современного «стратегического партнёрства» к, допустим, «стратегическому соперничеству»?

МТ: Хотел бы сказать, что эта книжка – результат коллективного труда. Я лишь один из главных «идеологов» этой книги, формировавший структуру и содержание прогнозов. Но в работе принимали участие и другие мои коллеги, поэтому это не чисто индивидуальная работа.

ВГ: Коллективный такой «мозговой штурм»?

МТ: Мозговой штурм. Завершать его мне пришлось вместе с Б.Н. Кузыком. В этой работе даётся научный прогноз, а также различные модели и варианты, которые могут возникнуть в развитии Китая, в случае возникновения различных ситуаций, проведения различной внутренней и внеш-

ней политики, с учётом экологических факторов, и т. д. Но в этом прогнозе везде присутствует «если». То есть он не абсолютный и не непререкаемый.

ВГ: То есть это вероятностный прогноз?

МТ: Он вероятностный, с очень высокой долей позитивности. Вместе с тем мы учитывали и возникшие в ходе политики реформ новые социальные явления, а именно – очень сильное социальное расслоение общества, имущественную дифференциацию, противоречия и различия между городом и деревней, между доминирующей нацией – ханьцами и другими «национальными меньшинствами», а также между центром и регионами в Китае. Эти уже упоминавшиеся мною «5 разрывов», которые создают угрозу подрыва стабильности. А стабильность – это гарантия развития. Перед китайским руководством стоит очень сложная задача – найти баланс взаимоотношений между поддержанием стабильности и введением различных инноваций, новых реформ. Сейчас возникла ситуация, когда стабильность, поддерживавшаяся последние 30 лет в ходе «реформ и открытости», уже себя практически исчерпывает, если не исчерпала уже, в плане содействия конструктивному развитию. И сейчас нужно найти новую форму, новую социальную, экономическую, духовную и экологическую базу для обеспечения дальнейшей стабильности. Как китаевед я считаю, что перед Китаем стоит очень трудная, но и очень почётная миссия. Это будет вкладом Китая в историю мирового социального прогресса – выработать собственную модель потребления, собственную модель экономических, духовных, нравственных ценностей и развития общества. Потому что сейчас они пока идут по пути подражания, копирования, реализуют «догоняющую» модель американского образца, модель западного потребительского общества. Но Китай – не Америка не только в том смысле, что Китай в 5 раз экономически отстаёт от США (в пересчёте на душу населения), и не только в том, что в Китае в 5 раз больше населения. Уровень политической, духовной и производственной культуры, а также материальные возможности общества в Китае и США тоже слишком различаются. Если при этом следовать модели потребительского общества, в основе которого лежат неограниченные индивидуальные потребности во всех формах социального бытия – личная машина, личный дом... всё личное, всё индивидуальное, то тогда всё это нужно тоже умножить на 5! Это создаст для Китая колоссальные потребности в астрономических объёмах всех природных ресурсов. А где их взять? Если собрать 1,3 миллиарда автомобилей, помноженные на два, то где их тогда поставить? Какое количество дорог нужно проложить, чтобы они могли разъехаться? И вообще, куда на них двигаться, даже если брать за основу американский эталон – по 2 машины на каждую семью?

ВГ: Сегодня мы все с удовлетворением отмечаем, что наши страны и народы уже преодолели «пропасти» вражды и «овраги» разногласий. Но всё-таки что, на ваш взгляд, пока ещё разделяет обе страны?

МТ: Я считаю, что самое большое достижение дипломатии и политики руководителей наших двух стран – это снятие тех политических противоречий, которые десятилетиями отравляли наши отношения. Это прежде всего снятие вопроса о некой взаимной угрозе и решение долго не решавшейся пограничной проблемы... Все эти вопросы сняты. Ни Китай России не угрожает, ни Россия Китаю не угрожает. В этом смысле даже предприняты «сверхмеры», которые с точки зрения разумности даже порой и не нужны. С точки зрения обычной жизненной безопасности, например, держать вооружённые силы на 500 км от границы, не угрожая никому, это...

ВГ: Также излишняя предосторожность?

МТ: Это излишняя предосторожность. Последним главным препятствием или сдерживающим фактором являются... разные уровни развития, разные уровни потребления, отсутствие взаимопонимания и доверия в плане экономической стратегии и использования фактора взаимодополняемости. Понимаете, это такая близорукость... Не знаю даже, какой тут лучше термин употребить. Нельзя искать выгоды лишь сегодняшнего, в лучшем случае завтрашнего дня, но не далее того.

ВГ: Это недальновидно?

МТ: Стремление получить немедленную выгоду мешает и той и другой стороне посмотреть на дальнюю перспективу, строить большие планы на развитие инфраструктуры Сибири, например. Возьмите БАМ и ТРАНССИБ. С одной стороны, БАМ почти не работает или работает с очень слабой нагрузкой в силу того, что до сих пор не доведён до нужных кондиций как современная железная дорога. А ТРАНССИБ, напротив, перегружен внутренними перевозками, некоторые его участки вообще до сих пор не модернизированы. Например, участок в районе Забайкальска остаётся в первобытном состоянии ещё с тех пор, когда его построил Витте, со времён Витте и Столыпина. Только сейчас там где-то наконец ведутся работы по его электрификации и модернизации. Но там надо проложить вторую колею. Ведь это же главная железнодорожная линия, по которой идёт транспортное и торгово-экономическое сообщение между Китаем и Россией. Все другие грузы идут через Африку и прибывают в Финляндию. Мы получаем товары из Китая через Финляндию и Балтийские порты. Сами понимаете, насколько это нецелесообразно и невыгодно...

ВГ: Нехватка современной инфраструктуры, конечно, разделяет нас.

МТ: Вот! Кроме того, у нас до сих пор не отлажена система осуществления финансовых расчётов в национальных валютах, в рублях и юанях,

а не в переводных швейцарских франках. Отладка всех этих механизмов финансово-экономического сотрудничества требует понимания того, что сегодняшние затраты обязательно дадут отдачу через какое-то время. И что нужно действовать не откладывая, прямо сейчас, и не бояться каких-то ошибок, просчётов и временных проблем. Всё это необходимо, других вариантов нет.

ВГ: Спасибо. Позвольте задать вам ещё пару личных вопросов. Сегодня, когда вы оглядываетесь на пройденный путь, на свою профессиональную карьеру, есть ли какие-то сожаления или даже разочарования по поводу того, что что-то очень хотелось, но не удалось сделать? Или что-то сделали, но не так? Есть ли какие-то такие моменты, о которых вы сожалеете задним числом?

МТ: Вы знаете, я как-то сразу так и не вспомню...

ВГ: Сегодня Сергей Дмитриев упомянул западного синолога, которому он сообщил о проекте «Китаеведение — устная история». В ответ французский коллега написал: «Познакомившись с вашим проектом, я сожалею о своих учителях, которые ушли из жизни незаписанными в таких интервью»...

МТ: Конечно, я тоже сожалею о чём-то. Больше всего сожалею, что мои юношеские надежды на очень благоприятное развитие советско-китайской дружбы начали развеиваться на рубеже 1960-х, а также о тех печальных событиях, которыми сопровождались наши отношения в период «культурной революции». Это главное. Я сожалею, что после распада СССР многие идеи, которые мы предлагали нашему высшему руководству по развитию Сибири и Дальнего Востока, по развитию международного сотрудничества с нашими соседями – Китаем, двумя Кореями, Японией, Вьетнамом, Индией – они так и не были услышаны. Они остаются ещё в значительной мере не услышанными и сейчас, потому что проекты программ развития составляются чиновниками. Часто создание этих программ поручают неким непрофессиональным «кооперативам» так называемых учёных, и даже «неучёных». А наука – и китаеведение, и экономическая наука, в том числе экономика развития регионов, часто остаются на обочине, сторонними наблюдателями или какими-то второстепенными соучастниками. При этом главные идеи, которые выдвигаются наукой, в том числе нашим институтом (например, в уже упомянутой работе «Россия и Китай – 2050 год: стратегия соразвития»), остаются неуслышанными. Они остаются неуслышанными и в высших эшелонах власти, и на уровне регионов, в том числе главами регионов, которые сосредоточили всё своё внимание, как я уже сказал, на решении каких-то сиюминутных

текущих проблем. Отсутствует стратегическое видение проблем... Меня очень огорчает и то, что многократное выдвижение В.В. Путиным идеи о необходимости обратить взгляды на Восток и понять, что Россия – это евроазиатская тихоокеанская держава, не получило должной поддержки ни представителей деловых кругов, ни правящих кругов в регионах. Он уже трижды повторил этот призыв. Уже став в третий раз президентом, в своих указах от 7 мая 2012 года Путин снова всё это озвучил. Но двигается это всё чрезвычайно медленно. Между тем проблема развития Сибири и Дальнего Востока – это ключевая проблема реализации идеи «нового евразийства». Меня такое инертное отношение общества, так называемой «элиты», конечно, расстраивает. К сожалению, качество нашей «элиты», которая образовалась после распада СССР, вызывает порой большие сожаления. Потрясающий непрофессионализм многих руководящих лиц вызывает, конечно, глубокое сожаление. Порой просто руки опускаются, хочется куда-то бежать в тайгу...

ВГ: Боюсь, тайга нас не спасёт. Но и у вас, выходит, тоже бывают отшельнические настроения.

МТ: Когда общество и дух не находят здорового проявления в делах людей, то отсюда и появляются отшельники, потому что им уже просто тяжело смотреть на все эти безобразия. Честно вам скажу, хочется взять книжки Мо-цзы, уехать и стать отшельником. Иногда приходят такие мысли.

ВГ: Эти мысли только сейчас приходят или раньше тоже приходили?

МТ: Они и раньше приходили. Но в последнее время всё чаще приходят, когда видишь, как слова расходятся с делом.

ВГ: Очень порадовало, что вы хотели бы встретиться с директором Института востоковедения В.В. Наумкиным и обсудить какие-то возможные совместные проекты. Они, конечно, уже были, есть и будут вестись. Но, наверно, стоит ещё больше усилить это взаимодействие!

МТ: Каждый должен заниматься своим делом. Институт Дальнего Востока был создан для разработки и изучения современных проблем развития наших отношений, прогнозирования наших отношений и т. д. Пожалуйста, мы готовы и сотрудничать, и соперничать, если хотите. Кто лучше сформулирует – пожалуйста! Но надо исходить из реальных возможностей. При том скудном кадровом резерве, который у нас есть, нам нельзя разбрасываться. Нам нужно сосредоточиться каждому на своём. Повторять, просто механически дублировать друг друга, заниматься одним и

тем же и там, и там при нехватке кадров всё же нет смысла... когда много кадров, тогда этим можно заниматься.

ВГ: Ну, речь идёт не о том, чтобы просто дублировать, а о том, чтобы творчески сотрудничать, дополняя друг друга.

МТ: Я именно так считаю! Вот, в изучении истории у нас есть какие-то свои подходы, и мы готовы с вами сотрудничать. Когда мы составляли энциклопедию «Духовная культура Китая», мы пригласили от вас всех, кого можно было к этому делу привлечь.

ВГ: Отлично!

МТ: Так было и когда составлялся четырёхтомный Большой словарь Ошанина. Вот и сейчас стоит острая необходимость подготовки нового издания Большого словаря. Здесь, конечно, должны принять главное участие ваши языковеды. Один языковед есть и у нас – это *О.И. Завьялова*, которая написала и издала в Год китайского языка в России блестящую книжку «Большой мир китайского языка»[253]. Она и другие товарищи из Центра цивилизационных исследований нашего института, конечно, могут принять участие, наряду с вашими. Но я считаю, что эту работу, безусловно, должен возглавить ваш институт.

ВГ: А если не возглавит?

МТ: Если вы не сможете это сделать, то тогда придётся нам браться за эту работу. Но я ещё раз говорю, что в одиночку мы это сделать тоже не можем! Ещё раз подчёркиваю, что вопрос о Словаре – это вопрос будущего нашего китаеведения и развития нашего понимания. Сейчас вот надо переводить литературу, надо подготовить отряд переводчиков – потому что у нас нет переводчиков. Пальцев одной руки хватит, чтобы перечислить тех переводчиков, которые способны давать синхронный перевод. Вы согласны со мной?

ВГ: Согласен! Пальцев двух рук, пожалуй, хватит.

МТ: Ну, вот! Разве это нормально? Сейчас поставлена задача – китайцы не знают нашу литературу. Они знают Федина, знают Фадеева, они знают Николая Островского – «Как закалялась сталь». Они знают Фурманова, Некрасова, Пушкина, Чернышевского и т. д. А кто из современных российских писателей известен в Китае? Я не говорю про писателей специфического направления. Но китайцы в целом не знают нашу современную литературу. Точно так же и мы очень плохо знаем китайскую литературу. Из современных – кого мы знаем? Разве что Ван Мэна, Фэн Цзи-цая и лауреата Нобелевской премии Мо Яня. Мы знаем целый ряд

[253] *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М., 2010; 2-е изд. М., 2014. 320 с.

классических романов: «Речные заводи», «Троецарствие», «Сон в красном тереме», сочинения Лу Синя, Ба Цзиня, Лао Шэ, Го Мо-жо, Ай Цина, Чжао Шу-ли[254], и других классиков. А где современная литература? Где современное искусство? Где современная музыка? Где обмены концертами? Где это всё? Даже когда приезжает первоклассный коллектив, мы не можем собрать для него достойную аудиторию. Не так давно Общество российско-китайской дружбы и я, как его председатель, помогали нашим китайским друзьям в организации Дня культуры провинции Цзилинь. Они прислали прекрасные творческие коллективы – потрясающие коллективы первоклассного, мирового уровня. Нам же приходилось убеждать и доказывать, что это будет интересно, что будет прекрасный концерт. Потому что люди просто не знают, что можно ожидать. Потом эти самые люди, которых мне приходилось по часу уговаривать, подходили говорили: «Михаил Леонтьевич, спасибо! Я действительно даже представить не мог, что будет такой симфонический оркестр в какой-то провинции Цзилинь!» Вот, и такое незнание есть, к сожалению....

ВГ: Как вы видите наши будущие отношения с Китаем? Какие можно выразить пожелания?

МТ: Про наши будущие отношения я бы хотел сказать, что вижу здесь светлые перспективы, но путь будет извилистый. Политических проблем теперь нет, но они могут возникнуть, если мы не проявим понимания и дальновидности в оценке путей развития отношений между нашими странами и иных поворотов событий в каждой из наших стран. Я считаю, что нам нужно выработать стратегию соразвития. Равноправного, взаимовыгодного, взаимовыигрышного соразвития, дружбы без панибратства, без какого-либо заискивания, без всяких поддавков.

ВГ: И без похлопываний по плечу.

МТ: Без похлопывания по плечу. Нужно понять, что в лице Китая мы имеем дело с великой новой, становящейся, очень гордой, очень богатой традицией, с очень глубоким самосознанием своей культурной идентичности нацией. Нужно найти глубинные темы для сотрудничества в экономике, культуре, международных отношениях. Нужно выработать стратегию взаимной адаптации и учёта, я бы сказал, бережного отношения к интересам друг друга. Если хотите, нужно быть очень внимательным даже к «любимым игрушкам» друг друга. И стараться избегать наступать на «любимые мозоли». Это и есть союзничество без панибратства.

ВГ: Я бы сказал – не нисходить до дружбы, а восходить к ней.

---

[254] Имена знаменитых китайских писателей, поэтов и учёных XX в.

МТ: Да. Теперь нужно понять, что наши современные и будущие отношения – уже не отношения «старшего и младшего брата». Кстати, не мы, не СССР предложил Китаю модель «старшего-младшего брата». Это китайские товарищи предложили. Первоначально и Сталин, и даже Хрущёв сопротивлялись этому подходу. Конечно, Россия сегодня – это уже не Советский Союз, не сверхдержава. Хотя Россия – глобальная великая держава с богатым историческим наследием, великой культурой и великими народами, однако это не сверхдержава. Поэтому нам нужно определять сферу своей глобальной ответственности своими же новыми реальными возможностями. Ни мы, ни наши китайские друзья не должны ожидать, что Россия должна в чём-то быть зачинщиком или повторять Советский Союз. Мы не можем его повторять. Конечно, распределение ролей возможно. Но каждый должен действовать в соответствии со своими реальными возможностями и не переоценивать их. В целом у российско-китайских отношений большое будущее. Это не конфронтационные отношения. Это партнёрские отношения, построенные на учёте и глубоком понимании интересов друг друга. Будучи не союзниками, а именно партнёрами, стратегическими партнёрами, мы должны налаживать глубочайшее взаимопонимание и взаимное доверие. При этом созданная между Россией и Китаем многослойная многоступенчатая система политических консультаций, начиная от уровня глав государств, глав правительств и так далее, должна быть дополнена не менее эффективной системой народной дипломатии. В этой системе значительную роль должны играть научные сообщества, общества дружбы, частные контакты на уровне различных слоёв общества. В заключение хочу подчеркнуть, что российско-китайское сотрудничество, взаимодействие, стратегическое партнёрство являются гарантией территориальной целостности и безопасности обеих сторон. Они служат благоприятным фактором взаимного духовного, культурного и экономического обогащения, а также важным фактором развития каждой из наших стран и наших народов.

ВГ: Это замечательные слова! Позвольте поблагодарить вас за интервью, которое длилось больше 5 часов, и пожелать вам крепкого здоровья!

МТ: Спасибо!

Окончание интервью с М.Л. Титаренко (запись: А.В. Виноградов. Москва, 2 апреля 2015 г.)

АВ: Каковы ваши первые впечатления от встречи с Китаем, который вы до этого много лет изучали заочно?

МТ: Впечатлений было много. Моё первое впечатление было, что я приехал к очень близким друзьям, которые любят нашу страну. Я это почувствовал по улыбкам, объятиям, приветствиям, по желанию помочь. Причём делалось это с достоинством — не услужить, а именно помочь. Это было везде, начиная со столовой и заканчивая учёбой, решением элементарных бытовых вопросов. Второе, что бросалось в глаза — это страна великой культуры, в которой есть и самое простое, очень скромное и бедное. Сочетание неповторимой величественности, кажущейся нам экзотикой, и простоты. Изысканность культуры (дворцы, стены, храмы, парки) и очень обыденная скромная жизнь. И люди признают этот факт и чувствуют себя комфортно. Вот эти два впечатления остались у меня до сих пор как самые яркие. Поэтому когда наши отношения начали портиться, я неизменно говорил и говорю: «Это зигзаг». Исторически сложилось так, что в нынешних условиях, в нынешней ситуации мы идём в одной упряжке, мы можем меняться местами, но телегу мы везём одну, бремя мы несём одно. Мы были впереди, они были сзади, теперь они впереди, мы рядом.

АВ: Вы много лет жили, учились и работали в КНР. Упрочило ли это ощущение внутренней связи с Китаем? Как сложилась ваша дальнейшая профессиональная судьба?

МТ: Моя первая общность с Китаем возникла в ранней юности. Я был вовлечён в патриотический подъём, покорён революционной романтикой, высокой мечтой, господствовавшей среди советской молодёжи в годы войны и несколько лет после неё. Она перекликалась с революционной романтикой Китая. Это мне было одинаково близко, я восхищался этим героизмом.

Когда создавались «народные коммуны», я поначалу тоже разделял всеобщий восторг и энтузиазм китайцев, спрашивал себя, почему мы так медленно идём. Ведь это в ответ на китайские упрёки в том, что СССР «ползёт» к социализму, наши лидеры придумали сначала программу построения коммунизма к 1980 г., а потом «зрелый социализм» и т. д. Толчок этим изыскам дал Китай. Документы XXI и XXII съездов об ускоренном строительстве коммунизма были спровоцированы Мао Цзэ-дуном. Мы построим коммунизм к 1980-м годам, заявил тогда Хрущёв. Это был ответ на «Большой скачок», «народные коммуны» и обвинения, что СССР «плетётся к коммунизму». В этом смысле леваческие идеи Мао оказали негативное влияние на политику советского руководства и всего социали-

стического лагеря. Политика стала обгонять реальные возможности страны, ставились задачи, для решения которых страна не имела материальных ресурсов.

Дальнейшее моё «хождение в Китай» было связано с поисками понимания, почему в Китае происходят те или иные события, почему китайцы так поступают, как соотнести китайскую культуру и политику с нашей культурой и политикой... Я стал востребованным человеком как специалист по изучению идей Мао, по связям современной идеологии с традиционной. В марте 1962 г. я по своей инициативе написал длинную записку о том, каковы истоки идей Мао Цзэ-дуна и как в Китае трактуют соотношение этих идей с марксизмом. Это было моё личное понимание. Моя записка носила объективный характер. Её смысл был в том, что в Китае происходит преломление марксизма к его объективным потребностям, к его культуре и образу мышления; идёт поиск ответов на вопросы, на которые в условиях китайской практики и реалий марксизм ответов не давал. Главная идея состояла в том, чтобы понять специфику страны и уровень её развития, понять, что существующие отклонения не диктуются злой волей кого-то, а диктуются самой жизнью.

В.А. Кривцов прочёл мою записку и отправил её в Пекин послу. Как мне сказали, потом *С.В. Червоненко* мою записку всю исчертил. Приказал перепечатать посольским шрифтом и отправил с сопроводительным письмом лично *Ю.В. Андропову.* Потом в архиве мне её показали, она также была изрисована синим карандашом, вопросами, подчёркиваниями, замечаниями: «Откуда это взято?» и т. д.

АВ: Выходит, за 3 года вы отошли от первоначального романтизма и смогли взглянуть на ситуацию по-иному. Что повлияло на изменение ваших взглядов за 3 года?

МТ: Конечно, я видел ту трагедию, которую переживал Китай. Под окнами нашего Генконсульства в Шанхае останавливались джонки голодных людей. Я возвращался из города, испытывая большое потрясение от вида голодающих и нищих...

Одна из причин трагедии, которая потом произошла в советско-китайских отношениях в 1960–1970-е гг., связана несовпадением двух мировоззрений, формировавшихся под влиянием разных уровней развития, непониманием лидерами двух стран той, казалось бы, простой истины, что нельзя построить социализм на отсталой экономической и культурной базе.

Заслуга *Дэн Сяо-пина* в том, что он осознал, что в ходе «большого скачка» и «культурной революции» невозможно построить бедный социализм. Он заявил: «Китай находится на самой низшей стадии создания социализма». Этого понимания тогда не было. И у нас, и у них было другое, что,

дескать, можно построить социализм, минуя стадию капитализма. Так появилась «теория» некапиталистического пути развития, который якобы приведёт к социализму. Экономика, социально-экономические реалии подменялись идеологическими формулами. И получилось так, что говорили «марксизм», «ленинизм», «диалектический материализм», а на самом деле получился самый настоящий субъективный идеализм и волюнтаризм. Идеологические формулы оказывались первичными, а экономика подгонялась под них. Они критиковали Хрущёва, хотя делали то же самое.

Так начали строить «социализм» в средневековом Афганистане, в Анголе, Эфиопии и т. д. У классиков давно было сказано, что социализм — высшая стадия развития общества, когда развитие материальных сил, науки, культуры отвечает высшим критериям, создано изобилие материальных и духовных ценностей. А китайские крестьяне были вынуждены жить на подножном корму, на 60 юаней в год. Успехи первого десятилетия вскружили голову Мао Цзэ-дуну. Он объявил: «Много людей, много сил» 人多, 力量大 — используя простую физическую силу можно совершать чудеса. Поэтому в философии появился лозунг *сян дэ дао, цзо дэ дао* — «если возникла идея, её можно реализовать». Ведь материя первична, сознание вторично. Если подумал, значит, материя дала сигнал. «Ты просто не готов это сделать, но ты должен быть готов». «Много, быстро, хорошо и экономно» — *до, куай, хао, шэн* — это философия действия. Это было желанием и мечтой вырваться из многовековой нищеты и отсталости в стране с древнейшей культурой, которая ещё два века назад была первой в мире. В глазах китайцев это не просто история, это сегодняшний день. История актуальна, и она давит, даёт прецедент и толчок. Как так получилось, что Китай отстал и стал полуколонией — виноваты японцы, виноваты иностранцы, виноваты те, другие. А тут ещё советские говорят о «каком-то» научном социализме. Но СССР не идёт, а «плетётся» к коммунизму, мы же в Китае всё сделаем намного быстрее — полагали идеологи маоизма. Это традиционные амбиции. То, что *Си Цзинь-пин* сейчас говорит о возрождении величия страны, о линии на построение великого, могучего, процветающего Китая, включая культуру, — все эти лозунги были и тогда. Но тогда не было никакой материальной основы, а сейчас она создана, Китай стал державой № 2. На строгой научной основе Китай в ходе реформ совершил настоящий грандиозный «большой скачок».

«Начальный этап социализма» — это новый подход. Тезис Дэн Сяо-пина о том, что Китай находится на самом начальном этапе социализма, сдерживает леваческие настроения. По сути, эта концепция представляет собой конвергенцию прогрессивных с исторической точки зрения качеств капиталистической системы и идей социальной справедливости социализма.

АВ: вы один из немногих советских людей, лично наблюдавших изнутри события «большого скачка» и «культурной революции». Как вы оцениваете события тех лет?

МТ: Если говорить о «большом скачке», то это, как и «культурная революция», крайне леваческий, волюнтаристский подход к процессу исторического развития. Сторонники такого подхода полагали, что историю можно подгонять плёткой, раскручивать, как юлу. У Мао Цзэ-дуна после 1956 г. в результате нахождения в позиции «младшего брата» и ситуации сплошной блокады Китая со стороны Запада произошёл перелом в сознании. Он стал считать, что благодаря своим размерам и огромным людским ресурсам Китай может сам решить свои проблемы. Это была абсолютизация силы волевого решения. Появился не просто крайний волюнтаризм, субъективизм, но и национализм в форме китаецентризма, и абсолютизация фактора длительности и богатства китайской культуры. Некоторые китаисты полагают, что Китай идёт вперёд и осмысливает всё то, что он делает сегодня через постоянные обновления и переосмысления всей своей истории, идёт как бы спиной вперёд. История удлиняется, актуализируется и остаётся впереди. В чём сила китайского образа мышления? Китай тактически может встать на путь, который в данный момент соответствует только его текущим, сиюминутным интересам. Но с точки зрения главной тенденции истории, стратегии, Китай очень редко допускает ошибки. Здесь Китай непоколебим.

«Большой скачок» и «культурная революция», с точки зрения текущей политики, — огромная трагедия. Но, вместе с тем, надо видеть, что это этапы поиска правильной линии. Это была плата за выработку той стратегии, которая отвечает и способна мобилизовать всё общество на решение актуальных задач подъёма Китая. Какая задача у «большого скачка» и у «культурной революции»? — поднять Китай и уничтожить всё, что этому мешает. И они поняли, что мешает подъёму. Ошибочные методы были проверены практикой и отброшены. Если бы не было этих испытаний, то развитие Китая не было бы столь успешным. Чем больше Китай страдал, тем больше энергии он вложил для того, чтобы заполнить этот пропуск времени.

В этом смысле призыв Си Цзинь-пина не противопоставлять первое 30-летие развития КНР второму 30-летию, т. е. этапу реформ, имеет глубокий смысл. Заслуга новых постмаоистских лидеров Китая в том, что они смогли извлечь серьёзные уроки из «большого скачка» и «культурной революции». Важный урок — решать те задачи, для которых можно максимально мобилизовать внутренние и внешние резервы.

Но у меня складывается впечатление, что наши китайские друзья, с одной стороны, правильно делают упор на максимальное использование этих внешних факторов, но вместе с тем несколько их переоценивают. Это

особенно хорошо видно на примере политики открытости. Нельзя не учитывать, что чрезмерная открытость может раскрыть шлюзы для внешней культурной и идеологической экспансии. Культурная экспансия размывает национальную идентичность элиты. Чисто китайская система нравственно-культурных, исторических ценностей может оказаться под угрозой размывания и ослабления виртуальными ценностями Запада. Ведь принятие этих сомнительных, но «удобных» ценностей массовой культуры и комфорта, расслабленности, не требует волевых усилий. Погружение немалой части китайской интеллигенции, элиты в виртуальную культуру, основанную, прежде всего, на западных ценностях потребительства и эгоизма, отрыв её от национальных корней — это очень опасная тенденция, порождаемая глобализацией и культурно-идеологической экспансией Запада.

АВ: Как эти перемены в Китае отразились на советско-китайских отношениях? Какие ошибки были допущены руководством СССР и КНР в тот период? Можно ли было их избежать?

МТ: В 1969 г. по инициативе Мао была устроена военная провокация на пограничном острове Даманский. Дальнейшие события показали, что это было сделано для того, чтобы показать и китайскому народу и, прежде всего, американцам (а это было рассчитано, прежде всего, на них), что СССР — враг и Китая, и США, что советско-китайский Договор о союзе, дружбе и сотрудничестве 1950 г. — пустая бумажка. Мао решил организовать военную акцию, чтобы, по его словам, «пощупать зад у тигра», но так, чтобы это не спровоцировало большую войну. Военные исполнили. Потом они решили её повторить, потому что, с их точки зрения, первая прошла недостаточно убедительно, и организовали вторую провокацию в Казахстане в районе Желанашколя. Но там после Даманского была повышена бдительность. Примерно 3 тыс. человек было сожжено новейшей системой залпового огня, в живых остался всего один человек, и тот сошёл с ума.

Полагаю, что отсюда начало расти дело *Линь Бяо*: быть с американцами или идти своим путём, не провоцируя СССР. Линь Бяо был ближайшим, вернейшим сподвижником Мао. Он был китайцем, китайским патриотом-националистом и полностью поддерживал все антиамериканские декларации председателя Мао. Но когда он увидел, куда Мао ведёт дело, он, как полагают, мог сказать: «Председатель Мао, мы выполнили в аше указание 1964 г. о том, чтобы превратить советско-китайскую границу в сплошную кровоточащую рану. Мы её превратили, организовали события на Чжэньбаодао (Даманский) и в районе Желанашколь. Мы всё сделали. Но я должен вам доложить, что по своему вооружению Народно-освободительная армия не готова к полномасштабному противоборству с советской армией».

Американцы просчитали эту ситуацию и намерения Мао. Они передали китайцам сфабрикованные ЦРУ «секретные документы» о том, что СССР якобы собирается нанести превентивный атомный удар по Синьцзяну, по китайским ядерным центрам. Это была крупная американская провокация. После этого последовал приказ Мао Цзэ-дуна «глубже рыть туннели, запасать зерно, готовится к войне», «не бояться трудностей, не бояться смерти». Линь Бяо стало известно, что готовится визит в Китай Р. Никсона. Он и его люди были готовы этому помешать. Стало ясно, что Линь Бяо и группа военных не разделяют намерения председателя Мао объединиться с США против СССР.

Мао Цзэ-дун тогда находился в очень плохой физической форме. Врачи сделали всё, чтобы он мог хотя бы 30 минут побеседовать с Никсоном. Они беседовали почти час. После того как Никсон ушёл, Мао вывели, так как он сам не мог выйти из кабинета. Это из воспоминаний его окружения.

В ходе визита Никсона Мао фактически предложил заключить устный китайско-американский альянс против СССР. Тогда советское руководство очень серьёзно отнеслось к опасностям, которые могли вытекать из этого альянса. Москве пришлось пересмотреть все планы развития народного хозяйства. Планы повышения благосостояния были отложены, все силы были сосредоточены на создании ракетно-ядерного паритета с США и укреплении восточных рубежей. Были усилены вооружённые силы на Дальнем Востоке, серьёзно укреплены границы. Монгольские друзья попросили ввести советские воинские части для размещения вдоль границы с КНР.

На рубеже 1970–1980-х гг. СССР в кратчайший срок в колоссальном напряжении (в этом огромная заслуга нашей оборонной науки) установил военный ракетно-ядерный паритет с США. Советский Союз взял на себя столь тяжёлое бремя, что долго вынести его не смог и переживал тяжелейший внутренний кризис. Поэтому, когда я выступаю в Китае, я всегда говорю: «Дорогие китайские друзья, в том, что рухнул Советский Союз есть и вклад председателя Мао. Американцы вместе с Мао втянули СССР в непосильную и изматывающую гонку вооружений».

Американцы в полной мере воспользовались открывшимися для них возможностями в разностороннем сотрудничестве с Китаем. Всё это время они прилагали немалые усилия для создания разветвлённой проамериканской прослойки влияния, своеобразной «мягкой силы» внутри Китая, чтобы воспитать значительную массу интеллигенции в духе американской системы ценностей. Надо признать, что США немало преуспели в этом. Эта прослойка обладает немалым влиянием среди интеллигенции в деловых и государственных структурах.

Американцы пошли на создание системы экономической взаимозависимости. Вот ответ, почему крупные китайские частные компании и фир-

мы не делают инвестиций в Россию. Отговорки о том, что в России законодательство не такое совершенное, что российские бизнесмены ненадёжны как партнёры — это всё слова. Например, Германии и Голландии, и Финляндии, это не мешает. А китайским крупным бизнесменам почему-то мешает. Они завязаны на западные рынки и банки, потому что их огромные инвестиции идут в Америку, Европу, Африку, Центральную Азию. Политически и идеологически в Китае надеются, что Россия поможет им устоять перед угрозами со стороны США. Но экономически, по мнению крупных фирм, Россия — маргинальная страна. Я бы сказал, что тут у наших друзей проявляется двойной стандарт. Вот здесь в полной мере появляется черта, которая присуща деловым китайцам, которая гарантирует им успех в делах, но не гарантирует любовь и доверие партнёров. Это расчётливость и прагматизм, очень хорошо обставляемые красивыми фразами.

В последние годы руководства председателя *Ху Цзинь-тао* появился новый термин — «взаимный выигрыш», Председатель Си Цзинь-пин решил облагородить этот прагматизм нравственно-идеологической конструкцией о великой «китайской мечте», о возрождении Китая в сотрудничестве с другими народами. Идея взаимного выигрыша появилась не случайно. В этой формуле наиболее ярко проявляется прагматизм и азарт, очень присущие китайцам. Это глобальная политическая игра, отсюда и выигрыш, а не выгода. Это звучит для китайца более приемлемо, более соответствует его азартной натуре. Идеи о «китайской мечте» должны придать более глубокий и нравственно-возвышенный характер политике Китая.

АВ: вы сказали об ошибках китайского руководства в 1960-х — начале 1970-х гг. А у руководства СССР были ошибки в тот период?

МТ: Были, конечно, и немало. Первая ошибка — готовность пожертвовать национальными интересами ради красивой идеи. Причём основное бремя жертвенности возлагалось на русский народ и его славянских собратьев. Правящая прослойка страны жила в условиях, близких к коммунистическим. Им была непонятна степень тех трудностей, которые переживал народ. Постепенно произошёл раскол между высшим руководством и остальной массой членов партии и населения. Они жили в разных измерениях. Поэтому когда Ельцин и прочие, используя демагогические лозунги, начали крушить эту структуру, никто не выступил в её защиту — такова была степень отчуждения массы от руководства страны. Цзян Цзэ-минь и Ху Цзинь-тао, и Си Цзинь-пин ставили перед учёными китайской Академии общественных наук один и тот же вопрос: «Почему, когда Ельцин запретил великую КПСС, никто не вышел её защитить?» Китайские учёные, идеологи в ответ на этот вопрос издали сотни книг, опубликовали тысячи статей и даже создали кинофильмы.

Хочу снова подчеркнуть, что идея о том, что Китай находится на самой начальной стадии социализма, имеет очень важное значение для возвращения на путь реализма. Где создаются материальные и культурные предпосылки для перехода от капитализма к более справедливой общественной формации? В капиталистическом обществе, это естественноисторический процесс. Умение работать, понимать, что должное должно быть сделано, и как оно должно быть сделано (качественно, конкурентоспособно), индустриальная культура и технические навыки производства, технологическая дисциплина создаются и внедряются в трудовую культуру именно в условиях капиталистического общества. Китай, ставя задачу построения социализма до конца XXI в., вынужден одновременно ускоренно проходить этап капиталистического развития и создавать предпосылки для перехода в будущем к полномасштабному строительству социализма. Это очень сложная проблема. Главные предпосылки для будущего социализма создаются конкуренцией, развитием науки и техники, совершенствованием банковской системы, максимальным развитием производительных сил, совершенствованием социальной системы, развитием науки и культуры. Здесь приоритет отдаётся изучению и применению опыта развитых капиталистических стран. А идеи социализма в это время приходится поддерживать идеологическими, организационными, политическими, социальными подпорками, обеспечением руководящей роли КПК. На деле лидеры КПК китаизировали идею конвергенции капитализма и социализма и негласно положили её в основу политики реформ и открытости, курса на построение «социализма с китайской спецификой».

Китай решал и решает, прежде всего, свои задачи, а бороться за социализм в Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Африке считает делом народов самих этих стран. Когда мы говорили, что надо помочь вьетнамским товарищам, и у нас единственный путь везти оружие и продовольствие через вашу страну, то китайцы соглашались, шли поезда с военной техникой во Вьетнам через КНР, а по дороге грузы часто потрошились. Главное, что нам не удалось преодолеть, так это отбить тактику, которую Мао Цзэ-дун хитро навязал под красивым лозунгом «старший брат», «социалистический лагерь во главе с Советским Союзом». В результате у нас не было полностью равноправных отношений. СССР оказывал огромную материальную помощь, поставлял самое современное оборудование. Опыт нашего сотрудничества в 1950-е гг. в Китае считают «золотым веком» развития страны. Он отличается от любого опыта нынешнего сотрудничества Китая с другими странами тем, что западные страны, включая Японию и США, передают только то, что у них с моральной точки зрения устарело. А у нас не было секретов! Яркий пример мне привёл Н.И. Рыжков, бывший в 1950-х гг. директором Уралмаша, а в 1980-х гг. — председателем Совмина СССР. Когда был создан самый современный и мощный в мире прокатный стан, за ко-

торый разработчики удостоились потом Государственной премии, сначала его поставили в КНР, а только потом — себе. Тогда многое так делалось.

Остановил эту практику Хрущёв, когда отношения начали терять взаимное доверие, лишь после того как у лидеров двух стран появилась тень недоверия. Хрущёв отменил соглашение о передаче образца ядерной бомбы, но к тому моменту основная технология создания бомбы уже была передана. Китайцы ею воспользовались и взорвали бомбу в день отставки Хрущёва в октябре 1964 г.

Поэтому неучёт собственных национальных интересов — раз, неучёт китайской национальной специфики — два. Ещё одна ошибка была в том, что руководство СССР было убеждено, что Китай должен строить социализм советского образца.

Одна из причин советско-китайского конфликта в том, что руководство СССР в подходе к Китаю отошло от традиций евразийства, которое диктует уважение интересов и выбора партнёра, поиск гармонии, симфонизма отношений, понимания того, что различия являются позитивным фактором. Сторонники западничества считают западную культуру вершиной культуры и цивилизации. Они смотрят на других сверху вниз, западное — значит высшее. Всё остальное — вторично.

Трагедия в наших отношениях возникла, когда европоцентристское высокомерное отношение к Китаю столкнулось с китаецентризмом Мао Цзэ-дуна. Мы в итоге согласились, что мы — «старший брат». Но при этом мы забыли, что есть такой арсенал китайской культуры, который нам оставался недоступен, который надо изучать, за счёт которого можно обогатить себя, так же как китайцы обогащали себя за счёт нашей культуры и культуры других западных и восточных стран.

АВ: С кем вы работали в КНР?

МТ: Мне выпала честь работать в Пекине вместе с известными китаеведами *С.Л. Тихвинским, О.Б. Рахманиным, М.С. Капицей, Г.В. Астафьевым*, видными дипломатами *В.И. Лазаревым, Б.Т. Куликом, В.И. Трифоновым, В.И. Шабалиным, Г.В. Киреевым*.

АВ: Как вы пришли на работу в ЦК?

МТ: Летом 1965 г. я приехал в Москву готовиться к защите диссертации. Через МИД мне сказали приехать на Старую площадь, подъезд №3. Со мной беседовал О.Б. Рахманин. Он сказал, что есть мнение пригласить меня на работу в Отдел ЦК. «Вам оказывается большая честь и доверие», — сказал он. Мне был тогда 31 год. После успешной защиты диссертации я вернулся в Китай, собрал вещи, попрощался и поехал обратно в Москву. Моя жена Галина с сыном Андреем была уже в Москве.

Я работал с Отделе ЦК с ноября 1965 г. по 5 июля 1985 г. Сначала был референтом китайского сектора, когда завсектором был О.Б. Рахманин

(потом он стал 1-м заместителем завотделом ЦК). Со мной вместе работали такие знатоки Китая, как В.И. Лазарев, Б.Т. Кулик, Р.Ш. Кудашев, Т.Р. Рахимов, В.И. Шабалин, В.И. Антонов, *В.Я. Сидихменов*, Б.А. Бородин и др.

АВ: Как складывалась ваша судьба на новом месте работы?

МТ: Первое серьёзное задание, которое мне было дано в Отделе ЦК вместе с сотрудниками Отдела науки (Валентин Иванов) и Отдела информации (Г.С. Кюзаджян), было подготовить записку в Политбюро по поводу воссоздания Института китаеведения. Инициатива исходила из нашего Отдела. Эту идею активно поддерживали О.Б. Рахманин, Б.Т. Кулик, *М.И. Сладковский*. Существовавший ранее Институт китаеведения был закрыт в конце 1950-х гг. под давлением Мао. Было закрыто и старейшее учебное заведение — Институт востоковедения. Прекратил выходить журнал «Советское китаеведение». В начале 1966 г. вышло решение Политбюро ЦК КПСС о создании в рамках АН СССР Института по проблемам современного Китая на базе Отдела истории Китая при ИЭМСС АН СССР, которым руководил С.Л. Тихвинский, а затем Л.П. Делюсин. Академии наук и Совету Министров было поручено решить материально-финансовые и кадровые вопросы в связи с созданием этого института.

Поскольку ранее Мао Цзэ-дун критиковал китаеведение как «проявление колониализма», а термин «китаеведение» толковался как стремление «вести», руководить Китаем, то Институту современного Китая было дано официальное название — Институт Дальнего Востока АН СССР. Я присутствовал на заседании Президиума АН СССР, которое вёл академик В.М. Келдыш. Это было в мае или в апреле 1966 г. Признавалось, что китаеведение нельзя приравнять к европоведению в силу больших трудностей овладения китайским языком и особенностями Китая. В решении первоначально предусматривалось немало льгот для сотрудников ИДВ, но позднее всё нивелировалось. Так или иначе, был создан большой, можно сказать, уникальный институт. Его задачей было научное обеспечение политики СССР в отношении Китая и соседних дальневосточных государств, изучение их истории, экономики, культуры, внешней политики для поиска путей улучшения отношений с Китаем и другими нашими соседями. Кроме того, было принято решение направить китаеведов во все посольства в крупных странах, с которыми у Китая имеются активные отношения. Поэтому в США, Франции, Германии, в Азии, во всех соцстранах при всех посольствах была учреждена специальная должность 1-го секретаря. Эта система частично сохранилась до сих пор — Китаем должны заниматься китаеведы.

АВ: Кого, на ваш взгляд, можно считать китаеведом?

МТ: Китаевед — это человек, который владеет китайским языком, желательно не только современным, но и древнекитайским вэньянем, осознаёт стержни китайской цивилизации, специфику китайской культуры, истории, национального самосознания, способен анализировать стратегию и тактику, цели китайской политики. Моё убеждение (и не только моё) сводится к тому, что китайская философия — это ключ к пониманию китайской культуры, китайской идентичности и политики Китая. Можно знать очень много событий, фактов, но слабо, односторонне понимать их смысл. Ещё великий Мо Ди утверждал, что знание и понимание — это разные ступени познания. Знания получаются с помощью восприятий, ощущений, память накапливает знание разных фактов и впечатлений. Понимание, осмысление (у Мо Ди — *люй*) — это достижение с помощью логического анализа (*ча* и *бянь*) стадии мудрости, т. е. овладение сутью полученных знаний. Этот уровень познания называется мудростью *чжи*. Сейчас много статей и публикаций людей, которые из СМИ узнают фактуру: сколько Китай чего-то производит и сколько населения. Даже знают, где находится Пекин, что в Китае есть Великая китайская стена. Могут даже, путая звучание иероглифов, называть фамилии руководителей. К сожалению, наши СМИ не учитывают тот факт, что в китайском языке отсутствуют некоторые звуки, звукосочетания, присущие западным языкам, что создаёт проблемы при транскрибировании китайских терминов, имён и топонимов. Проблему усложняет наличие в Китае более десятка диалектов, сильно отличающихся от официального пекинского диалекта — *путунхуа*, который в старину на Западе называли «мандарин»[255], т. е. язык столичной бюрократии и просвещённых людей. К сожалению, наши «знатоки Китая» по Интернету часто в одном китайском слове допускают по нескольку ошибок. Самая адекватная пекинскому диалекту иностранная транскрипция китайского языка составлена в 40-х гг. XIX в. русскими китаеведами *Н.Я. Бичуриным* и *В.П. Васильевым*, а затем уточнена Кафаровым (*Палладием*) и, уже в советское время, академиком *В.М. Алексеевым*[256]. Так вот, нельзя говорить и писать «Джоу Энь-лай», ибо в китайском нет звукосочетания *дж*, а есть *чж* — *Чжоу Энь-лай*. Нельзя писать «Дзян Дзэминь», а можно и нужно — *Цзян Цзэ-минь* (в одном слове — две ошибки), так как звукосочетания *дз* в пекинском диалекте также нет. Нельзя повторять на русском и латинскую транскрипцию китайских имён, где твёрдость заднеязычного звука *«эн»* (*ng*) обозначается буквой *«g»*. Поэтому в текстах, переводимых с западных языков или записанных принятой в Китае латинской транскрипцией *хань-юй пинь-инь*, имя Мао Цзэ-дуна ошибочно пишется «Мао Дзэ-дунг», «Дэн Сяо-пинг» и т. д. Знаменитый китайский

[255] Производное от португальского слова *mandar* – командовать, приказывать.

[256] Создателями традиционной русской транскрипции китайских слов являются Н.Я. Бичурин и П.И. Кафаров, а впервые она была опубликована Н.Я. Бичуриным в 1838 г.

политик, известный в гуандунском произношении как *Сунь Ят-сен*, в пекинском варианте звучит как «Сунь Чжун-шань», так же как *Чан Кай-ши* по-пекински — «Цзян Цзе-ши». Знаменитые южные города Китая — Кантон и Гонконг — звучат по-пекински как «Гуанчжоу» и «Сянган».

Китайская культура требует высокого внимания к мелочам и многим тонкостям и нюансам, ускользающим от дилетантов. Китаевед — это человек, который знает и понимает главные цели и главную модель развития этой страны, особенности её культуры. Китаевед — это лишь тот, кто может ответить на вопрос не только о том, что есть в Китае, но и почему это есть и зачем это есть. Понимаете, если некитаеведу дать стихотворение Мао Цзэ-дуна *Мань цзян хун* — «Реки, полные крови» — в переводе на русский, то он отнесётся к нему просто как к обычному поэтическому творению. А китаевед, безусловно, должен прочесть оригинал. Он, безусловно, должен знать язык. Это сказал мне академик Го Мо-жо, когда я в 1956 г. от него письмо получил. Вы помните, я уже говорил об этом. Он сказал: «Если вы хотите заниматься китайской культурой не просто из любознательности, а если хотите серьёзно изучать китайскую культуру и философию, то прежде всего вы должны знать современный и древний китайские языки». Это — во-первых. Во-вторых, как писал С.М. Георгиевский, китаевед должен понимать основные принципы существования Китая, его исторические основы, систему ценностей этого народа. Это самое главное. Знание деталей — важно, но они меняются. Сегодня — одни, завтра — другие. Да и ценностные структуры, принципы, на которых уже более 5 тысяч лет строится вся жизнь Китая, менталитет, восприятие внешнего мира, разумеется, тоже меняются. Но их стержень, глубокая и прочная самоидентичность, специфичность меняются медленно. **Перед китаеведами стоит задача расширить взаимопонимание и поле сотрудничества, поле взаимодействия наших культур, а значит, наших народов и государств.** Они должны понимать, как устранять предрассудки, мешающие развитию наших отношений, понимать и уважать системы ценностей друг друга, уважать выбор каждого из народов...

АВ: На какие важнейшие принципы китайской культуры нужно обращать внимание молодых китаеведов?

МТ: Китаеведы часто видят в китайской культуре вещи, которые присущи и всегда будут присущи только китайцам, точнее ханьцам. Но есть и общезначимые вещи, которые достойны нашего изучения и заимствования. Это, конечно, трудолюбие, тщательность выполняемой работы. Мелочей у китайцев нет — вещь, поступки, действия должны быть совершенны. В этом воплощается принцип китайского менталитета — *си-чжи*. Этот бином можно перевести на русский несколькими словами: тщательно, искусно, изысканно, мастерски, сделать с тончайшим искусством и изыском.

Это черта очень важна и достойна уважения. В этом нам стоит поучиться у китайцев. Если соединить достоинства нашей культуры (исключительную креативность русского ума и умение изобретать нечто необычное, видеть решение той или иной задачи по-особому, найти особый взгляд и подход) с китайским умением доводить открытие до совершенства и практической реализации, то, действительно, возникнет мощный синергетический эффект. Любую новую идею китайцы стремятся довести до совершенства, у них в этом деле нет мелочей. Всё, что имеет отношение к реализации идеи, они всё проверят, обсудят, причём проверят и не только с позиций сегодняшнего дня, но и через прецеденты и опыт многотысячелетней культуры Китая.

Ещё один важный момент — нам, китаистам, надо стимулировать сотрудничество и диалог с китайской культурой в целом, учиться умению извлекать и привлекать исторический опыт своей культуры, своего народа для решения сегодняшних и будущих проблем. Мне кажется, одна из причин советско-китайского конфликта заключалась и в том, что после 1940-х гг. произошло игнорирование исторического опыта. Да, у нас в 1950-е гг. сложились очень добрые, действительно братские отношения. Мы оказывали большую помощь китайским товарищам, они были очень благодарны и по сей день нередко вспоминают добрыми словами. Но мы забывали, на какие пласты истории, исторической памяти народов накладывалась наша дружба. Себя Китай скромно объявил «младшим братом». Но у «младшего брата» история в пять раз более длинная, чем у «советского старшего брата», и в КНР не забыли, что в прошлом царская Россия отнюдь не всегда была среди друзей Китая.

Мы, например, критиковали Мао Цзэ-дуна за выдвижение им в 1936 г. на VI пленуме ЦК КПК задачи китаизации марксизма как проявление национализма. Но тогда это была попытка найти способ для адаптации заимствованных извне идей к условиям страны. Мы не поняли этого, и в Китае многие не поняли. Позднее Мао довёл эту идею до крайности. Он пришёл от китаизации к китаецентризму, в этом была его глубокая ошибка. Но идея китаизации — правильна, в том смысле, что коммунистические, современные идеи должны быть не просто переведены на национальный язык, а должны быть адаптированы к истории и к цивилизационным основам данного народа, данного государства, к уровню его социально-экономического развития. Перевести на национальный язык — это не просто перевести с русского или немецкого на китайский, но сделать их понятными всей культурной массе народа, чтобы они увязывались с главными тенденциями развития национальной культуры и решением стоящих перед страной проблем. В этом смысле задача китаистов состоит в том, чтобы видеть особенности китайской цивилизации, но эти различия не должны

превращаться в камень преткновения на пути взаимодействия и диалога культур.

Некоторые наши коллеги иногда отвлечённо говорят: русская и китайская культуры — абсолютно разные. Это так и не так. Да, китайская культура имеет свою специфику. Она исторически более массивна. Она очень многопланова, как и наша культура. Но разные элементы этой культуры развиты по-разному. Видеть эти вещи, обогащать свою культуру другой культурой, это одно из призваний китаеведа.

Почему я рассматриваю своё изучение Китая как жизненное служение? Я считаю, что **я служу идее дружбы и взаимодействия народов России и Китая.** Я убеждён, что лишь такое взаимодействие обеспечивает то, что Россия будет Россией, а Китай будет Китаем, что будет Китай, и будет Россия, как субъекты, как действующие акторы мировой истории и мировой культуры, и это будет очень долго. Если исходить из исторического опыта, могут возникнуть и проблемы, но очень много будет зависеть от поведения России. Китай не будет инициатором конфликта. Исторически Китай никогда не был инициатором крайне конфликтных ситуаций. Его позиция чаще всего была реактивной. Китай может не обратить внимание на какие-то действия, он может терпеливо ждать, накапливать претензии, это они умеют. Китай определяет, что главное, а главное — это благополучие своей страны и народа. Если то, что происходит, в это не укладывается, значит, это или случайно, или результат ошибки. Отношение Китая с другими партнёрами можно уподобить двум гвоздям в старой кассе: для приходных (добрые дела) и расходных (недружественные действия) чеков. Сделал ошибку или обидел китайца — чек накалывается на один гвоздь без всякой видимой реакции. Чеки о хороших делах фиксируются на другом гвозде. У китайцев очень глубокая и долгая историческая память, они помнят и добро, и зло. И вот приходит момент подведения баланса. Китайцы благодарный народ, но за причинённое зло и обиды надо добиваться отпущения грехов. Когда *Горбачёв* в мае 1989 г. приехал в Пекин, Дэн Сяо-пин провёл подведение итогов заслуг и грехов советского руководства в отношении Китая. При этом он исходил из главного, а главное — нормализовать двусторонние отношения. Это очень важно.

Если анализировать позицию Китая в отношении СССР, то тут надо видеть официальную позицию, внушённую пропагандой в народное сознание, и самосознание простых китайцев. О «советском ревизионизме» народ узнал от своих властей, а сам он в течение 10 лет видел своими глазами лишь добрые дела: построенные заводы, самоотверженную работу наших специалистов, защиту прав Китая на мировой арене, помощь в преодолении эмбарго Запада против Китая. У старшего поколения в памяти и наши герои — лётчики-добровольцы, защищавшие небо китайских городов от японских агрессоров в конце 1930-х гг.

АВ: Вы думаете, это сейчас осталось?

МТ: Конечно, это осталось в памяти старшего и среднего поколения китайцев.

АВ: Это поколение уже ушло или уходит.

МТ: Да, но оно ещё есть, хотя и уходит. Среди них к власти приходят такие деятели, как Цзян Цзэ-минь, Ли Пэн, Ху Цзинь-тао и даже Си Цзинь-пин. Многие китайские деятели старшего поколения любят русские песни и советскую литературу. Председатель Си на встрече с группой российских китаеведов в 2012 г. в Москве с большой теплотой вспоминал, что в годы юности испытал большое духовное влияние произведений советской и русской литературы, русской культуры. Особо он упомянул «Повесть о Зое и Шуре», роман «Что делать?» Чернышевского, стихи Некрасова, «Как закалялась сталь» Островского, роман Фадеева «Молодая гвардия».

В период «культурной революции» я каждый год приезжал в Китай. В Шанхае я жил в гостинице «Цзинцзян», где *Цзян Цин* в 1965 г. проводила совещание по вопросам культуры, готовя «культурную революцию». Спускаясь вечером в ресторан, я с удивлением слушал живую музыку в оркестровом исполнении — советскую 1940–1950-х гг., русские народные песни. Это было в 1967 г., в разгар «культурной революции». «Синий платочек», «Катюша». Почему? А потому, что этот оркестр работал, когда здесь жили советские специалисты. Он другой музыки не знал, европейской музыки он не знал, она была объявлена «гнилой». А исполняемая им советская музыка «китаизировалась». Весь вечер китайцы танцевали под русскую музыку, никто не пел, поэтому мало кто знал, что это русская музыка — музыка и всё. Вот и сейчас, я приезжаю в Китай, встречаю моего друга профессора Чжу Цзя-му, а он пытается называть меня *сулянь лао да-гэ*. Я возражаю и говорю: Ну, какой я «старший брат» — *лао да-гэ*? Эта формула до сих пор сидит в голове. У Мао она преследовала другую цель — «бить по голове...», а народ воспринял это выражение как проявление уважения к близкому другу, который был готов поделиться всем.

Очень важно знать и понимать историю всех этих перипетий. Говоря об истории, китайцы напоминают нам о политике царской России, действия которой не всегда были добром для Китая. Наши великие китаисты Бичурин, Васильев, Георгиевский, Палладий с огромной симпатией рассказывали о великой и загадочной китайской цивилизации, трудолюбии китайского народа. Конечно, в политике царизма в отношении Китая было и другое, присущее молодому поднимающемуся капитализму. Но в XX в. всё это ушло в прошлое.

АВ: Что, на ваш взгляд, важнее всего для понимания Китая?

МТ: Опыт отечественной китаистики и истории, переданный от В.М. Алексеева, А.А. Петрова, *Н.И. Конрада*, И.М. Ошанина, *И.А. Рогачёва*, Р.В. Вяткина, *М.Ф. Юрьева* и ныне здравствующего академика С.Л. Тихвинского, которые жили в Китае, любили и любят Китай, говорит: чтобы не «китаизироваться», не стать эпигоном (а такие люди тоже есть среди китаистов), учёный должен знать свою культуру, сохранять свою идентичность, уметь сочетать свою русскую идентичность с китайской, с пониманием и проникновением в принципы китайской духовной и политической культуры, видеть общее и видеть различие. Должен учиться, заимствовать всё лучшее из этой культуры, способствовать налаживанию настоящего конструктивного диалога двух культур, найти общий язык, общую платформу, войти в резонанс с китайской культурой. Для китаиста очень важно понимать, что Китай — не просто великий сосед. Надо осознавать, что добрые отношения и сотрудничество с Китаем являются гарантией благополучия и процветания обеих стран. Нужно иметь в виду, что существующие различия, которые не могут не существовать, имеют объективные основания. При правильном отношении к этим различиям, при умении найти баланс интересов, они становятся фактором, стимулирующим поиск решения этих проблем, поиск и создание общей позиции, а значит, становятся стимулом соразвития, возникает синергетический эффект.

АВ: Как вы пришли в Академию наук?

МТ: Официально решение Президиума АН СССР о создании Института Дальнего Востока было объявлено осенью 1966 г. Директором ИДВ стал заместитель заведующего Отделом ЦК д.э.н. М.И. Сладковский, который курировал в Отделе ЦК экономические связи со всеми соцстранами и особенно с Китаем. В 1961–1965 гг. он был торгпредом СССР в Шанхае и Пекине. У него было немало публикаций по истории торгово-экономических связей между Россией и Китаем, глубокое знание Китая, где он много лет работал и до образования КНР. В 1920-е гг. он выполнял ряд деликатных поручений в Китае, подпольно встречался с Чэнь Юнем и другими членами ЦК КПК в Шанхае. В общем, весьма опытный, знающий, заслуженный китаист. Он директорствовал 18 лет, до июля 1985 г. Поскольку у него были тесные связи с Отделом ЦК, Институт и Отдел тесно сотрудничали. Поддержание текущих связей Отдела ЦК КПСС с ИДВ было возложено на меня. Поэтому все товарищи, которые давно работают в институте, перебывали у меня в рабочем кабинете, в 412 комнате, а затем в 432 комнате, в 3-м подъезде на Старой площади.

Но на рубеже 1980-х гг. стали чувствоваться сбои в работе института. М.И. Сладковский тяжело заболел. Институтом стали руководить лица, далёкие от науки. Я не знаю, какие были кандидатуры, но борьба за этот пост была между Отделом науки и нашим Отделом ЦК. Ситуация была

сложная. Решением от 1 июля меня сначала назначили директором, но 3 июля Горбачёв, получив письмо «неких влиятельных лиц», отменил его. Секретари ЦК КПСС и руководители Отдела ЦК, которые меня хорошо знали по работе, К.Ф. Катушев, К.В. Русаков и др., обратились в ПБ ЦК КПСС, и решение было вновь пересмотрено. 4 июля мне официально сообщили, что я утверждён директором ИДВ АН СССР.

В Институте мне сразу пришлось столкнуться с непростой ситуацией разброда и интриг. Потребовался ряд лет, чтобы создать в нём здоровую, доброжелательную атмосферу взаимного уважения. Все эти почти 30 лет я стремился создать в Институте максимально свободную творческую атмосферу для работы. Считал, что в Институте каждый имеет право иметь свою точку зрения и должен уметь её обосновать, доказать право на её существование. Каждый имеет право на слово в дискуссии, но должны уважаться и другие точки зрения. Это первое. Второе, на чём я настаивал и продолжаю настаивать — это то, что институт, как и любой отдельный китаевед, несёт особую национальную и государственную миссию. В силу сложности освоения в массовом сознании китайских реалий, каждый сотрудник Института призван нести глубинные знания о Китае в общество, участвовать в изучении опыта и кардинальных проблем развития Китая и российско-китайских отношений, изучать китайскую культуру, выявлять то, что может быть полезно для нас, способствовать расширению платформы сотрудничества, сопоставлять национальные интересы двух стран — выявлять, где они совпадают, а где нет, и как сделать так, чтобы несовпадающие моменты не стали помехой на пути развития сотрудничества и добрососедства России и Китая.

Третья задача — не только просвещение общества, но и просвещение, донесение самых главных системных знаний из опыта Китая до высшего руководства страны, до тех структур в государстве, которые вырабатывают и принимают политические решения. Институт всегда выполнял и продолжает выполнять миссию научного сопровождения политики России в отношении Китая. К сожалению, за последние более чем 20 лет количественный состав Института уменьшился вдвое, но усилиями ветеранов и активной части молодых учёных результаты работы Института выросли. Появился ряд новых направлений, которые позволили нам стать не только институтом изучения Китая, но стать именно *Институтом Дальнего Востока*. Новые направления, наряду с Центром по изучению и прогнозированию российско-китайских отношений, создали более широкую цивилизационную основу для изучения Китая и других наших соседей. Было открыто новое направление — сравнительное изучение китайской цивилизации и её взаимодействий с другими цивилизациями. В рамках этого направления сложился ряд научных школ: изучения китайской философии и перевода китайской классики, изучения политической культуры Китая.

Возникшие ранее ряд школ по изучению китайской экономики объединились в единое направление по изучению опыта экономических реформ в Китае, выявлению того, что из этого опыта можно использовать в условиях России. К сожалению, многие наши предложения были отвергнуты *Е.Т. Гайдаром*. Он заявил, что китайский опыт для нас неприменим, так как Китай, по его словам, — тоталитарное государство, а Россия – демократическое. Впервые китайский опыт стал предметом интереса и внимания со стороны высшего руководства, когда главой правительства стал Е.М. Примаков. Президент Путин также проявляет большой интерес к китайскому опыту. Все эти годы Институт выполнял свою роль разработчика и аналитика опыта реформ в Китае.

Институт усилил и усовершенствовал комплексный подход к изучению не только Китая сегодняшнего дня, но и корней сегодняшнего дня. Мы изучаем исторические и идеологические предпосылки и основы принимаемых решений, как прошлое влияет на сегодняшний день и на будущее этой страны. То есть предметом изучения стал фактор исторической памяти как элемент китайской политической культуры.

У меня вызывает глубокое удовлетворение, что за последние 10 лет в институте укрепились или сформировались важные крупные научные школы акад. С.Л. Тихвинского, проф. *А.Е. Лукьянова*, проф. *В.Я. Портякова*, проф. *А.В. Островского*. Появилось новое поколение видных специалистов по Китаю, Японии, Корейскому полуострову, проблемам Юго-Восточной Азии. Среди них — *А.В. Ломанов, А.В. Виноградов*, В.М. Мазырин, В.О. Кистанов, В.Н. Павлятенко, С.В. Уянаев, В.Е. Петровский, *С.Г. Лузянин*, А.В. Болятко.

АВ: Отношения между КНР и Россией в последние годы развиваются динамично. В чём причина такого сближения? Каковы проблемы и ограничения и как они влияют на международную ситуацию?

МТ: При Б.Н. Ельцине была обеспечена преемственность курса на нормализацию советско-китайских отношений. Эта тенденция была переброшена на российско-китайские отношения. Она упрочилась в 1996 г., в ходе встречи на высшем уровне, когда получила поддержку идея российско-китайского стратегического партнёрства. Во-первых, стороны извлекли урок из советско-китайского конфликта 1960–1980-х гг. Во-вторых, обе стороны осознали, что их коренным интересам отвечает поддержание нормальных отношений сотрудничества. Даже убеждённые западники стали понимать, что добрые отношения с Китаем помогают и их заигрыванию с США и НАТО. Китай также увидел, что только в лице нового российского руководства, которое не обладало менталитетом державности и гегемонизма, в лице России он может иметь надёжного партнёра и доброго соседа. Когда все страны, включая страны Прибалтики, пытались вытирать ноги

о Россию, Китай был единственной, но по-настоящему крупной державой, которая с пониманием отнеслась к трудному положению своего соседа. Руководство КНР публично заявило, что Россия была, есть и будет великой державой, и что Китай заинтересован в возрождении России и сотрудничестве с ней.

Руководство КНР поставило перед китайскими обществоведами задачу — дать ответ на вопрос: «Почему распался Советский Союз»? Было выдвинуто требование извлечь уроки из трагедии СССР и КПСС, чтобы такая трагедия не повторилась в Китае. Важную роль в осознании этих уроков стали играть китайские учёные, учившиеся в 1950-е годы в СССР. Это — то поколение, которое сохраняло память о советско-китайской дружбе. Прежде всего, был отвергнут тезис о гибели России. Россия обладает могучей армией, великой наукой и высокообразованным населением — такой вывод сделали китайские аналитики к 1994 г. Далее, было отмечено, что для поддержания быстрого развития Китая нужны ресурсы, которых в Китае недостаточно или нет. Но где их можно взять? Их можно взять благодаря сотрудничеству с соседями, в том числе с Россией.

Конечно, китайцы увидели, что американцы и Запад пытались представить трагедию СССР как свою «великую победу», победу своей идеологии. Последующими участниками этой трагедии могут оказаться и другие государства, а среди них, может быть, не в последнюю очередь и Китай, которому Запад усиленно пытается навязать свои политические модели и ценности.

АВ: Можно ли сказать, что Китай искал себе геополитического партнёра и союзника?

МТ: Китай формировал для себя наиболее выгодное международное окружение. И поддержание нормальных добрых отношений с Россией служит одним из важнейших факторов создания благоприятного окружения для развития их страны. А развитие стратегического партнёрства с Россией служит одним из факторов, укрепляющих позиции Китая в отношениях с США, Японией и с Западом в целом. Сейчас, когда беседуешь с серьёзными китайскими политиками, можно услышать, что Россия обладает огромным историческим опытом решения глобальных проблем, которого Китай не имеет и которого нет и у Америки. Этот опыт имеют Англия, Германия, Франция, а другие страны не имеют. И китайцы это знают. Советская дипломатия сыграла огромную роль в период Великой Отечественной войны и играет роль «компенсатора» нашей экономической неустроенности ныне.

АВ: Каковы сегодня самые серьёзные ограничения в нашем сотрудничестве с Китаем?

МТ: Самых больших, на мой взгляд, три, если не вдаваться в детали. Первое и самое главное ограничение — европоцентризм, непонимание геополитического положения и роли России. Непонимание того, что она может играть свою роль и раскрывать свой невиданный потенциал только как евразийское государство. Непонимание того, что одной из причин гибели СССР был европоцентризм. Непонимание того, что мы должны через сотрудничество поделиться с Китаем тем, что у нас в избытке, а в Китае — дефицит. Делать это нужно разумно, с учётом своей безопасности, и получать от Китая за это инвестиции, кредиты, получать выгоду, недостающие средства для развития. Если мы этого не сделаем, всё это будет оставаться мёртвым капиталом. Наши западные «друзья» со временем предпримут попытки к интернационализации природных богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока. Подготовку к этому уже ведут американцы. Заявления М. Олбрайт, З. Бжезинского и других американских политиков подтверждают наличие таких намерений.

Во-вторых, это — китаефобия, масса всяких предрассудков и мифов о некой «китайской угрозе». Но история опровергает эти мифы. Ещё в царские времена С. Витте и П. Столыпин завезли огромную массу китайской рабочей силы, часть из них укоренилась в России. «Русские» китайцы создавали сферу услуг, нужную и очень выгодную для нас. Это были и плотники, и строители, и парикмахерские, и прачечные, и столовые и т. д. Кто строил железную дорогу Питер–Мурманск? Некрасовское стихотворение «Железная дорога», слова «о косточках русских», можно переиначить к истории строительства Транссиба и железной дороги Петербург–Мурманск, где русские косточки смешались с китайскими.

До 1937 г., т. е. до начала широкой агрессии Японии против Китая, китайцы составляли 20% с лишним населения Владивостока. Владивосток от этого не стал китайским. Город развивался, сам себя обеспечивал продуктами, не надо было возить их из Европы, Китая или Кореи. Китайцы, корейцы обеспечивали и себя, и наше население мясом, молоком и овощами. Их врождённая предприимчивость, талант торговца, трудолюбие решали и могут и впредь решать многие проблемы. Этого нельзя забывать.

В целом, среди значительной части деловой и политической элиты России имеется непонимание того, что нынешний Китай — совершенно другое, могучее государство. Это — новая, возродившаяся страна с огромным потенциалом, с 900 млн. человек активной рабочей силы и огромными запасами свободных капиталов. У нас есть большой потенциал взаимодействия, взаимодополняемости, что зачастую остаётся без внимания нашей бизнес-элиты. Сотрудничество с этой страной мы или недооцениваем, или даже боимся осознавать. Сказывается некоторая инертность и леность ума, чрезмерная самонадеянность.

Третий момент — склонность определённой прозападно настроенной части нашего политического истеблишмента во взаимодействии с внешними силами не допустить сближения и взаимопонимания между Россией и КНР. Эта политика ведётся с двух сторон. В Китае тоже складывается антироссийская прослойка, а в России — антикитайская прослойка, насаждающая через СМИ всякие предрассудки о «китайской угрозе», нежелание объективно понять сходство китайских интересов с интересами России. Надо, наконец, осознать необходимость адаптироваться к тому, что Китай, несмотря на трудности, восстановит свои позиции не только как региональная, но и как великая мировая держава. Но Китай, в соответствии с дэнсяопиновским советом, не рвётся что-то возглавлять. Он считает, что ему выгодно быть на «вторых ролях». Своё мирное развитие он пытается встроить в концепцию соразвития. У нас ещё сохраняется непонимание значения китайского фактора в мировой политике, непонимание огромной роли Китая в обеспечении целостности, суверенитета России, в создании благоприятных условий для развития и подъёма восточных районов нашей страны. Как фактор нашего развития Китай недооценивается и слабо используется, если не игнорируется.

АВ: А со стороны Китая есть ограничения?

МТ: Конечно, есть. Все ниши, которые занимал СССР в экономике, науке, образовании, культуре КНР, за годы обострения отношений с начала 1960-х до конца 1980-х гг. были заняты американцами, японцами, Европой и т. д. И осталось то, что они не хотели, где они не заинтересованы в развитии Китая. Космос — раз, военные технологии и вооружения — два, атомная энергетика — три. Вот, пожалуй, всё, что нам осталось. И в этих отраслях идёт развитие. Но кто партнёры? Крупные китайские или российские частные корпорации? Нет. Почти исключительно корпорации, находящиеся под полным госконтролем с той и с другой стороны. Крупные частные компании и в КНР и в РФ тесно связаны с Западом, США, Европой, а в Китае ещё и с Японией, Африкой, Латинской Америкой, Австралией. У нас учатся лишь 20 тыс. китайских студентов, в США — 150 тыс., в Западной Европе — более 300 тыс. В Китае обучается около 100 тыс. американцев, столько же японцев и южных корейцев, и лишь около 15 тыс. студентов из России. Вдумайтесь в эти цифры!

В КНР тоже есть прослойка узких националистов, которые тоже боятся России, которым активно внушают эту мысль их американские и европейские друзья. Нынешние и будущие 100–200 млрд. долларов нашего товарооборота — это почти в 6 раз меньше, чем товарооборот Китая с США, в 4 раза меньше, чем с Японией.

АВ: Какие обнадёживающие или, наоборот, тревожные тенденции появились у нас за последние годы?

МТ: Нам надо вести дело, чтобы укрепить взаимопонимание и доверие — какие-то «оси» или «союзы» нам и китайцам не нужны. Ни в каком союзе России и Китая никто ни в РФ, ни КНР не заинтересован. Конечно, некоторые наши журналисты говорят о союзе. Но дело в том, что всеобъемлющее стратегическое партнёрство и доверительное взаимодействие и является современной формой союза. В нашем российско-китайском договоре есть статья № 9, которая по своему смыслу очень близка к союзническим обязательствам. Мы поняли специфику китайского менталитета: Китай ни за кого проливать свою кровь не намерен и не будет. Ради посторонних интересов Китай ни за какие «золотые горы» не пожертвует ни щепоткой своего суверенитета, ни щепоткой своих национальных интересов. Главная идея Китая — сам Китай. Самость Китая — это глубочайшее чувство, питаемое на генетическом уровне. Русский готов был пожертвовать всем, как нас учил Ленин, ради интересов мировой революции. А Троцкий призывал даже пожертвовать Советским Союзом ради победы мировой революции. Китаец ради мировой революции своими коренными интересами не готов и не будет жертвовать.

Требуется именно взаимопонимание, чтобы обеспечить национальные интересы с экономической и политической точек зрения, чтобы остановить или сдерживать американскую гегемонистскую политику с позиций силы. Такой силой могут быть взаимодействия государств по линии ШОС, БРИКС. К БРИКС можно привлечь и некоторые страны Европы. Мне кажется, надо добиваться тесных взаимоотношений БРИКС с Германией, Италией, Францией, Испанией. Германия — страна великой деловой культуры, является в этом смысле образцом для всего мира. Других союзников у Германии и партнёров, которые бы материально, ресурсно и цивилизационно дополняли её, кроме России, Китая и Индии нет. Мы сможем решать многие задачи лишь тогда, когда преодолеем узкий европоцентризм, когда поймём значение и роль Китая, Индии, и вообще этого региона как нового центра развития. Сейчас идёт борьба за новое распределение сил и зон влияния в мире. И очень опасно, что американцы взяли курс на силовой провокационный гегемонизм, способный привести не только к возрождению «холодной войны», но и к мировому пожару.

Перед КНР сейчас возникла необходимость не только углубления реформ, но и проведения настоящей культурной революции. Социализм нельзя свести только к экономике. Без высокого уровня культуры и образованности основной массы населения подлинные задачи модернизации и построения общества всеобщего благосостояния также решить невозможно. Си Цзинь-пин поставил задачу решить стоящие перед страной проблемы с помощью великой идеи — «китайской мечты». Нам остаётся лишь пожелать нашему великому соседу великих успехов в реализации планов мирного развития.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЁН И НАЗВАНИЙ

Азовский Игорь Павлович (1931 г.р.). Китаевед и бирманист, к.и.н. (1964). Окончил МИВ (1954). Сотрудник советских выставок в КНР (1954–1956), МИД СССР (с 1969), Посольства СССР в Пекине (1972–1975, 1981–1985), ИВ РАН (1960–1969 и с 1991). Работал в Бирме (1959–1961).

Ай Сы-ци 艾思奇 (1910–1966). Философ. Теоретик КПК. Популяризатор марксистской идеологии.

Алексеев Василий Михайлович (1881–1951). Китаевед: литературовед, историк, знаток культуры Китая. Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея /ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947).

Алпатов Михаил Владимирович (1902–1986). Искусствовед, преподаватель МГУ. Вёл курс по древнерусскому искусству.

Амбарцумов Евгений Аршакович (1929–2010). Политический деятель, политолог, дипломат. К.и.н. Сотрудник ИМЭМО АН СССР (1956–1959). С 1963 г. работал в разных институтах АН СССР: замдиректора ИИМРД, завсектором Института конкретных социальных исследований, завсектором, завотделом Института международной экономики и политических исследований АН СССР. Народный депутат Верховного Совета РСФСР (1990–1993).

Амброз Анатолий Константинович (1929–1985). Советский археолог.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984). Государственный и партийный лидер СССР. Председатель КГБ СССР (1967–1982), генсек ЦК КПСС (1982–1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983–1984).

Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972). Археолог, профессор, проректор ЛГУ.

Астафьев Геннадий Васильевич (1908–1991). Китаевед, д.э.н. (1960), профессор (1961). Окончил востфак ДВГУ (1930). В 1930-х гг. работал в Китае. Преподавал в МИВ (1946–1952), МГУ (1954–1960, 1968), МГИМО МИД СССР (1960–1968). Сотрудник Тихоокеанского института (1947–1957), ИВ АН СССР (1950–1956, 1960–1964), Института китаеведения (1956–1960), ИДВ АН СССР (с 1966). Замдиректора ИДВ АН СССР (1967–1978).

Баглай Марат Викторович (1931 г.р.). Юрист, д.ю.н. (1968), профессор конституционного права (1970). Сотрудник Института государства и права АН СССР (1957–1962). Доцент МГИМО МИД СССР (1962–1967). Завотделом Института международного рабочего движения АН СССР. Председатель Конституционного суда РФ (1997–2003).

Баранов Ипполит Гаврилович (1886–1972). Окончил Восточный институт (Владивосток, 1911), был переводчиком на КВЖД, жил в Харбине. Преподавал китайский язык и экономическую географию Маньчжурии. Автор ряда работ по Китаю. Одну из них («По китайским храмам Ашихэ». Харбин, 1926) подарил в 1934 г. посетившему Харбин Н.К. Рериху. Член маньчжурского «Общества русских ориенталистов», «Общества изучения Маньчжурского края» и др. Выехал в СССР, в Казахстан. Умер в Алма-Ате.

Бартольд Василий Владимирович (1869–1930). Востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, академик С.-Петербургской академии наук (1913).

Барышников Виктор Николаевич (1929 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил МИВ (1954). Сотрудник Института китаеведения (1957–1958), ИМЭСС (1961–1966), ИДВ АН СССР (с 1966). Сотрудник посольства СССР в КНР (1973–1979, 1986). Специалист по истории «тайваньского вопроса».

Бастид-Брюгьер, Марианна (*Marianne Bastid-Bruguière,* 1940 г.р.). Французский синолог, член Французской академии.

Бауман Николай Эрнестович (1873–1905). Профессиональный революционер, большевик. Убит во время демонстрации 18 октября 1905 г.

Бауэр, Вольфганг (Wolfgang Leander Bauer, 1930–1997). Немецкий синолог. Сочинения: Wolfgang Leander Bauer. China und die Hoffnung auf Glück. 1971.

Белелюбский Феликс Борисович (1934–2004). Китаевед, к.и.н. (1977), доцент (2000). Окончил истфак МГУ (1956). Сотрудник ИДВ РАН (1966–1969, 1978–1991 и с 1998), журнала «Народы Азии и Африки» (1969–1978) и редакции газеты «Правда» (1991–1998). Изучал новую и новейшую историю Китая.

Белов Евгений Александрович (1929–2004). Китаевед, д.и.н. (1994). Окончил истфак МГУ (1953). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1956). Изучал историю Синьхайской революции 1911–1913 гг. в Китае и русско-китайские связи.

Белова Анна Григорьевна (1933 г.р.). Востоковед-арабист, лингвист. Д.филол.н. (1992). Сотрудник ИВ РАН (1965). Дочь Г.Д. Белова, сотрудника Эрмитажа, известного организатора археологических раскопок в Херсонесе до и после Великой Отечественной войны.

Бергер Яков Михайлович (1929 г.р.). Китаевед. К.геогр.н. (1962), д.и.н. (1987). Окончил МИВ (1952). Участник Синьцзянской экспедиции АН КНР (1957). Стажировка в КНР (1958). Сотрудник Института географии (1953–1965), ИЭМСС (1965–1967), ИНИОН АН СССР (1970–1980), ИДВ РАН (1967–1970 и с 2000), зам. главред. журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Березный Лев Абрамович (1915–2005). Китаевед, д.и.н. (1969), профессор (1971). Окончил истфак ЛГУ (1941). Преподаватель восточного факультета ЛГУ с 1949. Специалист по зарубежной историографии Китая XX в. и по новейшей истории Китая.

Берзин Ян Карлович (Берзиньш, латыш; наст. имя: *Петерис Янович Кюзис*; партийная кличка – «Старик»; 1889–1938). Военный и политический деятель, один из создателей и глава советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга (1937). Пал жертвой репрессий. Реабилитирован посмертно.

Бичурин Никита Яковлевич (1777–1853). В 1802 г. принял монашество под именем Иакинф. Архимандрит РПЦ, начальник 9-й Пекинской Духовной миссии. Китаевед, путешественник, переводчик китайского языка, один из основателей российского китаеведения. Членкор Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1828).

Блаватский Владимир Дмитриевич (1899–1980). Археолог, историк античности. Доктор искусствоведения (1943), преподаватель МГУ.

Блюхер Василий Константинович (1889–1938). Псевдоним – Галин. Военачальник. Маршал СССР (1935). Участник Первой мировой и Гражданской войны в России. Военный министр, главком Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (1921–1922). Главный военный советник Гуанчжоуского (Кантонского) правительства (1924–1927). В 1929–1938 гг. командовал Особой Дальневосточной армией. Пал жертвой сталинских репрессий. Посмертно реабилитирован после 1956 г.

Бо Си-лай 薄熙来 (1949 г.р.). Государственный и партийный деятель. Сын ветерана КПК Бо И-бо. Член Политбюро ЦК КПК (2007–2012). Министр коммерции КНР (2004–2007). Работал мэром

г. Далянь, губернатором пров. Ляонин, секретарём парткомов г. Далянь и г. Чунцин (2007–2012). В 2012 г. исключён из КПК, снят со всех государственных и партийных постов. В 2013 г. приговорён к пожизненному тюремному заключению за коррупцию и злоупотребления служебным положением.

Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004). Юрист, журналист, политолог, дипломат. К.филос.н. (1963). Консультант, глава группы консультантов отдела ЦК КПСС (1963–1972). Ряд лет был спичрайтером генсека ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР/РФ в Израиле (1991–1997). С 1997 г. на пенсии, преподаватель РГГУ, политический обозреватель, ведущий телепрограмм.

Богачихин Май Михайлович (1929 г.р.). Китаевед, переводчик, писатель. Исследователь китайских оздоровительных систем, производства китайского фарфора. Сотрудник ИДВ РАН.

Богословский Михаил Михайлович (1867–1929). Российский историк, академик Российской академии наук.

Боддэ, Дерк (*Bodde Derk*, 1909–2003). Американский синолог и историк, профессор Пенсильванского университета.

Бокщанин Алексей Анатольевич (1935–2014). Китаевед, д.и.н. (1985), профессор. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник Института китаеведения (с 1958) и ИВ АН СССР (с 1961). Завотделом Китая ИВ РАН (1990–2011). Специалист по истории династии Мин. См. текст интервью: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 18–46.

Большой китайско-русский словарь (*БКРС*). Словарь, включающий около 250000 слов и выражений. Составлен по русской графической системе коллективом китаеведов под руководством и редакцией И.М. Ошанина; тт. 1–4. М., 1983, 1984.

Большой скачок 大跃进. Экономическая и политическая кампания в КНР (1958–1960), нацеленная на индустриализацию и резкий подъём экономики страны. Завершился провалом и имел трагические последствия для китайского народа. Привёл к гибели десятков миллионов человек и стал одной из крупнейших социальных катастроф XX в.

Бонгард-Левин Григорий Максимович (1933–2008). Востоковед-индолог, д.и.н. (1970). Сотрудник ИВ РАН с 1956 г. Академик АН СССР (1990). Лауреат Государственной премии СССР (1988), госпремии РФ (2001) и премии им. Дж. Неру (1975). Почётный член Археологического общества Индии, вице-президент Международной ассоциации по санскритологии, главред журнала «Вестник древней истории».

Бони Людмила Дмитриевна (1931 г.р.). Китаевед, д.э.н. (2004). Окончила МИВ (1954). Сотрудник ИДВ АН СССР/РАН (с 1967).

Боровкова Людмила Акимовна (1930–2011). Китаевед, д.и.н. (1994). Окончила истфак МГУ (1953). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–2010). Специалист по средневековому Китаю и истории народов Центральной Азии.

Борох Лилия Николаевна (1933–2011). Китаевед, д.и.н. (1985). Окончила ИВЯ в 1957 г. Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–2009). Специалист по изучению общественной мысли в Китае начала XX в.

Браун Отто (*Otto Braun*, кит. псевдонимы Ли Дэ и Хуа Фу,1900–1974). Немецкий революционер-коммунист, военный, писатель. По направлению Коминтерна работал в Китае как военный советник КПК (1932–1939). Автор книги: Браун О. Китайские записки (1932–1939). М., 1974. 307 с.

Бромлей Юлиан Владимирович (1921–1990). Историк, этнолог, д.и.н. (1965), профессор. Академик АН СССР (1976). Директор Института этнографии АН СССР (с 1966). Основоположник дуалистической концепции этноса, противник пассионарной теории Л.Н. Гумилёва.

Брунов Николай Иванович (1898–1971). Искусствовед, историк архитектуры, доктор искусствоведения. Окончил историко-филологический факультет МГУ (1920). Профессор МАРХИ (с 1934). Основной круг научных интересов – античная, византийская и древнерусская архитектура.

Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966). Российский археолог, сводный брат поэта В.Я. Брюсова.

Будённый Семён Михайлович (1883–1973). Советский военачальник, один из первых маршалов СССР. Трижды герой Советского Союза, командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. Участник Первой мировой войны, кавалер Георгиевского креста всех степеней.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940). Русский писатель, драматург, театральный режиссёр и актёр.

Бунак Виктор Валерьянович (1891–1979). Д.и.н., профессор, выдающийся антрополог, один из основоположников советской антропологической школы.

Буров Владилен Георгиевич (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Сотрудник Института философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной китайской философии.

Быков Фёдор Степанович (1929 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил философский факультет МГУ (1953) и МИВ (1954). Стажёр Пекинского университета (1957–1958). Сотрудник ИВ (1958–1965), ИЭМСС (1965–1966), ИДВ АН СССР (1976–1978). Сотрудник МИД (с 1966). Изучал историю общественно-политической и философской мысли в Китае.

Былиняк Станислав Аркадьевич (1931 г.р.). Востоковед, д.э.н. (1976), профессор. Окончил МИВ (1954). Сотрудник ИВ РАН (с 1969). Преподаватель МФИ (с 1984).

Бэйда (北大) – Обиходное краткое китайское название Пекинского университета: Бэйцзин дасюэ 北京大學.

Вайнберг (Захматова) Муза Романовна. В 1960–1970-х гг. – доцент кафедры экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ. Автор монографии «Экспансия частного капитала США в Западной Европе» (М., 1966. 187 с.).

Ван Ли 王力 (1900–1986). Известный лингвист, историк китайского языка. Учился в университете Цинхуа в Пекине и в Парижском университете.

Ван Мин 王明 (Чэнь Шао-юй, 1904–1974). Китайский революционер, партийный и государственный деятель. В 1930-х гг. при поддержке руководства СССР и Коминтерна практически возглавлял центральные органы КПК, был активным оппонентом Мао Цзэ-дуна. После образования в 1949 г. КНР попал в опалу, после чего уехал в СССР, где и прожил до конца жизни.

Ван Сю-лин 王秀玲. Мастер го-хуа среднего поколения. Выставка её работ проходила летом 2008 г. в Радищевском музее (Саратов).

Ван Сюэ-чжун 王學仲 (1925 г.р.). Художник. Окончил Пекинский институт искусств при университете Цинхуа (1945), в 1949 г. учился в Пекинской специализированной школе искусств у Сюй Бэй-хуна.

Ван Фу-чжи 王夫之 (Ван Чуань-шань, 1619–1692). Китайский философ-неоконфуцианец.

Ван Ян-мин 王陽明 (1472–1529). Первое имя Ван Шоу-жэнь (王守仁). Китайский философ. Один из основателей неокон-

фуцианской школы «синь сюэ» (учение о сердце).

Ванкэрбэрген, Грит (Griet Vankeerberghen). Американский синолог. Редактор калифорнийского научного журнала «Early China».

Васильев Василий Павлович (1818–1900). Китаевед, профессор, действ. член Императорской Российской Академии наук (с 1886).

Васильев Ким Васильевич (1932–1987). Китаевед, к.и.н. (1966). Окончил востфак ЛГУ (1956), сотрудник Кабинета Древнего Востока ЛО ИВ АН (1960–1987). Изучал древнюю историю Китая.

Васильев Леонид Сергеевич (1930 г.р.). Востоковед. Д.и.н. (1974), профессор (1979). Окончил истфак МГУ (1953). Сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор ИСАА при МГУ, ординарный профессор НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории.

Вахтин Борис Борисович (1930–1981). Китаевед, к.филол.н. (1959). Окончил востфак ЛГУ (1954). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1957–1981), заведовал Дальневосточным Кабинетом ЛО ИВАН. Член Союза писателей РСФСР (с 1961). Переводчик, специалист по средневековой китайской поэзии.

Вебер, Максимилиан (Макс) Карл Эмиль (*Maximilian Carl Emil Weber*; 1864–1920). Немецкий социолог, политолог, историк, экономист; создатель «понимающей социологии» и теории социальных действий.

Веймарн Борис Владимирович (1909–1990). Искусствовед, востоковед, доктор искусствоведения (1968), профессор (1973). Один их первых советских востоковедов, посвятивших себя изучению искусства мусульманского Востока. Один из авторов энциклопедии «Искусство стран и народов мира».

Велингерова Милена (*Milena Doleželová-Velingerová*, 1932–2012). Синолог, к.филол.н. (1965). Окончила Карлов университет (1955). Ученица Я. Прушека. Стажировалась в Пекине (1958–1959). Работала в Мичиганском университете (1967–1968), университете Торонто (1969–1996), Карловом университете (с 1996). Изучала классическую китайскую литературу и драму.

Вельгус Виктор Андреевич (1922–1980). Китаевед, к.филол.н. (1967). Сотрудник ЛО Института этнографии АН СССР (с 1960). См.: Кроль Ю.Л., Меньшиков Л.Н. Памяти Виктора Андреевича Вельгуса // *Народы Азии и Африки*. 1981. № 1. С. 244–245.

Вильгельм, Рихард (*Richard Wilhelm*; 1873–1930). Немецкий синолог, востоковед, миссионер.

ВИНИТИ – Всероссийский институт научной и технической информации.

Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888–1946). Писатель, автор романов «Три цвета времени» (1931), «Осуждение Паганини» (1936), литературного исследования «Стендаль и его время» (1938). Отец Виноградовой Н.А.

Виноградов Андрей Владимирович (1962 г.р.). Китаевед, д.полит.н. (2008). Окончил ИСАА при МГУ (1984). Сотрудник ИДВ РАН (с 1988).

Виноградов Павел Гаврилович (*Paul Vinogradoff*, 1854–1925). Крупнейший русский историк-медиевист и правовед, либерал.

Виппер Борис Робертович (1888–1967). Искусствовед и музейный деятель, д.ист.н., профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР, членкор АХ СССР, преподавал в МГУ. Читал курс по западному искусству XVII–XVIII вв.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915). Русский государственный деятель, министр

путей сообщения, министр финансов, председатель Комитета министров, председатель Совета министров.

Войтинский (Зархин) Григорий Наумович (1893–1953). Революционер, политический деятель, китаевед. Д.э.н. (1935, без защиты); профессор (1935). Жил в эмиграции в США (1907–1917). Член РКП(б) с 1918 г. В 1920–1927 гг. работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Как посланник ИККИ встречался в 1920 г. в Китае с Сунь Ят-сеном, участвовал в работе IV и V съездов КПК, ряда пленумов ЦК КПК (1924–1926). Председатель Дальбюро ИККИ в Шанхае (1926–1927). С 1930-х гг. работал в Москве. Работал в Институте истории АН СССР (1929–1948), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ (1929–1953).

Волкогонов Дмитрий Анатольевич (1928–1995). Историк, философ, политолог и политик. Д.ф.н. (1971), д.и.н. (1990), профессор, членкор РАН (1991), генерал-полковник (1986), лауреат Госпремии РФ (1995).

Вольтер (*Voltaire*, 1694–1778). Французский философ-просветитель XVIII в. Поэт, прозаик, сатирик, историк, публицист, правозащитник.

Воробьёв Михаил Васильевич (1922–1995). Востоковед, д.и.н. (1972). Окончил востфак ЛГУ (1950). Сотрудник ЛО Института археологии (1954–1965) и ЛО ИВ АН СССР (с 1965). Исследователь истории Японии, Кореи, а также чжурчжэней и государства Цзинь (1115–1234).

Воронцов Николай Николаевич (1934–2000). Учёный-зоолог, эколог и генетик, государственный деятель.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969). Советский военачальник, партийный и государственный деятель. Маршал СССР (1935). Нарком обороны СССР (1934–1940). Председатель президиума ВС СССР (1953–1960). Член ПБ ЦК ВКПб (1926–1952), член Президиума ЦК КПСС (1952–1960).

Воскресенский Алексей Дмитриевич (1960 г.р.). Китаевед-историк, д.полит.н. (1999), профессор МГИМО МИД РФ (с 1999). Специалист по российско-китайским отношениям и международной политике.

Воскресенский Дмитрий Николаевич (1926 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1963), литературовед, переводчик. Окончил ВИИЯ (1960). Аспирант филфака Пекинского университета (1956–1959). Сотрудник Института китаеведения (1959–1960), ИДВ АН СССР (1967–1971). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1960). Заслуженный преподаватель МГУ (1999), профессор Литературного института им. М. Горького. Член Союза писателей СССР (с 1982).

Вульф Виталий Яковлевич (1930–2011). Искусствовед, театровед, киновед, литературовед, переводчик. Д.и.н. (1989). Сотрудник ИМРД АН СССР (1967–1997). Изучал молодёжное сознание в странах Запада, историю театра.

ВШЭ (НИУ) – Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (Москва). Основан в 1992 г. См.: http://www.hse.ru

Вэй Юань 魏源 (1794–1856). Конфуцианский учёный, известный политический деятель Китая эпохи Цин.

Вэнь Цзя-бао 溫家寶 (1942 г.р.). Партийный и государственный лидер КНР. По образованию инженер-геолог. Член КПК с 1965 г. В 1968–1983 гг. работал по специальности в пров. Ганьсу. Начальник Канцелярии ЦК КПК (1986–1993). Премьер Госсовета КНР, постоянный член ПБ ЦК КПК (2003–2013). Вместе с Ху Цзинь-тао его относят к 4-му поколению лидеров КПК и КНР.

Вяткин Анатолий Рудольфович (1946 г.р.). Востоковед, к.и.н. (1978). Окончил ИВЯ при МГУ (1970). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1970). Главред журнала «Диаспоры» (с 2001). Специалист по истории Бирмы, стран Юго-Восточной Азии и Китая. Сын Р.В. Вяткина.

Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня (в 2010 г. издание всего труда завершено А.Р. Вяткиным в соавторстве с А.М. Карапетьянцем и М.Ю. Ульяновым при участии группы молодых китаистов). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Сотрудник Института китаеведения (1956–1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967).

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009). Государственный и политический деятель. Экономист, д.э.н. Один из лидеров и идеологов экономических реформ начала 1990-х гг. В 1994–1994 гг. занимал высокие посты в правительстве РФ. В т.ч. в течение 6 месяцев был и.о. председателя правительства РФ.

Галенович Юрий Михайлович (1932 г.р.). Китаевед-историк, д.и.н. (1982). Окончил МИВ (1954). Сотрудник советских учреждений в КНР (1954–1956, 1960–1967, 1969–1970), МИД СССР (1967–1978), ООН (1972–1978). Сотрудник Института Африки (замдиректора, 1978–1982) ИДВ РАН (с 1982). Исследователь новейшей истории КНР.

Галкин Александр Абрамович (1922 г.р.). Историк, д.и.н. (1966), профессор. Зам. главред журнала «Мировая экономика и международные отношения» (1964–1966). Сотрудник ИМЭМО (1963–1969), Института конкретных социальных исследований (1968–1972), ИМРД (1972–1987), Института социологии (с 1997), Института сравнительной политологии РАН (с 1997). Проректор Института общественных наук (1987–1991).

Ганшин Георгий Александрович (1925–2005). Китаевед, к.э.н. (1951). Окончил МИВ (1948). Преподавал в МГИМО МИД СССР (1954–1959), декан восточного факультета. Сотрудник ИВ АН СССР (1959–1961), ИДВ РАН (1988–1998). Находился на дипломатической и партийной работе (1961–1989).

Гарушянц Юрий Мисакович (1930–2012, м.р. Баку). Китаевед, к.и.н. (1969). Окончил МИВ (1953). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–1962 и с 1978), ИМРД (1969–1973), ИМЭМО (1973–1978) АН СССР. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 47–74.

Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977). Деятель КПСС, востоковед. Академик АН СССР (1968). Сотрудник (1936–1946), 1-й секретарь (1946–1956) ЦК КП Таджикистана. Директор ИВ АН СССР (1956–1977). Лауреат премии им. Дж. Неру (1968).

Гельбрас Виля Гдалиевич (1930 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1980), профессор (1983). Окончил МИВ (1953). Сотрудник МВТ СССР (1953–1955), НИИ труда при Госкомитете СМ СССР по вопросам труда и зар. платы (1956–1964), ИЭМСС АН СССР (1964–1967), ИМРД (1967). Преподаёт в ИСАА при МГУ (с 1992).

Георгиев Филипп Игнатьевич (1904–1974). Специалист по теории познания и диалектике, д.п.н. (1942), д.филос.н (1967). Преподавал в КНР (1956–1958).

Георгиевский Сергей Михайлович (1851–1893). Китаевед, профессор Петербургского университета (с 1890). Окончил историко-филологический факультет МГУ (1873) и факультет восточных языков Петербургского университета (1880). Один из первых русских китаеведов, изучавших историю древнего Китая. Сочинения: Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888.

Гильберт Давид (*David Hilbert*, 1862–1943). Немецкий математик-универсал, внёс значительный вклад в развитие многих областей математики.

Го Мо-жо 郭沫若 (1892–1978). Учёный-историк, археолог, писатель, поэт, драматург, общественный и государственный деятель. Член КПК с 1927 г. В годы антияпонской войны (1937–1945) выступал за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Перевёл на китайский язык ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, часть «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Фауста» И.В. Гёте. После образования КНР занимал ряд высоких государственных постов. Первый президент Академии наук КНР (1949–1978). Неоднократно приезжал в СССР.

Го Шао-тан – см. *Крымов А.Г.*

Головачёва Лидия Ивановна (1937–2011, м.р. Тамбов). Китаевед-историк, философ, переводчик. К.и.н. (1981). Выпускница восточного факультета ЛГУ (1975). Специалист по новейшей истории, древней философии (Конфуций, Лаоцзы) и письменности Китая. Мать китаеведа Головачёва В.Ц. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 75–115.

Голубев Игорь Сергеевич (1930–2000). Китаевед. Окончил МИВ (1954). Переводчик главного советского экон. советника при правительстве КНР (1954–1958), сотрудник ряда литературных издательств, Главной редакции радиовещания на Китай. Переводчик китайской поэзии на русский язык.

Голыгина Кирина Ивановна (1935–2009). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1983). Окончила МГИМО МИД СССР (1959). Сотрудник ИВ РАН (с 1966).

Гоминьдан 國民黨 – «Национальная народная партия». Старейшая в политическая партия республиканского Китая, основанная Сунь Ят-сеном. Истоки партии восходят к 1894 г., когда Сунь Ят-сен основал на Гавайях «Общество возрождения Китая» (Синьчжунхуэй). Правящая партия в Китайской Республике на Тайване (с 1945, кроме 2000–2008).

Гомулка Владислав (*Władysław Gomułka*, 1905–1982). Партийный и государственный деятель. Член Компартии Польши (с 1926). Участник сопротивления. С 1943 г. – генсек Польской рабочей партии (ПРП). В 1948 г. за поддержку идеи «польского пути к социализму» обвинён в правом националистическом уклоне и снят с поста генсека ПРП. В 1949 г. снят со всех постов и исключён из ПОРП. Сидел в тюрьме (1951–1954). Реабилитирован в 1956 г., избран 1-м секретарем ПОРП, возглавил ПНР. В конце 1960-х гг. начал антисемитскую кампанию, отчего тысячи польских евреев потеряли работу и эмигрировали. Смещён с поста после массовых волнений рабочих (1970).

Гончаров Сергей Николаевич (1955 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1982). Учёный, дипломат, бизнесмен. Окончил востфак ЛГУ (1977). Сотрудник ИДВ АН СССР/РАН (1982–1992). Стажёр Пекинского (1984–1985) и Стэнфордского (1990) университетов. Сотрудник МИД РФ (с 1992). Исследователь истории китайской дипломатии эпохи Сун, российско-китайских отношений в XX в. После ухода из МИД РФ – представитель ОАО НК «Роснефть» в АТР, г. Пекин (2006–2012).

Горбачёв Михаил Сергеевич (1931 г.р.). Политический и общественный деятель, генсек ЦК КПСС (1985–1991), первый и последний президент СССР (1990–1991). Лауреат Нобелевской премии мира (1990).

Гордон Леонид Абрамович (1930–2001). Историк, политолог. Окончил истфак МГУ. Д.и.н. (1965). Сотрудник ИВ АН СССР, социологической лаборатории Института труда, ИМРД АН СССР (1966–1991). Стоял у истоков особой отрасли социологических исследований – социологии быта. В 1991 г. возглавил Центр исследования общественных движений при ИМЭМО РАН.

Городцов Василий Алексеевич (1860–1945). Выдающийся русский археолог.

Горохова Галина Эдуардовна (1953 г.р.). Китаевед. Окончила философский фа-

культет МГУ (1975). К.филос.н. (1984, тема – о раннем даосизме в Китае). М.н.с. ИВ АН СССР (1979–1992).

Грабовой Григорий Петрович (1963 г.р.). Лидер культа. Создал «Учение о всеобщем спасении и гармоничном развитии» и партию «ДРУГГ», объявил себя «Иисусом Христом во 2-м пришествии». Осуждён за мошенничество.

Гранэ, Марсель (*Marcel Granet*, 1884–1940). Французский синолог.

Григорьев Александр Миронович (1933 г.р.). Китаевед-историк. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1977), профессор (1987). Сотрудник Института китаеведения (1957–1958), Института народов Азии (ныне ИВ РАН) (1962–1964), ИДВ РАН. Главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» (1993–2004).

Гроот, Яан Якоб Мария де (*Jan Jakob Maria de Groot*, 1854–1921). Голландский и немецкий синолог, религиовед, исследователь истории и культуры Китая. Служил в Нидерландской Ост-Индской компании (с 1878). Профессор Лейденского (с 1904) и Берлинского (с 1911) университетов.

Гу Янь-у 顾炎武 (1613–1682). Философ-конфуцианец, астроном, филолог, историк, географ, экономист и агроном. Идеолог антиманьчжурской борьбы в стране, а также основатель философского направления «пу сюэ» (樸學, «конкретное учение» или «учение о единстве»).

Губер Андрей Александрович (1900–1970). Искусствовед, преподаватель МГУ, главный хранитель ГМИИ им. А.С. Пушкина. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Гугун 故宫 – «Запретный город», дворцовый комплекс в центре Пекина, главная резиденция китайских императоров в XV–XX вв. Государственный дворец-музей (с 1925). Занесён ЮНЕСКО в список всемирного наследия человечества (1987).

Гудошников Леонид Моисеевич (1927 г.р.). Востоковед, д.ю.н. (1972), профессор (1980), заслуженный деятель науки РФ. Сотрудник Института государства и права (1954–1965, 1970–1974), ИДВ РАН (с 1974). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1965–1970). Исследователь эволюции государственного строя КНР и стран Азии.

Гудрич, Чонси (*Chauncey S. Goodrich*, 1920–2013). Американский востоковед, доктор синологии (1957), профессор. Окончил Йельский университет (1942), преподавал в Йельском, Кембриджском и Калифорнийском университетах. Редактор дальневосточного отдела «Журнала Американского Восточного общества (ABO)». Президент ABO (1998–1999).

Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992). Российский историк-этнолог, востоковед, д.и.н., д.геогр.н., переводчик. Основоположник пассионарной теории этногенеза. Сын А. Ахматовой и Н. Гумилёва.

Гун Цзы-чжэнь 龔自珍 (1792–1841). Философ-неоконфуцианец, учёный, поэт. Некоторое время служил государственным чиновником, имел высшую учёную степень «цзиньши» (1829). Друг и соратник известных политиков и мыслителей Линь Цзэ-сюя и Вэй Юаня. Выступал за демократизацию государственной системы.

Дандарон Бидия Дандарович (1914–1974). Бурятский буддолог, духовный наставник, философ, историк. Работал научным сотрудником, автор философской доктрины необуддизма как «буддизма для европейцев», синтезировал буддизм с достижениями современной науки и идеями западных философов. За свою деятельность неоднократно судим в СССР. В ходе последнего судебного процесса осуждён на 5 лет заключения, умер в лагере.

Дао-дэ цзин 道德經. Древний классический трактат, авторство которого приписывается великому китайскому мудрецу и философу Лао-цзы. Датируется VI–V вв. до н.э. Некоторые учёные датируют IV–III вв. до н.э.

Дацзыбао 大字报 (букв.: «Газета больших иероглифов»). Рукописные стенгазеты, выпускавшиеся с 1966 г. молодыми пропагандистами «культурной революции» в Китае.

Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое (в основном антияпонское) движение в Китае в мае-июне 1919 г. Развернулось в ответ на решение Парижской конференции (Версальский мирный договор) не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Началось 4 мая 1919 г. в Пекине со студенческой демонстрации протеста против этого решения, а также против предательства национальных интересов Китая деятелями Пекинского правительства.

Движение за реформы – движение за модернизацию Китая, в основу которого был положен опыт японских реформ после «реставрации Мэйдзи» (1868). После «ста дней реформ» (июнь–сентябрь 1898) потерпело поражение от консерваторов во главе с вдовствующей императрицей Цыси.

Движение самоусиления – реформаторское движение в Китае под названием «движение по усвоению заморских дел» (*яньу юньдун*) или «политика самоусиления» (*цзы цян*) проводилось правящими кругами империи Цин на протяжении 1860–1890-х гг., с целью усиления мощи государства перед лицом внутренних смут и внешних угроз со стороны западных держав.

Двинский Борис Александрович (1894–1973). Государственный деятель, нарком/министр заготовок СССР (1944–1950). В 1928–1937 гг. – один из ближайших помощников И.В. Сталина.

Делюсин Лев Петрович (1923–2013). Китаевед, д.и.н. (1971), завотделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990). Участник Второй мировой войны (1942–1944). Спецкор газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959–1965). См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 116–165.

Денисов Андрей Иванович (1952 г.р.). Дипломат. Окончил МГИМО (1974). Чрезвычайный и Полномочный Посол (2003). Посол РФ в КНР (с 2013). 1-й замминистра иностранных дел РФ (2006–2013). Постоянный представитель РФ при ООН (2004–2006).

Деревянко Анатолий Пантелеевич (1943 г.р.). Историк и археолог. Д.и.н. (1971), академик РАН (1987), исследователь палеолита Сибири. Директор Института археологии и этнографии СО РАН. Председатель Объединённого учёного совета по гуманитарным наукам СО РАН (1983). Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член Президиума АН (2002). Лауреат государственной премии РФ (2001), Демидовской премии (2004).

Дикарёв Андрей Дмитриевич (1958 г.р.). Китаевед-историк. К.и.н. (1984). Сотрудник ИВ РАН (с 1980). Стажёр Китайского народного университета (Пекин, 1984–1985). Специалист по новейшей истории Китая.

Диккенс, Чарльз (*Charles John Huffam Dickens,* 1812–1870). Великий английский писатель-прозаик. Классик мировой литературы.

Дмитриев Сергей Викторович (1979 г.р.). Китаевед, к.и.н. (2006). Сотрудник ИВ РАН (с 2005). Окончил истфак МГУ (2002), Французский университетский коллеж при МГУ (2003), магистратуру университета Париж I Пантеон-Сорбонна (2004). Преподаватель истфака МГУ (2002–2005). Член Societe Asiatique (2007). Область исследований: история Китая эпох Хань и Юань, Монгольской империи и народов Восточной Азии.

Доронин Борис Григорьевич (1928 г.р.). Китаевед, историк, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель Востфака СПбГУ (с 1968). Специалист по китайской исто-

риографии династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912).

Дорофеева (Лихтман) Вера Витальевна (1960 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1992). Окончила ИСАА при МГУ (1982). Сотрудник ИВ АН СССР (1990). Живёт и работает во Франции. Исследователь древнекитайской литературы.

Ду Жи-синь (杜日新, Ду И-син – собственный вариант озвучивания имени) (1902–1985). Родился в пр. Шаньдун. Приехал на заработки на Дальний Восток России, учился в Военно-артиллерийской академии в Москве. Учился отлично, но был арестован как «китайский шпион». Прошёл Гулаг (район Воркуты), поселение в Казахстане. После реабилитации стал консультантом в Институте китаеведения, ИВ АН СССР. Многие монографии, словари и переводы китайских памятников вышли с его квалифицированной помощью.

Дубасова Зоя Сергеевна (1903–198?). Китаевед, экономист. Окончила востфак ДВГУ (1927). В 1920-х гг. работала советским специалистом в Китае. Со времён Китая – подруга Г.А. Кольчугиной, жены В.К. Блюхера. Сотрудник Китайского, затем Тихоокеанского кабинета Института мирового хозяйства и мировой политики. Репрессирована в 1941 г. и сослана в лагеря. Реабилитирована в 1956 г. Сотрудник ИВ РАН.

Думан Лазарь Исаевич (1907–1979). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков (1936–1941). Служил в армии (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979), замдиректора Института китаеведения (1956–1961). Изучал историю Китая и соседних народов в древности и новое время.

Дутов Александр Ильич (1879–1921). Русский военный, атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант.

Дьякова Ольга Васильевна (1949 г.р.). Историк, археолог, д.и.н. (1991), профессор (2000). Сотрудник ИИАЭ ДВО РАН. Исследователь средневековой археологии, истории и культуры стран Дальнего Востока.

Дэн Сяо-пин 鄧小平 (1904–1997). Партийный и государственный лидер КНР. Учился во Франции и в СССР (1925–1926). Глава секретариата ЦК КПК (1956–1966). Идеолог и теоретик КПК. Разработал национальную модель «социализма с китайской спецификой». Определил цели китайских реформ – преодоление бедности, отсталости, развитие производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня жизни народа, подъём духовной культуры. Выдвинул концепцию «одна страна – две системы».

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007). Политик, государственный деятель. Первый президент РФ (1991–1999). Глава правительства РФ (1991–1992).

Ермаченко (Заусцинская) Ирина Сергеевна (1935–2014). Китаевед, к.и.н. (1971). Окончила ИВЯ МГУ (1957), истфак Пекинского университета (1960). Сотрудник ИВ АН СССР (1960–1974), ИНИОН РАН (1974–1989, и с 2004).

Ефимов Геронтий Валентинович (1906–1980). Китаевед, д.и.н. (1958), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ с 1941 г., завкафедрой истории Востока и кафедры стран Дальнего Востока, проректор ЛГУ (1961–1965). Труды по истории Китая в новое и новейшее время.

Жэньда (*Жэньминь дасюэ* 中国人民大学). Краткое обиходное название «Китайского народного университета» (Пекин). Основан в 1937 г.

Жу Синь (1931 г.р.). В 1949 г. – работник политотдела 9-й армии НОАК. Секретарь и переводчик англ. языка при штабе 9-й армии Китайских народных добровольческих войск в Корее (1950–1955). Сотрудник Бюро подготовки кадровых работников АН КНР (с 1955), окончил

аспирантуру Института философии АН Китая (1959). В 1988–1991 гг. директор Института философии АОН Китая, председатель Всекитайского общества изучения истории зарубежной философии.

Жэнь Цзиюй 任继愈 (1916–2009). Философ, историк философии. Профессор Пекинского университета. Изучал китайские буддийские учения, учение Мо-цзы.

Завадская Евгения Владимировна (1930–2002). Китаевед, искусствовед, переводчик. Канд. искусств. (1962), д.филос.н. (1983), профессор. Окончила истфак МГУ (1953). Сотрудник Музея восточных культур (1950–1954), Института философии (1954–1957), ИВ АН СССР (с 1957). Преподавала в Институте им. В.И. Сурикова. В 1990-х гг. преподавала на Тайване.

Завьялова Ольга Исааковна (1947 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1992). Окончила востфак ЛГУ (1971). Сотрудник ИДВ РАН (1971–1981 и с 1987). Вела научную работу в Японии (1981–1987).

Занегина Наталия Борисовна (1941 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончила ИВЯ МГУ (1964). Стажёр Народного университета в Пекине (1961–1963). Редактор ГРВЛ: издательство «Наука» (1964–1967). Сотрудник ИВ РАН (1970–1980). Сфера исследований: история Гоминьдана.

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006). Философ, логик, социолог, публицист. Д.филос.н. (1960). Профессор, завкафедрой логики МГУ, профессор Мюнхенского университета (1978–1999). Один из самых ярких критиков Советской системы. Выслан из СССР в ФРГ (1978). Восстановлен в советском гражданстве в 1990 г.

Знание — Всесоюзное общество, просветительская организация СССР, создана в 1947 г. В начале 1970-х гг. ПБ ЦК КПСС отнесло общество «Знание» к уровню министерства I категории. Примерно $^{2}/_{3}$ лекций были платными, и предприятия платили лектору гонорар. Прочие лекции назывались шефскими и читались бесплатно. Ныне — общероссийская общественная организация Общество «Знание» России.

Иакинф, архимандрит (см. *Бичурин Никита Яковлевич*).

Ивочкина Нина Владимировна (1936–2004). Китаевед, к.и.н. (1988). Окончила истфак ЛГУ (1960). Сотрудник Эрмитажа (с 1963). Исследователь китайской нумизматики.

Йетмар Карл (*Karl Jettmar*, 1918–2002). Немецкий учёный, этнолог, востоковед, исследователь древних культур Центральной и Восточной Азии.

Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979). Философ, исследователь марксистско-ленинской диалектики. Сотрудник Института философии АН СССР (с 1953).

Илюшечкин Василий Павлович (1915–1996). Китаевед. Окончил истфак МГУ (1939). Д.и.н. (1966, «Крестьянская война тайпинов»), д.филос.н. (1988). Сотрудник ИВ РАН (1960–1996).

ИМРД – Институт международного рабочего движения АН СССР, создан в 1966 г. Печатные издания – журнал «Рабочий класс и современный мир», научно-справочный ежегодник «Международное рабочее движение» (с 1971). С 1990 г. – Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения. В 2005 г. слит с Институтом социологии РАН.

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам Академии наук. Основан в 1968–1969 г. на базе академической Фундаментальной библиотеки по общественным наукам.

Иннокентий (*Фигуровский Иван Аполлонович*, 1863–1931). Епископ Русской православной церкви. В 1902–1918 гг. титулярный «епископ Переяславский, викарий Владимирской епархии, глава 18-й Русской духовной Миссии в Пекине». С 1918 г. «епископ Пекинский и Китайский», митрополит (1928).

Институт истории партии (Истпарт) – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), научно-исследовательское учреждение. Занимался сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории КПСС и Октябрьской революции. Как самостоятельный институт действовал в 1920–1928 гг., а его региональные отделения – до 1939 г.

Институт востоковедения РАН (ИВ РАН). Один из старейших научных институтов в России. Переведён в Москву в 1950 г. В Ленинграде осталось Ленинградское отделение (ЛО ИВ АН СССР, ныне Институт восточных рукописей РАН). В 1960–1970 гг. назывался Институт народов Азии АН СССР. Официальный сайт: http://www.ivran.ru

Институт восточных рукописей (ИВР РАН). С 1956 г. – ЛО ИВ АН СССР. В 2007 г. переименован в ИВР РАН. См. сайт: http://www.orientalstudies.ru

Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН). Учреждён постановлением Президиума АН СССР в сентябре 1966 г. Главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, КНДР, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами. См.: http://www.ifesras.ru/structure

Институт китаеведения АН СССР – действовал в 1956–1960 гг. После его закрытия большинство сотрудников перешли в отдел Китая Института народов Азии, затем в ИДВ АН СССР (с 1966). Прочие сотрудники, в основном изучавшие древнюю и средневековую историю, остались в отделе Китая ИВ АН СССР. Печатным органом института был журнал «Советское китаеведение», вышедший лишь в четырёх номерах за 1958 г. В интервью Л.П. Делюсина неточно сказано о публикации «только в двух номерах» (Российское китаеведение – устная истогрия. Т. 1. С. 138).

Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ). Создан 24.06.1956 на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов Института восточных языков (ИВЯ). В 1972 г. переименован в Институт стран Азии и Африки при МГУ. См.: http://www.iaas.msu.ru/isaamgu/istoriceskijocerk

Интеркит – Полузакрытый форум для регулярных консультаций и координации политики соцстран в отношении КНР. Образован слиянием двух слов – «Интернационал» и «Китай». Основан в 1967 г. Представлял собой череду встреч экспертов по Китаю (партфункционеров, дипломатов, учёных), обсуждавших политические, экономические, идеологические, культурные и прочие аспекты связей с КНР. Встречи проходили поочерёдно в столицах стран социалистического лагеря, почти ежегодно, более 15 раз (1967–1985).

Иовчук Станислав Михайлович (1933–2005). Китаевед, к.э.н. Нет данных.

Исаенко Борис Степанович (1914–1965). Род. в Харбине. Китаевед, к.филол.н. (1950). Выпускник и преподаватель МИВ (1935–1942, 1947, 1954). Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1958–1960). «Пионер синхронного перевода с китайского языка» (переводил на съездах КПСС в Москве). Издал китайско-русский словарь «Опыт китайско-русского фонетического словаря» (1957). Выполнял письменные переводы, в том числе работ Мао Цзэ-дуна.

Итс Рудольф Фердинандович (1928 г.). Завотделом Китая ЛО ИВ АН СССР (1967–1990). Китаевед, этнограф, д.и.н., профессор ЛГУ, член Союза писателей СССР. Писатель-фантаст, печатался под псевдонимом Р. Демидов.

ИФЛИ – московский Институт философии, литературы, искусства.

И цзин 易經 (Книга перемен). Она же – *Чжоу И* 周易 (Чжоуский [канон] перемен). Один из древнейших китайских философских текстов. Около II в. до н.э. признан одним из канонов конфуцианского «Пятикнижия». Включает каноническую часть в 2-х разделах, созданную

примерно в VIII–VII вв. до н.э., и комментарии, созданные в VI–IV вв. до н.э. (*И чжуань* 易傳 или *Ши и* 十翼 «Десять крыльев», в т.ч. 7 глав, 3 из которых имеют по 2 раздела).

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991). Государственный и партийный деятель СССР, сподвижник Сталина. Генсек ЦК КП(б) Украины (1925–1935). Нарком путей сообщения СССР (1935–1937, 1938–1942). Нарком тяжёлой промышленности СССР (1937–1939). Нарком топливной промышленности СССР (1939).

Кадыров Рамзан Ахматович (1976 г.р.). Государственный и политический деятель, президент Чеченской Республики (2007–2011), глава Чеченской Республики (с 2011). Сын первого президента ЧР в составе РФ Ахмата Кадырова. Герой РФ (2004).

Каин Ванька (*Иван Осипов*, 1718–1756). Знаменитый вор, разбойник и московский сыщик, ставший легендарным героем-символом воровских приключений и удальства.

Калёнова Лия, редактор журнала «Народы Азии и Африки».

Калюжная Нина Михайловна (1924 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1984). Окончила МИВ (1952). Сотрудник посольства СССР в КНР (1949–1951, 1953–1955). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961).

Кан Шэн 康生 (1898–1975). Политик, государственный деятель. Один из лидеров КПК. Долгое время, вплоть до своей смерти, возглавлял органы безопасности КНР. Один из главных организаторов «культурной революции». После смерти осуждён вместе с участниками «Банды четырёх».

Кан Ю-вэй 康有爲 (1858–1927). Учёный-мыслитель, государственный и общественный деятель, лидер движения за реформы в Китае на рубеже XIX–XX вв.

Капица Михаил Степанович (1921–1995). Учёный и дипломат. Д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943). Чрезвычайный и полномочный посол СССР (1960). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987–1994).

Каптерева Татьяна Павловна (1923 г.р.). Искусствовед, академик Российской академии художеств (1991), д.искусств., заслуженный деятель искусств РСФСР. Сотрудник Отдела зарубежного искусства НИИТИИИ РАХ, специалист по искусству Ближнего Востока и Португалии.

Кара-Мурза Георгий Сергеевич (1906–1945). Китаевед, историк. Участник Второй мировой войны. Погиб 22 августа 1945 г. при освобождении Северо-Восточного Китая.

Карапетьянц Артемий Михайлович (1943 г.р.) Китаевед, д.филол.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА при МГУ.

Карлгрен, Бернхард (*Klas Bernhard Johannes Karlgren*, 1889–1978). Выдающийся шведский синолог-лингвист.

Карнеев Андрей Ниязович (1964 г.р.). .). Китаевед-историк, переводчик. К.и.н. (1996), доцент (2000). Окончил ИСАА при МГУ (1987). Преподаватель, замдиректора ИСАА МГУ (1999–2000 и с 2003). Специалист по новейшей истории Китая.

Карпов Михаил Владимирович (1967 г.р.). Китаевед. К.и.н. (1995). Окончил ИСАА при МГУ (1987). Доцент ИСАА при МГУ (с 1994), НИУ ВШЭ (с 2012). Эксперт по новейшей истории Китая.

Каткова Зоя Дмитриевна (1932–2014). Китаевед, к.и.н. (1972). Училась в МИВ, окончила МГИМО МИД СССР (1954). Сотрудник ИВ РАН (с 1972). Исследователь истории китайской дипломатии, советско-китайских и японо-китайских отношений. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 166–177.

Каутский, Карл (*Karl Kautsky*, 1854–1938). Немецкий экономист, историк и публицист, теоретик классического марксизма.

Кепинг Ксения Борисовна (1937–2002). Китаевед, тангутовед. Д.филол.н. (1987). Родилась в Тяньцзине (Китай). Окончила востфак ЛГУ (1959). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР/ ИВР РАН (1959).

Киселёв Сергей Владимирович (1905–1962). Советский историк и археолог. Членкор АН СССР (1953), лауреат Сталинской премии (1950).

Клопов Эдуард Викторович (1930 г.р.). Социолог, д.и.н., профессор. Сотрудник ИМЛ (1956–1966); ИМРД АН СССР (1966–1991), Института проблем занятости РАН и Минтруда РФ (1991–1993), ИМЭМО РАН (с 1993). Изучает социальную структуру, социально-экономические и политические проблемы наёмного труда.

Кобзев Артём Игоревич (1953 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999). Окончил философский факультет МГУ (1975). Историк китайской философии. Сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за достижения в развитии китаеведения и подготовку 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Научный редактор сайта synologia.ru

Кобзев Игорь Иванович (1924–1986). Поэт, литературный критик и общественный деятель. Окончил московский Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей СССР. Автор поэтических сборников. Основные темы творчества – судьба русского народа, традиции и наследие предков, красота природы родного края, любовь. Участник Великой Отечественной войны. Автор одного из переводов «Слова о полку Игореве».

Ковалёв Александр Александрович (1923–2000). Востоковед, арабист. Директор ИВЯ/ИСАА при МГУ(1958–1975).

Ковалёв Евгений Фёдорович (1907–1995). Китаевед, к.э.н. (1945), д.и.н. (1968). Окончил МИВ (1933). Дипломат (1935–1944), партработник (1945–1952), сотрудник ИВ АН СССР (1952–1957, 1962–1964), Института китаеведения (1959–1961), ИЭМСС (1964–1966), ИДВ АН СССР (1966–1995), главред журнала «Советское китаеведение» (1957–1959).

Коваленская Наталья Николаевна – искусствовед, преподаватель МГУ.

Кожин Михаил Владимирович (1886–1966). Отец П.М. Кожина. Революционер, советский партийный, государственный и военный деятель, художник, засл. деятель искусств РСФСР. Учился в университетах Германии, как театральный художник участвовал в «Дягилевских сезонах» в Париже.

Кожин Павел Михайлович (1934 г.р.). Востоковед-историк, археолог. Д.и.н. (1990). Окончил истфак МГУ (1959). До 1976 г. работал в Институте истории материальной культуры (Институт археологии) АН СССР. Сотрудник ИДВ АН СССР/ РАН). Изучает проблемы истории, философии, религиоведения, культурологии, филологии, этнологии, археологии, антропологии. Большая часть работ связана с Китаем, а также с Евразией и Северной Америкой.

Козин Сергей Андреевич (1879–1956). Востоковед, д.филол.н. (1941, без защиты), профессор (1943), академик АН СССР (1943). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1903). Преподаватель ЛВИ (1920–1938), ЛГУ (1935–1950). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1924–1956). Переводчик «Сокровенного сказания монголов» (*Юаньчао биши*).

Козырев Андрей Владимирович (1951 г.р.). Первый министр иностранных дел Российской Федерации (1991–1996).

Козырев Виталий Анатольевич (1964 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1999), доцент. Окончил ИСАА при МГУ (1987), стажировался в Пекинском университете (1985–1986).

Преподавал в ИСАА МГУ (с 1988), университете Фэнцзя на Тайване (2006), в Амхерст-колледж (2008), Endicott College faculty, Beverly, Massachusetts (с 2009) в США. Специалист по новейшей истории Китая.

Коковцов Павел Константинович (1861–1942). Востоковед-семитолог.

Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре. Окончил восточное отделение Академии РККА (1920–1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922–1937), ИКП (1935–1937), Высшей спецшколе РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), МГУ (1951–1954). Работал в КУТВ (1923–1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925–1927), ИВ АН СССР (1949–1979).

Колпинский Юрий Дмитриевич (1909–1976). Искусствовед, критик, членкор АХ СССР (1958), засл. деятель искусств РСФСР (1968), преподаватель МГУ. Автор трудов по античному, западноевропейскому и советскому искусству.

Комарова Ирина Нигматовна (1932 г.р.) Китаевед, к.филол.н. (1976). Окончила МГИМО МИД СССР (1955). Сотрудник ИВ АН СССР (1966–1987), Института языкознания АН СССР (с 1987).

Коменский Ян Амос (1592–1670). Чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, епископ, основоположник научной педагогики.

Коминтерн – Коммунистический Интернационал. Международная революционная организация, объединявшая компартии многих стран, «единая всемирная коммунистическая партия» (1919–1943).

Коммунистический университет трудящихся Востока (*КУТВ*). Учебное заведение при Коминтерне. Находилось в Москве в 1921–1938 гг. С 1923 г. – КУТВ имени И.В. Сталина. Вело обучение и революционную подготовку студентов 73-х азиатских национальностей, в т.ч. китайских студентов.

Конрад Николай Иосифович (1891–1970). Востоковед, японист и китаевед. Профессор (1926). Д.филол.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Окончил китайско-японское отделение Петербургского университета (1912). Учился в Японии (1914–1917). Лауреат государственной премии СССР (1972). Сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). В июле 1938 г. арестован как «японский шпион», осуждён на 5 лет заключения, освобождён в сентябре 1941 г.

Конфуций 孔夫子 (Кунцзы 孔子 – Учитель Кун, 552/551 г. до н.э. – 479 г. до н.э.). Великий философ, основатель конфуцианства. В истории цивилизации Конфуция ставят в один ряд с основателями мировых религий: Иисусом Христом, Буддой и Мухаммедом.

Королёв Сергей Павлович (1907–1966). Советский учёный, конструктор, основоположник советской практической космонавтики, главный организатор производства ракетно-космической техники и ракетного оружия СССР. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Академик Академии наук СССР.

Коротков Николай Николаевич (1908–1993). Китаевед. Д.филол.н. (1971). Окончил востфак Дальневосточного института народного хозяйства (1931). Работал в МИВ – преподаватель (1932–1939), завкафедрой китайского языка (1942–1954), в Высшей дипломатической школе МИД СССР (1939–1942), МГИМО, ВИИЯ.

Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939). Революционер, политик. Член РСДРП(б) с 1907 г. Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума, депутат ВС СССР с 1937 г. Был генсеком Компартии Украины, зампредседателя правительства СССР, членом Политбюро ЦК ВКП(б). Считается одним из главных организаторов голода на Украине в 1932–1933 гг. Имел 4 братьев и сестру. Расстрелян, как

и ещё два брата, в годы сталинских репрессий.

Косичев Анатолий Данилович (1914–2014). Историк, философ. Преподаватель философского факульета МГУ (с 1949), профессор (1965). Декан философского факультета МГУ (1978–1986), завкафедрой истории марксистско-ленинской философии (1971–1989). Профессор философии и советник ректора Шанхайского университета (Китай, 1955–1957).

Костин Леонид Алексеевич (1922 г.р.). Государственный деятель. Один из основателей экономики труда как науки. 1-й зампредседателя Госкомтруда СССР (1976). Представитель Правительства СССР в Международной организации труда (1974–1988). Профессор Академии общественных наук (Академия госслужбы при Президенте РФ). Профессор кафедры экономики труда в Академии труда и социальных отношений (1991–2006).

Костяева Александра Сергеевна (1932–2003). Китаевед. К.и.н. (1967). Окончила истфак МГУ (1955). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961).

КПК – Коммунистическая партия Китая. Основана в 1921 г. в Шанхае. Правящая партия в КНР (с 1949).

Кривцов Владимир Алексеевич (1921–1985). Востоковед, к.филос.н. (1963), профессор (1979). Окончил МИВ (1949), ВДШ МИД СССР (1958). Сотрудник МИД СССР (1950–1968), ИВЯ при МГУ (с 1968). Сотрудник ИДВ АН СССР (1968–1985), замдиректора ИДВ.

Крил, Херрли Глесснер (*Herrlee Glessner Creel*, 1905–1994) выдающийся американский синолог, профессор Чикагского университета.

Кроль Юлий Львович (1931 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил востфак ЛГУ (1951). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1957). Специалист по древней истории Китая.

Крушинский Андрей Андреевич (1953 г.р.) Китаевед. К.и.н. (1984), д.филос.н. (2006). Окончил ИСАА при МГУ (1975). Сотрудник ИМРД (1978–1979), ИВ АН СССР (1983–2007), сотрудник ИДВ РАН. Преподавал в РГГУ. Специалист по изучению *И цзин* (Книги Перемен).

Крымов Афанасий Гаврилович (*Го Шао-тан* 郭肇堂, 1905–1988). Китаевед, революционер, политэмигрант. Профессор (1961), д.и.н. (1962). Учился в Москве, в КУТВ. С 1928 г. преподавал в КУТК, КУТВ и других вузах Москвы. Сотрудник Международного Аграрного института (1930–1932). В 1934 г. окончил ИКП, стал кандидатом наук (без защиты). Работал в ИККИ политсекретарём Г. Димитрова. Репрессирован, арестован в 1938 г., осуждён в 1939 г. на 15 лет. Находился в заключении до 1953 г., затем в ссылке до 1954 г. В 1954 г. приговор 1939 г. отменён «за недостаточностью улик». В 1956 г. дело пересмотрено и повторно прекращено «за отсутствием состава преступления». Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1988).

Крюгер Ахим (*Joachim Krüger,* 1935–2012). Синолог, доктор, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта.

Крюков Василий Михайлович (1962–2008). Китаевед-историк, д.и.н. (1997). Окончил ИСАА при МГУ (1984). Сотрудник ИВ РАН (1987–1997). Доцент Тамканского университета (Тайвань, 1997–2008). Специалист по истории древнего Китая, литературный критик (русская классическая литература).

Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (1962). Академик Европейской академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), Института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993–2002).

Куврэр, Серафэн (Séraphin Couvreur, 1835–1919). Французский священник-иезуит, миссионер в Китае, синолог.

Кузес Владимир Сергеевич (1923–2008). Китаевед. К.и.н. (1978). Окончил ВИИЯ (1949). Сотрудник ИВ АН СССР/РАН (1952–1998). Участник ВОВ.

Кузнецов Вячеслав Семёнович (1932 г.р.). Д.и.н. (1985), доцент (1971). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИИАЭ КазССР (1961–1965), ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР (1965–1969). Преподавал в ДВГУ. Сотрудник ИДВ РАН (с 1969).

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна (1978 г.р.). Китаевед, историк. Сотрудник отдела Китая ИВ РАН (с 2005). Ученица С.Р. Кучеры, специалист по истории и археологии древнего Китая (эпоха Шан).

Кузык Борис Николаевич (1958 г.р.). Российский бизнесмен и экономист, д.э.н., профессор, академик РАН (2011), директор Института экономических стратегий.

Кульпин-Губайдуллин Эдуард Сальманович (1939–2015). Востоковед, философ, историк, к.экон.н. (1975), д.филос.н. (1992), профессор (1999). Сотрудник ИВ РАН (с 1991), завкафедрой истории МФТИ (с 1999). Инициатор ежегодной международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории».

«Культурная революция» – идейно-политическая кампания в КНР (1966–1976), развёрнутая Мао Цзэ-дуном, который под предлогами возможной «реставрации капитализма» и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» поставил цели дискредитировать и подавить политическую оппозицию, укрепить режим личной власти (культ личности) в КНР.

Кургинян Сергей Ервандович (1949 г.р.) Политический деятель, театральный режиссёр, политолог и лидер движения «Суть Времени».

Куценков Анатолий Акимович (1929 г.р.). Индолог, политолог, социолог, экономист и историк. К.экон.н. (1955), д.и.н (1974). Сотрудник отдела ЦК КПСС (1958–1961), корреспондент газеты «Правда» в Южной Азии (1961–1965), ИВ РАН (с 1979), ИМРД (1976–1989).

Кучера Станислав-Роберт (1928 г.р., Львов). Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953–1960). Сотрудник ИВ РАН (с 1967). Изучает древнюю историю и археологию Китая. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 178–218.

Кучук Ольга Валерьевна (1948 г.р.). Китаевед, к.и.н.(1980), профессор (1992). Преподаватель Восточного института ДВФУ (Владивосток).

Кычанов Евгений Иванович (1932–2013). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор (1986). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник СПбФ ИВ РАН (с 1958), директор СПбФ ИВ РАН (1996–2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, нацменьшинства КНР. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 219–257.

Кэрен, Доротея (*Dorothée Kehren*). Немецкий синолог, специалист по литературе и искусству Китая.

Кювье Жорж Леопольд (*Jean Léopold Nicolas Frédéric Cuvier,* 1769–1832). Французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии. Крупнейший специалист-зоолог конца XVII – начала XIX вв. Его брат Фредерик Кювье (1773–1838) также был выдающимся зоологом.

Кюзаджян Липарит Саркисович (1932 г.р.) Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1981). Окончил истфак МГУ (1955). Сотрудник Института китаеведения

(1957). Отв. секретарь редакции журнала «Советское китаеведение» (1957–1959). Сотрудник издательства «Восточная литература» (1959–1962). Собкор газеты «Правда» в КНР (1962–1965). Замдиректора (1970–1987), сотрудник (1993–1997) ИНИОН АН СССР.

Кюнер Николай Васильевич (1877–1955). Востоковед, историк, этнограф. Окончил востфак Петербургского университета (1900). Профессор Восточного института во Владивостоке (с 1902). Специалист по истории и этнографии Китая, Тибета, народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Сотрудник Института этнографии АН СССР (1934–1955).

Лазарев Виктор Никитич (1897–1976). Искусствовед, преподаватель МГУ. Специалист по истории древнерусского, византийского и армянского искусства, а также итальянского искусства эпохи Возрождения.

Лайнгер Светлана Романовна (1930–1990). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончила истфак МГУ (1953). Редактор Хабаровской студии радиовещания на страны Дальнего Востока и США Гостелерадио СССР (1953–1956). Сотрудник института китаеведения/ИВ АН СССР (с 1957). Изучала историю китайского эмиграционного движения сер. XIX – нач. XX в.

Лао-цзы 老子 – великий древнекитайский мудрец-философ, жил VI–V вв. до н.э. Современник Конфуция. Лао-цзы приписывается авторство классического даоского философского трактата *Дао-дэ цзин*.

Лапина Зинаида Григорьевна (1934 г.р.) Китаевед, д.и.н. (1986), профессор (1990), заслуженный профессор МГУ (2002). Окончила ИВЯ при МГУ (1957), истфак Пекинского университета (1960). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1964). Специалист по средневековой истории Китая. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 258–289.

Ларин Александр Георгиевич (1932 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1966). Окончил МИВ (1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1964–1970), ИМРД (1971–1972), ИДВ АН СССР (с 1971). Автор ряда работ по новейшей истории Тайваня и китайской диаспоре в России.

Ларичев Виталий Епифанович (1932–2014). Востоковед, археолог, антрополог, д.и.н. (1971). Один из ведущих специалистов по археологии и истории чжурчжэней и других древних народов Дальнего Востока России, а также Маньчжурии и Монголии.

Лассаль, Фердинанд (*Ferdinand Johann Gottlieb Lassalle,* 1825–1864). Немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель.

Леви-Брюль, Люсьен (*Lucien Lévy-Bruhl,* 1857–1939). Французский философ, антрополог, психолог. Представитель французской социологической школы, изучавший проблему первобытного мышления.

Легг, Джеймс (*James Legge*, 1815–1897). Выдающийся британский синолог, миссионер.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Революционер, один из создателей и член РСДРП (1898). Вождь и теоретик большевизма. Основатель РСДРП(б) с 1903 г. и один из руководителей Октябрьской революции 1917 г. Председатель Совета народных комиссаров РСФСР (СССР) с 1917 г. и Совета труда и обороны (с 1922).

Леонтьев Алексей Леонович (1716–1786). Синолог, один из основателей российского китаеведения. Переводчик китайских и маньчжурских текстов. Студент при Пекинской духовной миссии.

Ли Да 李达 (1890–1966). Философ-марксист, просветитель. Один из основателей компартии Китая, участник I съезда КПК в 1921 г. Член КПК с 1923 г. Профессор ряда китайских университетов. Подверг-

ся репрессиям и умер в годы «культурной революции». Реабилитирован в 1978 г.

Ли Да-чжао 李大釗 (1889–1927). Учёный, революционер и общественный деятель, один из первых китайских марксистов и основателей КПК.

Ли Сы 李斯 (280–208 до н.э.). Влиятельный сановник при дворе императора Цинь Ши-хуана, занимал должность главного советника в государстве Цинь в 246–208 гг. до н.э.

Ли Цзе-хоу 李泽厚 (1930 г.р.). Философ, историк. Один из ведущих специалистов по истории и культуре Китая. Живёт в США.

Линь Бяо 林彪 (1907–1971). Партийный и государственный деятель, маршал (1955), министр обороны КНР. Один из идеологов «культурной революции». В 1969 г. на IX съезде КПК объявлен «преемником» Мао Цзэ-дуна, а в 1973 г. – «интриганом» и «национальным изменником». Погиб в авиакатастрофе в Монголии в августе 1971 г. После смерти лишён всех званий и объявлен изменником. В отличие от других лидеров КНР, не был реабилитирован.

Лисевич Игорь Самойлович (1932–2000). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1981). Преподаватель Восточного института во Владивостоке. Окончил МГИМО МИД СССР (1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1963). Преподавал в ИВЯ МГУ (1956–1959). Изучал литературную мысль Китая в древности и средневековье.

Ломанов Александр Владимирович (1968 г.р.). Китаевед, д.и.н. (2001). Окончил философский факультет МГУ (1989). Сотрудник (с 1989), главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Ломова Ольга (*Olga Lomová*, 1957 г.р.). Китаевед, профессор факультета синологии, Карлов университет, Чехия. Руководитель международного синологического центра Цзян Цзин-го в Праге.

Лоэр, Макс (*Loer Max*, 1903–1988). Синолог, историк, искусствовед, профессор Гарвардского университета.

Лубо-Лесниченко Евгений Иосифович (1929–2001). Китаевед, искусствовед, д.и.н. (1990). Окончил востфак ЛГУ (1953). Сотрудник (1957), завотделом Дальнего Востока (с 1965) Государственного Эрмитажа.

Лузянин Сергей Геннадьевич (1956 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1997), профессор (2005). Преподаватель МГИМО(У) МИД РФ (с 2001), НИУ ВШЭ (с 2011), сотрудник ИВ РАН (1993–1999), ИДВ РАН (с 1999). Заместитель директора ИДВ РАН (с 2008).

Лукин Владимир Петрович (1937 г.р.). Политик, учёный, дипломат. д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1992). Посол РФ в США (1992–1993). Уполномоченный по правам человека РФ (2004–2014).

Лукьянов Анатолий Евгеньевич (1955 г.р.) Китаевед, д.филос.н. (1991). Окончил философский факультет МГУ (1975). Преподаватель РУДН (1978–1993), РГГУ (1993–1997). Сотрудник ИДВ РАН (с 1997). Исследователь древней и средневековой китайской философии.

Лунь юй 論語 (Беседы и суждения, Обсуждённые речи, Избранные беседы). Главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция (551–479 гг. до н.э.), записавшими факты биографии, высказывания и поступки учителя, а также беседы с его участием.

Лю Бан 劉邦 (256 или 247 г. – 195 г. до н.э.). Первый император династии Хань, основанной им в 202 г. до н.э. Посмертное храмовое имя Гао-цзу.

Лю Шао-ци 劉少奇 (1898–1969). Государственный и партийный лидер КНР. Учился в КУТВ в Москве (1921). Член ЦК КПК (1927). Политкомиссар 4-й армии, член секретариата ЦК КПК (1932–1942). Председатель ПК ВСНП (1954–1959). Официально назван преемником Мао. Поддержал «Большой скачок», но затем выступил за постепенность экономического развития. В 1967 г. осуждён в прессе КНР как «самое большое лицо в партии, облечённое властью и идущее по

капиталистическому пути» и «китайский Хрущёв». В 1968 г. обвинён в «контрреволюционной деятельности», изгнан из партии, смещён со всех постов. Арестован и умер в 1969 г. в тюрьме г. Кайфын. Реабилитирован в 1980 г.

Лян Ци-чао 梁啟超 (1873–1929). Философ, историк, литератор, государственный и общественный деятель. Один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае на рубеже XX в. Критиковал Сунь Ят-сена, отвергал революционное насилие. После Парижской мирной конференции (1918) заявил про крах «западной мечты» о всесилии науки, предложив пропаганду китайской духовности, как путь спасения Запада.

Лян Шу-мин 梁漱溟 (1893–1988). Философ, представитель современного конфуцианства. Создатель новой для истории китайской мысли концепции исторического развития отдельных культур и их типологии. Впервые рассмотрел культуру Китая во взаимодействии с культурой всего человечества. Его типология культур являет собой плод взаимодействия традиционной китайской мысли с западноевропейской философией.

Ма Ин-цзю 馬英九 (1951 г.р.). Президент Китайской Республики на Тайване 12-го (2008–2012) и 13-го (2012–2016) срока правления. Председатель правящей партии Гоминьдан. В 1990-х гг. – министр юстиции, мэр г. Тайбэй (1998–2006). Юрист, доктор наук (Гарвардский университет).

Ма Инь-чу 馬寅初 (1882–1982). Крупный экономист, видный общественный и государственный деятель Китая.

Мадьяр Людвиг Игнатьевич (1891–1937). Настоящее имя Мильхофер Лайош. Венгерский историк-китаевед, политолог, экономист, дипломат, журналист. Член РКП(б) с 1922 г. Сотрудник ТАСС. В 1926–1927 гг. служил дипломатом в Китае, затем работал в Москве в Коминтерне. Преподаватель, активный участник дискуссий 1929–1930 гг. об «азиатском способе производства». По некоторым данным, арестован в 1935 г. Приговорён к расстрелу 02.11.1937. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Майоров Владимир Михайлович (1958 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1993). Сотрудник ИДВ РАН, ИНИОН РАН, доцент университета Чэнгун (National Cheng Kung University) на Тайване. Автор многих статей и переводов классических древнекитайских памятников письменности. Интересы: традиционное общество и культура Китая в средние века и новое время, история и историография культурных контактов Китая с Западом и Россией.

Малагрида, Габриэль (*Gabriel Malagrida*, 1689–1761). Священник-иезуит, возглавлял иезуитскую организацию, боролся с партией короля в Португалии.

Малов, Бруно (*Bruno Mahlow*, 1937 г.р.). Немецкий учёный, синолог. Родился в Москве, окончил китайское отделение востфака МГИМО. Работал в МИД ГДР, посольстве ГДР в Китае. Сотрудник Отдела международных связей при ЦК СЕПГ.

Мальтус Томас Роберт (*Thomas Robert Malthus*, 1766–1834). Английский священник, учёный, демограф и экономист, автор теории о неконтролируемом росте народонаселения, опережающем возможности человечества предоставить всем достойные условия жизни.

Малявин Владимир Вячеславович (1950 г.р.). Востоковед (китаевед). Д.и.н. (1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975–1988). Сотрудник института этнографии АН СССР (1985–1991). Профессор университета Тамкан (Тайвань, с 1997). Специалист по китайской философии, культуре и этнической истории Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57

Мамардашвили Мераб Константинович (1930–1990). Философ, д.филос.н. (1968), профессор (1972). Окончил

философский факультет МГУ (1954). Работал в журналах «Вопросы философии» (1957–1961, 1968–1974), «Проблемы мира и социализма» (1961–1966). Сотрудник института истории естествознания и техники АН СССР (1974–1980). С 1980 г. жил и работал в Грузии.

Мао Цзэ-дун 毛泽东 (1883–1976). Революционер, один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 г. фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культа личности».

Маракуев Александр Владимирович (1891–1955). Востоковед-энциклопедист. к.геогр.н. (1955). Экономист, специалист по географии стран Дальнего Востока. Много лет работал во Владивостоке, в Северо-Восточном Китае. Преподавал в ДВГУ (1930–1939), заведовал научной библиотекой ДВГУ (до 1939).

Мариана, Хуан де (*Juan de Mariana,* 1536–1624). Испанский иезуит и историк. Работы: Хуан де Мариана. «О короле и институте королевской власти» De rege et regis institutione (Toledo, 1598).

Маркс Карл (1818–1883). Немецкий философ, социолог, экономист, журналист и общественный деятель. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Основатель коммунистического движения и идеологии «марксизма».

Мартынов Александр Степанович (1933 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1975). Окончил востфак ЛГУ (1957). Сотрудник ИВР РАН (с 1960). Преподаватель Востфака СПбГУ (с 1992).

Мартынов Дмитрий Евгеньевич (1980 г.р.). Историк, д.и.н. (2013), доцент (2012). Казанский государственный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения. Историк общественной мысли Китая, автор более сотни статей и нескольких монографий.

Медведев Вадим Андреевич (1929 г.р.). Политик, экономист. Д.э.н. (1968), членкор АН СССР (с 1984). С 1971 г. работал в Москве: зам. завотделом пропаганды ЦК КПСС, ректор Академии общественных наук, завотделом науки и учебных заведений, отделом по связям с социалистическими странами ЦК КПСС. Секретарь ЦК КПСС (1986–1990). Член Политбюро ЦК КПСС (1988–1990).

Меликсетов Арлен Ваагович (1930–2006). Китаевед. Д.и.н. (1976), профессор (1976). Окончил истфак МГУ (1956). Сотрудник Института китаеведения (1956–1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960–1989). Директор ИСАА при МГУ (1989–1994). Главред журнала «Китаеведение» (с 2000).

Мельниченко Борис Николаевич (1935 г.р.). Китаевед. д.и.н. (1993), профессор (1996). Окончил истфак Пекинского университета (1961), востфак ЛГУ (1962). Преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока востфака ЛГУ (с 1961). Исследователь истории Китая, Таиланда, стран ЮВА, в том числе истории буддизма.

Меньшиков Лев Николаевич (1926–2005). Китаевед, историк, литературовед. Д. филол.н. (1976), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по китайской драме, издатель и интерпретатор традиционных китайских текстов (в том числе рукописей из Дуньхуанского фонда и коллекции Хара-Хото). Почётный член Дуньхуанской академии КНР (1999). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955).

Мещеряков Александр Николаевич (1951 г.р.). Японист, историк, литератор. Д.и.н. Сотрудник, профессор Института восточных культур и античности РГГУ (с 2002). Возглавлял Межрегиональную общественную организацию «Ассоциация японоведов» (2003–2008), журнал «Япония. Путь кисти и меча». Член редсовета журнала «Восточная коллекция».

Микоян Анастас Иванович (1895–1978). Государственный и политический деятель. Нарком внешней и внутренней торговли СССР (1926–1930), нарком

внешней торговли СССР (1938–1949), министр торговли СССР (1953–1955), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1964–1965).

Митбрейт Борис Абрамович (1920–1960). Китаевед, к.и.н. (1953). Окончил МИВ (1948). Сотрудник ИВ АН СССР (1953–1956), Института китаеведения (1956–1962), ИЭМСС (1964–1966), ИДВ АН СССР (1966–1980). Исследователь новейшей истории Китая.

Митин Марк Борисович (1901–1987). Философ, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943). Член ЦК ВКПб/КПСС (1939–1961). Депутат ВС СССР (1950–1962). Замдиректора Института философии АН СССР. Специалист по диамату и истмату, по критике буржуазной философии. Редактор журнала «Под знаменем марксизма» (1930–1955). В 1939–1944 – директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Шеф-редактор газеты «За прочный мир, за народную демократию» (1950–1956). Редактор журнала «Вопросы философии» (1960–1967).

Млечин Леонид Михайлович (1957 г.р.). Журналист, международный обозреватель. Корреспондент журнала «Новое время» (1979–1993). Постоянный участник передачи «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы».

Мо Янь 莫言 (1955 г.р.). Современный китайский писатель, почётный доктор филологии Открытого университета Гонконга. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 г. за «его галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью».

Молодин Вячеслав Иванович (1948 г.р.). Историк, археолог, д.и.н. (1984), профессор (1991), академик РАН (1997). Замдиректора Института археологии и этнографии СО РАН (с 1993).

Молодцов Василий Сергеевич (1900–1985). Советский учёный, философ. Декан философского факультета МГУ (1952–1968).

Молодцова (Кондрашова) Людмила Ивановна (1933 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1986). Окончила МИВ – геогр. факультет МГУ (1957). Окончила Пекинский университет (1960). Сотрудник ИЭМСС (с 1961), ИДВ РАН (с 2000).

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986). Советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР (1930–1941), нарком, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 гг. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС в 1921–1957 гг.

Монтескьё, Шарль-Луи де Секондá, барон Ля Брэд и де (*Charles-Louis de Seconda*, 1689–1755). Французский писатель, правовед и философ.

Мориц, Ральф (*Ralf Moritz*, 1941 г.р.) Немецкий синолог, исследователь древнекитайской философии. В 1982 г. опубликовал перевод *Лунь-юй*. Работал директором Азиатского департамента Лейпцигского университета (1988–1993), директором Института Азии (1994–1998 и 2001–2006). С 2007 — директор Института Конфуция.

Мороз Ирина Тимофеевна (1924 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1970). Окончила востфак ЛГУ (1950). Сотрудник ИВ АН СССР (1967–1968), ИДВ АН СССР (с 1968).

Московский институт востоковедения (*МИВ*). Создан путём преобразования Лазаревского института восточных языков и действовал в 1920–1954 гг.

Мо-цзы 墨子 (*Мо Ди* 墨翟) (ок. 479–391 гг. до н.э.). Китайский мыслитель. Выступал противником конфуцианства и даосизма, выдвинув теорию о том, что все беды в мире происходят от человеческого эгоизма и нежелания размышлять над своими поступками. Основал школу моистов (*мо-цзя*).

Мясников Владимир Степанович (1931 г.р.). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Специалист по истории рос-

сийско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 322–349.

Надточенко Борис Яковлевич (1939 г.р.). Китаевед, переводчик. Окончил Институт восточных языков при МГУ (1964). Сотрудник ИДВ РАН (с 1995).

Найлан, Мишель (Michael Nylan). Американский синолог, профессор Института азиатских иследований, Калифорнийский университет (Беркли). Редактор научного журнала «Early China». Исследователь *Ши цзи*.

Наумкин Виталий Вячеславович (1945 г.р.). Востоковед, арабист, исламовед, политолог. Д.и.н. (1981), профессор (1989), членкор РАН (2012). Окончил ИСАА при МГУ (1968). Сотрудник ИСАА при МГУ (1972–1984), ИВ РАН (с 1984). Директор ИВ РАН (2009–2015). Член научного совета при Российском совете по международным делам (с 2011).

Не Юань-цзы 聂元梓 (1921 г.р.). Кадровый партработник. В КПК вступила в 17 лет. С начала 1965 г. – парторг объединённого парткома философского факультета Пекинского университета. Одна из лидеров группировки «бунтарей» (*цзаофаней*). Вместе с 6 аспирантами написала первую *дацзыбао*.

Недошивин Герман Александрович (?–?). Искусствовед, критик, преподаватель МГУ.

Неглинская Марина Александровна (1959 г.р.). Китаевед-историк, искусствовед. Доктор искусствоведения (2007). Научный сотрудник ИВ РАН (с 2008).

Непомнин Олег Ефимович (1935 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1984). Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Сотрудник ИВ РАН с 1962 г. Специалист по социально-экономической истории Китая.

Нидэм, Ноэль Джозеф Теренс Монтгомери (*Noel Joseph Terence Montgomery*, 1900–1995). Британский учёный широкого профиля: биохимик и эмбриолог, синолог, член Королевского общества и Британской академии наук, профессор и почётный член многих университетов мира, почётный советник ЮНЕСКО.

Никифоров Владимир Николаевич (1920–1990). Китаевед, д.и.н. (1967). Сотрудник ИВ РАН (1950–1970, 1984–1990), ИДВ АН СССР (1970–1984). Преподаватель ВПШ и Народного университета в Пекине (1953–1956).

Никогосов Эдуард Васильевич (1933–1994?). Журналист-международник. Окончил МИВ. Участник событий на Даманском в 1969 г. Позднее – консультант-переводчик ИДВ АН СССР. Один из авторов Ошанинского словаря (БКРС).

Никольский Михаил Михайлович (1929–1981). Китаевед, к.э.н. (1959). Окончил МИВ (1953). Сотрудник Института китаеведения (1961–1963), ИДВ АН СССР (1967–1981).

Ниткин Владимир Краснович (Хунович, Ни Дэ-гэнь) (1905–1960-е?). Этнический китаец, эмигрант. Преподавал китайский язык в ЛГУ. По профессии – художник.

Общество и государство в Китае – Научная конференция. Проводится отделом Китая ИВ АН СССР (РАН) ежегодно, начиная с 1970 г.

Ойзерман Теодор Ильич (1914 г.р.). Философ, историк философии. Д.филос.н., профессор, академик АН СССР (с 1991 – РАН), лауреат Государственной премии СССР (1983).

Окладников Алексей Павлович (1908–1981). Археолог, историк, этнограф. Академик АН СССР (1968), членкор Британской академии (1973), лауреат Сталинской премии (1950) и Государственной премии СССР (1973). Герой Социалистического Труда (1978).

Островский Андрей Владимирович (1949 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1991), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Сотрудник ИДВ АН СССР (1973), заместитель директора ИДВ РАН.

Ошанин Илья Михайлович (1900–1982). Китаевед, д.филол.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии Фэн Юй-сяна (1924–1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1976–1978). Лауреат Госпремии СССР (1982).

Павлов Всеволод Владимирович (1898–1972). Искусствовед-египтолог, доктор искусствоведения (1944). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1962). Сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина (1929–1962). Преподаватель МГУ. Читал лекции по искусству Древнего Египта и Дальнего Востока.

Палладий, Архимандрит (*Пётр Иванович Кафаров*, 1817–1878). Китаевед, священнослужитель, глава 13-й Русской православной миссии в Пекине. Возглавлял также 15-ю миссию (1865–1878), до самой смерти. Создатель китайско-русского словаря и транскрипционной системы.

Панкратов Борис Иванович (1892–1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. Окончил Восточный институт (Владивосток, 1916). Много лет жил и работал в Китае. Владел китайским, монгольским, тибетским, маньчжурским и другими языками. Преподаватель востфака ЛГУ (1949), сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935–1942, 1948–1979). Специалист по зарубежной историографии Китая XX в. и новейшей истории Китая.

Панцов Александр Вадимович (1955 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1993). Окончил ИСАА при МГУ (1978). Замдиректора ИСАА при МГУ (1998–1999). Преподаёт в разных университетах США (с 1994). Профессор Капитолийского университета (с 1999). Специалист по истории КПК и советско-китайским отношениям.

Пань Тянь-шоу 潘天壽 (1898–1971). Почётный член Российской академии художеств. См.: Виноградова Н.А. Пань Тяньшоу и традиции живописи гохуа. М., 1993.

Пань Цзы-нянь 潘梓年 (1893–1972). Философ, логик. Основатель и декан университета Хуанань (1929). Один из руководителей Xinhua Daily 新华日报.

Парсонс, Толкотт (*Talcott Parsons*, 1902–1979). Американский социолог-теоретик, глава школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии и социальной антропологии.

Парфионович Юрий Михайлович (1921–1990). Китаевед, тибетолог, к.и.н., сотрудник Отдела Китая ИВ АН.

Пекинский университет 北京大學 (коротко: *Бэйда* 北大). Главный и старейший университет Китая. Основан в 1898 г. Занимает первое место в Азии и одно из ведущих мест в мире по уровню и условиям образования.

Пеллио (Пельо) Поль (*Paul Pelliot*, 1878–1945). Французский востоковед. Специалист по истории Китая, истории даосизма, буддизма и иностранных религий в Китае. Исследовал язык и культуру монголов, а также историю и культуру других народов Центральной Азии. Профессор Колледж да Франс (с 1911), главред синологического журнала «T'oung Pao» (с 1920), иностранный членкор АН СССР (1922). Президент Азиатского общества (Societé Asiatique, с 1935).

Пеньковский Вячеслав Иванович – востоковед, декан китайского факультета МИВ (Московский институт востоковедения), преподавал китайский язык.

Переломов Леонард Сергеевич (1928 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окон-

чил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955), ИДВ РАН с 1971. Заслуженный деятель науки РФ. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации. Исследователь древнекитайской философии: легизм, конфуцианство и др.

Пересветов Иван Семёнович (2-я пол. XVI в.; годы жизни неизвестны). Философ, писатель-публицист, один из ярчайших представителей русской общественно-политической мысли XVI в.

Песталоцци, Иоганн Генрих (*Johann Heinrich Pestalozzi*, 1746–1827). Один из крупнейших швейцарских педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX в. Внёс значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

Петербургское востоковедение – издававшийся в 1990-х гг. альманах и одноимённое первое частное научное издательство по этому профилю. Создано в 1992 г. Директор издательства – китаист И.А. Алимов. В настоящее время – издательский центр «Петербургское востоковедение», второе по значимости академическое востоковедное издательство РФ.

Петрик Виктор Иванович (1946 г.р.). Российский предприниматель, автор ряда лженаучных (неакадемических) исследований (в том числе в области очистки воды), действительный член РАЕН.

Петров Аполлон Александрович (1907–1949). Китаевед. Окончил ЛГУ (1930). К.филос.н. (1935). Изучал древнекитайскую философию. Преподавал в ЛГУ (1936–1941), МГИМО МИД СССР (1946–1949). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936–1941), НКИД СССР (с 1941). В 1942–1943 гг. послан на дипломатическую работу в Китай (Чунцин) 1-м секретарём и советником посольства. Посол СССР в КНР (1945–1948). В 1947 г. из-за ареста жены, Аверкиевой Ю.П., обвинённой в контактах с дипломатами США (по литературе об индейцах для диссертации, которую она писала), вместо поста замминистра пошёл на понижение. Эксперт в Архивном управлении МИД СССР (1948–1949).

Петров Виктор Васильевич (1929–1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951–1987). Член Союза писателей СССР (с 1957).

Петровский Иван Георгиевич (1901–1983). Советский учёный, выдающийся математик. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова (1951–1973).

Петросян Юрий Ашотович (1930–2011). Тюрколог, профессор, д.и.н. (1970). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР с 1956 г. Директор ЛО ИВ АН СССР (1963–1996).

Пигулевская (Стебницкая) Нина Викторовна (1894–1970). Историк, членкор АН СССР (1946). Изучала страны Ближнего и Среднего Востока и Византии в раннее средневековье.

Писарев Александр Андреевич (1950 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992), профессор ИСАА МГУ. С 1996 г. профессор Тамканского университета (Тайвань). Специалист по истории Китая в республиканский период.

Позднеева Любовь Дмитриевна (1908–1974). Китаевед, д.филол.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865-1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Специалист по китайской литературе.

Покора, Тимотеус (*Pokora Timotheus (Timoteus)*, 1928–1985). Чешский синолог, ученик Я. Прушека. Работал в Восточном институте Чешской АН и в Карловом университете в Праге, читал лекции в Гейдельберге (1965–1966). Изучал историю и культуру эпохи Хань. Написал магистерскую диссертацию о философе Ван Чуне (1954), издал ряд переводов из трактата Ван Чуна в виде книги на чешском языке (1971). Учился в аспирантуре при Пекинском университете (1956–1957). В 1968 г. уволен из института в Чехословакии. Работал в Центре исследований

Мичиганского университета по китаеведению (1969–1970). Отдельные свои тексты и переводы (иные даже с русского) печатал под псевдонимами: E. Bayerlová, M. Čarnogurska,VA. Černý, Jan Kalina и др.

Полонская Людмила Рафаиловна (*Гордон*, 1922–1996). Востоковед, д.и.н. (1965), профессор (1971). Окончила истфак МГУ (1947). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1950). Преподаватель истфака МГУ (1948–1953), ИСАА при МГУ (с 1966). Специалист по Афганистану, Индии, Пакистану.

Полоньи Петер. Родился в начале 1930-х гг. Венгерский синолог. Исследователь буддизма, работал в одном из музеев Будапешта. В силу требований времени занимался и проблемами современного Китая. После установления новой власти в Венгрии ушёл в бизнес (по сообщению проф. С. Кучеры).

Поляков Сергей Петрович (1932–2012). Этнограф и археолог, д.и.н., профессор МГУ.

Померанц Григорий Соломонович (1918–2013). Философ, культуролог, писатель, эссеист. Окончил ИФЛИ (1940). В 1949 г. осуждён на 5 лет лагерей по обвинению в антисоветской деятельности. Освобождён в 1953 г., реабилитирован в 1956 г. Работал в ИНИОН АН СССР. В 1976 имя Померанца запретили упоминать в советской прессе. В 1984 г. «предупреждён об ответственности по ст. 190» («клевета на советскую действительность»). Книги выходили в Мюнхене, Париже, Нью-Йорке.

Померанцева Лариса Евгеньевна (1938 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1972), доцент (1988). Окончила ИВЯ при МГУ (1964). Стажёр Пекинского университета (1962–1963). Преподаватель ИВЯ/ИСАА при МГУ (с 1965). Исследователь древнекитайского памятника *Хуайнаньцзы*.

Пономарёв Борис Николаевич (1905–1995). Партийный деятель. Член РКП(б) (1919). Окончил МГУ (1926), ИКП (1932). Замдиректора ИКП (1932–1934). Помощник главы ИККИ Г. Димитрова (1936–1943). Начальник Совинформбюро при Совмине СССР (1947). Завотделом по связям с иностранными компартиями при Международном отделе ЦК КПСС (1955–1986). Кандидат в члены ПБ ЦК КПСС (1972–1986). Академик АН СССР (1962). Руководитель коллектива авторов учебника по истории КПСС (1960, 1971–1974). Редактор многотомной истории КПСС. Отв. редактор 10-томника «История СССР с древнейших времён до наших дней» (1963).

Портяков Владимир Яковлевич (1947 г.р.). Китаевед-экономист, к.и.н. (1978), д.э.н. (1999). Окончил географический факультет МГУ (1970). Сотрудник торгпредства, посольства СССР в КНР. Сотрудник ИЭМСС АН СССР, ИДВ РАН (1992–1999 и с 2003). Замдиректора ИДВ РАН, главред журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Поршнева Екатерина Борисовна (1932 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончила истфак МГУ (1955). Сотрудник Института китаеведения (1960), ИВ АН СССР (с 1960). Изучала историю социальных и религиозных движений в Китае.

Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929). Историк, членкор РАН (1920). Доцент, профессор по кафедре русской истории Санкт-Петербургского (затем – Петроградского, Ленинградского) университета (с 1918). Профессор Института красной профессуры (с 1927), Пединститута им. А.И. Герцена.

Примаков Евгений Максимович (1929–2015). Востоковед-арабист. Окончил МИВ (1953). Д.э.н. (1969). Профессор (1974), академик АН СССР (1979). Директор ИВ АН СССР (1978–1985), ИМЭМО АН СССР (1985–1989). Член ПБ ЦК КПСС (1989–1990). Директор службы внешней разведки РФ (1991–1996). Министр иностранных дел РФ (1996–1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ

(1998–1999). Депутат Госдумы РФ (2000–2001). Президент торгово-промышленной палаты РФ (2001–2011).

Прядохин Михаил Георгиевич (1925 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1969), доцент (1972). Сотрудник Института китаеведения и ИВ АН СССР (1957–1961), преподаватель МГИМО МИД (1960–1966), ИСАА при МГУ (1972–1985).

Путин Владимир Владимирович (1952 г.р.). Государственный и политический деятель. Директор ФСБ (1998–1999). Председатель правительства РФ (1999–2000, 2008–2012). Президент РФ (2000–2008 и с 2012).

Пэн Дэхуай 彭德懷 (1898–1974). Государственный и военный деятель КНР. Зампремьера Госсовета КНР и министр обороны (1954–1959). Маршал КНР (1955). Известен своей критикой Мао и политики «Большого скачка». Репрессирован в годы «культурной революции». Реабилитирован посмертно.

Пэн Чжэнь 彭真 (1902–1997). Видный партийный и государственный деятель Китая. Член КПК с 1923. Член ЦК КПК (1945). Член ПБ ЦК КПК (1950). Мэр г. Пекин (1951–1966). Пострадал в годы «культурной революции». Реабилитирован в 1978 г. Вновь введён в ПБ ЦК КПК (1979). Председатель Постоянного комитета ВСНП (1983–1988).

Пятигорский Александр Моисеевич (1929–2009). Философ, востоковед, филолог, писатель, педагог. К.филол.н. (1962). Окончил философский факультет МГУ (1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1956–1968). Специалист по индийской философии. Один из отцов Тартуско-Московской семиотической школы. Эмигрировал из СССР в ФРГ (1973). Профессор Лондонского университета. Соавтор первого тамильско-русского словаря. Переводчик древних индусских и буддийских текстов. Автор нескольких романов.

Радуль-Затуловский Яков Борисович (1903–1987). Китаевед и японовед, историк философии.

Рахимов Турсун Рахимович (1912–1986). Востоковед, к.и.н. (1972). Окончил МИВ (1943). Сотрудник ЦК КПСС (1944–1967), ИДВ АН СССР (1967–1982). Руководил сектором археологии в ИДВ АН СССР.

Рахманин Олег Борисович (1924–2010). Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1977). Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). В 1951–1958 гг. и 1960–1963 гг. работал в посольстве СССР в Пекине. Специалист по истории советско-китайских отношений после 1945 г.

Решетов Александр Михайлович (1932–2009). Китаевед, этнограф, к.и.н. Сотрудник МАЭ им. Петра Великого.

Рикетт, Алан (*Alan Rickett W.*). Синолог, ученик *Боддэ*. Синолог. Учился в КНР (1951). Арестован вместе с женой и провёл 4 года в тюрьмах как «американский шпион». Выполнил полный научный перевод трактата *Гуань-цзы* на англ. язык. Rickett W.A. Kuang-tzu. A Repository of Early Chinese Thought. A Translation and Study of Twelve Chapters. Vol.1. Hong Kong, 1965; Он же: Guanzi. Political, Economic and Philosophical Essays from Early China. Vol. 1. Princ., 1985. Vol. 2, Princ., 1998.

Рифтин Борис Львович (1932–2012). Китаевед, литературовед, переводчик. Д.филол.н. (1970), академик РАН (2008). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИМЛИ (1956–2012). Крупнейший в мире специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекитайской мифологии, фольклорной традиции и средневековой литературе Китая.

Рогачёв Алексей Петрович (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник Отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936–1939). Преподаватель в МИВ (с 1939). Профессор ИСАА при МГУ.

Рогачёв Игорь Алексеевич (1932–2012). Китаевед, дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол СССР и России. Посол РФ в КНР (1992–2005). Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ (2005–2012).

Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна (1922 г.р.). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.филол.н. (1963), доцент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА при МГУ (1956–1986).

Розен Виктор Романович (1849–1908). Востоковед-арабист, академик Петербургской Академии наук (1890), вице-президент АН (1900). Профессор, декан факультета вост. языков Петербургского университета (1893–1902). Глава Восточного отделения Русского археологического общества (с 1885).

Розенталь Шелли Марковна (1894–?). Искусствовед, доцент, преподавательница МГУ по кафедре искусствоведения. Автор монографии по Тициану (1940).

Ромодин Вадим Александрович (1912–1984). Востоковед, специалист по истории, историографии и источниковедению, истории культуры Афганистана и Средней Азии. Сотрудник ИВ АН СССР (1952), ЛО ИВ АН СССР (1955–1984).

Россохин Иларион Калинович (1717–1761). Один из первых отечественных китаеведов. Переводчик китайских и маньчжурских текстов. Студент при Пекинской духовной миссии.

Рубин Виталий Аронович (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951–1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972). Профессор Иерусалимского университета (1976–1981). Изучал историю философии древнего Китая.

Рудник Яков Матвеевич (1894–1963). Революционер. Окончил Петроградский политехнический институт. В 1928–1939 гг. работал в Китае, в т.ч. как представитель ОМС ИККИ в Китае (с 1930). Арестован в 1931 г. вместе с женой Т.Н. Моисеенко-Великой (1891–1964) и провёл в заключении 6 лет. В августе 1937 г. супругов освободили, и они уехали в Шанхай, где жили нелегально до июля 1939 г., когда им удалось вернуться в СССР. В 1940 г. преподавал иностранные языки в партшколе ИККИ, был аспирантом, секретарём кафедры китайского языка в МИВ (1940–1941 и после 1950).

Рудова (Пчелина) Мария Леонидовна (1927–2013). Китаевед, к.и.н. (1968). Окончила востфак ЛГУ (1949), работала в Китае (1949–1953). Сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа (1953–2014).

Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993). Учёный, журналист, партийный деятель. Член ЦК КПСС (1952–1976). Д.экон.н., профессор, академик АН СССР (1966), членкор АН ГДР (1967). Завотделом науки и культуры ЦК КПСС (1953-1955). Главред журнала «Коммунист» (1955–1958). Шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» (1958–1964). Главред газеты «Правда» (1964–1965). Главред журнала «Коммунист» (1955–1958).

Румянцев Евгений Николаевич (1952 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1981). Работник Российского посольства в Пекине (2008–2014), ИДВ РАН (с 2015). Ученик М.В. Софронова.

Румянцев Михаил Кузьмич (1922 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1968), профессор (1970). Заслуженный профессор МГУ (1998). Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1960), преподаватель МГИМО МИД СССР (1954–1955), ИВЯ/ИСАА при МГУ (с 1960).

Руссо, Жан-Жак (*Jean-Jacques Rousseau*, 1712–1778). Французский писатель, мыслитель.

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001). Историк и археолог. Академик АН СССР (1958). Директор ИА АН СССР. Автор трудов по археологии, истории, культуре славян и Древней Руси.

Рыбаков Ростислав Борисович (1938 г.р.). Индолог, д.и.н. (1991). Окончил ИВЯ МГУ (1963). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1970), директор ИВ РАН (1994–2009). Специалист по проблемам истории культуры, религии.

Рысаков Алексей Сергеевич. Китаевед, к.филос.н., доцент кафедры философии и политологии Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, кафедры стран и языков Востока Русской христианской гуманитарной академии. Интересы: неоконфуцианская философия, история конфуцианства, духовные и ритуальные практики традиционного Китая.

Салтыков Геннадий Фёдорович (1939–1989). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил психологический факультет МГУ (1966). Сотрудник ИМРД (1969–1977), ИДВ РАН (1977–1989).

Самойлов Николай Анатольевич (1955 г.р.) Китаевед, д.и.н. (2013). Окончил востфак ЛГУ (1977). Преподаватель ЛГУ/СПбГУ с 1980 г. Стажировался и работал в университетах КНР, Германии, США, Финляндии, Японии.

Сань цзы цзин 三字經 – «Троесловный канон»/«Троесловие», приписываемое Ван Ин-линю (1223–1296) и созданное в форме классического канона. Традиционная китайская «Краткая детская энциклопедия». С него начиналось обучение в школе, дети его учили наизусть.

Свистунова Наталия Павловна (1930 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1962). Окончила истфак МГУ (1953). Стажировалась в Пекине (1957–1960, 1987–1989). Сотрудник Института китаеведения (1957–1960), ИВ АН СССР (с 1960). Научные интересы: история Китая в эпоху Мин. Переводчик «Законов Великой династии Мин». Супруга С.Р. Кучеры.

Святин, митрополит Виктор (в миру – Леонид Викторович; 1893–1966). Епископ Русской православной церкви. В 1933–1955 гг. – начальник 20-й Пекинской духовной миссии, архиепископ Пекинский. Митрополит Краснодарский и Кубанский (1956–1966).

Семенас Алла Леоновна (1937–2007). Китаевед, языковед, д.филол.н. (1993). Окончила Пекинский университет (1961). Научный сотрудник ИВ РАН (1961–2005). Супруга В.Г. Бурова.

Сенин Николай Герасимович (1918–2001). Китаевед, д.филос.н. (1964). Сотрудник МИДа. Сотрудник ИФ АН СССР/РАН (с 1951). Изучал историю китайской общественно-политической и философской мысли XIX–XX вв., автор многочисленных работ.

Сергеев Артём Фёдорович (1921–2008). Генерал-майор артиллерии. Один из основателей зенитно-ракетных войск СССР, приёмный сын И.В. Сталина.

Серебряков Евгений Александрович (1928–2013). Китаевед, д.филол.н. Профессор ЛГУ/СПбГУ (с 1951). Завкафедрой китайской филологии (1960–1997). Исследователь и переводчик классической китайской поэзии.

Серова Светлана Андреевна (1933 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1990). Окончила МГИМО МИД СССР (1957). Стажировалась в Пекине. Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ РАН (с 1961). Специалист по истории и культуре Китая, традиционному китайскому театру.

Си Цзинь-пин 习近平 (1953 г.р.). Государственный и политический деятель. Председатель КНР (с 2013). Генсек ЦК КПК (с 2012). Председатель Центрального военного совета КПК (с 2012) и КНР (с 2013).

Сидихменов Василий Яковлевич (1912–1996). Китаевед, к.э.н. (1961). Окончил востфак ДВГУ (1935). Преподаватель ДВГУ (1938–1940), ВИИЯ (1950–1953).Сотрудник ЦК КПСС (1956–1965). Сотрудник ИЭМСС

(1966–1967), ИДВ АН СССР/РАН (1967–1996).

Симоновская Лариса Васильевна (1902–1972, Харбин). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1967). Окончила Харьковский университет (1928). Преподаватель ЛВИ, ДВГУ, Харьковского ГУ (1936–1944), истфака (с 1944) и ИВЯ при МГУ (1956–1972), заведовала кафедрой истории Китая.

Синецкая Эльвира Андреевна (1939 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1993). Окончила экономический факультет МГУ (1964). Училась в Народном университете КНР (1959–1960). Сотрудник ВИНИТИ (1964–1967), ИДВ АН СССР (1967–1973), ИВ АН СССР/РАН (с 1974). Уч. секретарь Отдела Китая ИВ РАН (с 2011). Изучает историю Нового и Новейшего времени, гендерные проблемы.

Синологическая библиотека – Отдел библиотечно-библиографического обслуживания при ИДВ РАН. Имеет 200-тысячный специализированный фонд книг и документов. Основу составляют книги на китайском языке и книги о Китае на русском и западных языках, переданные из ИВ РАН, Фундаментальной библиотеки общественных наук, библиотек Русской духовной миссии в Пекине и Генконсульства в Харбине.

Синьхайская революция 辛亥革命. Началась 10 октября 1911 г. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 г. Китайской Республики.

Скалапино Роберт (*Robert Anthony Scalapino,* 1919–2011). Профессор политологии, основатель и первый директор института Восточноазиатских исследований Калифорнийского университета.

Скачков Пётр Емельянович (1892–1964). Китаевед, к.э.н. (1935, без защиты). Окончил ЛИЖВЯ (1925), работал в Китае (1925–1928). Преподаватель ЛВИ (с 1929). Сотрудник ИВ АН СССР (1930–1964). Составитель известной Библиографии Китая (см. Библиография Китая. М., 1960).

Славински Роман (*Roman Sławiński*). Польский синолог, профессор Варшавского университета. Сфера интересов – новая и новейшая история Китая. Родился примерно в начале 1930-х гг. На пенсии (по сообщению С. Кучеры).

Сладковский Михаил Иосифович (1906–1985). Китаевед, д.э.н. (1958). Членкор АН СССР (1972). Окончил востфак ДВГУ (1930). Директор ИДВ АН СССР (1967–1985). Исследовал историю экономических отношений в Китае.

Смирнов Дмитрий Анатольевич (1952 г.р.). Китаевед-историк. К.и.н. (1985). Окончил ИСАА при МГУ (1975). Сотрудник ИДВ РАН (с 1975). Сфера исследований: идейно-политические основы модернизации Китая и внутренняя политика КНР.

Смиртюков Михаил Сергеевич (1909–2004). Государственный и партийный деятель, член ВКП(б) с 1940 г., член ЦК КПСС (1981–1990), депутат Верховного Совета СССР (1966–1989), Герой Социалистического Труда (1979). Окончил факультет советского права МГУ (1931). Помощник уполномоченного ГКО по снабжению Красной Армии А.И. Микояна (с 1941). Управляющий делами Совета Министров СССР (с 1964), с 1989 г. на пенсии.

Смолин Георгий Яковлевич (1930–2011). Китаевед, д.и.н. (1971), профессор (1976). Окончил востфак ЛГУ (1953). Работал в Библиотеке АН СССР (1953–1962). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1962). Специалист по средневековой истории Китая.

Смыкалов Георгий Феофанович (1877–1955). Китаевед, профессор. Окончил Петербургский университет (1902). Стажировался в Китае (1903–1907). Магистр (1907), профессор (1947). Преподавал китайский язык с 1913 г., в том числе в ЛГУ (1938–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (1938–1955).

Советов-Чэнь И.И. (?–?). Этнический китаец, эмигрант. Преподаватель и переводчик. С юности жил и работал в СССР. Преподавал китайский язык в ряде вузов Москвы. Вместе с группой китаистов переводил четырёхтомник Мао Цзэ-дуна, участвовал в создании четырёхтомного Большого китайско-русского словаря (1983–1984). Соавтор известного учебника: Исаенко Б., Коротков Н., Советов-Чэнь И. Учебник китайского языка. М., 1954. 540 с.

Соколов Василий Васильевич (1919 г.р.). Философ, д.филос.н. (1962), специалист по истории зарубежной философии. Заслуженный профессор МГУ (1994). Действительный член (академик) РАЕН.

Солнцев Вадим Михайлович (1928–2000). Китаевед. Окончил МИВ (1949). Д.филол.н. (1970), профессор (1971). Членкор АН СССР (1984). Сотрудник (с 1958), замдиректора ИВ АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания (1987–2000).

Солнцева Нина Васильевна (1926–2014). Китаевед, д.филол.н.(1985). Окончила МИВ (1949). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1954), ИЯ РАН (с 2000).

Соловьёв Эрих Юрьевич (1934 г.р.). Д.филос.н. (1991), профессор. Сотрудник Института философии РАН (с 1970). Академик Российской Академии гуманитарных исследований.

Сорокин Владислав Фёдорович (1927–2015). Китаевед, д.филол.н. (1979). Окончил МИВ (1950). Преподаватель МИВ, истфака МГУ, МГИМО МИД СССР, редактор Совинформбюро (1950–1957). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), Института народов Азии (1961–1967), ИДВ АН СССР (с 1967). Вице-президент Европейской ассоциации китаеведения (1980–1986). Сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, 1958–1960).

Софронов Михаил Викторович (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.филол.н. (1970), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1957–1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1970). Занимался дешифровкой и реконструкцией тангутского языка («Грамматика тангутского языка», кн. 1–2, 1968).

Спенсер, Герберт (*Herbert Spencer*, 1820–1903). Английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма.

Спешнев Николай Алексеевич (1931–2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.филол.н. (1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ с 1957. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин.

Спирин Владимир Семёнович (1929–2002). Китаевед, к.филос.н. (1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1952). Специалист по методологии исследований (структурным подходам) древнекитайской философии.

Стабурова Елена Юрьевна (1948 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1993), профессор (1995). Окончила востфак ЛГУ (1972). Преподаватель Латвийского госуниверситета (1978), Рижского университета им. Страдыня. Директор института Конфуция. Перевёла на латышский язык книгу высказываний Конфуция *Лунь Юй*. Автор 6 монографий. Специалист по новой и новейшей истории Китая.

Ставиский Борис Яковлевич (1926–2006). Специалист в сфере иранистики, археологии, истории культуры и искусства народов Средней Азии, д.и.н., действ. член РАЕН, профессор.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1953 г. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности.

Старостин Георгий Сергеевич (1976 г.р.). Китаевед-лингвист, к.филол.н. (2000). Завкафедрой истории и филологии Дальнего Востока РГГУ. Сын лингвиста С.А.

Старостина (1953–2005). Продолжает научные проекты отца.

Степанова Галина Алексеевна (1933 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончила экон. факультет МГУ (1957). Стажёр ИВЯ при МГУ (1957–1958). Сотрудник ИДВ РАН (1971–1984, с 1986), ИНИОН (1984–1986). Дочь А.П. Рогачёва.

Степугина Татьяна Васильевна (1923 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1956). Окончила истфак МГУ (1948). Сотрудник Института истории (1951–1952), ИВ АН СССР (с 1953). Специалист по истории древнего Китая.

Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911). Государственный деятель Российской империи. Премьер-министр, министр внутренних дел (1906–1911). Реформатор, инициатор «столыпинских реформ». Погиб в результате покушения в Киеве.

Сторожук Александр Георгиевич (1970 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (2006), профессор. Окончил востфак СПбГУ (1993). Преподаватель (с 1993), завкафедрой китайской филологии восточного факультета СПбГУ.

Струве Василий Васильевич (1889–1965). Востоковед, египтолог и ассиролог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916–1934). Заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914–1933). Директор, завотделом Древнего Востока ИВ АН СССР (1958–1965).

Струмилин Станислав Густавович (1877–1974). Советский экономист и статистик, академик АН СССР (1931). Заместитель председателя Госплана СССР, член Президиума (1921–1937). Член Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР (1943–1951).

Стужина Эмилия Павловна (1931–1974). Китаевед, к.и.н. (1962), доцент (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время.

Стулова Эльвира Степановна (1934–1993). Китаевед, к.филол.н. (1975), литературовед. Окончила факультет кит. языка и литературы Пекинского университета и востфак ЛГУ (1961). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1961).

Сунь Ят-сен 孫逸仙 (1866–1925), *Сунь Вэнь* 孙文 (литературный псевдоним), *Сунь Чжун-шань* (孫中山, имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь республиканской Синьхайской революции 1911 г., 1-й президент Китайской Республики. Автор учения о «трёх народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 г. удостоен титула «отца нации».

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982). Советский партийный деятель. Член ПБ ЦК КПСС (1955–1982), отвечал за идеологию. В 1964 г. – активный участник смещения Н.С. Хрущёва. Инициатор гонений на интеллигенцию после хрущёвской «оттепели». Имел репутацию «консерватора» и «догматика». С его именем связаны изгнание из СССР А.И. Солженицына, ссылка А.Д. Сахарова. В 1979 г. был в числе лиц, принявших решение о вводе советских войск в Афганистан.

Сухарчук Григорий Дмитриевич (1927–2006). Китаевед, д.и.н. (1982), профессор (1984). Окончил МИВ (1950). Сотрудник Института китаеведения (1956–1961), ИВ РАН (1955–1956, 1970–2000), ИЭМСС (1964–1965), ИДВ РАН (1966–1970 и с 2000).

Сыма Гуан 司馬光 (1019–1086). Историк, философ, государственный деятель. Реформатор земельных отношений в Китае.

Сыма Цянь 司馬遷 (145–86 гг. до н.э.). Великий историк, мыслитель, «отец китайской истории», создатель выдающегося памятника китайской историографии *Ши цзи* («Исторические записки»). В 2010 г. завершён полный перевод на русский язык труда Сыма Цяня. См.: Исторические записки / пер. с китайского с комментариями. Т. 1–9. М., 1972–2010.

Сюй Бэй-хун 徐悲鸿 (1895–1953). Знаменитый художник. Учился в Шанхае и в Париже (с 1919), посетил ряд стран Европы. Директор Центральной Академии Художеств в Пекине и председатель Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства (1949–1953). В 1934 г. посетил СССР. Один из создателей нового стиля в китайском искусстве XX в., соединившего национальные художественные традиции с достижениями европейской реалистичной живописи.

Сюн Ши-ли 熊十力 (1885–1968). Китайский учёный, видный представитель течения «нового конфуцианства».

Сян Чжун-фа 向忠发 (1880–1931). Китайский коммунист, лидер рабочего движения Китая в 1920-х гг. Генсек ЦК КПК (1928–1931). Казнён гоминьдановцами в 1931 г.

Тань Ао-шуан 譚傲霜 (1931 г.р., м.р. Шанхай). Китаевед. д.филол.н. (1995), профессор (2000). Окончила филфак Пекинского университета (1954). Почётный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1966).

Тимофеев Тимур Тимофеевич (1928–2013). Историк, экономист, политолог. Д.и.н. (1965), членкор АН СССР (1966). Окончил истфак МГУ (1950).

Титаренко Михаил Леонтьевич (1934 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011).

Тихвинский Сергей Леонидович (1918 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961–1963). См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 350–366.

Тихонов Дмитрий Иванович (1906–1987). Востоковед, д.и.н. (1968). Окончил ЛВИ (1936). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936–1961), Института этнографии АН СССР (1961–1976). Специалист по истории уйгур в средние века и новое время.

Тойнби, Арнольд Джозеф (*Arnold Joseph Toynbee,* 1889–1975). Английский историк и социолог. Автор идеи о круговороте сменяющихся локальных цивилизаций, движущей силой развития которых служит творческая элита. Доказывал необходимость возродить гармонию между человеком и природой.

Токви́ль, Алексиис-Шарль-Анри Клерель де (*Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville*, 1805–1859). Французский политик, министр иностранных дел Франции (1849).

Торопцев Сергей Аркадьевич (1940 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил ИВЯ при МГУ (1963). Стажёр Пекинского университета (1962–1963). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967). Заслуженный деятель науки РФ (2002). Член Союза кинематографистов России (с 1983).

Трапезников Сергей Павлович (1912–1984). Советский партийный деятель и историк, д.и.н. (1957), профессор (1960), членкор АН СССР (1976). Член ЦК КПСС (1966–1984), завотделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС (1965–1983).

Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937). Публицист, драматург, поэт-футурист. Окончил юрфак МГУ (1915). Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. Жил и работал во Владивостоке, Пекине, Харбине, Чите. Автор агитационных стихов и пьес. Наиболее известна пьеса «Рычи, Китай!» (1925) о борьбе китайских портовых рабочих против американских колонизаторов, которая была поставлена в театре В.Э. Мейерхольда (1926) и во Франкфурте-на-Майне (1929). Издал сборник

публицистических рассказов «Чжун-го» (1927) и роман «Дэн Ши-хуа» (1930), снабжённый подзаголовком «био-интервью». Арестован и расстрелян в 1937 г.

Трифонов Виктор Иванович (1937 г.р.). Китаевед, к.и.н. Окончил МГИМО МИД СССР. Работал в КНР (1961–1964, 1968–1971), США (1971–1974, 1984–1987), Чрезвычайный и Полномочный Посол в Республике Маврикий (1991–1994). Глава представительства на Тайване Московско-Тайбэйской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (1996–2001). Сотрудник ИДВ РАН.

Туччи, Джузе́ппе (*Giuseppe Tucci*, 1894–1984). Итальянский тибетолог, индолог и религиовед, академик Италии.

Тэйлор, Эдуард Бернетт (*Edward Burnett Tylor,* 1832–1917). Английский этнолог и религиовед, исследователь первобытной культуры. Один из создателей эволюционистской школы в истории культуры и в этнологии. Создатель анимистической теории происхождения религии. Профессор Оксфордского университета.

Тюрго, Анн Робер Жак (*Anne Robert Jacques Turgot*, 1727–1781). Французский экономист и государственный деятель.

Усов Виктор Николаевич (1943 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1998). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Окончил ИВЯ при МГУ (1967). Стажёр Пекинского института иностранных языков (1966, 1986). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

Ушинский Константин Дмитриевич (1823–1970). Русский педагог, основоположник научной педагогики в России.

Фалуньгун – по определению российских синологов, новое религиозное движение. По мнению адептов является не религией (нет храмов, богослужения, священников), а системой самосовершенствования, духовной практикой. Возник в КНР в начале 1990-х гг. на основе традиционной китайской гимнастики цигун, в сочетании с элементами буддизма, даосизма и народных верований. Получил распространение вне Китая. Создатель и лидер учения – Ли Хун-чжи. В июне 1999 г. запрещено в КНР как «еретическая» секта. См: http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/zt/zfbps

Фан И-чжи 方以智 (1611–1671). Учёный-энциклопедист. Изучал астрономию, филологию, лингвистику, музыку, медицину и друге науки. Первым в Китае провёл терминологическое различение «философии» и «науки», утверждал единство конфуианства, даосизма и буддизма. В 1634 г. стал одним из активистов «Общества возрождения» (Фу шэ). В 1640 г. получил высшую ученую степень цзинь ши и должность историографа при академии Ханьлинь. Считался идейным предшественником китайских реформаторов XIX в.

Федосеев Пётр Николаевич (1908–1990). Философ, академик АН СССР (1960). Вице-президент АН СССР (1971–1988). Член ЦК КПСС (1961–1989). Директор Института философии АН СССР (1955–1962). Главред журнала «Большевик», «Партийная жизнь».

Фельбер Роланд (*Roland Felber*, род. ок. 2-й пол. 1930-х гг., умер в 2000-х гг.). Немецкий китаевед. Профессор Гумбольдтского университета в Берлине, ГДР/ФРГ (1970–2000). Область интересов: экономика древнего Китая, проблемы современного Китая и Тайваня. Автор многих работ по истории Китая в XIX–XX вв. и истории связей между Китаем и Германией.

Феоктистов Виталий Фёдорович (1930–2005). Китаевед, учёный, дипломат, переводчик. К.филос.н. (1972). Окончил МИВ (1954). Работал в КНР (1954–1958, 1971–1972). Сотрудник ИДВ РАН (1968–2005). Исследователь классической китайской философии.

Фишман Ольга Лазаревна (1919–1986). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1965). Окончила филфак ЛГУ (1941). Преподаватель ЛГУ (1946–1949). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1956–1986). Член Союза писателей СССР.

Фомина Наталья Ивановна (1932–2012). Китаевед, к.и.н. (1973). Окончила истфак МГУ (1955). Сотрудник ИВ РАН (1957–2012). Тема исследований: антицинская борьба на Юго-Востоке Китая в XVII в.

Фролов Борис Алексеевич (1939–2005). Историк, археолог, д.и.н. (1975) Специалист по искусству палеолита. Сотрудник Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Ученик академика А.П. Окладникова.

Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999). Философ, партийный деятель. Академик АН СССР (1987). Член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК КПСС (1989–1990), главред газеты «Правда» (1989–1991). Директор Института Человека РАН (с 1991).

Фрэзер Джеймс Джордж (*Frazer, James George*, 1854–1941). Английский религиовед и этнолог. Специалист по фольклористике и истории религии.

Фэн Ю-лань 馮友蘭 (1895–1990). Китайский философ, историк китайской философии, представитель «нового конфуцианства». Образование получил в Пекинском университете и Колумбийском университете (США). Подвергался гонениям в годы «культурной революции».

Фэн Дин 冯定 (1902–1983). Философ, политик. Окончил УТК им. Сунь Ят-сена в Москве (1927–1930). Замдиректора НИИ марксизма-ленинизма при ЦК КПК (с 1952), профессор Пекинского университета (с 1957). Пострадал в годы «культурной революции». После реабилитации был деканом философского факультета (1976) и проректором Пекинского университета.

Хань Юй 韩愈 (768–824). Философ, историк, поэт и каллиграф времён китайской династии Тан. Ярый противник буддизма и даосизма.

Харнский Константин Андреевич (1884–1938). Китаевед. Окончил Владивостокский Восточный институт (1908–1912). Стажировался в Японии (1912), работал в Китае (1920–1922). Преподавал в ДВГУ (1923–1937). Пал жертвой репрессий. Реабилитирован посмертно (1957).

Холодович Александр Алексеевич (1906–1977). Востоковед, д.филол.н. (1949), профессор (1951). Учёный, переводчик, преподаватель ЛИФЛИ/ЛГУ (с 1930), МГУ (1936–1937). Основатель петербургской типологической школы. Автор трудов по корейскому и японскому языкам.

Холодковская Аделия Владимировна (1928). Китаевед, к.и.н. (1973). Окончила МИВ (1950). Сотрудник Совинформбюро–АПН (1950–1966). Сотрудник ИМРД АН СССР (1966).

Хорьков Виктор Иванович (1922–198?). Китаевед, к.и.н. (1974). Окончил МИВ (1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1958–1963), ИДВ АН СССР (1963–1967), ИМРД АН СССР (с 1967).

Хоу Вай-лу 侯外庐 (1903–1987). Историк китайской философии и общественный деятель. Опубликовал в Пекине в 1956 г. монографию «История ранней просветительской мысли в Китае: XVII в. – 40-е гг. XIX в.», которая в 1963 г. стала 5-м томом изданной под его началом «Общей истории китайской мысли» (*Чжунго сысян тун ши*, 1947–1963). Свою миссию видел в создании китаизированной марксистской концепции китайской истории.

Хохлов Александр Николаевич (1929 г.р., Томск). Китаевед, к.и.н. (1972). Окончил МИВ (1951). Переводчик в КНР (1951–1953). Сотрудник Института китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961). Специалист по истории русско-китайских отношений.

Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971). Партийный и государственный лидер в СССР. Член РКП(б) (1918). 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины (1938), член ПБ ЦК ВКП(б) (1939). 1-й секретарь ЦК КПСС (1953), восстановил регулярность созывов съездов партии и пленумов ЦК. Озвучил на XX съезде КПСС доклад о

культе личности Сталина (1956). Пенсионер (с 1964).

Ху Цзинь-тао 胡錦濤 (1942 г.р.). Партийный и государственный лидер КНР. Председатель КНР (2003–2013), генсек ЦК КПК (2002–2012), председатель Центрального военного совета КНР (2005–2013), председатель Центрального военного совета ЦК КПК (2004–2012). Окончил университет Цинхуа (1964). Представитель т.н. 4-го поколения лидеров КНР (предшественники: Мао Цзэдун, Дэн Сяо-пин, Цзян Цзэ-минь).

Ху Цюй-юань 胡曲園 (1905–1993). Философ-марксист, профессор Фуданьского университета. Участник революционного движения в Китае.

Ху Ши 胡適 (1891–1962). Философ, историк философии, литературовед, социолог, публицист, общественный деятель. Сторонник вестернизации Китая и последовательный противник революционных изменений в стране. В 1949 г. уехал на Тайвань, возглавлял Академию Синика. Кампании против философии Ху Ши и методологических основ его исследований составляли заметную часть интеллектуальной жизни КНР 1950–1960-х гг.

Ху Шэн 胡绳 (1918–2000). Историк, философ-марксист, государственный деятель, президент Академии общественных наук Китая (1985–1998).

Ху Яо-бан 胡耀邦 (1915–1989). Государственный и политический деятель Китая, генсек ЦК КПК (1980–1987) и председатель ЦК КПК (1981–1982).

Хуан Цзун-си 黃宗羲 (1610–1695). Китайский философ, один из крупнейших мыслителей начала эпохи Цин.

Хуан Шу-ин 黃淑英. Китаевед-филолог. В 1960–1990-х гг. преподавала китайский язык в ИСАА при МГУ. Соавтор нескольких известных учебников китайского языка, супруга российского китаеведа М.В. Крюкова.

Хунци (Красное знамя) – политический журнал, орган ЦК компартии Китая. Основан в 1958 г. Издаётся в Пекине.

Хэ Линь 贺麟 (1902–1992). Философ, переводчик, специалист по истории западной философии.

Хюльзеве, А.Ф.П. (*Anthony Francois Paulus Hulsewe*, 1910–1993). Голландский синолог, специалист в области древнекитайского законодательства.

Цандер Фридрих Артурович (1877–1933). Советский учёный и изобретатель, один из пионеров ракетной техники. Являлся одним из создателей первой советской ракеты на жидком топливе «ГИРД–Х».

Цао Цао 曹操 (155–220 гг. до н.э.). Полководец, автор сочинений по военному делу и поэт, 1-й министр династии Хань. Фактический правитель империи Хань в начале III в. н.э. Известен подавлением восстания Жёлтых повязок.

Цзинь Юэ-линь 金岳霖 (1895–1984). Учёный, декан философского факультета Института Цинхуа и Объединённого университета Юго-Запада, директор Института литературы. Декан факультета литературы, профессор философского факультета Пекинского университета (с 1952). С 1955 г. член Отделения философских и общественных наук АН КНР, замдиректора Института философии, член ВАК Госсовета, ПК ЦК Демократической лиги Китая, Всекитайского комитета НПКСК. Член КПК с 1956 г.

Цзоу Жун 鄒容 (1885–1905). Революционер. Автор памфлета «Армия революции» (*Гэмин Цзюнь*, 1903), имевшего наибольшее значение среди пропагандистских изданий, появившихся в Китае накануне Синьхайской революции 1911 г.

Цзэн Го-фань 曾国藩 (1811–1872). Крупный политический и военный деятель Китая, писатель.

Цзян Жун 姜戎 (1946 г.р.). Писатель. Наст. имя — Люй Цзя-минь 吕嘉民. В 1967 г., в годы «культурной революции», уехал во Внутреннюю Монголию для «служения народу». В 1978 г. вернулся в Пекин, стал аспирантом при Академии общественных наук КНР (с 1979). Изучал экономику,

которую позже преподавал в Пекинском университете.

Цзян Цзэ-минь 江泽民 (1926 г.р.). Генсек ЦК КПК (1989–2002). Председатель Военного совета ЦК КПК (1989–2004), председатель Центрального военного совета КНР (1990–2005), Председатель КНР (1993–2003).

Цзян Цин 江青 (1914–1991). Актриса. В 1938 г. стала женой Мао Цзэ-дуна и вошла в правящую элиту в Китае. Играла большую роль в руководстве «культурной революцией». После смерти Мао в 1976 г. причислена к «Банде четырёх». В ходе показательного процесса осуждена за преступления периода «культурной революции» и прочие «ошибки» периода правления Мао.

Цзян Ши-лунь 江石龠 (1927 г.р.). Китайский художник, мастер живописи го-хуа, живущий и работающий в Санкт-Петербурге с 1955 г. Его работы выставлялись во многих городах СССР и России.

Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 (1898–1968). Философ-марксист. Изучал экономическую историю Китая. Считал, что развитие промышленности спасёт страну от вековой отсталости. Издевательства в годы «культурной революции» довели его и супругу до самоубийства в 1968 г.

Цинь Ши-хуанди 秦始皇帝 (*Цинь Ши-хуан*, 259–210 до н.э., правил с 246 г. до н.э.). Первый китайский император, основатель империи Цинь – первого централизованного государства в Китае (221–207 до н.э.).

Циперович Изольда Эмильевна (1918–2000). Китаевед, к.филол.н. (1969), сотрудник библиотеки ЛО ИВ РАН (филиал БАН) (1967–1998).

Цыси 慈禧 (1835–1908). Вдовствующая императрица маньчжурской династии Цин (1644–1911). Фактически правила Китаем в 1861–1908 гг., в периоды правления двух императоров – Цзай Чуня (Тун-чжи) и Цзай Тяня (Гуан-сюя).

Цюй Цю-бо 瞿秋白 (1899–1935). Революционер, член КПК с 1922 г. Член Политбюро ЦК КПК (1927–1931). Член Президиума ИККИ (1928–1930). Член китайского Советского правительства (1931–1934). Арестован и казнён гоминьдановцами в 1935 г.

Чайлд, Вир Гордон (*Vere Gordon Childe*, 1892–1957). Британско-австралийский историк-марксист, один из ведущих археологов XX в., член Британской академии с 1940 г., автор понятий «неолитическая революция» и «урбанистическая революция», основоположник антропологического неоэволюционизма.

Чан Кай-ши 蔣介石 (1887–1975). Второе имя: *Цзян Чжун-чжэн* 蔣中正. Политический и военный лидер Китая в XX в. Соратник Сунь Ят-сена. С 1924 г. – начальник военной школы Вампу (близ г. Гуанчжоу на оз. Хуанпу). С 1925 г. вошёл в руководство Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948–1975). Умер и похоронен на Тайване.

Чапаев Василий Иванович (1887–1919). Военачальник, начдив Красной Армии. Погиб на Урале в годы Гражданской войны. Участник Первой мировой войны, кавалер трёх георгиевских крестов и одной медали. Кавалер ордена Красного Знамени.

Червоненко Степан Васильевич (1915–2003). Партийный деятель, дипломат. К.филос.н. (1949). Сотрудник ЦК КП Украины (1949–1959). Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР (1959–1965), в Чехословакии (1965–1973), во Франции (1973–1982). Завотделом ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу (1982–1988), советник МИД СССР/РФ (1989–1993).

Чернецов Валерий Николаевич (1905–1970). Этнограф и археолог, угровед.

Чжан Гуан-чжи 張光直 (1931–2001). Учёный, доктор антропологии (Гарвардский университет). Окончил факультет археологии и антропологии Тайваньского государственного университета. Преподавал в Йельском и Гарвардском университетах. Вице-президент Академии Синика на Тайване (1994–1996).

Чжан Дун-сунь 张东荪 (1886–1973). Учёный, ученик Лян Ци-чао. В 1925–1930-х гг. возглавлял Публичный университет Китая. Один из создателей в 1934–1946 гг. Государственной социалистической партии Китая, занимавшей важное место в Демократической лиге Китая. В годы Второй мировой войны арестован японцами в Пекине. После образования КНР – член Центрального народного правительства.

Чжан Жун 张戎 (1952 г.р.) – также Юн Чжан (англ. *Jung Chang*). Британская писательница и историк китайского происхождения.

Чжан Цзай 张载 (1020–1077). Философ, один из основоположников неоконфуцианской школы *ли сюэ* (учение о принципе). Также известен под именами Чжан Цзы-хоу, Чжан Хэн-цзюй и Чжан-цзы.

Чжан Цзюнь-май 张君劢 (1887–1968). Философ, один их представителей «нового конфуцианства».

Чжаньго 戰國 (Борющиеся царства) – период в истории древнего Китая (403–221 гг. до н. э.). Характеризовался обострением борьбы за господство в стране между крупнейшими царствами (Цинь, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Чу). Время быстрого экономического, социального и культурного развития страны. Войны между царствами в эпоху Чжаньго закончились образованием первой централизованной империи Цинь (221–207 гг. до н.э.).

Чжао Цзы-ян 赵紫阳 (1919–2005). Партийный и государственный деятель, премьер Госсовета КНР (1980–1987), генсек ЦК КПК (1987–1989). Отстранён от власти после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Чжоу Дунь-и 周敦颐 (1017–1073). Философ и литератор эпохи Сун. Основоположник неоконфуцианства. Главные сочинения – *Тайцзи тушо* («Изъяснение Плана Великого предела») и *Тун Шу* («Книга проникновения»), также известная как *И тун* («Проникновение в Книгу перемен»).

Чжоу ли 周禮 («Чжоуские ритуалы»). Древнее название – *Чжоу гуань* («Чжоуские чиновники»), *Чжоу гуань цзин* («Канон чжоуских чиновников»). Один из памятников, входящих в конфуцианское собрание классической литературы – «Тринадцать канонов» (*Ши сань цзин*). Традиция приписывает его создание Чжоу-гуну, младшему брату У-вана – первого государя династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.)

Чжоу Энь-лай 周恩來 (1898–1976). Партийный и государственный лидер. Член КПК (с 1922), ЦК КПК (1927) и ПБ ЦК КПК (1928). Возглавлял бюро ЦК КПК Центрального советского района (1931–1934). Представлял КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине (1937–1945). Премьер Госсовета КНР (1949–1954), министр иностранных дел КНР (1949–1958). Зампредседателя ЦК КПК (1956–1966 и с 1973). После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) стал второй после Мао Цзэдуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине.

Чжу Дэ 朱德 (1886–1976). Революционер, военачальник, маршал КНР (1955). Член Гоминьдана (с 1912). Член КПК (с 1922). Окончил философский факультет Гёттингенского университета (1924). В СССР недолго учился в КУТВ и на курсах военного дела. С 1926 г. вёл революционную работу в Шанхае. В 1928 г. участвовал в создании 4 корпуса Китайской Красной армии (командир – Чжу Дэ, комиссар – Мао Цзэ-дун). Главком ККА (1930). На III пленуме ЦК КПК избран кандидатом в члены ЦК КПК. Из-за

разногласий с Мао сослан в 1969–1970 гг. в пров. Гуандун. В 1975 г. вновь избран председателем ПК ВСНП.

Чжу Си 朱熹 (1130–1200). Философ, учёный-энциклопедист, литератор, текстолог и комментатор конфуцианских канонических произведений, педагог, главный представитель неоконфуцианства, придавший этому учению универсальную и систематизированную форму, в которой оно обрело статус ортодоксальной идеологии в Китае и ряде сопредельных стран, особенно в Японии и Корее.

Чжу Цянь-чжи 朱谦之 (1899–1972). Философ, историк философии. Автор теории стимулирующего влияния китайской цивилизации на европейскую. После 1949 г. был деканом истфака и философского факультета, ректором Института литературы, завкафедрой истории Университета им. Сунь Ят-сена. Профессор Пекинского университета (с 1952). Научный сотрудник Института изучения религий Академии наук Китая (1964–1972).

Чжэн Чжэнь-до 郑振铎 (1898–1958). Литератор, учёный, общественный деятель. После 1949 г. занимал ряд высоких постов в ведомствах по делам культуры, в т.ч. был заместителем министра культуры КНР. Член Союза писателей КНР (1952). Погиб в авиакатастрофе 17.10.1958.

Чигринский Михаил Фалькович (1927–1999). Китаевед, к.и.н. (1993). Окончил истфак ЛГУ (1951). Специалист по этнической истории Тайваня и истории российского китаеведения.

Чудодеев Юрий Владимирович (1931 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил истфак МГУ (1954). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Сотрудник ИВ АН СССР (с 1962). Стажёр Пекинского университета (1964) и Университета Фудань (Шанхай, 1985–1986). См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 367–419.

Чэнь Бо-да 陳伯達 (1904–1989). Член КПК (с 1927). Учился в СССР, в УТК им. Сунь Ят-сена (1927–1930). С 1931 г. вёл партийную работу и преподавал в Китае. В 1939 г. стал политсекретарём Мао Цзэ-дуна. Член ЦК КПК (1946). Вице-президент АН КНР (1949). Кандидат в члены ПБ ЦК КПК (1956). Активист «культурной революции». В 1970 г. стал мишенью «критики Чэнь Бо-да» («лжемарксист, карьерист, твердолобый последователь Линь Бяо»), арестован в 1971 г. На суде по делу «банды четырёх» (1980) приговорён к 18 годам тюрьмы. В 1988 г. освобождён по состоянию здоровья.

Чэнь Ван-дао 陈望道 (1890–1977). Один из первых пропагандистов марксизма в Китае. Первым в Китае перевёл (с японского языка) «Манифест Коммунистической партии». Основные научные труды по эстетике, буддийской логике, стилистике китайского языка. Ректор Фуданьского университета, главред энциклопедического словаря «Цыхай».

Чэнь Ду-сю 陳獨秀 (1879–1942). Революционер, один из лидеров «движения 4 мая» 1919 г. Основатель и 1-й генсек КПК (1921–1927). Исключён из КПК в 1929 г. Лидер китайских троцкистов (1929–1932).

Чэнь Шуй-бянь 陳水扁 (1950 г.р.). Политический деятель, юрист. Один из основателей первой на Тайване политической партии ДПП (1986). Сторонник независимости Тайваня. Президент Китайской республики (2000–2008). Осуждён и приговорён к пожизненному заключению за коррупцию в 2008 г.

Чэнь Юнь 陳雲 (1905–1995). Партийный и государственный деятель. Член КПК (с 1925). Участник «Великого похода» китайской Красной армии. В 1935 г. прибыл на учёбу в СССР, где в 1936 г. опубликовал свои заметки о «Великом походе». Член ЦК КПК 6–12 созывов и ПБ КПК 6–8 созывов.

Шааб-Ханке, Доротея (Dorothee Schaab-Hanke, 1962 г.р.). Немецкий синолог, ис-

следовательница «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня.

Шабалин Вадим Иванович (1931 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1976). Окончил экономический факультет МГУ (1954). Стажёр Пекинского и Народного университетов КНР (1957–1959). Сотрудник посольства СССР в КНР (1961–1967), ЦК КПСС (1967–1985, 1987–1990), ИДВ РАН. Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке.

Шаванн, Эдуар (*Édouard Chavannes*, 1865–1918). Французский синолог, историк, лингвист, археолог. Профессор Коллеж де Франс (1893). Членкор Петербургской АН (1913). Действительный член Королевского Азиатского общества в Лондоне (1916). Первый переводчик «Исторических записок» Сыма Цяня на французский язык.

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (1928–2014). Политик, государственный деятель. 1-й секретарь ЦК КП Грузии (1972–1985). Министр иностранных дел СССР (1985–1990). Член ПБ ЦК КПСС (1985–1990). Президент Грузии (1995–2003). Ближайший соратник М.С. Горбачёва.

Ши цзи 史記 (Исторические записки, Записки историографа, Записки историка). Сочинение историографа Сыма Цяня (II–I вв. до н.э.), первое в Китае историко-биографическое произведение. Состоит из 130 глав и 526500 иероглифов. Охватывает период от мифической древности – эпохи легендарного Хуан-ди (примерно с III тыс. до н.э.) до ханьского У-ди (140–87 гг. до н.э.), представляет собой описание исторических и псевдоисторических случаев, событий и реалий в области политики, экономики и культуры.

Ши цзин 詩經 («Книга песен»). Один из древнейших памятников китайской литературы, входит в состав конфуцианского «Пятикнижия».

Штейн Виктор Морицевич (1890–1964). Китаевед, экономист, историк, юрист, д.э.н. (1936), профессор (1945). Финансовый советник Национального правительства в Китае (1926–1927). Преподаватель ЛВИ, ЛГУ и др. (1917–1947). Сотрудник ИВ АН СССР (1935–1949, 1955–1964). Репрессирован, был в заключении (1950–1955). Реабилитирован и восстановлен в партии. Возглавлял Дальневосточный кабинет в ЛО ИВ АН (1956–1962).

Шу цзин 書經 («Книга преданий/документов»), также именуется *Шан шу*. Эпическое сочинение, излагающее легенды об образовании китайского народа и его древней истории. Один из классических канонов Пятикнижия, редактирование которого приписывают Конфуцию. Исторически охватывает период примерно с XXIV по VIII в. до н.э. Содержит 58 глав, 33 признаны аутентичными документами VI в. до н.э.

Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1938). Востоковед, китаевед. Историк, филолог, переводчик, литературовед. Д.филол.н. (1937), профессор (1935). Сотрудник Государственного Эрмитажа (1936–1937), Азиатского музея ЛО ИВ АН СССР (1920–1937). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Эберхард, Вольфрам (*Eberhard Wolfram*, 1909–1989). Американский синолог, профессор социологии (1952). Окончил школу восточных языков в Берлине (1929) и Берлинский университет (1931). Преподавал в Пекинском университете (1934–1935), Калифорнийском университете (с 1948). Автор многих статей и десятков книг по истории, культуре и этнографии Китая.

Эйдлин Лев Залманович (1910–1985). Китаевед, литературовед. Д.филол.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1944–1957, 1959–1985), Института китаеведения (1957–1959). Член Союза писателей СССР (с 1950). Заслуженный деятель науки РСФСР (1980).

Эрвуэ, Ив (*Yves Hervouet*, 1921–1999). Французский синолог, профессор (1969).

Окончил университет Гренобля (1943). Учился и работал во Франции, Пекине, Гонконге, Ханое, Токио. Защитил диссертацию по Сыма Сян-жу (1964), инициатор международного «Сунского проекта».

Эренбург Георгий Борисович (1902–1967). Китаевед, к.и.н. (1945), доцент (1935). Преподаватель УТК им. Сунь Ят-сена (1927–1932), МИВ, МИФЛИ, истфака и ИВЯ МГУ (1936–1967). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Дед известного китаеведа А.В. Панцова.

Эсс, Ханс ван (*Hans van Ess*). Немецкий синолог, профессор Мюнхенского университета (Ludwig-Maximilians-Universität München). Переводчик и исследователь *Ши цзи*. Издал двухтомное сравнительное исследование труда Сыма Цяня и *Хань шу* Бань Гу.

Юаньмин юань 圓明園. Дворцово-парковый комплекс, резиденция императоров эпохи Цин, построенная в XVIII в. и разрушенная англо-французскими войсками в 1860 г., во время второй «опиумной войны».

Юаньчао биши («Сокровенное сказание монголов» 元朝秘史 – китайский перевод монгольского названия Монголын нууц товчоо; транслит. ISO 9 Monggul nighucha tobchiyan). Древний монгольский литературный и историографический памятник, ценный источник по истории монголов, их государства и его основателя – Чингисхана, а также по истории Центральной Азии XII–XIII вв.

Юдин Павел Фёдорович (1899–1968). Советский философ, дипломат и общественный деятель. Д.филос.н., профессор, академик АН СССР. В 1953–1959 Чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР.

Юркевич Александр Геннадьевич (1952 г.р.). Китаевед. К.и.н. (2000), доцент (2004). Окончил ВИИЯ (1975). Сотрудник ИДВ РАН (1986–2003). Преподаватель РУДН (с 2003), НИИУ ВШЭ (с 2011). Исследует новейшую историю Китая, классическую китайскую философию и культуру.

Юрьев Михаил Филиппович (1918–1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ(1941). Ветеран советско-финской войны (1939–1940) и Великой Отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956–1990). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

Юэ Фэй 岳飛 (1103–1141). Полководец эпохи Южная Сун, прославившийся как патриот Китая. Призывал дать отпор *чжурчжэням* и вернуть китайские земли 還我河山, захваченные иноземцами. Считается воплощением высоких моральных принципов.

Яковлев Александр Григорьевич (1928–2003). Китаевед, д.и.н. (1983), профессор (1983). Окончил МИВ (1950). Сотрудник Института востоковедения (1953–1956), Института китаеведения (1956–1962), ИЭМСС (1964–1966), ИДВ РАН (с 1966).

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005). Публицист, политический и общественный деятель, один из «архитекторов» перестройки. Д.и.н. (1967), профессор (1969), академик РАН (1990). Член ПБ ЦК КПСС (с 1987).

Ян Жун-го 杨荣国 (*Ян Юн-го*, 1907–1978). Философ, один из идеологов кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в период «культурной революции» в Китае.

Ян Хин-шун 杨兴顺 (Ян Син-шунь, 1904–1989). Китаевед, историк философии, д.филос.н. (1967), этнический китаец. Окончил Коммунистический университет преподавателей общественных наук (1933). Преподаватель Китайской ленинской школы (Владивосток, 1933–1939), сотрудник Радиокомитета СССР (1941–1946), Института философии (с 1948).

Ян Шан-кунь 楊尚昆 (1907–1998). Один из лидеров КНР и КПК. Председатель КНР (1988–1993). Первый зампредседателя Военного совета ЦК КПК (с 1989).

Зампредседателя ПК ВСНП (1980–1988) и Центрального военного совета КНР. Окончил УТК им. Сунь Ят-сена в Москве (1926–1930). В СССР носил фамилию Салтыков. В годы «культурной революции» провёл 12 лет в тюрьмах и лагерях.

Янгутов Леонид Евграфович (1950 г.р.). Китаевед. Д.филос.н. (1991), профессор (1997). Окончил философский факультет МГУ (1975). Сотрудник Института общественных наук БФ СО АН СССР/РАН (с 1979). Декан Востфака БГУ (1996–2001). Исследует философию буддизма в Китае, Монголии, Бурятии.

Янь Бэй-мин 嚴北溟 (1907–1990). Учёный, профессор. Известен как автор «Краткой истории философии китайского буддизма» (*Чжун-го фо-цзяо чжэ-сюэ цзянь-ши*, 1985) и соавтор комментированного перевода *Ле-цзы* (*Ле-цзы и-чжу*, 1986).

Янь Юань 颜元 (1635–1704). Философ. Вместе со своим учеником Ли Гу-ном основал философскую школу Янь-Ли.

Ясин Евгений Григорьевич (1934 г.р.). Экономист, общественный деятель, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. Президент Фонда «Либеральная миссия». Министр экономики РФ (1994–1997).

Яхонтов Сергей Евгеньевич (1926 г.р.). Китаевед, к.филол.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае.

SUMMARY

The 2nd volume of the book series "Russian Sinology – Oral History" contains 10 interviews with prominent Russian sinologists: Vladilen G. Burov, Leonid S. Vasiliev, Nadezhda A. Vinogradova, Vilya G. Gelbras, Artem I. Kobzev, Pavel M. Kozhin, Yury L. Krol, Boris M. Novikov, Elvira A. Sinetskaya and Mikhail L. Titarenko. The interviews were recorded in 2011–2015 as part of the unique international project "Sinology – Oral History," which includes 25 countries and territories, such as Russia, Australia, Bangladesh, Belgium, China, Czech Republic, Germany, France, Hong Kong, India, Italy, South Korea, Malaysia, Mongolia, Nepal, Pakistan, Poland, Singapore, Sri Lanka, US, Vietnam, Taiwan, Thailand, Turkey, Japan, etc. The collected interviews are published online, in scientific periodicals and as the book series in India, PRC, Taiwan, Japan and Russia. The Russian language interviews are also broadcast by the "Radio Taiwan International" and 12 of them are printed in the 1st volume.

The interviews deal with detailed records of professional activities and lives of these esteemed sinologists born between the 1920s and the early 1950s: their biographies, educational background, career, research work, reminiscences on their teachers, colleagues and students, their views on China, on the history of the domestic and global Sinology, on Russian-Chinese relations, etc. Taken as a collective evidence, these highly personal records present a broad picture of the socio-political, ideological, economic and personal environment, which affected the studies on China and Chinese language, visits to China and international exchanges, experienced by the Russian sinologists in Soviet and post-Soviet periods. The interviews give a new dimension to the analysis of both common features and specifics of the domestic Sinology at various stages of its evolution, including its dramatic ups and downs. They also allow the researchers save the invaluable achievements of the Russian Sinology, and make them a more attainable part of the global Sinology.

The interviews are collected and edited by a group of scholars from China Department at the Institute of Oriental Studies and from the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science, supported by RHSF Grant № 12-21-10000 "Sinology – the Oral History" (International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)) and by the Research and Educational Center for China Studies and Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University.

Professor Shih Chih-yu from the NTU made a great personal contribution as the initiator and academic partner of this project.

Научно-биографическое издание

Учёные записки Отдела Китая
Выпуск 16

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ – УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв.

Том 2

Ответственный редактор
Валентин Цуньлиевич Головачёв

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Вёрстка *О.Н. Морозовой*
Корректор *М.Я. Колесник*
Художник *Е.Ю. Дриго*

Сдано в набор 01.02.2015.
Подписано к печати 26.08.2015.
Печать офсетная. Бумага офсетная 80 гм^2.
Формат 70x100 $^1/_{16}$. Усл. печ. л. 3.
Тираж 300 экз. Заказ № 143.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо